Федеральное государственное казенное образовательное учреждение
высшего образования
«Омская ордена Почета академия Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

На правах рукописи

Карпов Кирилл Николаевич

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора юридических наук

Научный консультант

Заслуженный юрист

Российской Федерации

доктор юридических наук, профессор

Нечепуренко Алексей Алексеевич

Омск – 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 22

§ 1. Теоретические воззрения на роль социального контроля в решении задач уголовного права 22

§ 2. Понятие социального контроля в уголовно-правовой сфере 43

§ 3. Соотношение механизмов социального контроля и уголовно-правового регулирования 68

§ 4. Социальный контроль в зарубежных системах уголовно-правового регулирования 94

ГЛАВА II. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ 132

§ 1. Содержание уголовно-правовых отношений как формы реализации социального контроля 132

§ 2. Уголовно-правовые статусы лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, как участников уголовно-правовых отношений 158

ГЛАВА III. ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 189

§ 1. Криминализация и пенализация как базовые элементы социального контроля 189

§ 2. Дифференциация мер уголовно-правового воздействия как элемент социального контроля 214

ГЛАВА IV. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА КАК ИНСТРУМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ 254

§ 1. Социальный контроль при реализации отдельных видов наказаний, не связанных с изоляцией осужденного 259

§ 2. Правовое регулирование и реализация условных мер уголовно-правового характера как средств социального контроля 310

§ 3. Конфискация имущества как ресурсный инструмент социального контроля 332

ГЛАВА V. ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ВНЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ 345

§ 1. Контроль за поведением лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость 345

§ 2. Контроль за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы 361
§ 3. Общеправовые последствия совершения преступления как средство социального контроля 399
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 439
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ 443
Приложение № 1. Общеправовые последствия совершения преступления (ограничения), предусмотренные в федеральных законах Российской Федерации 513
Приложение № 2. Криминализация в период с 2012 по 2025 гг. 529
Приложение № 3. Содержание правоограничений и мер контроля за лицами, совершившими преступления 537
Приложение № 4. Результаты анализа решений об изменении содержания мер уголовно-правового характера, связанных с осуществлением контроля за поведением осужденных 541
Приложение № 5. Правоограничения, предусмотренные в рамках условных мер уголовно-правового воздействия 542
Приложение № 6. Соотношение основных элементов контроля при условном осуждении и ограничении свободы 543
Приложение № 7. Результаты изучения материалов учетных дел условно осужденных, находившихся на испытательном сроке 544
Приложение № 8. Практика назначения правоограничений, применяемых при назначении наказания условно 545
Приложение № 9. Соотношение оснований отсрочек или рассрочки отбывания наказания, предусмотренных в УК РФ, и оснований отсрочки исполнения приговора, предусмотренной в ст. 398 УПК РФ 546
Приложение № 10. Основные статистические показатели судимости и практики применения иных мер уголовно-правового характера с 2018 по 2024 гг. 548
Приложение № 11. Результаты анкетирования 549
Приложение № 12. Результаты опроса лиц, осужденных за совершение преступления и находящихся на контроле уголовно-исполнительной инспекции 553
Приложение № 13. Обзор предлагаемых изменений уголовного законодательства и иных федеральных законов Российской Федерации (в форме законопроектов) 555

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Активно развивающийся в современном мире феномен социального контроля имеет различные проявления в системе уголовно-правового регулирования и оказывает существенное влияние на ее формирование. Рассмотрение системы уголовно-правового регулирования как инструмента социального контроля позволяет сформировать полноценное представление об отрасли уголовного права, ее предназначении, содержании и механизме взаимодействия соответствующих структурных элементов, а также их эффективности. Конструкт социального контроля отражает цель нормативной регламентации уголовно-правовых отношений, подчеркивает объективные предпосылки законотворческой и правоприменительной деятельности. В связи с этим общие положения теории социального контроля как совокупности механизмов, использующихся в управлении обществом для поддержания его стабильности и возвращения лиц с антиобщественным поведением к социально приемлемой модели поведения, должны учитываться и применяться при формировании системы уголовно-правового регулирования и особого рода уголовно-правовых отношений.

В теории уголовного права не сформировано представление относительно содержания, элементов и видов уголовно-правовых отношений, состоящих фактически преимущественно в контроле за поведением лиц, совершивших преступление, в том числе и после отбытия ими наказания, а также уголовно-правовых статусов лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, как основы для реализации мер уголовно-правового воздействия.

Остается неразработанным должным образом уголовно-правовой терминологический инструментарий, позволяющий выработать единство в понимании и использовании механизма социального контроля в системе уголовно-правового регулирования. Более того, в области уголовного права социальный контроль не был предметом самостоятельных исследований, представления о нём в современной уголовно-правовой науке фрагментарны и зачастую сводятся к отождествлению его с государственным и (или) общественным контролем за исполнением наказания и мер уголовно-правового характера, а зачастую – к формальным процедурам их реализации. В совокупности указанные факторы приводят к отсутствию достаточного контроля за поведением лиц, совершивших преступление и представляющих реальную угрозу окружающим, а также к невозможности наблюдения за значимыми параметрами их поведения либо невозможности

реагирования необходимым образом на факты противоправного поведения. Несмотря на востребованность социального контроля при решении обозначенных проблем его потенциал в настоящее время используется недостаточно, в связи с тем, что применительно к системе уголовно-правового регулирования он остаётся неизученным. Поэтому эффективность самого управления существенно снижена, о чем с очевидностью свидетельствуют основные показатели преступности (прежде всего рецидивной).

Стремительное развитие цифровых технологий, позволяющих отслеживать различные параметры жизнедеятельности человека, например, его местоположение, социальную активность, финансовые операции и т.д., позволяет создавать специализированные автоматизированные системы сбора, анализа такой информации, а также её использования для решения задач уголовного права. Непосредственная взаимосвязь данных показателей с криминальной активностью лиц, уже совершивших преступление, с очевидностью свидетельствует о насущной необходимости использования государством таких инструментов предупреждения преступности. Без этого не представляется возможным снижение её уровня, сокращение бюрократического аппарата и расходов на реализацию карательных инструментов в сфере уголовной юстиции, а также и минимизация вероятности совершения новых преступлений лицами, ранее привлекавшимися к уголовной ответственности. Игнорирование данных возможностей препятствует снижению уровня преступности и устранению неблагоприятных социальных последствий преступлений.

В то же время на доктринальном и законодательном уровнях до настоящего времени система уголовно-правового регулирования находится в отрыве от концепции социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление. В частности, не разработаны универсальные средства контроля за поведением не только условно осужденных, но и лиц, которым назначено наказание, не связанное с лишением свободы, предоставлена отсрочка отбывания наказания либо в отношении которых применяются условные меры освобождения от уголовной ответственности или наказания, а также требуется дальнейшее внепенитенциарное или постпенитенциарное наблюдение.

Требуют самостоятельного научного анализа с позиции социального контроля происходящие изменения уголовного законодательства в части регламентации новых оснований освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, проходящих военную службу в период мобилизации, в период военного положения или в военное

время. Так, правовой статус лиц, совершивших преступление и пребывающих в распоряжении Министерства обороны, не получил необходимой конкретизации, что порождает проблемы осуществления контроля за лицами, совершившими насильственные преступления либо требующими повышенного внимания в связи с особенностями их медико-психологического состояния, а также проблемы определения условий отмены примененных оснований освобождения от уголовной ответственности или наказания в случае нарушения военнослужащим условий освобождения.

Отдельного научного осмысления с позиции социального контроля требуют общеправовые последствия совершения преступления. Отсутствие системности в вопросах регламентации оснований и условий применения правоограничений, не закрепленных в УК РФ, однако являющихся их прямым юридическим следствием, порождает возникновение проблемных вопросов определения их правовой природы, выстраивания системы критериев их установления либо отмены и соотношения с иными мерами уголовно-правового характера.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости разработки на доктринальном уровне концепции реализации функции социального контроля в рамках системы уголовно-правового регулирования для определения содержания и специфики уголовно-правовых отношений, а также обоснования перспективных подходов совершенствования уголовного законодательства в соответствии с современными задачами уголовной политики и потребностями обеспечения безопасности общества наиболее эффективными и минимально ресурсозатратными средствами.

Степень научной разработанности темы.

Классические работы по уголовному праву и криминологии содержат указания на приоритетность исследования сферы уголовно-правового регулирования как способа социального управления и социального контроля (М.Н. Гернет, А.А. Герцензон, А.А. Жижиленко, А.Ф. Кистяковский, А.А. Пионтковский, С.В. Познышев, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, Л.И. Спиридонов, Н.С. Таганцев, Э. Ферри, И.Я. Фойницкий).

Потребность анализа именно контролирующего характера уголовно-правовых отношений частично находила подтверждение в работах Я.М. Брайнина, Я.И. Гилинского, Ю.В. Голика, Н.И. Загородникова, И.Э. Звечаровского, С.Г. Келиной, И.Я. Козаченко, Г.А. Кригера, Л.Л. Кругликова, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Н.А. Лопашенко,

В.В. Мальцева, Ю.Е. Пудовочкина, В.Г. Смирнова, П.А. Фефелова, В.Д. Филимонова, М.Д. Шаргородского и других авторов.

Отдельные элементы механизма социального контроля (криминализации, пенализации, дифференциации ответственности, содержания уголовно-правовых отношений) также рассматривались в работах М.М. Бабаева, М.В. Бавсуна, В.К. Бакулина, Е.В. Благова, А.В. Бриллиантова, Н.В. Генрих, П.С. Дагеля, Н.Д. Дурманова, В.К. Дуюнова, А.И. Коробеева, Н.М. Кропачева, В.Н. Куфлевой, А.И. Марцева, Т.Ф. Минязевой, А.К. Музеника, А.А. Нечепуренко, Г.П. Новоселова, Н.В. Ольховика, Т.Г. Понятовской, В.С. Прохорова, А.И. Рарога, А.П. Скибы, В.М. Степашина, Н.А. Стручкова, Ф.Р. Сундурова, А.Н. Тарбагаева, В.А. Уткина, О.В. Филимонова, А.Н. Харитонова, А.И. Чучаева, Н.В. Щедрина и других ученых.

Признавая существенный вклад указанных авторов и их работ в становление представлений о системе уголовно-правового регулирования, необходимо отметить, что до настоящего времени не сформирована концепция, предполагающая использование положений теории социального контроля в системе уголовно-правового регулирования как инструмента государственного управления социумом и выстраивания соответствующих уголовно-правовых отношений.

В частности:

– не изучены способы систематизации критериев криминализации и пенализации, а также дифференциации мер уголовно-правового воздействия как базовых элементов, необходимых для функционирования социального контроля в системе уголовно-правового регулирования;

– не определена система и содержание уголовно-правовых статусов лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, как участников уголовно-правовых отношений;

– не разработан механизм унификации мер социального контроля в отношении лиц, совершивших преступление, к которым применяются наказания, не связанные с лишением свободы, либо условные меры уголовно-правового характера;

– не сформирован системный подход к определению правового статуса мер принуждения, не регламентированных в УК РФ, однако применяемых в отношении совершивших преступление лиц и выступающих в роли инструмента социального контроля.

Наличие данных вопросов свидетельствует о недостаточной степени научной разработанности и необходимости доктринального исследования заявленной темы.

Объектом исследования выступили общественные отношения, связанные с реализацией социального контроля в системе уголовно-правового регулирования.

Предмет исследования – правовые нормы, составляющие систему уголовно-правового регулирования, с учетом реализации в них механизма социального контроля, а также практика применения уголовно-правовых норм и назначения мер уголовно-правового воздействия; официальные статистические сведения и результаты обобщения эмпирических данных, полученных в рамках изучения судебной практики; зарубежное законодательство и опубликованные научные исследования по заявленной тематике.

Цель и задачи исследования. Целью работы стала разработка концепции системы уголовно-правового регулирования, базирующейся на механизме социального контроля.

Для достижения указанной цели в ходе исследования были поставлены и решены следующие задачи:

– сформулировано понятие социального контроля, позволяющее рассматривать его как элемент системы реализации уголовной политики государства, а также как непосредственный узкоспециализированный контроль за поведением лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет;

– представлена система теоретических воззрений на роль социального контроля в решении задач уголовного права;

– выявлены особенности правовой регламентации элементов и инструментов социального контроля в системах уголовно-правового регулирования зарубежных стран;

– определено соотношение механизма социального контроля и уголовно-правового регулирования;

– установлены особенности уголовно-правовых отношений как формы реализации социального контроля;

– разработана система уголовно-правовых статусов лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет;

– выделена специфика криминализации и пенализации как элементов социального контроля;

– предложены критерии дифференциации уголовно-правовых средств социального контроля, соответствующие требованиям справедливости, равенства и гуманизма;

– раскрыты особенности конфискации имущества как ресурсного средства (инструмента) социального контроля и предложены пути совершенствования ее правовой регламентации;

– определено содержание социального контроля за поведением лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость;

– показана специфика социального контроля в отношении лиц, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией осужденного;

– обоснована необходимость рассмотрения административного надзора как уголовно-правового средства социального контроля за лицами, совершившими преступление, и предложены пути совершенствования данного института;

– доказан уголовно-правовой характер общеправовых последствий совершения преступления и сформулированы критерии установления данного инструмента социального контроля.

Теоретической основой исследования выступили фундаментальные положения, представленные в научных трудах отечественных и зарубежных авторов в области философии, общей теории права, конституционного, уголовного, уголовно-исполнительного права, уголовного процесса, криминологии. Учитывая многоаспектность феномена социального контроля, теоретическая основа работы также представлена исследованиями в области теории управления, социологии, психологии, педагогики и иных наук.

Научная новизна исследования определяется разработкой и обоснованием авторской концепции механизма социального контроля в системе уголовно-правового регулирования. Сформулированные теоретические положения основывают новый подход к решению научной проблемы регулирования уголовно-правовых отношений между государством и членами общества, в рамках которых отдельные нормы и институты уголовного права выступают в качестве элементов и инструментов социального контроля. Решение данной научной проблемы имеет важное политическое, социально-экономическое, культурное и уголовно-правовое значение.

Новизна работы также состоит в:

– предложенной теоретической модели системы уголовно-правового регулирования, обусловленной механизмом социального контроля в отношении субъектов уголовно-правовых отношений;

– интерпретации элементов и инструментов социального контроля применительно к сфере уголовно-правового регулирования;

– разработанных критериях криминализации, пенализации и дифференциации мер принуждения, основанных на объективной потребности установления контроля за поведением лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, и учитывающих такое поведение в рамках уголовно-правового воздействия;

– систематизации уголовно-правовых статусов лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, как участников уголовно-правовых отношений;

– обобщении способов расширения использования ресурсных средств социального контроля, связанных с имущественными наказаниями и конфискацией имущества;

– теоретическом обосновании и разработке модели правовой регламентации новой меры уголовно-правового характера «контроль за поведением лиц, совершивших преступление», применимой к различным категориям лиц, совершивших преступление (условно осужденным, освобожденным от наказания, а также к лицам, отбывающим наказание, не связанное с лишением свободы, либо отбывшим наказание в виде лишения свободы);

– формировании теоретической и нормативной основы признания в качестве уголовно-правовых последствий совершения преступления мер принуждения, не содержащихся непосредственно в УК РФ, но реализуемых в отношении лиц, совершивших преступление, в период после отбытия наказания (в рамках надзора за лицами в период судимости и общеправовых ограничений), а также критериев использования данных инструментов социального контроля.

Теоретическая значимость исследования определяется разработкой концепции системы уголовно-правового регулирования, формируемой с учетом положений теории социального контроля и механизма её реализации при назначении и исполнении мер уголовно-правового воздействия. Сформулированная авторская теоретическая концепция позволяет по-новому обосновать и усовершенствовать как нормативно-правовую базу, так и правоотношения, возникающие в рамках установления уголовно-правовых запретов, а также непосредственной реализации мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступления. Результаты исследования могут послужить основой для дальнейших исследований общих проблем учения о мерах уголовно-правового воздействия, их назначении, при изучении вопросов криминализации и пенализации, в исследованиях по законодательной технике уголовного нормотворчества.

Практическая значимость исследования состоит в том, что в нем на основе результатов анализа практики применения норм уголовного законодательства выявлены системные проблемы реализации уголовно-правовых отношений в части назначения и исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, а также освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление, и определения их дальнейшего уголовно-правового статуса. Это позволило разработать конкретные предложения по изменению и дополнению УК РФ и смежных нормативных правовых актов, а также сформулировать рекомендации для правильного толкования и применения на практике норм УК РФ, УПК РФ и УИК РФ, регулирующих основания и порядок реализации наказаний и иных мер уголовно-правового характера, предполагающих осуществление контроля за поведением лиц, совершивших преступление, а также основания освобождения от уголовной ответственности, освобождения от отбывания наказания, предоставления отсрочки исполнения наказания.

Также материалы исследования могут найти применение в рамках образовательного процесса, в частности, при разработке учебных программ, учебных пособий и методических рекомендаций, в системе профессиональной подготовки сотрудников МВД России, ФСИН России, ФСБ России, судей, адвокатов и других категорий правоохранительных органов.

Методологию и методы исследования составляют философские, общенаучные и специально-юридические методы познания социальной действительности. Помимо диалектического метода познания социальных явлений, были применены формально-юридический, структурный, конкретно-социологический, статистический, сравнительно-правовой методы научного познания; реализованы методики опроса и анкетирования.

Взаимосвязанное использование методов *индукции, дедукции, логического анализа и синтеза* позволило дать характеристику социальному контролю как многоплановому и многозначному явлению, а также определить специфику использования данного понятия для сферы уголовно-правового регулирования.

Системный метод позволил определить направления использования положений теории социального контроля в системе уголовно-правового регулирования, а также рассмотреть особенности уголовно-правовых отношений как формы реализации социального контроля.

Метод *обобщения* был использован при определении системы уголовно-правовых статусов лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет.

Результатами использования метода *сравнительного* правоведения (компаративистского метода) стали обобщения и предложения относительно возможности использования в отечественном законодательстве уголовно-правовых инструментов социального контроля, предусматриваемых в системах уголовно-правового регулирования зарубежных стран.

Формально-юридический и структурный методы были задействованы при выявлении круга проблемных вопросов правового регулирования и правоприменения инструментов социального контроля, реализуемых в рамках контроля за поведением лиц, отбывающих наказание, а также лиц, к которым были применены условные меры уголовно-правового воздействия.

Метод *моделирования* был использован при формировании модели совершенствования существующей системы уголовно-правового регулирования, учитывающей необходимость корректного использования средств социального контроля за лицами, совершившими преступления.

Благодаря проведенному *контент-анализу* материалов учетных дел лиц, находящихся под надзором уголовно-исполнительных инспекций, удалось установить сходство содержательных компонентов правоограничений и механизма контроля за лицами, которым назначено наказание в виде ограничения свободы, условно осужденными и лицами, находящимися под административным надзором органов внутренних дел.

Использование частнонаучных методов социологических исследований (*анкетирование, интервьюирование, экспертные опросы*) позволило сформировать аргументацию относительно необходимости расширения и конкретизации нормативного регулирования уголовно-правовых средств социального контроля, применяемых в отношении лиц, совершивших преступления.

Благодаря использованию *статистических* методов исследования были получены и интерпретированы эмпирические данные: о динамике изменений уголовного законодательства в части криминализации и пенализации; о назначении и исполнении различных видов наказаний и иных мер уголовно-правового характера; о состоянии рецидивной преступности; о поведении лиц, находящихся под контролем специализированных органов в период условного осуждения, условно-досрочного освобождения и дру-

гих условных мер уголовно-правового воздействия; о характере реагирования на факты нарушения условий освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Положения, выносимые на защиту:

1. Социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования представляет собой одну из важнейших функций государственного управления, выражающуюся в совокупности методов и стратегий, позволяющих формировать уголовно-правовые отношения таким образом, при котором государство: 1) легитимизирует и непосредственно осуществляет наблюдение за соблюдением членами общества требований уголовного законодательства; 2) реагирует на факты преступного (общественно опасного) поведения минимально затратным способом; 3) реализует наблюдение за поведением лиц, нарушивших уголовно-правовые запреты, и устанавливает для них правовые ограничения с целью обеспечения безопасности общества.

2. Социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования проявляется в следующих формах: 1) *фактора* установления и закрепления перечня общественно опасных деяний и способа реагирования на них со стороны государства; 2) *специфических уголовно-правовых отношений*, заключающихся в длящемся наблюдении за соблюдением требований уголовного законодательства и проверке правомерности поведения лица, нарушившего уголовно-правовой запрет; 3) *средства* проверки *эффективности* реализации функций уголовного права.

3. В сфере уголовно-правового регулирования необходимо выделять общий и специальный уровни социального контроля.

Общий реализуется при: а) формировании уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных смежных отраслей законодательства; б) деятельности государственных органов по применению уголовного и смежных с ним отраслей законодательства, а также по проверке соблюдения требований уголовного законодательства; в) экспертизе эффективности применения уголовно-правовых норм.

Специальный реализуется в практике реагирования на факт совершения преступного деяния путем привлечения к уголовной ответственности, а также применения в отношении лиц, совершивших преступление, иных мер уголовно-правового характера (предусмотренных как в уголовном законодательстве, так и в иных федеральных законах) и заключается не только в оказании воздействия в процессе исполнения наказания

или иных мер уголовно-правового характера, но и в контроле за внепенитенциарным и постпенитенциарным поведением лица, нарушившего уголовно-правовой запрет.

4. Механизм социального контроля в системе уголовно-правового регулирования представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих базовых *элементов* – криминализации, пенализации и дифференциации, формирующих систему социальных норм (запретов) и социальных санкций, а также *инструментов* (средств) – предусмотренных уголовным законом и иным отраслевым законодательством средств уголовно-правового реагирования: наказания, иных мер уголовно-правового характера, институтов освобождения от ответственности, общеправовых последствий преступления и т.д., функционирование которых в рамках уголовно-правовых отношений позволяет: установить границы приемлемого и неприемлемого поведения, осуществлять сбор информации о соблюдении членами общества требований уголовного законодательства, анализировать и давать правовую оценку полученной информации, а также реализовывать меры ограничительного, стимулирующего и социализирующего характера в отношении лиц, совершивших преступление.

5. Анализ зарубежного законодательства свидетельствует о том, что в странах, традиционно формирующих общемировые тенденции и тренды в сфере уголовно-правового регулирования (Китай, США, Англия), происходит расширение использования механизмов социального контроля в сфере уголовно-правовых отношений, обусловленное наличием устоявшейся правовой системы, достаточным уровнем технологических и иных ресурсов и стремлением к снижению классических репрессивных мер (изоляции преступника, физических наказаний и пр.). Положительный зарубежный опыт может быть учтён и воспринят отечественным законодателем в части использования в рамках мер уголовно-правового характера средств, аналогичных «электронному мониторингу», применяемому в отношении различных категорий лиц, совершивших преступление, как в случае назначения им наказания, так и при освобождении от его отбывания по различным основаниям.

6. Механизм контролирующего уголовно-правового регулирования требует закрепления и использования в уголовном законе *системы* уголовно-правовых статусов участников уголовно-правовых отношений в качестве основы не только для реализации уголовной ответственности, но и для применения мер правового принуждения контролирующего характера, а также дальнейших общеправовых последствий совершенного преступления. К общим статусам необходимо относить: 1) «лицо, нарушившее уголовно-

правовой запрет»; 2) «лицо, совершившее преступление». К группе частных статусов, предусматривающих применение индивидуализированных уголовно-правовых средств социального контроля, соответствующих вероятности повторного преступного поведения лица, следует относить статусы: «осужденный»; «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям»; «лицо, освобожденное от наказания» и др.

7. Ввиду рассогласованности между предписаниями УК РФ, регламентирующими основания освобождения от уголовной ответственности или наказания, и нормами УПК РФ, устанавливающими основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), возникает состояние неопределенности отдельных уголовно-правовых статусов лиц, совершивших преступления. Данная неопределенность проявляется в невозможности отнести лицо к категории: судимого; лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; осужденного, которому предоставлена отсрочка исполнения наказания, – и применить к ним соответствующие уголовно-правовые последствия негативного либо позитивного постпреступного поведения.

В связи с этим необходимо использование унифицированной системы норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства, устанавливающих единые критерии освобождения от уголовной ответственности и наказания либо предоставления отсрочки исполнения наказания, основанные на юридическом факте совершения преступления и особенностях вынесенного итогового решения.

8. Правовая регламентация и практика применения ресурсных инструментов социального контроля в виде штрафа как вида наказания, а также судебного штрафа и конфискации имущества как иных мер уголовно-правового характера должны быть ориентированы на формирование презумпции экономической невыгодности совершения любого преступления. В связи с этим необходимо закрепление штрафа как основного либо обязательного дополнительного наказания в санкциях всех норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за совершение преступлений, предполагающих корыстную направленность.

Необходимо закрепление в УК РФ возможности применения конфискации имущества, полученного в результате совершения любого преступления, вне зависимости от разновидности имущества и отдельных характеристик совершенного преступления, для чего следует отказаться от закрытого перечня составов преступлений, предусмотренного

п. «а», «д» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ. Основанием изъятия имущества должен выступать факт получения имущественной выгоды (денег, ценностей, имущества) в результате совершения преступления с учётом ограничений, установленных гражданским законодательством, регламентирующим правомерное владение имуществом, а также возмещение вреда, причиненного преступлением. Необходимо установить возможность конфискации транспортного средства, использованного для совершения любого преступления лицом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, а в случае принадлежности транспортного средства иному лицу – возможность конфискации у виновного денежного или имущественного эквивалента стоимости транспортного средства.

9. Действующая система мер уголовно-правового воздействия должна быть дополнена новой самостоятельной мерой уголовно-правового характера – «контроль за поведением лиц, совершивших преступление». Данная мера позволит устанавливать наблюдение за поведением различных категорий лиц, совершивших преступления (*условно осужденных; осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы; освобожденных от наказания; лиц, находящихся под административным надзором*). Фактическими основаниями для её назначения выступают: сохранение общественной опасности данных лиц и необходимость осуществления дальнейшего контроля за их поведением, а также необходимость оказания им помощи со стороны специализированных государственных органов. Содержанием данной меры должна выступать совокупность средств, позволяющих осуществлять сбор информации о поведении лица, совершившего преступление, установление особых требований к его поведению и механизма реагирования на нарушение им режима установленной меры.

10. В целях совершенствования существующей системы осуществления контроля за поведением лиц, совершивших преступление, не находящихся в условии изоляции, необходимо расширение перечня ограничений, устанавливаемых в рамках наказания в виде ограничения свободы, условного осуждения и условно-досрочного освобождения, а также административного надзора органов внутренних дел.

К таковым ограничениям следует отнести:

– запрет приближаться к определенным лицам (потерпевшему от преступления, членам его семьи, свидетелям по уголовному делу и т.д.) и общаться с ними, в том числе с помощью любых видов (средств) связи;

– запрет осуществлять деятельность, связанную с администрированием средств массовой информации либо приравненных к ним изданий (страниц в социальных сетях,

телеграм-каналов и других ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), а также с публичным распространением информации;

– обязанность проходить регулярные проверки психологического состояния (тестирование, собеседование и др.), а также курсы (программы) психокоррекции поведения (при наличии рекомендаций психолога).

11. Реализация контроля за соблюдением осужденными назначенных им обязательств, связанных с ограничением свободы передвижения (не покидать место постоянного проживания в определенное время суток, не находиться в определенных местах и т.д.), предполагает необходимость нормативного закрепления возможности использования мобильных средств связи для отслеживания местонахождения лица и иных параметров его жизнедеятельности в УИК РФ как не противоречащей установленным Конституцией Российской Федерации гарантиям прав граждан. В связи с чем представляются целесообразными разработка и внедрение автоматизированных систем сбора информации об отдельных параметрах поведения подконтрольного с использованием специального программного обеспечения, устанавливаемого на средства мобильной связи, о местоположении лица в режиме реального времени, его социальных контактах, осуществлении трудовой либо предпринимательской деятельности, выполнении финансовых операций и т.д.

12. Правовая регламентация условных мер освобождения от уголовной ответственности либо наказания лиц, принимающих участие в проведении специальной военной операции (ст. 78^1, 80^2 УК РФ), должна базироваться на принципах дифференцированного учета характера совершаемых преступлений, а также невозможности полной отмены контроля за поведением лиц, представляющих опасность для окружающих, даже в случае наступления предусмотренных условий освобождения от наказания (например, лиц, совершивших особо тяжкие насильственные преступления).

В связи с этим условия отмены примененного основания освобождения от ответственности либо наказания должны предусматривать наличие возможности использования судом дискреционных полномочий при решении вопроса об отмене (либо продолжении) условного освобождения в случае совершения лицом нового преступления в зависимости от категории совершенного преступления.

13. Сохранение уголовно-правового статуса судимости в отношении лиц, освобожденных от наказания, связанного с лишением свободы, является обязательным условием осуществления дальнейшего контроля за поведением лиц, совершивших преступление и

представляющих потенциальную опасность дальнейшего противоправного поведения. Исчисление срока погашения судимости для данной категории осужденных должно происходить в общем порядке, исходя из категории совершенного преступления.

Правило об автоматическом погашении судимости в случае освобождения от наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ) должно применяться только при освобождении от наказаний, не связанных с лишением свободы. В случае освобождения от наказания лиц, принимающих участие в специальной военной операции, погашение судимости должно происходить на общих основаниях, предусмотренных в ч. 3 ст. 86 УК РФ, в зависимости от категории совершенного преступления и вида отбытого ранее наказания.

14. В качестве уголовно-правовых инструментов социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление, необходимо признавать общеправовые последствия совершения преступления (общеправовые ограничения), состоящие в установлении лицам, совершившим преступления, запретов на участие в различных видах деятельности (педагогическая деятельность, усыновление, прохождение государственной службы и т.д.).

Возникающие исключительно в качестве правового последствия совершения лицом преступления и преследующие цели обеспечить безопасность общества, данные запреты не содержат единых устоявшихся критериев их допустимости и сроков применения, не имеют четкой систематизации по субъектам, к которым они должны применяться, носят практически неотменяемый характер и не предполагают механизма сокращения сроков запрета либо его отмены. В связи с тем, что именно Уголовный кодекс Российской Федерации является базовым нормативным правовым актом, регламентирующим наступление правовых последствий совершенного преступления, в уголовном законодательстве должны быть закреплены общие условия применения, сроки реализации и основания отмены общеправовых последствий совершенного преступления (общеправовых ограничений).

15. Принятие решения об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям за совершение преступлений небольшой тяжести должно влечь за собой также прекращение (неприменение) общеправовых последствий совершения преступления. Данное правило должно способствовать укреплению ответственного подхода судов к принятию решения об освобождении от уголовной ответственности, а также к использованию чрезвычайных инструментов смягчения (например, положений ч. 6 ст. 15 УК РФ).

16. Система общеправовых ограничений, связанных с прохождением государственной (и иных видов) службы, должна быть распространена не только на службу в органах государственной власти и органах местного самоуправления, но и на занятие руководящих должностей в коммерческих и некоммерческих организациях, фактически реализующих государственные функции. Определение круга данных организаций должно базироваться на легальном определении понятия (прим. 1 к ст. 285 УК РФ).

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются использованием обширной актуальной нормативной базы, теоретических трудов отечественных и зарубежных исследователей, репрезентативной эмпирической базы исследования, включающей:

– результаты анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, ФСИН России, МВД России за период с 2010 по 2024 год;

– опубликованную судебную практику Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, федеральных судов РФ за период с 2000 по 2025 гг. (530 приговоров судов Российской Федерации и постановлений судов о назначении условного осуждения, продлении, изменении, отмене условного осуждения, условно-досрочного освобождения, отсрочки наказания, административного надзора, а также о снятии судимости);

– результаты контент-анализа 324 материалов учетных дел, заведенных на лиц, находящихся под контролем специализированных органов (дела на условно осужденных, условно-досрочно освобожденных, осужденных к ограничению свободы, а также лиц, в отношении которых установлен административный надзор);

– результаты анкетирования 371 респондента (судьи, сотрудники правоохранительных органов, специалисты в области уголовного права и криминологии, учащиеся юридических вузов и иные категории граждан);

– результаты анкетирования 215 условно осужденных и осужденных к ограничению свободы, находящихся на учете в УИИ.

Основные выводы, теоретические положения, практические рекомендации и иные результаты проведенного исследования нашли отражение в 56 работах общим объемом 62,9 п. л., подготовленных лично соискателем или в соавторстве, среди них 2 монографии, 4 учебника, одно учебное пособие, 22 статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образо-

вания Российской Федерации для публикации основных научных результатов диссертационных исследований.

Теоретические и прикладные результаты диссертационного исследования были представлены и обсуждались на более чем 30 научно-практических представительских мероприятиях международного и всероссийского уровня, проведенных в 2010–2025 гг. в Москве, Санкт-Петербурге, Омске, Барнауле, Екатеринбурге, Краснодаре, Красноярске, Рязани и других городах.

Результаты исследования внедрены и используются в научно-исследовательской и образовательной деятельности Омской академии МВД России, Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань), Московской финансово-юридической академии, Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва), Санкт-Петербургского университета МВД России, Восточно-Сибирского института МВД России (г. Иркутск), Дальневосточного филиала Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск). Также полученные в рамках исследования результаты были использованы при подготовке ряда методических разработок, которые внедрены в законотворческую деятельность Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, практическую деятельность Главного управления по организации охраны общественного порядка МВД России, Договорно-правового департамента МВД России, УМВД России по Республике Крым, УМВД России по Омской области, Главного управления Федеральной службы судебных приставов по Омской области.

Структура и объем работы определены объектом, предметом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, включающих тринадцать параграфов, заключения, списка литературы, приложений. Работа выполнена в объеме, установленном Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

В работе используются следующие сокращения (если в тексте не оговорено иное):

ВС РФ – Верховный Суд Российской Федерации;

ИМУПХ – иные меры уголовно-правового характера;

КС РФ – Конституционный Суд Российской Федерации;

МВД РФ – Министерство внутренних дел Российской Федерации;

НПА – нормативный правовой акт;

ОВД – органы внутренних дел;

ОРМ – оперативно-розыскные мероприятия;

ППВС № 19 – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»;

ППВС № 58 – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»;

ППВС № 40 – Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 40 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре»;

СВО – специальная военная операция;

ССП – служба судебных приставов;

СК РФ – Семейный кодекс Российской Федерации;

ТК РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации;

УДО – условно-досрочное освобождение;

УИИ – уголовно-исполнительная инспекция;

УИК РФ – Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации;

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации;

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации;

ФЗ – Федеральный закон;

ФЗ № 64 – Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»;

ФСИН РФ – Федеральная служба исполнения наказания Российской Федерации.

ГЛАВА I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

§ 1. Теоретические воззрения на роль социального контроля в решении задач уголовного права[1]

Во все исторические периоды философские воззрения были неразрывно связаны с осмыслением государства и государственного управления, что позволяет показать систему знаний и представлений, касающихся области социального контроля. Вне зависимости от приверженности какой-либо школе либо направлению развития философской мысли управление социумом (государством) подразумевало, кроме прочего, обязательный социальный контроль за поведением его членов. Еще в рамках классической философии Платон одним из условий эффективного функционирования государства считал наличие системы социального контроля[2]. В «Политике» Аристотеля также подчёркивается необходимость законов и обычаев как средств поддержания порядка и стабильности в полисе[3]. Позже сторонники «социального договора» Томас Гоббс, Жан-Жак Руссо[4] сходятся в том, что государство обеспечивает порядок и безопасность именно посредством социального контроля, являющегося результатом добровольного согласия людей, которые отказываются от части своей свободы в обмен на защиту и благополучие. Если марксизм прямо называет социальный контроль инструментом классового господства, то представители либерального направления (Джон Локк, Джон Стюарт Милль) вынуждены лишь соглашаться с необходимостью социального контроля для защиты государством прав и свобод индивида минимально необходимым для предотвращения причинения

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Функция контроля в уголовном праве: постановка проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 4. С. 5-11 ; *Карпов К.Н*. Подходы к пониманию социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2. С. 150-164 ; *Карпов К.Н.* Мнимая неопределенность рецидива преступлений // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3. С. 103-109.

[2] *Платон.* Государство : собр. соч. : в 4 т. Т. 3 / пер. с др.-греч. А.Н. Егунова ; под. общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М., 1994. С. 79-420 ; *Каскенов П.П.* О социальном контроле в работе Платона «Государство» // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2019. Т. 11, № 1. С. 92-97.

[3] *Аристотель*. Политика / пер. с др.-греч. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. М., 2012. С. 393.

[4] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / предисл. и ред. А. Ческиса. М., 1936. 503 с. ; *Руссо Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или принципы политического права : Об общественном договоре. Трактаты / пер. с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. М., 1998. 416 с.

вреда индивидам[1]. Современные же представители постмодернизма, оперируя понятием социального контроля, рассматривают его в различных спецификациях (дисциплинарные практики, паноптизм, биовласть и т.д.), однако в любом случае признают его имманентно присущим власти и проявляющимся посредством дискурсов и практик, которые формируют наше понимание реальности[2]. М. Фуко утверждает, что в рамках государственного управления происходит производство государством «дисциплинарного индивида» посредством применения механизмов власти и социального контроля (коварной мягкости, неявных колкостей, мелких хитростей, рассчитанных методов, техник и т.д.)[3].

Несмотря на широкое признание социального контроля инструментом государственного управления, учитывая столь широкое и разнообразное восприятие социального контроля в сфере философии, в рамках данной части работы мы постараемся рассмотреть его особенности, связанные с проявлением именно в сфере уголовного и смежных с ним отраслей права.

Напрямую обращаясь к вопросам социального контроля как элемента государственного управления, философия оказывает непосредственное влияние на уголовно-правовое регулирование, использующее компоненты формирования запретов, выстраивания системы принуждения, изоляции, исключения и т.д. Более того, по мнению Е.М. Кузнецовой, «изначально социальные науки с самого момента своего зарождения предназначались для использования в качестве инструмента социального контроля»[4]. В этом контексте государственная власть рассматривается как «разновидность власти социальной, осуществляющей социальное управление в государственно организованном обществе, в том числе посредством контрольно-надзорной деятельности»[5].

Д.В. Попов в своих исследованиях указывает на наличие элементов биополитики (в контексте управления жизнью[6]) с самых ранних этапов существования человечества в

---

[1] *Локк Дж.* Два трактата о правлении / пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. М., 2014. 494 с. ; *Милль Дж.С.* О свободе / пер. с англ. Лейпциг, 1861. 254 с. // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: http://www.civisbook.ru/ (дата обращения: 12.07.2023).

[2] *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. С.Ч. Офертаса. М., 2002. 384 с. ; *Фуко М.* Рождение биополитики: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. с фр. А. В. Дьякова. СПб., 2010. 446 с.

[3] *Фуко М.* Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М., 1999. С. 284.

[4] *Кузнецова Е.М.* Социальный контроль: сущность и методы реализации: книга о механизмах социального управления обществом. М., 2014. 206 с.

[5] *Баранов М.Л.* Государственный контроль как вид социального управления: конституционно-правовой аспект // Образование и право. 2013. № 3-4. С. 50-65.

[6] *Попов Д.В.* Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : дис. … д-ра филос. наук. Омск, 2023. 388 с.

Древнем мире и обретение данным явлением планетарного характера как «вечной спутницы человечества». Его неотъемлемым элементом выступал и социальный контроль, как минимум в виде «целенаправленных усилий по контролю над процессами, связанными с жизнью каждого гражданина»[1]. Однако содержание, объем и другие характеристики подобного рода усилий на протяжении всей истории человечества изменялись так же, как и подходы к осмыслению данного явления.

Концептуальное осмысление социального контроля как инструмента государства с позиций утилитаризма, этатизма, либертарианства, позитивизма, постмодернизма и т.д. имеет свои особенности и предполагает возможным использование инструментов подавления, репрессии, ограничения прав, а также ресоциализации и других способов влияния на человеческое поведение в контексте биополитики (в том числе в русле уголовно-правовой политики) на современном этапе существования человечества.

В рамках религиозного средневекового мировоззрения идеи необходимости социального контроля можно проследить и в работах Фомы Аквинского, например, в рамках необходимости исполнения религиозных предписаний, способных привести к достижению главных целей творения (всеобщего блага). Закон призван вынудить избегать зла тех, кто не делает этого по доброй воле, с тем чтобы сохранить мирный покой всех остальных. Так люди с дурными наклонностями сначала по принуждению, потом по привычке научаются делать должное и, возможно, становятся добродетельными, избавляясь от страха. Принудительная сила закона, кроме охранительной функции, по Аквинату, имеет еще и педагогическую. Закон должен исходить из факта несовершенства людей. Он не может заблокировать все пороки, но те, которые растлевают других, может, более того, обязан. Убийство, воровство грозят смертью всему обществу, поэтому важно поддерживать не все, но те добродетели, которые умеют противостоять наиболее опасным порокам[2].

Методы социального управления выступали предметом рассуждений и в произведениях Н. Макиавелли. Так, в работе «Государь» он рассматривает способы, при помощи которых происходит управление государством и удержание власти. Данные средства социального управления, по мнению автора, должны находиться вне рамок морали и сводятся к сочетанию любви и страха перед государем, с основным акцентом именно на

---

[1] *Попов Д.В.* К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28, № 1. С. 84.

[2] *Аквинский Ф.* О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. / под ред. В.И. Рутенбурга и И.П. Медведева. Л., 1990. С. 217-243.

страх, поддерживаемый угрозой наказания, «которой невозможно пренебречь», и иным средствам принуждения[1].

Идеи социального контроля как средства социального управления также получили развитие и в работах Т. Гоббса: в рамках общественного договора добровольное отчуждение естественных прав человека в пользу верховного правителя осуществляется в целях обретения мира и безопасности[2].

Отчасти схожие размышления высказывал и Джон Локк в своей концепции общественного договора. Автор рассматривал наличие органов, способных применять механизм социального контроля (в рамках отчуждения естественных прав человека в пользу общества), отличительной чертой политического или гражданского общества, которое «переносит человека из естественного состояния в государство»[3].

В то же время социальный контроль рассматривался и с противоположной стороны – как способ контроля за государством (И.Г. Фихте) со стороны общественности, частных лиц или специализированных органов (эфорат[4]).

Признаваемый родоначальником собственно термина «социальный контроль» Габриэль Тард считал, что «если общество отбрасывает превосходные элементы, которых оно не умеет использовать, – протестанты при Людовике XIV, «аристократы» в эпоху террора – оно страдает опасной болезнью, подобно диабетику, и по аналогичным, в сущности, причинам. В каком обществе нельзя найти в различной степени этого ослабевания? В идеале, общество должно было бы выбрасывать из своей среды лишь отъявленных негодяев, индивидуумов, абсолютно не поддающихся ни ассимиляции, ни дисциплине»[5].

Последователи идей Г. Тарда Э. Росс и Р. Парк рассматривали в качестве основной функции социального контроля «организацию, интеграцию и направление энергии индивидов, составляющих общество»[6]. Исследуя систему и цели наказания, Х. Харт приходит к выводу, что «наказание является методом социального контроля, ограничивающего максимальный лимит потенциальной индивидуальной свободы в различных сферах в рамках принудительно определяемых правом границ. Главное же воздействие института наказания состоит в определении основных стандартов поведения и фиксации каратель-

---

[1] *Макиавелли Н.* Государь: сочинения. Харьков, 2001. С. 83.

[2] *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М., 2001. 474 с.

[3] *Локк Дж.* Сочинения : в 3 т. Т. 3. / пер. с англ. и лат. ; ред. А. Л. Субботин. М., 1988. 668 с.

[4] *История* политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянц. М., 1998. С. 409.

[5] *Тард Г.* Преступник и толпа. М., 2016. С. 6.

[6] *История* теоретической социологии : в 4 т. Т. 3. М., 1997. С. 120.

ных мер за отклонение от них. Тех мер, которые должны сделать девиацию как можно более отталкивающую, чтобы в итоге человек не оказывался перед проблемой выбора»[1]. Таким образом, основное внимание социального контроля было направлено именно на регулирование деструктивного поведения индивидов и нейтрализацию опасности для окружающих и общества в целом.

Социальный контроль как средство управления анализируется не только в уголовно-правовой, но и в иных сферах жизни общества, где предполагается оказание влияния непосредственно на индивидов (а именно на их волю и поведение, даже не всегда осознанное). Например, Герберт Маракузе рассматривал в качестве одной из форм общественного контроля различные проявления культа потребления. В частности, он отмечал, что «внешне система, в которой мы живем (капитализм), претендует на то, что основан на демократических принципах, но на самом деле она является авторитарной в том, что несколько человек диктуют наши представления о свободе посредством рекламы. Они оставляют нам только один способ быть счастливым – покупать»[2].

Обращали свой исследовательский интерес на тему социального контроля также и отечественные философы и юристы.

Так, П. Сорокин рассматривал наказание (кару) и поощрение как способы оказания влияния на индивида и социального контроля. Интерес представляет и вывод П. Сорокина о взаимосвязи размеров санкций с уровнем развития общества, правдивость которого может быть подтверждена в историческом контексте. Чем ниже ступень развития общества – тем выше интенсивность кары и награды, соответственно, «чем более культурно данное общество и чем более однородна психика и поведение его членов – тем менее жестки кары и менее интенсивны награды»[3].

Ранее исследованная в юридической литературе тенденция смягчения и постепенной замены наказания иными (некарательными) мерами[4] – условным осуждением, пробацией и т.д. – подчеркивает справедливость высказывания Р.Ф. Иеринга: «История

---

[1] *Hart, H.L.A.* Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law. Oxford, 1968. P. 4-5.

[2] *Маракузе Г.* Одномерный человек / пер. А. Юдина, под ред. А. Жаровского. М., 1994. С. 31.

[3] *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда: социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1914. 456 с.

[4] *Нечепуренко А.А.* Неотвратимость наказания как принцип уголовного права. Омск, 1996. 79 с.; *Сабитов Т.Р.* Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 3. С. 261-264.

наказания есть его постепенное вымирание»[1]. На видоизменение содержания и идеологии уголовно-правового воздействия указывается и в современных криминологических исследованиях. Так, М.В. Бавсун считает важным потенциальный переход в наказании от идеи исправления (исправления-предупреждения), прочно укоренившейся в мировой практике, к функции контроля (контроля-исправления)[2], с неизбежным доминированием в дальнейшем именно контроля в уголовном праве как сопутствующего компонента реализации биополитики.

Более того, утверждение Я.И. Гилинского о том, что лучший социальный контроль над преступностью и девиантностью – самоорганизация общества с минимальными контрольными функциями государства[3], является при прагматичном рассмотрении скорее утопичным и приемлемым разве что для общинного строя, не предполагающего массовость, обезличенность (анонимность), социальное и экономическое расслоение и прочие атрибуты современного общества.

Наличие конфликтной ситуации (изначально преступление, впоследствии принуждение преступника) автоматически влечет за собой необходимость использования хотя бы минимальных атрибутов власти и средств государственного аппарата (даже в его частичной форме). В таком случае самоуправление рано или поздно перерастет и превратится в полноценный либо в квазигосударственный аппарат.

Возникший еще в начале XX века в работах Энрико Ферри подход к уголовно-правовому воздействию с позиции «социальной защиты» с течением времени стал представлять собой альтернативу классическому подходу в уголовном праве. Э. Ферри, вводя понятия «юридическая оборона» и «общественная оборона», указывает, что «самый малый прогресс в этой области социальных предупредительных мер в сто раз больше, чем обнародование целого Уголовного кодекса»[4].

В дальнейшем заявленный А. Принсом вектор на изменение карательной (наказательной) политики как единственного средства борьбы с преступностью продолжился в работах М. Анселя. В середине XX века в рамках направления «новой социальной защиты» выдвигается на первое место именно функция по ресоциализации и возвращению

---

[1] *Иеринг Р.* Составляющая вины в римском частном праве // Правоведение. 2023. Т. 67, № 2. С. 216-257.

[2] *Бавсун М.В.* Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 47.

[3] *Гилинский Я.И.* Онтологический трагизм бытия, или размышления маличириста. М., 2023. 192 с.

[4] *Ферри Э.* Уголовная социология. М., 2005. С. 303.

преступника в общество[1]. Даже с учетом радикального отказа от понятий «преступление», «наказание», «вина» и замены их «опасным состоянием личности» и «мерами безопасности» (меры социальной защиты) полной замены не произошло, и перспектив этого не предвидится. Необходимо констатировать, что переход от «обезвреживания преступника к общему предупреждению, затем к исправлению и в конечном итоге к его ресоциализации»[2] постепенно реализуется в сфере уголовного и уголовно-исполнительного права.

Долгая история вопроса постепенного внедрения мер, альтернативных наказанию, расширения способов неприменения наказания с последующим «испытанием» лица, совершившего преступление[3], гуманизации уголовной политики так или иначе реализуется как в отечественной, так и в большинстве зарубежных правовых систем. Подтверждением тому может служить принятие федерального закона «О пробации в Российской Федерации»[4], акцентирующего внимание в основном на социальной помощи осужденным и их ресоциализации.

Централизация власти в части правового регулирования общественных отношений должна носить неизбежный характер, и только она способна нивелировать последствия как амбивалентности, так и неопределённости, безусловно, сохранив при этом результаты как деконструкции, так и, особенно, – реконструкции. При этом М.В. Бавсун отмечает вынужденность такой централизации как способа самосохранения самого государства, противопоставляемого «постмодернистской номинальности государства» (в его традиционном представлении, которое еще пока существует и в целом доминирует), подавлению его функций финансовыми корпорациями, с практически полной и сознательной деградацией всей правоохранительной системы, а также иных институтов власти[5].

Рассматривая всю систему правового регулирования в любом обществе в качестве инструмента управления, а социальный контроль – в качестве естественного элемента данного механизма, большинство философов и социологов признают, что наиболее ради-

---

[1] *Ансель М.* Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). М., 1970. 312 с.

[2] *Южанин В.Е.* О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4. С. 9-15.

[3] *Нечепуренко А.А.* Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования : монография. Омск, 2008. 283 с.

[4] *О пробации* в Российской Федерации : фед. закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] *Бавсун М.В., Салыкова А.К.* «Событие» как эффективное средство деконструкции правового регулирования общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1. С. 10-16.

кальным из способов социального контроля выступают именно запреты, подкрепленные карательной властью государства[1]. В более широком варианте сама по себе юридическая норма уже рассматривается «средством управления общественными процессами»[2]. Такая схема функционирует вне зависимости от исторического периода, формы правления, принадлежности к какой-либо правовой семье и других особенностей функционирования властного аппарата. Однако данный способ упорядочивания в ходе исторического развития постепенно усложнялся, дополнялся и совершенствовался. Так, одним из значимых этапов во многих странах стал переход к системе пробации (испытания). Произошедшие с середины XIX века изменения механизма уголовно-правового регулирования исполнения наказания в виде лишения свободы позволили государству существенно сократить уровень карательного воздействия в отношении лиц, доказывающих свое исправление и не нуждающихся в содержании в условиях строгой изоляции. Это стало возможным благодаря накоплению опыта и выстраиванию механизма нерепрессивного (некарательного) контроля за лицами, совершившими преступление.

Именно увеличение ресурсов государственного управления сделало возможным сокращение объема как физического, так и в дальнейшем психического (стигматизации) исключения лица, совершившего преступление, из социума.

В современных исследованиях отмечается разновекторность социальных процессов государственного управления. Так, прямо констатируется движение общества к тотальному глобальному контролю со стороны государства либо глобальных (региональных) корпораций[3]. В то же время присутствуют заявления о необходимости «подняться над крайностями модернизма и постмодернизма… и перехода от действующей карательной модели уголовной политики к профилактической модели»[4]. Одновременно с этим получают развитие и инструменты «примирительного» правосудия, предполагающие наличие договорных способов урегулирования уголовно-правовых конфликтов[5]. Однако и в этом случае сохраняется потребность использования средств социального контроля со

---

[1] *Бауман З.* Глобализация: последствия для человека и общества: монография. М., 2004. 188 с.

[2] *Спиридонов Л.И.* Социология уголовного права и криминология // Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. СПб., 2002. С. 241.

[3] *Пугачев В.П.* Глобалистский тоталитаризм – тренд развития цифрового общества // Социальная мысль. 2021. № 4. С. 5-18.

[4] *Дорошков В.В.* Уголовно-правовая политика Российского государства в современную эпоху // Мировой судья. 2024. № 5. С. 7.

[5] *Бибик О.Н.* Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2, № 1. С. 91-98.

стороны государства даже вне зависимости от формы правления и других особенностей конкретного государства[1].

Так, А.Э. Жалинский указывал на необходимость «установления параметров связи «социальный контроль – уголовный закон», а также выступал за необходимость специальных исследований «проблематики социального контроля в связи с реакциями общества, государства и олицетворяющего такую реакцию законодателя на действенность уголовного закона, оценку его законодательной эффективности, перспективы реализации в целях успешной борьбы с преступностью в России»[2].

При этом контроль сводится к нескольким составляющим его компонентам.

Во-первых, это информационная составляющая, предполагающая сбор, накопление и обработку информации о жизнедеятельности человека. Именно сбор и накопление большого массива различных показателей, анализ имеющейся информации и ее адекватная интерпретация позволяют производить какие-либо достоверно эффективные управленческие действия. Еще раз подчеркнем: далеко не всегда законодательные решения (в контексте управления обществом) основываются именно на детальном анализе имеющейся информации об объекте управления. Зачастую решения о введении либо упразднении того или иного запрета (криминализации, декриминализации), увеличении размера наказания, установлении какого-либо правоограничения носят импульсивный характер и основываются на обыденном понимании механизма уголовно-правового регулирования (устрашении, поощрении и т.д.), а также стихийно либо целенаправленно сформировавшейся медийной повестке и других факторах. В качестве примера можно привести случаи декриминализации состава клеветы с последующей повторной криминализацией данного деяния по прошествии 6 месяцев.

Во-вторых, это непосредственно правоограничительная или карательная практика в отношении лиц, проявляющих девиантное поведение. Такие способы формирования правомерного поведения, как устрашение либо непосредственное приведение наказания в исполнение, изоляция лица от общества (в том числе пожизненная), дополняются комплексом некарательных мер по восстановлению имущественного положения потерпевших, ограничению возможности ранее судимым лицам заниматься отдельными видами

---

[1] *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 267 с.

[2] *Жалинский А.Э.* Модели уголовного права: социальный контроль, доверие, принуждение // Право и политика. 2012. № 4. С. 625.

деятельности даже после отбытия наказания и т.д., а также социально-адаптационной помощью осужденным, попавшим в тяжелые жизненные ситуации.

Третья составляющая – манипулятивная – комплекс мероприятий, позволяющих склонить лицо к добровольному социально приемлемому поведению. Уголовное законодательство достаточно активно использует и внедряет различные поощрительные и стимулирующие меры уголовно-правового воздействия в виде условного осуждения, нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности и. т. д.

Так, Р.О. Халфина указывает, что «в сфере управления одна из ключевых проблем – стимулировать на каждом уровне оптимальное для данной ситуации поведение». Учитывая же сложность жизненных ситуаций принятия решения и невозможность ограничения их правомерным или неправомерным поведением, автор говорит о необходимости «создания модели оптимального поведения, в которой бы определялось правовое положение участников, права, обязанности и ответственность за их неисполнение»[1].

В данном случае приемлемость предполагает выгодность не только субъекту контроля (государству), но и контролируемому объекту. Сочетание второго и третьего компонентов в жизнедеятельности, как правило, приводит к наилучшим (максимально эффективным) результатам.

Констатация М. Фуко относительно выгодности для государства наличия подконтрольной среды деликвентов, возникающей в результате конструирования преступности (как следствие определения преступных деяний именно государственным определением), несомненно позволяла по-новому взглянуть на сущность преступности как социального явления, однако не учитывала тот факт, что любое государство вынуждено осуществлять защиту граждан от общественно опасных деяний. При этом государство не имеет никаких легальных средств обеспечения безопасности граждан, кроме правовых (правового регулирования). В противном случае такое противодействие (внеправовое) превращается в террор, тоталитарное порабощение и само становится преступным. К тому же анализ норм уголовного законодательства различных стран показывает схожесть данной сферы уголовно-правовых правоотношений (запретов) вне зависимости от правовой системы (правовой семьи) и других особенностей государства. В любом государстве запрещены убийства, кражи, изнасилования и т.д. Основной же укор государственному контролю в данной сфере делается в части криминализации неочевидных с точки зрения обществен-

[1] *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления : монография. М., 1988. С. 72.

ной опасности деяний (в сфере свободы слова, выражения своей политической либо идеологической позиции и т.д.), а также применения средств уголовно-правового воздействия, необоснованно строго либо чрезмерно длительно ограничивающих преступника в его естественных правах (вплоть до лишения жизни). В то же время накопленный опыт в сфере криминологического прогнозирования указывает на недостаточность использования исключительно карательных средств уголовно-правового воздействия и сохранение угрозы продолжения преступной деятельности. И. Кант, выступающий против исправительных, воспитывающих наказаний, настаивал на том, что, даже став преступником, индивид не может быть объектом отеческо-деспотической опеки, не может лишиться права на моральную самостоятельность, выражающуюся в способности к раскаянию, не может являться максимой для всех способов правового воздействия[1]. В таком случае элемент внутреннего раскаяния, искупления за совершенное деяние лишал бы государство права продолжить превентивное воздействие в отношении лица, ранее совершившего преступление, а соответственно, ограничивал основания уголовной политики государства[2].

Однако исходя из результатов современных достижений наук о поведении человека (поведенческая психология, этология[3] и т.д.) раскаяние, осознание своей вины, искупление вины не являются гарантией дальнейшего правомерного поведения, т.к. принципиально о возможности изменения структуры личности можно говорить лишь с большой долей условности[4]. Подтверждением тому служат стабильно высокие показатели рецидивной преступности, составляющие 33-37% только в части юридического рецидива (см. приложение № 10). Так, «раскаяние» лица не препятствует повторению преступного поведения, а искупление, выраженное в перенесенных тяготах и лишениях наказания, скорее, делает его внутренне свободным от дальнейшего морального долга перед потерпевшим от преступления, обществом, государством. Даже раскаявшись, отбыв наказание, претерпев все установленные законом тяготы и лишения, лицо по-прежнему остается опасным для общества (либо объективно, либо субъективно в массовом сознании). Так, выплата штрафа либо исполнение обязательных работ не лишают лицо возможности продолжать совершать новые преступления. Не утрачивает способности совершить

---

[1] *Кант И.* Сочинения. Том V. Часть 1. Метафизика нравов. Первая часть. Метафизические первоначала учения о праве. М., 2013. 1120 с.

[2] *Бытко Ю.И.* Основание уголовной политики // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 2. С. 146-163.

[3] *Сапольски Р.М.* Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки. М., 2022. 766 с. ; *Хайнд Р.* Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии. М., 2024. 856 с.

[4] *Коган В*. Понимая себя: взгляд психотерапевта : монография. М., 2020. 281 с.

убийство, изнасилование, разбойное нападение и лицо, отбывшее наказание в виде лишения свободы. Соответственно, оставление без присмотра такого субъекта недопустимо, как минимум, исходя из осознанности такой угрозы и необходимости реализации функции государства по обеспечению безопасности общества. Именно рационализм, возникающий в массовом сознании на основе накопленного опыта, уже не позволяет просто «оставить в покое» лицо, искупившее свою вину. Этого мало. Необходимо устранение потенциальной опасности, для чего существует целая система государственных органов, в обязанности которых входит контроль за поведением ранее судимых лиц и (или) надзор за такими лицами.

Сформулированная еще И. Бентамом конструкция паноптикона как системы, позволяющей всевидящему оку государства проникать во все сферы жизни человека (заключенного) благодаря особой системе наблюдения[1], продолжает находить подтверждения и проявления в реальной практике государственного управления. М. Фуко, развивая данную мысль, дополняет, что «государству теперь необходимо будет манипулировать, необходимо будет стимулировать… необходимо будет управлять… Такое управление будет иметь целью не только препятствовать естественному ходу вещей, но и делать так, чтобы действовали необходимые естественные регуляции, или также практиковать регулирование, которое допускает естественные регуляции»[2].

Данные концепции ассоциировались и продолжают отождествляться с практиками Оруэловского контроля и надзора в стиле «Большого брата» и представляются как чудовищная машина тоталитарного подавления частного члена общества в угоду всеобщему благу.

Однако современная цифровая интеграция демонстрирует повсеместное внедрение средств контроля как механизмов, позволяющих оберегать интересы отдельного индивида как от преступности, так и от недобросовестного превышения полномочий государства. Сам по себе сбор информации с определением объектов, субъектов данной деятельности не обязательно должен приводить к подавлению.

Постепенно указанные концепции сменяются явлением биополитики, «обусловленной практической потребностью осмыслить, рационализировать, оптимизировать процессы, связанные с жизнедеятельностью населения. Широкий спектр возможностей,

---

[1] *Бентам И.* О судоустройстве. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии / пер. А.А. Книрим. М., 2024. 196 с. ; *Левенсон П.Я.* Иеремия Бентам. Его жизнь и общественная деятельность. СПб., 1893. 12 с.

[2] *Фуко М.* Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. СПб., 2011. С. 455.

заложенный в системе управленчества, ориентированной на население, в свою очередь, порождает набор биополитических стратегий, обладающих собственным содержанием[1]. Таким образом, основной задачей управления признают наиболее целесообразное и эффективное перестроение структуры управляемой системы соответственно изменяющимся условиям[2].

В связи с этим сложно согласиться с концепцией, высказанной А.Л. Кононовым относительно решения вопроса о конституционности использования признака судимости в качестве основания установления уголовно-правовых ограничений в отношении лица, совершившего преступление. «Превращение субъекта в объект принудительного, пусть и этического, попечения противостоит неотъемлемой основе всех его прав – достоинству личности»[3]. Представляется, что указанные инструменты социального контроля ничуть не умаляют достоинства личности (которое сам преступник ранее попрал фактом совершения преступления), они лишь позволяют обеспечить безопасность окружающих (преследуют указанную цель) и отражают объективные требования сформировавшихся общественных отношений.

К тому же инициатором социального контроля выступают зачастую не сами государственные институты, а граждане и организации, осознающие свою незащищенность, уязвимость, пробельность в системе противодействия преступности. Подтверждением тому служат факты общественного резонанса и активности в сети Интернет и средствах массовой информации в случаях совершения преступлений и отсутствия своевременной реакции правоохранительных органов (либо восприятия такой реакции как недостаточной).

Реализация социального контроля как способа правового регулирования напрямую связывается с анализом криминологических концепций «социального отклонения» и конформизма (приспособленчества) (Т. Парсонс[4], С. Коэн[5]). Так, К.Е. Игошев критикует одностороннее рассмотрение социального контроля «лишь как формы обеспечения кон-

---

[1] *Попов Д.В.* Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики. Омск, 2021. 142 с.

[2] *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1973. С. 25.

[3] *Особое* мнение Судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова в рамках Постановления Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1-8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] *Парсонс Т.* О структуре социального действия (1937 г.). М., 2002. 880 с.

[5] *Коэн С.* Представления о социальном контроле: преступление, наказание и классификация. Кембридж, 1985. 325 с.

формного поведения, т.е. такого поведения, когда человек, по образному сравнению американского социолога Э. Фрома, приспосабливается идти с другими в ногу, как солдат или подсобный рабочий у конвейера»[1].

При этом автор предлагает понимать социальный контроль в широком и узком смыслах. Широкий предполагает исторически сложившуюся общественную систему воздействия на субъекта (класс, социальную или иную группу, коллектив, личность), направленную на организацию его деятельности в рамках принятых в обществе правил, норм и социальных ценностей, выражающих общественные интересы. В узком смысле социальный контроль представляет собой регулятивное общественное и государственное воздействие на конкретный тип личности[2].

Если все средства контроля условно разделить на информационные (т.е. связанные со сбором информации о лице, в том числе конфиденциальной), организационные (стимулирование к определенному виду поведения либо усложнение нежелательных форм поведения, запреты на недопустимые поступки), корректирующие (карательные) (непосредственно реализация средств изоляции и подавления), то можно увидеть, как корпоративные и иные инструменты внедряют указанные практики настолько широко, что они не воспринимаются как инструмент подавления государством своих членов общества.

Человек «добровольно» соглашается с правилами и политикой корпораций, осуществляющих сбор данных о частной жизни лица в автоматическом режиме, отслеживание геолокации, поисковых запросов в сети Интернет, интернет-трафика, историй болезни, социальных контактов и т.д. Пользователь услуг вынужден соглашаться на сбор и использование информации о нем и иные способы воздействия на него (например, контекстную таргетированную рекламу) для получения искомого уровня комфорта. Таким образом, нельзя говорить о том, что внедрение указанных средств контроля (особенно за лицами, совершившими преступление) в императивном порядке со стороны государства является проявлением тоталитарного нарушения прав и свобод. Это, скорее, естественный и неизбежный процесс социального управления, требующий деанонимизации в угоду безопасности.

Имеется ли альтернатива? Возможно, однако опасность цифровых средств настолько высока, что использование анонимного интернета интересно только с позиции

---

[1] *Игошев К.И.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 119.

[2] *Там же*. С. 125-126.

совершения преступных деяний (торговля наркотиками, оружием, распространение порнографической продукции, экстремистских либо террористических материалов (информации), организация преступных сообществ и т.д.).

Отказ же от средств социального контроля, наверное, объективно невозможен, так как по сути представляет собой осознанный отказ от предсказуемости, безопасности и управляемости как на уровне отдельного индивида, так и на уровне различных организаций, социальных институтов, государства. Учитывая современное состояние международных отношений и отсутствие единства в политике разных государств, социальный контроль на международном уровне активно внедряется и используется в деятельности корпораций, не только преследующих экономические цели, но и находящихся в сотрудничестве с правительствами ряда стран. Например, транснациональные корпорации Google, Microsoft, Apple и другие официально признают, что «взаимодействуют с правительством США по вопросам безопасности»[1], т.е. осуществляют сбор конфиденциальной информации в глобальном масштабе и предоставляют ее соответствующим государственным органам, а также участвуют в модерации передаваемого трафика, т.е. определении приемлемого и допустимого или нужного и рекомендованного контента, предоставляемого потребителям, и фактически в формировании информационной картины мира. В случае же несоответствия потребностям данной корпорации (и властям определенного государства) ими используются «карательные» механизмы в виде возложения санкций, запрета сотрудничества, изъятия активов и т.д. При этом значимым параметром данных мер выступает потребность в достижении определенных целей, а не права человека или принципы справедливости и гуманности. Такого рода контроль и управление в интересах отдельных государств и владельцев капитала являются глобальной угрозой всему человечеству, однако с учетом современного развития общественных отношений они, скорее всего, неизбежны. Первостепенная задача – определение пределов такого контроля и недопущение его узурпации в интересах отдельных акторов, преследующих не общественные, а частные интересы.

Распространенность информационных средств идентификации и отслеживания огромного количества параметров жизнедеятельности организма (геолокация (местоположение и передвижение), потребляемый и создаваемый информационный контент, парамет-

[1] *ФСБ* обвинила Apple в слежке за россиянами. Чьи iPhone под угрозой и правда ли данные с устройств передаются разведке США. URL: https://lenta.ru/news/2023/06/02/appspy/ (дата обращения: 12.02.2024) ; *Apple* признала, что может передавать властям США файлы пользователей iPhone, iPad и Mac. URL: https://tass.ru/ekonomika/1174078 (дата обращения: 16.03.2024).

ры работы организма (пульс, дыхание, режим сна и отдыха и т.д.)) гипотетически позволяют анализировать данные на предмет превентивного воздействия на человека, и неиспользование такого массива данных является неприемлемым с точки зрения обеспечения безопасности общества и государства. Создание и использование инструментов социального контроля, основанных на анализе массива данных, становится перспективной задачей уголовно-правовой политики.

Понимание свободы как фактической возможности изменения зачастую подменяется предоставлением лицу права выбора в ограниченных рамках в тех случаях, когда выбор не изменит принципиально состояния лица и не позволит ему удовлетворить его потребности (например, потребность в безопасности). Так, по мнению С. Жижека, «истинная свобода – это не предоставленная свобода выбора, а возможность коллективно изменить сами условия выбора»[1]. В связи с этим легитимное принятие мер по обеспечению коллективной безопасности укладывается в русло свободы в ее концептуальном понимании как способности удовлетворить потребности максимального количества членов общества.

В то же время политкорректная повестка создания видимости «свободы выбора» на самом деле содержит в себе более тотальный механизм безальтернативности. Заранее предопределенная «палитра возможного» лишь усугубляет невозможность перемен. Неприемлемость исключительно карательного воздействия, породившая различные инструменты, заменяющие наказание и создающие видимость неизбежности уголовной ответственности (наказания), в настоящее время трансформируется в комплексный правовой надынститут, объединяющий в себе различные отрасли права (уголовное, уголовно-исполнительное, административное, право социального обеспечения и т.д.). Неизбежность формирования данного института связана с низкой эффективностью системы уголовного наказания, которое имеет два основных (минимально удостоверенных) механизма предупреждения преступлений: первый – психологический (общее предупреждение – устрашение), второй – изолирующий (смертная казнь либо лишение свободы). Однако оба показывают свою недостаточность и, на наш взгляд, требуют третьего элемента – контролирующего.

Так, если на более ранних исторических этапах массовое коллективное сознание допускало индивидуальную репрессию в отношении достаточно небольшого количества

---

[1] *Жижек С.* Свобода, возможное-невозможное (видеолекция). URL: https://yandex.ru/video/preview/13982098130313841627 (дата обращения: 17.07.2023) ; *Зброжек Е.А.* Основные философские идеи Славоя Жижека // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2014. № 1. С. 34-41.

людей, совершивших преступления, как проявление безусловной силы монарха, государства, то современный уровень накопленных знаний, как правило, не позволяет реализовываться данному сценарию. Как высказывался Р.Ф. Иеринг в своей работе «Борьба за право», «право – понятие не логическое, а понятие силы»[1]. В современном мире сугубо силовое проявление права обречено на провал в силу своей экономической и социальной нерентабельности. Только сила не в состоянии обеспечить неубыточность ее проявления. Соответственно, силовые средства всегда будут рационально ограничены экономическими, социальными, демографическими издержками, обосновывающими и сдерживающими их. В контексте социального контроля силовое и тотальное контролирование поведения членов общества существенным образом могло бы сократить преступность как желаемый результат, однако издержки такого контроля (а вернее, затраты на его осуществление) не позволяют его реализовывать в тех объемах, к которым стремится государство. Однако тенденция к увеличению средств социального контроля в значимых секторах общественных отношений будет сохраняться как неотъемлемое стремление человека к безопасности.

Вероятность небольшого числа выявленных и наказанных преступников может быть обусловлена множеством факторов: отсутствием функционирующей системы правоохранительных органов, специализирующихся исключительно на тотальном раскрытии, выявлении, расследовании преступлений; отсутствием технических и организационных средств фиксации преступлений, установления лиц, совершивших преступления, систем идентификации и т.д., что в своей совокупности предоставляло возможность «выборочной репрессии», не имеющей массового характера.

Постепенное увеличение как числа фиксируемых преступлений, так и количества осужденных привело к тупиковой ситуации, когда экономические, социальные и другие затраты на противодействие преступности увеличивались в таких пропорциях, которые просто не позволяли бы государству нормально функционировать. Дополнением к этому выступил гуманитарный вопрос. Освещение в средствах массовой информации, да и просто открытость данных о количестве осужденных, видах, размерах и сроках применяемых наказаний оказывали и оказывают неблагоприятное психологическое воздействие на население страны. С одной стороны, акцентирование внимания на особенностях «наказательной» деятельности государства превращает государство в глазах граждан в аппарат

[1] *Иеринг Р.Ф.* Борьба за право. М., 1874. С. 13.

тотальной репрессии, а преступников – в жертв, страдающих от произвола государственного аппарата принуждения, однако с другой стороны, данный информационный механизм является жизненно необходимым. Он позволяет государству подтверждать свою эффективность и необходимость для реализации функции обеспечения безопасности граждан и общества в целом. Кроме того, наличие информационного подтверждения восстановления социальной справедливости в форме «воздаяния за содеянное зло» создает в индивидуальном и массовом сознании необходимое психологическое восприятие комфортности и защищенности индивида государством. Подтверждением тому служат, например, результаты опросов общественного мнения относительно восприятия гражданами уровня безопасности в обществе[1]. Таким образом, представляется верным утверждение Т.Г. Понятовской о том, что «репрессивная функция государства является средством социального регулирования»[2].

Возникшая тенденция к использованию менее карательных и некарательных инструментов уголовно-правового воздействия (условное осуждение, условно-досрочное освобождение, различного вида отсрочки и замены наказания, освобождение от уголовной ответственности) имеет достаточно давние корни[3] и сохраняется и на сегодняшний день. Продолжая данный вектор уголовной политики, Верховный Суд Российской Федерации неоднократно выходил с законотворческой инициативой относительно введения института уголовного проступка[4], также он последовательно выступает за расширение практики применения средств административной преюдиции и освобождения от наказания или освобождения от уголовной ответственности.

Позиция Верховного Суда определяется интересами целесообразности и необходимостью сокращения издержек правосудия (загруженность судов, сокращение расходов

---

[1] *Шакирова Д.М.* Оценка общественной безопасности (по результатам социологического опроса) // Вестник экономии, права и социологии. 2019. № 4. С. 221-223 ; *Чувство* безопасности: Об ощущении безопасности в темное и светлое время суток и о самых опасных местах // Фонд общественное мнение. URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291 (дата обращения: 13.07.2024) ; *Исследование:* в 2021 году выросла доля тех, кто хочет чувствовать себя более защищенными. URL: https://tass.ru/novosti-partnerov/13520713 (дата обращения: 13.07.2024).

[2] *Понятовская Т.Г.* Концептуальные основы уголовного права России: история и современность: автореф дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1997. С. 7.

[3] *Жижиленко А.А.* Условное осуждение и народное правосознание // Право. Еженедельная юридическая газета. 1899. № 1. С 17-22 ; № 2. С. 84-90.

[4] *О внесении* в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2020 г. № 24. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; *Звечаровский И.Э.* На пути к уголовному проступку // Законность. 2021. № 2. С. 45-46.

на судебные процедуры и т.д.). В этой части она, несомненно, может быть оценена положительно[1]. Однако социальные последствия отказа от репрессивных мер зачастую приводят к возникновению в массовом сознании ощущения безнаказанности. Установленные в УК РФ запреты, подкрепленные соответствующими санкциями, теряют свой смысл на этапе правоприменения. Совершение преступления небольшой тяжести более чем в 30% случаев может завершиться освобождением от уголовной ответственности[2]. Также совершение преступления небольшой или средней тяжести благодаря предписаниям ст. 73 УК РФ не влечет реального наказания в виде лишения свободы в 57% случаев (см. приложение № 10). Однако даже если таковое будет назначено, оно практически автоматически сокращается минимум вдвое благодаря предписаниям ст. 79, 93 УК РФ. Судимость также погашается по окончании указанного испытательного срока и не содержит существенных обременений для лица, совершившего преступление.

Таким образом, провозглашаемая наказуемость деяния сводится лишь к самой процедуре расследования уголовного дела и судебного разбирательства (которые порой длятся дольше, чем назначаемое наказание). Уголовно-правовое воздействие как целенаправленная деятельность государства по предупреждению совершения новых преступлений в отношении такого лица фактически не реализуется. Соответственно, говорить о достижении целей такого предупреждения можно лишь в вероятностном контексте.

Указанная тенденция может быть преодолена только путем выработки инструментов социального контроля, объединяющих в себе не только карательные, но и некарательные правоотношения, выражающегося в наблюдении за поведением лица, совершившего преступление, и одновременно оказании ему социально-психологической помощи (ресоциализации и т.д.).

Только такой формат взаимодействия позволит заполнить ту нишу правоотношений, которая высвобождается благодаря отказу государства от возможности наказать (применить неблагоприятные обременительные последствия к осужденному).

В противном случае в отдаленной перспективе государство как инструмент самоорганизации общества будет утрачивать свой авторитет и свою организующую роль, а соответственно, и способность управлять данной сферой жизнедеятельности (т.е. обеспечивать без-

---

[1] *Бибик О.Н.* Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) // Юридический вестник Самарского университета. 2016. № 1. С. 91-98.

[2] *Отчеты* об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2018-2024 гг. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id= 79&item=7649 (дата обращения: 12.09.2025).

опасность граждан). Придание официального статуса системе социального контроля в рамках уголовно-правового регулирования позволит избежать неопределенности в функциональном предназначении всей отрасли уголовного права. Легитимизация социального контроля в рамках уголовного законодательства возможна на различных уровнях и различными способами: во-первых, указанием на социальный контроль как одну из задач уголовного права, во-вторых, путем включения инструментов контроля за поведением лиц, совершивших преступление, в различные меры уголовно-правового характера и расширения сферы их применения, в том числе за пределами исполнения наказания.

Переход от сугубо репрессивного способа (механизма) уголовно-правового воздействия к контролирующему напрямую связан с развитием технологий, позволяющих без привлечения карательных, правоограничительных мер осуществлять решение задач правового регулирования и достижение таких целей, как обеспечение безопасности граждан и общества, защита общественных отношений и т.д.

Именно массовое распространение средств сбора и анализа информации позволяет существенным образом упростить процесс контроля за поведением лиц (в том числе в целях оказания им самим ресоциализирующей помощи и социальной адаптации), совершивших преступление, и тем самым сократить преступность как социально-правовое явление.

Так, согласно свойствам супервентности как определяющего признака правовой реальности[1] именно изменение технологической цифровой парадигмы в состоянии не только оказать влияние на технические вопросы исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера, но и принципиально изменить восприятие ценностных, содержательных компонентов правовой реальности. К ним может относиться определение вопросов допустимости уголовно-правового воздействия, объемов правоограничений, восприятия тех либо иных компонентов правоотношений как правоограничений.

Применительно к современной парадигме преступности и наказуемости речь идет о смещении уголовно-правовой политики от наказательной ориентации уголовного закона в сторону лишь формального назначения наказания как цели уголовного преследования, но в то же время минимизации объема репрессии (кары) одновременно с расширением средств индивидуального контроля за поведением лиц, представляющих опасность для окружающих, и продлением такого контроля на необходимый период.

---

[1] *Лихтер П.Л.* Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов. // Журнал российского права. 2023. № 2. С. 20-32.

Смену парадигмы уголовно-правовой политики в области ценности прав и свобод человека и гражданина достаточно точно отражают слова С. Агню: «Забота либералов о правах личности – это встречный ветер, дующий против движения государственного корабля»[1]. Дискутируя относительно значимости тех либо иных прав и свобод, авторы все же отмечают допустимость и необходимость жертвования некоторыми традиционными формами и гарантиями. При этом необходимый уровень защищенности прав граждан может быть обеспечен иными (отчасти технологическими (*добавлено нами – К.К.*)) средствами: цифровизацией, договорными процедурами и т.д.[2]

Несмотря на все мрачные предсказания о будущем обществе тотального контроля, уклониться от парадигмы цифрового отслеживания, обезличенного сбора и анализа различных сведений о жизнедеятельности человека и расширения средств и способов сбора информации о поведении лиц, совершивших преступления, в целях дальнейшего контроля за их поведением, по всей видимости, не представляется возможным. В одном из своих выступлений С. Жижек, анализируя современное состояние общества и глобальные проблемы человечества, приходит к выводу, что «нам нужны: экология, цифровой контроль и сплоченность»[3]. Именно данные компоненты, по мнению философа, могут выступить залогом будущего развития общества. Применительно к сфере уголовно-правового воздействия необходимо согласиться с данным тезисом, особенно в части контроля за поведением лиц, совершивших преступление.

Отказ от обоснованного сбора и анализа информации и осуществления процедур контроля приведет (по сути, уже приводит) к хаотичности социальных процессов и, как следствие, к увеличению вероятности неблагоприятных вариантов развития социума.

Представленный анализ теоретических воззрений относительно социального контроля как феномена социальной действительности позволяет констатировать признание большинством теоретиков обоснованности и необходимости социального контроля в части обеспечения безопасности общества от криминальных угроз. Таким образом, использование в сфере уголовно-правового регулирования принципиальной схемы социального контроля должно найти отражение на уровне официальных нормативных правовых актов, закрепляющих цели и задачи, принципы и способы такого регулирования. Данный

---

[1] Цит. по: *Дворкин Р.О.* О правах всерьез / пер. с англ. ; ред. Л.Б. Макеева. М., 2004. С. 279.

[2] *Цветков Ю.А.* Права человека вышли из моды. Как это отразится на уголовном процессе? // Уголовное судопроизводство. 2023. № 3. С. 8-16.

[3] *Дебаты* «Счастье: капитализм против марксизма». Джордан Питерсон – Славой Жижек. URL: https://https/en.wikipedia.org/wiki/Peterson–Žižek_debate (19.04.2019) (дата обращения: 12.09.2023).

подход не только позволит расширить и систематизировать использование средств социального контроля, но и придаст им легальный характер, т.е. определит основания, способы и пределы социального контроля, тем самым исключив либо значительно снизив уровень возможных рисков в данной сфере (злоупотреблений властью, необоснованной репрессии либо недостаточности воздействия и т.д.), и позволит обеспечить возможность выполнения функций государства, соблюдения прав и свобод граждан.

§ 2. Понятие социального контроля в уголовно-правовой сфере[1]

Контроль как одна из основных функций системы управления осуществляется на основе наблюдения за поведением управляемой системы с целью обеспечения оптимального функционирования последней (измерение и соотнесение достигнутых результатов с ожидаемыми). На основе данных контроля осуществляется адаптация системы, то есть принятие оптимизирующих управленческих решений[2]. Отсутствие указанного компонента в любой деятельности лишает её возможности проверить степень эффективности и результативности. Термин «контроль», согласно толковому словарю С.И. Ожегова, означает проверку, а также постоянное наблюдение в целях проверки или надзора[3]. Существуя практически во всех сферах жизнедеятельности, контроль позволяет полноценно корректировать какой-либо процесс, исходя из поставленных задач (целей), благодаря информационным механизмам измерения и сопоставления их с получаемыми в реальности результатами.

Производным от данного термина в гуманитарной социально-правовой сфере является понятие «социальный контроль». Он представляет собой совокупность процессов в социальной системе (обществе, социальной группе, организации и т.п.), посредством которых обеспечивается следование определенным «образцам» деятельности, а также соблюдение ограничений в поведении, нарушение которых отрицательно сказывается на функционировании системы. Такими образцами и ограничениями являются системы ценностей, правовые и моральные нормы, административные предписания, решения,

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Подходы к пониманию социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2025. № 2. С. 150-164 ; *Карпов К.Н.* Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере : монография. Омск, 2025. 220 с.

[2] *Кобзик Е.Г., Митрофанова Г.В., Уголев С.Н.* Контроль как функция управления // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. 2005. № 2. С. 69-76.

[3] *Толковый* словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М., 2003. С. 513.

обычаи, привычки и т.п. Социальный контроль обеспечивает определенную организацию общественной жизни, адекватность поведения членов общества взаимным ожиданиям; посредством социального контроля реализуется принцип обратной связи в управлении любыми социальными процессами или системами[1].

Понятие «социальный контроль» необходимо отграничивать от созвучного «общественный контроль». Последний подразумевает под собой деятельность субъектов контроля (общественных организаций), осуществляемую в отношении органов государственной власти, органов местного самоуправления и других организаций в целях проверки правомерности, законности и эффективности принимаемых ими решений, издаваемых актов и т.д. В частности, общественный контроль в Российской Федерации осуществляется в соответствии с ФЗ № 212 от 21 июля 2014 г. «Об основах общественного контроля». К такого же рода контролю относится, например, общественный контроль за деятельностью органов исполнения наказания, а также деятельностью правоохранительных органов в части соблюдения ими прав граждан. Такого рода контроль выступает одной из разновидностей социального контроля, не относится напрямую к сфере уголовно-правового регулирования, хотя и выполняет вспомогательную роль в решении задач предупреждения преступности.

Контроль как элемент системы государственного управления имеет свое проявление не только в отдельных сферах общественных отношений (отраслях промышленности, экономики, деятельности государственных органов исполнительной власти и др.), но и вообще во всех сферах жизнедеятельности.

История данного понятия свидетельствует о стабильности его содержания и понимания. Так, словарь иностранных слов толковал данное понятие следующим образом: «Поверка и ревизия счетов или вообще поверка каких-либо действий. Государственный контроль рассматривает денежные и материальные обороты всех ведомств, за исключением духовного и придворного»[2]. Толковый словарь Ушакова определял контроль как «наблюдение, надсмотр над чем-нибудь с целью проверки»[3]. Однако приведенные понятия отражают скорее техническую сторону контроля как инструмента управления на

[1] *Советский* философский словарь. URL: https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com/ (дата обращения: 17.08.2023).

[2] *Словарь* иностранных слов, вошедших в состав русского языка: сост. по энциклопедическому словарю Ф. Павленкова, с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. СПб., 1917. С. 270.

[3] *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. Т. 1 / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935. С. 674.

производстве, в организациях, в промышленности либо бизнесе. В то же время термин «социальный контроль» имеет несколько иное, более сложное содержание.

В современном дискурсе социальный контроль понимается как целенаправленная деятельность (система процессов и механизмов) по поддержанию общественного порядка, основанная на проверке (слежении, сравнении, сопоставлении) соответствия функционирования (деятельности, поведения) какого-либо объекта с ожидаемыми или запланированными показателями. Уже в самом определении заложена некая двойственность понимания данного термина. С одной стороны, контроль воспринимается как деятельность (совокупность процессов), но при этом основанная также на проверке, слежении и сопоставлении. Но социальный контроль не сводится к механистическому наблюдению и корректировке поведения индивида, а предполагает более сложный комплекс мер, в том числе и по установлению целей такой корректировки, методов её осуществления и даже изменения всей системы, исходя из потребностей общества и перспективных задач управления им.

С точки зрения теории государства и права «право общества на социальный контроль за действиями своих членов, за соблюдением ими исторически сложившихся или сознательно установленных стандартов общежития» обусловливается безусловностью общественного значения поступков членов общества и необходимостью обеспечить порядок и организованность в обществе[1].

Контроль упоминается в числе методов реализации функции государства[2]. В то же время в различных сферах правового регулирования контроль признается методом правового регулирования[3]. В свою очередь еще в советский период Р.О. Халфина в рамках изучения права как средства социального управления отмечала, что «исследование возможностей права в регулировании общественных отношений в процессе социального управления – одно из актуальных направлений юридической науки»[4]. В схожем ключе высказывается и Д. Коков, который рассматривал право «необходимым атрибутом государства для осуществления его функций как субъекта социального управления»[5]. И если признать право инструментом социального управления, естественным представляется и

---

[1] *Теория* государства и права : учебник / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2004. С. 214.

[2] *Черноголовкин Н.В.* Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма. М., 1960. 191 с.

[3] *Теория* государства и права: учебник / под ред. Н.И. Матузов, А.В. Малько. М., 2004. С. 214.

[4] *Халфина Р.О.* Право как средство социального управления. М., 1988. С. 9.

[5] *Коков Д.* Право в системе социального управления развитого социалистического общества // Dŭrzhava, pravo, upravlenie. 1977. С. 63. URL: https://openlibrary.org/books/OL19360759M/Dŭrzhava_pravo_upravlenie (дата обращения: 15.09.2024).

использование механизмов социального контроля в процессе такого управления. В условиях строительства социализма и коммунизма контроль (социалистический контроль) рассматривался как «одна функций регулирования общественных отношений»[1]. Так, применительно к экономической сфере В.И. Ленин писал: «… без всестороннего государственного учета и контроля за производством… власть удержаться не может», «…безотчетность и бесконтрольность в сфере производства и распределения… – есть гибель зачатков социализма»[2]. Подтверждением данных тезисов в практическом плане стало формирование в первые годы Советской власти органов государственного контроля (коллегия государственного контроля 1917 г., Центральная контрольная комиссия 1918 г., Наркомат государственного контроля 1918 г., Наркомат рабоче-крестьянской инспекции 1920 г.).

Контроль и надзор признается одной из форм противодействия негативным социальным явлениям «наряду с предотвращением, пресечением, устранением причин и условий, способствующих возникновению и развитию данных явлений»[3]. Также контроль рассматривается как одна из специальных гарантий законности, т.е. юридических условий, средств и способов, обеспечивающих воплощение, реализацию законности. В развитие данного тезиса даже выделяют специальную «контрольно-надзорную власть»[4].

Таким образом, с точки зрения механизма функционирования государства и права контроль имеет различные проявления как в качестве самостоятельного механизма управления обществом, так и в виде средств либо элементов данного механизма. Объединяющим же для них являются очевидная невозможность государственного управления обществом без контроля, общая механика контроля как способа сбора информации, проверки состояния системы и дальнейшего реагирования на полученные показатели и всепроникаемость контроля (т.е. использование контроля во всех государственно-правовых отношениях и применение взаимоконтролирующих средств, когда не только государство контролирует субъектов правоотношений, но и члены общества обладают инструментами контроля за деятельностью государства).

---

[1] *Краснов А.В.* Социальный контроль и его место в общественном развитии. Иркутск, 1967. С. 46.

[2] *Ленин В.И.* Значение борьбы за всенародный учет и контроль // Полное собр. соч. Т. 36. М., 1969. С. 184, 185.

[3] *Теория* государства и права : учеб. пос. / Р.Б. Головкин [и др.]; под ред. проф. Р.Б. Головкина. Владимир, 2020. С. 462.

[4] *Там же.* С. 478.

Использование социального контроля в процессе государственного управления позволяет рассматривать его как практику всех видов социальных групп по предписанию и поощрению конформности и применению санкций к лицам, нарушающим принятые нормы. Данное явление пронизывает все виды социальной деятельности человека (в первую очередь связанную с выполнением государственных функций) и выступает в качестве инструмента, позволяющего в принципе говорить о её организованности, структурированности и целесообразности. В более узком смысле контроль адаптируется к системе, в которой он используется. Например, с точки зрения психологии социальный контроль общества над своими членами заключается прежде всего в социализации, в ходе которой происходит интернализация социальных норм поведения путем системы поощрений и наказаний[1]. В социологии же социальный контроль понимается как процесс, посредством которого сводятся к минимуму расхождения между системой нормативных ожиданий общества и фактическим поведением людей, как средство обеспечения социальной интеграции[2]. Т. Парсонс, определяя теорию социального контроля, называл ее обратной стороной теории генезиса тенденций девиантного поведения, т.е. это анализ тех тенденций, которые противодействуют девиантному поведению[3].

Представляется, что данные особенности понятий указывают на наличие научной (или предметной) специализации, при этом сам контроль остается институциональным явлением всей социальной жизни общества, необходимым для полноценного функционирования всех его систем.

Также социальный контроль рассматривается как механизм или способ саморегуляции социальной системы, обеспечивающий упорядоченное взаимодействие составляющих ее элементов посредством нормативного (в том числе правового) регулирования[4]. Контроль, несомненно, имеет свои особенности в зависимости от сферы общественных отношений, однако его основные структурные компоненты остаются неизменными. А.В. Ерицян определяет контроль как правовую процедуру, направленную на выявление возможных составов правонарушений, состоящую из стадии получения контролирую-

---

[1] *Жмуров В.А.* Большая энциклопедия по психиатрии. 2-е изд. М., 2012. 864 с.

[2] *Пшидаток В.Е., Самыгин П.С.* Правосознание и правовые ценности молодежи в контексте российских реформ. Ростов-н/Д, 2007. 175 с.

[3] *Парсонс Т.* Социальная система. М., 2018. 530 с. ; *Парсонс Т.* Система современных обществ. М., 1998. 269 с.

[4] *Социология*. Основы общей теории : учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М., 2002. 913 с. ; *Новейший* философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. 2-е изд., перераб. и доп. Минск, 2001. 1279 с.

щим субъектом необходимой информации, стадии правовой квалификации и из стадии принятия решения о применении принудительных мер к подконтрольному объекту[1]. Также в коллективной Декларации по итогам XI Общероссийского годового собрания теоретиков права прямо указывается на наличие «тесной взаимосвязи уровня правопорядка с надлежащим механизмом государственного управления посредством права»[2].

Идеи о социальном контроле как одной из центральных государствообразующих идей, определяющей механизм государственного управления, и восприятии права как основной формы социального контроля в современном политически организованном обществе высказывал представитель социологического (еще точнее – прагматического) направления в праве Р. Паунд[3]. В рамках данного направления социальный контроль – это особый механизм социальной регуляции, с помощью которого общество и его подразделения (группы, организации) обеспечивают соблюдение системы ограничений (условий), нарушение которых наносит ущерб функционированию социальной системы; органический элемент управления[4].

В научной литературе социальный контроль воспринимается одновременно как основополагающая идея управляемости обществом со стороны государства и в качестве обязательной системы инструментов (средств, механизмов), позволяющих осуществлять управленческую деятельность (функция управления)[5], а также ассоциируется непосредственно с практикой государственного управления какими-либо социальными явлениями (деятельность государственных институтов). Указанные понятия при использовании в научной литературе зачастую смешиваются и воспринимаются как единый (не разделяемый в указанных значениях) самостоятельный правовой институт, при котором идея управляемости общества государством естественно приводит к формированию механизмов социального контроля и соответствующей практике государственных органов (и иных субъектов и акторов). Рассмотрение социального контроля отправной точкой всего меха-

---

[1] *Ерицян А.В.* Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) // Государство и право. 2002. № 2. С. 106.

[2] *Максимов В.З., Мотова Е.А., Фоминых С.А.* Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки: обзор XI Общероссийского годового собрания теоретиков права // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 73.

[3] *Груздев В.С.* Об истоках правовых взглядов Р. Паунда // Теория и практика общественного развития. 2020. № 8. С. 98-101 ; *Адыгезалова Г.Э.* Социологическая юриспруденция в США в XX веке. СПб., 2012. 268 с.

[4] *Сызранцев Д.Г.* Прагматизм в праве: Метод Роско Паунда : дис. … канд. юрид. наук. М., 2001. 158 с.

[5] *Быченко Ю.Г.* Социальный контроль как функция управления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 39-43.

низма правового регулирования предполагает, что это его основное предназначение, формирующее его как целостный механизм, а также и систему отдельных его элементов.

К.Е. Игошев выделяет две формы социального контроля. Внешняя включает в себя регулятивное влияние на личность окружающей социальной среды, т.е. внешние по отношению к личности факторы, контролирующие её поведение и направляющие его в определенное русло, в её рамках выделяется превентивный (до начала социально-отклоняющегося поведения) и последующий (после факта нарушения социальных норм) социальный контроль. Внутренняя же система (форма) социального контроля – присущий духовному миру личности социально-психологический механизм волевых действий и поступков, раскрывающий особое качество личности – её способность к саморегуляции (т.е. самоконтроль)[1].

В.А. Андрухов, Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов указывают, что в юриспруденции социальный контроль рассматривается как контроль поведения граждан государства, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное уголовным кодексом государства под угрозой наказания[2] (т.е. разновидность правового контроля[3]).

Я.И. Гилинский указывает, что в рамках государственного управления обществом «социальный контроль сводится к тому, что общество через свои институты задает ценности и соответствующие им нормы; обеспечивает их трансляцию (передачу) и социализацию (усвоение, интериоризация индивидами); поощряет за соблюдение норм (конформизм) или допустимое, с точки зрения общества, реформирование; упрекает (наказывает) за нарушение норм; принимает меры по предупреждению (профилактике) нежелательных форм поведения»[4].

Неотделимость понятия контроля от сферы управления социальными процессами неизбежно приводит к поверхностному и достаточно ошибочному выводу о тотальной управляемости подконтрольного процесса. Однако управляемость не означает полную подчиненность объекта управления, а также и государственного инициативного создания самой управляемой сферы (в первую очередь это касается преступности как социального явления). Управление и контроль в большей степени носят вынужденный ха-

---

[1] *Игошев К.И.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 127, 133.

[2] *Уголовное* право. Общая часть : учебник / отв. ред. Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. М., 1997. 583 с.

[3] *Андрухов В.А.* Концепции социального контроля молодежной преступности // Теория и практика общественного развития. 2009. № 2. С. 26-36.

[4] *Гилинский Я.И.* Проблемы социального контроля над преступностью в современном обществе // Криминалист. 2018. № 4. С. 4-9.

рактер и попытку повлиять на ход событий (отсюда и использование таких понятий, как уголовно-правовое воздействие) без каких-либо гарантий эффективности. Данное утверждение наглядно демонстрируется в различных сферах деятельности государства (в области экономики, социального развития, науки, борьбы с преступностью и т.д.). Использование различного рода стимулов, запретов, формирование благоприятной среды для занятия тем либо иным видом деятельности (например, внедрение пониженной ставки налогообложения, выдача материнского капитала, создание научно-производственных кластеров, повышение оплаты труда отдельных социально значимых групп (врачи, учителя) и т.д.) только лишь гипотетически приводит к достижению поставленных результатов. Как показывает практика, запланированный результат достигается лишь частично, а зачастую наступает (не наступает) по другим причинам, не связанным напрямую с предпринятыми государством мерами управления, например, в связи с появлением новых технологий, повышением рентабельности (прибыльности той либо иной деятельности), увеличением спроса на профессию, глобальными социальными, военными или климатическими процессами на планете и т.д. Зачастую именно технологические изменения, а не карательные практики ведут к качественному улучшению криминогенной обстановки. Например, внедрение в повседневную жизнь систем идентификации, электронного документооборота, цифровой подписи, биометрических систем распознавания личности и других технологических инструментов существенным образом сократило количество правонарушений в финансово-кредитной системе. Повсеместное использование автомобильных видеорегистраторов, специальных носимых видеокамер у сотрудников специализированных служб, камер видеонаблюдения в общественных местах и даже просто камер в смартфонах привело не только к увеличению раскрываемости преступлений, но и к существенному сокращению уличной преступности[1].

Подтверждением тому служит принятие соответствующих нормативных правовых актов. В частности, официальное понятие государственного контроля в 2020 году было закреплено в ФЗ от 31 июля 2020 г. № 248 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Так, государственный контроль (надзор) в России – это деятельность контрольных (надзорных) органов Российской Федерации,

[1] *Путин:* видеонаблюдение с ИИ позволило снизить число правонарушений в Москве. URL: https://www.m24.ru/news/vlast/20062025/807421?utm_source=CopyBuf (дата обращения: 12.09.2025) ; *Собянин:* благодаря системе видеонаблюдения число убийств в Москве снизилось в 2,5 раза. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5142235 (дата обращения: 12.09.2025).

направленная на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований, осуществляемая в пределах полномочий указанных органов посредством профилактики нарушений обязательных требований, оценки соблюдения гражданами и организациями обязательных требований, выявления их нарушений, принятия предусмотренных законодательством Российской Федерации мер по пресечению выявленных нарушений обязательных требований, устранению их последствий и (или) восстановлению правового положения, существовавшего до возникновения таких нарушений.

При этом данный нормативный правовой акт использует понятия «контроль» и «надзор» как однопорядковые, не проводя между ними никакого различия.

Несмотря на то, что указанный ФЗ направлен на регулирование вопросов контроля и надзора в самом общем виде, можно констатировать сам факт выделения (обособления) такой деятельности государства в самостоятельную сферу и придания ей значения как части механизма государственного управления, с распространением в том числе и на уголовно-правовое регулирование.

Помимо указанного закона, в Российской Федерации действует достаточное количество иных актов, регламентирующих осуществление контроля (надзора), например, постановления Правительства Российской Федерации от 25 июня 2021 г. № 1005 «Об утверждении Положения о федеральном государственном контроле (надзоре) в области защиты прав потребителей», от 25 июня 2021 г. № 1011 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за организацией и проведением азартных игр», от 29 июня 2021 г. № 1046 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за обработкой персональных данных», от 30 июня 2021 г. № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» и др.

Так, Н.Г. Щитов отмечает, что «одна из основных сложностей анализа социального контроля состоит в том, что объективно он не представляет собой специализированного социального института, являясь результатом их сложного взаимодействия. Социальный контроль присутствует во всех областях жизни общества, везде, где возникают проблемы распознавания, определения, реагирования и коррекции девиантного поведения»[1].

Более того, зачастую социальный контроль отождествляют с любыми проявлениями государственной власти или управления обществом. Так, любое воздействие государства

[1] *Щитов Н.Г.* Социальный порядок, социальный контроль и медикализация наказания. Владивосток, 2002. С. 12.

на членов общества (особенно в сфере репрессии) ассоциируется с социальным контролем. Любые проявления уголовной политики рассматриваются как социальный контроль, который в данном случае отождествляется с правовым воздействием (и уголовно-правовым в частности). В принципе любое реагирование на отклоняющееся поведение также ассоциируется с социальным контролем.

С другой стороны, социальный контроль воспринимается как совокупность институтов контроля со стороны государственных органов (судебный контроль, прокурорский надзор), негосударственных общественных организаций (или просто представителей общественности) в проверке законности принимаемых органами государственной власти решений, соблюдения законодательства при реализации властных полномочий и правоприменении в отношении участников правоотношений (в том числе уголовно-правовых).

В данном контексте социальным контролем также признаются непосредственно мероприятия (процедуры), направленные на сбор информации о лицах – членах общества вообще, а также о лицах, совершивших преступление, отбывающих наказание, тех, в отношении которых применены условные меры уголовно-правового воздействия, находящихся под надзором специализированных органов, а также на исправление их поведения (принуждение, воспитание, социальная помощь и т.д.).

Приведенные определения указывают на то, что контроль является устоявшимся неотъемлемым элементом социального управления, однако в сфере именно уголовно-правового регулирования он далеко не всегда воспринимается позитивно, а чаще вызывает опасение как у теоретиков, так и у лиц, вовлеченных в процесс законотворчества и правоприменения. Данные опасения связаны с негативным восприятием карательного опыта использования мер социальной защиты (мер безопасности и т.д.), основанных на опасности личности. Введенные в законодательство многих европейских стран в начале XX века, они ассоциируются зачастую с тотальным и репрессивным проявлением государственной власти.

Непрерывность корреспондентности слова[1] (словосочетания, понятия) в данном случае приводит скорее к негативным последствиям (страху и неприятию таковых средств). Иными словами, опыт тотального контроля во всех сферах жизнедеятельности человека в его гиперболизированных формах с уклоном в антропологические компонен-

[1] *Неретина С.С.* Философия – не идеология // Вопросы философии. 2023. № 5. С. 70-74.

ты преступности[1] в начале и середине XX века, ставший возможным в результате искаженного понимания биополитических компонентов управления общества (евгеника, расовые теории, нацизм, и т.д.), до настоящего времени продолжает порождать негативные ассоциации с самим термином «социальный контроль». Однако, на наш взгляд, социальный контроль как элемент системы управления сам по себе не является носителем зла и даже его индикатором, а скорее показателем адекватности восприятия государством задач, структуры и компонентов системы осуществления государственных функций и легитимности самой государственной власти.

Потребность человека в обеспечении собственной безопасности как на индивидуальном уровне, так и на других уровнях (семья, род, нация, государство, человечество в целом) предполагает выработку такой системы функционирования элементов жизнедеятельности, которая позволяет сохранить стабильное существование, обеспечение возможности питания, размножения, переноса накопленных знаний последующим поколениям и др.

Так, А.Н. Харитонов в рамках изучения государственного контроля над преступностью приходит к выводам, что «принудительная функция государства в обеспечении контроля над преступностью объективно необходима и выражает его «смыслообразующее» значение»[2]. Кроме того, «государство может (вынуждено) злоупотреблять насилием» для реализации принудительной функции государственного контроля над преступностью[3].

Можно не соглашаться с подходом к использованию термина «государственный контроль над преступностью» («контроль за преступностью»[4], «контроль преступности»[5]) либо вообще с приданием ему статуса самостоятельной функции государства (скорее являющейся частным случаем охранительной или правоохранительной функции – связанной с защитой прав и свобод граждан, охраной конституционного строя, безопасности государства и т.д.). Однако именно реализация государственной политики

---

[1] *Пономарев С.Б.* Биологический фактор в этиологии преступного поведения. Трансформация научной парадигмы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 4. С. 290-297.

[2] *Харитонов А.Н.* Государственный контроль над преступностью: Теоретические и правовые проблемы : монография. Омск, 1997. С. 10.

[3] *Баранов П.П.* Правосознание и правовое воспитание // Общая теория права. Курс лекций. Н. Новгород, 1993. С. 488.

[4] *Бурлаков Н.В.* Развитие преступности и социальный контроль // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2002. № 1. С. 139-148.

[5] *Хомич В.М.* К вопросу о реализации социального контроля преступности в контексте руководящих начал уголовного права 1919 года // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2019. № 4. С. 51-56.

в части обеспечения одной из основных и постоянных – правоохранительной функции[1] непосредственно оказывает влияние на уровень преступности, ее содержание и иные характеристики. Ярким подтверждением тому выступают характеристики и динамика преступности в периоды ослабления государственной монополии на принуждение и контроль в данной сфере, например, в период после Февральской революции 1917 г. и гражданской войны, в послевоенные годы (после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.), во время перестройки и распада СССР. Криминологические показатели данных периодов с однозначностью свидетельствуют, что только установление полноценной государственной суверенной власти позволяло снизить уровень преступности. Никакие меры по самоорганизации, самоуправлению, образованию народных дружин и т.д. не позволяли решать задачу борьбы с преступностью на постоянной и систематичной основе.

Учитывая, что целенаправленная управленческая деятельность государства по снижению уровня преступности и обеспечению безопасности общества возможна только при непосредственном использовании инструментов социального контроля, таковыми средствами можно назвать формирование и претворение в жизнь уголовной политики, определение уголовно-правовых запретов и реализацию системы мер уголовно-правового воздействия. Например, в рамках криминологических исследований социальный контроль порой воспринимается в двойном значении: как перспективная цель борьбы с преступностью, а также как составляющая функция общей системы мер борьбы с преступностью[2].

Таким образом, контроль выступает в роли необходимого элемента функционирования государственных институтов в различных сферах[3] и на различных уровнях.

Так, Фредерик Иван Най к формам социального контроля, направленным на обеспечение законопослушного поведения, относил: 1) прямой или принудительный контроль, т. е. наказание, поощрение и т. д.; 2) непрямой или поведенческий конформизм, т. е. заинтересованность индивида в определенном общественном положении в социуме; 3) внутренний – самоконтроль; 4) доступность удовлетворения потребностей для до-

---

[1] *Болгов В.А., Шуваева Ю.В.* Функции государства: классификация, роль и характер в разные периоды в Российской Федерации // Территория науки. 2017. № 3. С. 169-173.

[2] *Корзун И.В.* Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин (по материалам Республики Казахстан) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. 319 с.

[3] *Мартынов А.В., Черников В.В., Ширеева Е.В.* Обзор V всероссийской научно-практической конференции «Актуальные вопросы контроля и надзора в социально значимых сферах деятельности общества и государства» // Государство и право. 2020. № 1. С. 154-160.

стижения собственных целей (или контроль возможностей)[1]. Сочетание и сбалансированное использование данных форм контроля позволяют достигать определенных результатов в управленческой деятельности государства в целом и противодействовать преступным проявлениям в частности.

Разработки теорий социального контроля (и схожих по содержанию концепций) в сфере уголовного права и криминологии имеют место, как правило, с позиции криминологических теорий государственного контроля над преступностью[2]. Так, А.Н. Харитонов определяет государственный контроль над преступностью как законную деятельность системы компетентных органов и их представителей по сдерживанию отклоняющегося (общественно опасного) поведения людей[3]. Автор указывает на то, что термин «контроль над преступностью» сам по себе имеет функциональную нагрузку, и делает акцент на необходимости усиления оптимизации информационно-аналитической функции контроля над преступностью. Наряду с данной выделяются и другие функции государственного контроля над преступностью: политическая, идеологическая, охранительная, экономическая, принудительная, воспитательная, предупредительная, компенсаторная, координационная[4]. При этом А.Н. Харитонов разделяет весь государственный контроль по сферам его реализации на: 1) уголовно-процессуальное обеспечение государственного контроля над преступностью; 2) административно-правовой контроль; 3) оперативно-разыскной контроль над преступностью[5]. Все эти разновидности государственной деятельности представляют собой системное образование, предназначенное в самом широком понимании для обеспечения безопасности общества путем предупреждения (противодействия) преступности.

Так, по мнению С.Я. Лебедева, «контроль над преступностью можно рассматривать (в широком смысле) как основанную на законе деятельность государства, общества

---

[1] *Nye F. Ivan.* Family Controls and Delinquency // Encyclopedia of Criminological Teory. URL: https://study.sagepub.com/system/files/Nye,_F._Ivan_-_Family_Controls_and_Delinquency (дата обращения: 20.05.2024).

[2] *Воронин Ю.А., Майоров А.В.* Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 1. С. 7-16 ; *Кузнецова Е.М.* Социальный контроль: сущность и методы реализации. Омск, 2012. 185 с.

[3] *Харитонов А.Н.* Государственный контроль над преступностью: Теоретические и правовые проблемы : монография. Омск, 1997. С. 10.

[4] Там же.

[5] *Там же.* С. 238.

и отдельных граждан по удержанию преступности в социально приемлемых для данного периода исторического развития рамках»[1].

Данная точка зрения коррелирует с положениями социального управления, где контроль может быть рассмотрен в широком и узком значении. В **широком** смысле контроль включает в себя совокупность политических, экономических и идеологических процессов и методов, призванных обеспечить стабильность общества и государственного строя, соблюдение социального порядка, влияние на массовое и индивидуальное сознание. В **узком** значении контроль предполагает проверку исполнения решений вышестоящих организаций, соблюдения технических, экономических, организационных нормативов, выполнения плановых мероприятий (заданий), соблюдения трудовой дисциплины, правовых норм[2].

Применяя данную схему в сфере уголовно-правового регулирования, можно ассоциировать контроль в **широком** смысле с уголовно-правовой политикой государства, включающей в себя определение стратегий развития законодательства, уголовно-правовую идеологию[3], процессы криминализации и декриминализации и т.д. В **узком** же значении это деятельность специализированных органов по применению уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, связанная с реализацией мер уголовно-правового характера в отношении лиц, совершивших преступление, сбор информации о их поведении, соблюдении общих требований уголовного законодательства, а также специальных требований к поведению лиц, совершивших преступления.

И.Я. Гилинский, разрабатывая в криминологии тему социального контроля (как контроля над преступностью), подразумевает под ним «один из видов социального контроля»[4]. При этом он отмечает, что социальный контроль включает в себя как нормотворческую деятельность (по созданию, закреплению и распространению образцов правомерного поведения в обществе), так и весьма широкий спектр государственных и общественных реакций на совершенное или могущее быть совершенным преступление. Если первая составляющая контроля (нормотворчество) по большому счету не является

---

[1] *Криминология* : учебник / под ред. Г.А. Аванесова. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2006. 353 с.

[2] *Зазыкин В.Г., Лукьяненко В.И. и др.* Кадровый контроль в системе государственной службы. М., 2002. 176 с.

[3] *Бавсун М.В.* Методологические основы уголовно-правового воздействия : монография. М., 2012. 197 с.

[4] *Гилинский Я.И.* Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы // Российский ежегодник уголовного права. 2013. № 7. С. 42-58.

предметом криминологии (хотя это и не исключает необходимости криминологической экспертизы нормотворчества), то вторая – контроль над поведением – является предметом уже не только криминологии, но и отраслей права криминального цикла[1]. Такое деление социального контроля на глобальный (нормотворчество) и технический (контроль над поведением), на наш взгляд, носит довольно условный характер, однако позволяет разграничить формы проявления социального контроля в уголовно-правовой сфере.

Термин «государственный контроль над преступностью», отождествляемый с процессом управления данным явлением, возможно, и режет слух, однако не означает, что государство инициирует совершение преступления (как в частном случае, так и в масштабах социального явления). Из этого термина не вытекает заинтересованность государства в преступности или желательности наличия её в глобальном масштабе[2]. Наоборот, стремление сократить количество преступлений (снизить уровень преступности), обеспечить безопасность человека, общества и государства в целом должно базироваться на познанных закономерностях девиантного поведения человека как отдельного индивида, на закономерностях поведения масс людей[3] в целях реализации функции государства по обеспечению безопасности, на достижениях как социальных, так и иных научных дисциплин. Негативное отношение к термину «социальный контроль» как производному в сфере уголовно-правового регулирования связано в том числе с тем, что осуществление государством деятельности, направленной на сокращение уровня преступности, требует учета слишком большого количества факторов и происходит в неиерархичной (при отсутствии организационной подчиненности), противоборствующей (агрессивной) среде, в связи с чем ассоциируется скорее с попытками предугадать развитие событий в хаотичной системе и воздействовать на неё. Перефразируя Ф. Ницше, отметим: управление (в оригинале – культура) – это лишь тоненькая яблочная кожура над раскаленным пространством хаоса. Однако внешняя хаотичность социальных процессов (в том числе криминологических) не означает отсутствия в них закономерностей

---

[1] *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб., 2004. 518 с. ; *Рахманова Е.Н*. Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования : монография. М., 2009. 192 с.

[2] *Попов Д.В.* Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : дис. … д-ра философ. наук. Омск, 2022. 388 с. ; *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. М., 1999. 476 с.

[3] *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1995. 311 с.

(внутренней логики) или невозможность влияния на них, хотя и требует учета и анализа огромного количества факторов[1].

Так, М.В. Бавсун, используя термин «уголовная биополитика», определяет ее как элемент общей биополитики, «которая должна выполнять функцию управления и контроля, причем одну из самых сложных и жестких в силу тех мер, которые существуют в данной правовой сфере»[2], указывает, что «если это и не максимальный уровень такого воздействия, то безусловно близкий к нему». Такая «максимальность» уровня принуждения (воздействия) как раз и приводит к особо острому восприятию данной сферы правоотношений.

Кроме того, автор указывает, что подобное управление человеком (уголовно-правовое (*добавлено нами – К.К.*)), в отличие от моральной или правовой регуляции, носит буквальный – телесный, «роботизированный» характер[3].

В уголовно-правовой сфере непосредственно осуществление контроля (надзора) является предметом регулирования Уголовного и Уголовно-исполнительного кодексов. Также регулирование рассматриваемых правоотношений осуществляется отдельными нормативными правовыми актами, например, ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», ФЗ «Об исполнительном производстве».

Понятие «контроль» используется в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве в различных контекстах, как правило, в рамках норм, регламентирующих непосредственно применение той либо иной меры уголовно-правового характера, как средство, обеспечивающее исполняемость[4] данной меры и позволяющее констатировать соблюдение осужденным тех или иных предписаний, установленных для него.

Например, контроль за поведением условно осужденного осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений (ч. 6 ст. 73 УК РФ). Контроль

---

[1] *Глейк Д.* Хаос. Создание новой науки / пер. с англ. М. Нахмансова, Е. Барашковой. М., 2022. 352 с.

[2] *Бавсун М.В.* Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 44.

[3] *Бавсун М.В., Попов Д.В.* Метамодерн в праве: осциляции в точке Канетти. Статья I. Полиферация норм и разум // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 4. С. 62-70.

[4] *Тепляшин П.В., Тепляшин И.В.* Теоретико-правовое содержание моделей общественного контроля в уголовно-исправительной системе при введении режима особых условий // Ученые записки юридического факультета. 2022. № 3. С. 4-8 ; *Тепляшин П.В.* Особенности государственного контроля за исполнением уголовных наказаний в Российской Федерации и Республике Казахстан // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Костанай, 2020. С. 425-430.

за поведением лица, освобожденного условно-досрочно, осуществляется уполномоченным на то специализированным государственным органом, а в отношении военнослужащих – командованием воинских частей и учреждений (ч. 6 ст. 79 УК РФ). Контроль за поведением лиц, освобожденных от наказания в соответствии со ст. 80^2 УК РФ, осуществляется командованием воинской части (учреждения). Контроль выступает обязательным элементом принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 91 УК РФ): «Передача под надзор состоит в возложении на родителей или лиц, их заменяющих, либо на специализированный государственный орган обязанности по воспитательному воздействию на несовершеннолетнего и контролю за его поведением».

Также контроль является неотъемлемым содержанием принудительных мер медицинского характера (ст. 72^1, 102 УК РФ). Так, в ст. 72^1 УК РФ предписывается, что «контроль за исполнением осужденным обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию осуществляется уголовно-исполнительной инспекцией».

В то же время содержание принудительных мер медицинского характера раскрывается законодателем через обращение к термину «наблюдение» (ст. 101 УК РФ). Данный термин используется как в самом названии ПММХ «принудительное наблюдение и лечение у врача-психиатра в амбулаторных условиях» (ст. 99, 100 УК РФ), так и в качестве критерия выбора разновидности данных мер. Так, ст. 101 УК РФ при выборе ПММХ предписывает руководствоваться тем фактом, требуется ли постоянное и / или интенсивное наблюдение за лицом, исходя из его поведения и характера заболевания.

Кроме того, в нормах, регламентирующих исполнение наказания и иных мер уголовно-правового характера, используется и иной схожий термин – «надзор». Так, ст. 53^1 УК РФ предусматривает обязательное осуществление надзора за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы со стороны специализированного государственного органа. Статьи 90 и 91 УК РФ регламентируют такую меру воспитательного воздействия, как «передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа». Статья 314^1 УК РФ предусматривает ответственность за «уклонение от административного надзора».

Уголовно-исполнительный кодекс, регулируя непосредственно порядок исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера, несомненно, чаще использует рассматриваемые термины. Например, ст. 60.18 УИК РФ регламентирует порядок осу-

ществления надзора за осужденными к принудительным работам и меры по предупреждению нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ. При этом содержание надзора определяется следующим образом: «Надзор за отбыванием наказания осужденными к принудительным работам осуществляется администрацией исправительного центра и состоит в наблюдении и контроле за поведением осужденных в исправительном центре и по месту работы, а также в иных местах их пребывания».

Аналогичные предписания содержатся и в ст. 60 УИК РФ. В частности, «надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы осуществляется уголовно-исполнительными инспекциями и заключается в наблюдении за поведением осужденных, соблюдением ими установленных судом ограничений и принятии в случае необходимости установленных законом мер воздействия».

В рамках исполнения наказания, связанного с изоляцией осужденных, УИК РФ использует оба термина, не уточняя их различий в принципе. Так, ст. 83 предписывает, что «администрация исправительных учреждений вправе использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных». Несомненно, такой контроль носит скорее режимное значение, однако он содержит четкое указание на содержание контроля – сбор информации о подконтрольном – и его предназначение – предупреждение противоправного поведения.

Анализируя контроль в деятельности уголовно-исполнительных инспекций, Н.В. Ольховик также использует понятия «контроль» и «надзор» как однотипные, т.е. «средства обеспечения режима исполнения наказания»[1].

В то же время исполнение иных видов наказаний предполагает осуществление не надзора, а контроля за поведением осужденных к наказанию в виде исправительных работ (ч. 3 ст. 39 УИК РФ), обязательных работ (ч. 3 ст. 25 УИК РФ) либо контроля за исполнением установленных запретов и ограничений при исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ч. 3 ст. 33 УИК РФ).

Попытки определить принципиальные различия данных терминов в правовой и управленческой деятельности не находят достаточно аргументированных критериев и но-

[1] *Ольховик Н.В.* Режим испытания при условном осуждении. Томск, 2005. С. 101.

сят расплывчатый характер[1]. Например, контроль предлагается рассматривать в качестве одного из функциональных направлений деятельности органов исполнительной власти, в то время как надзор – в качестве основной профилирующей субъектно-определенной функции органов, специализированных в области надзора[2]. В обоих случаях речь идет о специфической деятельности, отражающей функции соответствующего органа.

При этом использование термина «надзор» содержательно не предполагает каких-либо принципиальных отличий от контроля. В обоих случаях в отношении осужденного предусматривается проведение (со стороны контролирующего органа) мероприятий по сбору информации о выполнении предписаний и реагированию на факт позитивного либо негативного поведения. Различия же состоят в большей мере в содержании самих наказаний. Так, наказание в виде лишения права занимать определенные должности не предполагает каких-либо ограничений в поведении лица, его перемещениях, выборе места жительства и т.д. за исключением недопустимости трудоустройства либо занятия определенной деятельностью. Наказание же в виде ограничения свободы, наоборот, содержит более широкий перечень ограничений и запретов для осужденного, однако не должно затрагивать его трудовых прав (см. ст. 50 УИК РФ).

Осуществление контроля за поведением условно осужденных предусматривает обязательное осуществление персонального учета условно осужденных в течение испытательного срока, а также контроля соблюдения ими общественного порядка и исполнения ими возложенных судом обязанностей (ст. 188 УИК РФ).

В некоторых случаях УИК РФ лишь указывает на необходимость осуществления контроля за отдельными категориями осужденных (ст. 178 «Контроль за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания»), не регламентируя полномочия по сбору информации о поведении лица.

Исходя из содержания рассматриваемых предписаний можно сделать вывод, что в рамках уголовно-правового и уголовно-исполнительного регулирования термин «надзор» используется для определения постоянного и интенсивного наблюдения и проверки соблюдения лицом установленных в отношении него ограничений. В свою очередь контроль рассматривается как менее интенсивное наблюдение и проверка лишь отдельных (меньшего количества) параметров поведения лица в случаях, когда оно не

---

[1] *Маслов К.В.* О соотношении понятий контроля и надзора // Правоприменение. 2018. Т. 2, № 1. С. 85-90.

[2] *Андреева Ю.А.* Контроль и надзор: основные подходы к разграничению понятий // Научный вестник Омской академии МВД России. 2009. № 1. С. 55-60.

представляет опасности для окружающих (условное осуждение) либо уже доказало свое частичное исправление (условно-досрочное освобождение и др.). Несмотря на то, что надзирающий орган имеет несколько более широкий круг полномочий по отношению к субъекту надзора, нежели при осуществлении контроля, данное различие представляется весьма незначительным.

В то же время оба понятия предполагают обязательные компоненты: сбор информации о поведении лица, т.е. отдельных параметрах такого поведения, обладающих сигнализирующим характером (сигналом), анализ данной информации и возможность корректирующего реагирования на позитивное либо негативное поведение.

Контроль в правоприменительной сфере рассматривается различными учеными с нескольких позиций.

Во-первых, это функциональный подход, предполагающий определение контроля как части управленческого процесса и совокупности мер, его обеспечивающих. Так, с позиции «информационной функции» контроль позволяет рассматривать его как «применение мер, которые обеспечивают возможность наблюдения за определенным объектом и проверки его соответствия установленным требованиям»[1]. Придание контролю «регулирующей функции» позволяет включать в его содержание и сами правоотношения между субъектами контроля[2].

Во-вторых, контроль отождествляется с самим процессом применения мер государственного принуждения (объективно неотъемлемых от него). Например, контроль рассматривается как «совокупность властных полномочий, предоставляемых компетентным органам, направленных на обеспечение наблюдения за поведением лица, состоящего под контролем, и получение о нем необходимой информации»[3].

Представители третьей позиции рассматривают контроль (и надзор) как одно из средств воздействия на осужденных, включая либо не включая его в качестве средств обеспечения режима (исполнения наказания)[4].

Рассмотрение контроля как сугубо режимного компонента, на наш взгляд, ограничивает его реальное содержание. Так, именно правоограничения, возникающие в процессе

---

[1] *Музенник А.К., Уткин В.А., Филимонов О.В.* Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора / под ред. В.Д. Филимонова. Томск, 1990. 176 с.

[2] *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом (опыт системного исследования). М., 1973. С. 240.

[3] *Музенник А.К., Уткин В.А., Филимонов О.В.* Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора / под ред. В.Д. Филимонова. Томск, 1990. С. 17.

[4] *Стручков Н.А.* Курс исправительно-трудового права: проблемы Особенной части. М., 1985. С. 78-79.

исполнения наказания либо иных мер уголовно-правового характера, составляют непосредственное содержание уголовной ответственности либо мер безопасности. Это содержание может меняться в процессе правоотношений и не всегда устанавливается исключительно судом. Например, в случае условного осуждения лица суд далеко не всегда указывает обязательство о явке осужденного в УИИ непосредственно в приговоре. Более того, данное ограничение даже не содержится в тексте ст. 73 УК РФ. В то же время ч. 6 ст. 188 УИК РФ предписывает, что «если периодичность явки условно осужденного для регистрации не была определена судом, то указанная периодичность, а также дни явки условно осужденного устанавливаются уголовно-исполнительной инспекцией».

В качестве одного из оснований продления испытательного срока при условном осуждении ч. 2 ст. 74 УК РФ определяет «уклонение осужденного от исполнения возложенных на него **судом** обязанностей».

Отсутствие указания в приговоре обязанности являться в УИИ предполагает, что она возникает из самого правового статуса условно осужденного и нормативных предписаний УИК РФ.

Учитывая наличие вышеобозначенных (внесудебных) обязанностей, возникает вопрос: может ли их нарушение (в том числе систематическое) выступать основанием для продления испытательного срока? Необходимо констатировать невозможность положительного ответа на него. Буквальное толкование ч. 2 ст. 74 УК РФ не позволяет продлевать испытательный срок осужденному, систематически уклоняющемуся от явки в УИИ РФ, если данное обязательство не было установлено в приговоре судом.

В данном случае закрепленное в ст. 190 УИК РФ правило позволяет изменить содержание ограничений, изначально установленных в приговоре суда, лишь в судебном порядке. В частности, ч. 2 ст. 190 предписывает, что в случае неисполнения условно осужденным указанных в ч. 4 ст. 188 УИК РФ требований, а также при наличии иных обстоятельств УИИ вправе ходатайствовать перед судом о целесообразности возложения на условно осужденного других обязанностей.

Такой двойственный подход к вопросу определения правового статуса условно осужденного представляется не в полной мере отвечающим требованиям целесообразности. Получается, что содержание установленных лицу правоограничений подлежит изменению в результате нарушения им норм не уголовного, а иного отраслевого законодательства, в то время как УК РФ подобных правовых последствий вообще не содержит.

Н.В. Ольховик также обращает внимание на наличие неопределенности в правовом статусе обязательств о явке в УИИ для постановки на учет лица, осужденного к наказанию, не связанному с лишением свободы. Такого рода неявка влечет за собой процедуру принудительного привода и доставления осужденного в инспекцию[1].

Аналогичная схема функционирует и в отношении иных видов наказаний и мер уголовно-правового воздействия. Так, определяя вид исправительного учреждения в приговоре, суд автоматически предрешает содержание правоограничений, обусловленных режимом данного учреждения и конкретизированных лишь в УИК РФ, а также в иных подзаконных нормативных правовых актах. При этом все устанавливаемые правоограничения в своей совокупности и определяют непосредственное содержание уголовной ответственности.

Таким образом, мероприятия и процедуры, осуществляемые в рамках реализации наказания или иных мер уголовно-правового характера, даже в случае если они прямо не указаны в приговоре лица, определяют его уголовно-правовой статус и выступают содержанием уголовной ответственности либо уголовно-правовых мер безопасности.

В данном случае правоограничения не просто позволяют органам, исполняющим наказание, осуществлять сбор информации о поведении лица, но и непосредственно оказывают влияние на его поведение путем корректировки, создания психологического компонента «присутствия» в жизни осужденного и в своей совокупности позволяют достигать цели исправления осужденного.

В то же время объектом контроля может выступать в том числе деятельность органов, непосредственно участвующих в исполнении наказания. В частности, деятельность органов исполнения наказания (УИИ, администрации исправительных учреждений, служб принудительного исполнения и т.д.) также подвергается контролю со стороны специализированных субъектов контроля и надзора (суд, прокуратура) в целях проверки соблюдения законности и полноты исполнения судебного решения. Специфика подобного контроля связана с особыми субъектами и их взаимоотношениями, в большей степени относимыми к субординационно-подчиненной деятельности государственных органов. Вопросы такого вида контроля выступали предметом научного анализа, как правило, в сфере уголовно-

[1] *Ольховик Н.В.* Работа уголовно-исполнительных инспекций с осужденными без изоляции от общества. Томск, 2007. С. 17.

исполнительного права и уголовного процесса[1]. Например, выступает отдельной разновидностью судебного контроля контроль за обеспечением прав и законных интересов граждан при рассмотрении уголовных дел в суде и при рассмотрении вопросов исполнения наказания[2]. В связи с этим В.В. Николюк указывает, что самостоятельное «уголовно-исполнительное судопроизводство, связанное с исполнением приговоров, обладает функцией судебного контроля за исполнением наказаний и является производным правосудия»[3].

Данный контроль является одной из гарантий эффективности уголовно-правового воздействия, базирующегося на динамических характеристиках, возникающих порой после вынесения первичного решения о назначении наказания (изменение обстановки, постпреступное поведение осужденного, состояние его здоровья и т.д.). В рамках данного контроля также осуществляется противодействие возможным преступным нарушениям (ст. 286, 290-291, 293 УК РФ и т.д.). Основное же содержание контроля в данном случае сводится к определению правомерности принятого решения, рассмотрению вопросов изменения содержания (размера, срока, вида) принятой меры уголовно-правового характера, например, решение вопроса о замене неотбытой части наказания на более мягкое (ст. 80 УК РФ) либо об освобождении от наказания в связи с болезнью осужденного (ст. 81 УК РФ) и т.д.

При этом субъекты уголовно-правовых отношений сохраняют свое присутствие в рамках данных правоотношений, а также свой правовой статус, однако некоторым образом меняется (расширяется) предмет контроля. Им становится не само поведение осужденного, а действия должностных лиц, участвующих в реализации уголовной ответственности. Так, в соответствии со ст. 20 УИК РФ суд контролирует исполнение наказаний при решении вопросов, подлежащих рассмотрению судом при исполнении приговора в соответствии со ст. 397 УПК РФ. При этом такого рода контроль происходит как в рамках разрешения частных вопросов исполнения наказания, так и на этапах замены наказания более мягким видом, условно-досрочного освобождения и т.д.

В отношении лиц, совершивших преступление, инструменты социального контроля в большей степени проявляются именно в рамках реализации уголовной ответственности. По общему правилу это наиболее длительный этап правоотношений, и он связан с применением наибольшего количества средств правового принуждения. Однако

---

[1] *Давыдова И.А.* Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2005. С. 142.

[2] *Уголовно-исполнительное* право: учебник / под ред. проф. В.И. Селиверстова. М., 2008. С. 178.

[3] *Николюк В.В.* Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР. Иркутск, 1989. С. 78.

рассмотрение инструментов контроля в качестве карательных (репрессивных) правоограничений представляется не соответствующим реальному предназначению и содержанию указанных мер.

Таким образом, социальный контроль воспринимается не как какое-то монолитно определенное явление, а одновременно во многих значениях:

– одна из функций социального управления;

– совокупность социально-правовых институтов, социальных норм и мер принуждения, предназначенных для предупреждения и исправления девиантного поведения;

– совокупность средств подтверждения правильности, достижимости целей правового регулирования;

– деятельность специализированных государственных органов, общественных организаций и членов общества по обеспечению законности и эффективности правоприменения.

Такое многообразие представлений и подходов к пониманию социального контроля порождает многозначность данного понятия и многоаспектность его проявления, а также приводит к отождествлению социального контроля с любыми проявлениями государственной власти и государственного управления обществом.

Социальный контроль в сфере уголовно-правового регулирования необходимо рассматривать как элемент механизма государственного управления, включающий в себя совокупность уголовно-правовых норм, институтов и мер уголовно-правового воздействия, предназначенных для реализации государственной функции по обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Социальный контроль выступает неотъемлемым элементом уголовно-правовых отношений, проявляющимся в: 1) легитимизации установления требований к членам общества в виде обязанности соблюдения уголовно-правовых запретов, а также особых требований к поведению лиц, совершивших преступление (в том числе лиц, совершивших общественно опасное деяние, предусмотренное статьями Особенной части УК РФ, находясь в состоянии невменяемости, а также совершивших общественно опасное деяние лиц, не достигших возраста уголовной ответственности); 2) сборе информации о поведении такого лица (проверке соблюдения требований уголовного законодательства); 3) правовой реакции государства на отклоняющееся (девиантное) поведение (как негативное, так и позитивное) в целях устранения деструктивного (общественно опасного) состояния данных лиц; а также 4) проведении социальных реабилитационных, ресоциа-

лизирующих, адаптационных и иных мероприятий, направленных на оказание помощи лицу, совершившему преступление.

Социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования представляет собой одну из важнейших функций государственного управления, выражающуюся в совокупности методов и стратегий, позволяющих формировать уголовно-правовые отношения таким образом, при котором государство: 1) легитимизирует и непосредственно осуществляет наблюдение за соблюдением членами общества требований уголовного законодательства; 2) реагирует на факты преступного (общественно опасного) поведения минимально затратным способом; 3) реализует наблюдение за поведением лиц, нарушивших уголовно-правовые запреты, и устанавливает для них правовые ограничения с целью обеспечения безопасности общества.

Также необходимо уточнить, что в уголовно-правовой сфере термин «социальный контроль» (или просто «контроль») фактически используется в двух самостоятельных значениях: 1) как совокупность элементов и инструментов, реализующих функцию социального управления; 2) как непосредственно процедура наблюдения за поведением лиц, совершивших преступление, одновременно и как средство достижения целей уголовно-правового воздействия, и как способ проверки, т.е. подтверждения их достижения. Данная процедура наиболее свойственна сфере уголовно-правового воздействия, неразрывно связана с наказанием и иными мерами уголовно-правового характера и олицетворяет собой реализацию идеи социального контроля в уголовно-правовой сфере.

Таким образом, социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования проявляется в следующих формах: 1) *фактора* установления и закрепления перечня общественно опасных деяний и способа реагирования на них со стороны государства; 2) *специфических уголовно-правовых отношений*, заключающихся в длящемся наблюдении за соблюдением требований уголовного законодательства и проверке правомерности поведения лица, нарушившего уголовно-правовой запрет; 3) *средства* проверки *эффективности* реализации функций уголовного права.

§ 3. Соотношение механизмов социального контроля и уголовно-правового регулирования[1]

Механизм как общенаучная категория представляет собой внутреннее устройство (систему звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие; систему, устройство, определяющее порядок какого-либо вида деятельности[2]. Например, механизм правового регулирования рассматривается как «система правовых средств, организованных наиболее последовательным образом в целях преодоления препятствий, стоящих на пути удовлетворения интересов субъектов права»[3] либо как «система средств, с помощью которых осуществляется правовое регулирование общественных отношений»[4]. Элементами же данного механизма выступают «юридические нормы, правовые отношения, акты реализации прав и обязанностей и акты применения права как факультативная составляющая, а также правосознание и правовая культура»[5].

Механизм социального контроля представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов, социально-правовых институтов, посредством которых общество или социальная группа регулирует поведение людей и предотвращает нежелательные поступки.

Если основными формами осуществления социального контроля в социологии рассматриваются в первую очередь нормы и санкции[6], то к методам контроля относятся:

1. Изоляция – удаление девианта или исключение его из социума.

2. Обособление – ограничение контактов девианта с другими лицами без полной его изоляции.

3. Реабилитация – процесс подготовки девианта к возвращению в общество и социально приемлемому поведению.

Также к ним относят стимулирование и моральное осуждение либо одобрение.

Данным методам коррелируют и методы социального управления:

1. Организационно-административные – прямые указания, директивы и администрирование;

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н*. Функция контроля в уголовном праве: постановка проблемы // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4. С. 5-11 ; *Карпов К.Н.* Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере : монография. Омск, 2025. 220 с.

[2] *Толковый* словарь Ожегова. URL: https://gufo.me/dict/ozhegov (дата обращения: 16.07.2023).

[3] *Малько А.В.* Механизм правового регулирования: лекции // Правоведение. 1996. № 3. С. 54-62.

[4] *Теория* государства и права: учебник / под ред. О.Ю. Рыбакова. М., 2016. С. 300.

[5] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 106-183.

[6] *Нурышев Г.Н., Бразевич Д.С.* Социология: уч. пос. СПб., 2010. С. 199.

2. Социальные и социально-психологические – поощрение, стимулирование к определенного рода активности;

3. Экономические (ресурсные);

4. Самоуправление.

При этом исходя из приоритетов и преобладания тех либо иных мер выделяют такие стратегии, как мягкий (косвенный) контроль, при котором преобладает информационное воздействие (например, СМИ), либо прямой (жесткий) контроль – преобладание репрессивных мер, правоограничений.

Так, мягкая стратегия информационного воздействия в уголовно-правовой сфере соответствует механизму общего предупреждения преступлений, включающему в себя устрашение путем доведения сведений о существующих уголовно-правовых запретах, предусмотренных за их нарушение санкциях, а также фактах реального правоприменения (назначения и исполнения наказаний и иных мер уголовно-правового характера). Строгая же стратегия воплощается непосредственно в рамках реализации уголовной ответственности и сопутствующих правоограничениях.

Такие методы социального контроля, как изоляция, обособление и реабилитация, находят свое отражение в различных видах наказания, а также иных мерах уголовно-правового характера, связанных как с изоляцией осужденного (лишение свободы и т.д.), ограничением его отдельных прав (ограничение свободы), так и с возможностями его постепенной ресоциализации и социальной адаптации (условное осуждение, условно-досрочное освобождение, пробация).

Методы социального контроля также непосредственно используются в уголовном праве. Так, уголовно-правовые запреты, а также дозволения (обстоятельства, исключающие преступность деяния) соответствуют организационно-административным прямым указаниям, директивам. Институты нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности (или наказания), условного осуждения и т.д. выступают в роли социально-психологических мер поощрения, стимулирующих к определенного рода активности. Такие институты, как конфискация имущества либо наказание в виде штрафа, являются воплощением экономических (ресурсных) методов контроля. В свою очередь возможности деятельного раскаяния, примирения с потерпевшим, освобождения от уголовной ответственности в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, а также институт прекращения дел частного обвинения могут рассматриваться как диспозитивные

начала или аналог самоуправления, при котором стороны конфликта имеют возможность самостоятельно его урегулировать.

Таким образом, система уголовно-правового регулирования имеет возможности для использования средств и методов социального управления и социального контроля. Однако в современном уголовно-правовом дискурсе механизм уголовно-правового воздействия рассматривается не как правоотношения, основанные на концепции социального контроля, а преимущественно как способ карательного воздействия на преступника, соразмерного опасности совершенного деяния, эквивалентного ему и протекающего в строго ограниченных временных рамках и исключительно в негативном контексте. Такой подход допускает возможность правоограничений только виновного и только в строго ограниченных рамках, вызванных требованием искупления вины, в то время как обеспечение безопасности и исправление виновного рассматриваются лишь как элемент (свойство) процесса исполнения наказания.

В свою очередь реализация контроля в сфере уголовно-исполнительного права рассматривается составной частью механизма правового регулирования общественных отношений в сфере исполнения наказания, а определение его элементов предлагают производить по аналогии с элементами механизма правового регулирования. Однако «социальный контроль не представляет собой однородного явления, он может быть использован как для наказания, так и для помощи девианту»[1]. По Д. Блэку, в зависимости от преобладания тех либо иных инструментов соответственно выделяются наказывающий, компенсирующий, примиряющий и терапевтический стили социального контроля[2]. Соответственно, учитывая идеализированность данных типов, в реальности проявляется их сочетание и использование каждого.

Правовой контроль как разновидность организационного социального контроля основан на использовании общеобязательных норм социального права, обеспеченных механизмом социального принуждения[3]. А.В. Усс, исследуя исторические предпосылки уголовно-правовых отношений, отмечал, что важнейшей чертой внутригрупповых отношений является их тотальная публичность (совместное производство и потребление, ритуалы и церемонии, гласная фиксация изменения правового положения, публичный харак-

---

[1] *Щитов Н.Г.* Социальный порядок, социальный контроль и медикализация наказания. Владивосток, 2002. С. 25.

[2] *Black D.* The Behavior of Law. N.Y., 1976. 175 p.

[3] *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996. С. 82.

тер конфликтов и т.д.). Из это следует нахождение каждого отдельного субъекта в сфере всеохватывающего контроля со стороны других, т.е. группы в целом[1]. При этом главной задачей контроля, по словам В.И. Ленина, является «не столько ловить, изобличить, сколько уметь поправить…, т.е. умелое исправление вовремя»[2].

Целеполагание является неотъемлемым элементом рассудочной, рациональной деятельности человека[3] и встречается достаточно часто в сфере правового регулирования. Закрепление целей (назначения) или задач является свойственным большинству отраслей права. Например, ст. 6. УПК РФ определяет, что назначение уголовного судопроизводства состоит в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Задачами оперативно-розыскной деятельности в соответствии со ст. 2 ФЗ «Об ОРД» являются выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших, и др.

В теории права и государства социальный контроль воспринимается как особая функция в системе управления общественными процессами (функциональный аспект) и как особая стадия каждого отдельного управленческого цикла (системный, пространственно-временной аспект), который в свою очередь разделяется на информационно-аналитическую и корректирующую (регулирующую) стадии[4].

Исходя из восприятия права как формы отношений в процессе управления выделяют такие этапы или стадии управленческого цикла: 1) формирование цели; 2) дескриптивная – сбор и обработка информации, необходимой для принятия решения; 3) прескриптивная – непосредственно вынесение решения); 4) реализация решения; 5) ретроспективная – обобщение и анализ результатов выполнения решения (реагирование на положительные или отрицательные последствия принятого решения). Представляется, что такое понимание правоотношений предполагает имманентную присущность социального контроля практически на всех этапах управления. То есть контроль обеспечивает процесс управления. Исключение можно сделать разве что для первичного опре-

---

[1] *Усс А.В.* Социально-интегративная роль уголовного права : монография. Красноярск, 1993. С. 34.

[2] *Ленин В.И.* К вопросу о задачах рабкрина, их понимании и их исполнении // Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М., 1974. С. 127.

[3] *Щютц А.* Смысловое строение социального мира / Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М., 2004. 1056 с.

[4] *Рябко А.И.* Социальный контроль и его правовые формы: (Вопросы теории) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1995. 21 с.

деления целей. Однако и они могут претерпеть изменение в процессе анализа и обобщения результатов правоприменения.

Учитывая, что социальный контроль выступает инструментом государственного управления, соответственно, его предназначение коррелирует с целями, обусловленными функциями государства по обеспечению безопасности общества. В то же время задачи социального контроля присутствуют и проявляются как в самой системе уголовно-правового регулирования, так и непосредственно в мерах уголовно-правового воздействия.

Негативность возникающих правоотношений, в рамках которых реализуется механизм государственного принуждения, отнюдь не отменяет того факта, что его участники также являются членами общества, носителями прав и свобод и обладают своими специфическими правовыми статусами.

Так, согласно ст. 55, 56 Конституции РФ ограничение прав и свобод человека и гражданина возможно лишь в целях, установленных Конституцией РФ. Таковыми целями являются: защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства.

Необходимо остановиться на том обстоятельстве, что указанные цели не в полной мере совпадают по содержанию с задачами уголовного законодательства (решение которых, собственно, предполагает применение и средств принуждения, и дальнейшего ограничения, в том числе и конституционных прав). В соответствии со ст. 2 УК РФ наказание и иные меры уголовно-правового характера применяются для охраны прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации от преступных посягательств, обеспечения мира и безопасности человечества, а также предупреждения преступлений.

В совокупности уголовного и уголовно-исполнительного восприятия контроль составляет непосредственное содержание уголовно-правового воздействия. Так, провозглашенный приговор (либо иное принятое итоговое решение по делу), констатировавший виновность лица в совершении преступления, принципиально изменяет правовое положение лица и порождает необходимость реализации особых правоотношений по принуждению лица к правопослушному поведению путем исполнения назначенного судом наказания.

Учитывая, что вся система уголовного принуждения сформирована (по крайней мере так заявлено в ст. 2 УК РФ) для решения указанных задач, возникает формальное противо-

речие, состоящее в том, что УК РФ как подчиненный по юридической силе Конституции нормативный акт устанавливает возможность значительного ограничения прав и свобод человека и гражданина в целях, не перечисленных напрямую в ст. 55 Конституции РФ.

Однако данное противоречие, по всей видимости, воспринимается как теоретическое и не влияющее принципиально на сущность регулируемых правоотношений. На наш взгляд, учитывая иерархичность предписаний данных нормативных правовых актов, их положения должны быть приведены в соответствие друг другу и либо полностью текстуально совпадать, либо иметь такую формулировку, которая бы предполагала включенность задач (УК РФ) в качестве компонента целей (Конституция РФ).

Законодательное определение задач уголовного права, закрепленных в ст. 2 УК РФ, неоднократно выступало предметом научных исследований[1] и в целом воспринимается большинством ученых приемлемым для использования при построении законодательства и формировании правоприменительной практики.

Исходя из функций отрасли уголовного права предлагается выделять следующие ее задачи: охранительную, регулятивную, предупредительную, воспитательную[2]. Так, Г.С. Шкабин, анализируя установленные в ст. 2 УК РФ задачи: охрану социальных объектов от преступных посягательств, предупреждение преступлений и обеспечение мира и безопасности человечества – отмечает, что последняя из них – «национальная обеспечительная задача представляет собой часть глобальной задачи, характерной для всех мировых уголовно-правовых систем»[3]. При этом автор считает, что охрана выражается в создании условий для недопущения негативных изменений в защищаемом объекте. Данный тезис предполагает, что констатация защищенности общественных отношений возможна после получения информации о поведении участников данных правоотношений и совершенных ими деяниях, что в свою очередь предполагает использование инструментов социального контроля.

---

[1] *Пионтковский А.А.* Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение (1895 г.) // Российский криминологический взгляд. 2007. № 4. С. 61-68 ; *Тимохин С.Ю.* Функции, задачи и цели уголовного права: проблемы соотношения : дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2002. 200 с. ; *Кибальник А.Г.* Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы. СПб., 2003. 252 с. ; *Коваленко О.Н.* Задачи и функциональные возможности уголовного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2012. 22 с. ; *Мальцев В.В.* Задачи уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 4. С. 192-205.

[2] *Коваленко О.Н.* Задачи и функциональные возможности уголовного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Самара, 2012. С. 9.

[3] *Шкабин Г.С.* Цели и задачи предупреждения преступлений в уголовном и оперативно-разыскном законодательстве // Сибирский юридический вестник. 2015. № 2. С. 74-81.

В.В. Мальцев указывает, что «уголовное право обусловлено существованием общественно опасного поведения людей, и поэтому оно изначально предназначено для охраны общественных отношений базисного характера»[1], и в связи с этим к задачам уголовного права относит не только защиту общественных отношений и предупреждение преступлений, но и обеспечение справедливости[2]. Однако современное законодательство и складывающаяся правоприменительная практика все чаще свидетельствуют о том, что справедливость уголовной ответственности рассматривается в контексте безопасности общества. То есть справедливой признается такая мера уголовно-правового воздействия, которая обеспечивает безопасность общества от преступных посягательств.

Восприятие необходимости социального контроля как одной из задач уголовного законодательства предполагает формирование уголовно-правовых отношений таким образом, чтобы реализовывались функции уголовного законодательства. В частности, в науке выделяют функцию государственного контроля над преступностью, включающую в себя: политическую, идеологическую, охранительную, экономическую, принудительную, воспитательную, компенсаторную, координационную[3]. Представляется, что данный перечень все же характеризует функции уголовного права[4] (или уголовно-правового воздействия), но не контроля как отдельной функции государственного управления.

Основные задачи контроля в большей степени предполагают:

– во-первых, формирование уголовного законодательства (а также смежных отраслей) и определение круга деяний, общественно опасных в конкретный исторический период, с учетом социально-культурных особенностей общества, которые должны выступать основанием для проведения контролирующих процедур в отношении лица, обладающего общественной опасностью. При этом уголовно-правовой запрет должен быть сформулирован с такой степенью корректности, при которой имеется возможность его фиксации (сбора информации) и юридической оценки (анализа и квалификации);

– во-вторых, создание такого правового режима, при котором совершение запрещенного уголовным законом деяния выступает в роли факта, принципиально меняюще-

---

[1] *Мальцев В.В.* Задачи уголовного права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1999. № 4. С. 192-205.

[2] *Там же*. С. 205.

[3] *Харитонов А.Н.* Государственный контроль над преступностью (Теоретические и правовые проблемы). Омск, 1997. С. 21.

[4] *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования). Л., 1965. 186 с.

го правовой статус лица, совершившего преступление. Правовое положение лица, совершившего преступление, должно предполагать, что лицо вынуждено вести правопослушный образ жизни (например, под угрозой уже назначенного, но не исполняемого наказания), а с другой стороны, оно лишается возможности участия в некоторых правоотношениях, тем самым снижая вероятность повторения преступного поведения.

Указанные основные задачи социального контроля являются прямо вытекающими из функции государства по обеспечению безопасности общества.

Локальными задачами социального контроля выступают:

– обеспечение правовой возможности сбора, хранения и анализа информации о подконтрольном;

– создание условий, затрудняющих совершение новых преступлений подконтрольным;

– создание такого режима жизнедеятельности подконтрольного лица, при котором происходит снижение вероятности антисоциального и противоправного поведения (не только ограничения, но и помощь – например, пробация);

– обеспечение возможности дифференциации и индивидуализации мер уголовно-правового воздействия в отношении осужденного;

– обеспечение возможности корректирования поведения осужденного.

Согласно разработанной П. Бергером классификации уровней социального контроля они начинаются с личностного уровня – самоконтроль – и увеличиваются в зависимости от социальных кругов: частный круг – семья; малые круги – работа, коллеги, друзья; общественный – мораль, традиции, нравы; политико-юридическая система – государство и его институты (налоги, армия)[1]. Данная система сдерживающих факторов в зависимости от их значимости и интенсивности позволяет интерпретировать ее и через призму контроля в сфере уголовно-правового регулирования. Именно комплексное использование государством инструментов социального контроля разного уровня позволяет достигать целей снижения преступности.

Учитывая, что социальный контроль присущ всем мерам уголовно-правового воздействия, решение данных задач становится возможным лишь при соответствующем уровне правового регулирования уголовно-правовых отношений. Однако данные правоотношения в основном воспринимаются как реализация уголовной ответственности в

[1] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М., 1995. 336 с.

виде назначения и исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера. В действительности же круг уголовно-правовых отношений является более широким и предполагает наступление уголовно-правовых последствий совершения преступления, которые влекут изменение уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление (в широком смысле). В частности, уголовно-правовыми характеристиками обладают правоотношения, субъектами которых выступают в том числе лица, совершившие общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, либо лица, не достигшие возраста уголовной ответственности на момент совершения общественно опасного деяния. Даже при отсутствии возможности привлечения указанных лиц к уголовной ответственности и назначения наказания их дальнейший правовой статус претерпевает принципиальные изменения именно в связи с совершенным ими общественно опасным деянием. Речь идет именно о данном уголовно-правовом статусе. Применение конфискации имущества, принудительных мер медицинского характера, мер воспитательного воздействия, административного надзора и т.д. возможно исключительно к лицу, обладающему соответствующим уголовно-правовым статусом – лицо, совершившее преступление (либо приравненным к нему – совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное Особенной частью УК РФ).

Профессор А.И. Чучаев отмечает, что определить предмет и границы правового влияния зачастую можно лишь путем сопоставления общего юридического статуса с юридическим статусом лица, к которому применена та или иная мера, т.е. сравнением исходного и конечного объектов воздействия. Таким образом, определение корректных оснований возникновения данного уголовно-правового статуса является одной из основных задач социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования.

Исходя из указанных задач выстраивается соответствующий механизм правового регулирования, в рамках которого определяются возможные, допустимые и приемлемые пределы правового регулирования. В правовой сфере в целом (а также в рамках уголовного права и криминологии) для обозначения специфической государственной деятельности, направленной на достижение целей, используются несколько различных понятий – правовое регулирование[1] и правовое воздействие[1], обладающих своим механиз-

[1] *Сорокин В.Д.* Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень). СПб., 2003. 661 с. ; *Сорокин В.Д.* Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. М., 1976. 142 с. ; *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. 187 с. ; *Ершов В.В.* Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. М., 2018. 628 с. ;

мом (соответствующие им уголовно-правовое регулирование и уголовно-правовое воздействие также).

Соотношение указанных понятий неоднократно становилось предметом исследований как в рамках общей теории права и государства, так и в рамках уголовно-правовых исследований. Если термин «правовое регулирование» является устоявшимся в рамках теории государства и права с возможностью уточнения отрасли регулирования (гражданско-правовое, административно-правовое, уголовно-правовое регулирование и т.д.), то «правовое воздействие» больше свойственно именно отрасли уголовного права. Так, в рамках работы «Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект)» Е.С. Зайцева, обобщая существующие в теории права и государства подходы и представления, указывает, что «правовое регулирование является одной из форм воздействия, это процесс юридического воздействия, который осуществляется с помощью правовых средств, создаваемых в результате различных видов правовой деятельности (правотворческой, правоприменительной)». Однако, по мнению автора, «следует говорить о невозможности определения однозначного соотношения правового регулирования и правового воздействия в целом и указания, что первое во всех случаях является видом, формой или этапом второго»[2].

С.С. Алексеев определял три основные функции правоотношений в механизме правового регулирования: 1. Фиксация круга лиц, на которых в тот либо иной момент распространяется действие данных юридических норм; 2. Закрепление конкретного поведения, которому должны или могут следовать лица; 3. Условие для возможного приведения в действие специальных юридических средств обеспечения субъективных прав и правовых обязанностей[3].

Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность. Красноярск, 1989. 208 с. ; *Кропачев Н.М.* Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система. СПб., 1999. 262 с. ; *Жариков Ю.С.* Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации : монография. М., 2009. 212 с. ; *Тихомиров Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. 398 с.

[1] *Уголовно-правовое* воздействие : монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. М., 2012. 286 с. ; *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. 337 с. ; *Дуюнов В.К.* Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. 520 с. ; *Жариков Ю.С.* Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации : монография. М., 2009. 212 с. ; *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М., 2010. 319 с. ; *Лапшин В.Ф.* Юридический анализ содержания категории «уголовно-правовое воздействие» // Вестник Югорского государственного университета. 2019. № 3. С. 7-13.

[2] *Зайцева Е.С.* Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект). Омск, 2020. С. 16.

[3] *Алексеев С.С.* Общая теория права : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2009. 576 с.

В.В. Лазарев обращает внимание на необходимость различения способности права оказывать влияние на психологические процессы, протекающие в сознании человека, и даже известным образом их регулировать, и невозможности объективного правового контроля над ходом мысли, более того, социальную вредность такого контроля[1].

Ю.А. Тихомиров, задаваясь вопросом о способах правового воздействия на социальную действительность, выделяет идеологическое воздействие, психологическое, а также традиционное «правовое регулирование, предполагающее признание, поддержку, охрану и защиту, стимулирование, ограничение и запреты, санкции и т.д.»[2], тем самым отмечает значимость соотношения правового регулирования и правового воздействия. Е.С. Зайцева указывает, что «правовое воздействие имеет более широкую сферу распространения, чем правовое регулирование, и если регулированию может быть подвержено внешнее поведение, то объектом правового воздействия выступает прежде всего сознание субъекта»[3].

Контроль как элемент системы управления, несомненно, имеет свое проявление как в уголовно-правовом воздействии, так и в рамках уголовно-правового регулирования. Однако речь идет о разных видах контроля. Так, в части правоприменения контроль осуществляется за целесообразностью и общей эффективностью уголовно-правовых норм и результатом уголовной политики государства. Уголовно-правовое регулирование же, имеющее более осязаемую (в юридическом смысле) структуру используемых средств, в большей степени использует механизмы уголовно-правового контроля, позволяющие определить эффективность достижения поставленных целей и скорректировать средства их достижения в отношении индивидуально определенного круга подконтрольных (лиц, совершивших преступления).

В качестве средств контроля над деструктивными проявлениями социума рассматривают не только уголовное право, но и саму систему и оперативно-разыскной деятельности, и осуществления правосудия[4].

---

[1] *Лазарев В.В.* Определение сферы правового регулирования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1980. № 5. С. 64-71.

[2] *Тихомиров Ю.А.* Загадки правового воздействия на процессы в окружающем мире // Журнал российского права. 2023. № 9. С. 11.

[3] *Зайцева Е.С.* Проблемы пределов правового регулирования в отечественной юридической науке // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 3. С. 12.

[4] *Мелихов А.И., Готчина Л.В.* Оперативно-разыскная деятельность как институт предупреждения, контроля и пресечения насилия в истории России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 1. С. 127-132.

Таким образом, контроль, являясь элементом социального управления, используется в рамках как уголовно-правового регулирования, так и уголовно-правового воздействия, однако имеет свои особенности (например, объекты, субъекты, формы и виды) в каждом из этих явлений.

Механизм уголовно-правового регулирования состоит из всех элементов, входящих в предмет науки уголовного права, в том числе в нем необходимо выделять норму права, объект регулирования, уголовное правоотношение, его субъекты и объекты, их субъективные права и обязанности, принципы уголовного права, юридические факты, акты реализации и применения уголовного права, уголовную ответственность[1].

По мнению Ю.С. Жарикова, уголовно-правовое регулирование – это упорядочение посредством охранительных норм уголовной ответственности за совершение деяний, сопряженных с возникновением негативных общественно опасных социальных отношений, вышедших за пределы правовых или общественно полезных, а равно регламентирование позитивных общественных отношений в сфере применения охранительных норм уголовного закона. При этом, по взглядам автора, регулирование надо рассматривать преимущественно в межотраслевом контексте, в том числе и в единой системе уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права[2].

Сферу правового регулирования можно определить как наиболее значимые для государства и общества конкретные волевые общественные отношения, поддающиеся внешнему контролю[3].

В качестве одной из составляющих данной сферы рассматривается деятельность по обеспечению защиты общественного порядка. Название третьей группы, на наш взгляд, является несколько зауженным, так как фактически речь идет обо всех охранительных отношениях.

Современная наука уголовного права для обозначения присущего ей метода уголовно-правового регулирования использует ряд схожих понятий: механизм уголовно-правового регулирования, уголовно-правовое воздействие, уголовная ответственность[4].

---

[1] *Кропачев Н.М.* Механизм уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук в форме научн. докл. СПб., 2000. 60 с.

[2] *Жариков Ю.С.* Уголовно-правовое регулирование: понятие, виды и формы // Современное право. 2011. № 7. С. 119-123.

[3] *Пьянов Н.А.* Консультации по теории государства и права : учеб. пос. : в 2 ч. Ч. 2. Иркутск, 2006. С. 135.

[4] *Черняков С.А., Бровко Н.В.* Регулятивная функция уголовного права // Уголовное право и криминология. 2022. № 1. С. 28-31.

Данные понятия используются для выделения специфики отрасли уголовного права, ее предмета и метода регулирования (охраны) общественных отношений.

Учитывая, что каждое из указанных понятий имеет достаточно длительную историю законодательного и доктринального существования, детально разрабатывалось в рамках науки уголовного права и криминологии, мы не ставим перед собой задачи их повторного переосмысления. Данные понятия и стоящие за ними явления будут рассматриваться исключительно с точки зрения использования социального контроля для их формирования и дальнейшей реализации.

Сопоставляя понятия и содержание уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования, М.В. Бавсун приходит к выводу о том, что данные явления носят относительно самостоятельный, хотя и взаимообусловленный характер[1]. Анализируя данные понятия, М.П. Клейменов заявляет, что «раскрытие содержания этого понятия (уголовно-правовое воздействие *(добавлено нами – К.К.)*) уводит авторов в область уголовной политики, в которой пересекаются вопросы уголовно-правового, криминологического, административно-правового, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного характера»[2].

В данном случае верной представляется позиция Н.А. Лопашенко, которая отмечает, что «любое правовое регулирование является и правовым воздействием, но не любое правовое воздействие есть правовое регулирование»[3].

Важным в данном вопросе применительно к нашему исследованию является заключение Ю.И. Ляпунова о том, что «общая превенция преступлений как одна из основных функций уголовного права реализуется в объективной действительности именно в рамках правового воздействия, а не регулирования. Воздействие норм уголовного права может протекать и чаще всего фактически протекает далеко за пределами процесса регулирования общественных отношений, складывающихся в результате реальных преступных посягательств»[4].

Так, психологическое, информационное, идеологическое и т.д. воздействия несводимы к сугубо правовой сфере правоприменения либо прямого действия законодательных

---

[1] *Бавсун М.В.* Соотношение уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2. С. 56-63.

[2] *Клейменов М.П., Клейменов И.М.* Уголовно-правовое реагирование в историческом аспекте // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2019. Т. 16, № 4. С. 149-161.

[3] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 34.

[4] *Уголовное* право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. М., 1997. С. 18-19.

предписаний, а поэтому и не вполне могут рассматриваться частью правового регулирования (в узком смысле). В таком случае уголовно-правовое воздействие, имея существенный потенциал в части оказания влияния (как положительного, так, возможно, и отрицательного) на общественные отношения, является более широким, а отчасти и несопоставимым с уголовно-правовым регулированием понятием. Последнее же сочетает в себе сугубо юридические компоненты, упорядочивающие правоотношения посредством норм права, определения предмета правоотношений, их содержания и реализации.

В свою очередь, результат грамотного сочетания как правотворческой (регулирующей), так и правоприменительной (воздействующей) деятельности государства в лице его органов и уполномоченных на то лиц предопределяет эффективность государственной деятельности по выполнению основных функций государства в виде обеспечения безопасности общества.

Научная полемика по данному вопросу представляется достаточно разноплановой. Н.А. Лопашенко указывает, что уголовно-правовое воздействие охватывает собой и уголовное право, и уголовное законодательство, и уголовную политику как основополагающие элементы, аккумулирующие в себя понятия преступного и наказуемого, и все, что с ними связано[1]. Определенным образом «примиряя» различные подходы, И.Э. Звечаровский отмечал: «Трудно представить ситуацию, при которой та либо иная отрасль права только бы регулировала или только бы охраняла, поскольку правовое воздействие на общественные отношения – это единый регулятивно-охранительный процесс»[2].

Расширяя содержание данного понятия, М.В. Бавсун указывает, что составляющими его элементами выступают информационно-правовые, карательные, воспитательные средства, а также меры безопасности[3].

Отмечая размытость подхода, расширяющего указанное понятие, И.М. Клейменов указывает на необходимость более узкого понимания его и соглашается с В.Д. Дуюновым, который предлагает представлять уголовно-правовое воздействие как «специальную деятельность государства, реагирующего на факты нарушения устанавливаемых им

---

[1] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия, СПб., 2004. 337 с.

[2] *Звечаровский И.Э.* Современное уголовное право России. СПб., 2001. С. 13.

[3] *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2016. 40 с.

уголовно-правовых запретов посредством использования возможностей, заложенных в уголовном праве»[1].

Автор отмечает, что понятие «уголовно-правовое воздействие», возникшее на рубеже XXI века в отечественной уголовно-правовой науке, до настоящего времени остается не до конца разработанным и воспринимается научной общественностью поразному (и как позитивное и необходимое для развития науки, и как недостаточно конкретное)[2]. Оно сочетает в себе описание деятельности государства по обеспечению безопасности членов общества и государства в целом от противоправного преступного воздействия, а также характеристики используемых для этого методов. Широта же данного понятия подчеркивается и в рамках общетеоретических правовых исследований, где констатируется объективная невозможность подвергнуть научному анализу пределы правового воздействия[3] (но не правового регулирования).

В данном ключе с сужением понимания уголовно-правового воздействия происходит его приближение непосредственно к уголовно-правовому регулированию.

Анализируя указанное понятие, М.П. Клейменов и И.М. Клейменов предлагают еще один термин – «уголовно-правовое реагирование» как более узкий вариант понимания уголовно-правового воздействия, включающий в себя только «центральную часть уголовно-правового воздействия, связанную с реализацией именно уголовной ответственности»[4]. В свою очередь А.В. Усс отмечает, что «уголовно-правовая реакция интерпретируется как форма осуждения, порицания поведения, нарушающего нормы, признаваемые обществом наиболее важными»[5].

Схожий термин («меры уголовно-правового реагирования на преступность») использует И.Э. Звечаровский. В своих работах, посвященных анализу правоприменительной практики назначения наказания, иных мер уголовно-правового характера, а также оснований освобождения от уголовной ответственности[6], автор приходит к выво-

---

[1] *Дуюнов В.К.* Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. 250 с.

[2] *Дуюнов В.К.* Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : дис. … д-ра юрид. наук. Тольятти, 2001. 512 с. ; *Чучаев А.И., Абдрахманова Е.Р.* Лишение свободы и проблемы его реализации. Ульяновск, 1996. С. 61 ; *Ширяев В.Ф.* Наказание в системе мер уголовно правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования : дис. … канд. юрид. наук. Ярославль, 2001. 223 с.

[3] *Зайцева Е.В.* Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект). Омск, 2021. С. 55.

[4] *Клейменов И.М., Клейменов М.П.* Уголовно-правовое реагирование. М., 2022. С. 9.

[5] *Усс А.В.* Социально-интегративная роль уголовного права : монография. Красноярск, 1993. С. 86.

[6] *Звечаровский И.Э.* Меры уголовно-правового реагирования на преступность в современной России // Уголовное право. 2021. № 12. С. 26-31.

ду о низкой эффективности применения указанных мер. При этом справедливо указывает на необходимость существенным образом пересмотреть содержание системы наказаний исходя из реальных возможностей достижения целей наказания, а основное место в содержании уголовно-правового воздействия уделить именно этапу реализации уголовного наказания[1]. В.К. Дуюнов, рассматривая правовое воздействие как реакцию государства на факт совершения преступления, отмечает, что к сфере юридической ответственности вряд ли можно относить такие институты, как «освобождение от ответственности», «обстоятельства, исключающие преступность деяния» и т.д., однако они требуют изучения именно в контексте уголовного права[2].

При этом реальное содержание уголовно-правового воздействия включает в себя более широкий спектр средств, в том числе альтернативных наказанию: освобождение от наказания или уголовной ответственности[3] (С.И. Курганов), институт испытания (А.А. Нечепуренко)[4] и т.д.

Фактором же, объединяющим все указанные меры, является то, что они порождаются (возникают) в связи с совершением преступления, содержат правоограничения в отношении лица, совершившего преступление, и предназначены для обеспечения безопасности в части недопущения совершения новых подобных деяний (как минимум, со стороны данного лица, а как максимум – и неограниченным кругом лиц).

Ю.В. Грачева определяет уголовно-правовое воздействие «как целенаправленную активную деятельность государства, заключающуюся в основанном на уголовном законе принуждающем влиянии посредством лишения либо ограничения прав и свобод лица, совершившего общественно опасное деяние»[5].

М.В. Бавсун, давая определение уголовно-правового воздействия, совмещает в нем не только специальную деятельность государства по регулированию общественных отношений, возникающих по поводу совершения преступлений, но и фактическую деятельность правоприменительных органов по практическому применению сформированных на государственном уровне средств противодействия преступности.

---

[1] *Звечаровский И.Э.* О целях уголовного наказания и их достижении // Уголовное право. 2022. № 6. С. 48-52.

[2] *Дуюнов В.К.* Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография. М., 2019. С. 6.

[3] *Курганов С.И.* Меры уголовно-правового характера // Уголовное право. 2007. № 2. С. 61.

[4] *Нечепуренко А.А.* Уголовная ответственность: эволюция понятия и меры законодательного регулирования. Омск, 2016. С. 164.

[5] *Грачева Ю.В.* Предмет уголовно-правового регулирования // Актуальные проблемы уголовного права. 2008. № 2. С. 165-172.

Приведенная полемика указывает на взаимосвязанность уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования как инструментов государственного управления. Таким образом, контроль выступает, с одной стороны, в качестве основополагающей идеи (обосновывающей необходимость не только карательного репрессивного воздействия на правонарушителя, но и применения различного рода мер стимулирования правомерного постпреступного поведения или мер безопасности и др.), а с другой стороны, в качестве непосредственных инструментов, позволяющих в рамках уголовно-правовых отношений оценить правомерность поведения лица, совершившего преступление, и не допустить повторения совершения им преступлений в будущем. Соответственно, контроль выступает одной неотъемлемой частью как воздействия, так и регулирования.

Определяя данное понятие, мы вынуждены вычленять из всего многообразия государственных функций определенную совокупность деятельности государственных органов, институтов, учреждений как специфическую и порожденную существованием такого явления, как преступность, а соответственно, непосредственно связанную с такой функцией государства, как обеспечение безопасности общества в целом и его частным проявлением – борьбой с преступностью. Среди функций государства, относящихся к данной сфере, выделяются такие, как правозащитная функция государства[1], обеспечение безопасности (экологической, экономической, национальной и т.п.)[2], охранно-защитная функция государства[3] и др. Указанные названия характеризуют круг смежных функций, напрямую связанных с необходимостью контроля над преступностью и противодействия преступным нарушениям интересов, прав и свобод граждан, общества и самого государства.

Социальный контроль имманентно присущ различным видам деятельности государства, тем либо иным образом направленным на урегулирование правоотношений и одновременно связанным со снижением преступности, сокращением числа административных правонарушений, недопущением нарушений законности в той либо иной сфере. В связи с этим необходимо оговориться, что в рамках данной работы нами будет рассматриваться сфера правоотношений, возникающая именно в связи с совершением пре-

---

[1] *Григонис Э.П., Харченко О.В.* Правоохранительная функция государства и формы ее реализации : монография. СПб., 2007. 208 с. ; *Земскова А.И.* Место и значение правозащитной функции государства в системе функций государства: вопросы классификации // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2010. № 2. С. 5-8.

[2] *Мальцев В.А.* Особенности правовых механизмов обеспечения реализации контрольной функции государства в различных сферах национальной безопасности России // Конституционализм и государствоведение. 2020. № 1. С. 23-31.

[3] *Хабибулин А.Г., Чернобель Г.Т.* Интересы государства и его охранно-защитная функция // Журнал российского права. 2008. № 5. С. 18-27.

ступлений и реализацией контроля в отношении лиц, совершивших преступления. При этом профилактические меры, также способствующие предупреждению преступлений, нами не будут анализироваться.

Непосредственное проявление социального контроля в рамках уголовно-правового регулирования происходит на нескольких взаимосвязанных этапах и уровнях. Во-первых, это уровень уголовно-правовой политики государства (определения направлений развития уголовного законодательства (отраслей криминального цикла), установления уголовно-правовых запретов, степени репрессивности (размеров санкций, видов наказаний и т.д.), во-вторых, это непосредственно реализация способов (мер) уголовно-правового воздействия (привлечение либо освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, условное осуждение, судимость, административный надзор, пробация и т.д.).

В то же время обеспечение выполнимости данной функции не заканчивается на деятельности исключительно государственных институтов (органов государственной власти) и не сводится только к формированию запретов и осуществлению карательного воздействия за их нарушение. Она включает в себя огромный пласт деятельности различных государственных органов, общественных организаций, благотворительных фондов, медицинских учреждений, инициативных действий частных лиц, которые принимают непосредственное участие в оказании воздействия на лиц, совершивших преступление, в целях удержания их от дальнейшего повторения указанных поступков.

Следует согласиться с Ф.К. Набиуллиным в том, что ни в применении принудительных мер медицинского характера, ни в реализации правовых последствий судимости «ни о каком порицании говорить нельзя». При помощи данных мер осуществляется воздействие, но при этом нет порицания, нет кары, как нет и тех тягот и лишений, которые традиционно с таким порицанием связаны[1]. Однако это не означает, что правоограничения отсутствуют полностью. Лицо претерпевает ограничения либо лишение своих прав как вынужденные (лишенные карательного свойства).

Зачастую данная деятельность носит некарательный характер, рассматривается как разновидность мер безопасности, иногда является разновидностью социальной либо медицинской помощи, однако она способствует именно предупреждению преступлений,

[1] *Набиуллин Ф.К.* Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение : дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2008. 208 с.

непосредственно порождается фактом совершения лицом преступления, связана с правовым статусом такого лица и направлена на предупреждение преступлений.

Так, в России зарегистрировано и функционирует более 170 Центров социальной адаптации (реабилитационные центры) для лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Организационно-правовая форма данных заведений разная, начиная от государственных и муниципальных учреждений и заканчивая некоммерческими организациями. Виды деятельности данных учреждений тоже различны: предоставление временного проживания, социальная помощь в оформлении пособий, выплат и т.п. В то же время огромное количество лиц, совершивших преступления, остаются без необходимого социального контроля со стороны государственных органов и общественных организаций.

Таким образом, система уголовно-правового воздействия представляется как структурно разнообразное сочетание различных средств реагирования на факт совершения преступления, выражающихся, как правило, в виде правоограничений в отношении лица, совершившего преступление, и предназначенных для реализации данной функции государства – обеспечения безопасности граждан, общества и самого государства. В рамках уголовно-правового воздействия социальный контроль имеет достаточно сложное, порой несистематизированное содержание.

Представляется, что социальный контроль на уровне глобального, межгосударственного либо государственного регулирования в сфере уголовно-правового воздействия до настоящего времени формируется хаотично и ситуативно, что можно объяснить отсутствием устоявшейся системы органов социального контроля, неопределенностью объекта социального контроля и существенностью затрат на данную деятельность. При этом до настоящего времени не разработан механизм осуществления таких элементов системы социального контроля, как сбор, накопление и анализ информации (показателей), имеющей значение для корректировки процесса уголовно правового регулирования. По большому счету, не разработан даже перечень таких индикаторов, которые бы позволяли объективно оценить степень достижения целей уголовно-правового регулирования.

В рамках уголовно-правового воздействия достаточно сложно разработать, установить и применять меры (процедуры) контроля, которые бы отвечали критериям объективности, измеримости и достоверности. Так, определение степени позитивности (негативности) влияния от введения нового уголовно-правового запрета либо от увеличения размеров санкции будет носить скорее умозрительный характер. Однако постулат об обязательной

эффективности уголовно-правовых запретов и наказания продолжает выступать в качестве одной из базовых безусловных аксиоматических истин, принимаемых, как правило, без каких-либо обоснований и доказывания[1]. Прямое же указание на мифичность зависимости между уровнем преступности и наказуемостью, неоднократно высказываемое в юридической литературе[2], в целом не влияет на законотворческий процесс.

Данное отношение к отрасли «криминального» или «наказательного» права свойственно не только отечественной правовой системе. Например, У. Бунденсон, изучая европейские практики надзора за лицами, отбывающими наказание на свободе, и указывая на отсутствие достоверных (приемлемых) критериев оценки эффективности наказаний, использовала такое выражение, как «вера в общее предупреждение»[3], подчеркивая тем самым невозможность эмпирического исследования данного элемента (результата) уголовно-правового воздействия. Представляется, что данное сравнение применимо и к сфере социального контроля, пронизывающего любую правовую систему как идею управляемости общества государством, однако практически не поддающегося измерению и объективизации.

Более конкретные проявления имеет контроль как элемент уголовно-правовых (и даже уголовно-исполнительных) отношений, непосредственно проявляющихся в нахождении лица в подконтрольном состоянии в период отбытия (исполнения) наказания, а также пребывания в особом правовом статусе (судимости) даже после его завершения.

Решение указанной задачи предполагается возможным только в случае наличия инструментов, позволяющих сопоставить итоговый результат конкретной меры воздействия на конкретного индивида, то есть отождествить соответствие поставленных задач итоговому результату. В противном случае уголовно-правовое воздействие превращается в очевидную первичную реакцию на факт совершения преступления, несомненно, нужную, однако отчасти первобытную и связанную с банальным отмщением за обиду, не достигающим состояния целеустремленной уголовной политики[4].

Рассмотрение контроля как элемента механизма уголовно-правового регулирования, форм и способов его осуществления в отношении лиц, совершивших преступления, субъектного состава и правового содержания данных правоотношений позволит не только оце-

---

[1] *Лановая Г.М.* Условное и безусловное в юридической науке // Журнал российского права. 2024. № 5. С. 41-53 ; *Касторский Г.Л.* Криминологическое значение правовых санкций // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 4. С. 88-94.

[2] *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Фикции в уголовной политике // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 2. С. 72-87.

[3] *Бунденсон У.* Надзор за отбывающими наказание на свободе / пер. со шведск. М., 1979. 271 с.

[4] *Клейменов И.М., Клейменов М.П.* Уголовно-правовое реагирование. М., 2022. С. 9.

нить эффективность существующей системы уголовно-правового регулирования, но и разработать новые элементы и средства достижения целей борьбы с преступностью.

В сфере уголовно-правовых отношений контроль проявляется в двух аспектах: во-первых, как элемент уголовно-правовой политики, позволяющий осуществлять сбор информации и ее анализ для оценки эффективности принимаемых мер принуждения, т.е. степени решения ими задач уголовного права; во-вторых, как механизм, сдерживающий лиц, совершивших преступление, от совершения новых общественно опасных деяний либо делающий совершение преступления чрезмерно затратным для виновного. Например, система контроля в отношении лиц, «находящихся на испытательном сроке» в рамках условного осуждения либо условно-досрочного освобождения, позволяет определять отклоняющееся поведение еще до перерастания его в преступное и наступления общественно опасных последствий.

В рамках уголовно-правовых отношений именно контролирующие механизмы позволяют (либо могли бы позволять при должной их реализации) снизить уровень рецидивной преступности путем определения правового статуса субъектов данных правоотношений, реализации уголовной ответственности в различных ее формах и т.д.

Схематично данный механизм можно представить следующим образом (см. таблицы 1, 2).

Таблица 1 – Принципиальная схема социального контроля в сфере уголовно-правового воздействия

Субъекты контроля	Органы законодательной, исполнительной и судебной власти РФ, Президент РФ
Объекты контроля	Поведение членов общества
Информационная составляющая контроля	Сбор показателей эффективности органов государственной власти, статистических показателей об уровне преступности и др. Анализ в рамках работы НИИ, ВС, прокуратуры, комитетов ГД и т.д.
Способы корректировки объекта управления	Законотворческая деятельность (введение, изменение, отмена нормативных правовых актов) Формирование правоприменительной практики путем подготовки актов толкования норм права и др. способами

Таблица 2 – Принципиальная схема социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования

Субъекты контроля	Органы, уполномоченные на осуществление контроля за лицами, совершившими преступление
Объекты контроля	Поведение лиц, совершивших преступление
Информационная составляющая контроля	Сбор информации о поведении лица, нарушившего уголовно-правовой запрет Характеристика личности Информация о соблюдении предписаний в рамках назначенного наказания, испытательного срока, иных мер уголовно-правового характера и т.д.
Способы корректировки объекта управления	Отмена, изменение, продление ранее назначенной меры уголовно-правового воздействия Привлечение к уголовной ответственности Реализация контролирующих процедур, не относящихся к уголовной ответственности (принудительные меры медицинского характера и др.)

Непосредственно в отношении лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, данный механизм социального контроля можно представить также схематично (Таблица 3).

Таблица 3 – Механизм социального контроля в отношении лиц, совершивших преступление

Мера УПВ	Объект контроля	Способ контроля	Показатель достижения цели[1]
1	*2*	*3*	*4*
наказание	поведение виновного	кара, воздаяние, контроль за поведением	исправление, восстановление социальной справедливости отсутствие новых преступлений
условное осуждение	поведение виновного	испытание, контроль за поведением	отсутствие новых преступлений, отдельных административных правонарушений и иных оснований отмены
условно-досрочное освобождение, отсрочка наказания и т.д.	поведение виновного	испытание, контроль за поведением	отсутствие новых преступлений, отдельных административных правонарушений и иных оснований отмены
принудительные меры медицинского характера	поведение лица, которому назначена ПММХ	лечение, контроль и надзор за поведением	утрата опасности излечение отсутствие новых преступлений (общественно опасных деяний)
принудительные меры воспитательного воздействия	поведение несовершеннолетнего, совершившего преступление	воспитание, контроль за поведением	отсутствие новых преступлений и иных оснований отмены ПМВВ
конфискация имущества	сведения о имуществе виновного и иных лиц	восстановление «естественного» правового состояния (допреступного), изъятие материальных ресурсов преступной деятельности	восстановление «естественного» правового состояния (допреступного), отсутствие экономической выгоды от преступного деяния

[1] Показатели достижения целей уголовно-правового воздействия не определены ни в одном нормативном правовом акте.

1	*2*	*3*	*4*
судимость	поведение виновного (трудовая деятельность, наличие спецразрешений и т.д.)	продленное наблюдение, ограничение прав	отсутствие новых преступлений
освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям	поведение виновного, заглаживание вреда (ст. 75, 76), выплата судебного штрафа (76^2), прохождение службы (78^1)	поощрение	отсутствие новых преступлений
освобождение от наказания	поведение виновного	поощрение	отсутствие новых преступлений
административный надзор	поведение осужденного, отбывшего наказание	продленное наблюдение	отсутствие новых преступлений и иных оснований отмены административного надзора, правопослушное поведение
общеправовые последствия осуждения	поведение осужденного, ранее судимого, освобождённого от уголовной ответственности	ограничение политических, гражданских и иных прав	отсутствие новых преступлений

Приведенные таблицы наглядно демонстрируют наличие в механизме уголовно-правового воздействия различных по своей правовой природе инструментов. Данные средства включают в себя как кару (воздаяние) наказанием, так и «гражданско-правовые» средства в виде конфискации имущества и большое количество средств продленного контроля за поведением лиц, совершивших преступление, к которым однако применение строгого наказания нецелесообразно. Кроме того, существование инструментов правового воздействия за пределами правоограничений, содержащихся в УК РФ, дает основания говорить о существовании межотраслевого регулирования вопросов уголовно-правового принуждения.

Несмотря на наличие устоявшейся системы наказаний, фактически подавляющее большинство случаев совершения преступления не влечет за собой изоляции преступника от общества, а соответственно, правоотношения между ним и государством в большей части состоят в осуществлении наблюдения за его дальнейшим поведением в целях специальной превенции.

Рассматривая вопросы соотнесения целей наказания, И.С. Ной отмечает, что «цель предупреждения новых преступлений со стороны осужденного с помощью наказания более широка, чем его цель исправления или перевоспитания (УК РСФСР 1960 г. *(добавлено нами – К.К.)*). Эта цель может быть достигнута и путем исправления и перевоспитания преступника, и путем его устранения, равно как созданием условий, физически исключа-

ющих возможность совершения осужденным новых преступлений (например, запрещение заниматься определенной деятельностью, лишение свободы, расстрел)»[1].

А.И. Марцев, касаясь вопроса о структуре специального предупреждения преступлений, отмечал, что в нее входят: воздействие уголовного закона, деятельность органов государства, ведущих борьбу с преступностью, и воздействие уголовного наказания[2].

Таким образом, указанные средства правового воздействия тем или иным образом позволяют достичь цели предупреждения преступлений, даже не определяя ее как главную или не указывая на нее вообще. В.А. Уткин, рассматривая правовой статус осужденных, задается вопросом: «Возможен ли некий компромиссный вариант между «карой» и «безопасностью» (в контексте отбытия наказания и режима пребывания заключенных в местах лишения свободы *(добавлено нами – К.К.)*)?». Современная криминологическая и пенитенциарная ситуация наглядно демонстрируют приоритет безопасности.

Так, согласно существующим официальным статистическим показателям, применение наказаний, не связанных с лишением свободы, а также иных мер уголовно-правового характера (в том числе носящих условный характер) составляет более 90%. На данное обстоятельство указывают и в научной литературе[3]. То есть 9 из 10 преступников после совершения преступления находятся вне изоляции от общества, а удержание их от совершения новых преступлений происходит лишь благодаря приданию им такого правового статуса, в рамках которых государственные органы осуществляют контроль за его поведением под условием сохранения возможности изменения его правового положения на более строгое (связанное с необходимостью исполнения (отбытия) наказания и изоляцией).

Учитывая, что данное положение является достаточно давней тенденцией (с начала XX века), проявляющейся не только в России, но и за рубежом, логично предположить социальную и экономическую выгодность такой формы взаимоотношений между государством (обществом) и лицом, совершившим преступление.

Социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования занимает важное место и, по сути, проявляется в каждом из его компонентов, институтов и конкретных мер уголовно-правового воздействия, что позволяет отнести его к одному из

---

[1] *Ной И.С.* Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. С. 141.

[2] *Марцев А.И.* Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 1975. С. 174.

[3] *Уткин В.А.* «Социология» применения наказаний и пенитенциарная практика // Вестник Кузбасского института. 2019. № 4. С. 107-116.

основополагающих начал, формирующих систему уголовно-правовых норм вообще и мер уголовно-правового характера в частности.

Во-первых, социальный контроль на фундаментальном уровне выступает неотъемлемым элементом всей системы правового регулирования (уголовно-правовое не является исключением, хотя и имеет свои особенности). По сути, социальный контроль как функция государственного управления пронизывает весь механизм правового регулирования и находит свое проявление в отдельных институтах, законодательных предписаниях, запретах, непосредственно применяемых мерах принуждения, выполняя различные функции (информационную, превентивную, воспитательную и т.д.).

Без использования средств социального контроля управление как процесс противодействия совершению преступлений (борьбы с преступностью) становится отделенным от его результатов, т.е. позитивное либо негативное изменение общественных отношений[1] (сохранение, развитие либо уничтожение) становится результатом воздействия случайных (хаотичных) факторов.

Во-вторых, социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования проявляется в конкретных инструментах сбора информации о поведении лиц, совершивших преступления, механизмах принуждения, ограничениях, непосредственно позволяющих достичь целей специального предупреждения преступлений в отношении лиц, совершивших преступление.

В сфере уголовно-правового регулирования можно выделить общий и специальный уровни социального контроля. Так, общий социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования реализуется при: а) формировании уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных смежных отраслей законодательства; б) деятельности государственных органов по применению уголовного и смежных с ним отраслей законодательства, а также по проверке соблюдения требований уголовного законодательства; в) экспертизе эффективности применения уголовно-правовых норм.

Специальный социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования реализуется в практике реагирования на факт совершения преступного деяния путем привлечения к уголовной ответственности, а также применения в отношении лиц, совершивших преступление, иных мер уголовно-правового характера (предусмотренных как в уголовном законодательстве, так и в иных федеральных законах) и заключается не

[1] *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Очерки криминальной рискологии. М., 2021. 368 с.

только в оказании воздействия в процессе исполнения наказания или иных мер уголовно-правового характера, но и в контроле за внепенитенциарным и постпенитенциарным поведением лица, нарушившего уголовно-правовой запрет.

Данный уровень включает в себя компонент контроля за оказанием надлежащего воздействия на нарушителя уголовно-правовых норм в процессе исполнения наказания или иных мер уголовно-правового характера, а также контроля за дальнейшим постпенитенциарным поведением лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Являясь частью уголовно-правового регулирования, социальный контроль проявляется в конкретных инструментах принуждения, ограничения, сбора информации о поведении лиц, совершивших преступления, непосредственно позволяющих достичь целей специального предупреждения преступлений в отношении лиц, совершивших преступление. На данном уровне социальный контроль реализуется в правоотношениях уголовной ответственности либо непосредственно с нею связанных.

Механизм социального контроля в системе уголовно-правового регулирования представляет собой совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих базовых *элементов* – криминализации, пенализации и дифференциации, формирующих систему социальных норм (запретов) и социальных санкций, а также *инструментов* (средств) – предусмотренных уголовным законом и иным отраслевым законодательством средств уголовно-правового реагирования: наказания, иных мер уголовно-правового характера, институтов освобождения от ответственности, общеправовых последствий преступления и т.д., функционирование которых в рамках уголовно-правовых отношений позволяет: установить границы приемлемого и неприемлемого поведения, осуществлять сбор информации о соблюдении членами общества требований уголовного законодательства, анализировать и давать правовую оценку полученной информации, а также реализовывать меры ограничительного, стимулирующего и социализирующего характера в отношении лиц, совершивших преступление.

§ 4. Социальный контроль в зарубежных системах уголовно-правового регулирования[1]

Современная принципиальная незамкнутость мира (как минимум, в части обмена информацией, её открытости и общедоступности) предоставляет замечательные возможности для формирования целостного представления об изучаемом социальном явлении в разных условиях культурной, социальной, экономической обстановки и с разными структурными особенностями самого явления. В.Н. Кудрявцев отмечал, что сравнительное исследование криминологических явлений в разных странах преследует цель «глубже понять процессы, характерные для современного общества в целом и для стран с различными общественными системами, рассмотреть и предложить с учетом этого наиболее эффективные меры борьбы с преступностью, а также развивать международное сотрудничество в области борьбы с преступностью»[2]. В таком ключе изучение зарубежного опыта применения того либо иного средства правового воздействия либо подходов и способов уголовно-правового регулирования может восприниматься в роли готового социально-правового эксперимента, выполненного «за чужой счет».

Использование новых схем правового регулирования внутри страны, в масштабах отдельных субъектов федерации, представляет определенные сложности как организационно-правового, так и финансового характера, что сопровождается соответствующими издержками. При этом зарубежные аналоги уже прошли апробацию, проверку временем, продемонстрировали свою эффективность (неэффективность), позволили выявить слабые места и проблемные моменты, которые могут быть исключены в ходе использования положительного зарубежного опыта правового регулирования в отечественной правовой доктрине.

Данная особенность послужила, по мнению И.М. Клейменова, предпосылкой для возникновения отдельных научных дисциплин и направлений. Например, «криминология возникла на основе сравнительных исследований»[3]. Концепция «культуральной криминологии» предполагает, что не только преступность является порождением культуры данного общества, но и средства, методы социального контроля над ней также обусловлены «куль-

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере : монография. Омск, 2025. 220 с. ; *Карпов К.Н.* Особенности действия отдельных норм УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления за пределами Российской Федерации // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 2021. С. 47-49.

[2] *Кудрявцев В.Н.* Методологические вопросы сравнительной криминологии // Проблемы сравнительного правоведения. М., 1978. С. 72.

[3] *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология. М., 2012. С. 8.

турным кодом»[1]. Таким образом, использование зарубежного опыта формирования правовых систем позволяет экстраполировать возможные результаты внедрения подобных конструкций в отечественную систему права.

Так, А.П. Кузнецов подчеркивал, что «сравнительное уголовное право расширяет пространственные границы научного поиска, позволяет рассматривать уголовное право зарубежных стран, выявлять основные закономерности их юридико-технического конструирования, устанавливать общие и особенные признаки и их сущностно-содержательные характеристики, познавать национальную специфику приемов, их закрепления в уголовно-правовых регламентах»[2]. На основе этого возникает возможность выработать наиболее действенные и эффективные правовые средства для отечественной правовой системы.

Уголовно-правовые средства социального контроля являются широко распространенными в большинстве зарубежных стран, и в зависимости от уровня развития экономики, особенностей социокультурного развития, плотности населения и других характеристик выстраивается особая система инструментов государственного управления в сфере противодействия преступности. В зависимости от особенностей предпочтительного способа уголовно-правового воздействия О.Н. Ведерникова выделяет несколько моделей криминологических систем: клиническая криминология, ориентированная на медико-психиатрическое воздействие на личность преступника, индивидуальные меры обращения и профилактики преступного поведения (Италия, Франция, Португалия, Испания); скандинавская модель, базирующаяся на доктрине «государства всеобщего благоденствия» (Норвегия, Швеция, Дания, Исландия, Ирландия, Финляндия)[3]. Наполнение уголовно-правовыми средствами регулирования общественных отношений варьируется от аболиционизма и традиционализма до полной обезличенности и стремления автоматизи-

---

[1] *Бибик О.Н.* Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты. М., 2017. 416 с. ; *Бибик О.Н.* Культурологические аспекты противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2. С. 21-28 ; *Ferrell J., Hayward K., Young J.* Cultural Criminology. SAGE, 2008. 252 p. ; *Garland D.* The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society. Oxford, 2003. 332 p. ; *Presdee M.* Cultural Criminology and the Carnival of Crime. London : N.Y., 2000. 200 p.

[2] *Кузнецов А.П.* Сравнительное уголовное право: понятие, предмет, метод, функции, задачи // Журнал прикладных исследований. 2021. № 6. Т. 1. С. 58.

[3] *Ведерникова О.Н.* Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) // Государство и право. 2002. № 10. С. 32-40 ; *Ведерникова О.Н.* Теория и практика борьбы с преступностью: скандинавская уголовно-правовая и криминологическая модель // Государство и право. 2008. № 7. С. 53-61.

ровать процесс правоприменения (вплоть до использования средств искусственного интеллекта при принятии решений).

В рамках проводимого исследования мы рассмотрим уголовное законодательство ряда зарубежных стран, являющихся представителями различных правовых семей, с точки зрения использования средств социального контроля для предупреждения преступлений. Учитывая, что детальный анализ законодательства всех или даже большинства существующих стран может занять слишком большой объем работы, мы продемонстрируем положения законодательства отдельных стран, представляющие интерес с точки зрения использования механизма социального контроля в уголовно-правовом регулировании.

Анализ зарубежного законодательства позволяет говорить о наличии весьма схожих тенденций в вопросах криминализации и декриминализации деяний в большинстве стран[1]. В то же время механизм либо отдельные средства последующего социального контроля в отношении лиц, совершивших преступления, обладают спецификой и могут быть интересны отечественному законодателю. При этом как сам механизм, так и его инструменты (средства) социального контроля за лицами, совершившими преступления, имеют свою специфику в большинстве стран.

В зарубежном законодательстве и юридической литературе, также как и в России, социальный контроль в уголовно-правовой сфере зачастую ассоциируется одновременно и с самими карательными практиками в отношении лиц, совершивших преступления, и с инструментами общественного контроля за соблюдением прав осужденных. При этом оба контекста рассматриваются как средство предупреждения преступности (и правонарушений) в местах лишения свободы (со стороны как должностных лиц, так и самих осужденных).

В то же время даже считающиеся передовыми в вопросах пенитенциарной политики европейские страны признают необходимость дальнейшего совершенствования и системы наказаний, что в равной мере распространимо и на уголовно-исполнительное законодательство России[2]. Рассматривая вопрос возможности контроля без репрессивности как такового, И. Анттила определяет три направления реализации данной гипотезы: 1) развитие новых типов тюремных институтов; 2) применение санкций, которые были бы менее репрессивными, чем сегодняшнее заключение; 3) полный (или почти

---

[1] *Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.* Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного. Екатеринбург, 2020. 256 с.

[2] *Тепляшин П.В.* Влияние международного пенитенциарного права на реформу уголовно-исполнительной системы России. Красноярск, 2012. 132 с.

полный) контроль преступности новыми способами (замена формального контроля неформальным, применение системы позитивных санкций и вознаграждения за законопослушное поведение)[1]. Проведя исследование, автор констатирует, что «для поддержания фундаментальных социальных норм нам нужны наказания или, по крайней мере, публичное осуждение морально неприемлемого поведения»[2]. Современные высокотехнологичные системы социального контроля модифицируют поведение людей, оказывающихся в условиях вездесущей материальной архитектуры наблюдения, вычисления и оценивания, внедрение таких систем должно тем или иным образом отражаться на статистике правонарушений[3].

Основываясь на существующей классификации правовых семей, можно предположить и наличие схожих алгоритмов социального контроля в сфере уголовного права в странах, относящихся к одним правовым группам. Помимо «семейственности», средства социального контроля в уголовно-правовой сфере в значительной степени связаны с уровнем экономического и технологического развития общества, сформировавшимся в обществе отношением: к базовым правам и свободам человека; к роли государства в обеспечении безопасности и реализации иных функций; к возможности участия негосударственных образований и частных лиц в решении вопросов ресоциализации лиц, совершивших преступление, и другим вопросам. Так, изучая зарубежный опыт в сфере уголовно-правового воздействия, М.В. Бавсун отмечает наличие «устойчивой общей тенденции к усилению контроля над преступностью за счет мер, не относящихся к наказанию, отражение которой лишь вопрос политической воли»[4] (в контексте отечественной уголовно-правовой политики).

Статистические данные о количестве совершаемых преступлений и характеристике наказаний, применяемых за их совершение, свидетельствуют об отсутствии строгой зависимости между уровнем преступности и количеством тюремного населения (лиц, находящихся в местах лишения свободы). Например, в Германии, несмотря на достаточно высокий уровень преступности (в сравнении с другими странами), наказание в виде лишения свободы применяется достаточно редко. В то же время в Испании, имею-

---

[1] *Anttila I.* Control without repression? Prisons Past and Future / Edited by John C. Freeman / Cambridge Studies in Criminologi. London, 1978. P. 189-197 // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2009. № 2. С. 78-83.

[2] *Анттила И.* Контроль без репрессивности? // От страны тюрем к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. С. 101.

[3] *Рувинский Р.З., Царёв Е.В.* Борьба с правонарушениями в эпоху системы социального кредита: перспективы и риски // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 282-294.

[4] *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014. С. 65.

щей низкий уровень преступности, количество лиц, находящихся в местах лишения свободы, является самым высоким и практически вдвое превышает аналогичный показатель ФРГ. Бельгия же, имея самый высокий уровень преступности, имеет средние показатели тюремного заключения[1]. В связи с этим применение дополнительных или замещающих мер (процедур), позволяющих контролировать поведение лиц, совершивших преступление, выступает на первый план в контексте социального контроля.

Так, США[2], являясь одними из лидеров в использовании средств социального контроля (а также наличия ресурсов для их применения), реализуют достаточно широкий спектр не только мер уголовно-правового воздействия, но также иных процедур, позволяющих обеспечить защиту общества от потенциальной угрозы со стороны лиц, причастных к совершению преступления. В данном случае речь идет обо всех лицах, совершивших преступление или выступавших в роли каких-либо пособников преступления, осужденных, освобожденных от наказания, отбывших наказание и т.д. Социальный контроль в отношении таких лиц имеет развернутую систему и не ограничивается стандартным наказанием. В части использования любых предупредительных мер законодатель США отличается предельной рациональностью и целесообразностью. При этом контролирующие меры очень тесно связаны с социально-реабилитационными, позволяющими устранять причины преступности. Ю.А. Воронин, подчеркивая прагматичность политики США в данной сфере, отмечал тенденцию к расширению полномочий субъектов, ответственных за реализацию программ антикриминального контроля, и стремление к вовлечению в него как можно большего числа граждан[3].

Необходимо отметить, что зарождение института условного осуждения в США было очень тесно связано с «попечительным надзором»[4] и не претерпело принципиальных изменений. Так, предоставление отсрочки наказания сопровождается назначением особого должностного попечителя (probation officer), наблюдающего за поведением условно осужденного. По своему содержанию такой «попечительный надзор» мало чем отличался от современного института условного осуждения. Предоставление отсрочки происходило при

---

[1] *Рейтинг* стран мира по количеству заключённых / Гуманитарный портал: исследования и прогнозы. URL: https://gtmarket.ru/ratings/prison-population-ranking (дата обращения: 17.09.2025).

[2] *Примерный* уголовный кодекс США. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8d1d903f-641b11de-0e2dacec-74722d776562/https/www.law.cornell.edu/uscode/text (дата обращения: 17.09.2023).

[3] *Воронин Ю.А.* Программы контроля над преступностью в США: поиск альтернатив и зигзаги развития // Вестник Южноуральского государственного университета. Серия «Право». 2020. Т. 20, № 3. С. 21-27.

[4] *Люблинский П.И.* Условное осуждение и попечительный надзор в Америке // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 9. С. 102-150 ; № 10. С. 68-85.

условии контроля со стороны специально уполномоченного лица в течение определенного испытательного срока и сопровождалось возложением ряда обязательств: испытуемый не должен предаваться незаконным, вредным или порочным склонностям; должен избегать подозрительных и порочных мест и лиц; предоставлять отчеты о себе согласно указаниям суда и попечителя; воздержаться от потребления крепких напитков, если его преступление было учинено под влиянием опьянения; оказывать поддержку своей жене и детям. Несмотря на прошедшие столетия, ни механизм, ни содержание такого рода меры уголовно-правового воздействия не изменились, а средства проверки выполнения указанных требований не получили в достаточной мере автоматизации.

Кроме того, наличие факта судимости влечет возникновение (пожизненное либо на определенный срок) дополнительных ограничений: на участие в выборах (пассивное избирательное право[1]), замещение официальных должностей, получение отдельных видов лицензий, занятие профсоюзной деятельностью и т.д. Учитывая, что данные ограничения регулируются законодательством штатов, соответственно, их содержание отличается друг от друга. При этом общая концепция связана с необходимостью устранить потенциальную опасность повторения преступной деятельности лица, которое уже однажды совершило общественно опасное посягательство. В то же время отмена данных ограничений носит персональный характер и происходит либо на основании судебного решения, либо в результате помилования, которое распространяется не только на наказание и сугубо уголовно-правовые меры, но и на подобного рода общеправовые ограничения.

Представляется, что введение и применение данных мер является закономерной реакцией на происходящие в обществе процессы, которые подтверждаются данными статистики.

Так, согласно данным федеральных властей США, по состоянию на 2021 г. более 77 миллионов американцев имеют судимости (с учетом специфики понимания данного термина в США), что составляет порядка 30% взрослого населения США. Около 10% из них (7,7 миллиона) хотя бы раз в жизни попадали в тюрьму[2].

---

[1] *Согласно* статистическим данным 5,17 миллиона американцев лишены гражданских прав из-за осуждения за уголовное преступление. Это составляет 2,3% от всего населения Америки избирательного возраста. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Felony_ disenfranchisement_in_the_United_States (дата обращения: 17.02.2024).

[2] *О ситуации* с правами человека в Соединенных Штатах Америки (доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации). URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/ doklady/1946097/ (дата обращения: 18.05.2024).

Закон «О контроле над организованной преступностью» (1970 г.) представляет собой федеральный комплексный правовой акт, содержащий нормы уголовного, уголовно-процессуального, гражданского и административного характера.

Предусматриваемые данным нормативным актом меры носят комплексный характер и не ограничиваются привлечением виновных к уголовной ответственности и назначением наказания. С целью исключения «выгодности» преступной деятельности имущество физических и юридических лиц, причастных к рэкету и коррупции, подлежит аресту на период расследования, а в дальнейшем (после вынесения приговора) подлежит конфискации как полученное в результате преступной деятельности.

Кроме того, в рамках гражданского иска применяются меры судебной защиты интересов юридического лица, например, членам преступной организации выносится судебный запрет на осуществление деятельности в качестве руководителей (попечителей) профсоюза. И.М. Клейменов отмечает, что данный закон является образцом комплексного подхода к борьбе с организованной преступностью[1].

Аналогичные законы применяются и по другим направлениям преступности, например, Закон о предупреждении злоупотреблений и контроле за оборотом наркотических средств (Drug Abuse Prevention and Control Akt 1970 г.). Одним из наиболее известных нормативных актов является «Патриотический акт» (закон о сплочении Америки и обеспечении надлежащими орудиями, требуемыми для пресечения терроризма и воспрепятствования ему). Перечень мер, закрепляемых данным законом, выходит далеко за пределы привычных уголовно-правовых и (или) административных мер. Он предусматривает такие контролирующие процедуры, как запрет либо аннулирование визы, сбор и идентификация биометрических данных (в том числе ДНК) лиц, причастных к террористической деятельности, расширение перечня информации, подлежащей сбору в базах данных, расширение полномочий по сбору информации о частной жизни лица (прослушивание телефонных переговоров, сбор медицинских данных и других сведений), составление «наблюдательных списков» неблагонадежных лиц, которые предполагают ограничение гражданских прав, сбор информации и т.д.

В большинстве стран Европы и Америки широко распространён институт «досрочного освобождения под надзор»[2], в рамках которого неотбытая часть наказания за-

---

[1] *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология : монография. Омск, 2019. С. 143.

[2] *Условно-досрочное* освобождение и другие виды условного освобождения / Информационный материал, подготовленный Международным Центром Тюремных исследований, Великобритания, по поруче-

меняется на осуществление надзора со стороны специальной службы пробации. Как правило, данная мера сопровождается применением электронного контроля. Однако электронный мониторинг (или электронный контроль) как самостоятельная мера безопасности применяется широко за пределами традиционных уголовно-правовых мер (наказания), в рамках отдельных законов, направленных на борьбу с преступностью, и свойствен не только США, но и другим странам англосаксонской правовой семьи. Так, в США средства электронного надзора при пробации начали использоваться еще в 80-х годах XX века, и с того периода только совершенствуются, расширяется их перечень. Для сравнения, в России данные средства начали внедряться только после 2009 г. В Англии[1] же еще в период с 1999 по 2008 гг. электронному мониторингу были подвергнуты более 400 000 человек. Только за 2008 г. он был применен в отношении 20 000 несовершеннолетних[2]. Также в США электронный контроль (браслеты) применяется в отношении 150 тыс. осужденных[3].

В Англии средства электронного контроля в сочетании с иными правоограничениями для осужденных в превентивных целях предусматриваются в соответствии с различными специальными законами: «Об уголовной юстиции и иммиграции» (2008 г.), «О предупреждении терроризма» (2005 г.), «О терроризме» (2006 г.), «О снижении насильственной преступности» (2006 г.), «О серьезной преступности» (2007 г.) и т.д. Так, в Англии и Уэльсе в соответствии с «Законом о преступности и нарушениях общественного порядка» еще с 1999 г. действовала программа электронного наблюдения за досрочно освобожденными. Данный надзор устанавливается на срок до 60 дней и имеет своей задачей «обеспечить переход от тюремного заключения к жизни на свободе»[4]. Учитывая, что показатель отмены наблюдения составлял порядка 5%, данную задачу можно считать вполне достижимой. Однако применение данного освобождения сопро-

---

нию организации «Международная тюремная реформа» для Правительства Республики Казахстан. М., 2000. С. 6.

[1] Здесь и далее в работе «законодательство Англии» подразумевает под собой собирательное понятие, включающее нормативные акты в сфере уголовной юстиции юрисдикций Англиии, Уэльса, Шотландии, Северной Ирландии, Джерси и др. (см.: *Полный* курс уголовного права : в 10 т. Т. X. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство. СПб., 2021. С. 97 ; *Крылова Н.Е., Серебренникова А.В.* Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии). М., 1998. 201 с.).

[2] *Александров Ю.* Электронный мониторинг за рубежом // Преступление и наказание. 2010. № 3. С. 29.

[3] *Дворянсков И.В.* Об учете зарубежного опыта применения технических средств контроля за осужденными (на примере США) // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13, № 1. С. 59-61.

[4] *Додгсон К., Гудвин Ф., Ховард Ф.* Система электронного наблюдения за досрочно освобожденными: оценка действующих программ. М., 2002. С. 90.

вождается тщательной предварительной проверкой степени риска рецидива и сопровождением службой пробации на всех этапах надзора.

В связи с этим Л.А. Барков отмечает «существование в законодательстве США и Англии как наказаний, содержащих существенные элементы ограничения свободы, так и мер безопасности, превенции, а также институтов освобождения от отбывания наказания, при использовании которых очень широко применяются средства электронного мониторинга, обеспечивающие эффективный контроль за поднадзорными лицами»[1].

Кроме того, такая мера, как задержание иностранных граждан на срок до одного месяца без предъявления обвинения (с соответствующим отсутствием процессуального обеспечения прав такого лица не только на квалифицированную, но и вообще хоть на какую бы то ни было юридическую помощь), свидетельствует о принципиальной подчиненности допустимых ограничений прав и свобод человека целям обеспечения безопасности общества.

Ориентированность на обеспечение безопасности общества приводит к появлению точечных превентивных мер за рамками наказания. Такие контрольные функции содержит и Закон Адама Уолша (Закон о безопасности и защите детей)[2]. В частности, он предусматривает создание специальной системы регистрации сексуальных преступников. В соответствии с другим актом – Законом Меган – все лица, совершившие преступления, связанные с сексуальным насилием, обязаны сообщать в полицию о месте своего проживания после освобождения, а полиция ведет соответствующий реестр и производит уведомление общественности. Данное правило не ограничивается каким-либо сроком (в отличие от наказания) и пожизненно сопровождает такого бывшего осужденного.

Изучая уголовно-правовое воздействие в зарубежных странах, М.В. Бавсун отмечает, что подобного рода меры обусловлены необходимостью обеспечения безопасности общества и, соответственно, являются именно уголовно-правовыми[3].

Отдельный интерес представляет осуществление постпенитенциарного надзора за осужденными. Специализированные службы надзора (зачастую совместно со службами

---

[1] *Барков Л.А.* Элементы ограничения свободы и случаи применения электронного контроля в уголовном законодательстве США и Великобритании // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 37. С. 58-63.

[2] *Закон* Адама Уолша о защите и безопасности детей. URL: https://www.justice.gov/archive/olp/pdf/adam_walsh_act.pdf (дата обращения: 13.09.2022).

[3] *Бавсун М.В.* Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации. Омск, 2014. С. 50.

пробации) контролируют поведение освобожденного в течение определенного времени и помогают ему найти работу, жилище, получить образование и т.д.

Показательным в данном случае является уровень средств, расходуемых на применение мер социального контроля и ресоциализации, а не только репрессии. Так, В.Е. Квашис, анализируя состояние борьбы с преступностью в США в конце XX века, указывал, что «огромные финансовые затраты на реализацию таких мер, как: значительное увеличение расходов на решение проблем ресоциализации осужденных и освобожденных; увеличение численности полиции на 100 тыс. и рост расходов на ее техническое оснащение; криминализация более 60 федеральных преступлений; значительное ужесточение карательной практики и т.д. – в итоге привели к последовательному снижению уровня и общего числа преступлений и уровня насилия, а также привели в общем к повышению чувства безопасности»[1]. Далеко не каждое государство может себе позволить внедрение подобных как правовых, так и технологических средств[2]. Как правило, отсутствие финансовых и организационных ресурсов приводит к использованию так называемых «традиционных» средств уголовно-правового воздействия – усилению репрессии, в основном связанной со строгой и длительной изоляцией осужденных (либо с их физическим устранением), и включению институтов «вспомогательных» попечительских организаций (религиозные общины, трудовые коллективы и т.д.), участвующих в перевоспитании и интеграции преступника в общество.

Подтверждением этому может выступать, например, современное состояние борьбы с преступностью в США. Так, по данным исследований, за последние 25 лет общая численность заключенных, содержащихся в тюрьмах, выросла в три раза и ныне составляет 1,507 млн человек. По состоянию на 2022 г. США находятся на 5 месте по количеству заключенных на 100 тысяч населения – 531 человек[3]. Кроме того, под надзором служб пробации находятся около 4 млн чел, а также 800 тыс. человек, досрочно освобожденных по системе «пэроуэл»[4]. Сокращение расходов на органы полиции приводит к уменьшению возможностей обеспечить охрану установленных (заявленных) в государстве стандартов обес-

---

[1] *Квашис В.Е.* Преступность в США: реальность позитивных изменений или «временное исключение»? // Уголовное право. 2005. № 5. С. 98.

[2] *Астемиров З.А., Калинин Ю.В., Шипулов В.П.* Современные пенитенциарные системы капиталистических государств. Рязань, 1977. 123 с.

[3] *Страны* с самым высоким количеством заключенных. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_incarceration_rate (дата обращения: 21.06.2023).

[4] *Квашис В.Е.* Основные показатели и тенденции преступности в США // Виктимология. 2019. № 1. С. 9-13.

печения жизни человека и его прав. В результате неизбежный рост преступности в реальности компенсируется декриминализацией ряда общественно опасных деяний (как законодательной, так и организационной, выражающейся в централизованном, легализованном нереагировании на факты совершения преступлений), а именно легализацией оборота и потребления наркотических средств, проституции, хищений имущества и т.д.[1]

Группа европейских стран, активно применяющих средства социального контроля в отношении лиц, совершивших преступления, включают в себя Германию, Италию, Францию, скандинавские страны и др. Например, УК Италии допускает применение условного осуждения как средства контроля за поведением лица, совершившего преступление, но только в случае его осуждения не более чем на 2 года (для несовершеннолетних – 3 года) лишения свободы либо назначения штрафа. При этом само условное осуждение может длиться до 5 лет и, что не характерно для отечественного законодательства и правоприменительной практики, не назначается более одного раза (за исключением преступлений, наказание за которое в совокупности с ранее назначенным не превысит допустимый предел в 2 года лишения свободы (ч. 4 ст. 164 УК)).

Кроме того, в дополнение к наказанию либо вместо него (в случаях, когда наказание не может быть назначено (невменяемые, несовершеннолетние)) суд может применить и специальные меры безопасности (ст. 202 УК), которые по своей сути являются некарательными способами контроля за дальнейшим поведением лица, совершившего преступление, сбора информации о его поведении и помощи ему в социальной адаптации в обществе.

Так, личные меры безопасности, связанные с ограничением свободы, включают в себя: 1) направление в сельскохозяйственное поселение или в трудовое учреждение; 2) помещение в специальное лечебное учреждение; 3) помещение в специальное психиатрическое учреждение; 4) помещение в реформаторий.

Мерами безопасности, не связанными с ограничением свободы, являются: 1) надзор; 2) запрет на проживание в одной или нескольких коммунах либо в одной или

---

[1] *Эпидемия* воровства. В Лондоне воры безнаказанно грабят магазины. URL: https://aif.ru/politics/world/epidemiya_vorovstva_v_londone_vory_beznakazanno_grabyat_magaziny (дата обращения: 12.06.2022) ; *Продукты* под замком: Запад борется с волной краж в магазинах. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18846467 ; *В США* закрывают супермаркеты из-за эпидемии магазинных краж. URL: https://rg.ru/2023/09/27/hvataiut-ibegut.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 12.06.2022).

нескольких провинциях; 3) запрет на посещение таверн и мест, где производится торговля алкогольными напитками; 4) высылка иностранца из государства[1].

Сроки применения указанных мер варьируются в зависимости от множества факторов и могут составлять от 1 до 10 лет, а их исполнение происходит после отбытия наказания. При этом законодатель Италии для определения степени опасности и установления сроков и содержания мер безопасности использует такие понятия, как «привычный преступник», «профессиональный преступник», лицо, «склонное к совершению преступления» (ст. 217 УК). Данные правовые статусы непосредственно влияют на содержание, сроки и размеры применяемых мер безопасности.

В отношении несовершеннолетних применяется такая мера безопасности, как «помещение в реформаторий» (ст. 223 УК).

Имущественными мерами безопасности являются: залог (как гарантия надлежащего поведения) и конфискация (ст. 236 УК).

Помимо традиционных основных видов наказания (ст. 17) имеются также представляющие интерес в контексте нашего исследования дополнительные наказания (ст. 19 УК). К ним, в частности, относятся: 1) запрещение занимать публичные должности; 2) запрещение заниматься определенной профессией или промыслом; 3) лишение дееспособности в силу закона; 4) потеря права составлять завещание и ничтожность завещания, составленного до осуждения; 5) потеря или приостановление осуществления родительской или супружеской власти[2].

Помимо обозначенных мер, в рамках специального закона развиваются дополнительные социальные меры, применяемые к осужденным: привлечение осужденных к труду[3], обучение, религиозное воспитание, культурное просвещение, передача на поруки социальным службам; домашний арест; ограничение свободы и т.д.[4]

Данные меры применяются после вынесения приговора на стадии его исполнения и относятся к сфере регулирования пенитенциарного законодательства, в связи с этим отсутствуют в УК. Они выходят далеко за пределы непосредственно наказания и представ-

---

[1] *Уголовный* кодекс Италии. URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation /details/18132 (дата обращения: 20.09.2024).

[2] *Игнатова М.А.* Уголовное право Италии : учебник для вузов. М., 2025. 109 с.

[3] *Некоторые* заключенные в Италии зарабатывают больше надзирателей // Российская газета. 2021. № 121. URL: https://rg.ru/2021/06/02 (дата обращения: 12.06.2022).

[4] *Декрет* Президента Республики от 26 июля 1975 г. № 354 «Нормы пенитенциарной системы, исполнения мер пресечения и ограничения свободы». URL: https://rusconsroma.mid.ru/ru/spravochnaya_informatsiya/grazhdanam_rf/o_deystvuyushchikh_pravilakh_vnutrennego_rasporyadka_v_italyanskikh_ispravitelnykh_uchrezhdeniyakh/ (дата обращения: 12.06.2022).

ляют собой не что иное, как способы продлить правоотношения с лицом, совершившим преступление, и дополнить воздействие на него в воспитательном, медицинском, социально-реабилитационном планах, и, по мнению С.А. Борсученко, также свидетельствуют о гуманизации уголовного законодательства Италии[1].

В то же время расширение применения таких мер, как передача под общественный надзор (службы комунны), домашний арест, режим полусвободы (возможность покидать места отбытия лишения свободы для учебы или работы), выступает прямым следствием критического положения тюремной системы и переполненности тюрем[2], то есть, по сути, продолжением контроля за поведением лица для обеспечения возможности своевременного реагирования при проявлении в его поведении общественной опасности. Отметим положительный аспект универсальности использования единой меры контроля за лицами, совершившими преступление, и очевидную необходимость продленного за пределы наказания воздействия в отношении этих лиц.

В рамках проводимых сравнительных исследований отмечается, что в Китае исправительные меры общественного воздействия включают в себя:

– лечение в соответствии с обстоятельствами каждого;

– проведение подготовительных работ или иной профессиональной подготовки с целью наделения правонарушителей определенными навыками;

– поощрение правонарушителей к выполнению обязательных общественных работ (таких как посадка деревьев и т.д.) и предоставление соответствующей компенсации.

Исправление мерами общественного воздействия происходит именно путем надзора за правонарушителями и их воспитания.

Данная концепция носит название реституционного правосудия и заключается в мобилизации сил всего общества, включая потерпевших и подозреваемых, для участия в их исправлении. Восстановительный характер определяется направленностью на восстановление прав и интересов потерпевших, а также нормальных условий жизни правонарушителей[3].

---

[1] *Борсученко С.А.* Особенности назначения и исполнения наказаний по законодательству Италии // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 2. С. 24-28.

[2] *Клейменов И.М.* Сравнительная криминология. М., 2012. 368 с. ; *Итальянские* тюрьмы – одни из самых переполненных в Европе. URL: https://liveitaly.eu/info/italyanskie-tyurmy-odni-iz-samyh-perepolnennyh-v-evrope (дата обращения: 12.06.2022).

[3] *Ермаков Н.Д., Сюецзин Ду, Сыманюк Н.Д.* Система наказаний в Китайской Народной Республике // Государство и право. 2022. № 11. С. 165-173.

Можно увидеть унификацию механизма уголовно-правового воздействия в случае, если осужденный приговорен к надзору, условному осуждению и условно-досрочному освобождению, в ходе которых надлежит применять исправительные меры общественного воздействия (п. 2 ст. 2, ст. 13 и 17 Закона «О поправках к Уголовному кодексу Китайской Народной Республики» от 25 февраля 2011 г.)[1].

Закон КНР от 1 июля 2020 г. «Об исправлении правонарушителей мерами общественного воздействия» предназначен для обеспечения гуманного надзора и социальной реабилитации правонарушителей, отбывающих наказание в обществе. Цель – контроль за повседневной работой и жизнью лиц, нуждающихся в помощи, их образование и поддержка в целях скорейшей реинтеграции в общество.

Одной из наиболее прогрессивных выступает система социального кредита, активно внедряющаяся в таких странах, как США или Китай. Несмотря на отнесение к разным правовым семьям, именно интегрированность в общемировое информационно-правовое поле и развитие современных технологий позволяют данным странам экспериментировать в части использования новейших правовых и технологических средств социального контроля, в том числе и в уголовно-правовой сфере.

Фактически система «социального кредита»[2] превращает наказание из конкретно-определенной меры юридической ответственности, ретроспективно следующей за правонарушением, в своего рода «проклятие для однажды оступившегося лица». Так, Р.З. Рувинский и Е.В. Царев указывают, что правоограничительные меры следуют за «утратившим доверие» лицом даже после применения к нему соответствующей меры юридической ответственности, причем даже в случаях, когда ответственность эта является административной, а не уголовной.

Констатируя наличие существенных рисков от использования высокотехнологичных механизмов социального контроля, выражающихся в перспективном разрушении базовых принципов правового государства и гарантий прав личности, авторы все же не усматривают каких-либо альтернатив данным тенденциям.

---

[1] *Уголовный* кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева, пер. с кит. проф. Хуан Даосю. 2-е изд. М., 2021. 312 с. ; *Уголовное* право Китайской Народной Республики. URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china (дата обращения: 12.06.2022).

[2] *Рувинский Р.З., Царев Е.В.* Борьба с правонарушениями в эпоху Системы социального кредита: перспективы и риски // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 3. С. 282-294.

Детальный анализ разрабатываемой и частично внедряемой системы социального кредита в Китайской Народной Республике наглядно демонстрирует роль преступления (или правонарушения) не как основания, а лишь как повода для дальнейшего использования тех или иных средств социального контроля.

Представляется, что именно факт совершения лицом общественно опасного виновного деяния (преступления) позволяет использовать спектр уголовно-правовых средств социального контроля и гарантирует защиту базовых конструкций правового государства и обеспечение прав и свобод человека и гражданина.

Под правовыми ограничениями осуждённых понимается правовое сдерживание противозаконного поведения осуждённых, которое создало условия для обеспечения установленного порядка исполнения уголовного наказания и достижения его целей[1].

Предусмотренный в УК Китая судебный запрет дополнительно усиливает контроль за правонарушителями, приговоренными к надзору и условному осуждению, что способствует воспитанию и исправлению правонарушителей и эффективной защите потерпевших, свидетелей и иных лиц.

Исходя из этого, исследователи уголовного законодательства Китая обращают внимание на то, что «надлежащее применение запретительных судебных приказов в соответствии с законом, эффективное обеспечение и усиление воздействия мерами надзора и условного осуждения имеют большое значение для дальнейшей практической реализации уголовной политики, балансирующей подходы снисходительности и строгости в наказании»[2].

Отдельного внимания заслуживает механизм социального контроля, сформированный в правовой системе Китая. Особенности менталитета, культуры, социально-демографической обстановки породили неизбежное использование инструментов социального контроля, в том числе в сфере уголовно-правового регулирования.

Е.А. Тимофеева отмечает следующие характерные черты функционирования общественных исправительных центров, предназначенных для ресоциализации осужденных[3]:

---

[1] *Юрковский А.В.* Особенности судебной системы Китайской Народной Республики // Сибирский юридический вестник. 2004. № 4. С. 29-32.

[2] *Заинтересованные* ответственные лица Верховного народного Суда, народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности и Министерства юстиции ответили на вопросы журналистов о «Временных положениях и применении запретительных судебных приказов в отношении правонарушителей, приговоренных к надзору и условному осуждению». URL: http:wenku.baidu.com/view/d715bf196bd97f192279e91a.html (дата обращения: 12.03.2023).

[3] *Тимофеева Е.А.* Пенитенциарная система КНР: особенности развития, функционирования, подготовки кадров (из опыта пенитенциарной службы Шанхайского региона) // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 1. С. 62-73.

наличие социальных работников, психологов, педагогов и общественных наблюдателей; небольшая численность центров – до 40 человек (до 10 поднадзорных на 1 сотрудника); использование электронных браслетов для контроля за местонахождением осужденных.

Примечательно, что на учете в данных центрах состоят лица: освобождающиеся из тюрем; осужденные условно; осужденные к домашнему аресту; лица, которые не могут отбывать наказание в тюрьме по состоянию здоровья; склонные к совершению повторных преступлений; осужденные за совершение насилия в семье и педофилы; больные игроманией. Постановка осужденных на учет осуществляется на основании судебного решения, в соответствии с которым осужденный обязан самостоятельно явиться в центр в течение 10 дней после вступления приговора в законную силу.

Таким образом, в рамках одного учреждения исполняются сразу несколько принципиально отличных, с точки зрения отечественного уголовного права, мер правового воздействия (аналогичных условному осуждению, ограничению свободы и даже административному надзору). Представляется, что данный подход может свидетельствовать об условности существующего в правовой системе России деления и спорности принципиальной несовместимости указанных мер по контролю за поведением лиц, совершивших преступление.

Также Е.А. Тимофеева отмечает наличие акцента на психологическое воздействие на осужденного, индивидуальную программу коррекции личности, привлечение к труду и обучению, а также проведение различного рода тренингов социальными работниками и психологами. В качестве обязательного элемента контроля используется перевод (возвращение) осужденного для дальнейшего отбывания наказания в тюрьму в случае нарушения установленного режима[1].

Другим направлением контроля за поведением лиц, совершивших преступление, более активно развиваемым в ряде стран, выступает его связанность, а порой и интеграция с законодательством об оперативно-разыскной деятельности в части предоставления права сбора информации о лице, действия которого свидетельствуют о том, что оно совершило преступление либо готовится к этому. Указанная тенденция является объективной и закономерной, например, для Австралии.

Одной из основных проблем страны является перенаселенность австралийских тюрем. Количество осужденных в Австралии превышает вместимость многих учреждений,

[1] Там же.

что приводит к перегрузке системы и невозможности обеспечить достойные условия содержания для каждого заключенного. Количество лиц, содержащихся под стражей в австралийских тюрьмах, выросло более чем на 130% с 1990 года и продолжает расти. Из-за стремительного роста числа осужденных тюрьмы Австралии уже сейчас страдают от недостатка персонала, что приводит к ухудшению контроля и увеличению напряженности среди заключенных. Наиболее явно тенденция к росту количества заключенных сказывается на представителях коренного населения Австралии. Исследования показывают, что за последние три десятилетия доля взрослых представителей коренных народов, находящихся в тюрьмах, увеличилась более чем вдвое: с 1124 на 100 000 взрослых в 1990 году до 2481 на 100 000 взрослых в 2018 году. Почти каждый четвертый мужчина из числа коренного населения Австралии, родившийся в 1970-х годах, отбывал тюремный срок[1].

Так, Парламент Австралии принял законопроект «О Государственном Надзоре», который является продолжением закона «Пяти глаз» и предоставляет правомочия в сфере борьбы с онлайн-преступностью. Данный закон предполагает следующие правомочия: «Ордер на нарушение данных» дает полиции возможность «разрушать данные» путем их изменения, копирования, добавления или удаления; «Ордер на сетевую активность» позволяет полиции собирать информацию об устройствах или сетях, которые используются или могут быть использованы теми, на кого распространяется ордер; «Ордер на захват учетной записи» позволяет полиции взять под контроль учетную запись в интернете (например, в социальных сетях) с целью сбора информации для расследования.

Обосновывая необходимость данных мер борьбой с сексуальной эксплуатацией детей и терроризмом, полиция имеет право расследовать (и применять указанные меры) любое преступление, наказуемое как минимум тремя годами тюремного заключения, например, терроризм, распространение материалов о жестоком обращении с детьми, насилие, пиратство, банкротство и нарушения со стороны компании, а также уклонение от уплаты налогов.

Необходимо отметить, что законодательство не только Австралии, но и большого количества стран Европы, Америки использует аналогичный подход. В рамках борьбы с потенциальными угрозами в интернет-пространстве государство фиксирует за собой окончательное право доступа к информации (вне зависимости от прав граждан на конфи-

[1] *Уровень* тюремного заключения в Австралии растет, несмотря на снижение преступности. URL: https://www.wsws.org/en/articles/2019/09/12/pris-s12.html (дата обращения: 17.09.2024).

денциальность), объясняя это потребностями обеспечения безопасности общества и государства. К таким актам можно отнести: Закон о регулировании следственных полномочий 2000 года, предусматривающий права следственных органов получать доступ к перепискам граждан и обязывающий выдавать пароли доступа и ключи шифрования; Закон о безопасности в Интернете 2023 года (Великобритания)[1], который вводит запрет на итоговое (конечное) шифрование[2] и т.д. Данные акты предполагают возможность сбора информации о лицах (их поведении, действиях, переписках и т.д.) для проверки соблюдения ими именно уголовного законодательства.

Законодательство Австралии (раздел 501 Иммиграционного акта 1958 года *(Immigration Act 1958)*) предусматривает запрет на въезд, аннулирование визы иностранных граждан либо депортацию имеющих криминальное прошлое; обвиненных в совершении какого-либо преступления при нахождении под иммиграционным арестом, если лицо было замечено в связях с лицами или группами лиц, подозреваемыми или уличенными в причастности к преступной деятельности; криминальное прошлое и текущее поведение которых покажется иммиграционным властям неблаговидным; а также если существует значительный риск того, что лицо будет вовлечено в преступную деятельность на территории Австралии, будет обременять, запугивать, преследовать жителей страны, унижать достоинство отдельных групп и/или сообществ, подстрекать определенные группы к совершению противоправных действий, представлять непосредственную угрозу для всех жителей Австралии или для определенных сообществ.

Столь размытые и неоднозначные формулировки предоставляют достаточно широкие полномочия миграционным службам при принятии решения о разрешении на въезд, а также в принципе по получении такой информации.

Список данных ограничений дополнился еще и запретом на въезд лицам, которые «ранее привлекались к ответственности за домашнее насилие и были осуждены на срок более 12 месяцев».

Одним из межгосударственных средств обеспечения безопасности можно считать запрет на пребывание в стране иностранным гражданам или запрет на въезд лицам, имеющим судимость. Учитывая различия в определении содержания и сроков судимости,

---

[1] *Закон* о безопасности в Интернете 2023 г. URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents/enacted (дата обращения: 08.06.2024).

[2] *Томас Клабурн:* Европейский суд по правам человека объявляет скрытое шифрование незаконным. URL: https://www.theregister.com/2024/02/15/echr_backdoor_encryption/ (дата обращения: 15.08.2023).

такой запрет в каждой стране имеет свое содержание и устанавливается индивидуально. К странам, использующим данное средство правового воздействия, относятся Канада, Китай, Япония, Индия, Макао, Тайвань, Иран, Израиль, Австралия, Новая Зеландия и др.[1] Отмена указанного ограничения связана с осуждением по политическим мотивам, с совершением нетяжких преступлений, прошествием большого периода времени после осуждения (10 и более лет). При этом наиболее строгие запреты действуют в отношении лиц, совершивших насильственные преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, терроризмом и т.д.

Данный запрет требует отдельного внимания в связи с тем, что попытка обеспечить безопасность граждан, ограничив въезд в страну потенциально опасных лиц, не имеет достаточно четких правовых границ. Такой вывод возникает из следующих факторов: во-первых, закрепленное в законодательстве страны понятие судимости или судимого лица не тождественно данным понятиям в других странах. Так, существующие в Российской Федерации основания освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям в случае их применения не предполагают наличия судимости в ее узко юридическом значении, однако указываются в сведениях о лице соответствующих баз данных. Соответственно, сроки погашения правового статуса «судимое лицо» не совпадают, а в некоторых странах вообще не устанавливаются.

Во-вторых, перечень уголовно наказуемых деяний в каждой стране различен. Помимо запретов на хищение, убийство и т.д., законодательство той или иной страны содержит нормы об ответственности за такие преступные деяния, как нападение, прелюбодеяние и т.д., аналоги которых отсутствуют в отечественном законодательстве. В некоторых же случаях совершенное лицом за рубежом уголовно наказуемое деяние не только не признается преступным, но и наоборот, является социально одобряемым в РФ[2].

В-третьих, отнесение деяния к категории преступления либо административного правонарушения также не совпадает в различных странах.

В-четвертых, осуждение лица по политическим мотивам внутри страны может предполагать наличие формального препятствия для его въезда в другую страну.

---

[1] Страны, в которые не пускают преступников в 2025 г. URL: https://worldpopulationreview.com/ country-rankings/countries-that-dont-allow-felons (дата обращения: 05.04.2025).

[2] *Сысоев А.М.* «Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции // Пенитенциарная наука. 2009. № С. 70-73 ; *В США* к 16 годам тюрьмы приговорен мужчина за сожжение знамени сексуальных меньшинств. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-12-21/377810-v_ssha_k_ 16_godam_tyurmy_prigovoren_muzhchina_za_sozhzhenie_znameni_seksualnyh_menshinstv (дата обращения: 17.07.2023).

Соответственно, лица, имеющие подобные «судимости», будут ограничены в праве на въезд в РФ, однако вопрос об их опасности для государства и сообщества внутри страны представляется неоднозначным.

Учитывая наличие столь большого числа особенностей, устранение которых путем унификации законодательств всех (или хотя бы большинства) стран в ближайшей перспективе не представляется возможным, считаем необходимым формулирование указанного запрета в качестве рекомендации правоприменителю.

Так, орган, осуществляющий миграционный доступ в страну, должен иметь возможность рассматривать наличие судимости (в максимально расширенной формулировке) как одну из характеристик лица. При этом фактическим основанием ограничения на въезд в страну допустимо рассматривать лишь наличие фактической опасности лица, вытекающей в том числе из факта совершения им в прошлом преступления, с указанием характера объекта посягательства и других обстоятельств дела (состав преступления, количество потерпевших, размер ущерба и погашение задолженности в рамках уголовного преследования и т.д.).

Помимо системы наказания, включающей в себя как меры, направленные на изоляцию от общества, так и иные карательные инструменты, законодательство Австралии содержит систему мер общественного исправления, не связанных с лишением свободы. К таким мерам относятся: домашнее заключение; отсроченное наказание; залог хорошего поведения; порядок общественных работ; условно-досрочное освобождение; залог без судимости, т.е. признание виновным без обретения правового статуса судимости при условии, что лицо в течение определенного периода времени не совершит другого преступления.

Исследования реализации данных мер свидетельствуют об их эффективности в сравнении с традиционными видами наказания. Так, содержание в исправительных учреждениях в общинах значительно дешевле, чем стоимость частных тюрем или публичное заключение (составляет примерно 10% от стоимости содержания людей за решеткой). Лишь 16% правонарушителей, к которым применялись меры общественного исправления, вернулись в исправительные учреждения в течение двух лет, в то время как для традиционных тюрем этот показатель составляет почти 50%. Распоряжения об исправительных учреждениях по месту жительства становятся все более обычным явлением в Виктории и показывают, что на уровень преступности можно существенно повлиять. Кроме того, в отчете Австралийского института криминологии за июнь 2018 года также было отмечено,

что содержание осужденных с применением общественных исправительных мер имело те же результаты, что и тюремное заключение, но было в 9 раз дешевле[1].

Отдельно необходимо выделить меры воздействия в отношении правонарушителей, лишенных политических прав, которые отбывают наказание в обществе.

Система судебного запрета предполагает индивидуализированное судебное предписание о запрете определенных действий, трудовой деятельности, посещения конкретных мест, который может иметь различную правовую природу:

– во-первых, он может выступать в роли дополнительного наказания: запрет участия в государственной службе, запрет управления транспортным средством (ст. 44 УК ФРГ)[2]; запрет на занятие определенным видом деятельности или искусства, приостановление исполнения руководящей должности в работе юридических лиц или предприятий, запрет на заключение контрактов с государственными или административными органами, лишение или приостановление родительских прав (ст. 30, 32.2, 32.3, 34,35, 35.2 УК Италии); запрет на посещение гостиниц (ст. 56 УК Швейцарии);

– во-вторых, может рассматриваться в качестве мер обеспечения общественного порядка (предупреждающего наказания): отзыв водительских прав и профессиональный запрет (ст. 69, 70 УК ФРГ); запрет пребывания в определенной местности (поселках или провинциях) (ст. 233 УК Италии); запрет посещения гостиниц, общественных магазинов, имеющих в продаже алкогольные напитки (ст. 234 УК Италии).

УК Франции[3] предусматривает возможность применения следующих видов наказания без изоляции осужденного, однако предполагающих контроль за поведением виновного в период данного наказания: штраф, пробация (приказы о пробации); простая форма отсрочки исполнения приговора; общественно-полезные работы.

Статья 762-4 УПК Франции устанавливает, что контроль за соблюдением надзорных мероприятий осужденным по месту его постоянного жительства осуществляет пенитенциарный судья. После вынесения приговора судья может в любое время, выслушав осужденного и мнение прокурора района, изменять перечень мест, которые осужденному

---

[1] *Наказание* в Австралии. URL: https://alphapedia.ru/w/Punishment_in_Australia (дата обращения: 08.03.2025).

[2] *Гришко А.Я.* Исполнение наказания в виде лишения свободы в Германии // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 3. С. 26-41 ; *Гришко А.Я.* Исполнение наказания в виде лишения свободы в Германии: на примере федеральной земли Бавария : уч. пос. Рязань, 2009. 36 с.

[3] *Уголовный* кодекс Франции. URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 14.07.2024).

запрещено посещать в порядке надзора[1]. Фактический же контроль за осужденными осуществляет (и сообщает суду о выявленных нарушениях) агент по пробации – сотрудник службы пробации.

В соседней с Францией Бельгии контроль за осужденными реализуют самостоятельные подразделения: служба пробации, служба медиации и служба поддержки потерпевших, социальные работники тюремной службы, служба в рамках объединенных Домов юстиции[2], существующих на местном уровне. В Эстонии и Латвии служба пробации осуществляет помещение осужденного под уголовный надзор (аналог условного осуждения, УДО в РФ), а также курирует процесс оказания социальной помощи и ресоциализации осужденного (например, представляет досудебные доклады суду и прокурору и т.д.)[3].

В Шотландии осуществление пробации выведено за пределы системы исполнения наказания и осуществляется муниципальными социальными работниками[4].

Скандинавские страны (Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция) с 80–90-х гг. XX века активно используют инструменты пробации в отношении несовершеннолетних (до 21 года) в качестве средства контроля за поведением осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, приговоренных к условному осуждению, освобожденных из мест лишения свободы условно-досрочно, приговоренных к общественно-полезным работам, несовершеннолетних, освобожденных от наказания[5].

История пенитенциарной практики XX века в странах Европы характеризуется применением интернирования – лишения свободы, основанного на опасности личности преступника (неоднократные судимости и поведение в период отбытия наказания и неопределенных сроков лишения свободы)[6].

Шведский законодатель исходил из того, что «применение наказания не должно мотивироваться тем фактом, что преступник нуждается в каре для исправления. Наказа-

---

[1] *Article* 762-4 Code of criminal procedure of France, 1958. URL: http://www.legislationline.org (дата обращения: 14.07.2024).

[2] *Confederation* of European Probation. URL: http://www.cep-probation.org/wp-content/uploads/2015/03/Chapter-Belgium-final.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

[3] *Рахмаев Э.С.* О формировании системы социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы // Обеспечение процесса реформирования использования наказаний в Российской Федерации : сб. мат-лов междунар. науч.-практ. конф. Рязань, 2010. 394 с.

[4] *Heard C.* Alternatives to Imprisonment in Europe: A Handbook of Good Practice. European Prison Observatory. URL: http://www.prisonobservatory.org/upload/Good%20practice%20 handbook%20AS.pdf (дата обращения: 14.07.2024).

[5] *Обзор* законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). Серия «Права человека». СПб., 2005. С. 20.

[6] *Буденсон У.* Надзор за отбывающими наказание на свободе. М., 1979. 271 с.

ние применяется вовсе не в интересах преступника. Его следует наказывать за то, что лицо сделало, а не за то, каким оно является»[1]. С учетом данных тенденций в законодательстве Швеции получили распространение сразу несколько способов контроля за поведением лиц, совершивших преступление: условное осуждение, пробация и т.д.

В то же время, признавая репрессивный характер условно-досрочного освобождения, обусловленный обязанностью нахождения осужденного «в контакте» с соответствующим инспектором, подкрепленной угрозой возвращения в тюрьму, И. Анттила называет данную меру «посленаказание» (after-punishment) (вне зависимости от того, какого рода забота и помощь оказываются)[2]. Схожая система исполнения наказаний применяется и в Норвегии. Так, самый низкий уровень рецидива преступлений в данной стране достигается именно ориентированностью на обучение и трудоустройство осужденных[3]. Программы индивидуального кураторства (сочетание наблюдения и пробации) позволяют мотивировать осужденного к обучению, трудоустройству, таким образом социализировать его[4].

Направленность на обеспечение именно безопасности общества в ряде стран континентальной системы права позволила даже на официальном уровне говорить о формировании «двухколейной системы» мер уголовно-правового воздействия (das zweispurige System), включающей в себя собственно уголовное право и право безопасности[5], подразумевая возможность самостоятельной реализации как наказания (die Strafe), так и мер (die Massnahme)[6]. При этом к числу уголовно-правовых последствий совершения преступления отдельные авторы относят и иные, не содержащиеся в уголовном законе меры принуждения (например, обязанность возместить вред)[7], тем самым относя к категории уголовно-правовых и средства из иных отраслей.

Необходимо отметить, что в практике ряда европейских стран на протяжении XX века достаточно активно использовались различные меры превентивного воздействия в

---

[1] *Там же*. С. 11.

[2] *Анттила И.* Контроль без репрессивности? // От страны тюрем к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. Хельсинки, 2012. 200 с.

[3] *Щербаков А.В., Налдеев А.Б.* Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в российских условиях // Молодой учёный. 2015. № 2. С. 393-396.

[4] *Багреева Е.Г.* Об организации пенитенциарных систем в международной практике // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 5. С. 21-24.

[5] *Кузнецова Н.Ф. Вельцель Л.* Уголовное право ФРГ. М., 1980. С. 126.

[6] *Жалинский А.Э.* Современное немецкое уголовное право. М., 2004. С. 294.

[7] *Майер Б.Д.* Уголовно-правовые санкции. Берлин, 2001. С. 7.

отношении лиц, представляющих угрозу окружающим. Наличие угрозы определялось характером поведения лица, что, по сути, давало возможность помещения лица, отбывшего наказание, в специализированные учреждения без ограничения сроков его пребывания в изоляции, которое производится отдельно от исполнения наказания в виде лишения свободы в специальных зданиях или отделениях (п. «b» ч. 2 § 66c Уголовного уложения ФРГ[1]).

В качестве критериев опасности личности ст. 66 ориентируется на тяжесть совершенных преступлений, наличие повторности преступлений (рецидива) и наличие ранее назначенных мер, связанных с изоляцией осужденного, которые свидетельствуют о том, что «из совокупной оценки личности исполнителя и совершенного им деяния следует, что он вследствие своей склонности к совершению значительных преступных деяний, в частности, деяний, посредством которых потерпевшим причиняется тяжкий моральный или физический вред, к моменту осуждения представляет собой угрозу для общества».

Уголовное законодательство Германии в качестве мер исправления и безопасности закрепляет три вида превентивного заключения: первичное и оговорённое превентивное заключение, а также возможность его последующего назначения[2]. Последующее назначение превентивного заключения осуществляется при наличии соответствующей оговорки в приговоре (§ 66a УУ ФРГ) или без таковой (§ 66b УУ ФРГ). Данное заключение преследует цель сократить опасность осужденного для общества. Несмотря на то, что с 2009 г. практика превентивного заключения подвергалась критике и в 2011 г. была признана не соответствующей положениям ст. 284 и ст. 104 Конституции ФРГ[3], данные нормы по-прежнему не исключены из уголовного закона. Такого рода средства социального контроля, применяемые за пределами наказания, подчеркивают превентивные начала уголовно-правового принуждения, основанные не столько на экзистенциальном воздаянии за содеянное, сколько на потребности обезопасить общество путем исключения (изоляции) возникающих угроз.

В качестве меры принуждения, не связанной с изоляцией, уголовное законодательство Германии содержит единый унифицированный инструмент социального контроля за лицами, совершившими преступление (меру уголовно-правового воздействия), – надзор. Так, § 68

---

[1] *Головненков П.В.* Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB): Научно-практический комментарий и перевод текста закона. М., 2021. 494 с.

[2] *Головненков П.В.* Превентивное заключение в Германии: проблемы правового регулирования // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. М., 2012. С. 491-498.

[3] *Основной* закон Федеративной Республики Германии. URL: https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf (дата обращения: 17.08.2024).

устанавливает условия надзора: (1) если кто-либо подвергается наказанию в виде срочного лишения свободы на срок не менее шести месяцев за совершение наказуемого деяния, при котором закон специально предусматривает установление надзора, то суд может помимо наказания установить надзор за данным лицом, если существует опасность, что он совершит другие уголовно наказуемые деяния.

При этом общий срок надзора от 2 до 5 лет может быть увеличен (§ 68c). Так, суд может назначить бессрочный надзор, если осужденный 1) не согласен с предписанием, указанным в § 56c, абз. 3, № 1, или 2) не следует указанию подвергнуться лечению или пройти курс в учреждении изоляции, и имеется опасность для общества ввиду возможного совершения им значительных наказуемых деяний.

Кроме того, эта же мера безопасности (надзор) в обязательном порядке назначается и в случаях приостановления мер исправления и безопасности, например, приостановление помещения в психиатрическую больницу (§ 67b), истечение десяти лет превентивного заключения (§ 67b).

В период надзора, согласно положениям § 68a, осужденный подчиняется органу надзора; и в то же время суд назначает ему на период испытательного срока куратора, который согласовывает проведение мероприятий по помощи осужденному. Таким образом, хотя основанием для назначения надзора выступает предположение суда о возможности совершения лицом нового преступления, содержательно надзор направлен на помощь лицу, совершившему преступление. Используемые же указания во многом совпадают с ограничениями отечественного института условного осуждения. Отсылочная регламентация надзора, по сути, делает его аналогичным контролю, устанавливаемому в период испытательного срока при условном осуждении, и позволяет говорить о единстве правовой природы контроля (надзора) не только в рамках привлечения лица к уголовной ответственности, но и после отбытия им наказания. Подобный подход свидетельствует о всеобъемлющем использовании надзора за поведением лица, совершившего преступление, в случаях, когда существует угроза совершения им нового преступления и имеются все основания полагать такую угрозу реальной. Основанием же отмены надзора выступает убежденность суда в том, что «можно ожидать, что осужденный и без него больше не будет совершать наказуемые деяния» (§ 68e).

В Германии реализуется практика сочетания надзора за осужденным и социальной помощи ему как лицу, находящемуся в сложной жизненной ситуации. Так, § 56d «Помощь в

период испытательного срока» предписывает, что «суд отдает осужденного на весь период испытательного срока или на его часть под надзор и руководство лица, назначенного для оказания помощи на период испытательного срока (куратора – Bewährungshelfer), если это требуется для того, чтобы удержать его от совершения наказуемых деяний. При этом лицо, назначенное для оказания помощи на период испытательного срока, помогает осужденному и опекает его; наблюдает за выполнением обязанностей и указаний, а также предложений и обещаний; сообщает об образе жизни осужденного в установленные судом промежутки времени; сообщает суду о грубых и постоянных нарушениях обязательств, указаний, предложений и обещаний. Такая деятельность (оказание помощи осужденному на период испытательного срока) осуществляется по службе или на общественных началах[1].

В качестве аналога отечественных общеправовых последствий осуждения лица, совершившего преступление, УК ФРГ предусматривает, помимо основных и дополнительных наказаний, еще и **дополнительные последствия**, наступающие для осужденного без самостоятельного вынесения таких последствий в приговоре (до 1970 г. – поражение в гражданских правах). К таким последствиям относятся: лишение права занимать публичные должности и пользоваться правами, полученными в результате публичных выборов, на срок до 5 лет (§ 45 абз. 1)[2].

В то же время в Германии предпринимаются попытки усовершенствовать данный институт. Так, член Совета по вопросу условно-досрочного освобождения Германии, эксперт Совета Европы Юрген Мутц считает, что «пробацию и пробационную деятельность не следует ограничивать только наблюдением или организацией и исполнением наказаний без изоляции от общества. Пробация в самом широком смысле охватывает любую деятельность, служащую реабилитации и реинтеграции преступника в общество. В этом смысле пробация рассматривается как элемент социальной и уголовной политики, которая должна способствовать сокращению преступности, рецидивизма и созданию более безопасного общества. Пробация – это не дополнение к системе уголовной юстиции, а необходимая и неотъемлемая часть»[3].

---

[1] *Тащилин М.Т.* Уголовное наказание в федеративных республиках России и Германии (сравнительно-правовой анализ). Пятигорск, 2005. 318 с.

[2] *Уголовное* право зарубежных государств. Общая часть : уч. пос. / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2003. С. 405-406.

[3] *Уткин В.А.* Правовые основания ресоциализации, освобожденных из мест лишения свободы (к концепции законопроекта) // Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний: мат-лы науч.-практ. семинара. Рязань, 2005. С. 111-112.

Схожие средства контроля применяются и в Дании. В соответствии со ст. 57 УК Дании «надзор осуществляется службой пробации, которая издает указания, необходимые для осуществления надзора или любых других условий, которые могут быть установлены в дальнейшем. Пробация как составной элемент уголовно-правового воздействия предполагает сопровождение (участие) в жизни осужденного на всех этапах уголовного преследования (при исполнении наказания, при предоставлении различного рода отсрочек от исполнения наказания и т.д.). Кроме того, в качестве «иного правового последствия наказуемого деяния»[1] предусмотрено осуществление и дальнейшего надзора (аналог административного надзора) (§ 59, 68 УК Дании).

УК Франции содержит специальный Подотдел 6, называющийся «О социально-судебном наблюдении». Такое наблюдение применяется в различных случаях (ст. 131-36-1 и др.) при освобождении от наказания либо после его отбытия. При этом закон прямо указывает на то, что данные меры предназначены для предупреждения рецидива. Продолжительность социально-судебного наблюдения не может превышать десяти лет в случае осуждения за проступок или двадцати лет в случае осуждения за преступление. Кроме того, наблюдение осуществляется после окончания лишения свободы (ст. 131-36-5) и не заменяет собой отсрочку исполнения наказания с режимом испытания (ст. 131-36-6). В то же время социально-судебное наблюдение включает в себя комплекс различных мер, от ограничений и обязательств (не посещать определенные места, не выполнять профессиональную деятельность, связанную с контактом с несовершеннолетними, и т.д.) до социальной реадаптации или предписания определенного ухода (медицинские меры). При этом соблюдение режима наблюдения обеспечивается угрозой применения тюремного заключения в случае нарушения соответствующих условий.

Учитывая включение в социально-судебное наблюдение различных инструментов воздействия (оказания помощи и т.д.), а также предусмотренные сроки его проведения (до 10 и до 20 лет), представляется, что такая практика позволяет осуществлять комплексное взаимодействие между государством и лицом, совершившим преступление, в течение длительного периода времени. Из сравнения же со сроками условного осуждения, предусмотренными УК РФ (до 3 и до 5 лет), видно, что они с очевидностью уступают французским мерам.

---

[1] *Бекетов О.И.* Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2011. 223 с.

Кроме того, французский законодатель не ограничивается контролем за поведением физических лиц. Так, наличие института уголовной ответственности юридических лиц предполагает помещение организаций «под судебный надзор сроком не более пяти лет» (п. 3 ст. 131-39).

В рамках данной процедуры специальный судебный уполномоченный осуществляет надзор за деятельностью организации с представлением раз в 6 месяцев отчета о ее деятельности (в части, связанной с совершенным преступлением). По результатам такого наблюдения суд либо прекращает надзор, либо назначает новое наказание для юридического лица (ст. 131-46).

Представляется, что такого рода надзор позволяет не только обеспечивать одностороннее карательное воздействие, но и всесторонне взаимодействовать с физическими и юридическими лицами в целях устранения причин и условий совершения преступления, с сохранением позитивной (правомерной) составляющей деятельности (сохранение производства, продолжение предпринимательской деятельности, участие в трудовой деятельности и сохранении рабочих мест и т.д.).

Помимо указанных средств контроля, в настоящий момент парламент Франции рассматривает вопрос введения разрешения силовым ведомствам в режиме реального времени отслеживать перемещение подозреваемых, дистанционно записывать звук и изображение с камер в телефонах и компьютерах в случае, «когда характер и серьезность фактов оправдывают это». Данное нововведение можно обсуждать, не соглашаться, критиковать за нарушение незыблемых прав личности, однако когда речь идет не просто о предупреждении преступлений и обеспечении безопасности, а о концептуальной выживаемости государства как инструмента (способа) существования общества, то цель начинает оправдывать средства.

При этом необходимо понимать, что использование чрезвычайных средств связано с возникновением и большого количества рисков: злоупотребление властью, неумышленное разглашение сведений о частной жизни лица, получение доступа к сведениям посторонними лицами и использование ими данных сведений в целях совершения противоправных действий и т.д.

Соответственно, легализация (официальное закрепление) позволяет сконструировать открытые механизмы определения оснований, условий и пределов применения та-

ких средств, в противном случае неизбежны последствия в результате злоупотреблений либо халатных действий.

В Японии при осуществлении публичного контроля над преступностью важную роль играют меры, направленные на успешную ресоциализацию без чрезмерной стигматизации лиц, освобожденных из исправительных учреждений, чтобы избежать формирования у них комплекса преступной личности, изгоя общества[1]. При этом наряду с традиционным использованием наказаний, не связанных с лишением свободы, широко применяются программы контроля и воспитания в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных из мест заключения[2].

В качестве одного из средств реализации такого принципа японской уголовной политики, как приоритет профилактики, действует институт добровольцев службы защитного надзора. В целях стимулирования добровольного участия в качестве субъекта надзорной деятельности данным лицам осуществляется частичное возмещение понесенных ими расходов.

Столь широкий перечень мер социального контроля, основанных на легальном признании опасности личности («привычный преступник», «профессиональный преступник»), медицинском (психическом) состоянии, социальных потребностях и проблемах осужденных, свидетельствует о гибкости и индивидуализированности системы уголовно-правового воздействия.

При этом использование прямого указания на статус лица, совершившего преступление, с отражением свойств его потенциальной общественной опасности («привычный преступник», «профессиональный преступник», лицо, «склонное к совершению преступления») может быть полезным и интересным для отечественной системы социального контроля в сфере уголовного права.

Представляет несомненный интерес опыт стран бывшего СССР. Законодатель Белоруссии, страны с близкой к нашей правовой системой, официально закрепил в Уголовном кодексе Республики Беларусь (УК РБ) несколько средств социального контроля за поведением осужденных. Положительным опытом, несомненно, можно признать подход к правовой регламентации контроля как самостоятельной единой меры уголовно-правового воздействия, применяемой в отношении различных категорий лиц, совершив-

---

[1] *Морозов Н.А.* Преступность и борьба с ней в современной Японии : дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2000. С. 106-107.

[2] Там же.

ших преступление (условно осужденные, освобожденные от наказания и т.д.). Во-первых, **ст. 77 УК РБ предусматривает возможность** осуждения с отсрочкой исполнения наказания **либо** осуждения с условным неприменением наказания **(ст. 78 УК РБ). В обоих случаях обязательным содержанием данных мер выступает** осуществление контроля за поведением осужденного. Во-вторых, в случае совершения лицом впервые преступления, не представляющего большой общественной опасности, или менее тяжкого преступления допускается осуждение без назначения наказания **(ст. 79 УК РБ), сопровождающееся** осуществлением за ним профилактического наблюдения**.**

В-третьих, ст. 80 УК РБ предусматривает порядок и основания установления превентивного надзора, осуществляемого после освобождения лица из исправительного учреждения, содержание которого схоже с институтом административного надзора, применяемым в России.

В-четвертых, ст. 81 УК РБ закрепляет в качестве обязательной меры **профилактическое наблюдение** за осужденным в течение срока судимости в случае, если лицо было осуждено за тяжкое или особо тяжкое преступление либо два или более раза к наказанию в виде лишения свободы за любые умышленные преступления, а также за лицами, условно-досрочно освобожденными от отбывания наказания (в течение неотбытой части наказания)[1].

Каждая из указанных мер имеет свои особенности в части наполнения обязательствами, возлагаемыми на период их действия, однако их все объединяет то обстоятельство, что они позволяют не только исполнять наказание, но и следить за фактическим поведением осужденного, свидетельствующим о его исправлении, либо, наоборот, о сохранении противоправной направленности.

Профилактическое наблюдение по сути является мерой, объединяющей в себе контроль за поведением лиц, освобожденных от наказания по различным основаниям, на период осуществления назначенной меры, условно-досрочного освобождения, а также судимости. При этом контроль выражается в традиционных, закрепившихся еще в советский период обязательствах (уведомлять орган внутренних дел об изменении места жительства или выезде в другую местность, а также являться в контролирующий орган и, при необходимости, давать пояснения относительно своего поведения и образа жизни).

---

[1] *Афонченко Т.П.* Об установлении профилактического наблюдения при освобождении от наказания // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. и кр. столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России : в 10 т. Т. 3. Рязань, 2019. С. 23-28.

Более строгим по своему содержанию, однако также не относимым к наказанию является «превентивный надзор после освобождения из исправительного учреждения», который устанавливается за лицами, представляющими потенциальную опасность для окружающих даже после отбытия наказания (например, при наличии особо опасного рецидива преступлений или в отношении судимых за преступление, совершенное в составе организованной группы или преступной организации).

Аналогичным образом сформировано и законодательство Узбекистана[1]. В частности, наказание в виде ограничения свободы предполагает нахождение лица вне исправительного учреждения, но в условиях частичного контроля за поведением осужденного. Частичность контроля выражается в двух аспектах: во-первых, в обязательстве осужденного не совершать определенные действия; во-вторых, в наличии у уполномоченного органа права и возможности сбора информации об отдельных аспектах поведения лица (в первую очередь связанных с соблюдением им запретов).

Согласно ст. 48[1] УК Узбекистана ограничение свободы состоит в установлении судом (на срок от одного месяца до пяти лет) в отношении осужденного полного запрета на покидание жилища под тем или иным предлогом или ограничения на выход из жилища в определенное время суток.

С учетом особенностей применяемого запрета (ограничения) суд может возложить на осужденного дополнительные запреты (ограничения). Помимо традиционных запретов на посещение определенных мест, участие в проведении массовых и иных мероприятий, занятие определенной деятельностью, также присутствуют и такие запреты, как:

– не владеть или не хранить у себя определенные предметы;

– не управлять транспортным средством;

– не изменять место жительства, место работы и (или) учебы, не выезжать за пределы соответствующей административной территории без согласия органа, осуществляющего надзором за осужденными;

– не устанавливать контакты с определенными лицами;

– не использовать средства связи, в том числе Интернет;

– не употреблять алкогольные напитки.

[1] *Уголовный* кодекс Республики Узбекистан. URL: https://lex.uz/docs/111457 (дата обращения: 20.03.2025).

Подобные специфические ограничения не предусматриваются отечественным уголовным законодательством, однако, на наш взгляд, являются объективно необходимыми в современных условиях.

Также необходимо обратить внимание на то, что данный перечень ограничений не является исчерпывающим. Суд может возложить на осужденного к ограничению свободы обязанности возместить причиненный им материальный и моральный ущерб, устроиться на работу или учебу, а также иные обязанности, способствующие его исправлению.

Подобный опыт может быть эффективен при использовании в Российской Федерации.

УК Казахстана[1] (УК РК) предусматривает возможность не просто освобождения лица от наказания, но и установления поручительства на период до 5 лет в зависимости от характера совершенного проступка либо преступления (ст. 69 УК РК). Установление такого поручительства состоит во внесении залога в размере, равном максимальному размеру штрафа, предусмотренному за совершенное уголовное правонарушение. При этом залог возвращается лицу, если в установленный период оно не совершит нового уголовного правонарушения, либо же обращается в доход государства, если новое уголовное правонарушение было совершено. Данная мера не является разновидностью условно-досрочного освобождения (ст. 72 УК РК) и позволяет, используя минимально возможные репрессивные средства, контролировать поведение лица, совершившего преступление, посредством угрозы наступления штрафных санкций.

Аналогичный институт поручительства предусмотрен УК Польши. Так, ст. 36 УК Польши допускает возможность в рамках наказания в виде ограничения свободы «передать осужденного под надзор куратора или лица, заслуживающего доверия, объединения, учреждения либо общественной организации, к ведению которой относится забота о воспитании, предупреждение деморализации и оказание помощи осужденным»[2].

Осуществление контроля за поведением лиц, совершивших преступление, не сводится исключительно к проверке соблюдения требований, но также включает в себя и оказание различной помощи данным лицам со стороны как государства, так и общественных организаций. Например, во Франции около 750 общественных организаций работают в области реабилитации бывших осужденных. Они занимаются разными сферами деятельности: одни

---

[1] *Уголовный* кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 30.06.2024).

[2] *Морохова О.А.* Зарубежный опыт развития программ для осужденных как реализация принципа реабилитации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 5. С. 66-73.

помогают бывшим осужденным с жильем, другие – в связях с родственниками, некоторые – с обучением, какие-то – с устройством на работу. В целом же концепция предупреждения преступности данными мерами социального контроля сводится к тезису о том, что «на пути к жизни без преступлений важными факторами являются доступ к работе, образованию, рекреационные мероприятия и физическое воспитание»[1].

Необходимо отметить, что подобная практика была распространена и в дореволюционной России. Так, до 1917 года существовало около ста общественных организаций, которые брали на себя опеку над семьями осужденных и над самими заключенными, помогая им после освобождения с трудоустройством и жильем. Да и в 20-е годы прошлого столетия действовали общественные организации, оказывавшие помощь освободившимся из мест заключения[2].

Несомненно, подобные меры сложно назвать в чистом виде уголовно-правовыми. Содержание их достаточно далеко от классического наказания, связанного с телесной карой, физическим устранением преступника либо его изоляцией. Однако современные общественные отношения настолько изменились, что именно эффективность в достижении цели определяет возможность применения меры и её характеристику, а не дань традициям и ритуалам, если они не позволяют обеспечивать выполнение соответствующих функций государства.

В связи с этим анализ законодательства стран с религиозными системами наказания свидетельствует о том, что там, как правило, содержится ограниченное количество средств правового контроля (меньшее количество видов) за поведением осужденного за пределами наказания. Сакральный (религиозный) смысл, вкладываемый в наказание как средство искупления вины и своеобразного очищения субъекта, совершившего преступление (грех), имеет хотя и несомненно нужную, однако достаточно ограниченную сферу действия и, как правило, не распространяется на последующий период, зато имеет особый психологический механизм сдерживания лица от нарушения табу в будущем.

Контроль же за поведением преступника, освобожденного от наказания либо отбывшего его, как правило, осуществляется на добровольных или общественных началах близкими, представителями рода, семьи, клана или религиозной общиной. Данные субъ-

---

[1] *Морохова О.А.* Потенциал использования образовательных ресурсов в исправительной системе Норвегии // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. № 2. С. 134-137.

[2] *Фонд* помощи заключённым «Аврора». URL: http://www.helppris.ru/centr-avrora (дата обращения: 25.07.2024).

екты зачастую осуществляют неформальную (родовую) власть и контролируют поведение потенциально опасных лиц, в том числе в интересах семьи (рода). Соответственно, такие инструменты социального контроля носят не правовой характер и не находят закрепления в нормах уголовного законодательства. Такая практика существует и в отдельных регионах Российской Федерации[1].

Анализ зарубежного законодательства вне зависимости от правовой семьи (группы) в части использования средств социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования позволяет констатировать наличие универсального государственного подхода к вопросам формирования системы средств уголовно-правового воздействия как инструмента социального контроля.

При этом обеспечение внутренней и внешней безопасности является превалирующим интересом государства, ради защиты которого допустимым является введение ограничений при наличии даже лишь потенциальной угрозы, исходящей от лица, совершившего ранее преступление.

В зарубежных УК, особенно европейских стран, обнаруживаются тенденции к применению средств продленного социального контроля за лицами, совершившими преступления. В частности, в европейских странах официально принято использование стигматизирующих уголовно-правовых статусов, позволяющих применять меры надзора за ранее осужденными лицами либо признавать их опасными для общества. В странах бывшего СССР такой подход воспринимается достаточно болезненно и, как правило, не является официально принятым.

Кроме того, под воздействием тенденций 80–90-х годов XX века, выразившихся в стремлении стран постсоветского блока соответствовать стандартам европейских стран и США, произошло разрушение функционирующей системы социального контроля в сфере уголовного права. Под эгидой борьбы за гласность, демократию, права человека, либерализацию всех сфер жизни в уголовно-правовой сфере были разрушены ранее сформированные и уже показавшие свою эффективность инструменты (рассмотрение дела товарищескими судами, передача под надзор трудового коллектива, административный надзор (длительный период времени не функционировал) и т.д.) и сама система социаль-

[1] *Шарипов И.И., Файзуллин Г.Г.* О взаимодействии государственных органов и НКО Республики Татарстан по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: региональный аспект // Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы : сб. ст. и мат-лов Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2017. С. 201-221.

ного контроля за лицами, совершившими преступление и представляющими опасность для общества. При этом замены данным мерам не возникло, а попытки внедрить те или иные меры социального контроля встречали противодействие под лозунгом о том, что такие инструменты являются проявлением репрессивного подавляющего государственного аппарата и «тоталитарного» наследия СССР.

Так, Боб Блэк относительно концепции незыблемости прав человека указывал, что «права человека – это не только модная идея, но и миф, который позволяет манипулировать глобальными общественно-политическими процессами»[1].

Однако сравнение законодательства ряда европейских стран с законодательством стран ближнего зарубежья (бывшего СССР) свидетельствует о явном недостатке (либо однотипности) у последних инструментов социального контроля в уголовно-правовой сфере, в то время как страны Европы и Америки широко и на легальной основе используют такого рода механизмы, объясняя их потребностями в обеспечении безопасности, не признавая их нарушением основных прав и свобод человека (на неприкосновенность частной жизни, на свободу выбора места жительства, труда и т.д.), в то же время дополняя их инструментами ресоциализации и социальной адаптации для смягчения их репрессивного характера.

При этом социальный контроль в криминальной сфере в европейских странах, как правило, выходит за пределы узкоспецифичного контроля за лицами, совершившими преступления, но может распространяться и на превентивную оперативно-розыскную деятельность, осуществляемую в целях обеспечения безопасности и управления государством. Например, осознание угрозы национальной безопасности в Германии позволило легализовать контролирующие мероприятия в сети Интернет и осуществлять негласный сбор информации о частной жизни лица (тайная выемка личных данных через интернет, тайное изъятие личных данных, сбор информации следственными органами путем проникновения и/или манипулирования информационно-техническими системами[2]). Такого рода непопулярные решения обосновываются тем, что «всеобъемлющая государственная защита человеческой жизни в сегодняшних условиях может в качестве побочного эффекта потребовать от человека определенных уступок, например, в области частной жизни»[3].

---

[1] *Блэк Б.* Миф о правах человека / пер с англ. А. Умняшкова. М., 2019. 76 с.

[2] *Hofmann M.* Die Online-Durchsuchung – staatliches «Hacken» oder zulässige Ermittlungsmaßnahme? // Neue Zeitschrift für Strafrecht. 2005. 25 Jg., № 3. S. 121-125.

[3] *Сафоклов Ю.* «Большой брат» в Интернете: Решение Федерального конституционного суда Германии по так называемому «компьютерному основному праву» // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 5. С. 144-156.

Проведенный анализ зарубежного уголовного законодательства в части регламентации мер уголовно-правового воздействия, тем или иным образом направленных на осуществление социального контроля за поведением лиц, совершивших преступления, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в подавляющем большинстве стран уголовное, а также уголовно-исполнительное законодательство в обязательном порядке содержит элементы (меры принуждения, правовые статусы, процедуры и т.д.), позволяющие осуществлять контроль за поведением лица, совершившего преступление, не только в период реализации наказания, но и в последующие периоды после его отбытия.

Во-вторых, применение мер социального контроля базируется на допущении правомерного поведения осужденного с периодическими проверками соблюдения им специальных требований к поведению, как правило, выступающих в роли альтернативы карательным мерам, связанным с изоляцией. В некоторых странах контроль происходит в рамках специальных дополнительных видов наказания, содержание которых сводится к наблюдению за лицом, находящимся вне изоляции.

В-третьих, тенденция к расширению средств и способов контроля свойственна странам с развитой и развивающейся экономикой, обладающим достаточным количеством экономических, организационных, материальных, технологических ресурсов для осуществления наблюдения за поведением лиц, не находящихся в условиях изоляции.

Из содержания анализируемых мер можно выделить следующие группы стран:

1. Страны, использующие наказание как основной инструмент социального контроля;
2. Страны, вводящие наряду с наказанием дополнительные средства контроля;
3. Страны, в которых использование наказания носит «символический» характер, а предпочтение отдается именно мерам социального контроля.

Соотношение указанных инструментов носит, несомненно, условный характер и демонстрирует тенденцию к изменению в зависимости от уровня преступности и иных социальных факторов.

Мировые тенденции свидетельствуют о происходящих попытках отказа от использования только традиционных карательных инструментов с последующей (постпенитенциарной) ресоциализацией и перехода к более гибкой и разнообразной модели уголовно-правового регулирования, основывающейся лишь отчасти на ответственности и наказании

за содеянное, к схеме дополнения внесудебных превентивных ограничений при наличии угрозы будущего криминального поведения.

Обобщённо данная модель может характеризоваться:

1) наличием средств постепенного (переходящего от административной к уголовной ответственности) «вовлечения» лица, проявляющего девиантное поведение, в уголовно-правовые отношения;

2) использованием различного набора мер уголовной репрессии, позволяющих индивидуально подходить к воздействию на отдельно взятого преступника;

3) стремлением к минимизации изоляции лица от общества;

4) наличием расширенного набора средств контроля за поведением лица, совершившего преступление, применяемых взамен наказания, связанного с лишением свободы;

5) продолжением применения средств контроля за поведением осужденного даже после отбытия им наказания;

6) интеграцией уголовно-правовых (уголовно-исполнительных) мер воздействия с оперативно-разыскными мероприятиями в части расширения полномочий на сбор информации о поведении лиц, ранее совершивших преступление;

7) использованием автоматических технических систем сбора информации о поведении лица;

8) расширением сферы социального контроля за счет применения в отношении лиц, представляющих опасность для окружающих, дополнительных ограничений на участие в различных видах деятельности (ограничение политических и гражданских прав, запреты на профессиональную деятельность, государственную службу и т.д.);

9) сочетанием уголовно-правового воздействия с инструментами пробации, ресоциализации, социальной адаптации.

Анализ зарубежного законодательства свидетельствует о том, что в странах, традиционно формирующих общемировые тенденции и тренды в сфере уголовно-правового регулирования (Китай, США, Англия), происходит расширение использования механизмов социального контроля в сфере уголовно-правовых отношений, обусловленное наличием устоявшейся правовой системы, достаточным уровнем технологических и иных ресурсов и стремлением к снижению классических репрессивных мер (изоляции преступника, физических наказаний и пр.). Положительный зарубежный опыт может быть учтён и воспринят отечественным законодателем в части использования в рамках мер уголовно-правового ха-

рактера средств, аналогичных «электронному мониторингу», применяемому в отношении различных категорий лиц, совершивших преступление, как в случае назначения им наказания, так и при освобождении от его отбывания по различным основаниям.

К таким средствам необходимо относить:

1. Использование универсального (объединенного) института контроля за лицами, совершившими преступления, в случае полного либо частичного отказа государства от реализации репрессии, а также в отношении лиц, совершивших особо тяжкие преступления и представляющих (сохраняющих) опасность для окружающих даже после отбытия наказания в виде лишения свободы: а) осужденными к наказанию, не связанному с лишением свободы; б) условно осужденными либо лицами, которым предоставлена отсрочка наказания; в) освобожденными от наказания (условно-досрочно освобожденными и др.); г) отбывшими наказание в виде лишения свободы при сохранении общественной опасности.

2. Расширение круга участников (акторов) социального контроля путем включения институтов поручительства за лиц, состоящих под надзором, со стороны членов семьи, общины, трудового либо иного коллектива, а также залога либо его аналогов как инструментов, снижающих обременения для осужденного, но стимулирующих его к правопослушному поведению.

3. Закрепление в нормах УК РФ, УИК РФ полномочий по осуществлению информационного (цифрового) контроля в отношении лиц, которым назначен контроль за поведением как мера уголовно-правового воздействия, а также его интеграции со сферой оперативно-разыскной деятельности (в части сбора информации о поведении лица, совершившего преступление, в том числе в автоматическом режиме).

Для внедрения в отечественное законодательство данных инструментов социального контроля нами были разработаны соответствующие проекты федеральных законов (Приложение № 13, законопроекты №№ 3-5).

ГЛАВА II. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ФОРМА РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

§ 1. Содержание уголовно-правовых отношений как формы реализации социального контроля[1]

Разработанные в теории методы социального контроля: изоляция, обособление, реабилитация и т.д. – в целом укладываются в сегмент уголовно-правового регулирования. Например, наиболее жесткие изоляционные меры используются в отношении лиц, представляющих повышенную опасность для окружающих, при отсутствии признаков их исправления. Такими традиционными для уголовного права методами выступают смертная казнь, пожизненное лишение свободы, лишение свободы на определенный срок. Обособление используется в рамках отдельных видов наказания, связанных с частичной изоляцией (ограничение свободы, принудительные работы и т.д.) либо при режиме испытания (условное осуждение, условно-досрочное освобождение и т.д.). Реабилитация как способ контроля применяется на этапах завершения отбытия наказания, а также условного осуждения, административного надзора и применения пробации.

Контроль и надзор рассматриваются как формы реализации властных полномочий государства по проверке и обеспечению исполнения обязательных предписаний, регулирующих общественные отношения в различных сферах деятельности. Так, надзор, ассоциирующийся с государственной деятельностью, определяется как «контроль и связанные с ним прямые или косвенные формы наблюдения и управления за деятельностью граждан современным государством»[2]. В расширенном же варианте он включает в себя деятель-

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Уголовно-правовое значение итоговых процессуальных решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 63-74 ; *Карпов К.Н.* Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере : монография. Омск, 2025. 220 с. ; *Карпов К.Н.* Основания возобновления исчисления сроков давности обвинительного приговора суда при злостном уклонении от отбывания штрафа // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы двадцать первой междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2023. Ч. 2. С. 30-31 ; *Карпов К.Н.* Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : мат-лы ежегодной всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2022. С. 125-129 ; *Карпов К.Н.* Временные пределы исполнения конфискации имущества // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : мат-лы двадцатой междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2022. Ч. 2. С. 27-28 ; *Карпов К.Н.* Особенности действия отдельных норм УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления за пределами Российской Федерации // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. Барнаул, 2021. С. 47-49.

[2] *Большой* толковый социологический словарь. URL: https://gufo.me/dict/social_dict (дата обращения: 26.09.2024).

ность таких субъектов, как «сыскные бюро, детективные агентства, полицейские участки, службу осведомителей, тюремных надзирателей, конвойные войска, суды, цензуру»[1].

Социальный контроль как неотъемлемый элемент управления общественными отношениями со стороны государства предполагает возможность осуществления трех его основных этапов (или компонентов): сбор информации о контролируемом объекте (поведении членов общества), анализ данной информации и применение мер коррекции отклоняющегося поведения, позволяющих осуществлять проверку соблюдения членами общества (гражданами и иными лицами) уголовного законодательства государства. Установление показателей отклоняющегося (или правомерного) поведения, т.е. законотворческая деятельность (а также правоприменительная в части толкования законодательства) также относится к сфере государственного управления, однако на данном уровне она лишь создает основание для дальнейшего контроля и относится к сфере уголовной политики.

Особое положение занимает компонент установления эталонных показателей правомерного поведения, свидетельствующих об отсутствии необходимости корректирующего воздействия. В рамках уголовно-правового регулирования данный процесс отождествляется с установлением уголовно-правовых запретов (в совокупности с положениями Общей части УК РФ), а также уголовно-правовых дозволений (обстоятельств, исключающих преступность деяния, и др.). Данные эталонные показатели позволяют реализовываться дальнейшему механизму контроля и при этом сами могут быть подвержены пересмотру в зависимости от изменения общественных отношений, а соответственно, требуют регулярной экспертизы на предмет эффективности.

Распределение данных этапов (компонентов) в сфере уголовно-правового регулирования происходит в следующем виде.

Первый этап (компонент) контроля – сбор первичной информации о поведении лиц – осуществляется (как правило) в рамках оперативно-розыскной деятельности, направленной на поиск сведений о совершенных либо совершаемых преступлениях. Именно данная информация является первичным показателем отклоняющегося поведения, требующего в дальнейшем корректировки принудительными средствами. Вторичная информация о соблюдении лицами, совершившими преступление, к которым уже были применены те либо иные меры уголовно-правового воздействия, может осуществ-

[1] *Кравченко А.И., Анурин В.Ф.* Социология. СПб., 2008. С. 279.

ляться службами, в компетенцию которых входит исполнение наказания либо контроль (надзор) за поведением лиц, освобожденных от наказания (условно осужденных, лиц, к которым применялась отсрочка наказания, и т.д.).

Нельзя игнорировать тот факт, что даже общепревентивное информационно-воспитательное воздействие в отношении всех членов общества уже порождает определенные правоотношения. Используемый в юридической литературе термин «позитивная уголовная ответственность» в данном случае представляется не вполне подходящим, т.к. речь идет не об ответственности лиц, не нарушивших уголовный закон. Собственно данная теория и не получила полноценного развития по ряду объективных причин[1]. В то же время в исследованиях в области теории и истории права и государства позитивная и перспективная ответственность рассматриваются как «самостоятельные феномены в системе социального контроля»[2].

Необходимо констатировать, что с момента законодательного закрепления перечня уголовно наказуемых деяний правоотношения по поводу соблюдения членами общества норм уголовного законодательства фактически уже складываются и реализуются как минимум в рамках осуществления процедур государственных органов по сбору информации о поведении лица для осуществления контроля. Полномочия компетентных органов напрямую зависят от характеристик, установленных непосредственно в уголовном законе, даже при отсутствии противоправных действий конкретного лица, в отношении которого проводятся те либо иные мероприятия. Соответственно, и круг его прав (а также возможных их ограничений) определяется данными параметрами уголовного закона и иных НПА. Например, осуществление различного рода проверок деятельности предприятия может базироваться исключительно на предписаниях закона и подзаконных НПА, устанавливающих параметры проведения данных проверок. Данный характер правоотношений распространим и на уголовно-правовую сферу. Учитывая, что субъектом нормативного предписания (или его адресатом) является тот, для которого определенная модель поведения носит нормативный характер, соответственно, предписания уголовного закона позволяют говорить о фактическом наличии уголовно-правовых от-

---

[1] *Баранов В.М.* «Позитивная юридическая ответственность»: спорный концепт, мнимая практика, виртуальная техника : монография. М., 2022. 176 с.

[2] *Цишковский Е.А.* Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2003. С. 4.

ношений с момента закрепления соответствующего запрета в нормах УК РФ даже до момента фактического совершения преступления.

Данный уровень уголовно-правовых отношений можно назвать абсолютным по аналогии с разработанной в теории гражданского права классификацией правоотношений на абсолютные и относительные[1].

Э.Л. Сидоренко предлагает схожее деление правоотношений на общерегулятивные и абсолютные регулятивные[2], где абсолютные правоотношения представляют собой безусловное право субъекта на требование от всех иных соблюдения установленного запрета на нарушение его права. Например, право собственника на невозможность распоряжаться его имуществом лицами, не уполномоченными на то самим собственником, коррелирует с обязанностью всех членов общества соблюдать данный запрет. На данное обстоятельство применительно к уголовно-правовым отношениям указывается еще в работах Р.Ф. Иеринга: «Повеление, заключающееся в том, чтобы судья определил убийце смертную казнь, содержит в себе другой императив: воздержаться от убийства, не совершать его»[3]. Л.И. Спиридонов также указывал, что «для раскрытия сущности уголовного права, которое является разновидностью общественных отношений, его необходимо рассматривать как момент отношений между членами общества по поводу уголовно-правовых запретов»[4].

Необходимо отметить, что данные правоотношения имеют свое фактическое содержание. Они предполагают ограничение прав и свобод человека, в отношении которого происходит проверка на предмет соблюдения им требований уголовного законодательства. Некоторые из применяемых правоограничительных мер в дальнейшем даже засчитываются в качестве наказания (зачет содержания под стражей в срок наказания и т.д.). Соответственно, уголовно-правовые отношения включают в себя не только реализацию репрессивных правоограничений, но и взаимодействие субъектов социального контроля до этапа уголовной ответственности, в процессе ее реализации, а также и после ее завершения.

---

[1] *Чикин А.А.* Абсолютные и относительные гражданские правоотношения и субъективные права // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 184-190 ; *Райхер В.К.* Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав) В особенности применительно к советскому праву // Вестник гражданского права. 2007. № 2. С. 144-204.

[2] *Сидоренко Э.Л.* Объект уголовно-правовых отношений в контексте современного правопонимания // Публичное и частное право. 2012. № 3. С. 137-150.

[3] *Иеринг Р.Ф.* Избранные труды : в 2 т. Т. I. СПб., 2006. С. 618.

[4] *Спиридонов Л.И.* Социология уголовного права // Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология. СПб., 2002. С. 184.

При этом первичность и вторичность в случае реализации правоотношений может являться довольно условным делением. Так, органы, исполняющие наказание, при осуществлении служебной деятельности (формально не относящейся к категории оперативно-розыскной) фактически собирают информацию об отклоняющемся поведении, которая не только значима для исполнения наказания (соблюдение установленного режима исполнения наказания, замена наказания на более строгое, отмена условного осуждения и т.д.), но и может фиксировать именно факт совершения преступления, например, ст. 313 УК РФ «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи»; ст. 314 УК РФ «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера»; ст. 315 УК РФ «Неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта» и др. При осуществлении режимных мероприятий в местах лишения свободы зачастую происходит выявление преступлений, предусмотренных ст. 222, 228, 228^1 УК РФ.

Кроме того, достаточно большое количество государственных органов (исполнительной ветви власти), не осуществляя оперативно-розыскную деятельность, наделены контролирующими полномочиями, реализация которых позволяет выявлять факты совершения преступлений.

Например, глава 14 Налогового кодекса РФ («Налоговый контроль») фактически регламентирует режим сбора и анализа информации о соблюдении налогового законодательства. Данная деятельность приводит к получению информации о совершении различного рода преступлений (ст. 198–199^4 УК РФ и др.).

Контролирующая деятельность таможенных органов (вне рамок оперативно-розыскных мероприятий) (Раздел VI ТК ЕЭС «Проведение таможенного контроля») приводит к выявлению соответствующих преступлений (ст. 200^1, 226^1, 229^1 УК РФ и др.).

Счетная палата Российской Федерации, осуществляя свои полномочия (например, контрольную, экспертно-аналитическую, информационную и иные виды деятельности (ст. 14 ФЗ № 41))[1], не просто выявляет нарушения законодательства, а осуществляет первичный сбор информации о различного рода преступлениях как в сфере экономической деятельности (ст. 193^1, 194, 200^3, 201^2, 201^3 УК РФ и т.д.), так и коррупционных (ст. 200^1–200^5, 204, 285^1–285^6, 290, 293 УК РФ и др.).

[1] *О Счетной* палате Российской Федерации : фед. закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Федеральный закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» в совокупности с подзаконным актом – Постановлением Правительства РФ от 16 марта 2009 г. № 228 «О Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций» наделяют данную службу (Роскомнадзор) огромным количеством полномочий (раздел II, ст. 5) по сбору и анализу информации, в том числе о совершенных преступлениях (ст. 207–207^3, 272–274^2, 280^1, 280^3, 280^4, 282, 282^4, 254, 254^1 УК РФ и др.). В большом количестве случаев данный орган даже имеет право самостоятельного реагирования на выявленные факты отклоняющегося поведения (применения мер государственного принуждения) во внесудебном порядке.

Наиболее масштабным в данном аспекте является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»[1], наделяющий (ст. 26) контролирующими полномочиями большинство органов исполнительной власти Российской Федерации и местного самоуправления. В ходе такой деятельности происходит фактическое выявление и первичная фиксация данных о совершении лицами преступлений. Перечень данных полномочий, органов и нормативных правовых актов является весьма обширным и, несмотря на фактическое осуществление сбора первичной информации о совершенном преступлении, не относится к категории оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, оперативно-розыскная деятельность (регламентированная в рамках ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») выступает в роли лишь частного случая (или специальной разновидности) деятельности государственных органов по выявлению и сбору информации об отклоняющемся поведении членов общества в рамках контроля за соблюдением (гражданами Российской Федерации и иными лицами) уголовного законодательства Российской Федерации.

Вопрос о качестве информации, используемой при принятии решений, является актуальным для сферы государственного управления и предполагает соответствие ее определенным критериям. К ним относятся, в частности: достоверность, непротиворечивость, недискриминационность, проверяемость, конфиденциальность, адекватность, целевая ограниченность, открытость данных[2]. Указанные правила полноценно распро-

---

[1] *О государственном* контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : фед. закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Назаров Н.А.* Обеспечение качества данных при автоматизированном принятии решений в государственном управлении // Журнал российского права. 2024. Т. 28, № 5. С. 140-153.

страняются и на информацию в сфере уголовно-правового регулирования. К ним могут относиться различные сведения: о факте совершения преступления (либо административного правонарушения, например, в случае с составами с преюдицией), о местоположении лица, отбывающего наказание в виде ограничения свободы либо осужденного условно, о совершении им противоправных (либо правомерных) деяний, характеристики лица и другие данные, учитываемые при принятии решений в отношении подконтрольного. При этом очевидно, что данные критерии применительно к информации в сфере уголовно-правового регулирования остаются недостаточно исполняемы.

Второй этап контроля – анализ собранной информации и её оценка – осуществляется также в рамках первичного уголовного судопроизводства непосредственно по поводу совершенного преступления. В ходе него определяется достоверность информации, дается корректная квалификация совершенного деяния, определяется степень тяжести совершенного преступления и степень опасности лица для окружающих. Выясняются обстоятельства, способствовавшие совершению преступления. Выбирается и официально провозглашается мера принуждения, позволяющая скорректировать девиантное поведение и (или) обезопасить общество в будущем.

Вторичный компонент анализа может происходить на дальнейших стадиях уголовного судопроизводства[1] в рамках изменения назначенного наказания, его отмены, замены на другой вид либо замены ранее назначенной меры уголовно-правового воздействия на реальное наказание (например, в случае злостного уклонения от исполнения обязательств в рамках условного осуждения) и т.д.

Третий этап социального контроля – непосредственно корректировка или реакция на полученные данные о наличии отклонений – реализуется в первую очередь в рамках уголовно-исполнительных отношений. Так, исполнение наказания и иных мер уголовно-правового характера предполагает такое воздействие, которое позволит различными путями (общая превенция (устрашение), физическая изоляция, перевоспитание, исправление и т.д.) изменить поведение субъекта данных правоотношений в сторону правомерности (т.е. привести его к изначально заданным (предполагаемым) параметрам). Последующий этап корректировки поведения может носить факультативный характер и реа-

[1] *Пупышева Л.А.* Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2022. 468 с.

лизуется в рамках общеправовых ограничений, возникающих как реакция государства на потенциально возможное поведение лица, ранее совершившего преступление.

Указанная триада позволяет рассматривать данные взаимосвязанные правоотношения как способ социального контроля поведения граждан (членов общества) и элемент государственного управления социальными процессами. При этом сбор информации, её анализ и реакция на девиацию не обязательно должны происходить последовательно. Зачастую выявление преступлений, сбор оперативно значимой информации происходит как в самом начале данного процесса, так и в дальнейшем, в ходе расследования преступлений, исполнения наказания. В то же время сбор информации о поведении уже осужденного лица может не только быть значимым в рамках исполнения наказания (для замены назначенного наказания либо отмены условного осуждения), но и предполагать наличие нового самостоятельного преступления (ст. 313, 314, 314^1 УК РФ и др.). Соответственно, и уголовно-процессуальные процедуры могут происходить как на этапе расследования преступления, так и в дальнейшем при исполнении наказания либо иных мер уголовно-правового воздействия.

В рамках указанных правоотношений правоприменительные органы уполномочены осуществлять непосредственное реагирование на факт отклоняющегося поведения и самостоятельно применять отдельные меры принуждения, например, потребовать прекращения преступной деятельности. В случае задержания лица, совершившего преступление, либо пресечения преступной деятельности сотрудники полиции (и иных органов) обладают полномочиями на применение физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия вплоть до причинения вреда здоровью либо причинения смерти преступнику (Глава 5 ФЗ «О полиции» «Применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия»).

Таким образом, социальный контроль в рамках уголовно-правовых правоотношений имеет различные этапы и проявления, однако в любом случае должен рассматриваться как разновидность правоотношений между государством и членами общества, складывающихся в связи с необходимостью соблюдения уголовного законодательства конкретного государства и реагированием на нарушение уголовно-правовых запретов.

Социальный контроль в системе уголовно-правового регулирования фактически реализуется в рамках уголовно-правовых отношений и предполагает наличие соответствующих структурных элементов правоотношений. В классическом варианте их со-

держание образуют субъекты правоотношений, объекты и непосредственно содержание (субъективные права и юридические обязанности)[1].

Специфика уголовно-правовых отношений, зарождавшихся и развивавшихся большую часть своего существования, как именно карательная (репрессивная) практика со стороны государства по отношению к частным лицам в целях предупреждения преступлений, приводит к желанию минимизировать данные правоотношения, с одной стороны, как нежелательные для лиц, в отношении которых применяется принуждение, а с другой стороны, невыгодные государству как ресурсозатратные и имеющие большое количество негативных социальных последствий.

Особенности социально-правовых преобразований конца XX – начала XXI вв. в России привели к формированию в общественном сознании ошибочного понимания необходимости усеченного характера уголовно-правовых отношений, в рамках которых право государства на привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, ограничивается исключительно процедурой назначения и исполнения наказания. Данное право, соответственно, обосновывалось общественной опасностью деяния и исключало возможность рассмотрения в качестве основания применения мер принуждения общественной опасности личности[2]. При этом все последующие либо не связанные напрямую с наказанием меры правового принуждения признавались чрезмерными и рассматривались как проявление тоталитарного механизма, а соответственно, подлежали исключению.

На аналогичное явление указывают и исследователи в сфере управления: «По неизвестным причинам (о которых можно только догадываться) законодатель при переходе с плановой экономики на «рыночную» оставил пробел в правовом регулировании функции контроля над «оперативным» управлением и деятельностью исполнительных органов в корпорациях. Эта проблема не решена на законодательном уровне до сих пор в течение более 20 лет! В таких условиях, при отсутствии закрепленной в законодательстве функ-

---

[1] *Алексеев С.С.* Общая теория права : в 2 т. Т. 2. М., 1982. 360 с.

[2] См. напр.: *Южанин В.Е.* Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2014. № 2. С. 17-21 ; *Антонов А.Г.* О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» // Государство и право. 2019. № 11. С. 125-129 ; *Караваева Ю.С.* Об общественной опасности личности преступника со специальным статусом // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2012. № 3. С. 52-55.

ции вышеуказанного контроля, возник дисбаланс в пользу неограниченной свободы исполнительных органов корпораций...»[1].

Данный подход являлся распространенным и проявлялся в масштабных преобразованиях уголовного законодательства (например, изменения УК РФ 2003 г.), формировании различных концепций гуманизации законодательства, а также в отказе от ранее существовавших институтов (например, административный надзор, передача на поруки и др.), позволявших сохранять правоотношения между лицом, совершившим преступление, и государством как регулятором обеспечения безопасности.

Если рассматривать социальный контроль как составную часть уголовно-правовых отношений, включающих в себя такие структурные элементы, как объекты, субъекты и содержание, то:

1) объектами социального контроля выступают непосредственно поведение людей (акты преступного поведения), а также социальные явления и процессы в целом (преступность, рецидив и т.д.);

2) субъектами социального контроля выступают государство (участвующее в правоотношениях посредством органов государственной власти, должностных лиц), а также негосударственные организации и частные лица, которым делегированы отдельные полномочия государственной власти;

3) содержание социального контроля составляет процесс установления уголовно-правовых запретов, а также непосредственно реализация правоотношений уголовной ответственности (применения наказания и иных мер уголовно-правового характера).

Данная схема распространяется на все виды общественных отношений (правоотношений), выделяемых в сфере уголовного права. К таковым принято относить охранительные и регулятивные[2]. Например, Н.А. Лопашенко, уточняя название и содержание предмета уголовного права, относит к нему «две группы взаимосвязанных и одновременно самостоятельных уголовно-правовых отношений: охранительно-предупредительные (возникающие из самого уголовно-правового запрета) и уголовно-регулятивные (связанные с нару-

---

[1] *Зяблицкий А.В.* Проблема разграничения контроля и управления в российских корпорациях. URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/25/problema_razgranicheniya_kontrolya_i_upravleniya_v_rossijskih_korporaciyah (дата обращения: 12.09.2025).

[2] *Уголовное* право Российской Федерации. Общая часть : учебник / В.В. Бабурин, В.Н. Баландюк, С.В. Векленко [и др.]. Омск, 2016. 448 с.

шением уголовно-правовых запретов)»[1]. В более широком варианте к ним относят (выделяют): 1) общевоспитательные уголовно-правовые отношения (связанные с принятием и изданием уголовного закона); 2) предупредительные (удержание лиц от совершения преступления путем угрозы применения уголовно-правовых санкций); 3) охранительные (возникающие непосредственно в связи с совершением преступления); 4) регулятивные (стимулирующие правомерное социально полезное поведение лиц, например, в рамках обстоятельств, исключающих преступность деяния) (Р.Р. Галиакбаров)[2].

Указанные группы правоотношений, рассматриваемые как предметы уголовного права, на наш взгляд, выступают в роли различных этапов или форм уголовно-правовых отношений, которые имеют свою специфику, однако объединены как отраслью права, так и иными признаками. Например, социальный контроль как элемент управленческой деятельности проявляется в рамках принятия и издания уголовного закона (общевоспитательных уголовно-правовых отношений), в дальнейшем – в процессе удержания лица от совершения преступления путем угрозы применения уголовно-правовых санкций, непосредственно при реализации уголовно-правовых норм в связи с совершением преступления, а также при стимулировании различного рода правомерного поведения (непреступного либо постпреступного). Различные формы социального контроля тем либо иным образом проявляют себя в единстве замысла – такого влияния на субъектов правоотношений, при которых государство в состоянии обеспечивать безопасность граждан, общества, государства от преступных посягательств в динамическом процессе, сохраняя возможность постоянной корректировки содержания уголовно-правовых отношений (перечня уголовно наказуемых деяний, объема и вида дозволенного поведения, средств уголовно-правового принуждения и т.д.). Так, Ю.Е. Пудовочкин, анализируя подходы к исследованию наказания, справедливо указывает на то, что «он ориентирован в большей части на статическое восприятие и статический анализ наказания, при котором упускается из виду очевидный факт – наказание есть еще и определенная деятельность государства, обладающая значимыми динамическими характеристиками»[3].

---

[1] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 26, 27.

[2] *Галиакбаров Р.Р.* Уголовное право. Общая часть. Краснодар, 1999. С. 9-11.

[3] *Пудовочкин Ю.Е.* Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. № 4. С. 64.

Непосредственным объектом индивидуальной профилактики выступают конкретные лица и микросреда.[1] При этом под конкретным лицом как объектом профилактического воздействия имеются в виду «индивиды, поведение и образ жизни которых свидетельствуют о реальной возможности совершения им общественно опасных деяний, а под микросредой – «негативные элементы материального и духовного порядка, которые уродливо деформируют личность»[2]. В свою очередь профессор В.Н. Кудрявцев объектом индивидуального профилактического воздействия рассматривает личность правонарушителя[3].

Классическое понимание предмета регулирования уголовного права как «круга общественных отношений, возникающих в результате совершения общественно опасных деяний, который обосабливается путем определения в законе, какие именно общественно опасные деяния признаются преступлениями, и установлением наказаний за их совершение»[4], является наиболее распространенным, однако требует дополнения и уточнения. Дискуссия же относительно разделения на предмет регулирования и предмет охраны (и иные предметы) достаточно детально разбиралась на страницах научной печати[5]. Одним из ее логических следствий стал вывод И.Э. Звечаровского о том, что «трудно представить ситуацию, при которой та или иная отрасль права только бы регулировала или только бы охраняла, поскольку правовое воздействие на общественные отношения – это единый регулятивно-охранительный процесс»[6].

Применительно к сфере уголовно-правовых отношений А.А. Васильченко рассматривает их как 1) правоотношения – средства регулирования (играющие роль одного из средств механизма уголовно-правового регулирования); 2) результат правового регулирования (т.е. реализованные в деятельности субъектов правовые модели)[7].

К.В. Муравьев, анализируя процессуальные формы применения уголовного закона, приходит к выводу, что «фактическое государственное принуждение к лицу, совершившему запрещенное законом общественно опасное деяние, лишение либо ограниче-

---

[1] *Игошев К.Е., Устинов В.С.* Введение в курс профилактики правонарушений. Горький, 1977. 98 с. ; *Игошев К.Е., Шморов И.В.* Социальные аспекты предупреждения правонарушений. М., 1980. 176 с.

[2] *Саркисов Г.С.* Объект индивидуального профилактического воздействия в теории предупреждения преступности. Ереван, 1985. С. 22.

[3] *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 242.

[4] *Уголовное* право Российской Федерации : в 2 т. Т. 1. Общая часть / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2002. С. 11.

[5] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 337.

[6] *Звечаровский И.Э.* Современное уголовное право России. СПб., 2001. С. 13.

[7] *Васильченко А.А.* Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений : монография. М., 2006. С. 15-20, 36-37, 51.

ние его прав и свобод возможно только в рамках правоотношения (фактического отношения)». При этом автор рассматривает уголовную ответственность, уголовно-правовое воздействие, наказание и иные меры уголовно-правового характера как самостоятельные феномены, характеризующие уголовно-правовые последствия как объект уголовно-правовых отношений[1].

Акцент на существовании именно особой группы правоотношений в сфере уголовного права делали представители как уголовно-правовой, так и уголовно-процессуальной наук. Так, по мнению В.Н. Божьева и Е.А. Фролова, «правовой формой бытия, существования содержания уголовной ответственности выступают правоотношения»[2]. Данная позиция развивалась и в работах А.И. Марцева[3]. В.Е. Квашис и Н.В. Генрих в качестве концептуальной модели уголовно-правовых отношений предлагают рассматривать «комбинацию четырех видов правовых связей: между лицом, совершившим преступление, и государством; между государством и потерпевшим; между лицом, совершившим преступление, с одной стороны, потерпевшим и государством – с другой; между государством и субсидиарными участниками отношения со стороны лица, совершившего преступление»[4]. Данная модель, несомненно, заслуживает внимания, и отдельные её элементы будут рассмотрены нами в дальнейшем.

В целом же следует согласиться с условностью большинства приведенных делений, обусловленной тем, что «охранительно-предупредительные отношения являются по своему характеру регулятивными, а уголовно-регулятивные, безусловно, оказывают предупредительное воздействие на граждан»[5]. Более того, правовое воздействие на общественные отношения также принято называть «единым регулятивно-охранительным процессом»[6].

Таким образом, классическая структура правовых отношений (применимая к уголовно-правовым отношениям также), включающая в себя субъектов, объекты, содержа-

---

[1] *Муравьев К.В.* Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография. М., 2019. 264 с.

[2] *Божьев В.Н., Фролов Е.А.* Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения // Советсвкое государство и право. 1974. № 1. С. 88.

[3] *Марцев А.И.* Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 1975. 250 с.

[4] *Квашис В.Е., Генрих Н.В.* Содержание уголовно-правового отношения (концептуальная модель) // Уголовное право. 2010. № 4. С. 29-34.

[5] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика. СПб., 2004. С. 126.

[6] *Уголовная* ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел : уч. пос. / под ред. Н.И. Загородникова. М., 1987. С. 34 ; *Убеждение* и принуждение в борьбе с преступностью : уч. пос. / под ред. У.С. Джекебаева. Алма-Ата, 1989. 175 с.

ние уголовно-правовых отношений, а также и элемент применения нормы права как «совершаемые компетентными государственными органами… акты индивидуального значения, влекущие возникновение, изменение либо прекращение у конкретных лиц соответсвующих прав и обязанностей либо применение к ним санкций»[1], распространяется в равной мере на общерегулятивные, регулятивные и охранительные уголовно-правовые отношения. Указанные факторы в своей совокупности и предопределяют необходимость определения дальнейшего статуса одного из участников уголовно-правовых отношений – лицо, совершившее преступление.

В рамках уголовно-правовых отношений данные компоненты конкретизируются в следующей форме. Субъектами правоотношений выступают государство в лице уполномоченных органов и лицо, совершившее преступление (в том числе общественно опасное деяние в состоянии невменяемости). Как верно указывал К. Маркс, «всякое право по отношению к преступнику есть вместе с тем и право преступника по отношению к государству»[2]. Дополнительными субъектами могут выступать также негосударственные организации и частные лица, принимающие участие в осуществлении различных процедур, связанных с оказанием воздействия на лицо, совершившее преступление (например, органы, выполняющие функции пробации, медицинские организации, в которых лицо проходит курс лечения от наркомании, медиаторы и т.д.).

Объектом социального контроля выступает поведение членов общества как в широком смысле (всех членов общества), так и в узком, т.е. поведение лиц, совершивших преступление и принуждаемых к определенному формату поведения.

Содержанием правоотношений является круг прав и обязанностей, позволяющих государству выполнять функцию по обеспечению безопасности, с одной стороны, а с другой – обеспечить соблюдение прав и свобод человека.

Уголовная ответственность представляет собой реальное применение (действие) уголовно-правовой нормы, результатом которого является справедливое решение фактического социального конфликта. При этом механизм такого разрешения конфликта сводится к отрицательной оценке поведения виновного, применении к нему мер госу-

---

[1] *Теория* государства и права: учебник / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич. М., 1968. 236 с.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Дебаты по поводу закона о краже леса // Собр. соч. : в 30 т. Т. 1. 2 изд. М., 1954. С. 150.

дарственного принуждения (наказания) и обязанности претерпеть (и реальному претерпеванию) такие последствия своего противоправного поведения[1].

К таким полномочиям государства можно отнести следующие: 1) право требовать соблюдения уголовно-правового запрета; 2) право осуществлять уголовное преследование и реализовывать в отношении лица, совершившего преступление, уголовную ответственность во всех ее формах, а также применять иные меры уголовно-правового характера и общеправовые последствия совершения лицом преступления; 3) право отказаться от реализации уголовной ответственности. Данное право может быть применено по усмотрению правоприменителя в особых случаях, предусмотренных в УК РФ (а также частично и УПК РФ). Например, в рамках специальной главы предусмотрены основания освобождения лица от уголовной ответственности либо наказания. Такие меры уголовно-правового воздействия, как принудительные меры медицинского характера, могут также не применяться в случае отсутствия в них необходимости.

В то же время конфискация имущества выступает в роли обязательного правового последствия совершения лицом преступления, а ее объем не может быть произвольно определен судом исходя из таких характеристик, как характер и степень опасности или категория совершенного деяния. Отмена конфискации имущества также не может зависеть от усмотрения суда, а соответствует установленным фактическим обстоятельствам преступления (размеру извлеченной выгоды, стоимости полученного имущества или орудия преступления). Даже в случае применения актов амнистии и помилования не предусматривается возможность освобождения от предписанной конфискации имущества. В положениях ст. 84, 85 УК РФ перечисляется перечень правовых последствий совершения преступления, которые могут быть отменены данными актами. К ним относится освобождение от уголовной ответственности, от отбывания наказания, снятие судимости. Относительно прекращения иных мер уголовно-правового характера в виде конфискации имущества законодатель не делает специальной оговорки[2].

Аналогичным образом обязательными, неизменными и неотменяемыми выступают общеправовые последствия совершенного преступления. Предусмотренные отраслевым законодательством запреты (и ограничения) лицам, имеющим судимость либо ранее при-

---

[1] *Уголовная* ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел : уч. пос. / под ред. Н.И. Загородникова. М., 1987. С. 7.

[2] См., напр.: *О помиловании* Сапоцкой Н.А. : Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 2019 г. № 446. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

влекавшимся к уголовной ответственности и освобожденным по нереабилитирующим обстоятельствам, не могут быть ни изменены, ни отменены по решению суда. Они функционируют в автономном режиме и должны выполняться (соблюдаться) лицом, совершившим преступление, и органами, уполномоченными на реализацию данных запретов, без возможности пересмотреть таковые. Возникшие как следствие уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений, в дальнейшем они официально не признаются их частью и существуют сами по себе, подчиняясь собственным правилам. Исключения составляют лишь отдельные случаи, например, право заниматься педагогической деятельностью может быть предоставлено (возвращено) лицу, ранее судимому за совершение преступлений небольшой либо средней тяжести, по решению специализированного органа (комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав) (ч. 5 ст. 331 ТК РФ).

Правовой статус лиц, совершивших преступление, во многом характеризуется обязанностями, коррелирующими вышеприведенным правам государства. Он зависит от характеристик совершенного преступного деяния, особенностей постпреступного поведения лица, а также итоговых решений, принимаемых судом и иными уполномоченными на то органами. Совокупность данных прав и обязанностей при осуществлении социального контроля должна обеспечивать возможность реализации следующих компонентов управления:

1. Информационный – сбор и анализ информации о поведении лица, начиная с факта совершения преступления, в дальнейшем при реализации уголовной ответственности (в процессе отбытия наказания и исполнения иных мер уголовно-правового характера), а также после отбытия наказания либо при его замене (условное осуждение, условно-досрочное освобождение, административный надзор, совершение новых преступлений).

2. Корректирующий. При изменении поведения лица в негативную (либо позитивную) сторону применяются средства усиления уголовно-правового воздействия либо его замена на более приемлемые, а также полная отмена.

3. Организационный – совокупность механизмов взаимодействия органов государственной власти (а также негосударственных организаций и частных лиц) и лиц, совершивших преступление, в рамках правоотношений.

Учитывая функции социального контроля, его внутренняя структура может быть сведена к трем основным взаимосвязанным элементам: сбору и обработке информации о подконтрольном объекте, организации среды подконтрольного таким образом, при котором он будет пребывать в правомерном состоянии, а также корректировке поведения

подконтрольного объекта исходя из целей социального управления. Соответственно, второй и третий элемент могут считаться факультативными до тех пор, пока поведение объекта находится в пределах допустимого.

Информационный элемент социального контроля состоит из этапов сборки, обработки (анализа) и накопления информации. На уровне контроля за лицами, совершившими преступление, контроль как совокупность правовых средств начинает реализовываться после провозглашения и вступления в силу приговора (либо заменяющего его акта). При этом на уровне уголовно-правового воздействия данное событие имеет общепредупредительный (психологический и устрашающий) эффект. Так, А.И. Марцев, рассматривая информационное воздействие уголовного закона, выступал за необходимость уголовно-правовой пропаганды (т.е. распространения информации об уголовном законодательстве) и отмечал, что «эффект влияния закона на правосознание и поведение граждан складывается из суммарного информационного воздействия самого текста и известной гражданам практики его применения»[1]. При этом для общей превенции он считал очень важным знание именно «положительной практики применения уголовного закона»[2].

В то же время с позиции уголовно-правового регулирования данный акт активирует трансформацию уголовно-правовых (превентивных) правоотношений и самостоятельные уголовно-исполнительные правоотношения. Именно после вступления в законную силу акта, фиксирующего факт совершения лицом преступления, государство имеет легальное основание применения средств контроля за его дальнейшим поведением.

Исходным источником информации для дальнейшего контроля выступает приговор (либо заменяющий и приравненный к нему юридический акт – решение о применении принудительных мер медицинского характера и т.д.) с детализацией квалификации преступления, особенностей объекта посягательства, потерпевшего и иных характеристик юридического факта и самого лица, в отношении которого устанавливается контроль.

К основным этапам сбора информации необходимо относить:

– первичный (предварительный) сбор установочной информации о поведении подконтрольного лица, выражающемся в совершении преступления, а также информации о самом лице (биографические данные, состав семьи, образование, трудовая деятельность, наличие заболеваний и т.д.);

---

[1] *Эффективность* правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский и др. М., 1980. С. 127.

[2] *Марцев А.И.* Проблемы повышения общей превенции преступлений. Вопросы учения о преступлении и ответственности. Омск, 1998. С. 161.

– текущий сбор информации о соблюдении лицом установленных судом ограничений и запретов в период реализации назначенной меры уголовно-правового воздействия. (проверки по месту жительства поднадзорного, получение объяснений, запросы в органы государственной власти, проведение розыскных мероприятий в случае необходимости);

– итоговый сбор информации о соблюдении (выполнении) условий для прекращения контроля (освобождение в случае позитивного поведения либо замена для реального отбытия наказания в случае продолжения противоправного поведения).

Данный информационный компонент непосредственно проявляется в ходе реализации уголовно-правового воздействия. Так, изучение материалов накопительных дел лиц, находящихся под контролем, свидетельствует о достаточно высоком уровне отмен назначаемых испытательных сроков при условном осуждении[1] (см. приложение № 7).

Так, не справляются с выполнением возложенных на лицо обязанностей 15%; продолжают противоправное поведение, выражающееся в совершении административных правонарушений, 30%; вновь совершают преступление в период испытательного срока 21% осужденных.

Схожая ситуация складывается и в отношении условно-досрочно освобожденных: допускают одно нарушение установленных запретов 53%; два и более нарушения – 32%; совершают административные правонарушения 56%. Данные показатели свидетельствуют о недостаточной эффективности предупредительной работы, контроля и своевременного реагирования на факты продолжающегося противоправного поведения.

Средства сбора информации

Сбор информации может происходить в рамках правоотношений, складывающихся в рамках контроля за поведением лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, либо освобожденных от фактического отбытия наказания под условием. Данные правоотношения предполагают реализацию уголовной ответственности, а соответственно, могут и должны воплощаться в форме реализации прав и обязанностей действующих субъектов.

При этом основная часть деятельности реализуется именно органами, уполномоченными на осуществление контроля, т.е. проверку соблюдения соответствующего режима отбытия наказания либо иных мер уголовно-правового характера. Учитывая специфику осуществляемой деятельности, можно охарактеризовать ее как поисковую, однако ограничен-

[1] Данные получены в результате выборочного изучения материалов накопительных дел лиц, находящихся на условно-досрочном освобождении и условно осужденных.

ную рамками правового статуса лица, в отношении которого осуществляется контроль. Так, данная деятельность имеет определенное сходство с оперативно-розыскными мероприятиями в усеченном виде по их наполняемости, целям, объекту поиска (подробнее этому вопросу будет уделено внимание в параграфе о пределах контроля).

Сбор информации о поведении лица, находящегося в подконтрольном состоянии, зависит от назначенной ему меры уголовно-правового воздействия и регламентируется следующими нормативными правовыми актами: УК РФ, УИК РФ, ФЗ «Об исполнительном производстве» и т.д. Кроме того, фактическое содержание данных правоотношений определяется зачастую также подзаконными нормативными актами. Например, приказ Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества» содержит правила и порядок осуществления контролирующих мероприятий, проводимых уполномоченными органами, и, соответственно, их компетенцию, а также обязанности подконтрольных.

Так, в соответствии со ст. 1 данного приказа уголовно-исполнительные инспекции наделяются полномочиями по организации исполнения наказаний в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, а также осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных, в отношении которых отбывание наказания отсрочено.

При этом содержание контроля, с одной стороны, обусловлено установленными судом ограничениями, а с другой – определяется самой уголовно-исполнительной инспекцией исходя из особенностей лица, в отношении которого они установлены, технических и организационных составляющих инспекции и других факторов. Например, установленный судом запрет на нахождение вне места проживания в ночное время суток в рамках условного осуждения может проверяться различными способами. В некоторых случаях это могут быть проверки по месту жительства, сбор объяснений от подконтрольного либо соседей, родственников и т.д.

В то же время аналогичное ограничение, установленное в рамках наказания – ограничения свободы – предполагает установление технического устройства, передающего в режиме реального времени данные о местоположении лица, совершившего преступление. Такой способ сбора информации о местоположении лица используется только в рамках указанного наказания. В случаях установления аналогичного ограничения в

рамках условного осуждения, условно-досрочного освобождения, а также административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, технические средства контроля перемещения (местонахождения) лица не предусматриваются.

Сотрудники УИИ ФСИН РФ для получения информации о совершении лицом правонарушений, перемещении лица вынуждены обращаться с соответствующим запросом в ОВД РФ. Аналогичным образом проверки в ночное время суток по мету проживания осужденного не могут быть ими осуществлены самостоятельно и требуют соответствующего вмешательства сотрудников полиции (обладающих необходимыми полномочиями).

Таким образом, установление правоотношений, в рамках которых орган, уполномоченный осуществлять контроль за поведением лица, совершившего преступление, в период отбытия им наказания или период испытательного срока, фактически не обладает полномочиями сбора информации о соблюдении данным лицом установленных ограничений приводит к снижению эффективности такого рода контроля и, соответственно, недостижимости целей исправления осужденного либо предупреждения преступлений.

При этом анализ содержания устанавливаемых правоограничений (см. приложения № 7, 8) свидетельствует о том, что данная мера применяется от 29% (ограничение свободы) до 87% (административный надзор) случаев условного осуждения, условно-досрочного освобождения, административного надзора.

Большинство нарушений режима подконтрольными лицами, исходя из анализа материалов дел, приходится именно на нарушение режима пребывания в ночное время в месте постоянного проживания либо связаны с выездом за пределы населенного пункта (места проживания) без уведомления (разрешения) либо с нарушением порядка уведомления контролирующего органа.

Представляется, что с учетом и без того непростого положения лиц, совершивших преступление, организация порядка уведомления (получения разрешения на выезд), прибытия для отметки в контролирующий орган существенно усложняет процесс ресоциализации и социальной адаптации лица, т.к. сводится к обязанности выполнения формальных процедур, необходимость которых является неочевидной. Помимо существующих проблем с трудоустройством, обустройством семейной жизни, заботой о престарелых родителях либо несовершеннолетних детях и т.д. необходимость формального уведомления о выезде за пределы населенного пункта либо явки в определенное время в ОВД (УИИ) дополнительно нагружают лицо.

Представляется, что с наличием современных средств коммуникации данные процедуры могут быть сведены к минимально затратным (в организационном плане). Так, наличие сотового телефона с возможностью определения координат нахождения лица и функцией видеосвязи позволяет подконтрольному сообщать о месте нахождения без отвлечения времени как подконтрольного, так и сотрудника, осуществляющего контроль. Большинство приложений позволяют осуществлять запись параметров местоположения лица в автоматическом режиме, для чего не требуется постоянное участие сотрудников. Данная функция может быть реализована в рамках уже существующих платформ, например, «Госуслуги», с помощью которой возможна идентификация лица и сбор соответствующих данных, связанных с установленными в отношении лица ограничениями. Более того, автоматизированный сбор указанной информации позволит исключить коррупционную составляющую и снизить риски подкупа должностных лиц либо превышения ими полномочий.

В рамках данных мер возможность получения информации о соблюдении лицом судебного предписания зависит от периодичности проверок, загруженности сотрудников инспекции (ОВД, ОПИ), площади обслуживаемой территории и других организационных моментов. Степень достоверности таких сведений, несомненно, меньше, а вероятность обойти запрет – выше. В целях оптимизации процесса сбора информации целесообразно унифицировать средства сбора информации в различных мерах уголовно-правового воздействия, содержащих контроль. Так, использование средств автоматического сбора информации не только в рамках наказания в виде ограничения свободы, но и в рамках условного осуждения и условно-досрочного освобождения будет способствовать повышению эффективности данной меры. Реализация данного средства контроля за поведением лиц, совершивших преступление, вне зависимости от того, назначено им соответствующее наказание либо они освобождены от его отбывания под условием соблюдения правомерного поведения, предполагает наличие гипотетической (в идеале и реальной) возможности влияния на поведение подконтрольного.

Существующие автоматизированные средства сбора информации, по сути, направлены только на определение местоположения лица, в то время как современный уровень технического развития позволяет осуществлять сбор и иных сведений, характеризующих состояние лица, находящегося под контролем (в том числе в автоматическом режиме с использованием технических средств). Так, в рамках проводимого нами опроса (см. приложение № 11) респондентам был задан вопрос: «Сведения о каких параметрах

поведения осужденного, на ваш взгляд, должны (могут по усмотрению суда) подлежать сбору, анализу и хранению в рамках использования электронных средств контроля?». 57% опрошенных указали на необходимость контроля местоположения. По 30% считают допустимым контроль электронных средств коммуникации и осуществления финансовых операций. Еще 22% согласны с необходимостью контроля физиологических параметров организма (состояние опьянения, пульс, давление и т.д., исходя из возможностей аппаратуры и особенностей контролируемого). При этом 38% допускают контроль всех перечисленных параметров. Отдельные респонденты, кроме того, предлагали осуществлять контроль за «кругом общения» (т.е. категорией лиц, с которыми происходит взаимодействие), информацией о состоянии психического здоровья. Посчитали недопустимым применение вышеперечисленных средств контроля в отношении лиц, совершивших преступление, менее 1% респондентов.

Примечательно, что схожие опросы, проведенные среди лиц, находящихся под наблюдением УИИ (условно осужденных, осужденных к ограничению свободы), продемонстрировали отчасти схожие результаты (см. приложение № 12). На вопрос: «Если бы имелась возможность, согласились ли бы вы заменить установленные в отношении вас ограничения (например, явку в УИИ) применением электронных средств автоматической фиксации местоположения?» – отрицательно ответили лишь 31%, положительно высказались 45% респондентов, еще 24% также согласны на такое предложение, однако отметили отсутствие такой возможности (удаленность УИИ, отсутствие средств связи и т.д.).

Указанные данные свидетельствуют о востребованности сбора информации о поведении лица, совершившего преступление, как средства предупреждения совершения ими новых преступлений и восприятии его как приемлемого.

В целях минимизации государственных расходов возможно использование автоматизированных средств контроля за счет самого подконтрольного взамен отдельных правоограничений. Например, наиболее часто применяемые меры – запрет на выезд или изменение места проживания без уведомления органа, осуществляющего контроль, а также обязательство о явке от 1 до 4 раз в месяц может быть заменено на автоматизированный контроль местоположения лица (с использованием средств сотовой связи и определением его местоположения (GPS, ГЛОНАС)) и осуществление связи с уполномоченным должностным лицом через системы видеоконференцсвязи (при наличии технической возможности). В связи с этим представляет интерес практика обязательного использования лицами, прибывающими на территорию Российской Федерации, разрабатываемого и внедряемого в деятельность миграционных органов специального про-

граммного обеспечения «Амина»[1], позволяющего в автоматическом режиме осуществлять сбор сведений о выполнении определенных условий лицом, находящимся под наблюдением. Использование данного приложения для мобильных устройств является обязательным[2] для корректного наблюдения за мигрантами, находящимися на территории Российской Федерации, и позволяет в автоматическом режиме осуществлять сбор сведений о выполнении определенных условий лицом, находящимся под наблюдением. Подобный инновационный подход предполагает разработку, внедрение и использование новых средств осуществления контрольно-надзорной деятельности[3] и может быть применен и в практике осуществления контроля за поведением лиц, совершивших преступление, в отношении которых установлен соответствующий контроль либо надзор.

В то же время необходимо ужесточение ответственности за попытки уклониться от сбора соответствующих данных, производимого в автоматическом режиме. Так, использование программных средств, изменяющих параметры местоположения лица (и других подобных механизмов), должны рассматриваться как уклонение от установленных ограничений. Соответственно, необходимо внесение изменений в диспозиции норм УК РФ, регламентирующих ответственность за злостное уклонение от наказания в виде ограничения свободы (ст. 314 УК РФ), нарушение условного осуждения (ч. 5 ст. 73 УК РФ) и условно-досрочного освобождения и уклонение от административного надзора (ст. 314[1] УК РФ). Например, диспозиция ч. 2 ст. 314[1] УК РФ предполагает неоднократное неисполнение обязательств административного надзора, т.е. совершение лицом не менее трех фактов нарушения установленных запретов, сопряженных с иными административными правонарушениями. При этом большинство исследователей данного института выступают за сокращение количества указанных нарушений, а также исключение сопряженности как обязательного признака данного состава преступления. Представляется, что использование технических средств контроля установленных обязательств позволит реализовать данные предложения и адекватно реагировать на нарушение подконтрольным установленных для него ограничений.

---

[1] *Новый* сервис для мигрантов «Амина»: что это такое, для чего нужен и как будет работать. URL: https://rg.ru/2025/08/26/aminu-znaesh.html (дата обращения: 01.09.2025).

[2] *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и о проведении эксперимента по внедрению дополнительных механизмов учета иностранных граждан : фед. закон от 23 мая 2025 г. № 121-ФЗ. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

[3] *Ширеева Е.В.* Правовые формы и методы государственного контроля и надзора в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности в условиях цифровой трансформации органов исполнительной власти // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 4. С. 350-360.

Учитывая, что социальный контроль за лицами, совершившими преступление, относится к разновидности функционального контроля (когда объект проверяющему органу не подчинен) и предполагает проверку отдельных направлений деятельности лица, существует потребность в расширении неформальных средств контроля. Неформальный контроль (надзор) является гибким и действенным инструментом, так как отдельные общественные группы обладают гораздо большими возможностями контроля в виде мер поощрения, влияния авторитетных лиц и неизмеримо большим числом санкций, чем те, которые зафиксированы в праве. Неформальный контроль может действовать как основная форма надзора за поведением и как фактор, дополняющий деятельность официальных контрольных органов[1]. Соответствующее включение в систему контроля за поведением лиц общественных организаций либо частных лиц может способствовать позитивному влиянию на осужденных.

Так, результаты проводимого нами в рамках исследования опроса свидетельствуют о позитивном отношении к расширению способов и средств контроля за поведением лиц, совершивших преступления. Более 75% респондентов положительно относятся к инициативе расширения применения средств электронного контроля (надзора) за поведением осужденных, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы, условно осужденных, условно-досрочно освобожденных в период испытательного срока. Так, на вопрос: «Считаете ли вы приемлемым использование специализированного программного обеспечения (технологий ИИ, анализа больших данных и т.д.) для анализа поведения лица, совершившего преступление, при установлении в отношении него контроля (надзора) в рамках условного осуждения либо схожих мер уголовно-правового воздействия (УДО, отсрочка и т.д.)?» – более 70% опрошенных высказались, что использование данных средств может существенно снизить вероятность рецидива преступлений. Результаты данных опросов свидетельствуют о положительном отношении граждан к использованию некарательных средств, позволяющих осуществлять сбор информации о поведении лица, совершившего преступление.

Подводя итог рассмотрению вопросов структуры социального контроля, можно констатировать наличие особого рода правоотношений, складывающихся между государством (а также органами и частными лицами, выступающими от его имени), с одной стороны, и лицами, нарушившими уголовно-правовой запрет (совершившими преступление), а также потенциально способными совершить общественно опасное деяние и подлежать уголовно-правовому воздействию за его совершение – с другой.

---

[1] *Казимирчук В.П.* Социальный контроль и предупреждение правонарушений // Проблемы искоренения правонарушений в СССР : тезисы докл. науч. конф. М., 1971. С. 31-34.

Содержание данных правоотношений зависит от фактического поведения субъектов и может быть определено как 1) *абсолютные правоотношения* – которые проявляются в юридических обязанностях соблюдения уголовно-правовых запретов и обязанности претерпевать ограничения конституционных прав, вызванные необходимостью сбора информации о поведении членов общества на предмет соблюдения ими данных запретов, и корелирующих этим обязанностям правах государства по сбору информации о поведении членов общества (в том числе связанном с ограничением конституционных прав) относительно соблюдения установленных уголовно-правовых запретов, а также правах пресечения и применения принуждения для пресечения указанных нарушений; 2) *относительные правоотношения* – права и обязанности, возникающие в связи с реализацией государством санкций, предусмотренных уголовным законом за нарушение уголовно-правовых запретов; реагированием на продолжение противоправного поведения лица, к которому уже применены санкции, выражающегося в нарушении специальных требований к поведению данного лица либо совершении нового преступного деяния; установлением длящихся правоограничений на допуск к участию в определенных видах деятельности лиц, представляющих опасность для окружающих, исходя из их предыдущего противоправного (преступного) поведения. Структура данных отношений имеет все необходимые элементы правоотношений, однако с оговоркой об их репрессивном, удерживающем характере. На данном уровне социальный контроль реализуется в правоотношениях уголовной ответственности либо непосредственно с нею связанных.

При этом компонент сбора информации (связанный с ограничением конституционных прав граждан), т.е. фактического наблюдения за поведением участников данных правоотношений происходит на всех этапах, с момента установления уголовно-правовых запретов.

Таким образом, социальный контроль в сфере уголовно-правового регулирования реализуется в специфических правоотношениях между государством и членами общества по поводу определения и закрепления в законодательстве неприемлемых (девиантных) форм поведения, сбора информации о поведении лиц, демонстрирующих девиантное поведение, и реализации комплекса мер по приведению поведения лица к социально приемлемому формату.

Кроме того, социальный контроль в сфере уголовно-правового регулирования включает в себя как статичные, так и динамические элементы.

К статичным следует относить:

1) нормативно-правовую базу, закрепляющую эталоны поведения и структуру органов, участвующих в осуществлении социального управления;

2) систему правоохранительных органов;

3) механизмы получения информации о поведении членов общества;

4) идеологические и культурологические механизмы формирования правомерного поведения;

5) социальные институты и частных лиц, оказывающих помощь в ресоциализации, социальной адаптации.

Соответственно, в динамическом контексте процесс социального контроля в отношении лиц, совершивших преступление, выражается в следующих элементах:

1) получение (сбор) информации о фактах преступного поведения членов общества;

2) правовая оценка девиации;

3) привлечение к уголовной ответственности и исполнение наказания;

4) постпенитенциарный и внепенитенциарный контроль (надзор);

5) ресоциализация, социальная адаптация и социальная реабилитация;

6) установление общеправовых ограничений на участие в отдельных видах правоотношений для лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет.

Представляется, что именно система уголовно-правового регулирования общественных отношений содержит в себе указанные признаки, методы и стратегии социального контроля. Однако отказ от восприятия уголовно-правовых отношений как инструмента социального контроля не позволяет сформировать полноценные механизмы выполнения государством одной из своих основных задач по обеспечению безопасности общества в целом и его членов в частности. Решение данной задачи происходит как во внешних (оборонная, внешнеполитическая и др.), так и во внутренних (экономическая, социальная, правовая и др.) функциях государства.

Социальный контроль реализуется:

1) в общепревентивных уголовно-правовых правоотношениях, выражающихся в информационном воздействии посредством закрепления уголовно-правовых норм (уголовно-правовых запретов), а также осуществлении правомочий государства по сбору информации и проверке соблюдения членами общества норм уголовного законодательства;

2) в рамках непосредственного привлечения к уголовной ответственности (осуществления правоохранительной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, осуществлению правосудия и исполнению наказания и иных мер уголовно-правового характера);

3) в рамках исполнения ограничительных правоотношений, применяемых в процессе исполнения наказания, применения условных мер уголовно-правового характера, а также после отбытия наказания (административный надзор в период судимости) либо освобождения от него (общеправовые ограничения (например, запрет на профессию и т.д.)). Данные правоотношения в основе своей предполагают возможность принудительного воздействия в отношении лица, совершившего преступление, не только исходя из реализовавшейся общественной опасности совершенного деяния, но и в связи с проявленной общественной опасностью личности, сохраняющей свой криминогенный потенциал.

§ 2. Уголовно-правовые статусы лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, как участников уголовно-правовых отношений[1]

В теории права принято рассматривать правовой статус личности как регламентированные и охраняемые законом границы свободного и ответственного, государственно допускаемого, одобряемого и необходимого поведения[2].

Для обозначения состояния лица с точки зрения имеющихся у него прав и обязанностей, ограничений, дозволений и запретов используются различные понятия: «правовое положение», «правовой статус» или даже «правовой модус». При этом, как верно отмечает А.И. Чучаев, такое деление является излишним, т.к. «у правовой абстракции (правового статуса) и реалии (правового положения) много общего»[3].

Правовой статус как комплексная, интеграционная категория, отражающая взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива, его права и обязанности, инструменты и гарантии их реализации, а также другие соци-

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в контексте принципов равенства и справедливости // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4. С. 160-166 ; *Карпов К.Н.* Уголовно-правовое значение итоговых процессуальных решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 1. С. 63-74 ; *Карпов К.Н.* Лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, как специальный субъект преступлений с уголовной преюдицией // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сб. тезисов выступл. и докл. участников форума. Рязань, 2023. С. 358-363 ; *Карпов К.Н.* Правовое значение примирения с потерпевшим и деятельного раскаяния по делам частного обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2024. № 3. С. 79-83 ; *Карпов К.Н.* Условия и правовые последствия освобождения от наказания в связи с болезнью // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2024. № 1. С. 57-62 ; *Карпов К.Н.* Экстраординарные основания и правовые последствия освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 1. С. 33-37.

[2] *Комаров С.А., Ростовщиков И.В.* Личность. Права и свободы, политическая система. СПб., 2002. С. 21.

[3] *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие. Понятие, объект, механизм и классификация : монография. М., 2013. С. 161.

альные связи, позволяет формировать адекватное восприятие субъектом правоотношений своего положения, прав и обязанностей, а также места в той или иной структуре. При этом установление юридически нечетких, аморфных, размытых статусов ведет к неразберихе, нарушениям законности, прав личности[1]. Определение и закрепление точного правового статуса лица как участника специфических правоотношений, когда он выступает в роли одного из компонентов правового положения личности, позволит воспринимать уголовно-правовые отношения не только как одностороннее принуждение со стороны государства, но как полноценные правоотношения, имеющие своих участников, содержание и другие компоненты. А.Ю. Якимов отмечает, что правовое состояние личности характеризуется наличием не только реальных прав и обязанностей, обусловленных существованием конкретного правоотношения, но и потенциальных прав и обязанностей, закрепленных правовой нормой[2]. Данный тезис подходит как раз для характеристики уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление.

В то же время относительно основного гаранта (а возможно, и инициатора) правового статуса сохраняется неопределенность. Так, А.И. Чучаев утверждает, что «правовой статус человека постоянен и неизменен, предоставляет каждому гарантированные международным сообществом возможности реализации своих способностей и интересов, складывающихся объективно, по мере экономического, политического и культурного развития. В свою очередь права и юридический статус гражданина, напротив, исходят от государства, могут приобретаться и изменяться в связи с изменением характера политико-правовой связи»[3].

Вряд ли можно полностью согласиться с такой постановкой вопроса по целому ряду причин. Во-первых, современное состояние международных отношений и понимания «международного сообщества» не дает оснований воспринимать его как самостоятельного и полноценного гаранта прав человека. В конечном счете реализация гарантий этих прав производится на национальном уровне именно государством. Обеспеченность же «международным сообществом» зависит от добровольной включенности государства в ту либо иную международную организацию, а также конъюнктуры, глобальных интересов

---

[1] *Долинская В.В.* Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6-17.

[2] *Якимов А.Ю.* Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 10.

[3] *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие. Понятие, объект, механизм и классификация : монография. М., 2013. 318 с.

участников международных правоотношений и имеет, скорее, рекомендательный характер. Во-вторых, именно характер поведения лица влияет на его правовое положение и круг прав и обязанностей. Так, противоправное общественно опасное посягательство лица лишает государство обязанности в определенных случаях обеспечивать ему право на неприкосновенность и даже на жизнь. Данные примеры свидетельствуют о гарантированном именно государством рациональном примате общественного блага (необходимости обеспечения безопасности) над частными правами и обязанностями, предполагающем необходимость учета наличия потенциальной опасности поведения лица как для окружающих, общества или государства в целом, так и в некоторых случаях для самого себя.

Конституционно-правовое положение личности характеризуется предпосылками, при которых личность может осуществлять свой конституционно-правовой статус (совокупность основных прав, свобод и обязанностей)[1]. К таким предпосылкам относят гражданство, правосубъектность, а также способность нести ответственность за их нарушение либо злоупотребление. Данная структура применима в отношении не только конституционно-правового статуса, но и более узкого – уголовно-правового статуса. Основу данного статуса составляют аналогичные компоненты: 1) гражданство (либо гражданство/подданство другого государства (ст. 11, 12 УК РФ)); 2) правосубъектность как способность выступать в роли специфического субъекта правоотношений, регулируемых УК РФ (например, в виде реализации права на необходимую оборону и других прав на социально полезное причинение вреда либо правомочий на заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и т.д.); 3) способность выступать в роли субъекта уголовной ответственности либо иного лица (невменяемого), в отношении которого могут быть применены меры уголовно-правового воздействия. Различные сочетания данных компонентов могут предопределять и различные уголовно-правовые статусы лиц.

В данном аспекте следует оговориться, что используемый в юридической литературе термин «лицо, совершившее преступление» в уголовно-правовом значении, как правило, рассматривается с позиции определения возможного круга субъектов преступления[2] и субъектов уголовной ответственности (юридические лица, системы ИИ и т.д.). Например, В.Н. Куфлева отмечает необходимость разработки общего учения о лицах в

---

[1] *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 89.

[2] *Петрашева Н.В.* Понятие «лицо, совершившее преступление»: теоретико-методологический аспект // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 4. С. 30-34.

уголовном праве, т.е. о «субъектах уголовного права»[1]. При этом к числу таковых «субъектов уголовного права» вполне обоснованно относит (помимо непосредственно государства) также лиц, к которым обращены уголовно-правовые запреты, вне зависимости от способности последних осознавать содержание запретов и нести ответственность за их нарушение, которые «обладают равновеликим правовым статусом»[2].

Однако в большинстве случаев правовой статус участника уголовно-правовых отношений не рассматривается в контексте категорий уголовного права как материальной отрасли права. Чаще данное понятие используется в уголовном процессе либо уголовно-исполнительном праве[3]. Однако констатация существования уголовно-правовых отношений как самостоятельной сферы общественных отношений, возникающих и развивающихся в связи с реализацией государством функции по обеспечению безопасности граждан, предполагает и наличие у участников данных правоотношений определенных правовых статусов, характеризующихся правами, обязанностями, сроками их существования и другими компонентами.

Н.В. Витрук критикует попытки раскрыть различные аспекты правового положения личности – правового статуса, правосубъектности, гражданства – исключительно через права и обязанности гражданина: они «хотя и неразрывно связанные, но качественно самостоятельные явления, которые имеют собственное, специфическое содержание и отражают различные стороны правового положения личности»[4].

Значение правового статуса возможно определить исходя из содержания правоотношений, в рамках которых данный статус реализуется и влияет на фактический объем прав и обязанностей субъектов. Ю.Г. Ткаченко рассматривает правоотношения в двух различных формах: во-первых, как индивидуальные модели возможного и должного поведения субъектов права, выступающие как образцы-мерки (но не само фактическое поведение); во-вторых, как фактические отношения, урегулированные нормами права[5].

---

[1] *Куфлева В.Н.* Лицо, совершившее преступление: вопросы теории. Краснодар, 2024. С. 9.

[2] *Куфлева В.Н.* К проблеме определения субъектов уголовного права // Юрислингвистика. 2024. № 33. С. 44-51.

[3] *Уткин В.А*. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Ч. 1. Вып. 6. Томск, 2018. С. 13-20 ; *Лядов Э.В.* Правовой статус осужденных, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества // Вестник Томского государственного университета. Право. 2015. № 2. С. 70-83.

[4] *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности М., 2008. С. 19.

[5] *Ткаченко Ю.Г.* Методологические вопросы теории правоотношения. М., 1980. С. 95-115.

В названии данного параграфа нами не случайно используется множественное число (статусы). Такая формулировка связана с наличием не одного, а множества уголовно-правовых статусов, зависящих от различных обстоятельств: характера совершенного преступления, вида итогового решения, принятого в результате процессуального разбирательства, поведения лица в период испытательного срока либо иного юридически значимого промежутка времени (например, период отбытия наказания, не связанного с лишением свободы, период судимости, период административного надзора) и т.д.

Учитывая, что правовой статус является составной частью общественного статуса и характеризует качества человека и гражданина, регламентация правового статуса лица всегда напрямую связана с признанием его одной из сторон какого-либо правоотношения. В зависимости от сферы общественных отношений эти статусы могут требовать официального утверждения (например, принятие уголовного дела к производству следователем, вынесение постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого и т.д.) либо непосредственно вытекать из действий самого лица (причинение/возмещение имущественного вреда, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и т.д.). Ц.А. Ямпольская включает в понятие правового статуса систему только приобретенных лицом прав и обязанностей, выступающих в рамках конкретных правоотношений, т.е. ставших для него субъективными[1], тем самым разграничивая непосредственно правовой статус и правоспособность.

При этом правовой статус выступает в роли самостоятельной правовой категории, которая определяет юридически оформленный социальный статус человека в государстве[2]. Правовой статус определяют как «социально допустимые и необходимые возможности, потенции лица не просто как индивида, а как гражданина государства, гарантированные авторитетом государства, всей его силой»[3]. В качестве основных элементов правового статуса рассматривают закрепленные законом права, свободы и обязанности личности, а дополнительных (производных) – законные интересы[4]. Юридические обязанности как исходный элемент в правовом статусе обуславливаются потребностями и

---

[1] *Ямпольская Ц.А.* О субъективных правах граждан и их гарантиях // Вопросы советского государственного права. М., 1959. С. 145-226.

[2] *Теория* государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М., 1997. 672 с.

[3] *Витрук Н.В*. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. 176 с.

[4] *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008. С. 224.

интересами социума и, по сути, представляют собой возможность поведения[1]. При этом запреты выступают в роли негативной обязанности, соблюдение которой достигается средствами убеждения либо государственного принуждения.

Проводимая градация правовых статусов на конституционные и отраслевые позволяет констатировать наличие и самостоятельной подгруппы уголовно-правовых статусов (по аналогии с уголовно-процессуальным или административно-процессуальным статусами), относящихся в большей степени к охранительно-защитным правовым статусам личности. При этом статичное установление (закрепление) прав и обязанностей немыслимо без самого процесса их реализации и правоприменительной деятельности. В связи с этим в теории государства и права выделяют: 1) процедурно-правовой порядок применения диспозиций правовых норм (использование прав и обязанностей при отсутствии нарушений); 2) процедурно-правовой порядок применения санкций правовых норм при наличии споров, конфликтных ситуаций, правонарушений (применение санкций правовых норм).

Г.П. Новоселов указывал, что «отношение общества к лицу, совершившему преступление, может находить свое выражение исключительно в ущемлении его правового статуса», и именно правовой статус автор рассматривал как предмет уголовно-правового воздействия, обуславливающий необходимость жесткой нормативной определенности действий сторон, характера связи между ними, а также пределов, средств и целей воздействия[2]. К.А. Сыч также отмечал, что потребность осужденного в восстановлении своего правового статуса (ограниченного наказанием) выступает в роли средства воздействия на его личность.[3] Ю.Е. Пудовочкин указывает на то обстоятельство, что изменение уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, является уголовно-правовым последствием преступления.

В то же время С.А. Бурлака, И.А. Кондракова относительно использования понятия «уголовно-правовой статус личности» отмечают, что «появление нового термина в уголовно-правовой теории и наполнение его конкретным содержанием должны быть вызваны четко определенной потребностью обозначить какое-либо правовое явление с конкретной, характерной только ему смысловой нагрузкой и только по причине невозможности сделать это

---

[1] *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968. 143 с.

[2] *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. М., 2001. С. 160.

[3] *Сыч К.А.* Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические аспекты исследования : дис. … д-ра юрид. наук. Рязань, 2001. С. 45.

за счет уже существующих терминов»[1]. Представляется, что использование термина «уголовно-правовой статус» имеет соответствующее смысловое и фактическое наполнение.

В теории уголовного права подчеркивается сложный характер взаимосвязи понятий «правовое положение» и «правовой статус», не сводимый к очевидной констатации подчиненности или отношений общего и частного. Так, Т.А. Хмелевская рассматривает правовой статус осужденного как более широкое понятие, включающее в себя правовое положение данного специального субъекта правоотношений[2]. В свою очередь С.В. Бутов и С.Г. Лысенков отмечают, что «правовое положение не может быть у́же понятия правовой статус, так как последний является его отправной точкой, начальным уровнем развития правового положения… которое определяет в юридической форме социальное положение субъектов правоотношений, отделяет их друг от друга и выступает инструментом согласования интересов личности, общества и государства»[3]. Дискуссия по данному вопросу свидетельствует о том, что правильнее говорить об уголовно-правовом статусе лиц, выступающих участниками уголовно-правовых отношений, а совокупность различных статусов характеризует правовое положение лица.

В.А. Уткин, анализируя правовой статус осужденных, рассматривает его с позиции правового положения лица, которому назначено наказание, и в контексте отбытия данного наказания (при этом в основном связанного с лишением свободы). Соответственно, и набор прав, обязанностей и других элементов правового статуса определяется в первую очередь Уголовно-исполнительным кодексом РФ, а также рядом иных федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов. Однако представляется, что данная характеристика описывает лишь часть (несомненно, существенную) правоотношений, складывающихся в связи с совершением лицом преступления. Так, глава 2 УИК РФ, определяя правовое положение осужденных, детализирует обязанности и права данной категории лиц. При этом правовое положение лиц, совершивших преступление, но не относящихся к категории осужденных, остается вне рамок правового регулирования. Учитывая большое количество возможных вариантов решений, принимаемых в отношении лица, совершившего преступление (например, освобождение от уголовной

---

[1] *Бурлака С.А., Кондракова И.А.* Уголовно-правовой статус личности и уголовная ответственность // Российский следователь. 2025. № 1. С. 24-27.

[2] *Хмелевская Т.А.* Правовое положение осужденных в России. Оренбург, 2018. С. 71.

[3] *Бутов С.В., Лысенков С.Г.* О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 4. С. 6-11.

ответственности, освобождение от наказания и т.д.), данные аспекты, как правило, не подвергаются анализу и правовой регламентации в рамках УИК РФ.

Фактически же уголовно-правовой статус является более широким понятием и не только включает в себя правоограничения, связанные непосредственно с режимом отбытия наказания (в период его отбытия), но и характеризует положение лица в части существования для него уголовно-правовых ограничений, закрепленных в УК РФ и иных ФЗ и возникающих именно в результате факта совершения преступления, то есть существующих и при условном осуждении, и при условно-досрочном освобождении и иных видах правовых последствий для осужденного, а также при его освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, а в большинстве случаев – и впоследствии в его повседневной жизни при реализации отдельных прав (избирательное право, право на свободное использование своих трудовых правомочий). Последние ограничения не связаны с реализацией наказания либо иных мер уголовно-правового характера и существенно влияют на правовой статус личности в рамках его повседневной жизни и трудоустройства, участия в различных правоотношениях.

Рассматривая правовой статус личности, в юридической литературе также выделяют достаточно большое количество субъектов уголовно-правовых отношений, исходя из их упоминания в УК РФ: человек и гражданин (ст. 1, 2 УК РФ), лицо, совершившее преступление (ст. 4 УК РФ), лица, имеющие судимость (ст. 18), соучастники преступления (ст. 33 УК РФ), осужденные (ст. 72, 79, 92 УК РФ) и условно осужденные (ст. 73, 74, 86 УК РФ), а также несовершеннолетние (ст. 86 УК РФ) либо лица, отбывающие пожизненное лишение свободы (ч. 5 ст. 79 УК РФ), и многие другие[1] упомянутые в УК РФ лица, имеющие свои особенности применительно к вопросам привлечения к уголовной ответственности, отбытия наказания и т.д.

Указанные классификации обладают научной значимостью, однако в контексте применения уголовно-правовых мер социального контроля требуют дальнейшего уточнения в части определения компонентов, характеризующих особенности правового положения такого участника уголовно-правовых отношений, как лицо, совершившее преступление.

---

[1] *Лобзов К.М., Богданов А.В., Хазов Е.Н.* Правовой статус личности как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) // Вестник экономической безопасности. 2015. № 7. С. 20-25.

Учитывая, что структуру правового статуса личности составляют такие элементы, как права (и свободы), обязанности и ответственность личности, законные интересы, правовые принципы и гарантии[1], набор данных элементов представляется дискуссионным вопросом в рамках теории права и государства, однако мы постараемся остановиться на основных из них, имеющих значение для определения правового положения в рамках уголовно-правовых отношений.

Учитывая устоявшуюся классификацию статусов по степени их конкретизации (общий, специальный, индивидуальный), можно заключить, что общим статусом обладают все лица, способные совершить преступление (общественно опасное деяние), специальным – отдельные категории лиц, совершивших преступление, а индивидуальные статусы характеризуют отдельные категории преступников, обладающие свойствами, учитываемыми в рамках уголовного законодательства (несовершеннолетние, рецидивисты, лица, страдающие наркоманией, и т.д.).

В рамках существующей правовой системы очевидным является наличие общего правового статуса всех лиц, на которых распространяется действие уголовного законодательства, т.е. по сути потенциальных субъектов преступления (лиц, достигших возраста уголовной ответственности и отвечающих условиям вменяемости).

Правовое положение таких потенциальных участников уголовно-правовых отношений достаточно детально разработано в рамках концепции позитивной уголовной ответственности[2]. Статус же реального участника уголовно-правовых отношений фактически берет свое начало и находит отражение в институте субъекта преступления как в рамках Общей части уголовного права, так и в статьях Особенной части (в рамках отдельных составов преступлений) и, по сути, сводится к субъекту уголовной ответственности (либо лицу, совершившему общественно опасное деяние, предусмотренное статьями Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости).

В связи с этим принципиально замечание И.Э. Звечаровского о том, что изменение уголовно-правового статуса субъекта может быть следствием не только преступного, но и

---

[1] *Венгеров А.Б.* Теория государства и права : учебник. М., 1998. С. 599 ; *Воеводин Л.Д.* Юридический статус личности в России : уч. пос. М., 1997. С. 32 ; *Верин А.Ю.* К вопросу о структуре правового статуса личности // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 2. С. 113-116 ; *Левченко И.П., Облиенко С.В.* Индивидуальный социально-правовой статус личности : монография. М., 2005. С. 20.

[2] *Строгович М.С.* Сущность юридической ответственности // Советское государство и право. 1979. № 5. С. 73-75 ; *Елеонский В.А.* Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности. Рязань, 1979. С. 4-31 ; *Коврига З.Ф., Панько Н.К.* Системно-структурный подход к исследованию позитивной уголовной ответственности (на примере уголовного судопроизводства) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. 2010. № 1. С. 506-515.

любого поведения, имеющего уголовно-правовое значение, поэтому основанием применения уголовно-правовых мер всегда выступает совершение деяния, предусмотренного УК[1].

Более подробно следует остановиться на правовых статусах лиц, уже совершивших преступление, вовлеченных в орбиту уголовно-правовых отношений и обладающих исходя из этого определенным набором юридически значимых свойств, определяемых зачастую различными обстоятельствами и итоговыми решениями по результатам рассмотрения уголовного дела, констатирующими факт совершения ими преступления (общественно опасного деяния).

Например, одним из устоявшихся в системе специальных статусов граждан является правовой статус лиц, осужденных за совершение преступного деяния[2], поскольку «осужденные составляют обособленную группу граждан, объединенных по такому видовому признаку, как применение к ним меры уголовно-правового принуждения в целях исправления и предупреждения преступности»[3].

Фактически речь идет о статусах субъектов разного вида уголовно-правовых отношений. Так, в зависимости от вида юридического факта, лежащего в основе возникающих правовых отношений, И.Ф. Дедюхина выделяет следующие виды охранительных уголовно-правовых отношений: постпреступные; охранительные; постделиктные охранительные уголовно-правовые отношения[4]. Соответственно, в указанных видах правоотношений задействованы и субъекты, обладающие самостоятельными уголовно-правовыми статусами. Например, Р.А. Сабитов, исследуя правовое положение лица после совершения им преступления и вынесения приговора[5] в качестве самостоятельной группы правоотношений, определяет их содержание, предмет, метод и другие структурные элементы.

Определяя круг возможных субъектов уголовно-правовых отношений, Н.В. Генрих относит к их числу не только «субъектов преступления, но иных лиц, непосредственно не связанных с совершением преступления – «субсидиарных участников

---

[1] *Звечаровский И.Э.* Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды // Законность. 1999. № 3. С. 34-36.

[2] *Галыгина И.П., Писаревская Е.А.* Право на неприкосновенность частной жизни в системе субъективных прав осужденных // Вестник Кузбасского института. 2017. № 2. С. 36.

[3] *Ложкина Л.В.* Понятие, структура и содержание правового статуса осужденных к лишению свободы // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2005. № 6-2. С. 97-101.

[4] *Дедюхина И.Ф.* Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков и поведения потерпевшего : дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 54.

[5] *Сабитов Р.А.* Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора. М., 2013. 368 с.

уголовно-правового отношения» (лиц, оплачивающих штраф за несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 86 УК РФ) либо возмещающих вред, причиненный в ходе совершения преступления (ст. 75–76[2], 199, 199[1] УК РФ))»[1]. К числу таких лиц можно отнести еще и сособственника имущества, которое выступило в роли предмета конфискации на основании п. «г» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ, учитывая, что данное имущество является их совместной собственностью. Однако данные лица, даже опосредованно участвуя в озвученных правоотношениях, не получают самостоятельного уголовно-правового статуса. У них не возникает обязанности претерпевать тяготы и лишения, а также не возникает и прав, например, на реабилитацию, хотя фактически именно они лишаются прав (например, права собственности) либо их права ограничиваются.

Можно выделить и иных участников уголовно-правовых отношений, имеющих определенное правовое положение, например, лицо, у которого происходит фактическое изъятие имущества, выступившего предметом конфискации (если это не сам преступник (ч. 3 ст. 104[1] УК РФ)). Однако, исходя из содержания ст. 104[1]–104[3] УК РФ, данное лицо выступает в роли номинального обладателя фактически чужого имущества, либо принадлежащего преступнику (орудие или средство преступления), либо полученного им в результате совершения преступления, а соответственно, в уголовно-правовом смысле он не претерпевает каких-либо негативных последствий. В то же время данное лицо достоверно знало о факте совершения преступления и причастности к этому данного имущества. Совершаемые таким лицом действия, если они не подпадают под признаки соучастия либо самостоятельного состава преступления (ст. 174, 175 УК РФ), не позволяют также говорить о возникновении у него самостоятельного уголовно-правового статуса. В то же время эти действия все же нельзя признать автономными и не оказывающими косвенного влияния на преступное поведение виновного. При этом у таких лиц не возникает никаких дополнительных обязанностей (за исключением обязанности исполнить приговор суда в части передачи чужого имущества) или ответственности. Неопределенным остается круг прав, возникающих в данном случае, например, на материальную компенсацию расходов, связанных с содержанием такого имущества, если они существовали. Представляется, что данные вопросы находятся на стыке с компетенцией гражданского права, однако не имеют прямого

[1] *Генрих Н.В.* Предмет и метод уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук. Рязань, 2011. 416 с.

отношения к охранительным уголовно-правовым отношениям и могут решаться на основании норм гражданского права.

Исходя из особенностей уголовно-правовых отношений, необходимо констатировать, что только наличие итогового решения по результатам разбирательства позволяет установить статус лица, совершившего преступление, а если говорить шире – лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, т.е. совершившего общественно опасное деяние, предусмотренное статьями Особенной части УК РФ.

Данными решениями выступают: в первую очередь обвинительный приговор суда (с учетом конкретизации вида наказания либо применения условного осуждения); последующие решения об освобождении от наказания, предоставлении отсрочки исполнения наказания и иных способах смягчения ответственности либо применении иных мер уголовно-правового характера; решение об освобождении лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; решение о прекращении уголовного производства в связи с недостижением несовершеннолетним возраста уголовной ответственности либо признании его не подлежащим уголовной ответственности в связи с отставанием в психическом развитии (ч. 3 ст. 20 УК РФ); решение о признании лица невменяемым и применении в отношении него принудительных мер медицинского характера; принятие актов амнистии и помилования.

Таким образом, исходя из особенностей принимаемых итоговых решений, констатирующих факт совершения преступления, и соответствующего правового положения подконтрольного, необходимо выделять следующие категории лиц, обладающих самостоятельным уголовно-правовым статусом:

Общий статус – лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет.

I. Лицо, совершившее преступление:

1. Осужденный – лицо, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор суда;

2. Осужденный, в отношении которого наказание не исполняется;

3. Осужденный, отбывающий наказание;

4. Судимое лицо (лицо, отбывшее наказание, но имеющее неснятую и непогашенную судимость);

5. Лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Данная группа может включать в себя несколько подкатегорий с учетом наличия

либо отсутствия возможности отмены:

а) безусловное (окончательное) освобождение от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76^1 УК РФ);

б) предварительное освобождение от уголовной ответственности при соблюдении условий с сохранением контроля на определенный временной промежуток (ст. 76^2, 78^1 УК РФ);

в) освобожденные от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90, 91 УК РФ), в зависимости от конкретной меры воспитательного воздействия могут относиться как к первой, так и ко второй группе.

6. Осужденный, в отношении которого применяется условная мера уголовно-правового характера:

а) лицо, которому наказание назначено условно (период испытательного срока);

б) лицо, освобожденное от наказания под определенным условием (ст. 79, 80^2 УК РФ);

в) лицо, к которому применена отсрочка исполнения наказания (до прекращения условий отсрочки) (ст. 82, 82^1 УК РФ);

г) лицо, освобожденное от наказания в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 1 ст. 92 УК РФ);

д) лицо, освобожденное от наказания в связи с помещением в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа (ч. 2 ст. 92 УК РФ);

е) лицо, освобожденное от наказания в связи с болезнью (ст. 81 УК РФ).

II. Лицо, совершившее деяние, предусмотренное статьями Особенной части УК РФ, однако не являющееся субъектом преступления (субъектом уголовной ответственности) в связи с:

а) нахождением в момент совершения деяния в состоянии невменяемости (ст. 21, 97 УК РФ);

б) недостижением возраста уголовной ответственности на момент совершения преступления;

в) неспособностью в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими в связи с отставанием в психическом развитии несовершеннолетнего, не связанным с психическим расстройством, во время совершения общественно опасного деяния.

Последние подгруппы статусов характеризуются тем, что лица не могут подлежать уголовной ответственности в классическом виде, однако проводимые в отношении них процедуры и принимаемые в отношении них меры принуждения состоят в осуществлении контроля за их поведением. Данные лица выступают в роли участников уголовно-правовых отношений, претерпевающих различные правоограничения (некарательного характера), их статус обусловлен фактом совершения ими общественно опасного деяния и приближен к статусу лица, совершившего преступление. Даже в случае, если после разбирательства в рамках уголовного дела выносится решение о его прекращении и передаче материалов для принудительного лечения либо дальнейшего принятия мер принуждения, предусмотренных иными федеральными законами, фактическое содержание данных правоотношений основывается на потенциальной опасности лица для окружающих, а поводом к их возникновению изначально выступил юридический факт совершения преступления (общественно опасного деяния, предусмотренного статьями Особенной части УК РФ). Таким образом, правовое положение указанных категорий лиц, совершивших общественное опасное деяние, фактически (но не юридически) приравненное к преступлению, позволяет государству осуществлять превентивные уголовно-правовые отношения, основное содержание которых сводится именно к контролю за поведением.

Правовой статус данных участников уголовно-правовых отношений характеризуется рядом особенностей.

Во-первых, государство, даже исключая данных лиц из числа субъектов уголовной ответственности, сохраняет право реализации в отношении них мер по контролю за их поведением с возможностью государственного принуждения не только к просто правомерному поведению, но и к связанному с выполнением особых дополнительных требований. Регламентация применяемых в отношении них мер может происходить в рамках как УК РФ (ст. 97–104 УК РФ), так и иных нормативных правовых актов (например, ФЗ от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», ФЗ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»).

Во-вторых, фактическим основанием применения мер принуждения выступает именно «уголовно-правовой факт» – совершение деяния, запрещенного УК РФ.

В-третьих, интенсивность и длительность применения мер принуждения напрямую связывается с показателями опасности лица для окружающих и вероятностью повторения «преступного» поведения.

Например, в соответствии с ч. 2 ст. 97 УК РФ лицам, совершившим общественное опасное деяние в состоянии невменяемости, принудительные меры медицинского характера назначаются только в случаях, когда психические расстройства связаны с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с их опасностью для себя или других лиц.

Также в соответствии с п. 4 ст. 97 УК РФ «в отношении лиц, указанных в п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ и **не представляющих опасности по своему психическому состоянию**, суд может передать необходимые материалы в федеральный орган исполнительной власти в сфере здравоохранения или орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере здравоохранения для решения вопроса о лечении указанных лиц в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь, или направлении указанных лиц в стационарные учреждения социального обслуживания для лиц, страдающих психическими расстройствами, в порядке, установленном законодательством в сфере охраны здоровья». Таким образом, контроль за данными лицами не прекращается как таковой, он только лишь изменяет свою интенсивность и «подчиненность» (регламентированность) от одного НПА другому.

В-четвертых, констатация факта совершения данными лицами общественно опасного деяния в дальнейшем частично учитывается при реализации общеправовых ограничений. Однако прямого запрета на профессию либо участие в определенной деятельности для данной категории лиц не устанавливается именно в связи с отсутствием статуса «лицо, имеющее либо имевшее судимость». Такие ограничения не носят системного характера и зачастую реализуются лишь в рамках усмотрения органа (должностного лица, работодателя и т.д.), уполномоченного на выдачу разрешения или допуск к определенного рода деятельности.

В-пятых, цели применения мер принуждения к рассматриваемым категориям лиц совпадают с целями уголовно-правового регулирования (предупреждение совершения указанными лицами новых преступных деяний) и частично согласуются со его средствами – изоляцией, ограничением определенных прав, проверкой соблюдения лицом

установленных для него обязательств и ограничений с возможностью оперативного реагирования на их несоблюдение.

Все указанные статусы объединяет то, что они возникают в связи с нарушением лицом уголовно-правового запрета. Однако последующий учет данного факта преступной деятельности носит разный правовой характер. Речь в данном случае идет не только о самом содержании меры уголовно-правового воздействия, но и о принятом итоговом процессуальном решении, порождающем особое правовое состояние лица, совершившего преступление, как на стадии исполнения приговора, отбытия наказания, так и в будущем. Содержание уголовно-правовых статусов лиц, совершивших преступление, в зависимости от особенностей совершенного преступления, поведения лица после совершения преступления, в период отбытия наказания либо реализации иных мер уголовно-правового характера, процессуальных решений, принятых в отношении них, оказывает принципиальное влияние на правовое положение лица, совершившего преступление, а также выбор средств уголовно-правового воздействия.

Специфический круг прав и обязанностей осужденных, характерных только для данной категории субъектов уголовно-исполнительных отношений (например, ст. 188 УИК РФ), возникающих в связи с вступлением приговора суда в законную силу, позволил выделить их в самостоятельную группу особых уголовно-исполнительных правоотношений. Более того, самостоятельность правоотношений, связанных с исполнением наказания либо иных мер уголовно-правового характера, позволяет выделять уголовно-исполнительную ответственность в качестве самостоятельной разновидности юридической ответственности[1], что также предполагает относительную самостоятельность и правового положения субъектов данных правоотношений.

На наш взгляд, все же речь идет об особенностях и объемах прав и обязанностей лиц, совершивших преступление, в рамках складывающихся именно уголовно-правовых отношений. К их числу следует отнести уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный статусы, непосредственно определяющие круг прав и обязанностей на том либо ином этапе уголовно-правовых отношений (предварительное расследование, исполнение наказания и др.). Так же характеризуют особенности потенциальных специфических последствий, предусмотренных исключительно для лица, имеющего опреде-

[1] *Звонов А.В.* Правовые аспекты привлечения к ответственности условно осужденных. М., 2012. С. 20.

лённый уголовно-правовой статус. Например, в случае применения к лицу условного осуждения его правовое положение определяется совокупностью прав и обязанностей, определенных не только в нормативных правовых актах, но и индивидуально в приговоре. Также часть ограничений либо, наоборот, исключений может быть определена непосредственно уголовно-исполнительной инспекцией, курирующей условно осужденного. Кроме того, при нарушении лицом предписаний условного осуждения статус будет определяться не только тем, что испытательный срок может быть продлен, изменен либо отменен, но и запретом на повторное применение данной (либо схожей) меры поощрения (п. «б», «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ). Отдельный компонент правового положения лица будет определяться дальнейшими общеправовыми последствиями, то есть ограничениями на реализацию своих трудовых прав (ст. 331, 331^1 ТК РФ), ограничением реализации семейных прав (ст. 127, 146 Семейного кодекса РФ), ограничением пассивного избирательного права (ст. 4 ФЗ от 22 февраля 2014 г. № 20 «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» и др.). В то же время отбытие осужденным установленной части наказания позволяет ему претендовать на условно-досрочное освобождение от отбывания оставшейся части наказания. Своя специфика правового положения будет возникать и в случае заключения лицом досудебного соглашения о сотрудничестве (ч. 2 ст. 62 УК РФ) либо при деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), возмещении ущерба, причиненного в результате совершения преступления (ст. 76^1 УК РФ), выполнении особых условий специальных видов деятельного раскаяния (ч. 2 ст. 75 УК РФ в сочетании с примечаниями к ст. 222, 228, 206 УК РФ и т.д.) и даже в случае оказания помощи потерпевшему после совершения преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ). Особенности уголовно-правовых статусов, вытекающих из факта совершения лицом преступления, как правило, не предполагают возникновения каких-то дополнительных правомочий у таковых субъектов, однако указанные особенности поведения субъекта как раз и формируют круг прав и обязанностей, частично отличный друг от друга.

Кроме того, современные тенденции в области права социального обеспечения позволяют выделять дополнительно права на социальную реабилитацию, ресоциализацию и социальную помощь осужденным, находящимся в сложной жизненной ситуации (Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»).

Таким образом, уголовно-правовой статус позволяет охарактеризовать правовое положение лица, совершившего преступление, в социальном пространстве в рамках

правоотношений с государством, иными организациями и лицами, которое определяется (обуславливается) фактом совершения преступления, действиями после совершения преступления и принимаемыми в отношении него юридически значимыми актами.

Краткая характеристика фактически возникающих уголовно-правовых статусов позволяет выделить следующие особенности каждого из них. Так, подавляющее большинство лиц, совершивших преступление, получают статус **осужденного** – т.е. лица, в отношении которого вынесен (и вступил в законную силу) обвинительный приговор суда.

Данный статус не является тождественным понятию (и статусу) **судимости**. Судимость как самостоятельное уголовно-правовое явление имеет свою регламентацию в рамках ст. 86 УК РФ, возникает далеко не во всех случаях совершения преступления, существует в строго ограниченных временных рамках и порождает только определенные правовые последствия. О ней пойдет речь немного далее.

Осуждение как констатация факта совершения преступления в рамках уголовного и уголовно-исполнительного законодательства возникает с момента вступления приговора суда в законную силу. Так, вынесение обвинительного приговора не приостанавливает течение сроков давности, и если данные сроки завершаются ранее момента вступления приговора в законную силу, то на основании положений ст. 78 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности и таким образом не может считаться осужденным. В то же время практикуется вынесение приговоров даже в случае истечения сроков давности с констатацией виновности лица и последующим освобождением его от наказания в связи с истечением сроков давности.

Такое различие в виде принимаемого итогового решения оказывает принципиальное влияние на последующий статус лица. Так, в случае его согласия на прекращение уголовного производства принимается решение об освобождении от уголовной ответственности, и лицо не получает статус осужденного. Если же лицо возражало на предъявленные ему обвинения и процедура судебного разбирательства была доведена до логического завершения, то лицо получает статус осужденного, который был освобожден от наказания. При этом правовым основанием обоих решений будет выступать ст. 78 УК РФ. В случае же с освобождением от наказания такого основания в УК РФ вообще не предусматривается[1].

[1] *Карпов К.Н.* Уголовно-правовое значение итоговых процессуальных решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1. С. 63-74.

Аналогичный вопрос о необходимости установления вины лица в совершении преступления даже при рассмотрении вопроса об освобождении его от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию возникает и в случае применения иных норм УК РФ (ст. 75–78[1] УК РФ). Однако такое несогласие обвиняемого не приводит к изменению сути принимаемого решения, и лицо все равно освобождается от уголовной ответственности, а не наказания. Так, ВС РФ в одном из своих решений указывал, что «при рассмотрении ходатайства о прекращении уголовного дела по основаниям, предусмотренным ст. 76[2] УК РФ, судья должен убедиться в том, что выдвинутое в отношении лица подозрение в совершении преступления обосновано и подтверждается доказательствами, собранными по делу»[1].

Осуждение предполагает следующие особенности правового статуса.

Во-первых, у лица возникает обязанность претерпевать тяготы и лишения, связанные с наказанием или иными мерами уголовно-правового воздействия (данная обязанность может носить гипотетический характер и фактически не реализоваться по различным основаниям, предусмотренным в законе (ст. 73, 82 УК РФ и др.)).

Во-вторых, лицо на протяжении определенного промежутка времени может считаться судимым. Однако судимость может и не возникать в случае применения положений УК РФ, описанных в ч. 2 ст. 86 УК РФ.

В-третьих, осужденный будет претерпевать общеправовые последствия, связанные с самим фактом осуждения (см. приложение № 1).

Анализ нормативных правовых актов, регламентирующих общеправовые правоотношения в различных сферах жизнедеятельности, свидетельствует, что при их установлении используются следующие формулировки: ««имевшие судимость», «ранее судимое», «осужденное». Такой статус «ранее судимого» (имевшего судимость) предполагает установление ограничений для всех лиц, в отношении которых выносился обвинительный приговор суда, даже в случае, если судимость (в правовом значении ст. 86 УК РФ) была снята либо погашена. Данный статус не имеет юридического значения в рамках последствий, содержащихся в УК РФ (наказание, иные меры уголовно-правового характера и т.д.), однако его неизбежность и неустранимость в части общеправовых последствий совершения преступления обладают тотальным характером.

---

[1] *Определение* судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 49-УДП21-51-К6 (по ст. 238 УК РФ). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Так, если размер или срок наказания, а также иных мер уголовно-правового характера можно заменить, отменить в результате амнистии либо помилования, а также оспорить, то данный статус и вытекающие из него правовые ограничения не могут быть ни оспорены, ни обжалованы, ни отменены. Содержательно данное ограничение совпадает (очень близко) по объему с таким наказанием, как лишение права занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ)[1], а основанием обоих правоограничений выступает факт совершения лицом преступления.

С учетом того, что средняя продолжительность наказания в виде *запрета осуществления отдельных видов деятельности либо запрета занимать определённые должности* составляет порядка 3 лет, получается, что суммарно порядка 150 тысяч лиц ежегодно претерпевают данные ограничения в рамках исполнения наказания. В то же время даже при отсутствии данного наказания за такой же период аналогичные (а по факту более обширные) ограничения возникают в отношении порядка **двух миллионов** лиц (см. приложение № 10). При этом если наказание будет завершено по прошествии определенного периода времени, то данные общеправовые ограничения реализуются в дальнейшем практически бессрочно (в зависимости от сферы их применения).

В то же время срок наказания нормативно закреплен в УК РФ и, как правило, не превышает трех лет (за исключением нескольких составов), в то время как срок ограничения (запрета) на осуществление деятельности как общеправового последствия зачастую не устанавливается и сохраняется в отношении лица пожизненно (см. приложение № 1). Такое положение представляется не вполне соответствующим конституционным принципам справедливости и равенства[2]. Возникает же оно благодаря формулировкам, используемым при закреплении в уголовно-правовых нормах пожизненного уголовно-правового статуса лица, т.е. установленные правоограничения не подлежат отмене никаким органом и ни в каких случаях. Исключения составляют положения ст. 331 ТК РФ, допускающие возможность снятия ограничения на основании коллегиального решения комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, созданной высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации (ч. 4 ст. 331 ТК РФ).

---

[1] *Карпов К.Н.* Лишение права занимать определенные должности или заниматься определённой деятельностью как наказание и мера безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 170-175.

[2] *Карпов К.Н., Бекетов А.О.* Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3. С. 189-194.

Судимость – одно из центральных понятий уголовного права, определяющее правовое положение лица, осужденного за совершение преступления и приговоренного к какому-либо наказанию. Судимость – это не продолжение наказания, а последствие совершенного преступления и назначенного наказания[1]. Распространенной является позиция о том, что судимость выступает правовым последствие наказания. А.И. Чучаев и А.П. Фирсова хотя и считают «неоправданным связывать правовые последствия судимости с процедурным аспектом ее назначения, а не фактическим основанием реализации», все же акцентируют внимание на том, что «судимость выступает не столько последствием наказания, сколько последствием его назначения, что важно для определения функциональной и содержательной составляющих рассматриваемого института»[2].

Такой подход подчеркивает искусственность оснований судимости. Если исходить из выводов о том, что судимости свойственны определенные правовые ограничения (правоограничительность), то и основанием ее должен выступать юридический факт совершения преступления, соответствующим образом порождающий определенный правовой статус лица. Признание же судимости последствием того либо иного правоприменительного акта предполагает, что именно он является обуславливающим правоограничения для лица. В действительности же судимость непосредственно вытекает из характера и степени опасности совершенного преступления, а также степени опасности лица, его совершившего.

Данный правовой статус имеет определенные временные признаки. Он возникает только после вступления обвинительного приговора суда в законную силу и прекращается в порядке погашения либо снятия. При этом процедура снятия происходит в рамках самостоятельного судебного разбирательства, инициатором которого является специализированный государственный орган – уголовно-исполнительная инспекция. Так, с момента вступления в законную силу решения суда о снятии судимости в отношении индивидуально определенного лица изменяется и его уголовно-правовой статус. Погашение судимости – также сложный юридический факт, связанный с различными основаниями и условиями (ст. 86 УК РФ). Таким образом, судимость как самостоятельный

---

[1] *Коробеев А.И., Чучаев А.И.* Перспективы развития уголовно-правовой политики России: поиск реальной модели // Государство и право. 2023. № 8. С. 100.

[2] *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М., 2017. С. 37.

правовой статус имеет строго ограниченные временные рамки и содержит как потенциально возможные правоограничения, так и неотъемлемо присущие статусу судимости.

Содержание правового положения лица, имеющего неснятую и непогашенную судимость, неоднократно выступало в роли предмета научного исследования[1] и до настоящего времени вызывает интерес исследователей.

Во-первых, наличие судимости предопределяет особый статус субъекта преступлений, совершенных при наличии квалифицирующего признака отдельных составов преступлений (ст. 131, 132 УК РФ и т.д.).

Во-вторых, особый статус лица, имеющего неснятую и непогашенную судимость, предопределяет обязательный учет (при определении размера, вида и способа отбытия наказания и иных мер уголовно-правового характера) такого юридически значимого признака, как рецидив преступлений (ст. 18 УК РФ):

1. Судимость выступает в роли признака, определяющего рецидив преступления;

2. Наличие судимости выступает в роли препятствия для применения положений УК РФ об освобождении от уголовной ответственности либо освобождении от наказания.

В-третьих, в период наличия неснятой и непогашеной судимости предполагается также наличие общеправовых последствий совершения преступления. Так, большинство федеральных законов, устанавливающих запреты на профессию, поражение в политических правах, используют именно указание на судимость как критерий и основание установления такого запрета. При этом, как правило, запрет распространяется на срок судимости либо дополнительно и на определенный период времени после погашения судимости[2].

В-четвертых, наличие судимости предполагает возможность либо обязательность установления административного надзора за лицом, совершившим преступление. Дискуссия относительно правовой природы данной меры правового воздействия имеет место в научном дискурсе. При этом обоснованными представляются доводы сторонников отнесения административного надзора к категории иных мер уголовно-правового воздействия (уголовно-правовых мер безопасности).

---

[1] *Понятовская Т.Г., Шаутаева Г.Х.* Правовое значение судимости : монография. Ижевск, 2003. 240 с. ; *Тарбагаев А.Н., Кропачев Н.М., Бойцов А.И.* Судимость и ее уголовно-правовое значение // Вестник Ленинградского университета. Серия 6: История КПСС, научный коммунизм, философия, право. 1990. № 2. С. 85-90 ; *Питецкий В.* Судимость в уголовном праве // Законность. 2006. № 4. С. 50-52 ; *Гравина А.А., Хромова Н.М.* Институт судимости и ее правовые последствия // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 84-93 ; *Фирсова А.П.* Уголовно-правовое значение судимости // Уголовное право. 2013. № 2. С. 47-52.

[2] *Елинский А.В.* Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 78-84 ; *Турищева Н.Ю.* Судимость как основание ограничения пассивного избирательного права // Государство и право. 2013. № 10. С. 63-71.

Судимость как устоявшееся уголовно-правовое понятие может выступать в роли социально приемлемого показателя степени общественной опасности лица. Именно сохранение судимости позволяет не до конца прервать связь между лицом, совершившим преступление, и государством. Соответственно, сохранение возможности контролировать поведение лица, представляющего опасность для окружающих, является исключительным свойством судимости. Кроме того, период судимости позволяет отследить, сохраняется ли свойство общественной опасности лица на основании факта совершения им нового преступления либо отсутствия такового.

В контексте возникновения статуса судимости необходимо приравнивание значения обвинительного приговора суда к решениям об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Данные решения, по сути, констатируют факт совершения лицом преступления. Соответственно, особенности принятого процессуального решения не должны порождать невозможность дальнейшего учета факта совершения преступления.

Несомненно, перечисленные нами особенности, характеризующие правовой статус лиц, совершивших преступление, не являются исчерпывающими, однако очевидны принципиальные отличия правового положения (статусов) субъектов уголовно-правовых отношений, требующие учета при формулировании уголовно-правовых норм и соответствующих мер уголовно-правового воздействия. В то же время данные особенности указывают, что правоотношения по поводу превентивного воздействия на лиц, совершивших преступление, существуют в рамках не только наказания и иных мер уголовно-правового воздействия, но и иных правовых конструкций. Соответственно, в данных правоотношениях функционируют и самостоятельные субъекты (лица, совершившие преступление, и государственные органы).

Правовой статус лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, является также неоднородным. Во-первых, он зависит от разновидности непосредственного основания освобождения (ст. 75–76^2, 78 УК РФ). В частности, лица, освобожденные от уголовной ответственности в связи с возмещением вреда (ст. 76^1 УК РФ) либо в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ) могут продолжить службу в правоохранительных органах, в то время как лица, совершившие аналогичные деяния, утратившие общественную опасность в связи с деятельным раскаянием, в дальнейшем ограничиваются в реализации данного права. Кроме то-

го, лица, освобожденные от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим по делам частного обвинения, по мнению Конституционного Суда РФ, обладают несколько иным правовым статусом, нежели лица, освобожденные по другим основаниям.

Учитывая, что законодатель при установлении подобного рода запретов (а также и КС РФ при принятии решений относительно их допустимости) исходит из того, что лицо, совершившее преступление, даже при освобождении от уголовной ответственности все же представляет опасность для окружающих, можно было бы предположить, что вид основания освобождения от ответственности как-то влияет на характер или степень опасности лица, но скорее всего, такое предположение не сможет найти достоверного подтверждения и зависит от большого количества факторов.

Во-вторых, данный правовой статус предполагает констатацию факта совершения лицом преступления в контексте наступления общеправовых последствий, однако игнорирует данный факт применительно к правовым последствиям, закрепленным в УК РФ. В частности, такое лицо после освобождения считается ранее не совершавшим преступление для определения рецидива, условий освобождения от наказания либо уголовной ответственности и т.д. Данный факт не учитывается и при описании составов преступлений, сконструированных по типу уголовной преюдиции (части 2 ст. 116^1, 264^1 УК РФ и др.), тем самым лица получают беспрецедентно привилегированное положение даже в сравнении с лицами совершившими аналогичные административные правонарушения. Так, лицо, совершившее административно наказуемые побои (ст. 6.1.1 КоАП РФ) повторно (в течение одного года), будет привлечено к уголовной ответственности, т.к. в его действиях содержится признак состава преступления. В то же время лицо, освобожденное в связи с примирением с потерпевшим от уголовной ответственности за совершение более общественно опасного уголовно-наказуемого деяния (ст. 116, 115 УК РФ), в случае повторения таковых действий окажется вне рамок уголовного законодательства и уголовно-правового воздействия только лишь из-за своего особого правового статуса.

Сопоставление правового положения лиц, имеющих вышеперечисленные статусы, позволяет говорить о наличии у них неравного правового положения.

Такое неравенство вполне допустимо и может быть объяснимо различным поведением лиц после совершения преступления, индивидуальными характеристиками совершенного деяния либо лица, его совершившего, и т.д. Однако даже при прочих равных

условиях представляется, что отсутствие законодательно закрепленного института правового статуса лица, освобожденного от уголовной ответственности, приводит к снижению эффективности уголовно-правового воздействия и нарушению конституционных принципов равенства и справедливости.

Так, отсутствие правового статуса, аналогичного судимости, как констатации факта совершения преступления у лица, совершившего преступление, но освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст.75–78 УК РФ), ставит данное лицо в привилегированное положение по отношению к лицам, в отношении которых был вынесен обвинительный приговор и возник статус осужденного.

Так, В.Ч. Песлякас применительно к ранее существовавшему институту освобождения от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной ответственности отмечал, что «освобождение от уголовной ответственности не должно пройти для лица бесследно. В первую очередь это касается лиц, совершивших новые преступления. Новое преступление должно признаваться повторным со всеми вытекающими из этого факта правовыми последствиями»[1]. Данный тезис, конечно же, был и есть труднореализуем в рамках существующей правовой регламентации последствий освобождения лица от уголовной ответственности, однако представляется целесообразным рассмотреть возможности учета преступного поведения лица даже при его поощрении, которое в свою очередь зачастую может носить вынужденный характер, обусловленный нежелательностью наступления неблагоприятных последствий для членов семьи осужденного и другими жизненными обстоятельствами. Такой подход позволит сдерживать лицо от совершения новых преступлений, а ему самому – более ответственно относиться к своему поведению.

При этом размер уголовно-правовой репрессии при освобождении от уголовной ответственности может быть более существенным, нежели наступающий в результате применения положений ст. 76^1, 76^2 УК РФ. Например, осуждение с назначением наказания в виде штрафа в размере 10, 20, 30 тыс. рублей является менее репрессивным воздействием, нежели назначение судебного штрафа в размере до 250 тыс. рублей либо исполнение лицом обязанности внести в бюджет Российской Федерации сумму, в два раза превышающую размер полученного преступного дохода (причиненного ущерба), мак-

[1] *Песлякас В.Ч.* Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (по материалам Литовской ССР) : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Харьков, 1980. С. 7.

симальный размер которого в принципе не установлен. Однако у таких лиц не возникнет правового статуса судимости, и они не будут в дальнейшем претерпевать правоограничений, связанных с ним. В то же время лицо, осужденное к штрафу в сумме 20 тыс. рублей, будет считаться судимым со всеми вытекающими негативными последствиями даже в случае совершения аналогичного преступного деяния (состава преступления, предусмотренного одной и той же нормой УК РФ).

Следующий уголовно-правовой статус, на котором следует остановиться, – это статус лица, освобожденного от реального исполнения (отбытия) наказания под определенным условием (испытание).

Действующее уголовно законодательство содержит большое количество случаев, при которых назначенное наказание фактически не исполняется. К таким случаям можно отнести условное осуждение (ст. 73 УК РФ), условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ), отсрочки наказания (ст. 82, 82^1 УК РФ) и т.д.

Особенности правового положения таких лиц проявляются в следующих признаках:

– во-первых, лицо находится в подконтрольном состоянии, т.е. обязано соблюдать установленные для него особые ограничения и требования к поведению, которые выступают условием нереализации репрессивного воздействия. Данные требования по общему правилу не включаются в содержание наказания и не заменяют его. Так, в случае отмены испытательного срока весь размер (срок) наказания считается неотбытым и подлежит исполнению в полном объеме (либо присоединяется к новому наказанию по правилам ст. 70 УК РФ). Предполагается, что содержание данных ограничений «способствует исправлению осужденного», т.е. необходимо в первую очередь для его исправления (например, для излечения от алкоголизма или наркомании, получения образования и трудоустройства и т.д.);

– во-вторых, совершение лицом в период испытания нового преступления порождает возврат к стадии отбытия наказания и позволяет увеличить совокупное наказание (ст. 70 УК РФ);

– в-третьих, совершение лицом в период испытания нового преступления порождает запрет на повторное применение данной либо схожих мер поощрения (стимулирования) правомерного постпреступного поведения (п. «б», «в» ч. 1 ст. 73 УК РФ);

– в-четвертых, успешное прекращение испытания влечет прекращение (ненаступление) судимости;

– в-пятых, в отношении лица, к которому были применены указанные меры, в дальнейшем действуют общеправовые ограничения, которые совпадают со статусом осужденного.

Следующий статус обособлен в связи с наличием особых обстоятельств, препятствующих признанию лица субъектом преступления, – невменяемости. В то же время такое лицо выступает в роли субъекта уголовно-правовых отношений. К ним следует отнести: лицо, освобожденное от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер медицинского характера (ст. 22. 97 УК РФ); лицо, не достигшее возраста уголовной ответственности (в том числе на основании ч. 3 ст. 20 УК РФ).

Следует согласиться с позицией В.Н. Куфлевой о неприемлемости признания «субъектами уголовной ответственности без предварительного признания их лицами, совершившими преступление, то есть иными словами – субъектами уголовного права»[1]. Однако такого рода «несубъектность» невменяемых и лиц, не достигших возраста уголовной ответственности, не должна предопределять отсутствие у них статуса участника уголовно-правовых отношений. Данные лица, не привлекаясь к уголовной ответственности, выступают в роли лиц, представляющих криминальную опасность, и фактически принудительно подвергаются правоограничительным мерам, в первую очередь связанным с возможностью контролировать их поведение в условиях изоляции либо без таковой.

Регламентация оснований применения мер ограничительного характера в отношении данных лиц (ст. 97–104 УК РФ), а также существование в УПК РФ детальной процедуры их применения с уделением внимания правам и обязанностям такого лица как в рамках принятия решения о применении ПММХ, так и в рамках их дальнейшего исполнения позволяет признавать его субъектом, обладающим самостоятельным статусом в рамках уголовно-правовых отношений[2].

Невозможность привлечь данное лицо к уголовной ответственности и принятие решения о прекращении соответствующего уголовного преследования исключают возможность последующего учета данного поведения в рамках рецидива, квалифицирующего признака (ст. 131, 132 УК РФ) и т.д. Большинство общеправовых ограничений

---

[1] *Куфлева В.Н.* Лицо, совершившее преступление: вопросы теории : монография. Краснодар, 2024. С. 129.

[2] *Булатов Б.Б.* О праве лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, знать, в совершении какого деяния, запрещенного уголовным законом, оно уличается // Законодательство и практика. 2021. № 2. С. 52-55 ; *Булатов Б.Б.* Производство о применении принудительных мер медицинского характера: нерешенные вопросы // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2023. С. 63-67.

также не упоминают указанное лицо в качестве субъекта, на которого они распространяются. В то же время субъект не может считаться привлеченным к уголовной ответственности (ст. 19 УК РФ) или судимым, а соответственно, и прекращенное в отношении него производство не может относиться к категории нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности (Глава 51 «Производство о применении принудительных мер медицинского характера» УПК РФ). Применение указанных решений хоть и не порождает права на реабилитацию, также не указывается и в качестве нереабилитирующего, что в дальнейшем порождает невозможность использовать общеправовые ограничения в отношении лиц, имеющих соответствующий уголовно-правовой статус, ввиду отсутствия специального упоминания их в текстах отраслевых нормативных правовых актов.

Таким образом, отсутствуют законодательное закрепление и правовая концепция использования правовых статусов лиц, совершивших преступление, как средств, конкретизирующих способ уголовно-правового воздействия. Такая концепция могла бы определять допустимые и необходимые правовые последствия для таких лиц, их основания, сроки действия, порядок отмены либо замены и т.д. Использование термина «судимость» для обозначения всех лиц, совершивших преступление в юридическом смысле, не является приемлемым и реализуемым, так как ставит в неравное положение лиц, совершивших одинаковые преступления. Установление единого правового статуса для лиц, совершивших преступление, вне зависимости от итогового принимаемого решения позволит унифицировать и средства уголовно-правового воздействия, а также допустимые сроки установления различных правоограничений.

Правовой статус лиц, совершивших преступление, – это совокупность характеристик, определяющих его права и обязанности, принципы, гарантии и механизмы их реализации, определяемая как императивно со стороны государства, так и диспозитивно – исходя из характера поведения самого субъекта.

Данный статус формируется в рамках уголовно-процессуального разбирательства и закрепляется итоговыми решениями по результатам рассмотрения уголовного дела, а в дальнейшем реализуется в рамках исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия.

В рамках всех уголовно-правовых статусов констатируется факт нарушения лицом уголовно-правового запрета (совершения преступления либо общественно опасного

деяния лицом, не подлежащим уголовной ответственности), который свидетельствует о наличии общественной опасности данного лица для окружающих и наличии угрозы повторения подобных действий.

Статусы в зависимости от их особенностей и сферы проявления могут существовать пожизненно, а в некоторых случаях и влиять на правовое положение иных лиц (например, дети лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, могут быть не приняты на государственную службу по соображениям безопасности).

В целях систематизации предупредительных уголовно-правовых отношений необходимо закрепление в рамках УК РФ правовых статусов «лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет» и «лицо, совершившее преступление».

Совершившим преступление признается лицо, в отношении которого вынесены обвинительный приговор суда либо решение об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Указанный статус в совокупности с другими включенными в него подгруппами позволит дифференцировать способы и средства уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших преступление, в зависимости от характера и степени исходящей от них опасности для общества. Кроме того, наличие данного статуса позволит пролонгировать охранительные уголовно-правовые правоотношения между государством и лицом, совершившим преступление, в случае такой необходимости.

В связи с повышенной опасностью данного субъекта в отношении них допустимо установление дополнительных, помимо наказания и иных мер уголовно-правового характера, правоограничений в рамках отраслевых федеральных законов.

Уголовно-правовой статус «лицо, совершившее преступление» представляет собой разновидность правового статуса личности, в рамках которого определяется его правовое положение (совокупность прав, обязанностей и других компонентов), вытекающее из факта совершения им преступления, основанное на признаках его опасности для общества и государства и вероятности продолжения преступного поведения, и предназначенное для реализации охранительной функции государства.

Правовое положение лица, совершившего преступление, не тождественно наличию судимости и имеет более длительные правовые последствия (в некоторых случаях), а также распространяется на общеправовые последствия совершения лицом преступления.

Отсутствие в УК РФ нормативного определения уголовно-правовых статусов лиц, совершивших преступления, приводит к неточностям при определении способа уголовно-правового воздействия в отношении указанных лиц и существованию возможности необоснованного уклонения не только от карательных средств (наказания), но и от мер социального контроля (испытание).

В целях устранения указанных противоречий в разделе IV УК РФ следует закрепить понятие «лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет». Данный статус необходимо распространить на всех лиц, совершивших преступления (общественно опасное деяние), независимо от разновидности итогового решения, принимаемого по результатам рассмотрения уголовного дела. К таковым должны быть отнесены не только лица, в отношении которых провозглашен обвинительный приговор суда, но и лица, освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, лица, в отношении которых принято решение об освобождении от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия либо прекращено преследование в связи с признанием невменяемым и назначением принудительных мер медицинского характера.

В целях корректного учета предыдущего преступного поведения лица и согласования такого учета с инструментами криминализации по типу административной (уголовной) преюдиции необходимо признать лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности, субъектами преступлений, сконструированных с использованием конструкции преюдиции (например, ст. 116^1, 264^1, 264^2, 264^3 УК РФ и др.). Соответствующее правило должно найти отражение и в толковании термина «лицо, впервые совершившее преступление». К таковым необходимо относить только лиц, фактически не совершавших преступление (подробнее содержание данного уголовно-правового статуса рассмотрено в § 2 главы 3).

Механизм контролирующего уголовно-правового регулирования требует закрепления и использования в уголовном законе *системы* уголовно-правовых статусов участников уголовно-правовых отношений в качестве основы не только для реализации уголовной ответственности, но и для применения мер правового принуждения контролирующего характера, а также дальнейших общеправовых последствий совершенного преступления. К общим статусам необходимо относить: 1) «лицо, нарушившее уголовно-правовой запрет»; 2) «лицо, совершившее преступление». К группе частных статусов, предусматривающих

применение индивидуализированных уголовно-правовых средств социального контроля, соответствующих вероятности повторного преступного поведения лица, следует относить статусы: «осужденный»; «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям»; «лицо, освобожденное от наказания» и др.

Формирование детализированных уголовно-правовых статусов позволит фиксировать правоотношения, происходящие между государством и лицом, совершившим преступление, не ограничивать их сугубо фазами уголовного преследования и исполнения наказания, а осуществлять дальнейший социальный контроль в отношении лиц, представляющих опасность для окружающих либо требующих особой поддержки, ресоциализации и адаптации (а зачастую оба направления одновременно).

ГЛАВА III. ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

§ 1. Криминализация и пенализация как базовые элементы социального контроля[1]

Основными элементами социального контроля выступают социальные нормы и социальные санкции. Применительно к системе уголовно-правового регулирования данные элементы коррелируют с формированием уголовно-правовых запретов (а также иных уголовно-правовых норм) и с закреплением средств уголовно-правового реагирования на факты деструктивного поведения и выработкой правил их применения. Данные элементы можно назвать базовыми, т.к. они служат формированию основы самих уголовно-правовых отношений и влияют на функционирование всей системы противодействия преступности.

В качестве нормы как эталона социально одобряемого поведения, несомненно, выступают также и нормы, регулирующие обстоятельства, исключающие преступность деяния, но в большей степени необходимые для отграничения допустимого правомерного поведения в весьма деликатных вопросах реализации права на причинение вреда.

Установление уголовно-правовых запретов в контексте социального контроля выступает инструментом социального управления путем установления социально приемлемого варианта поведения членов общества. Регулирование в данном случае осуществляется путем закрепления отрицательных (недопустимых) форм поведения. Другими словами, уголовно-правовые запреты выступают в роли индикаторов социально отклоняющегося поведения, требующего коррекции. В случае выявления фактов совершения лицом преступления государство получает право корректирующего реагирования. Таким образом, криминализация (декриминализация), а также пенализация (депенализация) в контексте уголовно-правового контроля являются инициирующими инструментами и

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3. С. 133-140 ; *Карпов К.Н.* Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля // Преступление: сущность и содержание : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2025. С. 84-86 ; *Карпов К.Н.* Особенности современной криминализации как способа уголовно-правового реагирования // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2023. С. 21-24.

показателями для решения вопроса о необходимости корректирующего реагирования государства, которые принципиально относятся к категории уголовной политики[1].

Преобладающая в политико-правовой среде ситуация в области изменений и дополнений именно уголовного законодательства большинством ученых определяется не просто как интенсивное правотворчество, а как чрезмерная криминализация[2]. Однако необходимо отметить, что большинство из происходящих изменений продиктованы объективными потребностями общества, невозможностью иным способом решить задачи государства по обеспечению безопасности как внутренней, так и внешней, исходя из складывающейся экономической, внешнеполитической обстановки и т.д., и, как следствие, постепенным смещением в сторону такого способа регулирования общественных отношений, который предполагает увеличение и доминирование элементов социального контроля в обществе.

В.К. Дуюнов в качестве одних из способов реализации уголовно-правовой (уголовной) политики рассматривает криминализацию и пенализацию общественно опасных деяний, включающие в себя широкий круг вопросов, связанных с установлением оснований и принципов уголовной ответственности, определением круга преступных деяний и видов наказаний и т.д.[3]

В качестве специфических, свойственных уголовно-правовому регулированию инструментов социального контроля можно выделить такие, как криминализация (декриминализация), а также пенализация (депенализация). Данные инструменты предполагают такое формирование уголовно-правового регулирования, при котором волеизъявлением государства инициируются и формируются уголовно-правовые отношения, определяются субъекты, содержание и другие значимые компоненты.

Так, Н.А. Лопашенко рассматривает криминализацию и декриминализацию как самостоятельные методы уголовно-правовой политики[4]. Проблемы криминализации и соотношения понятий и процессов декриминализации, пенализации также выступали

---

[1] *Густова Э.В.* Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 224-228.

[2] *Рарог А.И.* Репрессивный крен российской уголовной политики // Всероссийский криминологический журнал. 2014. № 3. С. 88-95 ; *Кашепов В.П., Голованова Н.А., Гравина А.А.* Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства. М., 2018. 280 с.

[3] *Дуюнов В.К.* Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М., 2003. С. 18-29.

[4] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004. 337 с.

предметом изучения Н.Ф. Кузнецовой[1], А.И. Коробеева[2], В.Н. Кудрявцева[3]. В целом можно констатировать обоснованность отнесения данных процессов к одновидовым компонентам или методам уголовно-правовой политики, отчасти дополняющим друг друга и имеющим взаимосвязанный характер. Так, рассмотрение вопросов декриминализации (депенализации) является аналогичным криминализации (пенализации) с учетом отрицательного характера их содержания. Соответственно, совместное рассмотрение вопросов криминализации и декриминализации является взаимодополняющим в контексте формирования уголовно-правовых отношений, а использование всех данных терминов не всегда является необходимым. Для обозначения самого метода достаточно указания на основные – криминализация и пенализация.

Так, определяемая Н.А. Лопашенко цель криминализации, состоящая в создании целостной системы уголовно-правового запрета[4], включает в себя большое количество компонентов, неразрывно связанных и с пенализацией как частным случаем реагирования на нарушение уголовно-правового запрета. С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин указывают, что «уголовно-правовая политика в главном и основном предопределяет основные направления, содержание, форму, сферу реализации и развитие уголовно-процессуальной политики и политики уголовно-исполнительной, которые не могут существовать вне связи с уголовно-правовыми мерами воздействия на преступность»[5]. Так как уголовно-правовой запрет в любом случае связан с наличием уголовно-правовой санкции, отражающей наказуемость как признак преступления, данные методы находятся в неразрывном взаимодействии и не существуют в отрыве друг от друга. При этом профессор Я.И. Гилинский основывается на том, что «не существует объективных оснований криминализации тех или иных деяний. Единственное «основание» – воля, желание главы государства, правительства, власти»[6]. Не оспаривая утверждение Я.И. Гилинского, хотелось бы отметить, что объективизация существующих в социальном мире причин опосредуется через акты властного поведения руководства

---

[1] *Курс* уголовного права. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / под ред. проф. Н.Ф. Кузнецовой и доц. И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 12.

[2] *Коробеев А.И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 267 с.

[3] *Кудрявцев В.Н., Дагель П.С., Злобин Г.А. и др.* Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. 303 с.

[4] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия. СПб., 2004. С. 280.

[5] *Мальков С.М., Шеслер А.В., Тепляшин П.В*. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации. Красноярск, 2018. С. 22.

[6] *Гилинский Я.И.* Криминология постмодерна (неокриминология) : монография. СПб., 2021. С. 132.

государства, которые лишь воплощают в реальность потребности общества. Несомненно, что их полное совпадение возможно лишь в идеальной модели (общества, государства), однако же отрицание объективности (с учетом восприятия данного термина применительно к процессам социальной действительности), на наш взгляд, будет контрпродуктивным. Умышленное либо неосторожное отклонение (несовпадение) потребностей общества от их восприятия властными органами является данностью и существует на протяжении всей истории существования человечества, однако это не отменяет самой структуры власти и ее обусловленности в той либо иной степени волей членов общества. Именно формальное закрепление уголовно-правовых норм лишь формирует круг потенциально возможных уголовно-правовых отношений в перспективе их реализации в будущем в зависимости от реального поведения субъектов. Соблюдение уголовно-правовых запретов обуславливает лишь опосредованное функционирование общепревентивных уголовно-правовых отношений, основанных на угрозе реализации уголовной репрессии.

Современные тенденции позволяют говорить о необходимости конструирования новых концепций в сфере криминализации. В частности, предлагается разработка «теории современной криминализации»[1]. Рассматривая причины криминализации, помимо ранее обозначенных в научной литературе[2] (возникновение новых видов общественных отношений, неблагоприятная динамика общественно опасных форм поведения, необходимость усиления охраны наиболее значимых ценностей, прав, интересов и др.), следует выделить и еще одну причину. Это изменение способа уголовно-правового реагирования на общественно опасные (или потенциально опасные) формы поведения. Так, введение инструментов административной преюдиции при криминализации ряда деяний позволило обозначить их как преступные при учете продолжения лицом противоправного поведения в течение определенного промежутка времени. Введение в УК РФ таких средств уголовно-правового воздействия, как судебный штраф и расширение оснований освобождения от уголовной ответственности (ст. 76^1, 76^2 УК РФ) и наказания, также позволяет законодателю криминализировать большее количество деяний, обладающих пограничными свойствами общественной опасности (например, ст. 151^1, 116^1, 158^1 УК

[1] *Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М.* Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации // Lex russica. 2023. Т. 76, № 1. С. 112.

[2] *Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.* Новая криминализация: Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного. Екатеринбург, 2020. 256 с.

РФ и др.), в расчете на отсутствие реальных репрессивных мер даже при фактическом наличии новых криминализированных деяний.

Анализ статистических данных преступности и характеристик применяемых наказаний и мер уголовно-правового воздействия свидетельствует, что уровень рецидива преступлений (как юридического, так и фактического) остается достаточно высоким и не имеет прямой зависимости между строгостью назначаемых наказаний (уровнем репрессии[1]) и количеством совершаемых преступлений (см. приложение № 10). Данный тезис уже неоднократно подтверждался в юридических исследованиях[2] и в своем развитии указывает на многофакторность условий (в том числе не связанных напрямую с мерами правового принуждения), влияющих на уровень преступности[3].

Показательным в данном аспекте является снижение уровня преступности в 2023, 2024 гг.[4], обусловленное внешними факторами, а не изменением работы органов внутренних дел либо органов принудительного исполнения.

Также количество случаев осуждения без фактического назначения либо исполнения наказания остается на достаточно стабильном уровне (в процентном соотношении с уровнем преступности в целом).

Количество случаев освобождения от уголовной ответственности в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия за 6 лет снизилось более чем вдвое. Это связано со снижением уровня преступности несовершеннолетних.

Снижение уровня пенитенциарной преступности обусловлено снижением количества лиц, пребывающих в местах лишения свободы. Так, если за период 2006–2020 гг. общее количество осужденных сократилось почти наполовину (49,6%), число совершаемых ими преступлений снизилось значительно меньше (на 37%). При этом коэффициент преступности осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях РФ (в расчете на 100 тыс. чел.), демонстрирует стабильный рост. Кроме того, среди осужденных существенно повысилось число рецидивистов (среди содержащихся в исправительных учреждениях число лиц, впервые осужденных к лишению свободы, сократилось с 53,8% до 38,9%). Анализ уровня пенитенциарной преступности в различных видах исправительных

---

[1] *Осипов П.П.* Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций. Л., 1976. С. 41-42.

[2] *Кристи Н.* Пределы наказания. М., 1985. 176 с.

[3] *Степашин В.М.* Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении. М., 2024. 326 с.

[4] *Основные* показатели состояния судимости в России за 2020-2024 г. URL: https://cdep.ru/userimages/Sbornik_Sudimost_2020-2024.xls (дата обращения: 12.09.2025).

учреждений также свидетельствует о его неуклонном росте в зависимости от вида учреждения (в 1,5–2,5 раза). Указанные тенденции, по мнению И.В. Карлова, не позволяют «говорить о достижении предусмотренных уголовным законом целей наказания в виде исправления осужденных и предупреждения совершения новых преступлений»[1].

В то же время необходимо оговориться относительно статистических данных уровня преступности за 2023, 2024 гг. Представляется не вполне корректным учитывать данные показатели как отражающие реальные возможности системы уголовно-правового регулирования и средств социального контроля. Так, принципиальное снижение количества отдельных видов преступлений (кражи, грабежи, разбои, уличные, насильственные преступления и т.д.)[2] является закономерным результатом более влиятельных факторов, а именно привлечения большого количества лиц для участия в проведении специальной военной операции.

А.Л. Репецкая, анализируя состояние рецидивной преступности в России, констатирует, что если в начале постсоветского периода (1990-е гг.) ее доля не превышала 20%, то в 2016 г. уже каждый второй выявленный преступник ранее уже совершал преступление (54,9%), что свидетельствует о значительной профессионализации преступности[3]. Однако и данные цифры претерпели за последние годы изменение не в лучшую сторону.

Указывая и на другие негативные тенденции преступности, автор отмечает, что именно «резкий переход от жесткого социального контроля, диаметральное изменение ценностных ориентаций и значительное сокращение социальной помощи населению – повлекло качественное и количественное изменение (в негативном плане *(добавлено нами – К.К.)*) преступности, уровня ее общественной опасности по сравнению с советским периодом».

Разнонаправленные тенденции как в области уголовной политики в целом, так и в сфере криминализации деяний вызывают споры среди правоприменителей и научного сообщества. Так, М.В. Бавсун указывает на прямую связь происходящих процессов

---

[1] *Карлов И.В.* Основные криминологические показатели и тенденции пенитенциарной преступности // Российский юридический журнал. 2022. № 5. С. 31-39.

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 г. // URL: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 14.08.2025).

[3] *Репецкая А.Л.* Современное состояние, структура и тенденции российской преступности // Вестник Омского университета. Серия Право. 2018. № 1. С. 151-156.

криминализации с факторами геополитического характера[1]. В свою очередь Н.А. Лопашенко, говоря о перегруженности уголовного закона, говорит, что он «забит *квазипреступлениями* (деяниями, лишенными общественной опасности) и *псевдопреступлениями* (деяниями, созданными в интересах правящих групп)»[2]. И.Я. Козаченко, ссылаясь на мнение М. Анселя[3], также указывает, что «причины криминализации таких деяний не всегда понятны не только тем, кому они адресованы, но и правоприменителю»[4]. В то же время, по его мнению, «криминализация служит прогнозом будущего развития уголовного права»[5]. Я.И. Гилинский подвергает критике излишнюю криминализацию ряда преступных деяний и приходит к выводу, что они «или гражданско-правовые деликты, или административные проступки», ставя в упрек законодателю тот факт, что «главное (единственное) основание криминализации – воля власти, правителя, режима»[6]. При этом С.Э. Тимошенко еще в советский период отмечал, что «человек стоит перед соблазном криминализации самых различных деяний, число которых постоянно растет»[7].

На наличие разнонаправленных тенденций в части криминализации и пенализации указывает А.И. Коробеев[8]. В частности, автор отмечает, что «вполне похвальное стремление отечественного законодателя смягчить (с учетом общемировой тенденции к гуманизации уголовной юстиции) острие уголовной репрессии не должно доводить его до абсурда»[9], элементы которого усматриваются, например, в смягчении санкций

---

[1] *Бавсун М.В.* Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. С. 483-493.

[2] *Лопашенко Н.А.* О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона // Проблемы эффективности осуществления правоохранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сб. мат-лов конф. Минск, 2018. С. 87-88.

[3] *Ансель М.* Новая социальная защита (Гуманистическое движение в уголовной политике). М., 1970. С. 194-195.

[4] *Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н.* Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного. Екатеринбург, 2020. 256 с.

[5] Там же.

[6] *Гилинский Я.И.* Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. мат-лов IX междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С 10-19.

[7] *Тимошенко С.Э.* Методологические проблемы установления пределов уголовно-правового воздействия // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования. М., 1991. С. 60-68.

[8] *Коробеев А.И.* Тенденции российской уголовно-правовой политики в сфере пенализации и депенализации: от «рождества» УК РФ 1996 г. до наших дней // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по мат-лам IV Всерос. науч.-практ. конф. Саратов, 2019. С. 187-192 ; *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика современной России: тенденции в сфере законотворчества // XV Дагелевские научные чтения. Уголовная политика России: истоки, тенденции, перспективы. Владивосток, 2025. С. 11-18; *Коробеев А.И., Чучаев А.И.* Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества: эмпирико-аналитическое исследование // Государство и право. 2024. № 5. С. 97-107.

[9] *Коробеев А.И.* Тенденции российской уголовно-правовой политики … . Саратов, 2019. С. 188.

насильственных преступлений, приводящем к переводу их из категории особо тяжких преступлений в разряд тяжких.

При этом необходимо обратить внимание на использование законодателем различных подходов к определению девиантного (преступного) поведения. В частности, статистический подход использовался при криминализации мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества как количественно преобладающих форм коррупции либо при включении в УК РФ квалифицирующих признаков преступлений «с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»)», а также при криминализации неоднократных нарушений правил дорожного движения (ст. 264^1–264^3 УК РФ). Абсолютистский подход можно усмотреть во включении в УК РФ таких составов, как «Незаконные организация и проведение азартных игр» (ст. 171^2 УК РФ). Реакционистский подход прослеживается в установлении уголовной ответственности за «Уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах» (ст. 330^1 УК РФ), а также в непрямой криминализации и декриминализации экстремистских проявлений (отнесение к категории экстремистских организаций сообщества ЛГБТ+ либо исключение из числа террористических движения «Талибан»). Контекстуальный же подход позволил декриминализовать так называемый «параллельный импорт», а также применялся в частных случаях освобождения либо непривлечения к ответственности конкретных лиц (например, дело о вооруженном мятеже ЧВК «Вагнер» Е. Пригожина, ст. 279 УК РФ). Использование различных подходов свидетельствует о множественности факторов, приводящих к криминализации либо декриминализации, зачастую обусловленных пониманием целесообразности данного процесса законодательными и правоприменительными органами.

Приводимые при этом аргументы излишнего карательного воздействия все же основываются на практике привлечения к уголовной ответственности за совершение традиционно криминальных насильственных преступлений (убийство, изнасилование, террористический акт и т.д.) и применения наказания в виде лишения свободы. Не углубляясь в вопросы техники и конструкции уголовно-правовых запретов, необходимо обратить внимание на то, что большинство принимаемых норм все же функционально нагружены и задействованы правоприменителем.

В рамках проводимого исследования нами были проанализированы изменения в уголовном законодательстве, касающиеся установления новых составов преступлений, с 2012 по 2023 гг. (см. приложение № 2). За указанный период было введено более 100 новых составов преступлений[1]. Их распределение по категориям в рамках основного состава происходит следующим образом: *особо тяжкие – 6%, тяжкие – 11%, средней тяжести – 22%, небольшой тяжести – 61% (категория по санкции основного состава (как правило, ч. 1)).* Если же рассматривать категорию преступления по наиболее тяжкому составу, то распределение следующее: *небольшой тяжести – 30%, средней тяжести – 19%, тяжкие – 24%, особо тяжкие – 16%.* Таким образом, основной массив «новых» составов преступления приходится на деяния с минимальным уровнем криминализации. Наказание в виде лишения свободы фигурирует в 78 составах, однако в 12 из них максимальное наказание предусматривается до 2 лет лишения свободы, в 9 – до 1 года лишения свободы, а еще в 11 вообще не предусматривается наказаний, связанных с лишением свободы.

Кроме того, 25% новых составов сконструировано по типу административной преюдиции. Большинство из данных составов относятся к категории небольшой и средней тяжести, однако 5% составов с административной преюдицией являются тяжкими. В 8 случаях законодатель, помимо административной, использовал и конструкцию уголовной преюдиции для реализации дифференциации уголовной ответственности, однако в 2 составах административная и уголовная преюдиции приравнены в рамках одной части статьи (основного состава).

Данная картина свидетельствует о том, что подавляющее большинство «новых» составов вводятся в УК РФ при наличии минимальных показателей криминализации и изначально фактически не предполагают реализацию наказаний, связанных с изоляцией лиц, совершивших преступление.

Фактически присутствует сочетание тенденций криминализации при наличии даже минимальных показателей к установлению уголовно-правового запрета с минимизацией использования санкций, связанных с изоляцией осужденного. В совокупности данные тенденции позволяют говорить о возрастании потребности в установлении контролирующих процедур за поведением лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет.

---

[1] Речь идет об основных составах преступления, закрепленных в первых частях соответствующих норм. Указанное количество можно считать приблизительным, т.к. отдельные нормы содержат в разных частях самостоятельные составы, однако зачастую их различия не носят принципиального характера.

Н.А. Лопашенко, анализируя изменения уголовного законодательства в период с 1997 по 2014 гг., отмечает, что в среднем ежегодно принималось 9,1 закона о внесении изменений в УК РФ. Если в первые годы действия УК РФ такие поправки носили единичный характер, то после 2010 г. их количество измерялось десятками, и эта тенденция к увеличению сохраняется и по сей день. Такое положение свидетельствует о явной деформации уголовной политики, т.к. «уголовный закон должен быть стабильным, поскольку именно он предусматривает самые жесткие из возможных мер государственного принуждения»[1]. В связи с наличием огромного количества зачастую несистемных изменений А.И. Коробеев неоднократно сравнивал действующий УК РФ с «лоскутным одеялом»[2] и негативно оценивал данное явление.

Таким образом, законодатель, криминализуя определенные виды деяний, в основной массе не использует репрессию как механизм подавления. Скорее, криминализация в данном случае служит целям обозначения недопустимого поведения, установления правового статуса лица, совершившего преступление, и дальнейшего индивидуализированного предупреждения преступлений. Необходимо отметить, что большинство из составов преступлений с такой «спорной» криминализацией все же выполняют свою функцию. Они выступают в роли «промежуточного звена» между административными правонарушениями (или гражданско-правовыми деликтами) и случаями причинения существенного вреда правам и интересам граждан, общества, государства, требующими существенного карательного воздействия. Такого рода пресечение преступной деятельности на более ранних этапах позволяет предупредить их перерастание в действительно криминальные формы поведения.

Кроме того, более чем в 25% случаев при формулировании новых составов преступлений законодатель использует именно конструкцию административной (либо уголовной) преюдиции (ст. 116^1, 151^1, 158^1, 264^1 УК РФ и др.). Такой способ постепенной криминализации в сочетании с отнесением преступления в целом к категории небольшой либо средней тяжести позволяет нерепрессивными методами снизить вероятность

---

[1] *Лопашенко Н.А.* Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем // Вестник Московского университета. Серия Право. 2015. № 11. С. 44-54.

[2] *Коробеев А.И.* Лоскутное одеяло Уголовного кодекса: чем и когда закончится гиперинфляция правовой политики современной России // Новая газета. 2013. № 20. С. 5 ; *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» // Современные проблемы уголовной политики : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2014. С. 71-81 ; *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник? // Библиотека криминалиста. 2014. № 3. С. 45-53.

продолжения социально деструктивного поведения. Примером может служить криминализация управления транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость (ст. 264^1 УК РФ). Статистические данные подтверждают, что данное деяние является самым распространенным среди всех дорожно-транспортных преступлений (56 тыс. осужденных). При этом статистика наказаний свидетельствует, что наказание в виде лишения свободы применяется лишь к 10 тыс. осужденных (17%), из них на срок до 1 года – более 7 тыс. (70%), еще 5 тыс. наказание назначается условно, а максимальное количество – 35 тыс. (62%) – осуждается к обязательным работам. Указанные цифры говорят о том, что данная норма в большей степени позволяет фактически пресекать преступную деятельность самой процедурой уголовного преследования, а не путем реализации наказания.

В то же время сконструированный по аналогичному типу административной преюдиции состав уклонения от административного надзора (ст. 314^1 УК РФ) при наличии максимальной санкции всего в 1 год лишения свободы на практике в 84% случаев приводит к назначению наказания в виде лишения свободы (в среднем – 8 месяцев). Если сравнить с санкциями более распространенных преступлений, например, хищений, санкция за которые намного превышает вышеприведенную, а процент реального лишения свободы не превышает 50%, то становится очевидным, что криминализация, по сути, выступает лишь формальным поводом для осуществления процедуры уголовного преследования лица, совершившего преступление, в рамках которого правоприменение позволяет воздействовать на него исходя из фактических обстоятельств и потребностей превенции.

При этом анализ изменений в части криминализации и декриминализации деяний, происходящих в последние 10 лет, свидетельствует о наличии следующих тенденций. Во-первых, криминализация явно преобладает над процессом декриминализации. Данную тенденцию можно объяснить отсутствием общественного (массового) внимания к устаревшим либо малораспространенным сферам человеческого криминального поведения, а соответственно, и к существующим в них запретам. Сформировавшиеся в данных сферах способы взаимодействия субъектов, содержание правоотношений и соответствующие запреты даже в случае их сокращения не утрачивают актуальности как определенные ориентиры недозволенного поведения, т.е. общественная опасность запрещенных деяний не утрачивается как таковая. Соответственно, сохранение их в уголовном законодательстве позволяет поддерживать стабильность и гарантировать без-

опасность, а декриминализация по сути не меняет положение дел. Редкие случаи декриминализации в большей степени связаны с объективной потребностью такого влияния на правоотношения, которое бы позволило принципиально изменить их содержание. К таким изменениям следует отнести изменение как нормативной основы, так и правоприменительной практики (несмотря на наличие соответствующих норм в УК РФ, в отношении ряда преступлений состояние декриминализации существует де-факто на уровне правоприменения[1]), например, в части защиты авторских прав (ст. 146, 147 УК РФ), а также снижения ответственности за совершение налоговых преступлений. Указанные изменения продиктованы объективными потребностями экономической и внешнеполитической ситуации в России и представляются адекватными.

Во-вторых, основные криминализирующие нормы связаны с определением новых, опасных в сложившейся обстановке государственно-политических деяний. В частности, включение в УК РФ таких составов, как «добровольная сдача в плен» (ст. 352^1 УК РФ), «злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа» (ст. 285^4 УК РФ) и др., обусловлено объективным возникновением новых жизненных ситуаций. Отдельные же составы, по сути, меняют подходы к ранее допустимым (терпимым) формам поведения. Они продиктованы необходимостью не просто привлечь к уголовной ответственности лиц, которые и раньше занимались совершением тех же поступков (например, уголовное дело в отношении А. Невзорова[2], распространение «фейковых новостей» в период пандемии COVID-19[3] и т.д.), но и сформировать как внутри государства, так и за его пределами устойчивый мировоззренческий тренд, определяющий недопустимость безответственного отношения к таким общественно значимым явлениям, как распространение заведомо ложной информации, публичные призывы, направленные против интересов всего общества (в условиях очевидности общественной опасности, однако ставшие «обычными» за долгие годы допущения).

Учитывая существование данных явлений в динамическом контексте, следует отметить следующие факторы, требующие учета. Во-первых, формирование уголовно-правовых запретов под влиянием стремительно изменяющихся общественных отношений как внутри

---

[1] *Козаченко И.Я.* Скрытая декриминализация: проблемы и пути их решения // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения) : сб. ст. по мат-лам конф. Саратов, 2016. С. 78-81.

[2] *Генпрокуратура* утвердила обвинительное заключение по делу А. Невзорова. URL: https://rg.ru/2022/12/15/genprokuratura-rf-utverdila-obvinenie-zhurnalistu-nevzorovu.html (дата обращения: 16.12.2024).

[3] *Садыков Д.И., Ахметьянова Н.А.* Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 // Colloquium-journal. 2020. № 8. С. 78-79.

государства, так и на международном уровне[1], вызываемое международными конфликтами и обострением борьбы за выживание в складывающемся мире, приводит к упрощению ряда компонентов законотворческого процесса в области установления уголовно-правовых запретов. Во-вторых, формируемые уголовно-правовые запреты отличаются предельной целесообразностью и их сиюминутной необходимостью. В-третьих, декриминализация (в том числе частичная) ряда деяний обусловливается экономическим, военно-политическими, социальными интересами, даже в ущерб потребностям восстановления социальной справедливости и неотвратимости ответственности.

Учитывая, что подавляющее большинство вновь вводимых составов преступлений относится к категории небольшой тяжести (60%), а изначально устанавливаемые размеры санкции не предполагают существенного карательного воздействия (20% санкций не связаны с лишением свободы либо предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до 1 года), значительная их часть сформулирована по типу преюдиции, а в еще большей степени опираясь на результаты исследования практики назначения наказания за отдельные виды преступлений (ст. 158^1, 191^1, 204^1, 264^1 и т.д.), приходится констатировать, что данные составы преступлений введены отчасти в целях создания повода для самой процедуры уголовного преследования, пресечения преступной деятельности в рамках уголовного судопроизводства и установления уголовно-процессуального статуса лица, совершившего преступление. Непосредственно уголовно-правовой репрессивный (карательный) элемент в данных нормах носит скорее «символический» характер и изначально не предполагает назначения и исполнения действительно строгого наказания, а также исправления осужденного как самостоятельной деятельности. Предупреждение совершения новых преступлений происходит в первую очередь путем пресечения преступной деятельности и создания организационных и других препятствий для ее продолжения, а также контроля за поведением лиц, совершивших преступление. Например, лица, осужденные за совершение преступлений, даже в случае погашения и снятия судимости (даже при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям) в дальнейшем сталкиваются с препятствиями в части получения лицензии на осуществление отдельных видов деятельности, трудоустройства, въезда в Российскую Федерацию и получения вида на жительство и т.д.

[1] *Генрих Н.В.* Криминализация и международные правоотношения // Государство и право. 2022. № 11. С. 114-122.

Представляется, что при отсутствии действительно строгого наказания именно эти меры выступают в роли предупредительного средства индивидуальной превенции.

И.Э. Звечаровский, анализируя вопрос достижимости целей уголовного наказания, основываясь на данных анализа статистических сведений об уровне рецидива преступлений и других показателей преступности, наглядно демонстрирует невозможность реального воплощения предупреждения преступлений, исправления и даже восстановления социальной справедливости путем назначения наказания и указывает на реалистичность только одной цели – «осуждения-покарания»[1].

В качестве характерных примеров можно рассматривать практику назначения наказания за совершение преступлений, предусмотренных ст. 151[1], 264[1], 291[2] УК РФ. Так, за 2021 г. из почти 58 тыс. осужденных, совершивших преступление, предусмотренное ст. 264[1] УК РФ, наказание в виде лишения свободы было применено только к 8 тыс. осужденных (14,5%), условное осуждение применялось более 6,5 тыс. раз (12%), обязательные работы – 38 тыс. (68%). Учитывая, что санкция за совершение данного преступления предусматривает возможность назначения наказания в виде лишения свободы до 2 (ч. 1) или 3 (ч. 2) лет, диспропорциональность избираемых мер уголовно-правового воздействия кажется очевидной. Из 2133 осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 291[2] УК РФ, наказание в виде лишения свободы (до 1 года) было назначено 35 осужденным (1,6%), 39 (1,8%) было осуждено условно к лишению свободы, а штраф был назначен в 85% случаев.

Если учесть количество ресурсов (финансовых, трудовых, организационных), затрачиваемых государством на расследование, привлечение к уголовной ответственности[2], осуществление правосудия, дальнейшее исполнение наказания в отношении указанных категорий преступников, то возникает ситуация гиперболизированности затрат на достижение цели – осуждения лица, совершившего преступление. Представляется, что механизм уголовно-правового воздействия в таком случае реализуется уже в процессе расследования преступления, применения в отношении лица мер процессуального пресечения (заключения под стражу, наложения ареста на имущество), отстранения лица от исполнения служебных обязанностей и т.д., осуждения его и придания ему соответствующего правового статуса. В дальнейшем имен-

---

[1] *Звечаровский И.Э.* О целях уголовного наказания и их достижении // Уголовное право. 2022. № 6. С. 52.

[2] *Лунеев В.В.* Социальные последствия, жертвы и цена преступности // Государство и право. 2009. № 1. С. 36-56 ; *Бабаев М.М., Квашис В.Е.* Цена преступности: проблемы теории и практики // Российский криминологический взгляд. 2009. № 2. С. 246-259.

но такой статус – «осужденный», «судимый», «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям» – позволяет определенным образом ограничить возможность совершения нового преступления путем реализации так называемых «общеправовых последствий»[1] совершенного преступления (запрет на занятие определенным видом деятельности и т.д.). В то же время полноценной системы индивидуализированного контроля за поведением лиц, совершивших преступление, в настоящий момент не сформировано. Как следствие, такого рода социальный контроль возникает на этапах оперативно-розыскной деятельности, в дальнейшем приобретает ощутимые формы в рамках уголовного судопроизводства (в некоторых случаях продлевающегося в гражданское судопроизводство (например, при возмещении вреда, причиненного преступлением)), после чего реализуется в исполнении наказания либо иных мер уголовно-правового характера (если они назначались), после ослабевает в период судимости и частично может присутствовать в общеправовых последствиях судимости (зачастую они являются бессрочными).

Такого рода перенос содержания уголовно-правового воздействия с наказания на реализацию процессуальных либо иных компонентов правоприменения является неизбежным следствием гуманизации карательного воздействия. Если в отношении судебного процесса такой контроль за поведением лица является косвенным следствием решения задач уголовного процесса[2], то в отношении следующего за осуждением правового состояния лица, совершившего преступление, он представляется объективно необходимым элементом предупреждения совершения преступлений в будущем.

Необходимо отметить, что нами не ставится вопрос декриминализации рассматриваемых деяний или же перевода их в разряд правонарушений. Мы лишь отмечаем особенность сложившейся законодательной тенденции и необходимость выработки системного подхода к криминализации в совокупности с особенностями осуществления правосудия в отношении подобного рода преступлений и определению эффективной системы наказаний (иных мер уголовно-правового характера).

Эффективность функционирования данных норм не может быть отделена от определения механизма функционирования всей системы уголовного, уголовно-

---

[1] *Елинский А.В.* Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106-113 ; *Габдрахманов Ф.В.* Уголовно-правовые и общеправовые последствия судимости: сравнительно-правовой анализ // Евразийская адвокатура. 2014. № 4. С. 47-50.

[2] *Чердынцева И.А.* Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Омск, 2008. 23 с. ; *Чердынцева И.А.* Назначение современного российского уголовного процесса : уч. пос. Омск, 2010. 90 с.

процессуального, уголовно-исполнительного права (и мер, дополняющих его в рамках отдельных нормативных правовых актов). При этом на первый план выходит не столько строгость уголовного наказания, сколько сама процедура уголовного преследования и дальнейшие правоограничения, связанные с возникновением судимости как самостоятельного *пост*уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление.

На уровне закона государственная власть просто представляет интересы своих подчиненных, служит им, несет за них ответственность и сама является объектом их контроля. Однако данный контроль, по мнению С. Жижека, лишь прикрывает «непристойный избыток власти и является неотъемлемой частью принятия суверенитета»[1]. В таком случае совершенно справедливо высказывание Ю.Е. Пудовочкина и М.М. Бабаева: «Государство, криминализировавшее многое, не может определить, насколько это «многое» реально опасно, а потому, дабы не утруждать себя сопоставительным анализом санкций существующих статей, оно переложило решение этой важнейшей уголовно-политической задачи на плечи судейского корпуса, дополнительно наделив его возможностями применять положения ст. 64 УК РФ о назначении наказания ниже низшего предела, ч. 6 ст. 15 УК РФ об изменении в сторону снижения категории совершенного преступления и ч. 2 ст. 14 УК РФ о возможности признания совершенного общественно опасного деяния малозначительным»[2].

Развивающаяся одновременно с процессами криминализации (декриминализации) тенденция на смягчение наказаний, расширение применения наказаний, не связанных с лишением свободы, увеличение оснований освобождения от наказания и от уголовной ответственности, расширение перечня иных мер уголовно-правового характера (в том числе неоднократные попытки введения института уголовного проступка[3]) постепенно приводит к уменьшению фактической официальной властно-государственной репрессии[4]. Возникает ситуация, когда государственное насилие находится в состоянии потенциальной возможности, но реализуется не только и не столько в рамках репрессии (ка-

---

[1] *Жижек С.* Против прав человека // Against Human Rights, New Left Review. 2005. 34, July-August. Pp. 115-131.

[2] *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 419-430.

[3] *Головко Л.В.* Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека // Закон. 2018. № 1. С. 128-136.

[4] *Выступление* Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. URL: https://supcourt.ru/files/31149/ (дата обращения: 12.01.2023).

ры), а в ходе самой процедуры привлечения к уголовной ответственности и дальнейших общеуголовных правоограничений (отчасти благодаря институту судимости)[1].

Постепенно происходит перераспределение средств и способов уголовно-правового воздействия[2], и те ограничения, которые ранее не относились к категории наказания в связи с «незначительностью» содержащихся в них правоограничений на фоне наказаний, существенно ограничивающих либо лишающих осужденного прав и свобод, вполне могут претендовать на статус форм реализации уголовной ответственности. Так, смертная казнь, каторжные работы, ссылка и другие виды наказания представляются «полноценным» наказанием по сравнению с возникающими в более поздний период принудительными мерами воспитательного воздействия, применяемыми при освобождении от уголовной ответственности либо наказания. Условное осуждение сложно назвать карательным инструментом на фоне наказания в виде лишения свободы, особенно если учесть практику его применения, например, в период XIX–XX вв. Длительные сроки, весьма неблагоприятные условия отбывания наказания (в бытовом, медицинском, психическом, физиологическом и др. аспектах), разрыв социальных связей и иные существенные социальные последствия, низкая вероятность условно-досрочного освобождения и т.д. позволяли говорить о действительно репрессивном и устрашающем воздействии.

Даже существующие наказания в виде лишения свободы организационными и иными способами стараются минимизировать, назначать лишь в исключительных случаях, снижать их сроки, заменять на более мягкие виды наказаний либо назначать условно. Такая практика приводит к тому, что репрессия смещается в сферу постоянного перманентного контроля за поведением лиц, совершивших преступление, либо замещается им полностью. При этом используемые в рамках такого контроля средства, по сути, и составляют репрессивное воздействие. Так, анализ правоограничений, применяемых в рамках института условного осуждения, свидетельствует об отсутствии в данных мерах хоть какого-то воспитательного, исправительного элемента.

---

[1] *Карпов К.Н.* Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 3. С. 133-140.

[2] *Лопашенко Н.А*. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) // Государство и право. 2023. № 9. С. 97-111 ; *Путин* поручил изучить возможность смягчения наказания за ненасильственные преступления. URL: https://rg.ru/2024/01/17/putin-poruchil-izuchit-vozmozhnost-smiagcheniia-nakazaniia-za-nenasilstvennye-prestupleniia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 18.11.2024).

Кроме того, сами ограничительные меры не имеют прямой связи с предупреждением совершения лицом нового преступления. Так, обязательство о явке лица в орган, осуществляющий контроль, либо запрет оставления места жительства никак напрямую не мешают совершать новые преступления.

Учитывая же, что контроль должен предполагать в первую очередь сбор информации о подконтрольном лице, становится очевидной потребность в расширении индивидуализированных ограничений и средств сбора информации о поведении лица, находящегося на испытательном сроке.

Статистика свидетельствует о невысоком (в сравнении с общими показателями) уровне рецидива среди условно осужденных. Если в начале 2000-х гг. он составлял 11–12%[1], то к 2015 г. в период испытательного срока повторно совершали преступления от 3–4% условно осужденных. Всего же среди лиц, допускающих рецидив преступлений, доля условно осужденных составляет порядка 6%. Как отмечает П.Н. Кобец в своем исследовании, «среди ранее судимых лиц той же категории этот показатель почти вдвое больше»[2]. Проведенное нами выборочное исследование свидетельствует о примерно таких же показателях преступности среди условно осужденных, а также о наличии противоправного поведения, влекущего отмену условного осуждения (см. приложение № 4).

Политика реагирования на правонарушения, по мнению В.К. Дуюнова, включает в себя: а) формальное (нормативное) определение деяния как правонарушения; б) официальное расследование содеянного, осуществление правосудия; в) исполнение меры правового воздействия и последующую реабилитацию правонарушителя[3]. Так, именно процесс (процедура) раскрытия преступления и расследования уголовного дела с применением в отношении лица всего спектра оперативно-розыскных и уголовно-процессуальных мер принуждения позволяет в первую очередь «нейтрализовать» его криминальную активность как минимум на данный период времени. Впоследствии же даже при назначении относительно мягкого приговора и зачета в его срок нахождения под стражей (домашнего ареста и других мер) лицо самостоятельно исключается из социальной, политической и информационной повестки. Подтверждением тому служат достаточно известные приговоры в отношении медийно известных персон, совершавших преступления в сфере экономиче-

---

[1] *Уголовно-исполнительное* право России: теория, законодательство, международная практика конца XIX – начала XXI века : учебник / под ред. А.И. Зубкова. М., 2005. С. 562.

[2] *Кобец П.Н.* Особенности рецидивной преступности среди лиц условно осужденных // Инновационная наука. 2015. № 10. С. 171-172.

[3] *Дуюнов В.К.* Правовое воздействие. М., 2019. С. 59.

ской деятельности, экстремистского характера либо против интересов государства[1]. Например, уголовное дело в отношении блогера Ю. Блиновской, которое уже на этапе предварительного расследования позволило возместить ущерб, причиненный в результате преступной деятельности, пресечь данную деятельность. Несмотря на значительный размер причиненного ущерба (более 900 млн руб.), уголовная репрессия фактически была сведена к минимуму и реализовалась в процессе предварительного расследования. Назначенное наказание было зачтено в период нахождения под мерой процессуального принуждения, а после этого осужденной была предоставлена отсрочка наказания (ст. 82 УК РФ). Данный подход характерен для современной политической ситуации как внутри страны, так и на международном уровне, критерием его законности и обоснованности выступает только преступность действий субъекта.

Дискуссия относительно критериев криминализации и оснований признания наличия общественной опасности того либо иного деяния длится на страницах научной печати достаточно давно, однако до настоящего времени ученые так и не пришли к единому приемлемому перечню осязаемых показателей общественной опасности[2]. Развивая данную дискуссию, необходимо констатировать, что на сегодняшний день фактическим минимальным критерием криминализации выступает потребность государства иметь полномочия по осуществлению контроля за деструктивным поведением лица (члена общества). Отсутствие такой потребности позволяет использовать административно-правовые либо гражданско-правовые методы разрешения конфликтов и влияния на членов общества. Данный критерий объясняет криминализацию не только новых преступлений, например, появившихся в УК РФ в период пандемии Covid-19, проведения СВО и т.д., но и возможность конструирования составов преступлений с административной, уголовной (и даже дисциплинарной – УК Беларуси) преюдицией.

Данный показатель выступает в роли аналога оценочной теории вины, предполагающей не только сугубо психическое отношение лица к совершаемому им деянию, но и негативную оценку обществом его действия (бездействия). Данный подход свойствен пре-

---

[1] *Суд* приговорил Елену Блиновскую к пяти годам колонии. URL: https://www.rbc.ru/politics/03/03/2025/67c563549a7947a9c944c19d (дата обращения: 18.09.2025) ; *Суд* заочно приговорил Невзорова к восьми годам колонии по делу о фейках. URL: https://www.rbc.ru/politics/01/02/2023/63da209e9a7947d6f6a749f6 (дата обращения: 18.09.2025) ; *Украинского* журналиста Д. Гордона заочно приговорили к 14 годам за призывы к терроризму. URL: https://www.kommersant.ru/doc/6804930 (дата обращения: 18.09.2025).

[2] *Мирошниченко Д.В.* Критика уголовно-правовой онтологии. М., 2023. 400 с. ; *Иванов Н.Г.* Общественная опасность деяния // Уголовное судопроизводство. 2024. № 2. С. 35-40.

ступлениям, совершаемым по небрежности, при которых лицо не осознает опасности своего деяния и не предвидит опасности последствий, однако могло и должно было их предвидеть при должной внимательности и предусмотрительности[1].

Аналогичным образом даже отсутствие непосредственных и очевидных показателей общественной опасности в виде существенного вреда, особой ценности охраняемых отношений и т.д. не является препятствием для криминализации в тех случаях, когда существует объективная потребность в осуществлении социального контроля за соответствующим деструктивным поведением членов общества. Таким образом, именно ценность сохранения управляемости социальными процессами посредством контроля позволяет легитимизировать[2] установление тех либо иных уголовно-правовых запретов. Несомненно, данный критерий сложно сопоставим с классическим пониманием общественной опасности преступления, однако складывающаяся как в Российской Федерации, так и в других государствах ситуация в области установления уголовно-правовых запретов свидетельствует именно о таком целесообразном подходе. Игнорирование же данного фактора представляется недальновидным с точки зрения государственной уголовно-правовой политики.

Я.И. Гилинский, рассматривая вопросы уголовной политики общества постмодерна, констатирует давно известные постулаты неизбежности преступности как элемента социальной жизни человека, указывает на основании этого на принципиальную невозможность достижения целей уголовного наказания[3]. По мнению М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, «едва ли не общепризнанным можно считать вывод о бессилии государства достигнуть официально провозглашенные цели уголовного наказания: восстановление социальной справедливости, предупреждение преступлений и исправление лица, совершившего преступление. Авторы указывают на тот факт, что практика широкого социального управления посредством уголовно-правовых мер (речь идет об уголовно-правовых запретах и наказании *(добавлено нами – К.К.)*) является проявлением бессилия государства и подмены нормативно заявленных целей уголовно-правового регулирования»[4].

---

[1] *Векленко С.В., Бавсун М.В., Фаткуллина М.Б.* Вина и ответственность в уголовном праве : монография. Омск, 2009. 255 с. ; *Векленко С.В.* Вина как общественное отношение в структуре девиантного поведения // Вестник Воронежского института МВД России. 2009. № 2. С. 23-30.

[2] *Денисенко В.В., Малышкин С.П.* Легитимация правоприменительной деятельности: аксиологический аспект // Российская юстиция. 2024. № 8. С. 14-22.

[3] *Гилинский Я.И.* Уголовная политика общества постмодерна // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. мат-лов IX междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2021. С 10-19.

[4] *Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е.* Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 3. С. 419-430.

В то же время цель сокращения уровня преступности становится достижимой путем использования иных правовых механизмов. В первую очередь речь идет о расширении инструментов социального контроля за лицами, совершившими преступление.

В данном случае сочетание и комплексное использование криминализации как способа придания лицу определенного правового статуса, с последующим использованием инструментов пробации, ресоциализации, социального контроля, могло бы позволить разгрузить судебную систему, пенитенциарную систему и существенно сократить вынужденные карательные практики в отношении осужденных. Другими словами, формальное признание деяния преступным перестает выступать в роли действительно карательного (влекущего за собой существенные правоограничения и фатальные последствия) для лица, совершившего преступление. Однако в таком случае юридический факт совершения лицом преступления может и должен выступать в роли юридически значимого, т.е. основания осуществления не только уголовно-исполнительного производства, но и оперативно-розыскной, административной или уголовно-процессуальной деятельности.

Наличие судимости (в т.ч. снятой или погашенной), освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям позволяют не допускать таких лиц к участию в отдельных видах деятельности, однако до настоящего времени не разрешают осуществлять в отношении них каких-либо дополнительных мероприятий, например, осуществлять сбор информации о проводимых финансовых операциях, наличии имущества, участии в экономической деятельности, деятельности в сети Интернет и т.д. Такого рода «выборочность» в вопросах контроля за поведением лиц, совершивших преступление, приводит к отсутствию полноценного механизма предупреждения преступлений.

В качестве компенсации отсутствия данного контролирующего механизма государство вынуждено прибегать к иным средствам социального контроля. При этом «старейшим и наиболее простым способом социального контроля выступает физическое насилие»[1]. Однако, как заметил Н.Д. Сергиевский еще в XIX веке, «область наказуемых деяний до сих пор постоянно расширяется, а наказаний, по количеству болевых впечатлений, смягчается»[2].

С точки зрения уголовно-правового регулирования насилие естественно выражается в карательном воздействии посредством назначения таких видов наказаний, которые

---

[1] *Козырев Г.И.* Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // Социологические исследования. 2005. № 8. С. 124-129.

[2] *Сергиевский Н.Д.* Основные вопросы наказания в новейшей литературе. СПб., 1983.

позволяют лишить лицо возможности совершения преступлений (либо максимально приблизиться к такому состоянию), однако использование информационной составляющей некарательных средств социального контроля за лицами, совершившими преступление, выражающейся в получении возможности сбора (в том числе в автоматическом режиме) информации о поведении лица, в состоянии заменить (или, как минимум, дополнить) существующие средства наказания. При этом постулат «естественных прав человека» во всех странах мира, самостоятельно формирующих свою правовую политику, укладывается в необходимость обеспечения безопасности человека и общества. Так, если речь идет о выживаемости всей популяции, то приоритет прав на свободу передвижения, распространения информации, неприкосновенности частной жизни уходит на второй план. С. Жижек по этому поводу указывает, что права человека нельзя постулировать как некое неисторическое «эссенциалистическое» внешнее, безотносительно контингентной сферы политической борьбы, как универсальные «естественные права человека» вне исторического контекста, также они не могут быть отвергнуты как материализованный фетиш, продукты конкретных исторических процессов политизации граждан[1].

Неразрывную связь концептуальных подходов относительно места прав и свобод человека и гражданина в правовой реальности отмечают и исследователи в области уголовного процесса. Так, Н.А. Колоколов отмечал, что «разработчики УПК РФ «застряли в 1990-х годах с доминировавшей тогда идеологемой прав человека и демократии, в то время как вектор развития государства развернулся в противоположную сторону – от индивидуализма к этатизму»[2].

Так, А.А. Бабушкин указывает на необходимость осуществления оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел за отдельными категориями лиц, совершивших преступление («устойчиво систематически совершающие тяжкие и особо тяжкие преступления» – получившие специальный правовой статус «особо опасный рецидивист» (ранее существовавший в законодательстве СССР), осужденные по ст. 210[1] УК РФ и др.). Констатирует, что в осуществлении подобного рода оперативно-розыскного контроля (проведении ОРМ в отношении данной категории лиц даже без наличия сведений о конкретных подготавливаемых, совершаемых или совершенных ими преступлениях) отсутствует ре-

[1] *Жижек С.* Против прав человека // Against Human Rights, New Left Review. 2005. 34, July-August. Pp. 115-131.

[2] *Колоколов Н.А.* Уголовно-процессуальный закон: феномен, который каждый толкует по-своему // Уголовное судопроизводство. 2021. № 3. С. 2-16.

прессивный элемент, т.е. «не стоит рассматривать их как необоснованное ограничение прав и свобод. Данный правовой статус не является мерой наказания и не подменяет его, а представляет собой форму индивидуального профилактического воздействия на лицо, склонное к совершению преступления»[1]. Учитывая количество преступлений, совершаемых лицами, даже находящимися под административным надзором ОВД (см. приложение № 10), данный способ контроля не является излишним.

Поддерживая А.А. Бабушкина в обосновании необходимости осуществления соответствующих ОРМ и их некарательном характере, хотелось бы указать на то, что контроль в отношении указанных лиц не должен ограничиваться проведением ОРМ. Уголовно-правовой статус данных лиц позволяет устанавливать гласный административный надзор за их поведением, а также осуществлять пробацию в отношении них и, соответственно, носит комплексный характер. В данном случае оперативно-розыскной контроль можно рассматривать как подвид постпенитенциарного (в случае лишения свободы) или постпреступного контроля за поведением лиц, совершивших преступление и сохраняющих опасность преступного поведения.

Установление средств фискального контроля за денежными переводами (доходами, расходами) лиц, осужденных, например, за незаконный сбыт наркотических средств, преступления в сфере экономической деятельности, коррупционные преступления и т.д., в период судимости существенным образом усложнило бы им возможность возвращения в указанную сферу «бизнеса». Закрепление соответствующего правового статуса лица, совершившего преступление, в качестве основания для сбора информации о лице, осужденном за указанные преступления, позволит государственным органам легально контролировать выполнение им ограничений. Например, соблюдение запрета на трудовую деятельность, связанную с оборотом наркотических средств и психотропных веществ (см. приложение № 1), обеспечит возможность исполнения назначенной конфискации имущества либо возмещения вреда, причиненного преступлением, а также своевременного документирования продолжения преступной деятельности (при наличии таковой). Как правило, данные средства сбора информации начинают применяться, однако позже, в рамках раскрытия либо расследования преступлений (уже после их совершения), и в первую очередь в отношении

[1] *Бабушкин А.А.* Уголовно-правовые основы оперативно-разыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений // Российский следователь. 2024. № 10. С. 62-66.

именно ранее судимых лиц[1]. Кроме того, осуществление в отношении данного лица мер ресоциализации со стороны государственных органов, некоммерческих организаций позволит комплексно решать задачи предупреждения преступлений.

Возрастание роли государства в обеспечении безопасности общества (и самого государства) приводит к необходимости поиска баланса между карательными (основными) средствами воздаяния за совершенное преступление (назначении и исполнении наказания) и некарательными средствами, альтернативными наказанию, применение которых сопровождается легитимизацией и внедрением процедур сбора информации о поведении лица, установлении особых требований к его поведению как способу сдерживания от противоправного поведения в будущем.

Тенденции в сфере уголовно-правовой политики позволяют говорить о постепенном изменении модели уголовно-правового воздействия, в рамках которой карательные процедуры – назначение и реализация наказаний, связанных с изоляцией осужденного, заменяются и (или) дополняются контролирующими механизмами – применением наказаний, не связанных с лишением свободы, и иных средств некарательного воздействия, предполагающих продленные уголовно-правовые отношения контроля за поведением лиц, совершивших преступление, даже после (или вместо) отбытия наказания (условное осуждение, освобождение от наказания, правовые ограничения судимости и т.д.).

Переход от одного способа (механизма) уголовно-правового воздействия напрямую связан с развитием технологий, позволяющих без привлечения репрессивных, карательных, правоограничительных мер осуществлять решение задач правового регулирования и достижение таких целей, как обеспечение безопасности граждан и общества, защита общественных отношений.

Существующая концепция неприкосновенности прав человека на конфиденциальность информации должна учитывать, что права лица, совершившего преступление (например, на неприкосновенность информации о частной жизни, местонахождении, финансовых операциях), должны быть соотнесены с фактической опасностью повторения им преступного поведения, а также с существующими технологическими возможностями сбора и обработки данной информации в автоматическом режиме (возможно, с участием инструментов искусственного интеллекта). То есть получение соответствующих сведе-

[1] *Родионов А.И.* Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной наркопреступности : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2013. 264 с.

ний гарантом данных прав (государством) может и должно быть обусловлено необходимостью обеспечения безопасности общества, а соответственно, является не только допустимым, но и необходимым инструментом правового регулирования, применяемыми индивидуально в отношении лиц, совершивших преступление. Например, осуществление оперативно-розыскного контроля органов внутренних дел (как подвида постпенитенциарного уголовно-правового контроля) за отдельными категориями лиц, совершивших преступление и сохраняющих опасность преступного поведения в будущем, не содержит репрессивного элемента, т.е. не может рассматриваться как необоснованное ограничение прав и свобод, а выступает формой индивидуального профилактического воздействия на лицо, склонное к совершению преступления.

Таким образом, именно комплексное решение вопросов социального контроля в отношении лиц, совершивших преступления, позволит не только уменьшить уровень репрессивного воздействия, связанного с реализацией наказания в виде лишения свободы, но и решать задачи специальной превенции преступлений, а также сбалансировать тенденцию установления новых уголовно-правовых запретов.

Учитывая, что отправной точкой уголовно-правовых отношений выступает криминализация, т.е. определение и закрепление уголовно-правовых запретов (как негативного индикатора необходимости коррекции поведения), данный элемент социального контроля должен базироваться на критериях приемлемости и необходимости именно уголовно-правового реагирования и дальнейшего контроля за поведением лица, демонстрирующего девиантное поведение. Необходимо констатировать, что на сегодняшний день минимальным критерием криминализации (а соответственно, и минимальным показателем общественной опасности) выступает потребность государства осуществить контроль за деструктивным поведением лица (члена общества). Отсутствие такой потребности позволяет использовать административно-правовые либо гражданско-правовые методы разрешения конфликтов и влияния на членов общества.

Пенализация должна выступать в роли способа определения степени интенсивности социального контроля, а также инструмента продления правоотношений между государством и лицом, совершившим преступление, в рамках которых сохраняется возможность сбора информации о поведении лица и оказания превентивного воздействия на его.

§ 2. Дифференциация мер уголовно-правового воздействия как элемент социального контроля[1]

В доктрине уголовного права дифференциация и индивидуализация ответственности исследуются с различных позиций и в большинстве случаев рассматриваются как специальные принципы уголовного права, являющиеся инструментами реализации общеправовых принципов: законности, справедливости, гуманизма[2]. Так, П.В. Коробов, рассматривая дифференциацию уголовной ответственности в контексте уголовной политики государства, признает ее особым видом правотворческой деятельности наряду с криминализацией. При этом автор определяет дифференциацию как «деление государством установленной им обязанности лица, совершившего преступление, подвергнуться осуждению, наказанию, судимости, основанное на учете типовой общественной опасности преступления и общественной опасности личности виновного»[3]. При этом дифференциация создает правовую основу для дальнейшей индивидуализации уголовной ответственности.

Зачастую данные понятия используются исключительно в контексте правовых инструментов, заложенных законодателем в рамках санкции статей Особенной части УК РФ, (квалифицированные и особо квалифицированные составы и т.д.). Так, Г.И. Чечиль, анализируя вопросы назначения наказания, указывает, что санкция – это часть статьи уголовного закона, содержащая указание на вид и размер наказания[4], а справедливость его назначения увязывает исключительно с соответствием характеру и степени общественной опасности деяния, отраженного в статье Особенной части уголовного закона. При таком подходе иные правовые последствия, предусмотренные статьями Общей ча-

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Дифференциация оснований отмены условного осуждения и освобождения от наказания // Lex Russica. 2025. № 9. С. 60-70 ; *Карпов К.Н.* Дифференциация конфискации имущества как уголовно-правового средства социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 102-109 ; *Карпов К.Н.* Дифференциация уголовной ответственности при применении конфискации имущества // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : мат-лы XIV всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 2025. С. 64-69 ; *Карпов К.Н.* Нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в контексте принципов равенства и справедливости // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4. С. 160-166.

[2] *Шадрин И.А.* Криминализация (декриминализация) и дифференциация уголовной ответственности: о теоретическом соотношении понятий // Евразийский юридический журнал. 2022. № 1. С. 290-292 ; *Лапшин В.Ф., Некрасов В.Н.* Дифференциация ответственности и законодательная техника как ключевые направления научных исследований Ярославской уголовно-правовой школы (на примере диссертаций представителей Северо-Западного региона) // Пенитенциарная наука. 2024. Т. 18, № 4. С. 367-375.

[3] *Коробов П.В.* Правовая политика и дифференциация уголовной ответственности // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1. С. 181.

[4] *Чечиль Г.И.* Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения // Общество и право. 2016. № 4. С. 25-31.

сти УК РФ, не рассматриваются как полноценные санкции или средства дифференциации, влияющие на определение меры уголовно-правового воздействия и оценку свойств опасности самого лица, совершившего преступление.

В юридической литературе для посткриминального изменения содержания наказания используются такие понятия, как «индивидуализация наказания в стадии исполнения приговора»[1], или «дифференциация уголовно-правового ограничения (лишения)», или «корректировка уголовно-правовых мер», а также «дифференциация уголовно-правового воздействия в процессе его реализации»[2]. Необходимо отметить, что в большинстве случаев такие изменения (корректировки) уголовно-правового воздействия неразрывно связаны с решением вопроса о потребности дальнейшего контроля за поведением виновного и определением формы, вида, интенсивности такого контроля.

Представляется, что дифференциация уголовно-правового воздействия как общее понятие может включать в себя как законодательные критерии выбора способа уголовно-правового воздействия в рамках судебного разбирательства (вынесения приговора), так и основания (условия) последующего принятия судом решений об изменении содержания мер уголовно-правового воздействия либо завершении их реализации.

При этом к преобразованию уголовно-правового воздействия предлагается относить только те изменения меры (формы) воздействия, которые были осуществлены судом. В этой части сложно согласиться с утверждением А.И. Чучаева о нецелесообразности отнесения к числу уголовно-правовых мер воздействия тех правоограничений, которые применялись в случае принятия решения исполнительными органами власти на основании уголовно-исполнительного либо уголовно-процессуального законодательств. На наш взгляд, непосредственное содержание ряда мер уголовно-правового воздействия зависит именно от решений исполняющих органов. Например, установление режима нахождения лица в местах лишения свободы во многом зависит от усмотрения администрации данного заведения, и он может меняться в зависимости от поведения самого осужденного. Помещение в штрафной изолятор, предоставление свиданий либо краткосрочных отпусков находится в компетенции должностных лиц, а не органов судебной власти. Аналогичным образом содержание условного осуждения может определяться

---

[1] *Абдулин Э.М.* Индивидуализация наказания в процессе его исполнения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы 3-й междунар. конф. М., 2006. С. 132.

[2] *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М., 2017. С. 215.

решением уголовно-исполнительной инспекции. Например, установление режима явки (сроков, количества и т.д.) не конкретизируется в приговоре, а зависит от усмотрения должностных лиц УИИ ФСИН РФ. Таким образом, полностью исключать ситуации изменения содержания наказания либо иных мер уголовно-правового воздействия только на основании разновидности органа, который принимает данное решение, не вполне оправдано. Однако необходимо согласиться с тем, что принципиальное изменение правового положения лица, в отношении которого осуществляется уголовно-правовое воздействие, происходит только на основании судебного решения.

Дифференциация мер уголовно-правового воздействия, не относящихся к наказанию

В то же время нельзя оставлять без внимания и те средства дифференциации ответственности, которые не связаны напрямую с наказанием, но выступают в роли форм реализации уголовной ответственности и являются средствами социального контроля за поведением участников уголовно-правовых отношений. Так, Л.В. Иногамова-Хегай указывает, что дифференциация проявляется в разных уголовно-правовых последствиях и «имеет объективные основания… характеризующие в итоге степень общественной опасности виновного»[1].

Основные параметры дифференциации средств контроля за лицами, совершившими преступление, проявляются в следующих предписаниях уголовного законодательства:

– основания и условия применения меры уголовно-правового воздействия;

– основания и условия выбора вида, срока и размера (содержания) меры уголовно-правового воздействия;

– основания и условия изменения, продления либо отмены меры уголовно-правового воздействия.

Содержание дифференциации и индивидуализации зачастую воспринимается как инструменты установления и выбора санкции, соразмерной именно тяжести совершенного преступления. Например, средством дифференциации выступает учет квалифицирующих признаков в ч. 2, 3, 4 соответствующих статей Особенной части УК РФ. Индивидуализация же может включать в себя оценку правомерного поведения виновного после совершения преступления (п. «и», «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

---

[1] *Иногамова-Хегай Л.В.* Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера // Общество и право. 2016. № 2. С. 98-103.

В свою очередь для применения средств социального контроля оценки только тяжести деяния или позитивности поведения виновного недостаточно. Большинство из назначаемых мер основываются по большей части на выводе суда о степени его опасности для окружающих, вероятности повторения преступного поведения и особенностях личности виновного, требующих контроля со стороны государства.

Например, если речь идет о применении принудительных мер медицинского характера, то основанием их применения выступает не сама тяжесть совершенного преступления, а медицинские показатели состояния психического здоровья лица. В соответствии со ст. 101 УК РФ помещение на стационарное лечение применяется, если характер психического расстройства лица требует таких условий лечения, ухода, содержания и наблюдения, которые могут быть осуществлены только в медицинской организации. Вид стационарного лечения по степени интенсивности определяется именно из потребностей наблюдения за лицом. Например, лечение в стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением может быть назначено лицу, которое по своему психическому состоянию представляет особую опасность для себя или других лиц и требует постоянного и интенсивного наблюдения (ч. 4 ст. 101 УК РФ). Анализ правоприменительной практики свидетельствует об отсутствии прямой связи между категорией преступления по степени общественной опасности и видом избираемой принудительной меры медицинского характера.

Так, из 150 проанализированных решений о применении ПММХ (в отношении вменяемых лиц) в 37% случаев было назначено амбулаторное лечение (в том числе сопряженное с наказанием), 14% – лечение в стационаре общего типа, 36% – в стационаре специализированного типа, 13% – в стационаре специализированного типа с интенсивным наблюдением. Наибольший процент амбулаторного лечения связан с возможностью совмещения его с исполнением наказания в виде лишения свободы, а специализированный тип стационара – с необходимостью строгого наблюдения за лицами, представляющими опасность для окружающих, которое не может быть обеспечено в стационаре общего типа.

При этом распределение по степени тяжести совершенных преступлений происходило следующим образом:

– амбулаторное лечение (в т.ч. сопряженное с наказанием) назначалось в случае совершения преступлений небольшой тяжести – 28%, средней тяжести – 29%, тяжких – 30%, особо тяжких – 13%;

– стационар общего типа назначался в случае совершения 22% преступлений небольшой тяжести; 36% средней тяжести; 33% тяжких и 9% особо тяжких преступлений;

– стационар специализированного типа назначался в случае совершения преступлений средней тяжести – 18%; тяжких – 59%, особо тяжких преступлений – 23%;

– стационар специализированного типа с интенсивным наблюдением назначался в случае совершения 67% особо тяжких преступлений, 31% тяжких, а также в 2% совершения преступлений средней тяжести.

Ранее проводимое исследование о применении ПММХ в отношении невменяемых, совершивших общественно опасного деяния небольшой тяжести, показало схожие результаты[1].

Подобная практика применения принудительных мер медицинского характера свидетельствует о том, что фактически они применяются для лечения лиц, страдающих психическим заболеванием, т.е. для устранения условий, обусловливающих преступное (общественно опасное) поведение, либо создания таких условий, которые препятствуют совершению преступления. Соответственно, и применение рассматриваемых мер направлено исключительно на устранение данных обстоятельств (условий), а также обусловлено необходимостью контроля за поведением указанных лиц.

Соответственно, общие критерии справедливости в данном случае являются неприменимыми и неэффективными, а первостепенное значение приобретают начала целесообразности, проявляющиеся в гуманизме (ч. 1 ст. 7 УК РФ), т.е. предназначении уголовного законодательства для обеспечения безопасности.

Среди критериев опасности в правоприменительной практике нередко используются сугубо медицинские показатели, малоинформативные для лиц, не являющихся специалистами в указанной сфере: «эмоциональная неустойчивость (или бесконтрольность)»[2], «интеллектуальная несостоятельность», совершение преступления по «негативно-личностным механизмам» и т.д.[3]

При этом, по данным Министерства здравоохранения РФ, в 2023 г. в России на 100 тыс. населения приходилось 315 лиц с психическими расстройствами, т.е. порядка 4 млн человек. Соответственно, особенности реализации уголовной ответственности в от-

---

[1] *Карпов К.Н.* Иные меры уголовно-правового характера: система, виды : монография. М., 2012. 205 с.

[2] *Постановление* Быковского районного суда Волгоградской области от 14 июля 2020 г. по делу № 1-23/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ba4vM1xtygdP/ (дата обращения: 19.04.2024).

[3] *Полубинская С.В.* Опасность лица с психическим расстройством при назначении принудительных мер медицинского характера // Уголовное право. 2024. № 8. С. 24-33.

ношении лиц, совершивших преступления и страдающих психическими расстройствами, как исключающими, так и не исключающими вменяемость, требуют учета именно степени опасности данных лиц для окружающих.

Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии строгой зависимости только между характером совершенного преступления и назначаемой принудительной мерой уголовно-правового характера. По мере увеличения общественной опасности совершенного деяния усиливается и интенсивность применяемых медицинских мер. В то же время и амбулаторное лечение имеет достаточно широкое применение даже при совершении тяжких и особо тяжких преступлений. В основной массе речь идет о применении данных мер в совокупности с наказанием в виде лишения свободы. В случае же признания лица невменяемым необходимость стационарного лечения и соответствующего наблюдения, как правило, констатируется исходя из медицинских показаний и поведения лица в целом.

Таким образом, вопросы дифференциации ответственности в рамках применения ПММХ не могут быть буквально восприняты исходя из классических положений принципа справедливости. Соразмерность ПММХ базируется не на воздаянии равным, а именно на целесообразных началах и потребности в специфическом медицинском воздействии, а также необходимости контроля (надзора) за лицом, совершившим преступление (общественно опасное деяние).

В то же время статистика применения условного осуждения имеет более строгую корреляцию с категорией совершенного преступления, в рамках которой количество случаев условного осуждения снижается только для особо тяжких преступлений (см. приложения №№ 7, 10), в то время как максимальное количество условного осуждения применяется в случае совершения тяжких преступлений. Таким образом, подтверждается объективная потребность в более интенсивном контроле за поведением лиц, совершивших преступление.

Дифференциация средств социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление, напрямую связана с выбором способа уголовно-правового реагирования и потребностью в продолжении уголовно-правовых отношений (в виде наказания либо иных мер уголовно-правового характера) между государством и указанным лицом.

Так, к критериям, позволяющим оценить посткриминальную дифференциацию уголовно-правового воздействия, А.И. Чучаев и А.П. Фирсова относят[1]:

---

[1] *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Содержание уголовно-правового воздействия // Lex Russica. 2009. Т. 68, № 5. С. 1125-1140.

– направление качественного и количественного аспектов преобразований, отражающихся в объекте воздействия;

– условия осуществления последующей дифференциации;

– проявления судейского усмотрения в их постановлении;

– восстановимость первоначального содержания уголовно-правового воздействия.

В данном случае восстановимость, на наш взгляд, является частным случаем контролируемости поведения лица, совершившего преступления, то есть необходимым элементом реакции на отклоняющееся постпреступное поведение лица, нарушающего установленные для него ограничения, вытекающие из его уголовно-правового статуса.

Так, назначение наказаний, связанных с длительными сроками лишения свободы (в т.ч. пожизненное лишение свободы), обуславливается именно повышенной опасностью рецидива преступных деяний.

Учитывая наличие достаточно большого количества исследований, посвященных дифференциации и индивидуализации наказаний в уголовном праве (особенно связанных с лишением свободы)[1], в рамках данной части работы мы постараемся уделить внимание вопросам дифференциации иных мер уголовно-правового принуждения, в применении которых в большей степени реализуется именно механизм социального контроля, нежели общепредупредительное восстановление социальной справедливости.

Помимо непосредственно назначения и исполнения наказания, дифференциация средств социального контроля за поведением осужденных может реализовываться в рамках следующих уголовно-правовых институтов:

– *освобождение от уголовной ответственности;*

– *освобождение от наказания (в том числе условное осуждение, отсрочки наказания, УДО и т.д.);*

– *принудительные меры медицинского характера;*

– *принудительные меры воспитательного воздействия;*

– *конфискация имущества.*

---

[1] *Бавсун М.В., Николаев К.Д., Мишкин В.Б.* Смягчение наказания в уголовном праве. М., 2015. 192 с. ; *Середа С.П.* Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы при изменении вида исправительного учреждения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1. С. 78-84 ; *Овчинников С.Н.* Дифференциация условий отбывания лишения свободы в уголовно-исполнительном законодательстве России и ФРГ // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2017. № 3. С. 32-34 ; *Смирнов А.Н.* Дифференциация и индивидуализация наказания: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты // Вестник Кузбасского института. 2021. № 3. С. 58-64.

Необходимо оговориться, что контроль, несомненно, выступает неотъемлемым элементом исполнения всех видов наказания. Так, реализация наказаний, связанных с лишением свободы, предполагает нахождение лица в условиях изоляции, где контроль за его поведением является неотъемлемой частью режима отбытия наказания. Условия изоляции позволяют как осуществлять непосредственный сбор информации о поведении лица, так и позитивно влиять на достижение целей наказания (освобождение от наказания) либо принимать негативные решения (об изменении режима содержания, отказе в условно-досрочном освобождении), а также устанавливать административный надзор после отбытия срока наказания. Также «режимный» характер контроля приписывают и испытанию в рамках условного осуждения.

В качестве критериев дифференциации мер уголовно-правового воздействия, содержащих инструменты социального контроля в действующем уголовном законодательстве, можно выделить следующие:

– справедливость (соразмерность);

– соответствие объема принуждения общественной опасности деяния;

– соответствие объема принуждения свойствам опасности лица, совершившего преступление;

– вероятность повторения преступного деяния (или продолжения преступной деятельности);

– наличие возможности осуществления контроля за поведением лица вне условий изоляции.

В уголовно-правовых исследованиях данные критерии носят различные названия, однако в целом описывают именно данные явления. Например, В.М. Степашин в рамках своего исследования, посвященного закономерностям реализации принципа экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении, рассматривает их частным проявлением справедливости. Так, автор определяет следующие параметры относительной строгости репрессии: 1) качество – минимальная совокупность ограничений; 2) интенсивность – степень ограниченности или лишения прав либо/и их вариативность; 3) количество – продолжительность и/или размер репрессивного воздействия; 4) универсальность – применение с учетом установленных в законе ограничений; 5) условность – возможность изменения указанных выше параметров или замены меры ответ-

ственности на другую[1]. При этом автор констатирует, что экономия мер репрессии основывается на критериях минимальной необходимости и достаточности для достижения целей уголовной ответственности (исправления виновного и предупреждения новых преступлений)[2] и реализуется в двух способах: дифференциации и индивидуализации ответственности[3].

Использование критерия строгости в большей мере применимо для института наказания, однако если речь идет о применении иных мер уголовно-правового характера, то данный параметр не является первостепенным. Учитывая целесообразный характер применения мер уголовно-правового характера (не являющихся наказанием), приведенные факторы могут быть также рассмотрены как направления дифференциации средств социального контроля за поведением субъектов уголовно-правовых отношений. При этом показателем их эффективности должна выступать не просто строгость или мягкость (сниженность) репрессии, а возможность достижения целей уголовно-правового регулирования.

Дифференциация средств контроля при реализации наказания в виде лишения свободы (в т.ч. пожизненного либо содержания в дисциплинарной воинской части и ареста) напрямую связывается с видом назначенного судом исправительного учреждения (ст. 56, 58 УК РФ), а также режимом его функционирования (ст. 82 УИК РФ) и условиями пребывания в нем осужденного. Именно режим предполагает возможность осуществления постоянного наблюдения за поведением осужденного в условиях изоляции от общества. При этом превентивный компонент выражается не только в самой изоляции, но именно в условиях нахождения лица в местах лишения свободы, предполагающих возможность сбора информации о поведении лица, принуждения его к выполнению особых правил поведения либо отказу от привычных для него поступков. Нарушение же указанных правил влечет самостоятельные правовые последствия, хотя напрямую и не являющиеся разновидностью уголовной ответственности, однако способные существенно ухудшать условия отбытия наказания (ст. 115 УИК РФ), его правовое положение вплоть до применения физического принуждения (ст. 86 УИК РФ).

---

[1] *Степашин В.М.* Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении. М., 2024. 238 с.

[2] *Пудовочкин Ю.Е., Пирвагидов С.С.* Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств. СПб., 2003. С. 151.

[3] *Степашин В.М.* Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении. М., 2024. С. 44.

Дифференциация, осуществляемая в рамках замены наказания на более мягкое (ст. 80 УК РФ), предполагает утрату осужденным свойства опасности для окружающих и дальнейший контроль за его поведением, соответствующий исполняемому наказанию.

Э.М. Абдулин выделяет следующие группы средств изменения карательного воздействия: 1. Изменение условий исполнения наказания в границах одного и того же наказания (осуществляемое администрацией); 2. Перевод осужденных из одного вида исправительного учреждения в другой, осуществляемый в границах одного наказания (судом); 3. Замена одного наказания другим[1].

Представляется, что данные группы отражают проявления дифференциации, в большей степени свойственные именно карательному воздействию наказанием, и не распространяются на иные меры уголовно-правового характера.

Контроль за поведением осужденного в рамках исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, предполагает сбор информации о его поведении в рамках тех обязательств, которые непосредственно вытекают из содержания наказания (ст. 53^1 УК РФ), а также индивидуально установленных осужденному ограничений (ст. 53 УК РФ).

При этом контроль не предполагает тотального сбора информации о любом поведении лица, его частной жизни, социальных контактах и т.д. Исходя из характера назначенного наказания, он может касаться лишь отдельных компонентов жизнедеятельности осужденного. Так, исполнение наказания в виде лишения свободы не предполагает необходимости сбора информации о имеющемся у лица имуществе и источниках его происхождения. В то же время принудительное исполнение наказания в виде штрафа требует установления данных сведений.

В более широком и обобщенном виде дифференциация проявляется:

– в применении мер уголовно-правового воздействия;

– в определении размеров (сроков) мер уголовно-правового воздействия;

– в изменении, продлении, отмене, прекращении мер уголовно-правового воздействия.

Соответственно, параметры дифференциации закладываются и законодательно закрепляются:

– в установлении оснований применения мер уголовно-правового воздействия;

– в законодательных правилах определения их размеров (сроков);

---

[1] *Абдулин Э.М.* Индивидуализация наказания в процессе его исполнения // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы 3-й междунар. конф. М., 2006. С. 132.

– в основаниях и условиях их изменения (продления, отмены).

При этом основанием дифференциации выступает не сам факт совершения преступления, а иные юридические факты (постпреступное поведение лица либо наступление какого-либо события).

Анализ уголовного законодательства позволяет выделить несколько типичных способов дифференциации:

1) указание на характеристику совершенного деяния:

а) характер и степень общественной опасности;

б) категория преступления (ст. 15 УК РФ);

2) указание на постпреступное поведение лица, свидетельствующее о снижении либо увеличении его опасности (возмещение вреда, деятельное раскаяние и др.);

3) наличие особых свойств лица, совершившего преступление (невменяемость, наличие психических заболеваний, несовершеннолетний возраст и т.д.);

4) особые обстоятельства либо события в общественной жизни (заболевание, изменение обстановки и др.).

Законодательные конструкции института освобождения от уголовной ответственности предполагают либо применение их по своему усмотрению судом либо обязательное безальтернативное освобождение при совершении виновным определенных действий (постпреступного поведения). Обязательным критерием, свидетельствующим о снижении опасности лица для окружающих либо подтверждающим минимизацию опасности повторения преступного поведения, выступает либо деятельное раскаяние, либо иное юридически значимое поведение. На данном этапе контроль проявляется в возможности сбора информации, подтверждающей данный факт, её анализе и принятии соответствующего решения об освобождении от уголовной ответственности.

Способы дифференциации непосредственно проявляются в закреплении оснований и условий применения, изменения либо прекращения мер уголовно-правового воздействия. К типичным способам, используемым в законодательстве, на сегодняшний день можно отнести следующие.

Одним из способов дифференциации выступает закрепление в качестве условия применения/неприменения меры воздействия совершения определенного преступления, указанного в соответствующем перечне преступлений, совершение которых выделяется в качестве условия применения / неприменения той либо иной меры уголовно-правового

характера. Речь в данном случае идет не о мерах воздействия, установленных в санкции статьи Особенной части УК РФ, а о правовых последствиях, предусмотренных статьями Общей части УК РФ, однако применяемых именно для данных преступлений.

Классическим законодательным приемом можно считать указание на категорию преступления как критерий допустимости освобождения от ответственности или наказания, назначения иной меры уголовно-правового характера. Такой способ преобладал как в период действия УК РСФСР, так и в первое десятилетие существования УК РФ. В то же время попытки установить дополнительные нормативные ограничения судебного усмотрения либо усилить ответственность за отдельные преступления привели к дополнению данного способа еще и указанием на «особые составы», требующие индивидуального отношения.

Так, совершение тяжкого преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, порождает особые правовые последствия для лица в виде усиления ответственности и невозможности применения мер стимулирования в виде условно-досрочного освобождения. Либо же совершение некоторых преступлений против государственной власти, исходя из предписаний ст. 73, 79, 83 УК РФ, позволяет говорить об их исключительной общественной опасности, превышающей размеры других тяжких или особо тяжких преступлений. Законодатель выборочно использует данные составы для уточнения возможности применения в отношении лиц, их совершивших, смягчающих (отягчающих) средств уголовно-правового воздействия.

Применяемыми по усмотрению суда (либо уполномоченного органа) выступают деятельное раскаяние (ч. 1 ст. 75 УК РФ), примирение с потерпевшим (ст. 76 УК РФ).

К обязательным могут относиться большинство специальных видов деятельного раскаяния, предусмотренных примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, а также освобождение на основании ст. 76^1 и 78^1 УК РФ. Данные нормы не предусматривают возможности усмотрения суда (либо иного уполномоченного органа) в решении вопроса привлечения либо непривлечения лица, совершившего преступление, к уголовной ответственности. Речь идет о наличии таких критериев применения данных оснований освобождения от ответственности, которые не предполагают комплексной оценки судом степени снижения общественной опасности лица, совершившего преступление. Объективными условиями применения данных норм выступает само постпреступное поведение лица, совершившего преступление. Таким образом, вырабатывается механизм стимули-

рования определенного алгоритма поведения участников уголовно-правовых отношений, при котором усмотрение суда практически теряет юридическое значение.

Обязательность применения норм ст. 76^1 УК РФ по сути выступает в роли законодательно предусмотренного показателя малозначительности деяния, основанием которого выступают не только свойства совершенного преступления, но и типичное поведение лица, совершившего преступление, которое рассматривается как уменьшающее общественную опасность.

Так, выполнение лицом действий, описанных в ст. 76^1 УК РФ, позволяет говорить о снижении его общественной опасности исключительно применительно к тем составам преступлений, которые включены в содержание ст. 76^1 УК РФ (ст. 198–199^1, 199^3, 199^4). В отношении иных составов преступления ВС РФ стоит на диаметрально противоположной позиции и указывает на недопустимость оценивания возмещения ущерба как показателя, снижающего общественную опасность[1]. В одном из своих определений (по ч. 3 ст. 264 УК РФ) ВС РФ указал, что «для потерпевшей К. потеря ребенка является невосполнимой потерей, а само по себе частичное возмещение ущерба не может устранить наступившие последствия, заключающиеся в гибели ребенка, а также снизить степень общественной опасности содеянного»[2].

Так, если в иных нормах (ст. 75, 76, 76^2 УК РФ) используется формулировка «загладило причиненный преступлением вред», то в ст. 76^1 УК РФ речь идет о «возмещении ущерба». Если заглаживание ущерба может носить оценочный характер и различные формы воплощения, то ущерб является показателем конкретизированным, имеет четкое материальное (имущественное) содержание.

Таким образом, структура данной нормы (76^1 УК РФ) вообще не предполагает участия и усмотрения правоприменителя. Она функционирует «автоматически» в случае совершения определенных действий лицом, совершившим преступление. Правоприменитель обязан освободить лицо от уголовной ответственности. В связи с этим высказываются предположения об отсутствии у данных составов общественной опасности и возмож-

---

[1] *Верховный* Суд: Компенсация вреда не снижает опасность преступления // Российская газета. 2024. 20 июня. URL: https://rg.ru/2024/06/20/otkupitsia-ne-poluchitsia.html (дата обращения: 17.09.2024).

[2] *Кассационное* определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2024 г. № 45-УД24-17-К7. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21052024-n-45-ud24-17-k7/ (дата обращения: 24.05.2024).

ности их декриминализации[1] (в первую очередь речь идет о налоговых преступлениях – ст. 198–199[1], 199[3], 199[4] УК РФ).

Анализ перечня преступлений, содержащихся в ч. 2 ст. 76[1] УК РФ, свидетельствует о не вполне последовательном выборе законодателем дифференцирующего критерия. Так, если в качестве показателя рассматривалась общественная опасность преступлений (большинство из них небольшой тяжести), то помимо ч. 1 ст. 160, 159[1]–159[6] УК РФ в перечень должен был войти и основной состав мошенничества, а также кража. Включение в рассматриваемый перечень п. «б» ч. 2 ст. 165 УК РФ также выбивается из общей концепции.

Во-первых, данный состав предусматривает лишение свободы на срок до 5 лет, что относит его уже к категории преступлений средней тяжести, а во-вторых, выделение одного пункта в привилегированный состав по сравнению с другим предполагает принципиальное различие в степени общественной опасности, что должно было бы найти отражение уже в санкции. Однако традиционно такой градации не предполагается, и констатация повышенной опасности какого-то конкретного деяния приводит к выделению его в самостоятельную часть статьи Особенной части УК РФ.

Учитывая, что законодатель выделил данные составы в особую группу, вопрос о степени их общественной опасности напрямую связывается именно с постпреступным поведением лица, которое может принципиально её снизить. Такой прием следует не только относить к способу дифференциации ответственности, а рассматривать как критерий необходимости дальнейшего контроля за поведением лица, совершившего преступление, и как средство понуждения данных лиц к определенному типу поведения.

Представляется допустимым распространение данной практики на большинство ненасильственных преступлений, основным криминализующим фактором которых выступает причинение имущественного ущерба, в случае если в отношении виновных нет оснований полагать продолжения (повторения) преступной деятельности, т.е. преступление ими было совершено впервые. К таковым могут быть отнесены ненасильственные хищения, а также преступления в сфере экономической деятельности при отсутствии квалифицирующих признаков.

Реализация данного средства может быть допустимой при исключении возможной повторности данных деяний. Применение нереабилитирующих оснований освобождения

---

[1] *Вдовцев П.В.* Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? // Мировой судья. 2024. № 6. С. 27-33.

от ответственности может послужить таким средством только в случае признания факта освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям как порождающего особый правовой статус лица, при котором дальнейшее совершение преступления (либо административного правонарушения (ст. 158[1] УК РФ)) будет исключать возможность освобождения от ответственности либо придавать статус специального субъекта преступления.

Критерием дифференциации, позволяющим судить о необходимости контроля за поведением лица либо отсутствии опасности для окружающих, выступает правовой статус лица, впервые совершившего преступление.

Содержание понятия «совершение преступления впервые» должно включать в себя только случаи фактического совершения лицом преступления. Существующий в разъяснениях ВС РФ подход, допускающий оценку совершенного как «впервые» даже в случаях, когда лицо ранее совершало преступления, однако было освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, должен претерпеть изменения. Как ранее отмечалось, в большинстве исследований по данной тематике указывается на неприемлемость существующего толкования термина «впервые»[1] как излишне расширительного.

Д.А. Пархоменко справедливо подчеркивает, что «имеющиеся разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ понятия лица, впервые совершившего преступление, не могут единообразно применяться в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 53[1], ч. 1 ст. 56, п. «а» ч. 1 ст. 61, ст. 80[1], ч. 6 ст. 88 УК РФ, хотя бы потому, что они, во-первых, даются в рамках применения законодательства только об освобождении от уголовной ответственности, а во-вторых, носят казуальный характер и лишены единообразия»[2].

Так, факт совершения лицом преступления, подтвержденный вступившим в силу обвинительным приговором суда либо принятием решения об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, должен порождать возникно-

---

[1] *Нечепуренко А.А., Бабурин В.В*. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 67-79 ; *Шнитенков А.В.* Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 21-22 ; *Владимирова О.А.* Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4. С. 28-32 ; *Пархоменко Д.А.* Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств // Lex Russica. 2020. Т. 73, № 6. С. 160-169.

[2] *Пархоменко Д.А.* Уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2024. С. 18.

вение у лица специального уголовно-правового статуса – лицо, совершившее преступление. Данный статус должен препятствовать признанию лица впервые совершившим преступление и учитываться как признак специального субъекта преступлений с уголовной преюдицией, что позволит сократить количество необоснованных случаев освобождения лиц от уголовной ответственности. Использование при описании условий освобождения от уголовной ответственности термина «впервые» в отношении количества совершенных преступлений неоднократно выступало предметом научных исследований[1]. Большинство авторов поддерживают сам подход отграничения случаев совершения лицом преступления в первый раз (возможно, случайно) от ситуаций продолжения преступной деятельности, рецидива преступлений, свидетельствующего о повышенной опасности лица.

В то же время существующий в правоприменительной практике расширительный подход к толкованию данного признака большинством исследователей оценивается как неприемлемый и требующий корректировки[2]. Единства мнений относительно содержания данного понятия до настоящего времени нет. Ряд авторов предлагают исходить из фактического понимания данного термина, другие добавляют к фактическому и случаи погашения судимости либо истечения сроков давности[3], а некоторые поддерживают данное ВС РФ толкование. Так, исходя из разъяснений ВС РФ (п. 2 ППВС № 19), совершившим преступление впервые следует признавать лицо, не только ранее не совершавшее преступление, но и совершавшее преступление, если юридические последствия данного деяния погашены, истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности либо лицо было освобождено от уголовной ответственности.

Исходя из потребности обеспечения безопасности общества от преступных посягательств, представляется необходимым использование именно фактического понимания термина «лицо, впервые совершившее преступление». В противном случае государство существенно ограничивает либо вообще лишает себя возможности осуществлять специально-превентивные полномочия в отношении лиц, ранее совершивших преступные деяния

---

[1] *Ларина Л.Ю.* Понятие лица, впервые совершившего преступление // Юридическая наука. 2014. № 1. С. 87-90 ; *Шнитенков А.В.* Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Российская юстиция. 2009. № 4. С. 21-22.

[2] *Нечепуренко А.А., Бабурин В.В.* «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 67-79.

[3] *Владимирова О.А.* Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4. С. 28-32.

и представляющих в связи с этим повышенную опасность. Такой подход противоречит установленному в ч. 1 ст. 7 УК РФ принципу гуманизма, предписывающему, что «уголовное законодательство Российской Федерации обеспечивает безопасность человека».

Использование же расширенного варианта термина «впервые» вводит необоснованный критерий дифференциации применения мер уголовно-правового воздействия, при котором лица, освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, получают привилегированное положение по сравнению с иными лицами, совершившими преступление, например, в случае одновременного совершения преступления разными лицами. Так, если одно лицо было задержано и впоследствии освобождено от ответственности на основании ст. 76^1 УК РФ, а о преступлении второго лица (либо его причастности) правоохранительным органам ничего не было известно до момента совершения второго преступления, соответственно, в случае повторного совершения данными лицами преступления деяние первого лица будет считаться совершенным впервые со всеми правовыми возможностями. В то же время деяние второго лица нельзя будет признать совершенным впервые. Фактически же оба совершили преступные деяния. При этом такая разница в правовом положении стала возможной в результате определенных организационных или случайных факторов.

Более того, в рамках нормы ст. 76^1 УК РФ заложен особый статус термина «лицо, впервые совершившее преступление». Возможность применения данной статьи базируется на «привилегированном» понимании данного термина. Так, если для других нереабилитирующих оснований совершения преступления препятствием для оценки деяния как совершенного впервые выступает повторное совершение какого-либо преступления, то в данной норме законодатель использовал формулировку «впервые совершившее преступление, предусмотренное статьями…». Соответственно, Пленум ВС РФ в п. 2 постановления «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»[1] указал, что лицо должно впервые совершить именно данные преступления (содержащиеся в перечне). Совершение же ранее иного преступления не препятствует освобождению от уголовной ответственности.

Такая исключительная привилегированность, с одной стороны, еще раз подтверждает особое отношение к рассматриваемой группе преступлений, а с другой – свиде-

[1] *О применении* судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

тельствует о непропорциональности использования признака «впервые». Лицо, имеющее судимость и даже отбывающее наказание за совершение особо тяжкого преступления, совершив новое преступление, должно быть освобождено от уголовной ответственности в случае уплаты соответствующей суммы причиненного ущерба.

Если речь идет о разнородных преступлениях, возможно, такой подход и допустим. Например, лицо, имеющее судимость за нарушение правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ), совершает уклонение от уплаты налогов (ст. 198 УК РФ), однако в случае совершения лицом квалифицированного хищения, не включенного в перечень ст. 76^1 УК РФ (на большую сумму либо с дополнительными квалифицирующими признаками и последующим совершением присвоения либо растраты (ч. 1 ст. 160 УК РФ), мошенничества в сфере предпринимательской деятельности (ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) (в том числе в крупном или особо крупном размерах (свыше 4 и 18 млн руб.))), данная судимость не может быть учтена, и лицо будет освобождено от уголовной ответственности. Кроме того, применение ст. 76^1 УК РФ также погасит все правовые последствия и позволит рассматривать новое преступление как совершенное впервые.

Так, В.В. Власенко, анализируя особенности применения различных нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности применительно к одному из составов преступлений (ст. 157 УК РФ), приходит к выводу о выгодности одних оснований (примечания к ст. 157 УК) в сравнении с другими (ст. 75, 76^1 УК РФ) и, соответственно, неравенстве последствий такого освобождения[1].

Представляется, что такой подход вступает в противоречие с правилом о необходимости учета предыдущего преступного опыта лица и оценки его потенциальной общественной опасности. Фактически лицо продолжает свою преступную деятельность. Ранее в период действия УК РСФСР подобная профессиональная преступность относилась к категории специального рецидива и рассматривалась как отягчающее обстоятельство (ст. 24^1 УК РФСР).

Согласно статистическим данным Судебного департамента при ВС РФ применение данной нормы носит штучный характер. Так, за 2021 г. на основании ст. 76^1 УК РФ было освобождено от уголовной ответственности 76 лиц, в 2022 г. данная норма применялась

[1] *Власенко В.В.* Теоретические и практические аспекты освобождения от уголовной ответственности лиц, не уплативших средства на содержание детей или нетрудоспособных родителей // Российский судья. 2025. № 4. С. 35-39.

93 раза, а за 2023 г. – всего 69 раз, в 2024 г – 66 раз[1], из них 49 случаев касались совершения преступления небольшой тяжести[2].

При этом расширение перечня составов преступлений, по которым может применяться данное нереабилитирующее основание, в совокупности с корректировкой правовых последствий его применения может привести к расширению практики нерепрессивного воздействия в отношении лиц, совершивших преступление впервые.

Первым условием может выступать снижение размера «компенсации», подлежащей перечислению в бюджет Российской Федерации. Так, если до 2016 г. был установлен пятикратный размер компенсации, то позже он был понижен до двукратного, что привело к увеличению случаев возмещения ущерба. Представляется, что дальнейшее снижение данного показателя до однократного, то есть равного размеру хищения, позволит существенно увеличить применяемость данной нормы.

Если лицо, совершившее единичное корыстное преступление, преследовало цель обогатиться и не имело иных источников дохода, то наличие у него возможности выплатить не только сумму ущерба (полученного «дохода»), но и сумму, вдвое превышающую размер хищения, представляется маловероятным. Соответственно, снижение данного показателя позволит повысить заинтересованность в добровольном возмещении ущерба.

При этом необходимо изменение подхода к правовым последствиям подобного нереабилитирующего освобождения от уголовной ответственности таким образом, чтобы повторение преступного поведения повлекло неблагоприятные последствия для лица.

Несколько иную роль играет перечень преступлений, закрепленный в ч. 1 ст. 78^1 УК РФ. Указанные в данной норме составы преступлений использованы для исключения возможности заключения контракта с Министерством обороны РФ и дальнейшего освобождения от уголовной ответственности, наказания (ст. 80^2 УК РФ) и (или) судимости (а также и административного надзора). Данный перечень носит пресекательный характер, лишая лиц, представляющих опасность для окружающих, права (возможности) получить определенное поощрение. Преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также преступления террористической направленности, очевидно, подлежат включению. Однако относительно включения в данный перечень отдельных со-

[1] *Основные* статистические показатели состояния судимости в России за 2020-2024 годы. URL: https://cdep.ru/userimages/Sbornik_Sudimost_2020-2024.xls (дата обращения: 13.09.2025).

[2] *Отчет* об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2024 г. URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 13.09.2025).

ставов возникает ряд вопросов. Так, не вполне понятно, чем руководствовался законодатель, включая в диспозицию ч. 1 ст. 78 УК РФ следующие составы: ст. 200[1] «Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов», ст. 215[4] «Незаконное проникновение на охраняемый объект», ст. 274[1] «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации», ст. 284 «Утрата документов, содержащих государственную тайну», ст. 322[1] «Организация незаконной миграции». Представляется, что совершение указанных преступлений принципиально не указывает на повышенную общественную опасность лиц, их совершивших. Например, контрабанда наличных денежных средств не является специфическим преступлением, как-то влияющим на возможность прохождения службы в Вооруженных силах. В то же время преступления, связанные с незаконным оборотом оружия (ст. 222–225 УК РФ), незаконным оборотом наркотических средств (ст. 228–231 УК РФ) (за исключением составов контрабанды – ст. 226[1], 229[1] УК РФ), в перечне не значатся. Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации, как показывает судебная практика, является преступлением, совершаемым лицами, не связанными напрямую с государственной службой, например, специалистами – менеджерами в компаниях, предоставляющих услуги сотовой связи, и т.п.[1]

Таким образом, установление соответствующих ограничений должно базироваться на специфической общественной опасности лиц, совершающих преступления против интересов Российской Федерации и потенциально опасных для участия в общественных отношениях в качестве военнослужащего.

Примечательно, что для применения ст. 78[1] УК РФ правовая оценка приемлемости и необходимости привлечения лица к уголовной ответственности с решением вопроса о возможной необходимости его изоляции практически теряет какой-либо смысл.

Так, согласно предписаниям ст. 78[1] УК РФ и 208 УПК РФ на первоначальном этапе именно командование воинской части ходатайствует о приостановлении проведения предварительного расследования. Учитывая, что п. 3[1] ст. 208 УПК РФ определяет необходимость приостановления уголовного дела в случае «призыва подозреваемого или обвиняемого на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключение ими в период мобилизации, в пери-

[1] *Приговор* Армавирского городского суда Краснодарского края от 16 января 2024 г. по делу № 1-583/2023 1-67/2024. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RpJDaLDmi5ZQ/ (дата обращения: 28.04.2025).

од военного положения или в военное время контракта…», какой-либо возможности повлиять на решение данного вопроса правоохранительные органы не имеют. В дальнейшем же, после приостановления, лицо в «автоматическом» порядке освобождается от уголовной ответственности за ранее совершенное преступление (при наступлении соответствующих условий (событий), предусмотренных п. «а» ч. 1 ст. 78^1 УК РФ).

Бесспорно, выполнение долга по защите Отечества значимо и важно, но фактически используется механизм программирования (моделирования) поведения лиц, совершивших преступление. Существование и функционирование указанных норм закладывает основу для подобной схемы поведения: совершение преступления – искупление (очистка) через службу в период мобилизации, военного положения либо военного времени.

При этом механизм социального контроля при помощи дифференциации основан именно на законодательном определении категорий преступления, совершение которых допускает (не допускает) применение данного основания освобождения от уголовной ответственности.

Так, в других основаниях освобождения от наказания присутствуют следующие условия дифференциации: указание на первичность совершения преступления, указание на категории преступления, при которых возможно освобождение; наличие конкретного перечня составов преступления либо индивидуальная прикреплённость к какому-либо составу (примечание к статьям Особенной части УК РФ). Например, в различных нормах, выступающих в роли поощрений (п. «а», «$а^1$» ч. 1 ст. 73, п. «г», «д» ч. 3 ст. 79, ч. 4 ст. 83 УК РФ), содержится указание на невозможность поощрения (либо увеличение сроков отбывания наказания) в случае совершения лицом отдельных преступлений, перечень которых имеет совпадения, однако отличается по не вполне понятным причинам (Таблица 4).

Таблица 4 – Преступления, выступающие ограничением для применения уголовно-правовых мер поощрения

Ст. 73	за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших **четырнадцатилетнего** возраста; осужденным за преступления, предусмотренные ч. 1, 2 ст. 205^1, ст. 205^2, ч. 2 ст. 205^4, ч. 1–3 ст. 206, ч. 4 ст. 210, ст. 210^1, 360 УК РФ
Ст. 79	за преступления против половой неприкосновенности **несовершеннолетних**, а равно за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также за преступления, предусмотренные ст. 205, 205^1, 205^2, 205^3, 205^4, 205^5, 210 и 361 УК РФ
Ст. 83	за совершение преступлений, предусмотренных ст. 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, ч. 3, 4 ст. 206, **ч. 4 ст. 211, ст. 353, 356, 357, 358** и 361 УК РФ, а равно преступлений, сопряженных с террористической деятельностью, предусмотренных ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ

Несомненно, различие в указанных перечнях можно объяснить и разницей в способе поощрения, однако повторяемость отдельных составов и частичная включенность других свидетельствуют, скорее, о непоследовательности законодательного подхода и ситуативности выбора статей.

Например, если в ст. 73 УК РФ упоминаются преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, то в ст. 79 УК РФ речь идет обо всех «преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних». В ст. 79 и 83 УК РФ не совпадает содержание перечня террористических преступлений и преступлений против государственной власти. Если в перечне ч. 5 ст. 79 УК РФ содержатся ст. 205^2 и 210, которых нет в ст. 83 УК РФ, то в ст. 83, наоборот, отсутствуют указанные составы, но имеются ст. 206 (ч. 4, 6), 211, 277, 278, 279, 353, 356, 357, 360 УК РФ. Только в ст. 79 имеется указание на осуждение за совершение особо тяжких преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. В других же нормах данные преступления не упоминаются как препятствующие применению меры стимулирования (поощрения). Определенная «стабильность» усматривается в перечне преступлений террористического характера. Представляется, что такого рода выборочность составов не способствует выработке единой политики в части выделения преступлений, обладающих особыми свойствами общественной опасности либо свидетельствующих о специфической опасности лиц, их совершивших, которые не позволяют применять в отношении данных лиц средства стимулирования правомерного поведения (либо поощрения).

Дифференциация применения мер уголовно-правового принуждения, не относящихся к числу наказаний, во многом обусловлена потребностью контроля за поведением лиц, совершивших преступление. Данное правило распространимо и на отдельные виды наказаний – например, ограничение свободы.

Таким образом, назначение и исполнение данного вида наказания происходит не только в целях восстановления социальной справедливости, но и для контроля за поведением лица, совершившего преступление, в течение определенного промежутка времени.

Соответственно критериями дифференциации указанных мер уголовно-правового принуждения должны выступать не только характеристики общественной опасности совершенного деяния, но и поведение лица после совершения преступления, сохранение

(либо отсутствие) опасности продолжения преступного поведения (сохранение конфликта, наличие прежних условий совершения преступления и т.д.).

Диференцирующим критерием применения мер уголовно-правового воздействия, предусматривающим возможность контроля за поведением лица, совершившего преступление, должен выступать признак первичности либо повторности совершения преступления.

Дифференциация средств освобождения от наказания

Одной из разновидностей дифференциации контроля за поведением осужденных выступают средства освобождения лица от наказания в широком понимании данного термина. Речь идет обо всех разновидностях отсрочек исполнения наказания, условном осуждении, условно-досрочном освобождении, а также замене наказания более мягким видом наказания.

Реализация механизмов социального контроля в институтах освобождения от наказания, применения иных мер уголовно-правового характера базируется на формировании социально приемлемой модели поведения лица, совершившего преступление, посредством стимулирования его не просто к правомерному, но именно к социально одобряемому общественно полезному варианту поведения, который будет выступать гарантией освобождения от уголовной ответственности и наказания.

Дифференциация применения тех либо иных мер уголовно-правового воздействия напрямую подчинена параметрам, характеризующим общественную опасность деяния, а также лица, совершившего преступление. Другие параметры дифференциации являются частными применительно к каждой отдельно взятой мере уголовно-правового воздействия и основаны на частных показателях общественной опасности, требующих соответствующего специфического реагирования (воспитания, испытания, лечения и т.д.).

Исходя из существующей классификации оснований освобождения от наказания на окончательные и длящиеся, способы контроля также имеют свои особенности. В случае применения длящегося основания освобождения от наказания (условно-досрочное освобождение, отсрочка исполнения наказания) контроль за поведением лица выступает в качестве самого содержания указанной меры, а его интенсивность может меняться в зависимости от поведения подконтрольного.

Способы изменения (дифференциации) уголовно-правового воздействия могут быть разделены исходя из характера поведения лица – позитивного или негативного. Например, А.И. Чучаев выделяет «три варианта изменения воздействия исходя из негативного пост-

криминального поведения условно осужденного, происходящих: 1) в случае систематического или злостного неисполнения возложенных на условно осужденного обязанностей либо если лицо скрылось от контроля (ч. 3 ст. 74 УК РФ); 2) в случае совершения преступления по неосторожности либо преступлений небольшой или средней тяжести (ч. 4 ст. 73 УК РФ); 3) при совершении умышленного преступления средней тяжести, умышленного тяжкого либо особо тяжкого преступления (ч. 5 ст. 73 УК РФ)»[1]. Схожие основания, с учетом некоторых особенностей, применяются в отношении освобожденного условно-досрочно и могут рассматриваться как аналогичные. Соответственно, также вариантами негативного постпреступного поведения, требующего реакции со стороны государства, выступают случаи нарушения общественного порядка и (или) привлечения лица к административной ответственности за совершение иных административных правонарушений[2].

Показательными в данном случае являются основания изменения способа контроля в случае совершения нового противоправного деяния. Так, одним из обязательных инструментов функционирования мер условного освобождения от наказания выступает механизм отмены ранее примененного основания освобождения при несоблюдении лицом, к которому оно было применено, условий такого освобождения, особенно в случае продолжения противоправной или преступной деятельности. Например, при нарушении «режима» условного осуждения либо условно-досрочного освобождения от наказания предусмотрена процедура отмены данных мер воздействия и возврата к исполнению наказания (ст. 74, ч. 7 ст. 79 УК РФ). Аналогичным образом нарушение условий предоставления отсрочки (ст. 82 УК РФ) влечет за собой её отмену (см. приложение № 4). Необходимо отметить, что безусловная отмена данных мер происходит только в случае совершения лицом новых тяжких или особо тяжких преступлений. Данное правило распространяется даже на лиц, которым было предоставлено условно-досрочное освобождение от отбывания наказания в виде пожизненного лишения свободы[3]. Невыполнение же лицом условий освобождения либо совершение административных правонарушений и даже преступлений небольшой или средней тяжести могут повлечь продление, усиление данных мер либо их отмену, но только по усмотрению суда.

---

[1] *Чучаев А.И., Фирсова А.П.* Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография. М., 2021. С. 219-220.

[2] *Шнитенков А.В.* Условное осуждение: отмена или продление испытательного срока // Уголовный процесс. 2009. № 1. С. 42-47.

[3] *Анощенкова С.В.* Отмена условно-досрочного освобождения от наказания в отношении пожизненно лишённых свободы // Законность. 2019. № 10. С. 44-45.

В свою очередь анализ норм уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства позволяет говорить об отсутствии достаточно проработанного механизма реагирования государства на случаи нарушения условий освобождения и неопределенности в вопросе возврата к стадии реализации наказания.

Правопослушное поведение осужденного в период нахождения на испытательном сроке является одним из обязательных показателей достижения целей исправления лица. Данное требование является очевидным для таких институтов, как условное осуждение (ст. 73 УК РФ) либо освобождение от наказания условно-досрочно (ст. 79 УК РФ), а также иных условных (срочных) видов освобождения от наказания. Учитывая обозначенные в ч. 1 ст. 74 УК РФ цели применения условного осуждения – лицо в период испытательного срока должно доказать свое исправление – самым очевидным показателем такого исправления выступает его правомерное поведение. Соответственно, одним из залогов эффективности данных инструментов уголовно-правового воздействия выступает своевременное реагирование на отклоняющееся противоправное поведение.

Среди необходимых профилактических мер по предупреждению правонарушений, совершаемых осужденными, К.А. Чистяков указывает на необходимость «усиления профилактического воздействия на условно осужденных, более подверженных личностным деформациям, путем установления особого контроля за условно осужденными, от которых можно ожидать совершения административного правонарушения, а также незамедлительного реагирования на совершенные правонарушения, дисциплинарные проступки либо нарушения, допущенные условно осужденными во время испытательного срока»[1].

Речь идет об установленном в ч. 3 ст. 74 и п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ правиле, допускающем возможность отмены условного осуждения (условно-досрочного освобождения) в случае совершения осужденным нарушения общественного порядка и привлечения за это к административной ответственности.

Несмотря на различия формулировок: «нарушал общественный порядок, за что привлекался к административной ответственности» (ч. 3 ст. 74 УК РФ, ч. 1, 4 ст. 190 УИК РФ); «совершил нарушение общественного порядка, за которое на него было наложено административное взыскание» (п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ), – изменение условий контроля происходит вследствие административно-противоправного поведения лица

[1] *Чистяков К.А.* Некоторые вопросы предупреждения административных правонарушений, совершаемых условно осужденными // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сб. науч. тр. Вып. 4. Могилев, 2016. С. 218.

(единичного либо систематического). Данное основание отмены испытательного срока неоднократно выступало в качестве предмета научной критики[1]. Звучали предложения об исключении данного положения из уголовного закона либо, наоборот, об использовании максимально обобщенной формулировки «совершения любого административного правонарушения» в качестве упомянутого основания, однако на сегодняшний день данные предписания УК РФ остаются в прежнем виде.

Представляется, что используемые в уголовном законодательстве формулировки имеют ряд проблемных либо спорных моментов.

Во-первых, термин «наложение административного взыскания» был характерен для ранее действовавшего КоАП РСФСР (глава 4)[2], который утратил силу. В действующем же КоАП РФ речь идет о привлечении к административной ответственности и назначении наказания (например, ст. 3.2, 4.6 КоАП РФ и др.). Соответственно, использование устаревшей терминологии не может отвечать потребностям правоприменительной практики.

Во-вторых, выделение в качестве особой категории административных правонарушений посягательств на общественный порядок не соответствует современным характеристикам опасности (вредоносности) данных деяний в контексте показателей исправления / неисправления условно осужденного (освобожденного условно-досрочно) и потребностей контроля его поведения.

Так, если в середине прошлого столетия криминологические характеристики преступности (личности преступника) подтверждали необходимость особого отношения к нарушениям именно общественного порядка[3], то в современном мире разноплановость преступного поведения и самих лиц, совершающих преступления, свидетельствует о необходимости учета намного более разносторонних показателей исправления/неисправления осужденного и необходимости своевременной отмены назначенной условной меры воздействия.

В частности, лица, совершающие преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, корыстные преступления, преступления в сфере информационных технологий, коррупционные преступления и т.д., не склонны к открытому демонстративному

---

[1] *Шкарлет Н.А.* Административно-преюдициальные основания продления испытательного срока или отмены условного осуждения // Российское правосудие. 2021. № 10. С. 86-89 ; *Чистяков К.А.* Некоторые вопросы профилактики преступлений и административных правонарушений, совершаемых условно осужденными // Евразийский юридический журнал. 2016. № 8. С. 159-160.

[2] *Кодекс* РСФСР об административных правонарушениях (утратил силу 30.12.2001). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Личность* преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А.И. Долговой. М., 2018. 195 с.

нарушению общественного порядка[1]. В то же время совершение ими других специфических правонарушений может свидетельствовать о недостижении целей предоставленного им стимула в виде условного осуждения. Например, совершение в период испытательного срока коррупционных правонарушений (ст. 5.16 КоАП РФ «Подкуп избирателей, участников референдума...», ст. 19.28 КоАП РФ «Незаконное вознаграждение от имени юридического лица»), мелкого хищения имущества (ст. 7.27 КоАП РФ), незаконного оборота наркотиков (ст. 6.9. КоАП РФ «Потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача»), нарушение правил дорожного движения (гл. 12 КоАП РФ) и т.д. не являются обстоятельствами, влекущими отмену испытательного срока, даже если лица продолжают совершать однотипные посягательства. Так, изучение материалов дел лиц, находящихся на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН РФ, свидетельствует, что порядка 63% осужденных в период испытательного срока привлекаются к административной ответственности, а 37% совершают административные правонарушения два и более раза. При этом нарушения общественного порядка составляют порядка 23% от числа всех правонарушений.

Закрепленные в КоАП РФ нормы предусматривают в качестве правонарушений различного рода деяния, обладающие равной либо даже большей степенью общественной вредности (опасности) в сравнении с нарушениями общественного порядка. Об этом свидетельствуют различные факторы: объекты охраны, размеры и разновидности наступающих последствий, а также предусматриваемые за данные деяния наказания.

Пленум ВС РФ в своих разъяснениях указывает на необходимость «учитывать все совершенные условно осужденным в течение испытательного срока факты неисполнения возложенных на него обязанностей, нарушения общественного порядка, за которые он привлекался к административной ответственности»[2]. При этом в практической плоскости само по себе совершение осужденным административного правонарушения дале-

---

[1] *Антонян Ю.М.* Насильственная преступность в России. М., 2001. 98 с. ; *Кетенчиева Е.С.* Криминологическая характеристика личности мигрантов, совершающих незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ // Журнал правовых и экономических исследований. 2019. № 3. С. 64-69 ; *Харзинова В.М.* Социально-психологическая, криминологическая характеристика личности экстремиста, террориста, занимающегося пропагандой среди молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8, № 4-1. С. 112-115 ; *Гришко Л.Е., Прысь И.Е.* Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденных за налоговые преступления // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26, № 4. С. 470-475.

[2] *О судебной* практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2024 г. № 18. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ко не всегда влечет за собой негативные последствия именно в виде отмены (продления) испытательного срока и направления лица для отбытия наказания.

Нередко суды напрямую в приговоре устанавливают для осужденного обязанность «не совершать административных правонарушений» как одно из обязательств, устанавливаемых на период испытательного срока. Так, изучение приговоров и материалов дел лиц, находящихся на учете в УИИ, свидетельствует, что такое обязательство устанавливается в 7% приговоров. Учитывая наличие открытого перечня обязательств, назначаемых осужденному в контексте ст. 73, 79 УК РФ, такого рода обязательство формально является допустимым. Соответственно, в практике работы уголовно-исполнительных инспекций в случае прямого указания в приговоре на такого рода «обязательство» оно рассматривается как неисполнение осужденным возложенных не него обязанностей.

Таким образом, совершение лицом нового административного правонарушения приобретает двойное значение. Так, оно может рассматриваться, с одной стороны, как несоблюдение установленных обязательств и влечь продление испытательного срока, а с другой – как самостоятельное основание для его отмены (ч. 3 ст. 74 УК РФ, ст. 190 УИК РФ). На наш взгляд, такое «дублирование» в приговоре обязательств не совершать административных правонарушений порождает ряд противоречий в правовом статусе осужденного[1].

Установленные в КоАП РФ и УК РФ запреты являются и без того обязательными для всех граждан и, соответственно, не являются каким-то особым правоограничением. Кроме того, привлечение лица к административной ответственности и исполнение им наказания по общему правилу должны исключать возможность повторной ответственности за одно и то же деяние. Например, в случае совершения преступления с административной преюдицией факт повторного административного правонарушения не влечет административной ответственности, а производство по нему прекращается для уголовного разбирательства.

В то же время мы можем согласиться с тем, что специфика совершенного преступления и характеристики лица, его совершившего, могут потребовать повышенного

[1] *Трифонов А.Ю., Дишковец Д.Р.* Соотношение административно-правового статуса граждан РФ и лиц условно осужденных // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 33. С. 128.

внимания к соблюдению осужденным правомерного поведения в той либо иной сфере правоотношений. Например, лицу, осужденному за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, в качестве критерия исправления может быть установлено требование не совершать правонарушений в сфере незаконного оборота наркотиков (наркотикосодержащих растений); лицу, осужденному за совершение преступления в области безопасности дорожного движения (гл. 27 УК РФ), могут быть выдвинуты аналогичные требования в части соблюдения административного законодательства в данной сфере.

Таким образом, совершение в период испытательного срока указанных правонарушений должно рассматриваться как неисполнение возложенных на лицо обязанностей только в том случае, если они были персонально установлены для осужденного, например, путем перечисления норм КоАП РФ либо указания на объект правонарушений. Представляется, что такой подход в большей степени будет способствовать индивидуализированному воздействию на осужденного. Использование же для установления ограничения общей формулировки «не совершать административных правонарушений» носит чрезмерно широкий характер и может не отражать реальной степени опасности лица. Например, совершение даже незначительных неумышленных правонарушений, допущенных по невнимательности, может повлечь неблагоприятные последствия для осужденного в виде продления срока либо установления дополнительных ограничений, а в перспективе и его отмены.

Различные правовые последствия, наступающие в случае совершения административного правонарушения (ст. 74 УК РФ) и в случае уклонения от исполнения возложенных обязанностей (в части совершения административного правонарушения), не должны вступать в противоречие между собой.

Представляется, что изложенные в ч. 3 ст. 74 УК РФ случаи выступают в роли самостоятельных оснований отмены условного осуждения и не требуют их сочетания. Так, систематическое неисполнение обязанностей либо сокрытие от контроля влекут отмену условного осуждения даже без установления фактов привлечения к административной ответственности. Если данные два факта могут находиться в очевидном взаимодействии, т.е. когда лицо скрывается от контроля, оно, соответственно, и не выполняет возложенные на него обязанности (являться в контролирующий орган, не покидать места проживания и т.д.), то в части административных правонарушений такой совместности не проявляется.

Указанный подход порождает и ряд организационных сложностей, приводящих к невозможности оперативно и адекватно отреагировать на продолжение противоправных действий осужденного[1].

Например, отказ лица, находящегося в общественном месте в состоянии опьянения, от медицинского освидетельствования не позволяет оформить протокол и привлечь лицо по соответствующему составу ст. 20.21 КоАП РФ. Следующее же за фактом отказа оформление протокола и привлечение к ответственности по ст. 19.3 КоАП РФ (неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции…) не относится к категории нарушений общественного порядка. Аналогичным образом лица, управляющие транспортным средством в состоянии опьянения, в случае привлечения их к ответственности по ст. 12.8 КоАП РФ также формально не нарушают общественного порядка и продолжают находиться на испытательном сроке.

С другой стороны, используемый законодателем подход в части установления специфической ответственности за нарушения именно общественного порядка приводит и к перспективным проблемам ответственности за занятие бродяжничеством. Так, введение данного состава в КоАП РФ[2] создаст неравные условия для условно осужденных, не имеющих постоянного места жительства, по сравнению с условно осужденными, имеющими постоянное место жительства[3].

Кроме того, учитывая наличие в уголовном законодательстве ряда составов с административной преюдицией, возникает ситуация, когда лицо, находясь на испытательном сроке, может совершать различные правонарушения, которые в совокупности будут образовывать состав преступления и, соответственно, влечь отмену условного осуждения (ч. 4 ст. 73 УК РФ). К таким составам можно отнести ст. 151^1, 116^1, 158^1 УК РФ и т.д. и коррелирующие им ч. 2.1 ст. 14.15, ст. 6.11, 7.27 КоАП РФ и др. В то же время совершение иных административных правонарушений не повлечет уголовно-правовых последствий для осужденного. Таким образом, продолжающееся противоправное поведение осужденного в период испытательного срока не может быть оценено правоприме-

---

[1] *Скрипченко Н.Ю., Янович М.В.* Нормативное определение субъектов, уполномоченных инициировать отмену условного осуждения, нуждается в корректировке // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 4. С. 5-8.

[2] *Дизер О.А.* К вопросу об административной ответственности за бродяжничество и попрошайничество // Вестник Омской юридической академии. 2017. Т. 14, № 4. С. 56-59.

[3] *Шульц Е.В.* О последствиях введения в России административной ответственности за занятие бродяжничеством для лиц, условно осужденных и не имеющих постоянного места жительства // Вестник Кузбасского института. 2021. № 1. С. 116.

нительными органами как основание для своевременного и адекватного изменения формы контроля за его поведением – усиления, продления либо корректировки.

Такое непропорциональное использование показателей опасности лиц, находящихся на испытательном сроке, создает дисбаланс, при котором только лица, совершающие демонстративные нарушения общественного порядка, дополнительно контролируются со стороны государства. Иные же лица, находясь в аналогичном правовом положении, могут совершать даже неоднократно административные правонарушения, не опасаясь отмены условного осуждения.

В-третьих, игнорирование степени тяжести административного правонарушения и строгости административного наказания, назначенного за его совершение, приводит к неравноценности установленных в УК РФ оснований отмены условного осуждения. В частности, нарушения общественного порядка могут влечь за собой незначительные штрафные санкции, в то время как за совершение административных правонарушений в сфере охраны окружающей среды, безопасности дорожного движения, миграционного учета и т.д. предусматриваются более строгие санкции. Например, санкция ч. 1 ст. 20.3.2. КоАП РФ (Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации) предусматривает наказание в виде административного штрафа в размере от 30 тыс. до 60 тыс. рублей. В то же время неуплата алиментов (ч. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ) предусматривает наказание в виде ареста на срок от 10 до 15 суток или обязательные работы до 150 часов. Также ст. 6.16.1 КоАП РФ (Незаконный оборот прекурсоров наркотических средств или наркотикосодержащих растений) предусматривает наказание в виде административного ареста и, соответственно, может считаться более опасным правонарушением, нежели некоторые нарушения общественного порядка.

Таким образом, совершение лишь отдельных правонарушений выступает в роли основания отмены испытательного срока, а более опасные деяния не влекут соответствующих последствий. Придание законодателем исключительности отдельным фактам нарушения общественного порядка и игнорирование большинства иных административных правонарушений влечет за собой непропорциональность критериев, позволяющих оперативно и своевременно реагировать на отклоняющееся поведение лиц, находящихся «на испытании». Назначая указанным лицам условное осуждение либо освобождая их условно-досрочно, государство стимулирует (поощряет) их правомерное по-

ведение. Соответственно, к поведению осужденных предъявляются повышенные требования относительно выполнения определенных обязательств и правомерного поведения в целом. Однако допустимость неоднократного совершения административных правонарушений и отсутствие возможности соответствующего изменения способа контроля в данном контексте представляется не вполне адекватным. При наличии очевидных показателей неисправления лица органы, осуществляющие контроль, лишены достаточной возможности своевременно изменить правовое положение осужденного. Соответствующая динамика правонарушений, как правило, перерастает в более опасное преступное поведение, а цели уголовного наказания (условного осуждения) не достигаются.

Такое положение негативным образом сказывается на решении задач уголовного законодательства и реализации функции государства по обеспечению безопасности общества. Учитывая, что административное наказание в виде административного ареста является наиболее строгим с точки зрения критерия тяжести совершенного нарушения и максимально приближенным к уголовно-правовым санкциям, именно оно может быть положено в основу для учета поведения лица, находящегося на испытательном сроке. На это указывают и позиции ученых в области административного права[1]. Так, Д.С. Андреев указывает, что в практике европейских стран проводится позиция об отнесении к «уголовно-правовой сфере» любой формы лишения свободы, в том числе административный арест, предусмотренный КоАП РФ, признается «мерой принуждения уголовно-правового характера»[2].

Положительный опыт правовой регламентации аналогичного правового института в Республике Беларусь может быть использован и в отечественной правовой системе. В частности, п. 1 ч. 6 ст. 90 УК РБ предусматривает, что основанием отмены условно-досрочного освобождения от наказания, помимо прочего, может выступать не только неоднократное нарушение общественного порядка, но и совершение иного административного правонарушения, за которое законом предусмотрено административное взыскание в виде административного ареста[3]. Представляется, что данная формулировка поз-

---

[1] *Кирин А.В.* Противоречия концептуально-правового статуса ареста как административного наказания // Административное право и процесс. 2011. № 9. С. 32-34.

[2] *Андреев Д.С.* Строгость административного наказания // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. № 2. С. 229.

[3] *Уголовный* кодекс Республики Беларусь. URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275 (дата обращения: 23.07.2024).

воляет более полно обозначить границы недопустимого поведения для лиц, находящихся на испытательном сроке.

В целях формирования эффективного дифференцирующего механизма корректировки средств уголовно-правового воздействия в отношении условно осужденных (условно-досрочно освобожденных), демонстрирующих продолжаемое противоправное поведение, представляется необходимым изменить соответствующие предписания УК РФ (ч. 3 ст. 74, п. «а» ч. 7 ст. 79 УК РФ) и скорректировать основания отмены условного осуждения и условно-досрочного освобождения в части, касающейся совершения осужденным административных правонарушений.

Данный механизм должен предусматривать: 1) отказ от формулировки «нарушение общественного порядка» и замену её на формулировку «совершение административных правонарушений»; 2) устранение терминологической неточности формулировки «наложено административное взыскание» и замену ее на актуальную «привлечение к административной ответственности»; 3) учет в качестве основания для отмены испытательного срока только систематического совершения грубых административных правонарушений, санкция которых предусматривает административные наказания в виде административного ареста; 4) возможность продления испытательного срока либо установления дополнительных ограничений в случае совершения единичного административного правонарушения, за которое предусмотрено наказание в виде административного ареста; 5) признание в качестве основания отмены испытательного срока в ст. 74, 79 УК РФ случаев неоднократного (два и более раза) совершения административного правонарушения (в течение срока, предусмотренного ст. 4.6. КоАП РФ), за которое предусмотрено наказание в виде административного ареста; 6) рассмотрение как неисполнения возложенных на лицо обязанностей случаев совершения административных правонарушений, перечень которых был персонально установлен для осужденного как отдельное обязательство.

Представляется, что такой подход в большей степени будет способствовать дифференцированному и индивидуализированному воздействию на осужденного.

Противоположная ситуация складывается с законодательным определением условий отмены нового основания освобождения от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное вре-

мя, получившего обобщенное название «в связи с участием в проведении специальной военной операции».

Так, в соответствии с ч. 2 ст. 80^2 УК РФ совершение лицом, освобожденным от наказания условно в соответствии с ч. 1 ст. 80^2 УК РФ, в период прохождения военной службы нового преступления влечет за собой назначение наказания по правилам, предусмотренным ст. 70 УК РФ (т.е. по совокупности приговоров). Данные нормы не содержат прямого указания на правовые последствия уклонения лица, к которому они были применены, от их исполнения (уклонение от прохождения воинской службы либо продолжение преступной деятельности). При этом предписания ст. 80^2 УК РФ, используя общую формулировку «освобождается от наказания», не конкретизируют, от какого именно вида наказания лицо может быть освобождено, соответственно, действие данной нормы распространяется на все виды наказания. Исключение в данном случае составляет лишь конфискация имущества, относящаяся к категории иных мер уголовно-правового характера, соответственно, подлежащая исполнению даже в случае положительного итогового решения по ст. 80^2 УК РФ. В связи с этим представляется не вполне оправданным приравнивание различных оснований для отмены условного освобождения и различных видов наказания (штрафа, ограничения свободы или лишения свободы и т.д.). К решению данного вопроса необходимо подходить дифференцированно, т.е. с учетом как характера вновь совершенного преступления, так и особенностей ранее совершенного преступления, отражающихся в разновидности ранее назначенного наказания.

Условием же окончательного освобождения от наказания выступает наступление событий, указанных соответственно в п. «а», «б» ч. 2 ст. 80^2 УК РФ. Данные события являются следствием выполнения лицом обязанностей военнослужащего и, возможно, совершения поступка, оцененного государственной наградой. Каких-либо дополнительных требований к поведению осужденного уголовное (а вместе с ним и уголовно-исполнительное) законодательство не устанавливает. Применение рассматриваемых норм находится в неразрывной связи с возникновением у лица статуса военнослужащего. Учитывая специфику правового положения данной категории лиц, в периоды, указанные в ст. 80^2 УК РФ (военное положение, военное время и т.д.), неисполнение обязанностей военнослужащего влечет за собой самостоятельную ответственность по соответствующим нормам, предусмотренным главой 33 УК РФ.

Однако на практике далеко не любое уклонение от прохождения службы (ст. 338, 339 УК РФ) или нарушение уставных правил несения внутренней службы (ст. 344 УК РФ) будет содержать все необходимые признаки соответствующих составов преступления. Кроме того, военнослужащий может в период прохождения службы совершить неосторожное преступление (например, ст. 347, 350 УК РФ) либо общеуголовное преступление, относящееся к категории небольшой или средней тяжести. Однако предписания ч. 2 ст. 80^2 УК РФ не содержат какого-либо различия между данными фактами и в одинаковой степени признают их безусловным основанием прекращения (отмены) условного освобождения от наказания. При этом формулировка данного основания дублирует аналогичное предписание ст. 79 УК РФ и не содержит прямого указания на необходимость отмены, а лишь определяет дальнейшие правила назначения наказания.

Кроме того, процессуальный порядок приостановления уголовного дела для реализации положений ст. 78^1 УК РФ (предусматривающей освобождение от уголовной ответственности по основаниям, аналогичным ст. 80^2 УК РФ) был отдельно описан в соответствующем федеральном законе и повлек изменения в ряде статей УПК РФ (ст. 119, 208, 209, 212 и др.)[1]. В то же время новое основание освобождения от наказания не нашло отражения в ст. 172 УИК РФ. Также и процедура условного освобождения либо возможной последующей его отмены и возвращения к стадии исполнения наказания не нашла отражения в УИК РФ, а соответственно, может регламентироваться лишь схожими нормами (например, ст. 177, 178 УИК РФ), что фактически является применением закона по аналогии.

Существующие нормы не уточняют сам порядок отмены (прекращения) такой процедуры освобождения. Соответственно, даже совершение военнослужащим нового преступления в период прохождения им службы (до момента окончательного освобождения) не является препятствием для прохождения им службы. В отношении же нового преступления по ходатайству воинской части расследование может быть приостановлено с последующим освобождением от уголовной ответственности и за его совершение. Уголовный закон не содержит запрета на применение ст. 78^1 и 80^2 последовательно в отношении одного и того же лица.

---

[1] *О внесении* изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : фед. закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Из содержания анализируемых норм может следовать несколько вариантов решения данной ситуации.

Первый – лицо продолжает проходить службу, если командование воинской части выступило с соответствующим ходатайством на основании ст. 78^1 УК РФ. После окончания военной службы лицо привлекается к уголовной ответственности за совершение нового преступления, а в отношении условного освобождения вопрос о дальнейшем отбытии наказания решается исходя из наличия условий, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 80^2 УК РФ.

Второй вариант (более приемлемый) мог бы состоять в досрочном прекращении процедуры условного освобождения от наказания, расследовании и привлечении лица к уголовной ответственности за совершение нового преступления и направлении для отбытия наказания.

Применение средств освобождения от уголовной ответственности либо освобождения от наказания, предполагающих не одномоментное и окончательное, а условное (предварительное) освобождение, реализующееся в течение определенного временного промежутка, должно содержать механизм правовой реакции на изменение поведения лица и невыполнение им установленных условий.

Предусмотренное в ч. 3 ст. 80^2 УК РФ правило гласит: *«Если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи, совершило новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса»*.

Представляется, что данное правило не содержит дифференциации в зависимости от характера и степени общественной опасности вновь совершенного преступления. Так, аналогичные предписания ст. 79 УК РФ (условно-досрочное освобождение от наказания) предполагают возможность дифференцированно подходить к решению вопроса отмены примененного освобождения. В частности, ч. 7. ст. 79 УК РФ предписывает, что безусловная отмена происходит только в случае, если в течение оставшейся неотбытой части наказания осужденный совершил тяжкое или особо тяжкое преступление (п. «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Если же осужденный совершил преступление по неосторожности либо

умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения решается судом (п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ)[1].

Отсутствие такого дифференцированного подхода может повлечь за собой необоснованную отмену ранее принятого решения об условном освобождении даже в случае совершения военнослужащим неосторожного преступления либо преступления небольшой или средней тяжести.

В таком случае, с одной стороны, военнослужащий в обязательном порядке будет прекращать осуществление службы, а с другой стороны, вопрос об освобождении лица от наказания отменяется также в обязательном порядке, что не позволяет учесть его социально полезное поведение в период прохождения службы. Отсутствие усмотрения в обоих вопросах (целесообразности приостановления прохождения службы и освобождения от наказания за ранее совершенное преступление) представляется необоснованным.

Однако на сегодняшний момент таких уголовно-правовых оснований для отмены примененного условного освобождения от наказания не предусматривается. Так, даже совершение лицом в период прохождения службы нового преступления лишь предполагает проведение в отношении него расследования на общих основаниях, однако не исключает приостановления по ходатайству воинской части расследования и продолжения службы. Каких-либо критериев невозможности такого способа реагирования на противоправное поведение военнослужащего в законодательстве не предусматривается. Так, нормы ст. 80^2 УК РФ не содержат указания на количество возможных приостановлений и освобождений (например, не используется традиционная для ст. 75, 76, 80^1 УК РФ формулировка «совершение преступления впервые»). При этом на сегодняшний момент сложно предугадать, каким образом будет складываться правоприменительная практика.

Такое экстраординарное основание освобождения от любого наказания должно предполагать и наличие соответствующих гарантий в отношении освобождаемых лиц. Так, неурегулированность данного вопроса может быть истолкована расширительно. То есть лицо при наступлении соответствующих условий будет рассчитывать на освобождение от наказания, однако факт совершения им нового преступления в период службы не позволит

---

[1] *О судебной* практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8 ; *Красутских Л.В., Русяев И.В.* Проблемы реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2008. № 8. С. 64-67 ; *Скиба А.П., Мяханова А.Н., Эрхитуева Т.И.* Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения : монография. Улан-Удэ, 2020. 124 с.

этому реализоваться. Учитывая, что предписания ст. 80^2 УК РФ предполагают обязательность освобождения от наказания при наступлении соответствующих условий, необходимость освобождения фактически предрешается уже на первоначальном этапе приостановления уголовного дела по ходатайству командования воинской части. В дальнейшем же усмотрение в вопросе об освобождении от уголовной ответственности (наказания) не предполагается, т.к. используются императивные предписания – «освобождается».

Несмотря на свою экстраординарность, данное основание освобождения от наказания должно быть интегрировано в действующую систему и соотнесено с уже существующими средствами. Например, ненаступление условий, предусмотренных п. «а», «б» ч. 2 ст. 80^2 УК РФ, не должно препятствовать возможности применения иных средств поощрения при отсутствии со стороны военнослужащего действий, направленных на уклонение от прохождения службы. Возможно смягчение наказания путем замены на более мягкое (ст. 80 УК РФ)[1], условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ)[2] и т.д.

Значимым аспектом рассматриваемых оснований освобождения от уголовной ответственности (наказания) должна выступать возможность зачета периода службы в качестве основания смягчения ответственности даже в случае ненаступления условий, перечисленных в п. «а», «б» ч. 2 ст. 80^2 УК РФ. В противном случае может возникать ситуация, когда лицо, длительный период пребывавшее на службе в Вооруженных силах РФ, однако уволенное по основанию, не указанному в п. «а», «б» ч. 2 ст. 80^2 УК РФ, не будет подлежать освобождению от наказания. В указанном случае длительность периода прохождения службы и правомерность поведения лица должны быть учтены при решении вопроса о дальнейшем отбытии им наказания. Например, после окончания службы в случае отсутствия оснований для «окончательного» освобождения от наказания и принятия решения о дальнейшем отбытии наказания срок службы может быть зачтен осужденному из расчета один день службы за один день наказания в виде лишения свободы. Учитывая особенности несения службы в период военного времени либо в условиях военного положения, такое соотношение может считаться приемлемым, хотя и является предметом для дальнейшей дискуссии.

---

[1] *Бабаян С.Л.* К вопросу о правовой природе и основании института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Российский следователь. 2012. № 22. С. 6-9.

[2] *Скобелин С.* Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания // Уголовное право. 2009. № 6. С. 64-68 ; *Матейкович М.С.* Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью // Российская юстиция. 2014. № 10. С. 21-24.

Учитывая изложенные особенности правовой регламентации освобождения от наказания лиц, принимающих участие в СВО, необходимо констатировать, что в уголовное, уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательства необходимо включить соответствующие основания для отмены процедуры[1] условного освобождения от наказания, применяемой в соответствии со ст. 80^2 УК РФ. На наш взгляд, такими безусловными основаниями могут выступать совершение лицом нового тяжкого либо особо тяжкого преступления либо уклонение от прохождения воинской службы, повлекшее увольнение военнослужащего.

Кроме того, совершение военнослужащим преступления в период действия условного освобождения от наказания должно препятствовать освобождению его от наказания даже в случае установления данного факта после принятия решения об «окончательном освобождении». Пересмотр указанного решения по вновь открывшимся обстоятельствам позволит избежать несправедливости в отношении иных лиц, совершивших преступление, однако не освобожденных от наказания в связи с совершением преступления.

Однако реалии складывающейся обстановки с очевидностью предполагают, что данный вопрос всецело будет находиться в рамках усмотрения командования воинской части (осуществляющего контроль за поведением военнослужащего). Соответственно, в отношении каждого такого нового преступления должен отдельно решаться вопрос о допустимости повторного приостановления предварительного расследования с определением возможности дальнейшего (повторного) освобождения от уголовной ответственности (наказания).

Правовая регламентация условных мер освобождения от уголовной ответственности либо наказания лиц, принимающих участие в проведении СВО (ст. 78^1, 80^2 УК РФ), должна базироваться на принципах дифференцированного учета характера совершаемых преступлений, а также невозможности полной отмены контроля за поведением лиц, представляющих опасность для окружающих, даже в случае наступления предусмотренных условий освобождения от наказания (например, лиц, совершивших особо тяжкие насильственные преступления).

В связи с этим условия отмены примененного основания освобождения от ответственности либо наказания должны предусматривать наличие возможности использова-

[1] *Шабалина Л.А.* К вопросу о совершенствовании процедуры судебного разбирательства по делам об исполнении приговора // Вестник Кузбасского института. 2013. № 3. С. 69-74.

ния судом дискреционных полномочий при решении вопроса об отмене (либо продолжении) условного освобождения в случае совершения лицом нового преступления в зависимости от категории совершенного преступления.

В целях формирования дифференцирующего механизма освобождения от наказания лиц, принимающих участие в осуществлении СВО, необходимо изложить ч. 3 ст. 80^2 УК РФ в следующей редакции:

«3. Если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи:

а) совершило преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условного освобождения решается судом;

б) совершило тяжкое или особо тяжкое преступление, суд отменяет условное освобождение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса.».

Рассмотренные особенности позволяют говорить о необходимости самостоятельного рассмотрения критериев дифференциации применительно к реализации не только уголовной ответственности и наказания, но и иных мер уголовно-правового характера.

При этом критериями дифференциации при назначении условных мер уголовно-правового воздействия должны выступать показатели общественной опасности лица, совершившего преступление, и потребность в участии государства либо специализированных организаций и частных лиц в осуществлении исправительного воздействия, а также в оказании социальной поддержки осужденному.

При определении перечня составов преступлений, выступающих в качестве основания применения меры уголовно-правового воздействия, необходимо исключить возможность создания преимущества лицам, совершившим более тяжкие преступления, по сравнению с лицами, совершившими преступления меньшей тяжести.

ГЛАВА IV. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ НАКАЗАНИЯ И ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА КАК ИНСТРУМЕНТОВ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

В рамках данной части работы будут рассмотрены основные элементы социального контроля, реализующегося на этапах исполнения наказания либо иных мер уголовно-правового характера. Учитывая представленную в § 2 главы III систему субъектов уголовно-правовых отношений, реализация инструментов социального контроля может иметь различные формы, которые не могут быть все в исчерпывающем виде освещены в рамках ограниченного по объемам исследования либо не требуют такового анализа по причине достаточной изученности в рамках иных исследований. В частности, реализация социального контроля в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, но при этом не обладающих статусом субъекта преступления (в силу невменяемости либо недостижения возраста), хотя и обладает признаками уголовно-правовых отношений, однако их анализ ранее уже выступал предметом самостоятельных исследований, также он необоснованно увеличивал бы объем данной работы. В связи с этим нами будут рассмотрены лишь наиболее распространенные (типичные) инструменты социального контроля в уголовно-правовой сфере с учетом распространимости принципиальной схемы социального контроля и на иные (не представленные здесь) меры уголовно-правового воздействия.

В юридической литературе в рамках исследования вопросов исполнения наказания и иных мер уголовно-правового характера как форм реализации уголовной ответственности находили свое отражение в том числе и проблемы осуществления контроля за осужденными. Однако основное внимание данных исследований, как правило, акцентировалось на двух основных направлениях: на изучении вопросов исполнения осужденным тех либо иных тягот и лишений, устанавливаемых приговором суда, а также на рассмотрении вопросов контроля за деятельностью органов, исполняющих наказание, в части соблюдения законности и обеспечения прав осужденных.

Целевые установки наказания и задачи уголовного права свидетельствуют о необходимости констатации исправления осужденного, восстановления социальной справедливости, а также превентивного результата. Таким образом, объектом контроля могут выступать не только параметры исполнения наказания, но и иные показатели поведения осужденного, подтверждающие достижение целей наказания (уголовно-правового воздействия).

В рамках реализации уголовного наказания средства контроля позволяют не только исполнить карательную составляющую, но и определить достижение целей исправления осужденного либо предупреждения преступления. Принципиальная зависимость содержания контроля от применения наказания либо иных мер уголовно-правового характера предполагает и соответствующее деление мер социального контроля в отношении следующих категорий субъектов:

1) осужденных, которым назначено наказание;

2) осужденных, к которым применены условные меры уголовно-правового воздействия.

Соответствующие группы также могут быть разделены на несколько подгрупп.

Исходя из общепринятого деления наказаний в зависимости от связанности с изоляцией лица от общества (связанные и не связанные с изоляцией лица (лишением свободы))[1] осуществление контроля происходит в отношении следующих категорий лиц, совершивших преступление:

1. Осужденные, которым назначено наказание:

– связанное с изоляцией лица от общества (пенитенциарный контроль);

– не связанное с изоляцией лица от общества (внепенетенциарный контроль);

2. Осужденные, к которым применена условная мера уголовно-правового воздействия:

– условно осужденные;

– освобожденные от наказания (условно-досрочное освобождение либо отсрочка наказания и др.).

Контроль в отношении указанных групп имеет как общие признаки, так и свои особенности, обусловленные правовым статусом лица, в отношении которого исполняется наказание и / или осуществляется контроль за его поведением.

Общими элементами процедуры контроля за поведением указанных групп лиц, совершивших преступление, выступают:

1) срок реализации наказания либо иной меры уголовно-правового воздействия – как временной промежуток, в течение которого осуществляется контроль за лицом, отбывающим наказание либо иную меру уголовно-правового характера, и в течение которого к поведению осужденного предъявляются особые требования;

---

[1] *Сундуров Ф.Р., Талан М.В.* Наказание в уголовном праве : уч. пос. М., 2015 ; *Подройкина И.А.* Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы. М., 2017. 200 с.

2) правоограничения – совокупность обязательств, ограничений и запретов, которые лицо обязано исполнять в период срока отбытия наказания либо иной меры уголовно-правового характера;

3) средства реагирования на отклоняющееся поведение – основания и условия продления, изменения назначенного наказания;

4) мероприятия, реализуемые государственными и иными органами в рамках контроля за поведением осужденного (не относящиеся к правоограничениям), – воспитательные меры, меры социальной помощи, ресоциализации и т.д.

Большинство существующих в УК РФ видов наказаний относятся к категории срочных либо, как минимум, не исполняются одномоментно. При этом контроль за поведением осужденного является обязательным далеко не во всех случаях.

Первая категория – лица, осужденные к наказанию в виде 1) лишения свободы, 2) пожизненного лишения свободы, 3) содержания в дисциплинарной воинской части, 4) принудительных работ. Исполнение данных видов наказаний предполагает помещение лица в специализированные заведения, обеспечивающие полную либо частичную изоляцию лица.

Отнесение принудительных работ к категории изолирующих базируется на прямом признании их альтернативой лишению свободы (ст. 53^1 УК РФ), а также режиме нахождения осужденного основное время в условиях изоляции в специализированных исправительных центрах. Так, нахождение лица в специальных учреждениях – исправительных центрах либо в изолированных участках, функционирующих как исправительные центры, создаваемых при исправительных учреждениях, предполагает режимность такого содержания и не отличается от лишения свободы. Предписания ст. 79 УК РФ предполагают возможность условно-досрочного освобождения именно в отношении лишения свободы и принудительных работ.

Основным средством контроля за поведением лиц, отбывающих данные виды наказаний, выступает режим, т.е. порядок функционирования заведения и пребывания в нем осужденного. Основными же инструментами принуждения к соблюдению указанного режима выступают: 1) воспитательная работа с осужденным; 2) физическая изоляция осужденного; 3) угроза привлечения лица к уголовной ответственности за уклонение от отбывания наказания (ст. 313, 314 УК РФ); 4) возможность физического воздействия на осужденного в случае нарушения установленного режима (вплоть до лишения жизни).

В уголовно-исполнительном законодательстве надзор в исправительных учреждениях понимается как «совокупность организационно-практических мероприятий (действий), состоящих в постоянном наблюдении и контроле за поведением лиц, содержащихся под стражей и осужденных, в местах их размещения, работы и учебы, с целью: предупреждения и пресечения их противоправных действий, обеспечения правопорядка, законности и обеспечения изоляции, обеспечения безопасности персонала учреждений, лиц, содержащихся под стражей, осужденных, иных лиц»[1].

Контроль за поведением лица в условиях нахождения его в изоляции (в замкнутом пространстве) во многом обусловлен особенностями указанного учреждения и режимом его функционирования. Соответственно, контролирующие мероприятия позволяют функционировать ему исходя из установленных задач (функций) и обеспечивать соблюдение законных прав и интересов лиц, вовлеченных в данную деятельность.

Такого рода система контроля за осужденными позволяет отнести его к категории экстенсивного контроля, т.е. осуществляемого принудительно и основанного на тотальном подчинении субъекту социального управления. Несмотря на свою стабилизирующую роль, он инициирует стагнирование общественных отношений, что по общему правилу не способствует развитию социума (либо, как минимум, обладает большим количеством пробочных последствий).

Необходимо отметить, что контроль за поведением осужденного, несмотря на негативность его восприятия, является средством обеспечения его же собственной безопасности. Именно благодаря режиму, установленному в исправительных учреждениях, осужденным, находящимся в условиях совместного пребывания, может быть обеспечено их безопасное состояние, защищенность от насильственных посягательств со стороны других заключенных, защита их собственности и иных прав. Также режим позволяет защитить заключенных от возможных противоправных посягательств со стороны самих сотрудников исправительных учреждений (которые имеют место исходя из статистических показателей и материалов судебной практики[2]).

Вопросы правовой регламентации и исполнения наказаний, связанных с лишением свободы, достаточно подробно изучались представителями Томской научной школы

---

[1] *Юридический* словарь для сотрудников пенитенциарной системы / под ред. А.В. Малько, Р.А. Ромашова. Самара, 2013. С. 81.

[2] *Скиба А.П.* Несовершенство уголовно-исполнительного и иного законодательства об оценке поведения осужденного как коррупциогенный фактор // Уголовно-исполнительное право. 2024. № 3. С. 383-393.

(А.Л. Ременсон[1], В.Д. Филимонов, В.А. Уткин[2], Н.В. Ольховик, Л.М. Прозументов). Отдельное внимание в рамках данных исследований уделялось именно режиму исполнения наказания как способу принуждения лица к пребыванию в определенном стесненном состоянии и, соответственно, его исправлению (перевоспитанию). Так, режим исправительного учреждения предполагает объем правоограничений, которые обязан соблюдать осужденный. Часть из них направлена на осуществление контроля за его поведением и соблюдением установленных ограничений. К таковым можно отнести ограниченность возможности перемещения в пространстве, возможности контактирования и общения с другими лицами, возможности получать и распоряжаться финансовыми средствами, возможности реализовывать пассивное и активное избирательное право, ограниченность права на частную жизнь (наличие систем круглосуточного наблюдения, контроль переписки (телефонных, почтовых и иных сообщений)), наличие системы дисциплинарных взысканий в случае нарушения требований режима и другие ограничения.

В отношении лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, реализуется максимально возможный уровень контроля за их поведением, который одновременно выступает как в роли самих правоограничений, предназначенных для исправления лица, так и в роли средств контроля за ходом и результатом исполнения наказания. Так, ст. 83 УИК РФ предусматривает возможность использования аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля для предупреждения побегов и других преступлений, нарушений установленного порядка отбывания наказания и в целях получения необходимой информации о поведении осужденных.

Схожая норма ст. 60.19 УИК РФ предполагает возможность установления средств круглосуточного наблюдения и контроля в целях предупреждения не только преступлений, но и нарушений порядка и условий отбывания принудительных работ и для получения необходимой информации о поведении осужденных к принудительным работам.

Необходимо признать, что в случае исполнения наказания в виде лишения свободы основные мероприятия по сбору информации о поведении лица и реагированию на неправомерное поведение выступают в роли способа реализации карательного воздействия. При этом уровень репрессивности самой меры воздействия на осужденного принципиально содержательно

---

[1] *Ременсон А.Л.* Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : дис. … д-ра юрид. наук. Томск, 1965. 1120 с.

[2] *Уткин В.А.* Наказание и исправительно-трудовое воздействие. Томск, 1984. 189 с. ; *Уткин В.А.* Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Особенная часть. Томск, 1995. 255 с.

строже, нежели сами меры по контролю за его исполнением. Кроме того, даже нарушение лицом тех либо иных обязательств, обусловленных режимом исправительного учреждения, принципиально не влияет на само уголовно-правовое содержание данного вида наказания до определенного момента (например, решения вопроса об условно-досрочном освобождении).

Так, несоблюдение режима дня влечет наложение дисциплинарного взыскания (лишение прогулок, передач, свиданий, помещение в более строгие условия содержания и т.д.), однако принципиально не увеличивает срок наказания. Такого рода нарушения могут выступать лишь препятствием для применения в отношении лица уголовно-правовых санкций поощрения (условно-досрочное освобождение и т.д.). В целом же они свидетельствуют о сохранении общественной опасности лица для окружающих и нецелесообразности уменьшения интенсивности контроля за лицом, совершившим преступление.

Режим контроля при исполнении наказания, связанного с лишением свободы, как правило, реализуется в замкнутых условиях исправительно-трудового учреждения, соответственно, он позволяет осуществлять индивидуализированное исправительное и предупредительное воздействие на осужденного.

Учитывая, что режим отбытия наказания, связанного с лишением свободы, является достаточно разработанной тематикой в сфере уголовно-исполнительного права, дальнейшее изучение данного аспекта социального контроля в рамках данной части работы, на наш взгляд, не требуется.

§ 1. Социальный контроль при реализации отдельных видов наказаний, не связанных с изоляцией осужденного[1]

Предпосылки осуществления контроля за поведением осужденных к отдельным видам наказания, не связанным с изоляцией от общества

В качестве одного из средств решения задач гуманизации уголовного законодательства, поставленных в проекте Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, рассматривается расширение оснований для назначения наказаний, не свя-

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Конституционно-правовое понимание сущности и содержания наказания в виде ограничения свободы // Уголовно-исполнительное право. 2025. № 3. С. 397-408 *; Карпов К.Н.* Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью как наказание и мера безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 3. С. 170-175.

занных с лишением свободы[1]. Реализация такого тренда с неизбежностью ведет к необходимости расширения и повышения эффективности механизмов социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление, но находящихся в условиях свободы.

Контрольно-надзорная деятельность в сфере исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденного (равно – не связанных с лишением свободы), в юридической литературе зачастую рассматривается как специальное юридическое средство обеспечения законности при исполнении наказания[2], что не во всех случаях предполагает возможность осуществлять в достаточной мере именно контроль за поведением осужденного.

Исходя из характера осуществляемого контроля в отношении осужденного к наказанию, не связанному с изоляцией осужденного, наказания могут быть условно поделены на две группы.

К **первой** группе следует отнести наказания, не предполагающие установления дополнительных требований к поведению осужденного за рамками непосредственно карательных правоограничений: лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, государственных наград; штраф, исправительные работы; обязательные работы, ограничение по военной службе.

Ко **второй** группе следует отнести наказание в виде ограничения свободы, содержащее отдельные специфические требования к поведению осужденного, предполагающие расширенное наблюдение за ним по месту проживания, работы, учебы либо в иных местах. В рамках исполнения данного вида наказания осужденный обязан соблюдать определенные требования к поведению в рамках не только уголовно-правовых, но и иных правоотношений: трудовых, семейных и т.д. Соответственно, несоблюдение специфических правил поведения может прямо либо косвенно повлиять на дальнейший правовой статус лица и содержание применяемых в отношении него репрессивных мер.

При этом проблемы контроля (а также его отсутствия) за поведением осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, неоднократно поднимались в научной печати, однако реальных изменений в содержании данных мер воздействия на осужденных не происходило. Так, Д.Н. Химеденова указывает, что основной процент рецидивной преступности составляют именно повторные преступные деяния лиц, осужденных к

---

[1] *В Минюсте* России обсудили вопросы подготовки Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: https://minjust.gov.ru/ru/events/49883/ (дата обращения: 21.04.2024).

[2] *Бакулин В.К.* Институт контроля и надзора в сфере исполнения уголовных наказаний. Казань, 2019. С. 143.

наказаниям, не связанным с лишением свободы[1]. Однако реальных законодательных инициатив, направленных на формирование действующего механизма контроля за осужденными к наказаниям, не связанным с изоляцией, до настоящего времени не имеется. Одной из причин такого положения, на наш взгляд, выступает необходимость финансового обеспечения любого изменения в данной сфере. Изменение порядка деятельности подразделений уголовно-исполнительной системы, изменение штатов, внедрение новых автоматизированных средств контроля, разработка специализированного программного обеспечения и т.д., несомненно, потребуют экономических затрат. Однако в дальнесрочной перспективе именно такие средства могут существенно сократить затраты на реализацию контролирующей функции за лицами, требующими наблюдения и корректировки поведения.

В качестве примера попытки законодателя сформировать правовую базу для осуществления контроля за поведением осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, следует отнести предписания ст. 72^1 УК РФ.

Данная норма предусматривает право суда при вынесении приговора и назначении наказания также дополнительно назначить осужденному, страдающему наркоманией, специфическое обязательство – пройти курс лечения от наркомании. Указанное обязательство не включено в систему наказаний, а также не предусмотрено в главе 15^1 УК РФ как иная мера уголовно-правового характера. При этом предусматривается обязательность осуществления контроля за исполнением данной меры. Однако ни уголовное, ни уголовно-исполнительное законодательство не предусматривают необходимого механизма ее реализации. В частности, не предусмотрены сроки такого лечения, организации, уполномоченные на его осуществление, порядок подтверждения результатов лечения, и самое главное – не закреплены какие бы то ни было санкции в случае уклонения осужденного от соответствующего лечения (например, невозможно признание лица злостно уклоняющимся от исполнения наказания (или лечения) и замена его на иной вид).

Также отсутствует правовая возможность осуществления розыска лица, скрывшегося от исполнения назначенной меры. УИИ в случае уклонения лица от исполнения назначенной меры имеют возможность только передать материалы в подразделения МВД России для привлечения данных лиц к административной ответственности по ст. 6.9.1 КоАП РФ (Уклонение от прохождения диагностики, профилактических меро-

[1] *Химеденова Д.Н.* Инновационные технологии как важнейший инструмент предупреждения преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания без изоляции от общества // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 3. С. 224-229.

приятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ).

Привлечение к административной ответственности лиц, уклоняющихся от исполнения назначенной меры уголовно-правового характера, явно нарушает системность механизма уголовно-правового регулирования. Так, если мера уголовно-правового характера носит обязательный характер, то ее исполняемость должна быть подкреплена угрозой наступления неблагоприятных уголовно-правовых последствий, а не менее строгих (административных).

Наиболее часто данная мера назначается в совокупности с наказанием в виде штрафа. Исполнение данного наказания осуществляют подразделения ФССП РФ, а контроль за исполнением назначенного лечения – подразделения УИИ ФСИН РФ. Соответственно, какие-либо меры воздействия могут быть инициированы только в случае признания лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа. Такая межведомственная рассогласованность не способствует систематизации практики реализации данной меры уголовно-правового воздействия.

Правовая регламентация данного инструмента контроля происходит в рамках специализированного приказа[1], предусматривающего различные процедуры со стороны УИИ (вызов на беседу, запрос информации из медицинского учреждения, заведение специализированного учетного дела и т.д.), которые в своей совокупности не обладают каким-либо принудительным свойством и не представляют собой завершенный сформированный инструмент социального контроля.

Соответственно, можно констатировать, что правовое значение данного правоограничения носит лишь рекомендательный характер. Любые попытки принудительного исполнения данного лечения не имеют перспективы реализации, и даже более того, могут быть признаны незаконным обременением лица, выходящим за пределы назначенного наказания или иной меры уголовно-правового характера. Отказ от явки в УИИ либо непредоставление сведений о лечении также не могут повлечь для осужденного никаких правовых последствий.

---

[1] *Об утверждении* Порядка осуществления контроля за исполнением осужденными, признанными больными наркоманией, обязанности пройти лечение от наркомании и медицинскую и (или) социальную реабилитацию : приказ Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства здравоохранения Российской Федерации от 3 февраля 2020 г. № 7/59. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о редком использовании судами данного средства уголовно-правового воздействия. В случае же назначения подобного лечения УИИ лишь констатируют прохождение лицом лечения либо отсутствие такового, не имея никаких правовых инструментов для полноценного наблюдения за осужденным и влияния на его поведение.

Существование такого рода недоработанных механизмов контроля за поведением осужденных подтверждает осознание законодателем необходимости использования контролирующих процедур, однако не обладает системным свойством и подчеркивает необходимость выработки единых инструментов контроля за поведением лиц, совершивших преступление.

Учитывая характер и требования к объему представляемой работы, нами будут рассмотрены только некоторые виды наказаний с позиции выстраивания принципиальной схемы социального контроля при их реализации, которая может быть экстраполирована в том числе и на иные виды наказаний, не связанные с лишением свободы.

Правовое регулирование контроля за поведением осужденных к наказанию в виде штрафа

Наказание в виде штрафа является одним из наиболее распространенных не только в России, но, пожалуй, и во всем мире. Об этом свидетельствуют исторический опыт, зарубежное уголовное законодательство, а также практика применения норм УК РФ в части назначения наказания и соответствующие статистические данные. Так, ежегодно наказание в виде штрафа за совершение преступлений назначается в более чем 90 тыс. случаев[1] (порядка 12%[2] из числа всех видов наказаний) и находится на втором месте после лишения свободы.

Статистические данные свидетельствуют о том, что в подавляющем большинстве случаев назначаемое наказание в виде штрафа исполняется в недобровольном (принудительном) порядке. Показатель исполняемости данного вида наказания находится на минимальном уровне по сравнению с другими видами наказания. Так, процент самостоя-

---

[1] Представлено среднее количество наказаний в виде штрафа, назначенных в качестве основного и дополнительного наказания за период 2015-2021 гг. // *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 28.09.2024).

[2] *Средний* показатель назначения наказания в виде штрафа за 2015-2020 гг. // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010-2021 гг. / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 28.09.2024).

тельно исполненных наказаний в виде штрафа составляет 3,6%[1]. Принудительное же исполнение данного вида наказания ежегодно позволяет выполнить (завершить) лишь 30% от всех назначенных штрафов. Данный показатель (30%) основан на количестве приговоров, в которых содержится штраф любой суммы. При этом если считать не количество, а суммарный показатель исполняемости штрафа, то он составляет всего порядка 12% от общей суммы задолженностей[2]. Таким образом, по различным причинам остаются неисполненными порядка 70% назначенных штрафов. При таком подходе к реализации и воплощению идеи неизбежности наказания, пускай и не самого сурового, предупредительный эффект сводится к минимуму, а цель восстановления социальной справедливости остается очевидно недостигнутой[3]. Учитывая, что штраф и без того является формально самым мягким видом наказания, он в то же время является и самым неисполняемым наказанием. Так, сложно себе представить, что наказание в виде лишения свободы (с реальным его отбыванием) будет исполнено по организационным и процедурным причинам лишь на 30%. Учитывая данные обстоятельства, представляется необходимым совершенствование процедуры исполнения штрафа, продление возможности его исполнения, расширение полномочий органов, исполняющих данное наказание. На относительную мягкость данного вида наказания и предпочтительности для осужденных замены его на более строгие, но менее затратные указывает Р. Забавко. На основе анализа материалов исполнительных производств в Иркутской области он говорит о сформировавшейся тенденции ходатайств осужденных к штрафу о замене его исправительными или обязательными работами[4].

Содержательный компонент данного вида наказания состоит в назначении и исполнении денежного взыскания. Так, по мнению В.М. Степашина, «ущемление имуще-

---

[1] *Отчет* о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз (за 2015-2020 гг.) / Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/%20index.php?id=79"=79 (дата обращения: 10.01.2024).

[2] Указаны сведения за 2020 г. / *Сведения* о взыскании ФССП России денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации / Раздел 3. Сведения об исполнении исполнительных документов о взыскании штрафов, назначенных в качестве наказания за совершение преступления. URL: https://fssp.gov.ru/statistics (дата обращения: 10.01.2022).

[3] *Степашин В.М.* Последствия неисполнения уголовного наказания в виде штрафа // Уголовное право. 2010. № 2. С. 68-72 ; *Тарбагаев А.Н.* Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 4. С. 75-78.

[4] *Забавко Р.А.* Санкции экологических преступлений и анализ практики назначения наказаний за их совершение // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы XXII междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. 752 с. ; *Правовое* регулирование исполнения наказаний в Российской Федерации / С.В. Габеев, М.К. Гайдай, Р.А. Забавко [и др.]. Иркутск, 2016. 168 с.

ственных интересов осужденного… является предпосылкой искоренения корыстной направленности поведения осужденного и восстановления социальной справедливости»[1]. Л. Гаухман, О. Максимов, А. Жаворонков считают, что «для лиц, совершивших корыстные преступления, штраф является как бы «налогом» с преступно приобретенных имущественных благ, с лихвой компенсируемым в процессе их последующей, не пресекаемой штрафом преступной деятельности»[2].

Контролирующий механизм данного вида наказания (особенно в части «кратных штрафов», назначаемых за совершение коррупционных преступлений), можно отнести к способу ресурсного контроля. Изъятие денег, ценностей, имущества предусматривает лишение выгодности (смысла) совершения коррупционных преступлений. Ранее данный вопрос решался в рамках конфискации имущества. Соответственно, принципы такого способа контроля должны найти отражение в содержании самого наказания и регламентации порядка его исполнения.

Размеры наказаний в виде штрафа не претерпевали кардинальных изменений с момента отказа от исчисления с помощью МРОТ в 2003 году. Дискуссии относительно минимальных и максимальных размеров штрафа[3], основанные даже на элементарных аргументах ежегодной инфляции в стране, как правило, разворачиваются в теоретической плоскости и реально не учитываются законодателем. Повышение минимального и максимального размера наказания за предшествующие 20 лет коснулось лишь коррупционных преступлений и состава клеветы. В других нормах данный аспект сохраняется практически в неизменном виде. Корректировку же законодательных размеров штрафа фактически осуществляют в правоприменительной плоскости суды. При этом данный показатель в большей мере обуславливается особенностями конкретного деяния и лица, его совершившего, а также экономическими показателями (уровнем дохода населения и т.д.), обуславливающими справедливость его в конкретных условиях.

Отсутствие каких-либо иных правоотношений между государством и лицом, которому назначен данный вид наказания, существенно снижает эффективность преду-

---

[1] *Степашин В.М.* Злостное уклонение от отбывания наказаний и других мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы : монография. Омск, 2014. С. 130.

[2] *Гаухман Л., Максимов О., Жаворонков А.* Справедливость наказания: принцип и реальность // Законность. 1997. № 2. С. 5.

[3] *Уткина С.С.* Уголовное наказание в виде штрафа. Томск, 2004. С. 97, 107 ; *Бибик О.Н.* К вопросу о наказуемости как признаке преступления // Уголовное право. 2008. № 4. С. 11 ; *Плешков В.А.* Взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 4. С. 20 ; *Милюков С.Ф.* Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. С. 196-197.

предительного воздействия данной меры уголовно-правового характера. Так, исполнение штрафа предполагает выплату установленной денежной суммы и не содержит предписаний относительно поведения лица в период отбытия наказания либо после него.

Период оказания контролирующего воздействия на поведение осужденного напрямую связан с его позицией (и возможностью) исполнения данного вида наказания. Существующая возможность единовременной выплаты штрафа фактически превращает данное наказание в своеобразный откуп от уголовной репрессии, позволяет продолжить противоправную деятельность и не предполагает возможности хоть какого-то контроля со стороны правоохранительных органов.

Так, интересен опыт УК Испании (и других европейских стран), предполагающий длящийся характер штрафа даже при наличии финансовой возможности его выплаты. Назначение так называемых штрафодней предполагает определенную продолжительность и системность правоотношений между государством и осужденным, которые в таком случае приобретают возможность воспитательного, исправительного и дисциплинирующего влияния.

Предполагается, что контроль за поведением лица, которому назначено наказание в виде штрафа, как минимум, возможен и необходим в случае предоставления ему рассрочки исполнения данного наказания. Таким образом, осужденный был бы заинтересован в скорейшем исполнении наказания, а также существовала бы возможность контроля за поведением осужденного, влияния на него и осуществления превентивного воздействия.

Проявление социального контроля может быть усмотрено, в частности, в таком правовом средстве, как возможность замены неотбытой части наказания на иной вид наказания в случае его неисполнения.

Как правило, вопросы замены наказания в случае злостного уклонения от его отбывания рассматриваются в контексте усиления репрессии в отношении осужденного[1]. В то же время представляется, что смысловая нагрузка данной процедуры состоит именно в замене способа контроля за поведением осужденного в ситуации, когда ранее выбранный способ контроля не позволяет достичь целей уголовно-правового воздей-

[1] *Степашин В.М.* Злостное уклонение от отбывания наказаний и других мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы. Омск, 2015 ; *Пупышева Л.А., Булатов Б.Б.* Обязательные работы как вид уголовного наказания: назначение, исполнение, порядок замены в случае злостного уклонения от его отбывания. Омск, 2020. 84 с.

ствия. Потребность в контроле качественно усиливается в случае уклонения лица от исполнения назначенного наказания.

Замена штрафа в случае злостного уклонения от его уплаты имеет ряд проблем с позиции осуществления социального контроля за осужденным. Во-первых, ч. 5 ст. 46 УК РФ не предусматривает какого-либо эквивалента размера штрафа иным видам наказания. Формулировка о замене «в пределах санкции статьи УК РФ» не обладает достаточным превентивным эффектом, так как осужденный не получает представления о том, какой срок, вид и размер наказания ему будет необходимо исполнять в случае злостного уклонения. Такого рода обозначение (ознакомление) осужденного имело бы общепревентивный (устрашительный) эффект.

Современное уголовное законодательство предусматривает «двухколейную» систему санкций (правовых последствий), наступающих в случае уклонения лица от исполнения того либо иного судебного решения (приговора). В случае неисполнения (злостного уклонения) условного осуждения, условно-досрочного освобождения, иных мер уголовно-правового характера (конфискации имущества, принудительных мер воспитательного воздействия и т.д.) уголовное законодательство в качестве основного способа реагирования использует отмену назначенной (как правило, условной) меры воздействия с возвратом к отбытию назначенного судом наказания. К этой же категории следует относить случаи неисполнения наказаний, не связанных с лишением свободы. Регламентация данных санкций носит разрозненный характер и осуществляется применительно к каждой из мер индивидуально, т.к. основания и условия их наступления носят специфический характер. К ним можно отнести нормы, регламентирующие отбытие наказания: ч. 5 ст. 46, ч. 3 ст. 49, ч. 3 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53^1 УК РФ, и нормы, регламентирующие отбытие условных видов освобождения от наказания либо уголовной ответственности: ч. 5 ст. 74 УК РФ.

Изучение материалов судебных решений по признанию лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа свидетельствует о том, что суды зачастую принимают принудительный порядок взыскания, осуществляемый ССП, как нормальный и не свидетельствующий о злостности уклонения.

Из 90 изученных нами решений, в рамках которых уголовно-исполнительная инспекция ходатайствовала о признании лица злостно уклоняющимся и замене штрафа более строгим видом наказания, лишь 46% было удовлетворено. В оставшихся случаях суды отказывали в принятии такого решения, причем в основном по процессуальным мо-

ментам. Так, зачастую судебные решения об отказе в признании лица злостно уклоняющимся обосновывались недостаточностью мероприятий, проведенных ССП для подтверждения злостности уклонения, пропуском судебным приставом-исполнителем срока подачи ходатайства либо несвоевременным уведомлением (либо вообще неуведомлением) должника о том, что пропуск им срока выплаты повлечет признание его злостно уклоняющимся (ч. 6, 7, 9 ст. 103 ФЗ «Об исполнительном производстве»).

Данная практика, на наш взгляд, основана на избыточности требований к осведомлению осужденного о действиях органов принудительного исполнения, что противоречит самой сути наказания. Так, лицо, признанное виновным в соответствии с приговором суда, если ему назначено самое мягкое наказание, обязуется самостоятельно исполнить возложенное на него правоограничение. Принудительный же порядок взыскания, предусмотренный для иных правоотношений, не должен подменять уголовно-правовые отношения. Часть из них касается злостного уклонения от отбывания наказания. Соответственно, невыплата штрафа в установленный в приговоре срок должна либо влечь за собой признание лица злостно уклоняющимся, либо допускать возможность замены данного наказания на иное сопоставимое по строгости.

Высказываются предложения рассматривать в качестве критериев злостности неуплаты уклонение от отбывания наказания лишь в том случае, если невыплаченная часть наказания является значительной. Данное предложение пускай и содержит оценочный признак *значительности*, однако позволит избежать формального подхода при неуплате незначительной части штрафа, а также будет являться критерием, ориентирующим суды.

В то же время, на наш взгляд, данный признак должен носить рекомендательный характер, т.к. в противном случае лица, выплатившие большую часть штрафа, будут иметь возможность не исполнять оставшуюся часть приговора, не опасаясь быть признанными злостно уклоняющимися от исполнения наказания.

Ситуации же оставления неопределенного состояния, когда и наказание не исполняется, и лицо не признается злостно уклоняющимся, должны составлять только те случаи, когда лицо имеет объективные препятствия для выплаты штрафа. При этом невыплата штрафа в любом случае должна влечь за собой приостановку истечения сроков давности обвинительного приговора суда.

Такое положение должно вытекать из того, что штраф не является срочным видом наказания и не связан с прошествием срока его исполнения. Ранее устоявшаяся концепция относительно недопустимости замены штрафа на иные виды наказания (при отсутствии злостности уклонения) базировалась на недопустимости ухудшения правового положения осужденного, его дополнительного обременения вне рамок наказания.

Исключения могут составлять только объективные препятствия к такой своевременной выплате (заболевание осужденного, природные или техногенные аварии, катаклизмы и т.д.). При этом обязательства доказывания наличия данных исключительных обстоятельств должны возлагаться на самого осужденного, а не на должностных лиц. В противном случае лицо становится заинтересованным в фактическом уклонении при соблюдении им внешней процедурности исполнения штрафа (неявка в инспекцию, выезд за пределы населенного пункта, сокрытие имущества и т.д.).

Таким образом, необходимое уточнение правовых оснований признания лица злостно уклоняющимся от исполнения штрафа может быть изложено в ст. 32 УИК РФ в следующем виде:

«1. Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа признается осужденный, не уплативший штраф либо часть штрафа в установленный частями первой и третьей статьи 31 настоящего Кодекса срок.

1^1. Злостно уклоняющимся от уплаты штрафа также признается осужденный, совершивший после совершения преступления действия, направленные на сокрытие имущества, на которое может быть наложен арест в целях взыскания штрафа.».

К таким действиям необходимо относить: сделки с недвижимостью или иным имуществом, подлежащие государственной регистрации; безвозмездные сделки дарения близким родственникам, супругам, в том числе бывшим; увольнение с работы (при отсутствии отрицательных (обязательных) оснований увольнения или увольнения по инициативе работодателя).

Следующим слабым в превентивном плане аспектом выступает отсутствие возможности замены штрафа лишением свободы (за исключением кратного штрафа, назначенного за совершение коррупционных преступлений). Согласно ст. 46 УК РФ злостное уклонение от уплаты штрафа должно влечь его замену на другое, более строгое наказание, но не связанное с лишением свободы. Данное положение неоднократно критиковалось с точки зрения превентивного потенциала. Угроза замены штрафа наказаниями, не

связанными с лишением свободы, фактически образует состояние отложенного наказания. То есть после назначения наименее строго наказания и его неисполнения осужденным происходит повторное судебное разбирательство и назначается следующий (более строгий) вид наказания. При этом принципиального усиления кары не происходит. Например, замена штрафа исправительными работами, по сути, предполагает то же самое денежное взыскание, только в виде удержания из заработной платы. Единственным фактором, мотивирующим к исполнению денежного взыскания, выступает угроза назначения наказания, связанного с лишением свободы. Говоря о необходимости закрепления возможности замены штрафа на лишение свободы, С.В. Шевелева обоснованно указывает на проблему приемлемости замены штрафа, назначенного в качестве дополнительного наказания, на лишение свободы[1]. Несомненно, объективные препятствия в виде нахождения лица в местах лишения свободы должны исключать такого рода повторность наказания.

В законодательстве ряда зарубежных стран имеется прямое указание на эквивалент денежного штрафа (США, Франция, Германия). Например, в США соотношение срока тюремного заключения и суммы штрафа составляет один день тюремного заключения за один невыплаченный доллар (либо максимальный срок наказания, предусмотренный санкцией) (p. 18 3614, 3615)[2]. Несомненно, приравнивание денежной суммы к сроку лишения свободы является достаточно проблематичной задачей, однако она может быть решена с использованием установленного в Российской Федерации размера МРОТ. Так, учитывая, что с 1 января 2025 года минимальный размер оплаты труда (МРОТ) в России составляет 22 440 рубля в месяц, при пятидневной (40-часовой) рабочей неделе один день работы соответствует приблизительно 1122 рублям (или 140 руб. =1 час).

Данный показатель может быть обозначен и при назначении наказания в виде лишения свободы. Учитывая эквивалентность сроков лишения свободы и принудительных работ (ч. 6 ст. 53^1 УК РФ), злостное уклонение от уплаты штрафа на сумму 33 000 рублей предполагает возможность его замены на 1 месяц лишения свободы либо принудительных работ. Представляется, что данный эквивалент может быть взят за основу

---

[1] *Шевелева С.В.* Ответственность за уклонение от уплаты штрафа по уголовному законодательству России // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 2. С. 112-115.

[2] *Свод* законов США об уголовном праве. URL: https://constitutions.ru/?p=8105 (дата обращения: 27.03.2024).

для усиления правовых позиций замены штрафа при злостном уклонении от его исполнения, позволяя повысить его исполняемость.

Такой подход является приблизительным и должен предполагать возможность судебного усмотрения при определении итогового размера наказания в виде лишения свободы в случае злостного уклонения от уплаты штрафа.

Установление в законодательстве принципиальной возможности замены наказания в виде штрафа на все иные более строгие виды наказания (предусмотренные санкцией статьи), исходя из ранее предложенного нами эквивалента, позволит оказывать как общепревентивное, так и в случае непосредственной реализации данной замены – и частнопревентивное воздействие на осужденных.

Самостоятельным инструментом социального контроля выступает сохранение статусов **осужденного** и **лица, имеющего судимость**, в период отбытия данного вида наказания как средства выражения дальнейшего особого уголовно-правового положения лица в случае совершения им не только нового преступления, но и административного правонарушения.

Соответственно, в таком случае по прошествии одного года с момента осуществления выплаты лицо будет считаться несудимым (судимость погашается).

В данный период времени не предполагается каких-либо специфических процедур в отношении лица, которые были бы связаны с проверкой правопослушности его поведения и оказанием влияния на него. Контролирующее (сдерживающее) воздействие в отношении субъекта сохраняется (проявляется) благодаря институту судимости и уголовной преюдиции. В настоящее время УК РФ идет по пути расширения составов с уголовной преюдицией. К таким составам преступления относятся ч. 2 ст. 116^1 УК РФ (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), ч. 2 ст. 264^1 УК РФ (Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость), ч. 2 ст. 264^2 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами), ч. 2 ст. 264^3 УК РФ (Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость).

В зависимости от разновидности назначенного штрафа в качестве основного либо дополнительного наказания его исполнение происходит либо в порядке добровольной выплаты осужденным соответствующей суммы в бюджет государства (основное наказание), либо путем принудительного взыскания (выполняемого в порядке исполнительного производства). Однако положения ст. 83 УК РФ в определенных случаях позволяют прекращать правоотношения с осужденным (освобождать его от наказания с погашением соответствующих правовых статусов) даже в случае невыплаты соответствующих сумм[1].

Данный срок может быть существенно продлен в случае назначения штрафа с рассрочкой выплаты на срок до 5 лет. К этой же категории относят и институт отсрочки наказания, применяемый в соответствии с положениями ст. 398 УПК РФ. Однако если **рассрочка** является средством, интегрированным в сам вид наказания, и предусмотрена в рамках ст. 46 УК РФ при его назначении, то **отсрочка** штрафа не предусмотрена напрямую нормами УК РФ, регламентирующими данный вид наказания, а может применяться лишь в рамках отсрочки наказания в отношении узкого круга лиц при наличии условий, указанных в ст. 82 УК РФ.

Однако ч. 2 ст. 398 УПК РФ, не учитывая предписания УК РФ, допускает предоставление отсрочки в случаях, если немедленная уплата штрафа является для осужденного невозможной, даже при отсутствии условий, описанных в ст. 82 УК РФ (беременность, наличие несовершеннолетних детей и т.д.)[2]. Такой институт, по мнению ряда исследователей, обладает спорным содержанием с точки зрения справедливости, законности и целесообразности[3]. В то же время В.М. Степашин считает такое средство способом обеспечения реальной возможности более полной индивидуализации назначения и исполнения наказания в виде штрафа с использованием уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного инструментария, с учётом различных оснований для решения об отсрочке или рассрочке уплаты штрафа[4].

---

[1] *Карпов К.Н.* Сроки исполнения штрафа как средство достижения целей наказания // Законодательство и практика. 2022. № 2. С. 10-13.

[2] *Карпов К.Н.* Отмена условного освобождения от наказания военнослужащих (ст. 80^2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3. С. 75-80.

[3] *Тхайшаов Э.* К вопросу о более широком применении штрафа как вида уголовного наказания // Уголовное право. 2010. № 3. С. 64–65 ; *Скиба А.П.* Некоторые коллизии норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ при исполнении уголовного наказания в виде штрафа // Исполнительное право. 2008. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] *Степашин В.М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и других мер уголовной ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 145.

В данном случае необходимо отметить принципиально различный правовой статус лиц, которым предоставлена рассрочка штрафа и его отсрочка. Эти различия выражаются в следующих аспектах (см. приложение № 9):

1. Лицо, которому предоставлена рассрочка, считается исполняющим (отбывающим) данный вид наказания на протяжении всего периода рассрочки до момента фактической выплаты денежного взыскания. В случае же применения отсрочки лицо получает статус освобожденного от фактического исполнения наказания под определенным условием, установленным в соответствии со ст. 82 УК РФ (наличие детей в возрасте до 14 лет, исполнение родительских обязанностей и т.д.). Нарушение указанных условий влечет, соответственно, отмену отсрочки и возвращение к стадии исполнения наказания в виде штрафа. В свою очередь невыплата штрафа в установленные сроки в рамках рассрочки требует признания лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа с соответствующей заменой данного наказания на более строгое (ч. 5 ст. 46 УК РФ, ст. 32 УИК РФ).

2. При рассрочке штрафа осужденный обязан выплатить назначенную сумму штрафа в течение установленного срока. При отсрочке наказания, согласно положениям ч. 3 ст. 82 УК РФ, обязательство об уплате штрафа фактически аннулируется и лицо освобождается от таковой обязанности.

3. В случае предоставления рассрочки судимость погашается только по истечении одного года после полной выплаты суммы штрафа. В то же время отсрочка штрафа в рамках ч. 3 ст. 82 УК РФ предполагает освобождение лица от отбывания данного наказания по достижении ребенком возраста 14 лет вне зависимости от фактической выплаты либо невыплаты суммы штрафа (всей либо какой-то части). При этом Верховный Суд РФ в своем постановлении указывает, что «в случаях удовлетворения представления (ходатайства) об освобождении осужденного, которому предоставлена отсрочка отбывания наказания или оставшейся части наказания на основании части 4 статьи 82 УК РФ, вопрос о снятии судимости решается судом одновременно с основным вопросом в порядке, предусмотренном статьей 399 УПК РФ»[1].

Учитывая, что штраф является самым мягким видом наказания, положения ч. 3 ст. 82 УК РФ, предусматривающие альтернативное освобождению решение – замену наказания на более мягкое, фактически не применяются. Соответственно, исходя из

[1] *О практике* применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 7 июня 2022 г. № 14. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

предписаний ч. 2 ст. 86 УК РФ такой осужденный будет считаться несудимым с момента освобождения его от наказания.

4. Предоставление отсрочки штрафа и рассрочки штрафа по-разному рассматривается с позиции правовых последствий, предусмотренных ст. 83 УК РФ «Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда». Если отсрочка наказания по общему правилу приостанавливает течение данных сроков и возобновляет их лишь с момента фактического начала исполнения возложенных в рамках наказания обязательств, то рассрочка не предполагает приостановку сроков давности.

Однако положения ч. 2^1 ст. 83 УК РФ предписывают, что течение сроков давности приостанавливается, если осужденному предоставлена отсрочка отбывания наказания. В этом случае течение сроков давности возобновляется с момента окончания срока отсрочки отбывания наказания, за исключением случаев, предусмотренных ч. 3, 4 ст. 82 и ч. 3 ст. 82^1 УК РФ, либо с момента отмены отсрочки отбывания наказания. Так, если отсрочка предоставлялась в соответствии со ст. 82 УК РФ, то по достижении ребенком 14 лет (ч. 3 ст. 82 УК РФ) срок давности не должен возобновляться.

При предоставлении рассрочки в соответствии с ч. 3 ст. 46 УК РФ сроки давности продолжают исчисляться и могут фактически истечь ранее окончания выплат. Например, в случае совершения преступления небольшой тяжести данный срок составляет два года, в то время как рассрочка может быть назначена на 5 лет.

Предусмотренная УК РФ возможность предоставления рассрочки исполнения наказания в виде штрафа уже предполагает продление правоотношений. Однако и в данном случае у осужденного не возникает каких-либо обязательств по соблюдению правомерного поведения.

Предоставление рассрочки на срок до 5 лет изменяет лишь финансовые обязательства осужденного и продлевает период, в течение которого он может быть признан злостно уклоняющимся от уплаты штрафа. Учитывая длительность исполнения штрафа, представляется целесообразным установление лицу дополнительных ограничений, которые позволили бы государству влиять на его поведение и повысить исполнение назначенного наказания. К таким обязательствам может быть отнесен запрет выезда за пределы Российской Федерации.

Помимо рассрочки уплаты штрафа (ч. 3 ст. 46 УК РФ), положения ч. 2 ст. 398 УПК РФ предусматривают возможность назначения отсрочки исполнения штрафа[1]. Так, суды, руководствуясь в своих решениях нормами УПК РФ, прямо указывают, что «уплата штрафа может быть отсрочена или рассрочена на срок до пяти лет, если немедленная уплата его является для осужденного невозможной»[2]. Необходимо отметить, что отсрочка и рассрочка – это юридически разные правовые меры, с различными основаниями и условиями. Если для отсрочки в соответствии со ст. 82 УК РФ в качестве условий указана беременность либо наличие малолетних детей, то ч. 3 ст. 46 УК РФ говорит не о беременности, а об иных обстоятельствах, предопределяющих невозможность выплаты штрафа (тяжесть совершенного преступления, имущественное положение осужденного и его семьи, возможность получения осужденным заработной платы или иного дохода), соответственно, с различными сроками их исполнения и порядком завершения. То есть отсрочка штрафа может быть применена только при наличии условий, указанных в ст. 82 УК РФ, а рассрочка – при условиях, сформулированных в ст. 46 УК РФ. При этом в ст. 398 УПК РФ рассрочка штрафа упоминается.

В случае предоставления рассрочки выплаты штрафа наказание фактически исполняется, лицо считается осужденным и исчисляются сроки давности, предусмотренные ст. 83 УК РФ. В то же время отсрочка предполагает, что лицо не приступило к исполнению (отбытию) наказания. Соответственно, исчисление сроков давности (ст. 83 УК РФ) должно приостанавливаться. Таким образом, фактически существующее смешение указанных средств правового воздействия представляется недопустимым.

Пункт 3 ст. 398 УПК РФ содержит новое самостоятельное основание отсрочки, не предусмотренное УК РФ, предполагающее возможность отложить исполнение приговора на срок не более 6 месяцев при наличии «тяжких последствий или угрозы их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванных пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, другими исключительными обстоятельствами».

Не оспаривая в целом гуманность данной отсрочки, необходимо указать на то, что она также имеет скорее уголовную или уголовно-исполнительную природу, а ее предо-

---

[1] *Карпов К.Н.* Уголовно-правовое значение итоговых процессуальных решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания // Сибирское юридическое обозрение. 2024. Т. 21, № 1. С. 63-74.

[2] *Апелляционное* постановление Ярославского областного суда от 16 марта 2023 г. № 22-479/2023 по делу № 4/9-1/2022. URL: https://sudact.ru/regular/doc/sy3Fm62MPVZa/ (дата обращения: 19.04.2023).

ставление порождает вопрос о правовом статусе лица, которому она была предоставлена. Так, в соответствии с предписаниями ч. 2 ст. 86 УК РФ «лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым», что закономерно порождает вопрос: можно ли лиц, к которым были применены положения ст. 398 УПК РФ, считать несудимыми, либо в отношении них должны действовать иные правила расчета сроков судимости, и если да, то какие?

Таким образом, применение средств социального контроля в отношении осужденных к наказанию в виде штрафа требует наличия правовой возможности замены данного наказания в случае злостного уклонения от его исполнения на любое иное более строгое вплоть до лишения свободы.

В случае предоставления рассрочки либо отсрочки исполнения наказания должна быть закреплена правовая возможность установления дополнительных требований к поведению осужденного, как минимум, ограничивающих возможность свободного перемещения и выезда за границу.

Исполнение данного наказания в принудительном порядке регламентировано не только УИК РФ, но и специализированным ФЗ «Об исполнительном производстве». При этом положения ст. 103 данного ФЗ не учитывают изменения, произошедшие в уголовном законодательстве в 2018 г. (ст. 15 УК РФ «Категории преступлений»), и предусматривают прекращение производства об исполнении штрафа ранее, нежели истекают уголовно-правовые сроки давности за совершение преступлений категории средней тяжести и тяжких. В частности, ч. 2 ст. 103 данного ФЗ предусматривает, что исполнительный лист о взыскании штрафа за преступление может быть предъявлен к исполнению после вступления приговора в законную силу… в течение шести лет при осуждении за неосторожное преступление, за совершение которого УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок более трех лет; в течение десяти лет при осуждении за умышленное преступление, за совершение которого УК РФ предусмотрено максимальное наказание в виде лишения свободы на срок более пяти лет, но не более десяти лет.

Ст. 15 УК РФ относит к категории тяжких также и преступления, совершенные по неосторожности, санкция которых предусматривает наказание до 10 лет лишения свободы. Такое очевидное несовпадение с положениями ч. 3 и 4 ст. 15 УК РФ, скорее всего, возникло вследствие внесения в ст. 15 УК РФ недавних изменений и порождает проблему практического исполнения судебного решения.

Таким образом, применение данных норм не позволит исполнять наказание в виде штрафа в случае предоставления рассрочки его исполнения и последующей необходимости принудительного исполнения в случае отсутствия добровольности исполнения и отказа судом в замене штрафа и признания лица злостно уклоняющимся от уплаты штрафа. Указанные отличия обуславливают различное правовое положение лиц, к которым применяются отсрочка либо рассрочка, соответственно, говорить об однопорядковом значении данных мер, особенно в контексте инструментов социального контроля, не представляется возможным.

При этом необходимо обратить внимание на тот факт, что нормы ст. 82 УК РФ позволяют принимать решение об отсрочке любого вида наказания, в том числе и штрафа. В то же время положения ст. 398 УПК РФ предусматривают, что может быть отсрочено исполнение приговора об осуждении лица только к обязательным работам, исправительным работам, ограничению свободы, принудительным работам, аресту или лишению свободы. Фактически же Верховный Суд РФ указывает на возможность принятия аналогичных решений в отношении любого вида наказания, если такое ограничение не установлено нормами УК РФ.

Например, Воронежский областной суд своим апелляционным постановлением отменил решение суда первой инстанции, которым ранее осужденному было отказано в освобождении от наказания в виде штрафа в связи с болезнью на основании отсутствия данного наказания в перечне ст. 398 УПК РФ. При этом вышестоящий суд указал, что УК РФ (ст. 81 УК РФ) и УИК РФ не содержат исключений относительно видов наказаний, от отбывания которых лицо может быть освобождено, а к штрафу применяются общие правила[1].

Если же говорить о положениях ч. 2 ст. 398 УПК РФ, в рамках которой уплата штрафа может быть отсрочена или рассрочена на срок до пяти лет, если немедленная уплата его является для осужденного невозможной, то правовой статус такого осужденного становится в принципе неконкретизированным.

Во-первых, отсутствуют даже примерные указания на само основание отсрочки, с которым связана невозможность выплаты (тяжелое материальное положение; необходимость лечения самого осужденного либо детей или иных лиц, находящихся на иждевении, и т.д.), и период, на который она должна (может) быть назначена.

---

[1] *Постановление* Воронежского областного суда от 20 февраля 2017 г. № 22-388/2017. URL: https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=18984906 (дата обращения: 23.05.2024).

Во-вторых, на период такой отсрочки не предусмотрено установление каких-либо требований к поведению осужденного и выполнению обязательств имущественного характера.

В-третьих, на период отсрочки лицо не имеет вообще какого-то определенного уголовно-правового статуса, т.е. оно и не освобождено от наказания (ст. 82 УК РФ) и не отбывает наказание (ч. 3 ст. 46 УК РФ). Так, в случае совершения осужденным в период такой отсрочки нового преступления оснований для отмены отсрочки не существует.

В частности, положение ч. 5 ст. 82 УК РФ предписывает, что, если в период отсрочки отбывания наказания осужденный, указанный в части первой настоящей статьи, совершает новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 УК РФ. Аналогичного же правила для отсрочки в ст. 398 УПК РФ не предусматривается. В таком случае назначение наказания по совокупности приговоров становится невозможным, а отсрочка должна продолжиться.

Не всегда возможно однозначно ответить, соответствует ли данный казус принципам справедливости и целесообразности, однако то, что внедрение таких несистемных предписаний затрудняет индивидуализацию наказания и ограничивает компетенцию суда, не вызывает сомнения (подробнее указанные отличия представлены в приложении № 9).

В-четвертых, правовые последствия истечения срока, предоставленного для отсрочки в соответствии с ч. 2 ст. 398 УПК РФ, не регламентированы ни в данном, ни в других нормативных правовых актах. В частности, не указаны такие значимые положения, как период времени после окончания срока отсрочки, в течение которого лицо обязано приступить к выплате штрафа; право суда повторно назначить отсрочку либо рассрочку; возможность освобождения лица от уплаты штрафа по другим основаниям.

Механизм социального контроля в данном случае связан с принуждением к осуществлению денежной выплаты, а также нахождением лица в определенных правоотношениях с государством, предполагающих, что лицо находится в статусе еще не отбывшего наказание и обязан придерживаться правомерного поведения.

В целях конкретизации правоотношений, возникающих в результате применения рассматриваемых средств уголовно-правового воздействия, необходимо установить в нормах УК РФ, что в случае предоставления отсрочки либо рассрочки выплаты штрафа, а также в случае выплаты его через процедуру принудительного взыскания лицо сохраняет правовой статус осужденного, не отбывшего наказание. Соответственно, данный правовой статус будет предполагать следующие особенности. Во-первых, в случае совершения нового преступ-

ления возникает возможность назначения нового наказания по совокупности приговоров (ст. 70 УК РФ). Во-вторых, лицо сохраняет статус судимого до истечения года после момента отбытия штрафа. В-третьих, сроки давности, предусмотренные ст. 83 УК РФ, не исчисляются в случае признания лица злостно уклоняющимся от отбытия наказания (ст. 46 УК РФ).

Таким образом, основные контролирующие компоненты в отношении данной категории лиц основаны на: 1) принуждении лица к скорейшей либо, как минимум, своевременной выплате суммы штрафа; 2) наличии уголовно-правового статуса судимости с отнесением лица к категории специальных субъектов преступления с уголовной преюдицией; 3) сохранении возможности замены штрафа на более строгий вид наказания в случае его неисполнения (злостного уклонения от уплаты).

С учетом того, что штраф является самым мягким видом наказания и зачастую применяется в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, именно их правовой статус в период отбытия данного наказания позволяет оказывать контролирующее влияние на их поведение. Речь идет о системном применении инструментов составов с административной либо уголовной преюдицией. К данным составам на сегодняшний день относятся ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 264^1–264^3 УК РФ.

В целом правоприменитель зачастую вынужден отдавать предпочтение процессуальному законодательству, не учитывая того, что принятие итогового процессуального решения имеет принципиальное значение для определения дальнейшего правового положения лица, совершившего преступление (определение наличия либо отсутствия судимости, исчисление сроков давности приговора суда, установление общеправовых последствий совершения преступления и т.д.).

Ввиду рассогласованности между предписаниями УК РФ, регламентирующими основания освобождения от уголовной ответственности или наказания, и нормами УПК РФ, устанавливающими основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), возникает состояние неопределенности отдельных уголовно-правовых статусов лиц, совершивших преступления. Данная неопределенность проявляется в невозможности отнести лицо к категории: судимого; лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; осужденного, которому предоставлена отсрочка исполнения наказания, – и применить к ним соответствующие уголовно-правовые последствия негативного либо позитивного постпреступного поведения

Решение указанных проблем может и должно происходить путем приведения норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства в соответствие друг с другом, исходя из целей, задач и предмета правового регулирования данных отраслей. Так, положения ч. 2 ст. 398 УПК РФ могут быть имплементированы в Раздел IV (Освобождение от уголовной ответственности и от наказания) УК РФ с уточнением оснований принятия такого решения и правовых последствий его исполнения.

Правовое регулирование контроля за поведением осужденных к наказанию в виде ограничения свободы

Анализ уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, а также правоприменительной практики демонстрирует непоследовательность в вопросе законодательного закрепления содержания мер и средств социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление и осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, либо освобожденных от наказания под определенным условием. Так, М.Р. Гета отмечает, что правоограничения, закрепленные в ч. 1 ст. 53 УК РФ, не имеют признаков кары и носят сугубо предупредительный характер. Поэтому «модернизированное ограничение свободы де-факто не является наказанием за отсутствием в нем содержательных элементов»[1].

Реализация ограничения свободы не предполагает контроль за поведением осужденного вне установленных в отношении него в приговоре ограничений по перемещению. Однако в теоретическом плане предполагается, что «применение данного вида наказания возможно исключительно к тем лицам, которые способны к самостоятельному контролю собственного поведения и лишены склонности к прогрессирующему или устойчивому преступному поведению»[2].

Например, при условном осуждении лицо, помимо прочего, обязано соблюдать общественный порядок и возмещать вред, причиненный преступлением (ч. 1, 2 ст. 74 УК РФ). Соответственно, нарушение общественного порядка либо уклонение от возмещения вреда являются основаниями продления либо отмены условного осуждения и направления лица для отбытия наказания. В свою очередь ограничение свободы как вид наказания не предусматривает подобных требований к поведению осужденного. Каких-либо неблагоприятных

---

[1] *Гета М.Р.* Ограничение свободы: новелла уголовного закона // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. : в 4 ч. Ч. 4. Томск, 2010. С. 68-69.

[2] *Егорова Н.А.* Ограничение свободы как вид наказания: проблемы и перспективы // Современные проблемы противодействия преступности : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Волгоград, 2019. С. 75-77.

уголовно-правовых последствий для осужденного, неоднократно нарушившего общественный порядок, не возникает. Также не возникает неблагоприятных последствий и в случае уклонения данного лица от исполнения обязательств по возмещению причиненного преступлением вреда.

Соответственно, сравнение наказания в виде ограничения свободы с условными мерами уголовно-правового воздействия (условное осуждение, УДО), содержанием которых выступают аналогичные ограничения (не покидать территории населенного пункта (места проживания), являться в УИИ и т.д.), позволяет говорить о некорректном использовании данных мер уголовно-правового воздействия. На схожесть данных мер уголовно-правового воздействия (наказания – ограничение свободы и ряд условных мер уголовно-правового характера) указывает и В.Ф. Лапшин[1], приходя к выводу о неприемлемости их совместного существования в уголовном законе.

По логике уголовного закона наказание является карательной мерой уголовно-правового воздействия и по тяжести (строгости) является более репрессивным, нежели условные меры уголовно-правового воздействия, не предполагающие каких-либо карательных правоограничений[2]. Фактически же содержание данных правоограничений делает условное осуждение более строгой мерой воздействия, нежели наказание в виде ограничения свободы. Лицо, которому назначено наказание в виде ограничения свободы, находится в более привилегированных условиях по сравнению с лицом, которому наказание было назначено условно. Оно может совершать административные правонарушения, не опасаясь отмены данного наказания. Совершение же осужденным в период отбытия наказания в виде ограничения свободы административных правонарушений, уклонение от возмещения вреда, по сути, свидетельствуют о недостижении целей наказания, однако не могут быть учтены ни в качестве основания для замены наказания более строгим, ни в качестве основания установления дополнительных требований к поведению осужденного.

---

[1] *Лапшин В.Ф.* Условное осуждение и судимость как рудименты современного уголовного права // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. и кр. столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России : в 10 т. Т. 3. Рязань, 2019. С. 168-171.

[2] Данная позиция находила отражение в Постановлении Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2009 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Совершение нового преступления лицом, отбывающим наказание в виде ограничения свободы, не является основанием для отмены данного наказания. Неотбытая часть может быть присоединена к наказанию, назначаемому за совершение нового преступления. Кроме того, отмена условного осуждения в порядке ст. 74 УК РФ предполагает направление лица для реального отбытия назначенного наказания либо назначение наказания по правилам ст. 70 УК РФ. При этом неотбытым считается весь срок (размер) наказания без учета прошедшего испытательного срока. В свою очередь при отбытии наказания в виде ограничения свободы в случае его замены на более строгое замене подлежит только неотбытая часть (срок) наказания. Например, если условно осужденному было назначено наказание в виде лишения свободы на срок 3 года, он находился два года на испытательном сроке, но в дальнейшем был направлен для его реального отбывания, то он будет отбывать полностью 3 года лишения свободы. В то же время лицо, приговоренное к ограничению свободы, заменному через 2 года на лишение свободы, будет отбывать только оставшуюся часть наказания в виде ограничения свободы (1 год), с учетом соответствующего эквивалента.

Еще одно подтверждение возможности и необходимости осуществления контроля в отношении лиц, осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы, можно усмотреть в ранее существовавшем порядке исполнения наказания в виде исправительных работ.

Так, ст. 41 УИК РФ (в редакции до 2003 г.[1]) предусматривала возможность установления осужденным ряда обязательств (ограничений и запретов). УИИ могли самостоятельно на срок до 6 месяцев установить осужденному следующие ограничения: а) запретить осужденному пребывание вне дома в определенное время суток; б) запретить осужденному покидать место жительства в выходные дни, а также в период отпуска; в) запретить осужденному пребывание в определенных местах района (города); г) обязать осужденного до двух раз в месяц являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации. Примечательно, что организационные проблемы с исполнением непосредственно исправительных работ (отсутствие работы у осужденного) не являлись основанием для освобождения его от исполнения обязанностей и соблюдения запретов, установленных УИИ.

---

[1] *О приведении* Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : фед. закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Содержание указанных обязательств фактически идентично аналогичным правоограничениям, применяемым в рамках наказания в виде ограничения свободы либо условного осуждения. Они позволяли определенным образом дисциплинировать поведение, определять степень достижения целей наказания и оперативно реагировать на изменение поведения лица в негативном плане, а также стимулировать к позитивному поведению.

Принятие же указанных изменений повлекло возникновение проблем с осуществлением контроля за поведением осужденных, отбывающих исправительные работы, а также определением возможных его форм и методов[1]. Так, действующая редакция ч. 3 ст. 39 УИК РФ предписывает, что УИИ осуществляют контроль соблюдения условий отбывания наказания осужденными и исполнение требований приговора администрацией организаций, в то время как ранее действовавшая редакция предусматривала возможность контроля за поведением осужденных, а также при необходимости направление их в органы службы занятости для трудоустройства. Такого рода «усеченный» характер уголовно-правового воздействия негативным образом сказывается на возможности оказания исправительного и воспитательного воздействия, свидетельствует об отсутствии в нормативном базисе функционирующего механизма воспитательного воздействия на осужденных к обязательным работам и невозможности стимулирования их к правопослушному поведению, а соответственно, снижению превентивной роли уголовно-правового воздействия[2].

Таким образом, роль УИИ сводится к формальному учету данной категории осужденных и невозможности оказания влияния на их поведение и на реализацию исправительного воспитательного воздействия. Существующий же формат исправительных работ практически сопоставим со штрафом, исполняемым не одномоментно, а в порядке рассрочки.

Указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости установления унифицированных средств контроля за поведением лиц, освобожденных от наказания либо осужденных к наказанию, не связанному с лишением свободы.

---

[1] *Хромых Е.В.* Проблемы исполнения исправительных работ // Юристъ-Правоведъ. 2004. № 4. С. 82-85.

[2] *Красоткин П.Н.* Применение мер поощрения к лицам, отбывающим наказание в виде исправительных работ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2010. № 3. С. 63-67 ; *Красоткин П.Н.* Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ : дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2014. С. 49, 57, 63-67 ; *Авраменко В.Ю.* Ресоциализация заключенного как социально-педагогическая цель работы с ним в исправительном учреждении // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2010. № 1. С. 82-85.

Данные средства, помимо специально предусмотренных для конкретного вида наказания, должны предполагать установление обязательств:

1. Не совершать новых преступлений;
2. Не нарушать общественный порядок;
3. Не совершать административных правонарушений;
4. Не уклоняться от возмещения вреда, причиненного преступлением.

Соответственно, правоохранительные органы будут иметь возможность легальной проверки соблюдения осужденными установленных обязательств, а выявление фактов несоблюдения указанных требований будет свидетельствовать о необходимости корректировки средств воздействия, т.е. может (либо должно) влечь отмену ранее назначенной меры уголовно-правового воздействия.

Контроль за поведением лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, предполагает карательное воздействие именно путем установления требований к перемещению осужденного в пространстве. На это неоднократно указывалось в решениях судов различных инстанций. При этом суды указывали на недопустимость ограничения иных прав осужденного, если это косвенно связано с его перемещением.

Так, ст. 50 УИК РФ предусматривает основания предоставления возможности осужденному выезда за пределы установленного населенного пункта при наличии исключительных обстоятельств. В части трудоустройства п. «е» ч. 4 ст. 50 перечисляет следующие обстоятельства:

– явка в органы службы занятости населения для регистрации и дальнейшего взаимодействия с этими органами в целях поиска подходящей работы либо регистрации в качестве безработного, если в установленных судом пределах территории отсутствуют соответствующие органы службы занятости населения;

– прохождение предварительного собеседования;

– прохождение обязательного предварительного медицинского осмотра (обследования), необходимого для заключения трудового договора, если этот осмотр (обследование) не может быть пройден в установленных судом пределах территории;

– заключение трудового договора;

– заключение договора гражданско-правового характера, предметом которого являются выполнение работ и (или) оказание услуг;

– государственная регистрация в качестве индивидуального предпринимателя, получение лицензии (разрешения) на осуществление определенного вида деятельности.

Указанный перечень не содержит прямого указания на возможность выезда осужденного *в связи со служебной командировкой*. В связи с этим в судебной практике не так редки случаи трудоустройства лица в организации, деятельность которых связана с систематическим командированием сотрудников в другие регионы, либо на работу, напрямую связанную с длительным нахождением в других регионах (водители-экспедиторы, работа вахтовым методом в районах Крайнего Севера и т.д.).

Учитывая длительность командировок либо возможность работы вахтовым методом, осужденные получают возможность на длительный срок покидать место постоянного проживания на систематической основе и не претерпевать тягот и лишений, обусловленных назначенным наказанием. В связи с тем, что лицо не осуществляет переезд, оснований для постановки его на учет в УИИ по месту командирования не имеется. Соответственно, в период командировки лицо не осуществляет явок в УИИ и свободно перемещается за пределами территории населенного пункта, обозначенного в судебном решении.

Собственно и к исключительным случаям такое перемещение отнести сложно. В связи с этим возникает ситуация, когда УИИ не имеют правовой возможности разрешить осужденному выезд в командировку по той причине, что нормативный правовой акт, регламентирующий полномочия должностных лиц УИИ, не предоставляет им такого права. В данной ситуации выдача разрешения на выезд предполагает выход УИИ за пределы предоставленных ей законом полномочий, однако и невыдача такого разрешения рассматривается судами как неоправданное расширение ограничиваемых прав осужденного.

В то же время суды исходят из положений уголовного закона и его толкования, данного в ППВС «О наказании». Руководствуясь ст. 53 УК РФ и п. 17, 18 ППВС РФ «О наказании», суды удовлетворяют требование осужденного в части признания постановления УИИ противоречащим закону и требуют пересмотреть его[1]. Учитывая, что выдача разрешений на временный выезд осужденному из места проживания в компетенцию судов не входит, они не могут своим решением предоставить такое право осужденному, а также и принудить УИИ к выдаче такого разрешения.

[1] *Решение* Ленинского районного суда г. Перми от 5 октября 2023 г. № 2а-4222/2023 УИД: 59RS0004-01-2023-003512-16. URL: https://sudact.ru/regular/doc/2YruMd1J5ydT/ (дата обращения: 25.06.024).

В результате осужденный вынужден оспаривать решения должностных лиц УИИ и пытаться получить разрешение. Такая ситуация, несомненно, не способствует исправлению осужденного, а лишь усугубляет негативное отношение к органам, исполняющим наказание, и государственной власти в целом.

Сложившаяся ситуация становится возможной в связи с узким пониманием сущности наказания в виде ограничения свободы. Учитывая, что данный вид наказания не предполагает нахождения лица в условиях изоляции, определяемые правоограничения, на наш взгляд, могут касаться различных аспектов жизнедеятельности лица, в том числе возможности свободно избирать место трудовой деятельности. Например, установление ограничения на пребывание в местах проведения массовых мероприятий также будет ограничивать право осужденного на трудоустройство в организации, чья деятельность связана с посещением данных мест или нахождением в них. Однако в данном случае приоритет отдается именно установленному ограничению. В случае с выездом в служебные командировки осужденный обязан использовать возможности трудоустройства в регионе проживания, в противном случае наказание фактически не исполняется.

Выходов из сложившейся ситуации может быть несколько:

1) установление запрета на трудоустройство в ином регионе при наличии аналогичных вакансий по месту постоянного проживания осужденного;

2) приостановление с соответствующим продлением срока исполнения наказания на период командировки осужденного;

3) осуществление исполнения данного наказания таким образом, при котором контроль за осужденным сохраняется вне зависимости от места его пребывания. Так, выезд в командировку осужденного не должен отменять его обязанности явиться в орган УИИ и встать на соответствующий учет. Соответственно, непостановка на учет по месту нахождения осужденного должна рассматриваться как уклонение от исполнения обязанностей, установленных судом, и влечь неблагоприятные последствия. Данные подходы могут быть законодательно реализованы в рамках ст. 50 УК РФ.

Контроль за поведением осужденных к ограничению свободы

Непосредственное содержание правоограничений, предусмотренных УК РФ и устанавливаемых осужденному, является центральным элементом контроля за поведением осужденного в период отбытия наказания в виде ограничения свободы. Так, И. Я. Фойницкий высказывался за то, что «предметом наказания должны быть выбирае-

мы такие блага, отнятие которых чувствительно для лица и отнять которые государство имеет возможность»[1]. В развитие данной мысли Е.В. Есипов, подчеркивая изменчивость личности преступника, предполагал возможность видоизменения наказания «сообразно специфическим чертам состояния виновного»[2].

Проведенный анализ содержания правоограничений, оснований, условий, а также правовых последствий невыполнения, применяемых в рамках таких мер уголовно-правового воздействия, как ограничение свободы, условное осуждение, а также административный надзор, позволяет говорить о схожести их содержания и функциональной нагрузки (см. приложения №№ 3, 5). Содержание указанных таблиц свидетельствует об однотипности как условий, которые должны выполняться лицом в период нахождения под контролем, так и показателей позитивного либо негативного изменения его поведения.

Среди предусмотренных УК РФ правоограничений явка для отметки в УИИ является одной из наиболее распространенных мер, позволяющей контролировать поведение осужденного. Данное обязательство устанавливается как в отношении условно осужденных, освобожденных от отбывания наказания, осужденных к ограничению свободы, так и в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы и находящихся под административным надзором ОВД. Содержание данного обязательства позволяет осуществить непосредственный контакт представителя органа, осуществляющего контроль, с подконтрольным: провести с ним беседу, удостовериться в соблюдении им установленных в отношении него требований, в случае необходимости получить объяснения относительно его поведения. Кроме того, данная мера определенным образом дисциплинирует осужденного, заставляя организовывать свое время таким образом, чтобы посетить соответствующую УИИ.

Проводимый опрос лиц, находящихся под контролем УИИ, показал, что осужденные в основном соглашаются с тем, что благодаря реализации мероприятий (ограничений) условного осуждения, условно-досрочного освобождения, ограничения свободы в их жизни произошли позитивные изменения. Для 82% респондентов примененная мера позволила осознать ошибки и исправиться, изменить образ жизни (см. приложение № 12).

В то же время обязательство о явке в УИИ (либо ОВД) носит достаточно формальный характер и далеко не во всех случаях является необходимым компонентом социального контроля.

---

[1] *Фойницкий И.Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением. М., 2000. С. 54-55.

[2] *Есипов В.В.* Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые. Варшава, 1984. С. 320.

В зависимости от характера совершенного преступления и особенностей осужденного данная мера может лишь создавать излишние ограничения, отвлекая от выполнения трудовых обязанностей.

Опрос, проведенный нами среди лиц, которым было назначено условное осуждение и ограничение свободы, показал, что явка является формальным компонентом наказания и негативно воспринимается осужденными исключительно как дополнительное обременение. В то же время более 60% осужденных выразили согласие на участие в различных воспитательных мероприятиях (тренингах, лекциях, занятиях с психологами), в случае если за такое участие будет сокращаться испытательный срок (срок наказания). При этом большинство осужденных не выразили желания дополнительно проходить какие-либо обследования либо специализированные курсы в рамках установленного срока наказания.

Так, какими бы позитивными (предназначенными для самих осужденных) не являлись мероприятия, проводимые в рамках ограничения свободы или условного осуждения, они в любом случае воспринимаются подавляющим большинством осужденных как дополнительное обременение. Только незначительная часть осужденных (23%) осознанно и прагматично оценивают возможность пройти психологическое обследование, лечение, обучение и т.д.

В такой ситуации необходимо, во-первых, проведение среди осужденных разъяснительной работы о необходимости изменения образа жизни; во-вторых, организация и проведение различного рода психологических обследований и привлечение осужденных к участию в различного рода образовательных программах, курсах психологической коррекции, тренингах и т. д.; в-третьих, закрепление в ст. 53 УК РФ развернутого и незакрытого перечня ограничений и обязательств, которые может устанавливать суд как в процессе провозглашения приговора, так и в дальнейшем по ходатайству УИИ при отбытии наказания. Такая практика позволит выбирать индивидуально необходимые меры для каждого осужденного, а также предоставит возможность УИИ не только пассивно исполнять судебное решение, но и активно участвовать в реализации мер уголовно-правового воздействия, влияя на индивидуальное определение их содержания.

Исполнение наказания в виде ограничения свободы фактически требует осуществления данной деятельности УИИ, не предъявляя каких-либо требований самому осужденному в части обязательства явиться в соответствующий орган ФСИН РФ. Уста-

новленные в приговоре обязательства требуют соблюдения их только после начала исполнения приговора.

Исполнение же наказания в виде ограничения свободы происходит только после процедуры постановки осужденного на учет и уведомления его УИИ об установленных судом обязательствах. До этого момента осужденный не обязан ни соблюдать указанные ему ограничения, ни прибывать самостоятельно в УИИ для постановки на учет.

Исходя из предписаний ст. 53 УК РФ наказание в виде ограничения свободы состоит в «установлении судом осужденному ограничений». Данный вид наказания «по характеру налагаемых судом ограничений и с учетом сроков их назначения является довольно серьезным, поскольку ограничивает права и свободы человека на его перемещение, посещение определенных мест, использование определенных форм досуга, выбор места работы, учебы»[1]. Однако фактическое содержание наказания выражается именно в соблюдении самим осужденным данных ограничений (т.е. воздержании от выполнения запрещенных действий), а также выполнении предписанных обязательств. УИИ в свою очередь организует, конкретизирует и контролирует исполнение осужденным того либо иного ограничения (не покидать места жительства, являться в УИИ и т.д.). Однако такая организация не исключает обязанности самого осужденного соблюдать установленные в приговоре запреты и ограничения с момента вступления приговора в законную силу.

Законодательная регламентация процесса исполнения наказания предполагает, что фактическая обязанность осужденного соблюдать установленные в приговоре обязательства возникает не с момента вступления приговора в законную силу и соблюдения установленных ограничений (обязательств) самими осужденным, а только после определенных процедур УИИ (постановки на учет и т.д.). Согласно ч. 1 ст. 49 УИК РФ срок ограничения свободы назначенного в качестве основного вида наказания исчисляется со дня постановки осужденного на учет уголовно-исполнительной инспекцией. Данная процедура предполагает физическое присутствие осужденного в УИИ и уведомление о его правах, обязанностях и установленных обязательствах[2]. Учитывая отсутствие достаточно конкретизированных требований к самому осужденному в части обязательства явиться в соответствующий орган ФСИН РФ, лицо, даже не всегда соблюдая предпи-

---

[1] *Непомнящая Т.В.* Проблемы назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2010. № 3. С. 175-178.

[2] *Ибрагимова Н.М.* Порядок исполнения и отбывания, а также сроки исчисления наказания в виде ограничения свободы // Актуальные проблемы экономики и права. 2010. № 3. С. 153-155.

санные ему в приговоре обязательства, все же может избегать неблагоприятных последствий такого несоблюдения.

Показательным примером такой ситуации является дело осужденного гр. Б. Домодедовским судом Московской области гр. Б. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ. Приговор вступил в силу 25 января 2022 г. В данном приговоре осужденному были установлены следующие обязанности: не покидать территорию Российской Федерации, не выезжать за пределы территориального муниципального образования «Дружинский сельский округ Омской области», не менять постоянного места жительства без согласования с УИИ, являться в УИИ не реже раза в месяц. Так как осужденный зарегистрирован и фактически проживает в г. Омске, он убыл и проживал по месту регистрации. До марта 2024 г. осужденный не встал на учет в УИИ по месту жительства. Справедливости ради необходимо отметить, что он самостоятельно прибывал в УИИ, однако в связи с тем, что приговор в отношении него не поступал для исполнения в УИИ г. Омска, то и на соответствующий учет он не был поставлен. Только в марте 2024 г., после поступления приговора в УИИ и вызова осужденного, а также его уведомления об исполнении назначенного наказания был установлен срок исполнения наказания в 2 года. Соответственно, до этого периода лицо хотя и считалось осужденным, но не исполняло установленные ему ограничения.

В мае 2024 г. осужденный, оспаривая действия УИИ, попросил отменить ему исполнение наказания на основании ст. 83 УК РФ, в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда. Единственным основанием приостановления срока давности в данном случае являлось бы признание его злостно уклоняющимся от исполнения наказания, однако ни ст. 53 УК РФ, ни ст. 58 УИК РФ не позволяют признать злостно уклоняющимся от исполнения наказания лицо, которое не было в надлежащем порядке уведомлено об исполнении наказания и не получило соответствующий правовой статус.

Даже несмотря на те обстоятельства, что осужденный неоднократно выезжал за пределы г. Омска и привлекался к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения на территории других регионов Российской Федерации, суд был вынужден прекратить исполнение наказания[1]. Данная ситуация наглядно де-

[1] *Постановление* Омского районного суда Омской области от 5 июля 2024 г. по делу № 4/17-298/2024. URL: https://omskiycourt--oms.sudrf.ru (дата обращения: 30.03.2025).

монстрирует наличие проблемы законодательного регулирования момента начала исполнения наказания в виде ограничения свободы.

Фактически лицо, являясь осужденным, не получает возможности отбывать наказание. В такой ситуации возникает вопрос: обязан ли осужденный самостоятельно придерживаться установленных в приговоре обязательств, либо их установление получает юридическое значение только после начала процедуры исполнения наказания? В узко юридическом смысле статус осужденного, в отношении которого еще не началось исполнение наказания (либо приостановлено), не предполагает соблюдение им обязанностей, указанных в приговоре.

Учитывая достаточно большой временной промежуток между вступлением приговора в законную силу и моментом начала исполнения приговора, представляется, что лицо все же претерпевает определенные правоограничения. Например, если приговор не исполняется по причинам, не зависящим от осужденного, увеличивается срок судимости, который будет исчисляться только после окончания отбытия наказания. Данный правовой статус может быть учтен, например, в случае совершения преступлений с уголовной преюдицией (ч. 2 ст. 116^1 УК РФ и др.) либо при реализации административного надзора, а также общеправовых ограничений, установленных отраслевым законодательством.

В частности, предусмотренное в ч. 2 ст. 47^1 УИК РФ правило о том, что уведомление о необходимости явки для постановки на учет вручается осужденному самой же УИИ по месту жительства, порождает ситуацию «заколдованного круга». Отсутствие приговора в УИИ влечет неуведомление осужденного, а соответственно, и снимает с него обязательство явки для постановки на учет в УИИ. Данная процедурная оплошность, на наш взгляд, не должна снимать с осужденного обязанность выполнять установленные приговором суда предписания, обязательства и запреты. Учитывая, что конкретный перечень запретов и обязательств в отношении осужденного устанавливается приговором суда, их исполнение (соблюдение) должно происходить непосредственно с момента вступления приговора в законную силу. В противном случае лицо имеет возможность фактически уклониться от исполнения наказания, при этом юридически его нельзя признать злостно уклоняющимся и применить последствия такого уклонения[1].

---

[1] *Колбасова Е.В., Иванцов С.В.* Проблемы исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы и меры по совершенствованию его законодательной регламентации // Закон и право. 2017. № 12. С. 87-91.

Подтверждением тому может служить ситуация с исполнением ограничения свободы, назначенного в качестве дополнительного вида наказания. Оно согласно ч. 2 ст. 49 УИК РФ исчисляется со дня освобождения осужденного из исправительного учреждения. При этом время следования осужденного из исправительного учреждения к месту жительства или пребывания засчитывается в срок отбывания наказания в виде ограничения свободы.

Данным правилом руководствовались суды при решении вопроса назначения наказания по совокупности приговоров гр. О. Из материалов уголовного дела следует, что гр. О., осужденный в 2010 г. к 8 годам лишения свободы, после замены лишения свободы в 2017 г. на более мягкий вид наказания не явился в УИИ по месту пребывания и не встал на учет для исполнения наказания в виде ограничения свободы. Позже, в 2023 г., за совершение нового преступления суд первой инстанции, посчитав наказание в виде ограничения свободы фактически не исполненным, присоединил его к вновь назначенному наказанию по правилам ст. 70 УК РФ. Однако суды апелляционной и кассационной инстанций посчитали, что ограничение свободы фактически исчислялось с момента освобождения из мест лишения свободы и, соответственно, является исполненным, т.е. не может быть присоединено.

В свою очередь ВС РФ, отменяя ранее принятые по данному делу решения нижестоящих судов, указал на то обстоятельство, что «согласно ч. 3 ст. 47^1 УИК РФ осужденный, которому неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена ограничением свободы, освобождается из учреждения, в котором он отбывал наказание в виде лишения свободы, и следует к месту жительства самостоятельно за счет средств федерального бюджета». Предусмотренный же в ст. 49 УИК РФ порядок исчисления срока ограничения свободы применяется только в случае, если осужденный исполнил требования, указанные в выданном ему предписании, и явился в уголовно-исполнительную инспекцию в установленный срок.

Таким образом, вопрос исчисления срока наказания в виде ограничения свободы ставится в зависимость от явки / неявки осужденного в соответствующий орган УИИ. Фактическое же исполнение возложенных в рамках приговора обязательств возможно только после постановки на учет в соответствии с имеющимся в УИИ приговором.

Соответственно, ВС РФ исходил из того, что осужденному было выдано предписание, в соответствии с которым он обязан прибыть в ФКУ УИИ, однако для постановки

на учет в филиал он не являлся. В таком случае «отсутствие сведений о самовольном отсутствии по месту жительства, об объявлении его в розыск, о применении к нему мер взыскания, признании его злостно уклоняющимся от отбывания наказания для решения вопроса об исчислении реально не отбытого срока ограничения свободы значения не имеет»[1]. Принятие же итогового решения о назначении наказания основывалось на том факте, что «в материалах дела не имеется данных о явке осужденного в ФКУ УИИ, как на это было указано в предписании». Однако при отсутствии приговора в распоряжении УИИ таких сведений и не могло возникнуть. Даже если лицо самостоятельно прибыло и уведомило УИИ, до момента поступления приговора и постановки его на учет в отношении него не могут проводиться контрольные мероприятия, а содержание правоотношений между осужденным и соответствующими органами остается неопределенным.

Представляется, что рассматриваемая проблема исполнения наказания в виде ограничения свободы связана с двойственностью подхода к добросовестности поведения осужденного исходя из того факта, было ли назначено наказание в виде ограничения свободы в качестве основного либо дополнительного наказания.

Неисполнение ограничения свободы как **основного** вида наказания, с одной стороны, не приостанавливает исчисление сроков давности, предусмотренных ст. 83 УК РФ, однако и фактически увеличивает срок судимости в случае несвоевременного начала исполнения данного наказания по причинам, не зависящим от осужденного. В то же время ответственность за такое неисполнение ограничения свободы как **дополнительного** наказания, даже возникшее в результате объективных причин, может возлагаться на самого осужденного.

Представляется, что установление начала срока исполнения ограничения свободы должно быть единым для данного наказания в обоих случаях. В частности, срок отбывания ограничения свободы должен исчисляться с момента прибытия осужденного в УИИ по месту жительства либо обращения осужденного в УИИ с уведомлением о невозможности прибытия для постановки на учет и выполнении им предписаний приговора. Внедрение данной практики представляется возможным в случае внесения соответствующих изменений в УИК РФ. Установление же факта неисполнения осужденным обязательств, предусмотренных приговором, после вступления его в законную силу сможет рассмат-

[1] *Кассационное* определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2024 г. по делу № 44-УДП24-25-К7. URL: https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30102024-n-44-udp24-25-k7/ (дата обращения: 18.12.2024).

риваться как показатель его уклонения и учитываться при решении вопроса о применении положений ч. 2 ст. 83 УК РФ, т.е. как основания для приостановки исчисления сроков давности обвинительного приговора суда.

Анализ существующих инструментов контроля за поведением лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, свидетельствует о недостаточности закрытого перечня правоограничений, закрепленного в ст. 53 УК РФ. В целях расширения полномочий суда и возможности индивидуализированного подхода при назначении данного наказания целесообразно расширить существующий типовой перечень устанавливаемых правоограничений, а также сделать данный перечень открытым. Кроме того, необходимо дополнить УИК РФ полномочиями по индивидуализации подхода к выбору правоограничений и обязательств в отношении осужденного (что является невозможным в связи с закрытостью перечня ст. 53 УК РФ).

Ярким примером такого некорректного использования уголовно-правовых ограничений является толкование содержания отдельных правоограничений при ограничении свободы.

Конституционным Судом Российской Федерации в рамках определения конституционности норм ст. 53 УК РФ был рассмотрен вопрос законности и допустимости установления осужденному к наказанию в виде ограничения свободы в период отбытия наказания запрета приближаться к потерпевшей[1]. Ранее потерпевшая по данному делу неоднократно оспаривала приговор суда (по ст. 119 УК РФ «Угроза убийством») в части справедливости назначенного наказания и просила установить осужденному запрет посещать место ее жительства и работы, а именно находиться на расстоянии ближе 300 метров от этих мест. Однако её требования были отклонены, в том числе Верховным Судом РФ.

Проблемность данного вопроса связана с тем, что правовая регламентация наказания в виде ограничения свободы, с одной стороны, допускает возможность самостоятельного определения судом непосредственного содержания тех либо иных ограничений (запретов и обязательств), с другой – ограничивает усмотрение запретами, указанными в перечне ст. 53 УК РФ. Одним из них выступает запрет посещения определенных

[1] *По делу* о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 4-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

мест, например, мест общественного питания, в которых разрешено потребление алкогольной продукции, детских учреждений[1].

При этом позиция ВС РФ, неоднократно определенная им в своих решениях, состоит в недопустимости назначения лицу, виновному в совершении преступления, такого правоограничения, которое не содержится в норме УК РФ, либо в таких размерах, которые не соответствуют предписаниям, регламентирующим данный вид наказания. Речь идет, например, о случаях неточного определения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью[2]. Также применительно к наказанию в виде лишения специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград ВС РФ указывает, что «перечень правоограничений, указанных в статье 48 УК РФ, является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит» (п. 13 ППВС № 58). Аналогичные разъяснения о недопустимости использования формулировок, не соответствующих ст. 53 УК РФ, при назначении наказания в виде ограничения свободы давались и другими судебными инстанциями[3].

Необходимо отметить, что в случае назначения иного, даже более строгого вида наказания, нежели ограничение свободы (например, принудительные работы), суд не имеет возможности юридически ограничить осужденного в праве приближаться к определенным лицам либо общаться с ними (потерпевшие, свидетели и т.д.). Таким образом, в данном случае строгость наказания, на наш взгляд, не является исходной посылкой ходатайства об изменении судебного решения. Однако иные аспекты, кроме справедливости, определяемой в контексте строгости / мягкости, не являются ни критериями законности принимаемого судебного решения, ни основаниями его оспаривания. Об этом свидетельствует и позиция судов общей юрисдикции, неоднократно подтвержденная в решениях ВС РФ по данному делу.

Так, в соответствии со ст. 60 УК РФ суд при назначении наказания может назначить более строгое наказание (например, лишение свободы) в случае, если менее стро-

---

[1] *О практике* назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Степашин В.М.* Назначение наказания в виде лишения специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2. С. 168-172.

[3] См.: *Кассационное* определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10 августа 2022 г. № 77-4307/2022. URL:https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=21675924&delo_id=2450001&new=2450001& text_number=1 (дата обращения: 18.12.2024).

гое наказание не позволяет достигать целей, указанных в ст. 46 УК РФ (восстановление социальной справедливости, исправление осужденного предупреждение преступлений). Таким образом, в каждом конкретном случае при наличии реальной угрозы насильственного воздействия на потерпевшего суд имеет возможность назначить наказание, содержащееся в санкции статьи УК РФ. К сожалению, далеко не во всех случаях суды могут избрать такую меру, которая бы позволила обезопасить потерпевшего, свидетелей, участников уголовного судопроизводства от преследования со стороны осужденного.

В то же время КС РФ, принимая вышеобозначенное решение, указал, что «при определении содержания возможных обременений и правоограничений лица, совершившего преступления… необходимо учитывать смысл конституционного предписания об охране законом прав потерпевших от преступлений (ст. 52 Конституции РФ)»[1]. Кроме того, по мнению КС РФ, «сама природа наказания допускает возможность учесть в его содержании потребности минимизации рисков потенциально опасного и во всяком случае психологически болезненного для потерпевшего взаимодействия с осужденным, причинившим ему боль, страдания и (или) унижение человеческого достоинства». При этом КС РФ указывает на необходимость реализации в нормативном регулировании возможности выбора вида и конкретного содержания наказания в рамках избранного вида с учетом обстоятельств дела, личности подсудимого, других предусмотренных уголовным законом критериев.

Основанием же выбора соответствующего правоограничения является «сам факт того, что осужденный находится на свободе и ему не запрещено появляться в местах, в которых может регулярно находиться потерпевший, может усиливать моральные страдания последнего, связанные с совершенным в отношении него преступлением, создавать у него объективно обоснованные опасения за свою безопасность, воспринимаемые им вследствие пережитого опыта как реальные»[2].

Констатируя соответствие норм ст. 53 УК РФ положениям Конституции РФ, КС РФ отметил, что у судов имеется право установления подобного запрета (особенно в случаях если об этом ходатайствует потерпевший). Однако необходимо отметить, что до тех пор, пока указанная формулировка не будет прямо прописана в тексте ст. 53 УК РФ, применение ее судами будет фактически невозможно. Такое решение изначально будет

---

[1] *По делу* о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 4-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Там же*.

сопряжено с потенциальной оспоримостью с точки зрения принципа законности, предполагающего буквальное, а не расширительное толкование уголовного закона в части определения содержания наказаний. Так, в рамках проводимого нами интервьюирования судей был задан вопрос: «Считаете ли вы допустимым установление осужденному запрета общения (контактирования) с потерпевшим (или иными лицами) в рамках наказания в виде ограничения свободы (а также в рамках административного надзора) в случае угрозы их преследования со стороны лица, совершившего преступление?». Все интервьюируемые дали отрицательный ответ, указывая на недопустимость установления ограничения, прямо не указанного в тексте закона.

Необходимо обратить внимание на то, что, оспаривая приговор, потерпевшая указывала на несогласие с ним в части назначенного наказания, «полагая его чрезмерно мягким, не отвечающим тяжести содеянного, не способствующим восстановлению социальной справедливости и не позволяющим предотвратить совершение осужденным новых актов насилия в отношении нее». Так, если мягкость (строгость), несоответствие наказания тяжести совершенного преступления и необходимость восстановления социальной справедливости выступают в роли критериев справедливости и законности назначенного наказания, то *предотвращение совершения осужденным новых преступлений* не является ни целью наказания, ни критерием, определяющим его законность. Необходимо отметить, что термин «предупреждение преступления», выступающий в роли цели наказания, не является тождественным предотвращению преступлений.

Наказание в виде ограничения свободы рассматривается рядом ученых как средство воздействия на осужденного, ограничивающее именно свободу передвижения лица в пространстве. Однако если концепция данного вида наказания (до редакции 27.12.2009) могла предполагать такой подход (помещение в специальное учреждение без изоляции от общества с осуществлением за ним надзора), то после внесения в ст. 53 УК РФ соответствующих изменений[1] такой вывод не вполне очевиден. Так, в пояснительной записке к данному закону разъясняется, что «по характеру налагаемых судом ограничений и с учетом сроков их назначения наказание, предполагаемое данным законопроектом, является довольно серьезным, поскольку ограничивает права и свободы человека на его переме-

[1] *О внесении* изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : фед. закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

щение, посещение определенных мест, использование определенных форм досуга, выбор места работы, учебы»[1]. Таким образом, наказание в виде ограничения свободы может состоять в установлении ограничений различных прав виновного, в. т.ч. права на выбор вида деятельности (если участие осужденного в ней сопряжено с потенциальной опасностью для окружающих) либо на контактирование (общение) с определенными лицами, и других ограничений.

В большинстве случаев запрет пребывания в определенных местах трактуется как ограничение права пребывания в местах массового скопления людей, проведения массовых мероприятий, местах розничной продажи алкогольной продукции и т.д. Традиционное понимание данного ограничения базируется на восприятии лиц, совершивших преступление, как склонных к проявлению агрессии, злоупотребляющих алкоголем и совершающих насильственные преступления. Однако такой подход представляется недостаточно индивидуализированным. Далеко не все лица, которым может быть назначено данное наказание, обладают указанными характеристиками, соответственно, устанавливаемые им ограничения требуют индивидуального учета личности виновного, особенностей совершенного преступления и других факторов[2], например, если речь идет о лицах, совершивших преступление по неосторожности или преступления в сфере компьютерной информации, экстремистские преступления и т.д.

Доктрина уголовного права разделяет меры государственного принуждения в сфере уголовного права по механизму их воздействия на карательные (репрессивные), меры безопасности, меры стимулирования (поощрения) и т.д.[3] В то же время представляется, что иногда в одной мере могут сочетаться различные способы воздействия. Например, назначая наказание в виде ограничения свободы, суд может руководствоваться причинами предотвращения совершения новых преступлений путем запрета виновному контактировать с потерпевшими от преступления, свидетелями, соучастниками

---

[1] *Пояснительная* записка к проекту федерального закона «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/321851-4 (дата обращения: 08.12.2024).

[2] *Игнатов А.Н.* Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2015. № 4. С. 93-98 ; *Карпов А.А., Рябых С.Б., Щербаков А.В.* Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего побег из-под надзора // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2024. № 3. С. 6-10.

[3] *Щедрин Н.В.* Четыре «колеи» российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4. С. 59-63.

либо иными лицами. Несмотря на то, что наказание в виде ограничения свободы в существующем содержании неоднократно выступало в качестве предмета научной дискуссии[1]и подвергалось критике, оно все же смогло занять свою нишу в карательной практике и достаточно широко применяется судами. Так, за 2023 г. данное наказание применялось к более чем 31 тыс. осужденных, при этом порядка 30% – за совершение насильственных преступлений против жизни и здоровья (ст. 111–119 УК РФ)[2].

При проведении анализа правоприменительной практики назначения наказания в виде ограничения свободы (200 приговоров) нами не было выявлено ни одного случая установления судами такого ограничения, как запрет пребывания в местах проживания либо работы потерпевшего. Как правило, данное ограничение применялось в случае назначения дополнительного наказания лицам, совершившим преступления против половой свободы, и заключалось в обобщенном запрете пребывания в дошкольных, школьных образовательных организациях. Примечательно, что в рамках решений о назначении административного надзора (не являющегося наказанием) подобного рода ограничения устанавливаются, о чем свидетельствует практика реализации данной меры принуждения.

При назначении наказания в виде ограничения свободы суды не используют формулировки ограничений, отличные от тех, которые прямо указаны в ст. 53 УК РФ. В противном случае их решение может быть истолковано как расширительное, т.е. предполагающее ограничение (лишение прав), которое не закреплено в УК РФ, что является прямым нарушением принципа законности.

Схожесть правоограничений, назначаемых в рамках таких средств уголовно-правового воздействия, как ограничение свободы (наказание), условное осуждение[3] и условно-досрочное освобождение, неоднократно отмечалась в исследованиях по данной

---

[1] *Тепляшин П.В.* Новый закон об уголовном наказании в виде ограничения свободы // Законность. 2011. № 3. С. 38-40 ; *Кожевникова Д.П.* Ограничение прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы, как элемент их правового статуса // Конституционализм и государствоведение. 2024. № 1. С. 51-55 ; *Мирошниченко Д.Г.* Ограничение свободы: некоторые пути повышения эффективности механизма исполнения // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 1. С. 311-322 ; *Медведев А.А.* К вопросу о необходимости дополнительного нормативного регулирования исполнения наказания в виде ограничения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2024. № 3. С. 32-36.

[2] Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению за 12 месяцев 2023 г. (форма № 10.3) // Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2023 год. URL: http://www.cdep.ru/ index.php?id=79&item=8690 (дата обращения: 18.12.2024).

[3] *Дядькин Д.С.* Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении // Уголовное право. 2010. № 3. С. 34-37 ; *Разогреева А.М., Миньков М.М.* Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация? // Уголовное право. 2010. № 4. С. 47-51.

тематике[1], в рамках которых авторы рассматривают различные аргументы относительно схожести механизма их уголовно-правового воздействия. Так, И.А. Подройкина выделяет ряд признаков, указывающих на сходство условного осуждения и ограничения свободы. К их числу она относит, в частности: отсутствие изоляции не только от общества, но и от микросреды (семьи и т. д.); несвязанность с исправительно-трудовым воздействием; непосредственное содержание правоограничений, применяемых к осужденным (свобода передвижения, выбор места жительства, обязанность являться в УИИ и др.)[2].

При этом А.Г. Антонов небезосновательно указывает на схожесть данных ограничений не только с условным осуждением, но и с «неуголовно-правовыми» ограничениями, устанавливаемыми в рамках административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, и при этом обоснованно приходит к выводу, что «карательное содержание наказания в виде ограничения свободы не несет в себе существенного репрессивного начала»[3]. Однако контролирующее (некарательное) содержание данного вида наказания, на наш взгляд, может (и должно) быть расширено и использоваться в судебной практике.

В частности, ч. 5 ст. 73 УК РФ предусматривает возможность назначения осужденному в период испытательного срока ограничений и обязательств, аналогичных содержащимся в ст. 53 УК РФ (явка в орган, контролирующий поведение осужденного, запрет пребывания в определенных местах, обязательство трудоустроиться и т.д.). При этом их принципиальным отличием является открытость перечня правоограничений условного осуждения. Так, в ст. 73 УК РФ предусмотрена возможность назначения и иных ограничений (не содержащихся в тексте уголовного закона), если они будут способствовать исправлению осужденного, в то время как ст. 53 УК РФ такой возможности не содержит.

---

[1] *Борисова Н.Ф.* Соотношение ограничения свободы с условным осуждением // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 2. С. 15-18 ; *Костенко А.И.* Вопросы отделения ограничения свободы как вида уголовного наказания от условного осуждения // Научное образование. 2021. № 1. С. 142-143 ; *Усов К.В.* Соотношение ограничения свободы с условным осуждением // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сб. науч. ст. Вып. 4. Новокузнецк, 2020. С. 67-71 ; *Кайшев А.В., Степашин В.М.* Универсальность условного осуждения // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 2. С. 88-98.

[2] *Подройкина И.А.* Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы : монография. М., 2017. С. 134.

[3] *Антонов А.Г.* К вопросу о репрессивности наказания в виде ограничения свободы // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2023. № 3. С. 9.

Анализ приговоров, в рамках которых назначалось условное осуждение даже при наличии возможности самостоятельного индивидуального определения судом правоограничений осужденному, показывает, что в подавляющем большинстве случаев (98%) суды не выходят за рамки формулировок, напрямую обозначенных в ч. 5 ст. 73 УК РФ. Лишь в 4 из 200 проанализированных приговоров были назначены индивидуально подобранные обязательства (например, пройти курс лечения от игровой зависимости, пройти психодиагностическое обследование и курс психокоррекционных программ по профилактике совершения новых преступлений). При этом ни в одном из приговоров не назначались запреты на общение с кем-либо, а также запреты на посещение какого-либо места, не отнесенного к категории мест проведения массовых мероприятий либо заведений общественного питания, в которых осуществляется розничная продажа алкоголя.

Данное решение КС РФ по сути является очередным индикатором, демонстрирующим тот факт, что само по себе наказание как мера государственного принуждения в большинстве случаев не приспособлено для прямого предотвращения совершения осужденным новых преступлений. При такой реализации уголовно-правовое воздействие от наказания имеет в большей мере демонстративно-карательный характер, производящий общепревентивный эффект. Исключение может составлять разве что наказание в виде лишения свободы (несомненно, тоже не полностью устраняющее возможность совершения новых преступлений). Большинство же видов наказаний, содержащихся в УК РФ, не препятствуют совершению лицом нового преступления. Так, штраф, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы напрямую не препятствуют совершению осужденным новых преступлений и не предъявляют дополнительных требований к поведению осужденного. Механизм общей и частной превенции является более сложным, состоящим из элементов угрозы, исправления, перевоспитания и т.д., и неоднократно выступал предметом научного исследования[1]. Однако именно такой «пресекательный» эффект от назначения и исполнения наказания в массовом сознании является преобладающим.

Представляется, что это связано со следующими обстоятельствами.

Во-первых, рассматриваемые средства уголовно-правового воздействия не предназначены напрямую для того, чтобы физически лишить осужденного возможности вновь совершить преступление.

---

[1] *Ной И.С.* Сущность и функции уголовного наказания в советском государстве: политико-юридическое исследование. Саратов, 1973. 192 с. ; *Бавсун М.В.* Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 336. С. 99-102.

Во-вторых, органы принудительного исполнения достаточно ограничены в средствах контроля за исполнением устанавливаемых ограничений, и, соответственно, установление таковых может оказаться бессмысленным. Например, нарушение запрета посещения определенных мест может быть зафиксировано (проконтролировано) со стороны уполномоченых органов в случае обнаружения лица в указанном месте. При этом у сотрудника, осуществляющего контроль, нет объективной возможности специально пребывать и ожидать в данном месте. Исключения могут составлять только случаи установления электронного контроля.

В-третьих, данные меры уголовно-правового воздействия выступают в роли либо способа проверки исправления лица (институт испытания), либо средства индивидуализации наказания, в случаях, не требующих изоляции осужденного.

Предложенное КС РФ толкование рассматриваемого ограничения указывает на недостаточную конкретизацию предписаний уголовного закона и существование наказания, содержание которого устанавливается не столько в предписаниях закона, сколько в процессе назначения наказания. Таким образом, в рассматриваемых случаях речь идет не о строгости назначенного наказания, а о необходимости выработки инструментов индивидуализации мер безопасности, их интеграции и использования во взаимосвязи с наказанием.

Данный подход свидетельствует о попытке использовать наказание в виде ограничения свободы в качестве аналога «охранного ордера»[1], широко применяющегося в практике зарубежных стран. Так, законодательство Южной Кореи с 2021 г. предусматривает наказание за сталкинг[2], реализация которого предполагает внедрение соответствующего мобильного приложения, позволяющего отслеживать местоположение осужденного (сталкера), которому был установлен запрет приближаться к потерпевшему, а также информирующего данное лицо (преследуемого) в случае приближения осужденного[3].

Отечественное же законодательство не содержит правовых механизмов установления запрета приближаться к тем либо иным лицам, однако законопроекты о примене-

---

[1] *Тунина Н. А.* Охранный ордер как способ превенции семейного насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2010. № 4. С 78-82; *Гилинский И. Я.* Институт семьи в системе «девиантность – социальный контроль» // Криминология: вчера сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. 2002. № 1. С. 34-41.

[2] *Закон* о наказании за преступления, связанные с преследованием // Korean law information center by the Ministry of Government investigation. URL: https://www.law.go.kr/ (18083, 20210420) (дата обращения: 01.03.2024).

[3] *В Южной* Корее разрабатывают приложение для отслеживания сталкеров. URL: https://daily.afisha.ru/news/104567-v-yuzhnoy-koree-razrabatyvayut-prilozhenie-dlya-otslezhivaniya-stalkerov/ (дата обращения: 02.12.2025).

нии данной меры правового ограничения периодически вносятся на рассмотрение в Государственную Думу РФ[1].

Так, авторы одного из таких законопроектов («Федеральный закон о противодействии навязчивому преследованию»[2]) отмечают актуальность проблемы преследования и указывают на отсутствие правового механизма защиты прав граждан. Однако данное ограничение предлагается включить в Гражданский кодекс РФ, а не в уголовное законодательство, что выступает не вполне логичным по ряду причин. Так, реализация подобных инициатив связывается с необходимостью «создавать и/или поддерживать специализированные службы и организации, обеспечивающие поддержку и помощь жертвам преследования, включая юридическую и психологическую помощь, организацию мест временного проживания, а также иные меры поддержки»[3]. Соответственно, такого рода нововведения не находят поддержки в правительстве по вполне закономерным причинам, т.к. требуют дополнительных финансовых затрат на создание специализированных служб и организацию их деятельности[4]. Данный законотворческий процесс подтверждает возможность и необходимость использования уже существующих государственных органов, специализирующихся на реализации контроля, т.е. органов УИИ ФСИН РФ, а также органов, участвующих в осуществлении пробации. Соответственно, расширение уголовно-правовых средств контроля за поведением лиц, совершивших преступление, позволит обеспечить безопасность преследуемых лиц (потерпевших, свидетелей и т.д.) и не повлечет увеличения расходов в данной сфере общественных отношений.

КС РФ указал на частичное сходство рассматриваемого ограничения по содержанию и возможным способам контроля с такой мерой уголовно-процессуального пресечения, как запрет определенных действий, предполагающий возможность возложения на подозреваемого или обвиняемого запрета *общаться с определенными лицами*, предусмотренного п. 3 ч. 6 ст. 105[1] УПК РФ.

---

[1] *О внесении* изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (об установлении запрета на совершение определенных действий) : законопроект № 452947-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/ 452947-8 (дата обращения: 12.09.2024).

[2] *О противодействии* навязчивому преследованию : законопроект № 795873-8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Пояснительная* записка к проекту федерального закона «О навязчивом преследовании». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] *О проекте* федерального закона «О навязчивом преследовании» : письмо правового управления аппарата Государственной Думы РФ от 28 декабря 2024 г. № вн2.2-1/5110. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, схожесть указанных (гражданско-правовых, уголовно-правовых и уголовно-процессуальных) инструментов правового воздействия позволяет констатировать объективно существующую потребность в установлении контроля за поведением лиц, представляющих опасность для окружающих, путем установления для них юридического запрета общаться, контактировать либо приближаться к определенным лицам.

Представляется, что потребность в достижении целей наказания и решении задач уголовно-правового воздействия предполагает возможность использования не только ограничения посещения определенных мест, но в более расширенной версии – ограничения общения с конкретными лицами как средства предупреждения совершения новых преступлений.

Исходя из буквального толкования действующей нормы ст. 53 УК РФ запрет приближаться, контактировать и/или общаться с потерпевшими либо иными лицами не может быть установлен осужденному, приговоренному к данному виду наказания. В то же время ограничение путем указания на участки местности либо на объекты, в которых осужденный не должен находиться (в связи с присутствием там определенных лиц), конечно же, позволит снизить вероятность контактирования участников конфликта и формально не противоречит предписаниям ст. 53 УК РФ. Однако такой подход представляется, скорее, временным и не в полной мере отвечающим духу уголовно-правового регулирования. В частности, преследование потерпевших или свидетелей по уголовному делу может происходить не только в определенном фиксированном в приговоре месте (жительства, работы и т.д.), но и в иных местах (транспорт, общественные места и т.д.), которые не могут быть исчерпывающе перечислены в приговоре. Кроме того, развитие средств коммуникации позволяет не только общаться, но и преследовать лицо в виртуальном пространстве, что формально не будет нарушать установленного запрета, однако повлечет снижение эффективности предупреждения преступлений. В частности, такое явление, как сталкинг[1], представляет собой актуальную междисциплинарную проблему[2] с точ-

[1] *Зебницкая А.К.* Сталкинг (преследование): перспективы регулирования в правовом поле Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 3. С. 50-54 ; *Клейманов М.С.* Проблема криминализации сталкинга в Российской Федерации // Закон и право. 2021. № 5. С. 133-135 ; *Рыжова О.А., Корнишина Ю.С.* Об ответственности за сталкинг в Российской Федерации и в зарубежных странах // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 4. С. 49-55.

[2] *В Госдуме* предложили ввести в КоАП наказание за назойливое преследование граждан. URL: https://rg.ru/ 2024/04/04/predlagaetsia-vvesti-v-koap-nakazanie-za-nazojlivoe-presledovanie.html (дата обращения: 17.12.2024).

ки зрения превенции и криминализации и имеет все основания для реагирования, особенно в случае преследования со стороны лиц, уже осужденных за совершение преступления.

Отсутствие же необходимых уголовно-правовых средств реагирования приводит к возникновению спорных с юридический точки зрения решений. Например, в рамках рассмотрения гражданского иска «О запрете приближаться на любое расстояние, прекращении преследования» Приволжский районный суд г. Казани постановил: «Возложить на ответчика обязанность прекратить любого рода преследование истца, в том числе телефонные звонки, СМС-сообщения, сообщения с использованием сети Интернет, почтовую переписку, любого рода подарки и иное преследование»[1]. При этом данное решение было принято судом несмотря на собственное же указание об отсутствии в рамках ст. 12 ГК РФ такого способа защиты гражданских прав. Такая практика носит единичный характер и связана с заведомой неисполнимостью такого решения по причине отсутствия механизма контроля за соблюдением установленного запрета. В то же время наличие судебного решения (запрета) может выступать достаточным сдерживающим фактором, т.к. создает условия для признания лица «злостно не исполняющим приговор суда, решение суда или иного судебного акта» и привлечения его к уголовной ответственности по ст. 315 УК РФ.

Особенность рассматриваемого решения КС РФ состоит в том, что суд не просто признал норму ст. 53 УК РФ не противоречащей Основному закону РФ, он фактически констатировал принципиальную возможность установления ограничений такого рода впредь. Учитывая, что данное правоограничение фактически необходимо для минимизации контакта осужденных с лицами, потерпевшими от преступления, снижения вероятности повторения конфликта, а также обеспечения защиты данных лиц от преследования и от возникновения дополнительных моральных страданий в результате контакта с виновным, содержательно необходимо вести речь именно о запрете контактирования виновного с иными лицами. Например, в законодательстве Польши заключенный, осужденный условно, имеет право во время пребывания на свободе общаться только с «надежными людьми»[2]. УК Франции допускает в рамках применения социально-судебного наблюдения возложить на осужденного обязанность «воздерживаться от по-

[1] *Решение* Приволжского районного суда г. Казани от 4 августа 2017 г. № 2-4575/2017 2-4575/2017~ М-4107/2017 М-4107/2017 по делу № 2-4575/2017. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RurIxcm HGMVp/ (дата обращения: 18.01.2025).

[2] *Условно-досрочное* освобождение и другие виды условного освобождения / Информационный материал, подготовленный Международным Центром Тюремных исследований, Великобритания, по поручению организации «Международная тюремная реформа» для Правительства Республики Казахстан. М., 2000. С. 19.

сещения или вступления в отношения с определенными лицами или определенной категорией лиц, в частности, несовершеннолетними» (п. 2 ст. 131-36-2). Уголовное законодательство Японии предусматривает установление запрета на общение с соучастниками в качестве одного из обязательств поднадзорному.

С точки зрения превенции, необходимо использование в диспозиции ст. 53 УК РФ следующей формулировки ограничения: «Не приближаться к определенным лицам (потерпевшему от преступления, членам его семьи, свидетелям по уголовному делу и т.д.) и не общаться с ними как лично, так и с помощью любых видов (средств) связи».

По сути, обозначенное решение КС РФ в очередной раз указывает на наличие реальной проблемы ограниченности средств уголовно-правового воздействия и необходимости разработки более гибкой системы, сочетающей в себе как карательные средства наказания, так и иные меры уголовно-правового воздействия (меры безопасности, стимулирования и т.д.).

Таким образом, и без того достаточно формальная грань между наказанием и иными мерами уголовно-правового принуждения постепенно стирается. Воздаяние (восстановление социальной справедливости), заложенное в наказании, отчасти интегрируется либо трансформируется в средства фактического сдерживания преступника, обладающие несколько иным механизмом воздействия. Нельзя сказать, что данная тенденция неправильная, т.к. она представляет собой результат объективной потребности в обеспечении безопасности общества и поиске адекватных мер реагирования путем проб и ошибок. Более того, на наш взгляд, следует рассматривать вопрос расширения сферы применения дополнительных уголовно-правовых ограничений (обязательств), позволяющих устранить или снизить опасность повторения преступного поведения путем дополнительного контроля за поведением осужденных, сочетающегося с установлением определенных требований к его поведению. Фактически на это указывает и Конституционный Суд РФ, подчеркивая, что «федеральный законодатель не лишен возможности конкретизировать или дополнить содержание ограничения свободы с учетом задачи обеспечения и превентивной защиты прав потерпевших в части минимизации объективно обоснованных рисков продолжения (повторения) противоправных или фактически психотравмирующих действий со стороны осужденного»[1].

[1] *По делу* о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 № 4-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Ранее при анализе зарубежного законодательства мы уже отмечали положительный зарубежный опыт, предусматривающий развернутый перечень правоограничений, применяемых в рамках наказания в виде ограничения свободы (а также в других случаях осуществления контроля за поведением осужденных), учитывающих особенности современных общественных отношений и предполагающих реалистичные ограничения. Так, позитивным примером в данном случае может служить подход законодателя Кыргызской Республики. Уголовный кодекс Кыргызской Республики[1] предусматривает, что контроль за поведением осужденного происходит в рамках самостоятельного института пробационного надзора (глава 14 УК РК), исполняемого в сочетании с различными видами наказаний либо при освобождении от наказания.

В соответствии со ст. 83 УК РК на осужденного, в отношении которого установлен пробационный надзор, суд возлагает выполнение следующих (обязательных) надзорных требований: 1) явиться в орган пробации по месту жительства в течение десяти дней с момента вступления приговора суда в законную силу; 2) не выезжать за пределы страны; 3) уведомлять орган пробации о месте жительства, работы или учебы, а также об их изменении; 4) являться два раза в месяц в орган пробации для регистрации и участия в профилактической беседе.

В качестве факультативных суд возлагает на осужденного одну или более из следующих обязанностей: 1) пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или болезни, представляющей опасность для здоровья других лиц, на что им предварительно было дано согласие до вынесения приговора суда; 2) не употреблять психоактивные вещества; 3) не контактировать с определенными лицами; 4) возместить в определенный судом срок ущерб, причиненный потерпевшему в результате преступления; 5) не посещать определенные места; 6) находиться в определенное судом время суток по месту жительства; 7) поступить на работу или учебу к установленному судом сроку; 7-1) пройти коррекционную программу по изменению насильственного поведения в соответствии с законодательством об охране и защите от семейного насилия; 8) участвовать в программах ресоциализации, назначаемых органом пробации; 9) осуществлять обязанности по содержанию лиц, находящихся на иждивении; 10) по требованию органа пробации извещать об исполнении обязанностей, возложенных судом.

Аналогичным образом, в соответствии со ст. 62 УК РК, в обязательном порядке на осужденных к ограничению свободы в рамках контроля за их поведением судом возлагаются схожие обязанности, которые также делятся на обязательные и факультативные. В каче-

[1] *Уголовный* кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. № 127. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065 (дата обращения: 17.09.2025).

стве дополнительных суд вправе возложить на лицо одну или более из следующих обязанностей: 1) не посещать определенные места; 2) воздержаться от определенного рода действий или занятий; 3) находиться в определенное судом время суток по месту жительства; 4) поступить на работу или учебу к установленному судом сроку; 5) возместить в определенный судом срок ущерб, причиненный потерпевшему; 6) не контактировать с определенными лицами; 7) пройти курс лечения от алкогольной, наркотической, психотропной, токсической зависимости или от болезни, представляющей опасность для здоровья других лиц, на что им предварительно было дано согласие; 8) по требованию органа пробации извещать его об исполнении обязанностей, возложенных судом.

Представляется, что данное деление на обязательные и факультативные обязательства позволяет четко определить правовое положение осужденного и может быть использовано при формировании модели правовой регламентации контроля за поведением осужденного.

Кроме того, подобный подход также свидетельствует о необходимости адаптации существующего в УК РФ перечня предусмотренных (и устанавливаемых) осужденному правоограничений исходя из объективных потребностей обеспечения безопасности членов общества и характера складывающихся общественных отношений. В качестве необходимых для включения в действующее уголовное законодательство в рамках наказания в виде ограничения свободы, а также при назначении условного осуждения либо применении условно-досрочного освобождения могут являться востребованными такие ограничения, как: не контактировать с определенными лицами; пройти коррекционную программу по изменению насильственного поведения в соответствии с законодательством об охране и защите от семейного насилия и др.

Проведенный анализ позволяет констатировать необходимость введения в уголовное законодательство Российской Федерации новой самостоятельной меры уголовно-правового характера – «контроль за поведением лиц, совершивших преступление». Данная мера позволит устанавливать наблюдение за поведением различных категорий лиц, совершивших преступления (*условно осужденных; осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы; освобожденных от наказания; лиц, находящихся под административным надзором*). Фактическими основаниями для её назначения выступают: сохранение общественной опасности данных лиц и необходимость осуществления дальнейшего контроля за их поведением, а также необходимость оказания им помощи со стороны специализированных государственных органов. Содержанием данной меры должна выступать совокупность средств, позволяющих осуществлять сбор информации о поведении лица, совершившего преступление,

установление особых требований к его поведению и механизма реагирования на нарушение им режима установленной меры.

Реализация данной инициативы может быть осуществлена при сочетании двух подходов: во-первых, расширения перечня ограничений (обязательств и запретов), устанавливаемых при назначении наказания в виде ограничения свободы (как минимум, в вышеприведенном варианте), во-вторых, закрепления в УК РФ такой самостоятельной меры уголовно-правового воздействия, как «контроль за поведением осужденного», которая будет позволять суду (в случае необходимости) устанавливать дополнительные требования (ограничения, обязательства) к поведению осужденного в период исполнения наказания, не связанного с лишением свободы.

Введение данного средства уголовно-правового воздействия, во-первых, позволит унифицировать в себе инструменты, функционирующие в рамках институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения, отсрочки отбытия наказания, и повысить их эффективность. Во-вторых, исполнение наказаний, не связанных с лишением свободы, будет дополнено возможностью использования такой меры социального контроля, которая позволит влиять на поведение осужденного в период отбытия наказания, не прибегая к изоляции осужденного.

По причине рассогласованности между предписаниями УК РФ, регламентирующими основания освобождения от уголовной ответственности или наказания, и нормами УПК РФ, устанавливающими отдельные основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования), возникает состояние неопределенности отдельных уголовно-правовых статусов лиц, совершивших преступления. Данная неопределенность проявляется в невозможности отнести лицо к категории: судимого; лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям; осужденного, которому предоставлена отсрочка исполнения наказания, и применить к ним соответствующие уголовно-правовые последствия негативного либо позитивного постпреступного поведения.

Правовая регламентация условных мер освобождения от уголовной ответственности либо наказания лиц, принимающих участие в проведении СВО, должна базироваться на принципах дифференцированного учета характера совершаемых преступлений, а также невозможности полной отмены контроля за поведением лиц, представляющих опасность для окружающих, даже в случае наступления предусмотренных условий освобождения от наказания (например, лиц, совершивших особо тяжкие насильственные преступления).

В связи с этим условия отмены примененного основания освобождения от ответственности либо наказания (ст. 78^1, 80^2 УК РФ) должны предусматривать возможность судебного усмотрения при решении вопроса об отмене освобождения в случае совершения лицом нового преступления в зависимости от категории совершенного преступления.

§ 2. Правовое регулирование и реализация условных мер уголовно-правового характера как средств социального контроля[1]

К условным мерам уголовно-правового характера, в рамках которых непосредственно реализуется социальный контроль в отношении лиц, совершивших преступление, можно отнести две относительно самостоятельные группы мер:

1) условное осуждение (ст. 73 УК РФ);

2) все разновидности условного освобождения от наказания:

а) условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ);

б) освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80^2);

в) отсрочку наказания (ст. 82 УК РФ);

г) отсрочку наказания лицам, больным наркоманией (ст. 82^1 УК РФ).

В период действия условных видов освобождения от наказания, т.е. функционирующих как разновидность испытания при соблюдении лицом ряда условий, государство в состоянии оказывать частичное контролирующее влияние на поведение осужденного, поддерживаемое угрозой отмены режима освобождения и возврата непосредственно к наказанию. Анализ материалов дел лиц, находящихся на испытательном сроке, свидетельствует о том, что порядка 30% осужденных в период условного осуждения допускают совершение нового преступления, при котором данная мера отменяется, а лицо направляется для отбытия наказания (см. приложение № 7). Необходимо также учитывать, что длительность исправительного срока, а также количество устанавливаемых ограничений имеют значение с точки зрения вероятности допущения лицом нарушения установленных ограничений и совершения им нового преступления. Так, чем больше срок, в течение которого осужденный обязан соблюдать установленные ему ограничения и запреты, тем

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2. С. 178-187 *; Карпов К.Н.* Отмена условного освобождения от наказания военнослужащих (ст. 80^2 УК РФ) // Сибирский юридический вестник. 2024. № 3. С. 75-80.

выше вероятность того, что эти запреты будут нарушены либо будет совершено новое преступление. Например, при назначении испытательного срока в 1 год и 5 лет разница (с точки зрения вероятности) составляет соответственно 500%.

При этом в рамках проведенного нами опроса относительно эффективности системы контроля за поведением лиц, совершивших преступление, порядка 67% респондентов считают ее недостаточно эффективной и требующей усиления контролирующего воздействия в отношении данной категории лиц.

Иные виды освобождения от наказания, предусмотренные в гл. 12 УК РФ, не содержат прямого контролирующего механизма и либо предполагают дальнейшее исполнение иного (более мягкого) наказания (ст. 80 «Замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания»), либо свидетельствуют о прекращении уголовно-правовых отношений между государством и лицом, совершившим преступление (ст. 80[1] «Освобождение от наказания в связи с изменением обстановки», ст. 83 «Освобождение от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда»), либо же предполагают контроль показателей, не связанных напрямую с опасностью лица, но выступивших вынужденным основанием освобождения от наказания (ст. 81 «Освобождение от наказания в связи с болезнью»).

Объединяющим признаком всех перечисленных средств уголовно-правового воздействия выступает особого рода правоотношение, складывающееся между осужденным и государством (в лице контролирующих органов). Так, на сходство механизма уголовно-правового воздействия данных мер указывается также в работах А.П. Скибы[1].

Обобщенно механизм социального контроля данных мер состоит в отказе государства от реализации наказания (репрессии) взамен закрепления за осужденным статуса подконтрольного на определенный временной промежуток с возложением определенных обязанностей. Предназначение данных правоограничений состоит в проверке исправления осужденного либо отсутствия у него свойств общественной опасности. Средством такого исправления выступают правоограничения, стимулирующие осужденного к определенному правопослушному поведению. Соответственно подтверждением такого исправления выступает соблюдение лицом указанного правового режима. Функционирование данного института представляется возможным исключительно благодаря существованию механиз-

[1] *Скиба А.П., Мяханова А.Н., Эрхитуева Т.И.* Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения : монография. Улан-Удэ, 2020. 124 с.

ма социального контроля (соответствующих органов, системы их взаимодействия, экономических, технических и др. ресурсов государства для их функционирования и т.д.).

В свою очередь внутренним отличием данных групп друг от друга выступает специфика общественной опасности осужденного и потребность ее учета в период контроля. Так, если речь идет об условно-досрочном освобождении, то наличие реальной общественной опасности осужденного не позволяет изначально предоставить ему режим испытания непосредственно на этапе осуждения, а лишь после отбытия определенного срока лишения свободы и соблюдения иных условий. В сравнении с иными категориями осужденных данная группа отличается очевидной противоправной направленностью и сохранением угрозы преступного поведения в дальнейшем.

Отсрочки исполнения наказания базируются на необходимости учета в процессе социального контроля индивидуальной специфики осужденных (наличие малолетних детей, заболевание наркоманией и т.д.).

Рассматриваемые условные меры уголовно-правового характера содержат следующие компоненты (инструменты) контроля, позволяющие осуществлять поэтапное наблюдение за поведением осужденного, определять достижение целей уголовно-правового воздействия и реагировать на случаи позитивного либо негативного поведения:

1) испытательный срок как временной промежуток, в течение которого осуществляется контроль;

2) правоограничения (обязательства и запреты), которые лицо обязано исполнять в период испытательного срока до момента завершения условной меры уголовно-правового воздействия;

3) средства реагирования на отклоняющееся поведение – основания и условия продления, изменения, отмены испытательного срока;

4) мероприятия, реализуемые государственными и иными органами в рамках контроля за поведением осужденного (не относящиеся к правоограничениям) – воспитательные меры, меры социальной помощи, ресоциализации и т.д.

Принципиальная схема функционирования данных компонентов является общей для рассматриваемых мер уголовно-правового воздействия с отдельными особенностями каждой из них. В связи с этим в рамках данной части работы компоненты будут рассматриваться в обобщенном виде с акцентом на наиболее распространенные (часто применяемые), а также наиболее детально регламентированные из них.

Рассматриваемые условные меры уголовно-правового воздействия не являются единовременным поощрением (стимулом), но предполагают наличие испытательного срока как периода времени, в течение которого осужденный пребывает в особом правовом положении. Непосредственно термин «испытательный срок» используется законодателем в рамках регламентации условного осуждения, однако во всех перечисленных мерах уголовно-правового воздействия присутствует в обязательном порядке период времени, на протяжении которого осужденный не просто исполняет возложенные на него обязательства, но и находится под наблюдением правоохранительных органов. Формулировка «испытательный срок» также может быть отсылочно применима к условно-досрочному освобождению. Собственно, и его регламентация в ст. 73, 74, 79 УК РФ носит отчасти общий характер, хотя он и называется «оставшаяся не отбытой часть наказания» (ч. 7 ст. 79 УК РФ). Так, в ч. 2 ст. 79 УК РФ идет прямая отсылка к содержанию правоограничений условного осуждения, применяемых к лицам, освобожденным от наказания условно-досрочно.

Другие нормы: ст. 80^2, 82, 82^1 УК РФ – не используют данного понятия, однако также обозначают период времени, в течение которого лицо обязано соблюдать установленный для него правовой режим. Применительно к ст. 80^2 УК РФ речь идет о периоде с момента принятия решения об условном освобождении и до момента возникновения оснований для окончательного освобождения (п. «а», «б» ч. 2 ст. 80^2 УК РФ). Учитывая же, что для данного основания не предусмотрено специальной процедуры рассмотрения вопроса об окончательном освобождении, оно происходит «автоматически».

Так, Г.А. Кригер отмечал, что это период «времени, в течение которого должен осуществляться контроль суда и общественности за поведением условно осуждённого, а сам он под угрозой реального отбытия назначенного ему наказания обязан выполнить предъявленные к нему требования»[1].

По мнению В.М. Степашина, испытательный срок при условном осуждении – это «контрольный период времени, в течение которого 1) к осуждённому применяются воспитательные меры; 2) уголовно-правовые меры принуждения (обязанности или запреты, контроль за поведением виновного); 3) проверяется целесообразность применения условного осуждения»[2]. Другие авторы также отождествляют испытательный срок с

---

[1] *Кригер Г.А.* Условное осуждение и роль общественности в его применении. М., 1963. С. 69.

[2] *Степашин В.М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и других мер уголовной ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2019. 527 с.

«контрольным периодом времени, в течение которого осуждённый своим поведением должен доказать своё исправление»[1].

Такое понимание испытательного срока дает все основания рассматривать его как обязательный элемент меры уголовно-правового воздействия – контроля за поведением лица, совершившего преступление, в течение которого необходимо решить ряд задач по недопущению новых преступлений, оказанию воспитательного воздействия, подтверждению нецелесообразности реального исполнения наказания и изоляции виновного.

Данный срок определен в рамках уголовного законодательства и начинает исчисляться с момента провозглашения приговора. Так, Ю.М. Ткачевский указывал, что «продолжительность испытательного срока определяется судом в зависимости от степени общественной опасности преступления и лица, его совершившего, от того, какой срок, по мнению суда, необходим, чтобы осужденный доказал свое исправление»[2]. В свою очередь указание на возможность исправления без изоляции от общества в период условно-досрочного освобождения обоснованно критикуется как излишнее требование к условиям освобождения. В частности, А.П. Скиба предлагает заменить данное условие на «предвидение правопослушного поведения»[3].

При этом минимальные и максимальные временные пределы испытательного срока определены положениями ч. 3, 3^1 ст. 73 УК РФ в зависимости от категории преступления и разновидности назначенного наказания.

Научная и практическая дискуссия относительно сроков условного осуждения изобилует различными мнениями и суждениями, большинство из которых сводятся к констатации необходимости увеличения минимального периода испытательного срока (например, увеличить его до 1 года[4] или 2 лет[5]) либо дифференциации его минимальной

---

[1] *Уголовное* право России : учебник для вузов. Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатьева, Ю.А. Красикова. М., 2000. С. 486 ; *Мананников Д.Ю.* О некоторых вопросах условного осуждения военнослужащих // Гражданин и право. 2008. № 10. С. 55-66.

[2] *Ткачевский Ю.М.* Условное осуждение // Социалистическая законность. 1963. № 11. С. 53 ; *Давыденко В.М.* Некоторые особенности применения к несовершеннолетним условного осуждения // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 38-41 ; *Дьяконова С. В.* Понятие испытательного срока при применении условного осуждения и его продолжительность // Российский следователь. 2008. № 4. С. 19-21.

[3] *Скиба А.П., Мяханова А.Н., Эрхитуева Т.И.* Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения : монография. Улан-Удэ, 2020. С. 69.

[4] *Энциклопедия* уголовного права. Т. 9. Назначение наказания. С. 861 ; *Давыденко В.М.* Некоторые особенности применения к несовершеннолетним условного осуждения // Российская юстиция. 2009. № 10. С. 38-41 ; *Дьяконова С.В.* Механизм осуществления условного осуждения // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2009. № 3. С. 11-12.

[5] *Минязева Т.Ф., Букалерова Л.А.* Критерии назначения наказания или иной меры уголовно-правового характера // Общество и право. 2011. № 1. С. 89-93.

границы от вида наказания, а также закрепления зависимости испытательного срока от вида наказания[1] или его меры (размера, срока)[2]. Учитывая нецелесообразность установления краткосрочного (менее 1 года) периода испытательного срока, не позволяющего полноценно повлиять на осужденного и проконтролировать его поведение в коротких пределах, представляется целесообразным увеличение минимальной границы испытательного срока до 1 года.

Кроме того, назначение испытательного срока меньше срока наказания представляется неприемлемым с точки зрения исправительного воздействия. Существующие в практике примеры назначения наказания в виде лишения свободы на срок 5 лет с испытательным сроком 3-4 года предполагают не только условность самого наказания (его правоограничений), но и сокращение его размера во временном плане. Так, если законодатель устанавливает минимально возможные границы наказания в санкции статьи, то данная граница не должна сокращаться произвольно при применении условного осуждения.

В то же время необходимо исходить из степени эффективности длительного испытательного срока. В рамках проводимых исследований авторы указывают на нецелесообразность длительных сроков условного осуждения, так как длительное время удерживать осужденного под контролем сложно, а «по мнению сотрудников УИИ, в подавляющем большинстве случаев решающими становятся первые два года испытания, в течение которых осужденные либо совершают новое преступление, либо доказывают свое исправление»[3].

В целом же установление в УК РФ временных пределов испытательного срока в размере от 1 года до 5 лет с учетом возможности судебного усмотрения при принятии решения в данной части отвечало бы потребностям социального контроля за поведением осужденных, однако с рекомендацией назначения испытательного срока именно на период от 1 до 3 лет как наиболее оптимального.

Моментом начала контроля за поведением осужденного является определенный в приговоре суда срок, как правило, совпадающий со вступлением приговора в законную

---

[1] *Степашин В.М.* Испытательный срок // Вестник Омского университета. 2013. № 3. С. 257-259 ; *Степашин В.М.* Продолжительность испытательного срока при условном осуждении // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2013. № 2. С. 6-8.

[2] *Грачёва Ю.В.* Источники судейского усмотрения в институтах освобождения от уголовной ответственности и от наказания. М., 2011. С. 127.

[3] *Рахмаев Э.С., Панарин Д.А., Данилов Д.Д.* Организационно-правовые основы исполнения уголовно-исполнительными инспекциями наказаний, не связанных с лишением свободы, и контроля за условно осужденными. Рязань, 2010. С. 123.

силу либо установленный в нем. Например, принятие решения об условно-досрочном освобождении содержит прямое указание на момент освобождения лица из мест лишения свободы. Решение о предоставлении отсрочки отбывания наказания может быть принято непосредственно при провозглашении приговора либо в рамках самостоятельного разбирательства (как правило, при возникновении соответствующих оснований для отсрочки).

Нахождение лица до момента провозглашения приговора в следственном изоляторе не влечет сокращения испытательного срока. Данный срок подлежит зачету в соответствии со ст. 72 УК РФ только для самого назначения наказания.

Прекращение испытательного срока происходит в двух «правовых режимах»: 1) автоматически – при истечении определенного промежутка времени; 2) в рамках самостоятельного судебного решения на предмет достижения целей и соблюдения условий после истечения соответствующего периода.

Испытательный срок при условном освобождении от наказания в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации (ст. 80^2 УК РФ) не имеет четко обозначенных границ, а момент его завершения связывается с наступлением определенных событий. При этом установленные в ст. 78^1 УК РФ события, необходимые для окончательного освобождения от наказания, могут и вообще не наступить, что отодвигает данный этап на неопределенный период.

Кроме того, Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении от 20 декабря 2011 г. № 21^1 указал на еще один критерий истечения (прекращения) испытательного срока. Так, если условно осужденному назначен дополнительный вид наказания и до истечения испытательного срока он своим поведением доказал свое исправление, суд принимает решение об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости лишь после отбытия им дополнительного наказания (п. 12). Данное разъяснение ВС РФ позволило говорить о том, что таким образом «фактически предусматривается *новая разновидность продолжительности испытательного срока*, определяемая фактом отбытия

[1] *О практике* применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 21. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

условно осуждённым назначенного ему дополнительного наказания»[1]. Данный вывод является следствием двусмысленной формулировки, используемой при описании оснований погашения судимости.

Так, ч. 3 ст. 86 УК РФ указывает на категории лиц, совершивших преступление: «а) в отношении лиц, условно осужденных, – по истечении испытательного срока». При этом игнорируется факт возможности нахождения лица одновременно в двух из указанных статусов. Лицо может быть осуждено одновременно к нескольким видам наказания, из которых условно могут отбываться не все. Кроме того, лицу может быть назначено несколько условных осуждений, с самостоятельными испытательными сроками, которые также будут исполняться отдельно.

Иным образом в ст. 82 УК РФ срок нахождения под контролем начинается с момента принятия соответствующего решения, но заканчивается не автоматически – в момент достижения соответствующего события (возраста ребенка), а лишь после принятия судебного решения об окончательном освобождении от наказания.

Сроки контроля в рамках ст. 82^1 УК РФ также зависят от периода лечения и последующей реабилитации, завершением чего является итоговое судебное решение (ч. 3 ст. 82^1 УК РФ).

Представляется, что такой подход, когда по завершении «испытательного срока» окончательное освобождение лица носит не автоматический характер, а требует принятия соответствующего судебного решения, является более предпочтительным. По сути, институт условного осуждения предполагает аналогичную схему отсрочки приговора (исполнения наказания), по завершении которого должно быть принято решение об исправлении осужденного либо утрате им общественной опасности. Так, возможность исправления осужденного без реального отбывания наказания (ч. 1 ст. 73 УК РФ), заявленная как гипотетически допустимая, должна найти (либо не найти) свое подтверждение через какой-то промежуток времени. Отсутствие же полноценного механизма завершения условного осуждения снижает его эффективность и не стимулирует осужденных к исправлению.

Анализ правоприменительной практики также свидетельствует о том, что данное положение распространяется только на решение вопроса о погашении судимости. Так, в слу-

[1] *Степашин В.М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и других мер уголовной ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 344.

чае истечения установленного периода испытательного срока раньше момента исполнения дополнительного вида наказания лицо уже не должно считаться условно осужденным, но снятие судимости не должно происходить в связи с наличием у него неисполненного наказания. При этом ни УК РФ, ни УИК РФ не содержат такого основания прекращения исполнения дополнительного наказания, назначенного не условно. Соответственно снятие судимости по отбытии условного осуждения при наличии неотбытого наказания является неприемлемым. В противном случае условно осужденный никак не заинтересован в отбытии (исполнении) дополнительного наказания, например, штрафа. Если бы виновному было назначено только это наказание (штраф), то он был бы обязан его исполнять, но при условном осуждении ему достаточно только исполнить обязательства условного осуждения, а невыплаченный штраф должен был бы аннулироваться? Такой вывод является закономерным следствием различной правовой природы условного осуждения и наказания. Учитывая возможность одновременного назначения и исполнения (отбытия) лицом как условного осуждения (порой одновременно нескольких), так и нескольких видов наказания, сроки данных мер уголовно-правового воздействия должны исчисляться самостоятельно и завершаться после отбытия каждого в отдельности. При этом контроль, используемый в рамках условного осуждения, не предусмотрен как самостоятельный элемент правоотношений за пределами испытательного срока.

В связи с особенностями испытательного срока и неотнесением его к видам наказания период нахождения лица на испытании не засчитывается в качестве периода отбытия наказания. В одном из своих определений КС РФ указывает на то, что условное осуждение не включено в перечень наказаний, а соответственно, не может отождествляться с ними даже при учете нахождения лица на испытательном сроке. «Испытательный срок не является видом наказания (определения КС от 21 марта 2013 г. № 474-О и от 19 июля 2016 г. № 1690-О). Такой же смысл институту условного осуждения придается в ППВС № 58, в котором отмечается, что испытательный срок, устанавливаемый при условном осуждении, не является наказанием и не может быть ни поглощен более длительным испытательным сроком, ни частично или полностью сложен (п. 64)»[1].

[1] *Об отказе* в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Грант Александры Барадиевны на нарушение ее конституционных прав частями третьей и пятой статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации : решение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 2663-О/2023. URL: https: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision712413.pdf (дата обращения: 18.12.2024).

Отмена испытательного срока влечет за собой возврат к исполнению наказания в полном объеме. Это дает основания сравнивать условное осуждение с позиции строгости с видами наказания. Ранее мы уже обращали внимание на то обстоятельство, что условное осуждение по строгости применяемых правоограничений (режима их исполнения) в сравнении с наказанием в виде ограничения свободы носит более строгий характер, хотя и считается большинством ученых некарательной (нерепрессивной) мерой уголовно-правового воздействия.

В то же время в юридической литературе за институтом условного осуждения сохраняется «карательный статус», основанный на наличии тех либо иных правоограничений в его содержании, а испытательный срок предлагается рассматривать в качестве самостоятельного вида наказания[1], что отчасти подтверждает его соотносимость с наказанием в виде ограничения свободы.

Так, в рамках исследования были проанализированы основные элементы института условного осуждения и наказания в виде ограничения свободы (см. приложение № 6). Представленная таблица наглядно демонстрирует фактическое совпадение правоограничений, составляющих суть наказания в виде ограничения свободы, и такой меры уголовно-правового воздействия, как условное осуждение. Учитывая, что и в первом, и во втором случае основанием возложения указанных обязательств выступает факт совершения лицом преступления, совпадают сроки, содержание, субъекты правоприменительной деятельности, очевидно, что и результаты (цели) должны совпадать. В то же время наблюдается отличие в законодательно установленных целях, а также правовых последствиях как правомерного исполнения меры, так и нарушения ее исполнения. Учитывая указанные свойства рассматриваемых мер уголовно-правового воздействия, их сущность представляется однородной.

Пребывание лица в подконтрольном состоянии без изоляции его от общества очень сложно воспринимать как карательную меру, преследующую цели восстановления социальной справедливости, при этом, по мнению большинства исследователей, такого рода дробление фактически одного способа уголовно-правового воздействия является излишним, и он вполне мог быть реализован в рамках института условного осуждения (пробации). Например, в судебной практике встречаются случаи назначения нака-

[1] *Скиба А.П., Мяханова А.Н., Эрхитуева Т.И.* Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения : монография. Улан-Удэ, 2020. С. 41, 42, 93.

зания в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного ст. 314 УК РФ (за уклонение от отбытия ограничения свободы), и при этом постановления условного осуждения, то есть фактически возврата к такой же по содержанию мере уголовно-правового воздействия. Учитывая отсутствие ограничения на такое назначение, суды, несомненно, имеют такое право. Указанные обстоятельства свидетельствуют о правомерности вывода о возможности отказа от использования наказания в виде ограничения свободы (исключения из УК РФ) и применения условного осуждения.

Проводя исследование вопросов режима испытания при условном осуждении, Н.В. Ольховик приходит к выводу о том, что применительно к контролю за условно осужденными «можно говорить только о формальной стороне контроля, точнее, о его обеспечении: ведение учета правонарушений и преступлений, совершаемых условно осужденными в течение испытательного срока»[1], указывая на то, что контроль не исчерпывается только проверкой соответствия его поведения предъявляемым требованиям.

Анализируя институт условного осуждения и схожее с ним по содержанию правоограничений наказание в виде ограничения свободы, А.М. Разогреева и М.М. Миньков отмечают изменение приоритетов уголовной политики. По мнению авторов, эта «смена вех» (от реабилитации к контролю) обнаруживается не только на уровне законодательной стратегии, но и в текущих практиках правоприменения. Анализируя данные о возложении судами дополнительных обязанностей на условно осужденного, можно увидеть, каким образом расставлены акценты (при этом стоит иметь в виду, что в ч. 1 ст. 73 УК РФ основным мотивом принятия решения об условном осуждении суд называет возможность исправления)[2]. Учитывая эфемерность цели исправления осужденного без применения карательных средств, представляется, что более вероятным мотивом принимаемого решения является именно возможность контролировать поведение осужденного в течение определенного периода времени.

Использование наряду с правовым режимом условного осуждения также и «условной отсрочки исполнения наказания» в сочетании с дополнением механизма ее завершения принятием судебного решения о достижении целей исправления осужденного либо недостижении таковых позволит стимулировать осужденных к правомерному и ответственному поведению в период испытательного срока. Вероятность принятия су-

---

[1] *Ольховик Н.В.* Режим испытания при условном осуждении. Томск, 2005. С. 138.

[2] *Разогреева А.М., Миньков М.М.* Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация? // Уголовное право. 2010. № 4. С. 47-51.

дом отрицательного итогового решения по результатам испытательного срока и возвращения лица для реального отбывания наказания будет оказывать стимулирующий психологический эффект на осужденного, а также позволит государству реагировать на негативное поведение осужденного.

Уголовно-правовое реагирование на поведение осужденного

Общим для всех условных мер уголовно-правового воздействия выступает механизм потенциально возможной их отмены, продления либо изменения (усиления) в случае неправомерного поведения осужденного. Испытательный срок при условном осуждении как длящаяся мера может продлеваться в случае негативного поведения подконтрольного, не соответствующего целям и задачам условного осуждения. Данное поведение может выражаться в факте совершения нового преступления, административного правонарушения, уклонения от исполнения возложенных ограничений либо неисполнения специфических обязательств (отказ от лечения, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних и т.д.) и относится к категории допреступного уголовно-релевантного поведения[1], имеющего значение для конструирования способа уголовно-правового реагирования (отмена испытательного срока, продление, дополнение, привлечение к уголовной ответственности).

Контроль за поведением осужденного в данной части является универсальным способом проверки достижения поставленных целей уголовно-правового воздействия. Однако далеко не во всех случаях возможно своевременное реагирование на факты отклоняющегося поведения. Так, ранее мы освещали проблемы правовой регламентации и практики применения отмены условного осуждения для лиц, совершающих в период испытательного срока административные правонарушения, а также непропорциональности оснований отмены условного освобождения от наказания лиц, принимающих участие в СВО (ст. 80^2 УК РФ). Для устранения создавшейся ситуации непропорциональности оснований отмены примененного условного освобождения от ответственности (ст. 78^1 УК РФ) и наказания (ст. 80^2 УК РФ) нами был разработан законопроект, предусматривающий дифференцированные основания отмены примененных мер уголовно-правового воздействия в зависимости от категории преступления (см. приложение № 13, законопроект № 2).

Относительно возможных сроков продления в научной дискуссии единство отсутствует. Ряд исследователей настаивают на возможности только однократного продления испытательного срока не более чем на один год. Другая группа авторов говорит

[1] *Рыбак З.А.* Допреступное уголовно-релевантное поведение // Наукосфера. 2024. № 5. С. 484-488.

о возможности неоднократного продления на срок суммарно не более года[1]. Также рассматривается вариант возможности многократного продления, каждое из которых на срок не более года, но суммарно не более максимальных пределов условного осуждения, установленных в ст. 73 УК РФ (3 и 5 лет в зависимости от изначальных характеристик преступления)[2]. При таком решении вопроса возникает ситуация невозможности продления условного осуждения лицам, которым изначально был назначен максимально допустимый испытательный срок (3 и 6 лет). Соответственно, возможность влиять на поведение осужденного даже при нарушении им обязательств и запретов также исключается, что является неприемлемым.

Наименее подходящим представляется вариант неограниченного количества продлений. Ю.М. Ткачевский верно указывает, что «подобного рода акция содержит немалый карательный потенциал», а испытательный срок вообще может быть пожизненным, что недопустимо[3]. Соответственно, и запрет на повторное или неограниченное количество продлений испытательного срока предлагалось закрепить в уголовном законе[4].

Анализ судебной практики свидетельствует о наличии решений о повторном продлении испытательного срока. Однако такие решения являются исключением. Все же неопределенность в данном вопросе сохраняет возможность неоднородного толкования законодательных предписаний. В целях устранения указанного противоречия и с учетом анализа приведенных позиций предлагаем установить правило о том, что даже в случае неоднократного продления испытательного срока он не должен более чем на один год превышать максимально допустимый размер испытательного срока, исходя из характеристики оснований условного осуждения, закрепленных в ч. 3 ст. 73 УК РФ, и, соответственно, не может составлять более 4 либо 6 лет.

Сокращение срока условного осуждения исходя из презюмируемой характеристики данной меры как не карательной (не репрессивной), а стимулирующей или поощрительной является экстраординарной мерой. Фактически данная процедура является повторным смягчением смягчения и, соответственно, не должна восприниматься как ана-

---

[1] *Щепельков В.Ф.* Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 330.

[2] *Степашин В.М.* Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении наказания и других мер уголовной ответственности : дис. … д-ра юрид. наук. Омск, 2019. С. 346 ; *Лобов Я.В., Мананников Д.Ю.* Испытательный срок при условном осуждении военнослужащих: проблемные вопросы исчисления и продления // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 2. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

[3] *Ткачевский Ю.М.* Исполнение условного осуждения : монография. СПб., 2010. С. 8-9.

[4] *Андреев К.П.* Правовая природа продления испытательного срока при условном осуждении // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 6. С. 212 ; *Звонов А.В.* Правовые аспекты привлечения к ответственности условно осужденных. М., 2012. С. 13.

лог смягчения наказания и т.д. Если до истечения испытательного срока условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, возместил вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, может постановить об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости. При этом условное осуждение может быть отменено по истечении не менее половины установленного испытательного срока.

Так, суд принял решение об отмене Р. условного осуждения и снятии судимости несмотря на то, что в рамках условного осуждения было установлено обязательство возместить потерпевшему материальный ущерб, причиненный преступлением[1]. Представитель потерпевшего указывал, что осужденный уклоняется от обязанности погасить ущерб, причиненный преступлением, о чем свидетельствует длительное перечисление им мизерных сумм в счет погашения задолженности (за весь период перечислена 1/10 часть задолженности). Однако данный размер был признан частичным, т.е. достаточным для освобождения от условного осуждения и снятия судимости.

Установленный в рамках ч. 1 ст. 74 минимальный срок условного осуждения, дающий право ходатайствовать об освобождении от условного осуждения и снятии судимости, составляет ½ от испытательного срока. Учитывая существующий минимум в 6 месяцев, лицо фактически может претендовать на повторное поощрение спустя 3 месяца после провозглашения приговора. Такое поспешное прекращение правоотношений между лицом, совершившим преступление, представляется нецелесообразным, не позволяющим хоть каким-то образом положительно повлиять на поведение виновного. Особенно неприемлемым такое решение выглядит в случаях наличия у лица материальных обязательств перед потерпевшим. В целях повышения эффективности средств контроля за поведением лиц, которым назначено условное осуждение, представляется необходимым повысить срок минимального отбытия испытательного срок до ¾ от назначенного при фактическом отбытии не менее одного года. Учитывая, что наличие условного осуждения не препятствует осуществлению лицом предпринимательской или трудовой деятельности, а соответственно, и принятию мер для возмещения вреда, необходимо ввести дополнительное ограничение на минимальный размер возмещения вреда,

[1] *Апелляционное* постановление Ярославского областного суда от 17 апреля 2023 г. № 22-744/23. URL: https://sudact.ru/regular/doc/Oqz83JSF1XJn/ (дата обращения: 07.02. 2025).

причиненного преступлением, как условие применения положений ч. 1 ст. 74 УК РФ – не менее половины от суммы ущерба, подлежащей возмещению.

Таким образом, досрочное прекращение (отмена) условного осуждения должно рассматриваться как исключительное поощрение лица в случаях, свидетельствующих о его исправлении и отсутствии невыполненных обязательств материального характера либо подтверждении действенного намерения лица их исполнить (трудоустройство, реструктуризация долга и т.д.). Отсутствие же четких критериев, препятствующих освобождению от условного осуждения и снятию судимости, приводит к возможности необоснованного прекращения правоотношений с лицом, совершившим преступление и еще нуждающимся в контроле со стороны государства и корректирующем воздействии на него.

До настоящего времени условное осуждение не получило однозначного определения того, какой из форм (видов) уголовно-правового воздействия оно является. Так, формально условное осуждение не включено в перечень наказаний, однако в теории уголовного права встречаются мнения об отнесении его к разновидности наказания[1]. Также есть предложения относить условное осуждение к разновидности освобождения от наказания (или отбывания наказания)[2] либо к категории иных мер уголовно-правового характера (мер стимулирования правомерного поведения)[3], обладающих самостоятельным правовым статусом, пускай и связанных с наказанием.

При этом если в Основных началах уголовного законодательства СССР 1924 г. условное осуждение было включено в систему наказаний, то уже в УК РСФСР 1926 г. оно в данный перечень не вошло, но относилось к особому порядку отбытия наказания, не приводившему к исполнению в течение определенного срока, если осужденный не совершит нового не менее тяжкого преступления.

УК РСФСР 1926 г. также закрепил допустимость применения условного осуждения «в случаях, когда степень общественной опасности осужденного не требует ни обязательной его изоляции, ни назначения принудительных работ».

---

[1] *Карпец И.И.* Индивидуализация наказания. М., 1961. 152 с. ; *Антонян Е.А.* Условное осуждение в системе наказаний // Актуальные проблемы исполнения наказания : мат-лы науч.-практ. семинара. Рязань, 2005. С. 60-65 ; *Кашуба Ю.А., Скиба А.П., Суховеев А.С.* Условное осуждение в России и зарубежных государствах : монография. Рязань, 2010. 138 с.

[2] *Ткачевский Ю.М.* Освобождение от отбывания наказания. М., 1970 ; *Максимов С.В.* Условное осуждение и его цели // Российский следователь. 2005. № 9. С. 26-28.

[3] *Карпов К.Н.* Иные меры уголовно-правового характера: система, виды. М., 2012. 205 с.

До 1960 г. условное осуждение могло применяться на срок от 1 года до 10 лет, однако с принятием УК 1960 г. испытательный срок был сокращен и определен от 1 до 5 лет. Если изначально УК 1960 г. предусматривал возможность отмены условного осуждения только в случае совершения осужденным нового умышленного преступления, то изменения ст. 44 УК РСФСР в 1982 г. закрепили возможность такой отмены уже в случае систематических нарушений общественного порядка, повлекших за собой применение мер административного взыскания и общественного воздействия[1]. Также условное осуждение могло быть отменено в случае, если осужденный не оправдал доверие трудового коллектива, которому был передан на перевоспитание, либо оставил трудовой коллектив с целью уклониться от общественного воздействия.

В советский период применение на практике инструментов условного осуждения было связано с возрастанием роли общественности в борьбе с преступностью[2]. Так, за 1958 г. условное осуждение было применено к 6,3% из всех осужденных, 1959 г. – 11,5%, 1960 г. – 17,1%[3]. По сравнению с показателями начала 2000-х гг. (55%)[4], а также и существенно снизившимися современными данными (26%)[5] практика применения условного осуждения в советский период представляется более чем сдержанной. Это свидетельствует о преобладании в тот период реальной угрозы репрессивного воздействия и поощрительном (стимулирующем) характере условного осуждения, в отличие от современного состояния, когда вероятность быть осужденным к реальному лишению свободы (28%) примерно равна вероятности быть условно осужденным (23%), даже без учета назначения наказаний, не связанных с лишением свободы, широко применяемых в отношении преступлений небольшой и средней тяжести. Уровень же рецидива при условном осуждении в период испытательного срока по разным исследованиям и в разные периоды составляет порядка 6–12%[6], что можно обосновать угрозой отмены условного осуждения и возврата к реальному отбытию назначенного наказания. После же окончания испыта-

---

[1] *Асадов В.В.* Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной инспекций в сфере контроля за условно осужденными : автореф. дис. … д-ра юрд. наук М., 2001. 38 с.

[2] *Саркисова Э.А*. Воспитательная роль условного осуждения. Минск, 1971. С. 5.

[3] *Бюллетень* Верховного Суда СССР. 1961. № 3. С. 7.

[4] *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2003 г. URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669 (дата обращения: 23.06.2024).

[5] *Отчет* о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2023 г. URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17 (дата обращения: 28.08.2024).

[6] *Уголовно-исполнительное* право России: теория, законодательство, международная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / под ред. А.И. Зубкова. М., 2005. С. 562 ; *Об условном* осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1970 г. № 5253-VII. URL: http:/www.libussr.ru (дата обращения: 28.08.2024).

тельного срока судимость в юридическом смысле перестает существовать, и последующее совершение преступления не рассматривается как рецидивное, а соответственно, и не учитывается.

В период становления данного института в Советском Союзе он рассматривался «не просто как форма освобождения от отбывания наказания, но и как особый уголовно-правовой институт, заключающий в себе большие воспитательные возможности»[1]. Данная мера сочетала в себе не просто освобождение, но и передачу условно осужденного на перевоспитание в трудовой коллектив и общественные организации. При этом подчеркивалось, что условное осуждение не порождало каких-либо специфических новых обязанностей, кроме одной – не совершать новых умышленных преступлений. Это согласуется с одним из определений социального контроля Г. Тарда, в котором он указывал, что «социальный контроль – это реабилитация лиц, совершивших преступные деяния, с целью реадаптации таких лиц к условиям жизни в обществе путем включения в социально одобренную и социально полезную деятельность»[2]. В то же время практика передачи осужденного на перевоспитание общественности не получила широкого распространения. Так, из всех случаев условного осуждение сочеталось с передачей на перевоспитание в разные годы от 10 до 20%[3].

Правовая регламентация инструментов контроля за поведением лиц, совершивших преступление, в период действия УК РСФСР 1960 г. отличалась разнообразием правовых средств, позволявших совмещать позитивное воздействие на осужденного, смягчать либо отменять уголовно-правовую репрессию и в то же время контролировать поведение лица, совершившего преступление. В частности, к ним можно отнести: возложение обязанности загладить причиненный вред (ст. 32), направление в воспитательно-трудовой профилакторий (ст. 34^1), отсрочку исполнения приговора (ст. 46, 46^1), условное осуждение с обязательным привлечением к труду (ст. 53^2), освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (ст. 50^1), освобождение от уголовной ответственности с передачей дела в товарищеский суд (ст. 51), а также с передачей лица на поруки (ст. 52). Действующее уголовное законодательство не содержит данных инструментов, что негативно сказывается на сохранении

---

[1] *Саркисова Э.А.* Воспитательная роль условного осуждения. Минск, 1971. С. 5.

[2] *Тард Г.* Преступник и толпа / пер с фр. М., 2016. 430 с.

[3] *Статистические* отчеты Верховного Суда СССР за 1959-1969 гг. Статистические данные Отдела судебной статистики Верховного Суда СССР о мерах наказания по приговорам, вступившим в законную силу – по Союзу ССР. URL: https://docs.historyrussia.org/nodes/49503 (дата обращения: 14.08.2024).

возможности взаимодействия лица, совершившего преступление, и контролирующего субъекта, а также снижает возможности решения задач уголовного права. Рассмотрение указанных институтов как определенного процесса (процедуры) позволило Р.А. Сабитову указывать на наличие самостоятельной «теории посткриминального поведения»[1].

Данное поведение осужденных выступало в роли предмета контроля со стороны различных государственных органов, негосударственных организаций (например, трудовых коллективов), а также частных лиц, например, судебные органы (суд, народные заседатели, общественный актив) осуществляли наблюдение за поведением условно осужденных, проведение воспитательной работы, контроль за организациями и коллективами трудящихся, куда был передан осужденный на перевоспитание. При этом формы контроля предполагали направление в организацию (по месту работы) запросов о характеристике осужденного, выездное заседание в коллективе с обсуждением поведения, вызов осужденного в суд для беседы, прикрепление к ним определенных лиц (кураторов).

Таким образом, личное участие авторитетных представителей общественности в процессе перевоспитания и контроля за данным процессом существенным образом повышало эффективность данной меры и ее функциональность. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного нами опроса. Так, при ответе на вопрос: «Считаете ли вы допустимым введение института поручительства в отношении лиц, освобожденных от наказания по тем либо иным основаниям на период испытательного срока?» – 57% считают, что авторитет поручителя может выступать в роли хорошего средства исправления осужденного. На схожий вопрос: «Считаете ли вы допустимым введение института залога в отношении лиц, освобожденных от наказания по тем либо иным основаниям, на период испытательного срока?» – 62% опрошенных подтвердили, что залог будет существенным сдерживающим средством воздействия в отношении лица, ранее совершившего преступление.

Аналогичный опрос, проведенный непосредственно среди лиц, находящихся под контролем УИИ (осужденных к ограничению свободы, условно осужденных и освобожденных условно-досрочно), показал допустимость данной меры контроля. Так, 59% опрошенных считают приемлемым внесение залога на период испытательного срока в качестве меры обеспечения правомерного поведения. Передачу осужденного на поруки общественной организации, трудовому коллективу либо лицу, обладающему авторите-

[1] *Сабитов Р.А.* Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора. М., 2013. С. 6.

том в обществе, на период испытательного срока в качестве меры обеспечения правомерного поведения одобрили 72% респондентов (см. приложение № 12).

Указанные инструменты могут заменить ряд формальных процедур, устанавливаемых осужденным (явку в УИИ, получение разрешения на выезд и т.д.), и тем самым будут дополнительно стимулировать осужденного к правомерному поведению, что позволит сохранять возможность контроля за его поведением, как минимум, на период испытательного срока. Это свидетельствует о положительном отношении в обществе к возможности сбора определенной информации о поведении лиц, совершивших преступление, для обеспечения безопасности общества и проверки достижения целей наказания.

Ряд постановлений Пленума ВС СССР еще в 1947–1948 гг. указывал на необходимость проверки поведения условно осужденных несовершеннолетних. «Применяя условное осуждение, суды не должны допустить, чтобы у несовершеннолетних осталось чувство безнаказанности за совершенное. Суд обязан возложить на органы народного образования, опеки или на родителей обязанность осуществления ежедневного надзора за поведением и воспитанием осужденного»[1]. Существовало специальное Положение об общественных воспитателях несовершеннолетних (Постановление Совета министров БССР от 29 мая 1967 г.), регламентирующее деятельность данных представителей общественности.

При этом особая роль возлагалась на трудовой коллектив. Увольнение осужденного или переход на другое место работы рассматривались негативно с точки зрения воспитательного процесса. Формами социального контроля выступали различные воспитательные мероприятия – заслушивание (разбор) на собрании коллектива, беседа руководителя и коллектива с осужденным, отчет осужденного на общем собрании, привлечение к общественной деятельности, культурно-массовой и спортивной работе. При этом «передача на поруки» допускалась в различные органы (организации): трудовой коллектив, спортивные организации, партийный коллектив, комсомольские организации, профсоюзные организации[2].

Столь тесное взаимодействие с осужденным со стороны указанных коллективов свидетельствует о неформальном отношении к вопросу перевоспитания (как процесса) осужденного, включенности в этот процесс различных органов, что позволяло контролиро-

---

[1] *Сборник* действующих постановлений Пленумов Верховного Суда СССР 1924–1951 гг. М., 1952. С. 12.

[2] *Кузнецова Н.Ф.* Участие общественности в перевоспитании правонарушителей, осужденных условно или переданных на поруки // Советское государство и общественность в условиях развернутого строительства коммунизма. М., 1962. С. 345.

вать поведение осужденного с различных позиций, а не только в части исполнения им возложенных обязательств и несовершения новых преступлений. Воспитательная роль труда немыслима без идеологической воспитательной работы. По словам А.С. Макаренко, «труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом»[1]. Установление же дополнительных обязательств в рамках испытательного срока не было закреплено в УК, но теоретически рассматривалось как одно из средств воспитательного воздействия и выражалось в «требовании прекратить пьянство, улучшить отношения в семье, устроиться на работу». Нарушение данных требований могло послужить основанием для возбуждения ходатайства об отмене условного осуждения.

Таким образом, инструменты воспитательного воздействия в отношении подконтрольных лиц, к которым была применена условная мера уголовно-правового воздействия, являются обязательными как с точки зрения исправления осужденных, так и с позиции дополнительного неформального источника информации о поведении лица, подтверждающей либо опровергающей факт его исправления.

Например, Н.В. Ольховик указывает на положительный опыт использования общественных инспекторов в деятельности по контролю за осужденными и оказанию им помощи в различных жизненных ситуациях[2]. П.В. Тепляшин в своих работах акцентирует внимание на возможности воспитательного воздействия в отношении осужденных с использованием в том числе неофициальных средств[3]. ФЗ «О пробации» также предусматривает систематизацию оказания помощи осужденным и взаимодействия различных служб, организаций, участвующих в процессе адаптации осужденного.

Таким образом, социальный контроль в отношении лиц, к которым применена условная мера уголовно-правового воздействия, должен включать системную реализацию его основных компонентов:

1) испытательный срок – как временной промежуток, в течение которого осуществляется контроль;

---

[1] *Макаренко А.С.* Избранные педагогические произведения : в 2 т. Т. 2. М., 1978. С. 35.

[2] *Ольховик Н.В.* Режим испытания при условном осуждении. Томск, 2005. С. 144.

[3] *Тепляшин П.В.* Современные аспекты правового регулирования воспитательной работы с осужденными к лишению свободы // Вестник Кузбасского института. 2024. № 2. С. 177-186 ; *Тепляшин П.В.* Воспитательная работа с осужденными как субинститут уголовно-исполнительного права // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18, № 2. С. 211-218.

2) правоограничения (обязательства и запреты), которые лицо обязано исполнять в период испытательного срока до момента завершения условной меры уголовно-правового воздействия;

3) средства реагирования на отклоняющееся поведение – основания и условия продления, изменения, отмены испытательного срока;

4) мероприятия, реализуемые государственными и иными органами в рамках контроля за поведением осужденного (не относящиеся к правоограничениям) – воспитательные меры, меры социальной помощи, ресоциализации и т.д.

Ранее продемонстрированный опыт зарубежных стран (в частности Республики Беларусь), а также обозначенные проблемы реализации различных мер уголовно-правового воздействия, тем либо иным образом связанные с контролированием поведения лица, совершившего преступление, позволяют говорить о необходимости и возможности объединения контроля за поведением осужденных в рамках единой универсальной меры уголовно-правового воздействия.

В рамках проведенного нами опроса 64% респондентов отнеслись положительно к инициативе объединения в рамках самостоятельной меры уголовно-правового воздействия контроля за поведением всех категорий лиц, совершивших преступление и не подвергнутых лишению свободы (условное осуждение; наказание, не связанное с лишением свободы; условно-досрочное освобождение и т.д.), при этом было указано на схожесть механизма уголовно-правового воздействия. Также положительно респонденты высказались и в части инициативы расширения применения средств электронного контроля (надзора) за поведением осужденных (80%) (см. приложения №№ 11, 12).

При этом при ответе на вопрос, какие именно параметры поведения осужденного могут подлежать контролю, 56% отнесли к ним местоположение, 30% допускают контроль за содержанием электронных средств коммуникации, 28% – проверку осуществляемых финансовых операций, 21% – анализ физиологических параметров (состояние опьянения и т.д.), а 38% респондентов допускают контроль в отношении всех вышеперечисленных параметров. Также респонденты предлагали осуществлять контроль за кругом общения осужденного, т.е. лицами, с которыми он контактирует, сбор информации о состоянии психического здоровья и информации с места работы.

Показательным также является признание приемлемым использования специализированного программного обеспечения (технологий ИИ и. т. д.) для анализа поведения лица, совершившего преступление, при установлении в отношении него контроля (70%).

Предложение использования залога, а также поручительства как средств воздействия и контроля за поведением осужденных, было одобрено большинством опрашиваемых (62% и 57% соответственно).

Реализация контроля за соблюдением осужденными назначенных им обязательств, связанных с ограничением свободы передвижения (не покидать место постоянного проживания в определенное время суток, не находиться в определенных местах и т.д.), предполагает необходимость нормативного закрепления возможности использования мобильных средств связи для отслеживания местонахождения лица и иных параметров его жизнедеятельности в УИК РФ как не противоречащей установленным Конституцией Российской Федерации гарантиям прав граждан. В связи с чем представляются целесообразными разработка и внедрение автоматизированных систем сбора информации об отдельных параметрах поведения подконтрольного с использованием специального программного обеспечения, устанавливаемого на средства мобильной связи, о местоположении лица в режиме реального времени, его социальных контактах, осуществлении трудовой либо предпринимательской деятельности, выполнении финансовых операций и т.д.

Некарательный характер правоограничений, реализуемых в ходе условного осуждения, различных видов условного освобождения от наказания и отсрочек от исполнения наказания, а также наказания в виде ограничения свободы и регламентируемых в рамках самостоятельного нормативного правового акта мер административного надзора позволяет объединить их в одну универсальную меру уголовно-правового воздействия – «контроль за поведением лиц, совершивших преступление».

Данная мера позволит устанавливать наблюдение за поведением различных категорий лиц, совершивших преступления (*условно осужденных; осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы; освобожденных от наказания; лиц, находящихся под административным надзором*). Основанием для её назначения судом является сохранение общественной опасности данных лиц и необходимость осуществления дальнейшего контроля за их поведением, а также необходимость оказания им помощи со стороны специализированных государственных органов. Содержанием данной меры должна выступать совокупность средств, позволяющих осуществлять сбор информации о поведении лица, совер-

шившего преступление, установление особых требований к его поведению и механизма реагирования на нарушение им режима установленной меры.

В то же время при сохранении существующей модели правовой регламентации институтов условного осуждения, условно-досрочного освобождения, наказания в виде ограничения свободы в целях формирования уголовно-правового механизма обеспечения защиты от противоправного поведения лиц, совершивших преступление, не находящихся в условии изоляции, необходимо расширение перечня ограничений, устанавливаемых в рамках наказания в виде ограничения свободы, условного осуждения и условно-досрочного освобождения, а также административного надзора органов внутренних дел.

К таковым ограничениям следует отнести:

– запрет приближаться к определенным лицам (потерпевшему от преступления, членам его семьи, свидетелям по уголовному делу и т.д.) и общаться с ними, в том числе с помощью любых видов (средств) связи;

– запрет осуществлять деятельность, связанную с администрированием средств массовой информации либо приравненных к ним изданий (страниц в социальных сетях, телеграм-каналов и других ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), а также с публичным распространением информации;

– обязанность проходить регулярные проверки психологического состояния (тестирование, собеседование и др.), а также курсы (программы) психокоррекции поведения (при наличии рекомендаций психолога).

Для реализации данных положений нами был разработан соответствующий проект Федерального закона (см. приложение № 13, законопроект № 1).

§ 3. Конфискация имущества как ресурсный инструмент социального контроля[1]

Одним из методов социального контроля выступают инструменты ресурсного контроля, т.е. оперирование материальной базой той либо иной деятельности. В частности, к ним можно отнести инструменты изъятия (отчуждения) материальных благ (денежных

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Дифференциация оснований отмены условного осуждения и освобождения от наказания // Lex Russica. 2025. № 9. С. 60-70 ; *Карпов К.Н.* Дифференциация конфискации имущества как уголовно-правового средства социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 102-109 ; *Карпов К.Н.* Дифференциация уголовной ответственности при применении конфискации имущества // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : мат-лы XIV всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Омск, 2025. С. 64-69.

средств, прав пользования, владения или распоряжения имуществом и т.п.)[1]. Также обеспечение сохранности ресурсов рассматривают в качестве одной из функций контроля[2]. В то же время и сами ресурсы расцениваются как средство контроля. Например, А. Слоун рассматривал финансы как «последний необходимый ключ к решению проблемы сочетания децентрализации с координированным контролем»[3]. В продолжение данной мысли В.Г. Афанасьев добавлял: «Деньги – вот всесильное средство контроля и управления»[4].

Вопросы получения, распределения (сохранения) материальных ресурсов были и остаются наиболее актуальными для криминальной сферы отношений. В данном случае уместно привести цитату Томаса Джозефа Даннинга: «Капитал избегает шума и брани и отличается боязливой натурой. Это правда, но это ещё не вся правда. Капитал боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Если шум и брань приносят прибыль, капитал станет способствовать тому и другому. Доказательство: контрабанда и торговля рабами»[5]. Данная мысль абсолютно совпадает с современным прагматичным подходом к совершению большинства корыстных преступлений, что соответственно должно быть учтено при конструировании средств уголовно-правового воздействия.

В качестве инструментов ресурсного контроля в сфере уголовно-правового регулирования можно рассматривать:

– имущественные наказания (штраф, исправительные работы, принудительные работы);

– конфискацию имущества;

– судебный штраф как основание освобождения от уголовной ответственности и одновременно иную меру уголовно-правового характера;

– институт возмещения вреда, причиненного преступлением (ст. 73, 79 УК РФ).

---

[1] *Слепенков И.М., Аверин Ю.П.* Основы теории социального управления. М., 1990. 302 с.

[2] *Ефименко Л.В.* Контроль и ревизия : уч. пос. Челябинск, 2018. 105 с.

[3] *Sloan A*. My Jears with General Motors. N. Y., 1964. 574 p.

[4] *Афанасьев В.Г.* Научное управление обществом (опыт системного анализа). М., 1973. С. 68.

[5] *Dunning T.J.* Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention / Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии // Сочинения : в 30 т. Т. 23, кн. I : Процесс производства капитала. Изд. 2. М., 1960. С. 770.

Представляется, что сознательное, а не стихийное управление в сфере противодействия преступности позволяет сформировать указанные инструменты таким образом, при котором материальная база преступности (в том числе перспективная) если не нивелируется, то, как минимум, будет минимизирована.

Так, С.С. Алексеев, анализируя психологический компонент механизма правового регулирования, указывает, что «формулирование воли законодателя в нормативных актах должно производиться с учетом особенностей тех мотивов, на формирование и развитие которых направлены данные юридические нормы»[1]. Применительно к сфере уголовно-правового регулирования и анализируемому вопросу – формирование имущественных санкций или ресурсных средств социального контроля должно учитывать корыстную мотивацию преступных деяний и стремиться устранить даже гипотетическую возможность имущественной выгоды от совершения преступления.

Однако игнорирование возможностей использования штрафа как основного, а также обязательного дополнительного наказания в случаях совершения любых корыстных преступлений является недопустимым и не соответствующим принципам справедливости и гуманизма. Так, корыстная направленность личности преступника как характеристика его общественной опасности должна находить соответствующее отражение и в санкции за совершенное преступление. Однако на сегодняшний момент ряд преступлений, обусловленных корыстной мотивацией, не предусматривают в санкции данного наказания, либо оно является необязательным для назначения. Например, штраф отсутствует в санкциях следующих норм: ст. 120 (Принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации), ст. 127^1 (Торговля людьми), ст. 127^2 (Использование рабского труда), ч. 1 ст. 161 (Грабеж), ст. 200^3 (Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости), ч. 1 ст. 229 (Хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества), ст. 232 (Организация либо содержание притонов или систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов), ст. 242^1 (Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографически-

[1] *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 33.

ми изображениями несовершеннолетних). В подавляющем же большинстве санкций штраф указывается не как обязательный, а как альтернативный вид наказания. Соответственно, совершение данных преступлений может оставаться экономически выгодным даже в случае привлечения виновного к уголовной ответственности.

Наглядным примером эффективности использования штрафа как ресурсного инструмента социального контроля могут выступать санкции большинства коррупционных преступлений, предусматривающих штраф в качестве основного либо обязательного дополнительного наказания. Данный подход позволил существенным образом повысить предупредительный потенциал данной меры уголовно-правового характера, а также эффективность сдерживающего воздействия. Таким образом, включение штрафа как обязательного (основного либо дополнительного) наказания во все нормы, предусматривающие ответственность за совершение корыстных преступлений, является необходимым инструментом ресурсного контроля и противодействия соответствующим преступным посягательствам.

В свою очередь конфискация имущества как мера ресурсного контроля, связанная исключительно с материальными средствами, вовлеченными в преступную деятельность в качестве орудий (средств) либо дохода, требует обязательного учета данного фактора. В части конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера тезис о ее предназначенности для устранения материальной заинтересованности в совершении преступления и ликвидации материальной базы преступности является достаточно распространенным в научной литературе и вызывает одобрение большинства ученых[1].

Данный тезис предполагает соответствующее выстраивание правовой регламентации конфискации имущества как меры, позволяющей либо исключить возможность получения имущественной (финансовой) прибыли в результате совершения преступления, либо лишить имущества, используемого для совершения преступления (как материальной основы преступности). Так, изъятие имущества рассматривается в принципе как междисциплинарная мера, позволяющая бороться с отдельными видами преступных посягательств вне зависимости от отнесения ее к группе мер уголовно-правового характера. Так,

---

[1] *Лунеев В.В.* Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 5-10 ; *Яни П.С.* Конфискация имущества и уголовная ответственность // Уголовное право. 2006. № 6. С. 131-135 ; *Кузнецова О.А., Степанов В.В.* Межотраслевая правовая природа конфискации имущества // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 27-37 ; *Бавсун М.В., Николаев К.Д., Самойлова С.Ю.* Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве : монография. М., 2016. 240 с. ; *Голованова Н.А.* Конфискация как реакция на корыстное преступление // Журнал российского права. 2015. № 7. С. 78-86 ; *Шевелева С.В.* Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. № 3. С. 73-84.

А.И. Александров рассматривает в качестве антикоррупционной меры изъятие имущества государственных служащих, происхождение которого они не подтвердили, в соответствии с положениями ФЗ № 230 «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности»[1]. Называя данный вид изъятия «особой формой правового государственного принуждения», Конституционный Суд РФ указывает на наличие у данных мер единой конституционно значимой публичной цели – борьбы с деяниями коррупционной направленности[2], для которой даже действуют особые правила исчисления сроков давности. Необходимость подобного контроля за расходами государственных служащих в различных формах и методах признается адекватной и необходимой мерой правового воздействия[3], однако сфера ее применения почему-то имеет достаточное ограниченное распространение в отношении лиц, совершивших преступления.

Данные, казалось бы, естественные постулаты не в полной мере находят отражение в действующем уголовном законодательстве, регламентирующем вопросы конфискации имущества. В частности, это можно увидеть на примере дифференциации оснований конфискации имущества.

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового воздействия содержит строгую привязку к фактическим свойствам непосредственно совершенного преступления (размеру (стоимости) полученных в результате совершения преступления доходов, размеру средств, предназначенных для финансирования преступления, стоимости предмета, выступившего орудием совершения преступления, и т.д.). В то же время компоненты института конфискации позволяют относить его именно к категории ресурсных средств социального контроля[4].

В первую очередь речь идет об основании конфискации, предусмотренном п. «а» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ. Данная норма предусматривает необходимость конфискации денег, ценностей и имущества, полученных в результате совершения отдельной группы преступлений.

---

[1] *Александров А.И.* Изъятие имущества как антикоррупционная мера: без сроков давности // Государство и право. 2025. № 1. С. 82-93.

[2] *По делу* о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Курченко В.* Обращение в доход государства эквивалента стоимости приобретенной на неподтвержденные доходы цифровой валюты // Законность. 2025. № 5. С. 19-22.

[4] *Карпов К.Н.* Дифференциация конфискации имущества как уголовно-правового средства социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 3. С. 102-109 ; *Карпов К.Н., Векленко С.В.* Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 20-26.

Само по себе установление данного выборочного основания конфискации предполагает особый правовой статус рассматриваемых составов преступления. При этом детальный анализ указанных преступлений не позволяет говорить о повышенной степени их общественной опасности по сравнению с другими либо особом корыстном характере посягательства, требующем именно дополнительной имущественной санкции, и т.д.

Проблема выборочности перечня преступлений, предусмотренного в п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ, неоднократно выступала в роли объекта научного анализа и дискуссии. При этом законодателю указывалось на недопустимость невключения в данный список преступлений, схожих по механизму преступного действия и требующих адекватного противодействия. Зачастую такое невключение носит (на первый взгляд) характер технического упущения, допускаемого при принятии поправок в УК РФ, вводящих новые составы преступления. Однако даже по прошествии длительного периода времени данные «ошибки» не устраняются. Например, речь идет об отсутствии в списке ряда коррупционных преступлений, с очевидностью предполагающих получение денежных средств или иного имущества (ст. 204^1 УК РФ и др. составы).

Так, существующие позиции ВС РФ не позволяют изымать данное имущество даже на основании норм ГК РФ, регламентирующих неосновательное обогащение. Ярким примером тому может служить определение ВС РФ (по ст. 290 УК РФ), в котором было указано на недопустимость применения принудительных мер уголовно-правового характера (конфискации имущества, ст. 104^1 УК РФ) в порядке гражданского судопроизводства (изъятие имущества, выступившего предметом ничтожной сделки, в силу ст. 169 ГК РФ)[1]. Данный подход ВС РФ признал разновидностью повторного осуждения за одно и то же преступление (ч. 1 ст. 50 Конституции РФ).

Если в отношении взятки такой подход ВС РФ запрещается, то применительно к составу мелкого взяточничества суды используют данный прием и не усматривают повторности ответственности, признавая факт мелкого взяточничества разновидностью незаконной сделки, а в качестве последствия недействительности сделки принимают решение об изъятии предмета мелкого взяточничества[2].

---

[1] *Определение* Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 5 декабря 2023 г. по делу № 51-КГ23-6-К8. URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2322060 (дата обращения: 28.03.2024) ; *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2024 г. № 18-КГ24-248-К4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Миронова Г.Н.* Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1. С. 121-125 ; *Турицын А.В.* Про-

Одним из показательных примеров выступает наличие в перечне состава ч. 2 ст. 105 УК РФ. Так, механизм преступного поведения не предполагает возможности получения какой-либо имущественной выгоды непосредственно в результате совершения убийства. Если же речь идет о сопряженности убийства с иными преступлениями, такими как разбой, вымогательство и т.д., то изымаемое в данном случае имущество имеет законного собственника и не может подлежать изъятию и обращению в доход государства.

В то же время совершение убийства из корыстных побуждений, а равно по найму наиболее часто выступает в качестве основания для изъятия имущества, как правило, выступившего оплатой за совершение данного преступления. При этом рассматриваемый список содержит выборочно отдельные составы, связанные с посягательством на жизнь: например, ст. 317 УК РФ (посягательство на жизнь представителя власти) почему-то не может повлечь за собой конфискацию имущества, полученного исполнителем от заказчика, в то же время ст. 395 УК РФ (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие либо предварительное расследование) имеется в указанном списке.

Уголовное законодательство содержит достаточно большое количество иных составов преступлений, которые могут быть совершены по найму, однако по логике законодателя в таких случаях эти денежные средства не могут быть изъяты. Например, судебной практике известны случаи совершения по найму различных насильственных преступлений: изнасилований или насильственных действий сексуального характера (ст. 131, 132 УК РФ), побоев либо причинения вреда здоровью (ст. 116, 115, 112 УК РФ), незаконного помещения в психиатрический стационар (ст. 128 УК РФ), самоуправства (ст. 330 УК РФ) и т.д.

Таким образом, включение состава (ст. 105 УК РФ и др.) только по причине возможности совершения его по найму или из корыстных побуждений не свидетельствует о закономерности получения денег, ценностей или иного имущества от самого факта их совершения. По крайней мере, такое получение материальной выгоды не носит более вероятностный характер, нежели применительно к другим составам преступления.

Детальный анализ обоснованности включения каждого из составов в перечень п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ позволяет говорить о ситуативности данного законодательного решения, продиктованного отчасти общественной опасностью ряда составов преступлений, отчасти наличием политической подоплеки усиления борьбы с той либо иной группой пре-

---

блема подмены понятий конфискация (ст. 104^1 УК РФ) и «изъятие имущества» по сделке, совершённой с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), по делам о взяточничестве // Право и практика. 2023. № 3. С. 54-60.

ступных посягательств, что далеко не всегда совпадает с механизмом преступного поведения и взаимосвязью факта совершения преступления с возможностью получения имущественной выгоды от него. Об этом свидетельствует и систематическое внесение изменений в указанный перечень, а также попытки включить в него новые составы преступлений[1].

Такое выборочное указание на возможность конфискации имущества за совершение только отдельных составов преступления не позволяет полноценно реализовывать ресурсный контроль, направленный на исключение возможности получения прибыли в результате преступной деятельности.

В результате существующего подхода возникает ситуация, когда лицо, совершившее преступление, не указанное в приведенном перечне, и получившее от этого доход, остается «законным» собственником данного имущества и может им распоряжаться. Примером тому служат судебные решения, подтверждающие невозможность изъятия такого имущества[2].

Таким образом, устранение неоправданной дифференциации оснований конфискации имущества может происходить путем исключения излишних составов преступлений из содержания п. «а» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ с сохранением значимых свойств самого имущества – получение его в результате совершения преступления, а также установления исключения для имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

Данный подход ряд исследователей обосновывают тем фактом, что получение имущества тем либо иным образом связывается с его незаконным изъятием из владения собственника и соответственно не может порождать лишения «незаконного» права собственности виновного лица и возникновения вторичного права государства на обращение в свою пользу данного имущества.

Несомненно, данный аргумент имеет право на существование, и такого рода преступления существуют, однако механизм получения имущества (а также и доходов от имущества) в зависимости от характера совершенного преступления может предполагать различные способы обогащения виновного.

---

[1] *Бастрыкин* предложил конфисковать имущество у виновных в мошенничестве и растрате. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7479784 (дата обращения: 26.03.2025) ; *Бастрыкин* предложил конфискацию за мошенничество и растрату. URL: https://rg.ru/2025/02/05/vor-anfas-i-v-profil.html (дата обращения: 26.03.2025) ; *Глава* СК предложил конфисковывать у коррупционеров все имущество. URL: https://realty.rbc.ru/ news/ 645cf3d39a7947bcf462e44b?from=copy (дата обращения: 26.03.2025).

[2] *Определение* судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8. Доступ из СПС «ГАРАНТ» ; *Взыскание* денежных средств, полученных в качестве взятки по ст. 290, 291[1] УК РФ, по иску прокурора: новая судебная практика ВС РФ 12.2023. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

Так, доходы, полученные от использования похищенного имущества, согласно предписаниям ст. 104[1] УК РФ не могут быть обращены в доход государства, т.к. в данной норме не содержится соответствующих составов преступления (ст. 158, 159 УК РФ и т.д.). Если в отношении самого имущества справедливо возвращение его законному владельцу, то доходы от его использования по логике должны быть либо тоже изъяты у виновного и переданы собственнику, либо обращены в пользу государства.

Индивидуализация вопросов конфискации имущества не предполагает возможности произвольного выбора судом размера изымаемого имущества и вообще возможности неприменения данной меры. Исключение составляют только случаи конфискации орудий и средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому. Так, в судебной практике встречаются примеры неприменения конфискации орудий, средств, оборудования совершения преступления, принадлежащих обвиняемому, в случаях, когда стоимость данных предметов несопоставима с размером причиненного ущерба (существенно его превышает), а также если данные предметы выступают единственным источником дохода для лица, совершившего преступление[1].

Применение же конфискации «специальных» орудий и средств совершенного преступления в виде транспортных средств, на которых было совершено преступление, предусмотренное ст. 264[1]–264[3] УК РФ, по всей видимости, ввиду повышенной общественной опасности данного деяния является обязательным и безальтернативным. В то же время принадлежность транспортных средств виновному как критерий дифференциации оснований конфискации представляется не вполне обоснованным подходом. Так, очевидное придание данному случаю конфискации имущества карательного свойства позволяет говорить об использовании его фактически в качестве дополнительного наказания.

Такой вывод следует из ряда обстоятельств: во-первых, до введения в УК РФ соответствующего п. «д» ч. 1 ст. 104[1] попытки изымать транспортные средства как орудия или средства совершения преступления были отвергнуты Верховным Судом в советующем ППВС РФ[2]. После внесения в 2016 г. изменений п. 30 данного постановления содержал следующие разъяснения: «Следует иметь в виду, что для целей применения пункта «г» части 1 статьи 104[1] УК РФ транспортное средство не может быть признано орудием, обору-

---

[1] *Карпов К.Н.* Когда не применяется конфискация имущества // Законность. 2017. № 12. С. 36-40.

[2] *О судебной* практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. (в ред. постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31, от 24.05.2016 № 22). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

дованием или иным средством совершения преступления, предусмотренного статьей 264 либо 264[1] УК РФ». Однако в последующем законодатель, по сути, преодолел данный запрет ВС РФ путем введения специального дополнительного основания конфискации имущества (п. «д» ч. 1 ст. 104[1] УК РФ).

Изъятие имущества, выступившего орудием преступления, т.е. предметом, использованным для умышленного причинения вреда охраняемым уголовным законом правоотношениям, в принципе согласуется с правовой природой конфискации, например, вытекает из конфискации имущества, использованного в целях совершения сделки, противной основам правопорядка (ст. 169 ГК РФ), о чем свидетельствует практика «подмены» гражданско-правовым изъятием имущества, выступившего предметом взяточничества, в случаях невозможности применения уголовно-правовой конфискации[1].

Если согласиться с тезисом о том, что ст. 264[1]–264[3] УК РФ не предполагают умышленного использования транспортных средств для причинения вреда, то и конфискация, соответственно, имеет иные обоснования. Таковым представляется желание дополнительного сдерживающего общепредупредительного воздействия (как средства устрашения) и специально-предупредительного (как лишения (как минимум, сокращения) возможности продолжения преступной деятельности). Последовательная реализация данного подхода с очевидностью приводит нас к выводу о необходимости аналогичного изъятия не только транспортного средства, но также и иных источников повышенной опасности (воздушные, водные (морские, речные) судна и др.) в случае совершения преступлений, предусмотренных ст. 216, 238, 263, 264, 271, 271[1] УК РФ, лицом, находящимся в состоянии опьянения[2].

Так, в судебной практике при вынесении приговоров довольно часто встречаются спорные ситуации в части решения вопроса о конфискации транспортного средства, фактически находящегося в пользовании виновного, однако юридически оформленного на супруга (супругу), близкого родственника (родители, дети) либо на юридическое лицо,

---

[1] *Определение* судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8. Доступ из СПС «ГАРАНТ» ; *Взыскание* денежных средств, полученных в качестве взятки по ст. 290, 291[1] УК РФ, по иску прокурора: Новая судебная практика ВС РФ 12.2023. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

[2] *Мингалимова М.* Конфискация транспортных средств как способ предупреждения совершения преступлений в состоянии опьянения // Законность. 2024. № 2. С. 44-45.

учредителем либо руководителем которого является виновный[1]. Также оспариваемыми выступают ситуации, когда транспортное средство находится в залоге у банка либо иной кредитной организации.

Правоприменители и научное сообщество выдвигают различные критерии и аргументы относительно возможности применения в таких ситуациях конфискации. Например, предлагается учитывать интересы права собственности второго сособственника и конфисковать только часть имущества, непосредственно принадлежащую виновному (с учетом потенциально возможного раздела имущества), либо игнорировать данные права и изымать все имущество[2]. При этом отсылка к таким обстоятельствам, как происхождение денежных средств, на которые приобретено транспортное средство, определение режима собственности (наличие либо отсутствие раздела имущества), нуждаемость членов семьи в транспортном средстве, представляются, как минимум, вторичными и уж точно не влияющими непосредственно на решение вопроса о необходимости изъятия имущества[3]. Указанные критерии представляются искусственно создаваемыми в целях исправить либо каким-то образом нивелировать допущенное законодателем некорректное формулирование данного основания конфискации имущества.

В таком случае дифференциация оснований конфискации не должна зависеть от принадлежности имущества исключительно виновному. По сути лицо, совершающее преступление, предусмотренное ст. 264^1–264^3 УК РФ, с использованием не принадлежащего ему транспортного средства, находится в более выгодном положении, нежели лицо, нарушающее правила дорожного движения, использующее транспортное средство, принадлежащее ему (либо его супругу).

В целях устранения данного противоречия целесообразно следующее дополнение основания, предусмотренного п. «д» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ:

---

[1] *Приговор* Ухтинского городского суда Республики Коми от 12 декабря 2023 г. URL: https:// судебныерешения.рф/77144629 ; *Кассационное* определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 декабря 2023 г. № 3-УДП23-16-КЗ. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

[2] *Шевелева С.В.* Трансформация уголовного законодательства на современном этапе // Журнал российского права, 2024. № 3. С. 106-123 ; *Маматов М.В., Маслов И.А.* Конфискация транспортного средства как элемент предупреждения общественно-опасных деяний в области дорожного движения // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 66-68 ; *Надин А.* Конфискация транспортных средств: проблемы правоприменения // Законность. 2024. № 11. С. 55-58 ; *Мингалимова М.* Конфискация транспортных средств как способ предупреждения совершения преступлений в состоянии опьянения // Законность. 2024. № 2. С. 44-45.

[3] *Постановление* Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2023 г. № 77-2856/2023. Доступ из СПС «ГАРАНТ» ; *Определение* судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 1 февраля 2024 г. № 64-УДП23-9-9К. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

«д) транспортного средства, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления, предусмотренного статьями 264^1, 264^2, 264^3, а также пунктами «а» частей 2, 4, 6 статьи 264 настоящего Кодекса либо эквивалента стоимости данного транспортного средства в случае принадлежности его иному физическому либо юридическому лицу».

Отдельного внимания заслуживает и вопрос правовой регламентации конфискации в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ. В данной норме законодатель выделяет еще один специальный подвид предметов материального мира, выступающих орудием (средством) совершения преступления, – деньги, ценности и иное имущество, используемые или предназначенные для финансирования терроризма, экстремистской деятельности, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации), а также деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

Представляется, что акцент законодателя был основан на желании усилить противодействие данным видам преступных посягательств, однако точный перечень составов, относящихся к категориям терроризма, экстремизма, до настоящего момента остается неопределенным и периодически меняется.

Кроме того, в 2024 г. в данной норме появилось еще одно уточнение. В частности, предметом конфискации должно выступать имущество, используемое или предназначенное для деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. В содержание данного понятия законодатель дополнительно включил еще одну группу преступлений, предусмотренных ст. 189, 200^1, 209, 210, 222–223^1, 226, 226^1, 229^1, 274^1, 275–276, 281–281^3, 283, 283^1, 284^1, 284^3, 290, 291, 322, 322^1, 323, 332, 338, 355–357, 359 УК РФ.

Ряд этих преступлений попали в оба списка, например, ст. 210 УК РФ (преступное сообщество), другие же преступления носят общеуголовный характер (ст. 209, 226 УК РФ) и лишь условно могут быть отнесены к угрожающим безопасности государства.

Основной же дифференцирующий критерий данного подвида конфискации имущества носит лишь информационно-указательный (для правоприменителя) характер и по своей сути не отличается от общего правила о необходимости конфискации предметов, выступивших орудиями и средствами совершения преступления.

Правовая регламентация и практика применения ресурсных инструментов социального контроля в виде штрафа как вида наказания, а также судебного штрафа и конфискации имуще-

ства как иных мер уголовно-правового характера должны быть ориентированы на формирование презумпции экономической невыгодности совершения любого преступления. В связи с этим необходимо закрепление штрафа как основного либо обязательного дополнительного наказания в санкциях всех норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за совершение преступлений, предполагающих корыстную направленность.

Необходимо закрепление в УК РФ возможности применения конфискации имущества, полученного в результате совершения любого преступления, вне зависимости от разновидности имущества и отдельных характеристик совершенного преступления, для чего следует отказаться от закрытого перечня составов преступлений, предусмотренного п. «а», «д» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ. Основанием изъятия имущества должен выступать факт получения имущественной выгоды (денег, ценностей, имущества) в результате совершения преступления с учётом ограничений, установленных гражданским законодательством, регламентирующим правомерное владение имуществом, а также возмещение вреда, причиненного преступлением. Необходимо установить возможность конфискации транспортного средства, использованного для совершения любого преступления лицом, находившимся в состоянии алкогольного опьянения, а в случае принадлежности транспортного средства иному лицу – возможность конфискации у виновного денежного или имущественного эквивалента стоимости транспортного средства.

Реализация данного подхода представляется возможной путем внесения следующих изменений в нормы ст. 104^1 УК РФ: п. «а», «д» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«а) денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу …

д) транспортного средства, средства индивидуальной мобильности либо иного источника повышенной опасности, принадлежащего обвиняемому и использованного им при совершении преступления в состоянии опьянения, либо эквивалента стоимости данного предмета в случае принадлежности его иному физическому либо юридическому лицу».

Ограничением на применение конфискации имущества должно выступать правило, согласно которому не подлежит конфискации то имущество, которое должно быть передано законному добросовестному собственнику.

ГЛАВА V. ИНСТРУМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ, РЕАЛИЗУЕМЫЕ ВНЕ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ПРАКТИКИ

§ 1. Контроль за поведением лиц, имеющих непогашенную или неснятую судимость[1]

Контроль за поведением лиц, совершивших преступление, рассматривается как одно из необходимых условий полноценной деятельности государства по противодействию преступности. Традиционно постпреступным (посткриминальным) контролем принято рассматривать контроль за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы по отбытии наказания либо освобожденных условно-досрочно[2]. В то же время формат уголовно-правовых отношений между государством и лицом, обладающим правовым статусом судимого, предполагает возможность различных способов контроля за его поведением[3]. В рамках уголовно-правовых средств не только общепревентивного, но и частнопревентивного характера использование уголовно-правового статуса судимости позволяет государству сохранять возможности осуществления контроля за поведением лиц, совершивших преступление.

В качестве таких средств социального контроля можно рассматривать:

1. Установление уголовной ответственности специальных субъектов – лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость в рамках:

а) преступлений, сконструированных по типу уголовной преюдиции (ч. 2 ст. 116^1, чч. 2 ст. 264^1–264^3 УК РФ и др.);

б) повышенной ответственности за совершение преступлений при наличии признаков рецидива (в рамках отягчающего обстоятельства (п. «а» ч. 1 ст. 63 УК РФ));

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Судимость и правовой статус лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, как признаки субъекта преступлений с уголовной преюдицией // Законодательство. 2024. № 6. С. 60-67 ; *Карпов К.Н.* Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2023. № 2. С. 178-187 ; *Карпов К.Н.* Криминообразующие признаки субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264^2 УК РФ // Государство и право в эпоху глобальных перемен : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2022. С. 182-184 ; *Карпов К.Н.* Новые средства контроля за лицами, совершившими преступление // Современные проблемы уголовной политики : мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. II. Краснодар, 2015. С. 77-81.

[2] *Филимонов О.В.* Посткриминальный контроль: (Теоретические основы правового регулирования). Томск, 1991. 180 с.

[3] *Абатуров А.И.* Постпенитенциарный контроль. М., 2013. 224 с. ; *Абатуров А.И.* Административный надзор в системе постпенитенциарного сопровождения. М., 2017. 287 с.

в) особо квалифицирующих признаков отдельных составов преступления при наличии специального рецидива преступлений (чч. 5 ст. 131, 132 УК РФ и др.);

г) специальных составов, предусматривающих ответственность за нарушение режима административного надзора;

2. Административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеющими неснятые и непогашенные судимости.

Указанные элементы постпенитенциарного (т.е. реализующегося после исполнения или отбытия наказания) контроля напрямую связаны с наличием специального уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, а именно судимостью. Данный термин понимается именно в юридическом (а не общеупотребительном (бытовом)) смысле, т.е. речь идет о неснятой и непогашенной судимости, возникшей в результате вступления в силу обвинительного приговора суда.

Основным компонентом, на котором базируется социальный контроль за поведением лиц, отбывших наказание, выступает судимость. Данный конструкт является отображением специфического правового статуса лица, который возникает в результате сочетания нескольких взаимосвязанных фактов: 1) факт совершения преступления; 2) факт осуждения (вынесения обвинительного приговора суда); 3) факт отбытия наказания. Правовое значение судимости, а также особенностей уголовной ответственности данной категории лиц неоднократно выступали предметом научного осмысления и анализа в правоприменительном контексте[1]. Современные представления о судимости как уголовно-правовом инструменте воздействия в отношении лиц, совершивших преступления, позволяют говорить о том, что непосредственно правоограничительный компонент судимости наполняется содержанием не только в уголовном законодательстве, но и в иных отраслевых нормативных правовых актах.

К уголовно-правовым средствам контроля в рамках судимости следует отнести предусмотренные в УК РФ правоограничения, возникающие исключительно из факта судимости и в период наличия данного правового положения лица. Так, А.А. Нечепуренко использует применительно к ним термин «содержательные компоненты судимо-

[1] *Понятовская Т.Г.* Правовое значение судимости : монография. Ижевск, 2003. 240 с. ; *Нечепуренко А.А.* Перспективы законодательного закрепления статуса судимости как основной формы реализации уголовной ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2. С. 37-43 ; *Тарбагаев А.Н.* Судимость и ее уголовно-правовое значение // Вестник Ленинградского университета. Серия 6: История КПСС, научный коммунизм, философия, право. 1990. № 2. С. 85-90 ; *Питецкий В.* Судимость в уголовном праве // Законность. 2006. № 4. С. 50-52 ; *Нечепуренко А.А.* Разграничение содержания и последствий судимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4. С. 3-8.

сти» и отграничивает их от «мер безопасности», действующих в отношении более широкой категории – лиц, совершивших преступление[1]. Обособление данных правоограничений происходит в соответствии с проявлением их в период судимости и в связи с наличием данного специфического правового статуса.

Указанные средства контроля, используя придание соответствующего уголовно-правового статуса «судимости», позволяют предъявлять особые требования к поведению лица в части как соблюдения норм уголовного законодательства, так и правомерности поведения в целом. Такого рода продленные правоотношения формируют особую связь между государством и лицом, не просто совершившим преступление, а именно осужденным (вынесен обвинительный приговор суда) с последующим назначением наказания, что позволяет констатировать сохранение свойств общественной опасности лица для общества в период судимости.

Во-первых, судимость предполагает наличие особого уголовно-правового статуса лица, совершающего новое преступление. Данный статус обозначен в ряде составов преступления как отягчающее обстоятельство (ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132 УК РФ) либо как обязательный конструктивный признак состава (ч. 2 ст. 116^1 УК РФ и т.д.). Наличие судимости выступает прямым препятствием для признания лица впервые совершившим преступление как условия для освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (ст. 75–76^2 УК РФ).

Судимость выступает в роли основы для признания в действиях лица рецидива преступления. Данный компонент позволяет предъявлять особые требования к поведению лица, ранее совершившего преступление, в течение определенного промежутка времени. При этом сама концепция установления уголовно-правового статуса судимости за рамками реализованного наказания предполагает не усиление репрессии, а именно сохранение специфических правоотношений между государством и лицом, совершившим преступление. Данный правовой статус позволяет обосновывать введение контролирующих мероприятий в отношении данной категории лиц фактическим наличием потенциальной угрозы повторения преступного поведения[2].

---

[1] *Нечепуренко А.А.* Разграничение содержания и последствий судимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4. С. 6.

[2] *Ендольцева А.В.* Утрата лицом своей прежней общественной опасности как условие освобождения от уголовной ответственности // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 6. С. 73-78.

Первый компонент социального контроля в отношении лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость, предполагает специфичность их правового статуса как специального субъекта преступления. Его особенности связаны с предъявлением повышенных требований к поведению осужденного в период судимости и возможностью привлечения к уголовной ответственности за специфические нарушения либо повышенной ответственности за совершение отдельных видов преступлений.

И.А. Архенгольц, проводя исследование института судимости, указывает на неизбежность судимости как проявления имманентно присущего человеческой психике свойства деления индивидов в обществе на «своих» и «чужих», а также стремления обеспечить чистоту группы «своих» и уменьшения социальной ценности «чужих». Обращая внимание на усиление межгруппового антагонизма как результата данной стратегии государства, автор все же признает «нецелесообразность отказа от нее в целях обеспечения стабильности и правопорядка»[1].

Указанные способы контроля за поведением осужденного базируются на презумпции повышенной опасности лиц, совершивших преступление. Происходившие в предшествующие исторические периоды в политическом дискурсе попытки отмены концепции стигматизации и смещения акцента от оценки опасности личности (или даже полного исключения возможности такой оценки) к оценке опасности исключительно совершенного деяния показывают свою нежизнеспособность в свете предупреждения преступности.

Данная тенденция наглядно демонстрируется в контексте изменений уголовного законодательства. Так, если в УК РФ 1996 г., как отметил А.З. Рыбак, административная преюдиция «лежала на полках истории»[2], а в период изменений 2003 г. были исключены институты неоднократности и рецидива преступлений, то в последующие годы (а также в настоящее время) законодатель был вынужден предпринимать меры по усилению законодательства в части соразмерного воздействия в отношении лиц, демонстрирующих противоправное поведение на систематической основе. Так, были введены инструменты административной, а после и уголовной преюдиции; включены особо отягчающие признаки отдельных преступлений (ст. 131, 132 УК РФ), учитывающие наличие у виновно-

[1] *Архенгольц И.А.* Судимость и ее общеправовые последствия : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 9.

[2] *Рыбак А.З.* Допреступное релевантное поведение // Наукосфера. 2024. № 5. С. 485.

го состояния специального рецидива; расширена сфера применения данных способов криминализации.

Преюдициальные конструкции не являются новшеством действующего уголовного законодательства и достаточно активно востребованы в практической плоскости. На сегодняшний день в УК РФ содержатся составы с уголовной преюдицией как обязательным (в некоторых случаях альтернативным) признаком основного либо квалифицированного состава, предполагающим ответственность лиц, имеющих судимость за совершение следующих деяний: ч. 2 ст. 116^1; ч. 2 ст. 204^2; чч. 2 ст. 264^1–264^3; ч. 1 ст. 284^1; ч. 2 ст. 291^2; ч. 1 ст. 321^1 УК РФ.

Несмотря на то, что административная преюдиция не имеет прямой связи именно с уголовно-правовым статусом судимости, данные способы конструирования уголовно-правовых запретов являются аналогичными, а соответственно, в ряде случаев взаимодополняющими. К таким составам относятся, например, ч. 1 ст. 116^1; ст. 151^1, 158^1; чч. 1 ст. 264^1–264^3; ч. 1, 2 ст. 330^1; ч. 1 ст. 330^3 УК РФ и др.

Особенность конструкции данных составов базируется на презумпции повышенной опасности лиц, продолжающих однотипное преступное поведение. Совершение данными лицами насильственных преступлений предполагает возможность наступления уголовной ответственности даже при отсутствии всех признаков общественной опасности основного состава (например, ст. 116 УК РФ), а лишь при совершении нарушения, запрещенного нормами КоАП РФ.

При этом криминализующим фактором выступает не столько повторяемость (продолжаемость) противоправного поведения, сколько именно правовой статус лица – привлеченное к административной ответственности. Так, привязка данного статуса к моменту отбытия наказания позволяет на определенный временной промежуток сохранять статус специального субъекта указанных преступлений.

В то же время сопоставление данного статуса с некоторыми уголовно-правовыми статусами демонстрирует непоследовательность законодателя в определении критериев криминализации. Так, освобождение лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям не позволяет в дальнейшем учитывать данный статус ни в качестве образующего уголовную преюдицию, ни даже административную. Фактически правовой статус лица, совершившего административное правонарушение (привлеченного к административной ответственности в контексте

ст. 4.6 КоАП РФ), содержит большее количество неблагоприятных последствий для лица, нежели статус освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Лицо, совершившее мелкое хищение имущества и привлеченное к административной ответственности за данное деяние, в будущем сохраняет статус специального субъекта преступлений (ст. 158^1 УК РФ), в то время как лицо, совершившее уголовно наказуемое хищение, но освобожденное по каким-либо нереабилитирующим основаниям от ответственности, не будет иметь статуса специального субъекта преюдициального преступления, т.е. избежит уголовной ответственности при совершении аналогичного мелкого хищения. На существование целого ряда иных проблем, возникающих при конструировании преюдициальных составов, неоднократно указывалось в научной литературе[1]. В целом же можно констатировать, что данные проблемы возникают в результате непоследовательности использования конструкций, определяющих уголовно-правовой статус лица, совершившего преступление, и исключающих учет факта совершения преступления.

Однако далеко не во всех случаях криминализация составов с уголовной преюдицией последовательно реализуется. Так, выборочность запрета отдельных форм поведения выступала предметом критики с точки зрения предупредительного воздействия. Совершение лицом, имеющим судимость за насильственное причинение вреда здоровью потерпевшего либо даже убийство, очевидно является более общественно опасным деянием, нежели повторное совершение не повлекших вреда для здоровья административно наказуемых побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ). Данная логика была воспринята законодателем, однако лишь для насильственных преступлений. При этом в диспозиции ст. 264^1 УК РФ (Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость) происходит учет только лишь судимостей за совершение преступлений, предусмотренных ст. 264, 264^1 УК РФ, но не иных схожих составов преступлений (ст. 264^2, 264^3 УК РФ). В то же время в рамках ст. 264^2 УК РФ (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами) происходит учет судимости только за совершение данного преступления, но не учитываются иные нарушения правил дорожного движения. При таком подходе происходит

[1] *Хилюта В.В.* Административная преюдиция в структуре состава преступления // Уголовное право. 2021. № 7. С. 56-65.

несистемный учет критериев криминализации, а в качестве показателя наличия либо отсутствия общественной опасности используется признак судимости лишь за совершение некоторых преступлений. Тем самым судимость за то либо иное преступление рассматривается как показатель общественной опасности лица, в то время как судимости за совершение иных (даже более тяжких) преступлений не используются в качестве признака соответствующего состава преступления.

Включение в ст. 116^1 УК РФ признака уголовной преюдиции произошло только после рассмотрения данной нормы Конституционным Судом РФ[1] и прямого указания на возникшую «недооцененность» продолжающегося (повторяющего) насильственного поведения в случае, если оно было квалифицированно как преступление. Представляется, что в уголовном законодательстве присутствует достаточное количество и иных случаев, требующих учета предшествующего преступного поведения лиц. Например, в структуре корыстных, должностных и ряда иных преступлений должны присутствовать средства корректной оценки повышенной опасности лица, имеющего судимость. Так, состав преступления, предусмотренный ст. 158^1 УК РФ, сконструированный по типу административной преюдиции (ст. 7.27 КоАП РФ), не содержит аналогичного признака в отношении мелкого хищения, совершаемого лицом, имеющим судимость за ранее совершенное уголовно наказуемое хищение. Соответственно, совершение мелкого хищения лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного, например, ст. 158, 160, 162 УК РФ и т.д., не будет образовывать состава преступления, предусмотренного ст. 158^1 УК РФ, в то время как совершение аналогичного мелкого хищения лицом, ранее привлекавшимся только лишь к административной ответственности за совершение правонарушения, предусмотренного ст. 7.27 КоАП РФ, будет влечь уголовную ответственность. Таким образом, лица, имеющие судимость за совершение корыстных преступлений и сохраняющие свойства общественной опасности, в меньшей степени подвержены контролю (и репрессии) со стороны государства, нежели лица, совершившие только лишь административное правонарушение.

В ст. 204^2 УК РФ учитывается судимость только за совершение преступлений, предусмотренных ст. 204 и 204^1 УК РФ, в то время как судимости за дачу взятки (ст. 291 УК РФ), мелкое взяточничество (ст. 291^2 УК РФ) либо посредничество во взя-

---

[1] *По делу* о проверке конституционности статьи 116^1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой : постановление Конституционного Суда РФ от 8 апреля 2021 г. № 11-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

точничестве (ст. 291^1 УК РФ) остаются неучтенными. Аналогичным образом в ст. 291^2 (мелкое взяточничество) не учитываются судимости за совершение преступлений, предусмотренных ст. 204, 204^1, 204^2 УК РФ.

В свою очередь ст. 321^1 (Передача лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость) вообще не содержит критериев дифференциации и в рамках одного состава учитывает и судимость, и факт совершения административного правонарушения. Аналогичная ситуация складывается и в рамках составов ст. 284^1, 330^3 УК РФ, в которых статус лица, совершившего административное правонарушение, также приравнен к статусу судимого за совершение преступления в рамках основного состава, без учета степени опасности данных признаков.

Данные примеры демонстрируют очевидную непоследовательность законодательного подхода к оценке опасности свойств лиц, систематически совершающих противоправные деяния, так как он исключает возможность соответствующего контроля за поведением лиц, обладающих опасностью для общества, а соответственно, требует систематизации и корректировки.

В качестве необходимого условия систематизации практики учета уголовно-правового статуса судимости как обязательного условия предъявления повышенных требований к поведению лица необходимо использовать следующие принципы: во-первых, закрепление признаков административной и уголовной преюдиции должно происходить в рамках различных частей соответствующих составов преступлений; во-вторых, уголовно-правовой статус судимости должен иметь значение как более опасный по сравнению с аналогичным административно-правовым статусом в случае совершения преступления и административного правонарушения, имеющих аналоги в УК РФ и КоАП РФ. Например, судимость за совершение любого насильственного преступления должна учитываться при определении преступности совершенных побоев (ст. 6.1.1), аналогично наличие судимости за любое хищение имущества должно рассматриваться в качестве криминализирующего признака последующего мелкого хищения (ст. 7.27 КоАП РФ) и т.д. Данные смежные составы могут включать в себя также правонарушения и преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, оборота порнографической продукции, организации азартных игр, нарушения законодательства в сфере экологии.

Уголовно-правовой статус судимости должен оцениваться как признак повышенной опасности по сравнению со схожим статусом лица, совершившего административное правонарушение, и регламентироваться в разных частях соответствующих норм Особенной части УК РФ.

Признак уголовной преюдиции должен предполагать учет судимости за совершение однотипных преступлений. При этом в качестве критериев учета той либо иной судимости должны рассматриваться: 1) группа преступлений по видовому объекту (расположенных в одной главе либо системно взаимосвязанных (например, ст. 204, 290 УК РФ)); 2) форма вины.

Так, в рамках проводимого опроса 68% сотрудников правоохранительных органов поддержали необходимость расширения сферы применения составов с уголовной преюдицией. При этом 73% респондентов отметили, что именно опасность лица, ранее совершившего преступление, выступает в роли ключевого фактора криминализации. Еще 23% указали на неоднократность противоправной деятельности как обстоятельство, обуславливающее общественную опасность деяния.

Принципиальное значение для осуществления социального контроля за лицами, совершившими преступление, имеет временной промежуток, в течение которого лицо обладает соответствующим специфическим уголовно-правовым статусом, т.е. судимостью. Момент начала (возникновения) данного правового статуса неразрывно связан с моментом вступления обвинительного приговора суда в законную силу. При этом для определения срока судимости не принимается в расчет момент провозглашения приговора. Соответственно, если лицо в период после провозглашения приговора, но до вступления его в законную силу совершает деяние, подпадающее под признаки состава, сконструированного по типу уголовной преюдиции, то фактически состав преступления отсутствует. Это связано с отсутствием юридически значимого признака специального субъекта «лицо, имеющее судимость».

В свою очередь прекращение правового статуса судимости происходит различными способами, которые описаны в ст. 86 УК РФ и зависят от таких факторов, как категория совершенного преступления, вид назначенного наказания, разновидность итогового судебного решения и т.д.

Закрепленные в ст. 86 УК РФ сроки, зависящие от категории преступления и разновидности принимаемого итогового решения по результатам рассмотрения дела по существу, обладают рядом спорных свойств.

Во-первых, привязка к итоговому решению по делу позволяет рассматривать судимость как правовое последствие, возникающее именно в результате осуждения лица с назначением ему наказания, что делает небезосновательными высказывания о признании судимости правовым последствием наказания, а не преступления. При этом для дальнейшего учета правового статуса лица сам факт совершения преступления фактически игнорируется. Так, освобождение лица от уголовной ответственности за совершение преступления не только небольшой и средней тяжести, но в некоторых случаях тяжкого и особо тяжкого преступлений исключает появление соответствующего уголовно-правового статуса. Такого рода односторонний отказ государства от продолжения уголовно-правовых правоотношений и контроля за поведением лица, уже продемонстрировавшего свою общественную опасность, представляется необоснованным и требующим изменения. Привязка сроков судимости к особенностям принятия итогового решения вызывает ряд критических замечаний. Во-первых, данный подход приводит к игнорированию юридического факта совершения преступления и степени его общественной опасности. Во-вторых, срок существования уголовно-правового статуса судимого необоснованно сокращается либо вообще ликвидируется, что исключает дальнейший контроль за поведением такого лица и невозможность оказания в отношении него какого-либо воздействия.

В связи с этим актуальным представляется рассмотрение вопроса закрепления в уголовном законе общего уголовно-правового статуса – «лицо, совершившее преступление», который позволит учитывать потенциальную опасность лица исходя из факта его преступного поведения, а не вида принятого итогового решения, а также вида и срока назначенного ему наказания. Ранее мы уже рассматривали особенности правового статуса лиц, освобождаемых от уголовной ответственности или наказания (§ 3 главы III), и отмечали ряд проблемных вопросов, возникающих в результате несогласованности предписаний ст. 86, 78 УК РФ и др. Данный аспект подтверждается и в части определения сроков начала и окончания судимости.

Весьма близкое отечественному законодательство Республики Беларусь при регламентации сроков погашения правового статуса судимости осуществляет их привязку

именно к категории совершенного преступления, а не к характеристикам назначенного наказания (связанное/не связанное с лишением свободы).

Сроки судимости в соответствии со ст. 97 УК РБ составляют 1, 2, 5, 8 лет после отбытия наказания, а в случае совершения преступления по неосторожности – непосредственно после отбытия наказания. В то же время в случае осуждения лица без назначения наказания правовой статус судимости сохраняется на протяжении еще года либо двух лет в зависимости от категории (п. 8 ч. 1 ст. 97 УК РБ). Таким образом, статус судимости имеет последовательную связь именно с характером совершенного преступления как отражением общественной опасности преступника, чего не происходит в рамках ст. 86 УК РФ. Учет характера назначенного и фактически отбываемого наказания нивелирует значение совершенного преступления. Так, различные виды наказаний могут не назначаться по различным организационным причинам (возраст, пол, состояние здоровья, наличие иждивенцев, трудоустроенность преступника и т.д.).

Аналогичным образом принятие судом решения об освобождении лица от наказания в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ влечет за собой аннулирование судимости (в уголовно-правовом значении).

Принятие судом решения о признании лица виновным и вынесение обвинительного приговора с одновременным освобождением от наказания (п. 25 ППВС № 19[1]) также не порождают состояния судимости, хотя лицо и считается осужденным. Таким образом, судимость становится показателем именно совокупности юридических фактов, правовых решений (актов правоприменения) и их особенностей, но не показателем исключительно факта совершения преступления. Она, несомненно, не возникает при отсутствии преступления, однако и отсутствие судимости еще не означает, что лицо не было признано виновным в совершении преступления.

Предложения по устранению указанного противоречия сводятся к нескольким вариантам. Ряд ученых предлагают внести изменения в ст. 75–78 УК РФ и предоставить суду право освобождать не только от ответственности, но и от наказания в рамках данных норм УК РФ. Другие предлагают исключить автоматическое погашение судимости в случае освобождения лица от наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ) и исчислять судимость в таких случаях на общих основаниях. Также высказываются предложения о существен-

[1] *О применении* судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ном увеличении сроков судимости[1] как способе закрепления соответствующего уголовно-правового статуса лица для осуществления полноценного контроля в отношении лиц, представляющих потенциальную угрозу для окружающих.

Оба варианта, на наш взгляд, имеют как сильные, так и слабые стороны, однако не учитывают потребностей в контроле за поведением именно лиц, обладающих опасностью для окружающих. Показателем такой опасности может выступать вид назначенного судом наказания.

Системность категории «судимость» проявляется не только в ее базовом значении в рамках УК РФ или УИК РФ, но и в ее роли для установления и реализации административного надзора, устанавливаемого в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Учитывая, что наказание в виде лишения свободы может быть применено (в соответствии с общими началами назначения наказания) в том случае, если иные, менее строгие виды наказания не позволяют достичь целей предупреждения преступления, а соответственно, сохраняется общественная опасность лица, совершившего преступление, представляется не вполне верным правило, сформулированное в ч. 2 ст. 86 УК РФ как обобщенное для любых видов наказания.

В действующем виде данное правило приемлемо для случаев освобождения от наказаний, не связанных с лишением свободы. Освобождение же от наказания лица, осужденного к лишению свободы либо к пожизненному лишению свободы, не должно в автоматическом порядке влечь снятие судимости. При таком освобождении стимул (или поощрение) состоит в ликвидации правоограничений самого наказания. В то же время судимость, обладающая самостоятельным правовым режимом, не должна отменяться как таковая. При этом срок погашения судимости должен исчисляться с момента его фактического освобождения из мест лишения свободы исходя из категории совершенного преступления. Такое правило позволит совместить позитивный стимул для осужденных и сохранить контролирующие правоотношения между государством и лицом, обладающим свойствами общественной опасности.

Данное правило представляется особо актуальным для применения в отношении лиц, освобожденных от наказания в соответствии со ст. 80^2 УК РФ. Экстраординарное основание освобождения от наказания фактически не содержит показателей утраты лицом

[1] *Нечепуренко А.А.* Освобождение от наказания в контексте института судимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. № 4. С. 298-303.

общественной опасности, соответственно после возвращения «к мирной жизни» потребность в контроле за поведением такого лица сохраняется, а возможно, даже увеличивается.

Таким образом, специальные правила погашения судимости, предусмотренные ч. 3^1 ст. 86 УК РФ, должны быть устранены, а погашение судимости должно происходить на общих основаниях с учетом разновидности наказания, от которого лицо освобождалось.

Учитывая, что в современных условиях правовое (а также социальное) содержание судимости существенным образом сократилось по сравнению с советским периодом и на сегодняшний день судимость не предопределяет тотальных ограничений для лица, совершившего преступление, вышеприведённые предложения могут позволить осуществлять контроль за осужденными без репрессивного воздействия в отношении них.

Правовой статус судимости также позволяет осуществлять социальный контроль в отношении не только всех лиц, имеющих судимость, но и отдельных категорий осужденных. В качестве специальных разновидностей судимости можно выделить, например, судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Данный правовой статус, по сути, специального рецидива преступлений закреплен в нормах УК РФ в рамках термина, описывающего специального субъекта преступления – «лицо, имеющее судимость за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего», и влечет специфические способы и формы контроля:

во-первых, возможность государственных органов осуществлять сбор и накопление информации о поведении лиц, обладающих данным статусом, в рамках оперативно-розыскного контроля[1];

во-вторых, установление повышенной ответственности в случае повторения аналогичного преступного поведения (ч. 5 ст. 131, 132 УК РФ);

в-третьих, установление ограничений на применение условного осуждения (ч. 1 ст. 73 УК РФ) и условно-досрочного освобождения (ч. 1 ст. 79 УК РФ);

в-четвертых, возможность существенного увеличения сроков контроля при назначении дополнительных видов наказания в виде лишения права заниматься определенной

[1] *Бабушкин А.А.* Законодательные основы оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений // Научный портал МВД России. 2019. № 3. № С. 55-60 ; *Бабушкин А.А.* Оперативно-розыскной контроль за лицами, склонными к совершению преступлений // Труды ВНИИ МВД России. 2020. Т. 1, ч. 6. С. 3-15.

деятельностью либо занимать определенные должности в максимально возможных сроках (до 20 лет);

в-пятых, обязательное установление административного надзора в период судимости (п. 1 ч. 2 ст. 3 ФЗ № 64);

в-шестых, установление требований о выборе места отбытия наказания и режима исправительного учреждения и т. д.

При этом уголовное законодательство содержит несколько категорий указанных лиц и двоякий подход к их определению.

Так, в рамках ч. 5 ст. 131, ч. 5 ст. 132, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ квалифицирующими признаками, характеризующими специального субъекта, признаются «лица, имеющие непогашенную или не снятую в установленном порядке судимость за любое из совершенных в отношении несовершеннолетних преступлений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 131, ч. 3–5 ст. 132, ч. 2 ст. 133, ст. 134, 135 УК РФ, в том числе и судимости за указанные преступления, совершенные лицом в возрасте до восемнадцати лет».

В то же время для нужд ст. 79, 80, 82 и 97 УК РФ к преступлениям против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста, относится более широкий круг преступлений: ст. 131–135, 240–242^2 УК РФ.

Соответственно, точного и единого определения перечня преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних в рамках действующего законодательства не дается[1]. При этом представляется, что общественная опасность лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности лиц, не достигших 14-летнего возраста, является реально существующим фактором, требующим соответственного учета и контроля в рамках уголовно-правовых отношений.

Использование в качестве признака специального субъекта половых преступлений определения, даваемого в ст. 73 УК РФ, было бы предпочтительнее с учетом некоторых замечаний. Во-первых, данное определение должно быть закреплено в соответствующей главе Особенной части УК РФ, например, в примечании к ст. 131 УК РФ. Во-вторых, указание на 14-летний возраст является излишним, т.к. только лишь конкретизирует возраст потерпевшего, но не саму группу преступлений, а соответственно, мо-

[1] *Бекетов А.О., Карпов К.Н., Стебенева Е.В.* Толкование условий применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания // Правоприменение. 2021. Т. 5, № 2. С. 185-191.

жет быть экстраполировано из определения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Общие правила учета рецидива преступлений имеют распространение на вопросы назначения наказания, определения его вида, размера и порядка отбывания. Применительно же к составам преступления, в которых предшествующее противоправное поведение лица уже учтено в качестве одного из признаков, учет рецидива представляет определенные трудности с точки зрения принципа справедливости.

Так, одним из наиболее спорных вопросов является учет рецидива преступлений в случае совершения преступления, предусмотренного ст. 314[1] УК РФ. Учитывая, что основанием установления административного надзора выступает наличие у лица неснятой и непогашенной судимости, соответственно, и последующее совершение преступления становится неотделимым (если не сказать «порожденным») от устанавливаемых в связи с указанной судимостью ограничений.

По этому вопросу в правоприменительной практике последних лет существовали различные подходы[1]. Часть судебных решений основывалась на неприемлемости учета рецидива как отягчающего обстоятельства при назначении наказания за совершение преступления, предусмотренного ст. 314[1] УК РФ, противники данного подхода указывали на формальное отсутствие признака рецидива в диспозиции ст. 314[1] УК РФ и настаивали на обязательности учета прежней судимости. Либо же обоснованно указывалось на недопустимость учета только той судимости, которая выступала условием установления административного надзора, судимости же за иные преступления предлагалось учитывать на общих основаниях. Факты совершения лицом преступления с последующим назначением наказания и возникновением судимости как «предпосылки» совершения преступлений присутствуют и в других нормах УК РФ (например, ст. 313, 314, 321 УК РФ), однако рецидив как отягчающее обстоятельство не исключается при назначении наказания за их совершение.

Кроме того, необходимо учитывать и предписания ст. 3 ФЗ № 64, в которой административный надзор устанавливается не всегда «напрямую» вследствие наличия судимости за совершение преступления, но и в результате совершения лицом дополнительных противоправных действий – совершения административных правонарушений либо признания лица злостным нарушителем режима отбывания наказания в период отбытия нака-

[1] *Мингалимова М.Ф.* Новый подход к назначению наказания за преступление, предусмотренное ст. 314[1] УК РФ // Уголовное право. 2021. № 7. С. 34-41.

зания в местах лишения свободы. Данный аргумент подчеркивает невозможность полностью абстрагироваться от учета поведения лица и необходимость оценочного подхода к его уголовно-правовому статусу. Учитывая различия содержания правового режима административного надзора, а также наличие достаточного количества способов снятия судимости в результате позитивного социально-полезного постпреступного поведения, осознанный выбор осужденным противоположного варианта поведения подчеркивает сохранение общественной опасности лица. Так как для образования рецидива преступлений необходимо совершение только умышленного преступления, а также наличие ряда исключений, предусмотренных ч. 4 ст. 18 УК РФ, можно констатировать, что для учета в качестве отягчающего обстоятельства используются только случаи действительно опасного для окружающих поведения, требующего соответствующего контроля.

Исходя из формально-юридического подхода состав преступления, предусмотренный ст. 314^1 УК РФ, не содержит прямого указания на рецидив преступления или даже на судимость как обязательные признаки преступления. Только путем системного толкования ряда нормативных правовых актов проявляется связь имеющейся у лица судимости и его особого правового статуса поднадзорного с вытекающими из этого обязательствами. Соответственно, буквального противоречия с установленным в ч. 2 ст. 63 УК РФ правилом не происходит.

Также остается актуальным вопрос возможности (необходимости) использования правил учета рецидива преступлений, закрепленных в статьях Общей части УК РФ, в случаях совершения преступлений, содержащих рассматриваемый признак в качестве квалифицирующего признака соответствующей статьи Особенной части УК РФ.

Применение одновременно и положений статей Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность специального субъекта (судимое за совершение преступлений против половой неприкосновенности), а также положений статей Общей части УК РФ, регламентирующих правила назначения наказания, фактически может рассматриваться как двойной учет одного и того же признака. Прямой запрет на двойное вменение, указанный в ч. 2 ст. 63 УК РФ, сформулирован следующим образом: если отягчающее обстоятельство предусмотрено соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса в качестве признака преступления, оно само по себе не может повторно учитываться при назначении наказания. Однако правовой статус судимости, образующей собственно рецидив, учитывается в большом количестве статей не только

уголовного закона, но и УИК РФ, например, ст. 58 УК РФ (Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения) либо ст. 73 УИК (места отбывания лишения свободы), ст. 74 УИК (виды исправительных учреждений).

При этом положения относительно выбора места отбывания наказания продиктованы не столько желанием усиления репрессивного воздействия, сколько другими, более прагматичными соображениями, например, недопустимостью совместного содержания лиц, впервые совершивших преступления по неосторожности, и лиц, не только неоднократно совершавших особо тяжкие умышленные преступления, но и ранее уже отбывавших наказание в местах лишения свободы и имеющих соответствующую криминальную направленность, что в целом оказывает негативное влияние на достижение целей исправления осужденного и предупреждения преступления.

§ 2. Контроль за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы[1]

Одним из необходимых уголовно-правовых средств решения задач уголовного права выступает комплекс мер, связанных с контролем поведения осужденного, сохраняющего опасность для общества даже после отбытия им наказания, связанного с лишением свободы. На сегодняшний день основным из таких средств выступает институт административного надзора.

Осуществление административного надзора предполагает системную реализацию следующих компонентов контроля за поведением лиц, совершивших преступление и сохраняющих свойство общественной опасности:

1) срок надзора – временной промежуток, в течение которого лицо пребывает в особом правовом статусе;

2) правоограничения, устанавливаемые в рамках надзора (режим надзора);

3) реакция на нарушение режима надзора;

4) специальные (воспитательные, ресоциализирующие, социально-адаптационные и др.) мероприятия в отношении поднадзорного, не относящиеся к числу правоограничений.

---

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Мнимая неопределенность рецидива преступлений // Алтайский юридический вестник. 2023. № 3. С. 103-109 ; *Карпов К.Н.* Контроль за поведением осужденных как иная мера уголовно-правового характера. // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : мат-лы ежегодной междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2025. С. 170-173 ; *Карпов К.Н.* Новые средства контроля за лицами, совершившими преступление // Современные проблемы уголовной политики : мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. II. Краснодар, 2015. С. 77-81.

Указанные элементы во многом схожи с ранее обозначенными элемента контроля в отношении лиц, которые отбывают наказание либо к которым применены условные меры уголовно-правового воздействия.

Контроль за поведением лиц, освобожденных из мест лишения свободы, однако представляющих опасность, является объективно необходимым и достаточно очевидно объяснимым, что находит свое подтверждение как в истории отечественного законодательства, так и в зарубежных правовых системах. Данный вид контроля реализуется в рамках административного надзора органов внутренних дел. П.В. Тепляшин отмечает, что «“реанимация” института административного надзора отражает не только очевидное усиление концепции “контроля” в правовой системе России, но и является вполне необходимой и своевременной мерой»[1].

Многочисленные научные исследования и сама система отечественного законодательства относят данный институт к сфере административно-правового регулирования публичных правоотношений. Однако содержание его позволяет говорить о достаточном количестве репрессивных (уголовно-правовых) компонентов.

Отнесение административного надзора к отрасли административного права базируется на следующих аргументах:

1) название, берущее свое начало от полицейского надзора[2] в досоветский период и административного надзора милиции[3] в правовой системе СССР;

2) регламентация данного института вне уголовного законодательства, в рамках самостоятельного нормативного правового акта (Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы»);

3) реализация предписаний административного надзора органами исполнительной власти (ОВД), не связанными непосредственно с исполнением наказания.

Административный надзор рассматривается как одна из разновидностей социально-правового контроля, с активной дискуссией относительно его отраслевой принадлежности[1].

---

[1] *Тепляшин П.В.* Административный надзор за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10. С. 16-19.

[2] *Вельмин А.С.* Историко-юридический анализ проблем возрождения административного надзора в современной России // История государства и права. 2012. № 23. С. 23-26.

[3] *Бекетов О.И.* Административный надзор : уч. пос. Омск, 1985. С. 64.

Складывающиеся между государством и поднадзорным правоотношения в рамках административного надзора имеют значительное сходство с уголовно-правовыми мерами принуждения. Содержание данного института по своему режиму во многом сопоставимо с уголовно-правовыми средствами контроля за поведением осужденного в рамках условного осуждения или наказания в виде ограничения свободы. Так, В.И. Селиверстов, сравнивая институт ресоциализации и административного надзора, указывает на то, что они оба имеют превентивную направленность, однако первый является поощрительным, второй – репрессивным. Административный надзор предполагает назначение судом значительного количества ограничений, в связи с чем автор говорит, что «это, по сути, наказание после наказания»[2].

А.И. Абатуров в своей работе «Постпенитенциарный контроль» указывает, что данный термин более точно определяет деятельность органов исполнительной власти по контролю за лицами, освободившимися из мест лишения свободы, чем определение «административный надзор». При этом автор предлагает следующее определение постпенитенциарного контроля – «это система временных мер надзора и контроля, осуществляемых органами внутренних дел, за поведением лиц определенной категории, освобожденных из мест лишения свободы, применяемых в интересах общей и частной превенции преступлений»[3].

Использование данного понятия, на наш взгляд, более точно отражало бы сущность и содержание рассматриваемого института. Постпенитенциарный контроль, выступая в качестве разновидности уголовно-правового контроля за лицами, совершившими преступление, позволяет сохранять поэтапность и универсальность средств и способов контроля, а также органов, его осуществляющих. Вывод о том, что административный надзор не является мерой уголовно-правового характера, делается на основании того, что неисполнение обязанностей поднадзорным влечет иные последствия, нежели неисполнение обязанностей условно-досрочного освобождения. В то же время А.И. Абатуров констатирует, что это не свидетельствует об идентичности указанных правовых институтов и невозможности их применения. В результате автор даже предлагает закре-

---

[1] *Андрющенко Т.И., Михайлов М.Я.* Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как одна из мер социально-правового контроля // Евразийский юридический журнал. 2023. № 12. С. 148-151.

[2] *Селиверстов В.И.* Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования. М., 2020. С. 45.

[3] *Абатуров А.И.* Постпенитенциарный контроль. М., 2013. С. 10.

пить возможность установления административного надзора за лицами, освобождаемыми из мест лишения свободы условно-досрочно (ст. 79 УК РФ).

В качестве аргументов именно уголовно-правовой природы данного средства правового воздействия следует указать на следующие аспекты.

Во-первых, регламентация вне рамок уголовного законодательства обусловлена неудобствами «загромождения» УК РФ подобного рода предписаниями. Однако исполнение наказаний также не регламентируется УК РФ, а относится к ведению УИК РФ. При этом наказания не превращаются из уголовных в уголовно-исполнительные. В свою очередь нарушения норм уголовно-исполнительного законодательства влекут самостоятельную ответственность в рамках УИК РФ.

Так, регламентация в рамках УК РФ только оснований и условий назначения и отмены административного надзора позволила бы не загромождать существующий кодекс. В свою очередь существующий ФЗ № 64, фактически регламентирующий порядок исполнения данной меры правового воздействия, вполне может быть имплементирован в УИК в рамках отдельной главы.

Во-вторых, основания назначения административного надзора напрямую вытекают из факта совершения лицом преступления. Исходя из содержания ст. 3 ФЗ № 64 фактическим первичным основанием назначения лицу административного надзора выступает факт совершения лицом преступления соответствующей категории (исходя из его степени тяжести). Уточнение особенностей последующего поведения лица, вида наказания и т.д. выступает лишь условием его применения. Перемещение акцента в ст. 3 ФЗ № 64 на категорию лиц и факт освобождения лица из мест лишения свободы не превращает такое освобождение в повод для применения надзора. Данное событие само по себе означает как раз прекращение одной из форм уголовной ответственности. Соответственно, последующее установление (и применение) правоограничений должно иметь самостоятельные основания, которые в указанном ФЗ № 64 не определяются. По крайней мере, нормы с таким названием не содержится. Определение же в ФЗ № 64 именно категорий лиц, в отношении которых устанавливается надзор, фактически означает только изменение формы реализации уголовной ответственности. Именно наличие уголовно-правового статуса судимости позволяет ограничивать права человека и возлагать на него определенные обязательства.

В свою очередь, совершение любого административного правонарушения по общему правилу само по себе не порождает установления административного надзора. Даже предписания п. 2 ч. 3 ст. 3 ФЗ основываются на специальном уголовно-правовом статусе судимости – лицо, отбывшее уголовное наказание в виде лишения свободы и имеющее непогашенную либо неснятую судимость, совершает в течение одного года два и более административных правонарушения против порядка управления, и (или) административных правонарушения, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность, и (или) административных правонарушения, предусмотренных ч. 7 ст. 11.5, и (или) статьей 11.9, и (или) ст. 12.8, и (или) ст. 12.26 КоАП РФ. Однако в данном случае именно особый правовой статус лица, имеющего судимость, выступает в роли принципиального основания, влекущего установление соответствующих правоограничений.

Так, П.В. Тепляшин разделяет основания административного надзора исходя из его предпосылок: 1) сохраняющаяся общественная опасность личности и 2) особые социальные потребности в профилактике определённого вида преступности. Представляется, что именно совокупность указанных обстоятельств (в различных пропорциях) как раз и обуславливает необходимость контроля. Именно в связи с этим автор и высказывал обоснованное предположение, что «в будущем основания установления административного надзора будут распространяться и на иные преступления, вызывающие особую тревогу в обществе и нуждающиеся в первоочередной профилактике (например, на преступления экстремистского характера)»[1]. Данное предположение позже нашло свое косвенное подтверждение в соответствующих нормах ст. 173[1] УИК РФ.

Следующий аргумент, свидетельствующий об уголовно-правовом характере административного надзора, связан со сроком его осуществления. Данный срок имеет строгую привязку к правовому статусу лица, имеющего судимость. За пределами срока судимости никакие административные правонарушения либо ранее совершенные нарушения режима не влекут за собой административного надзора. Соответственно, именно судимость как одна из форм реализации уголовной ответственности является ключевым параметром, определяющим период времени, в течение которого требуется дополнительный контроль за поведением лица, совершившего преступление. Так, установлен-

[1] *Тепляшин П.В.* Административный надзор за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10. С. 16-19.

ные в ст. 5 сроки надзора, а также порядок их продления и прекращения не предполагают возможности выхода за пределы судимости.

В то же время сроки административного надзора могут отчасти пересекаться с отдельными видами наказаний. Например, назначение дополнительного наказания в виде ограничения свободы подлежит исполнению после освобождения лица из мест лишения свободы, собственно, как и административный надзор, устанавливаемый в отношении отдельных категорий осужденных еще в период нахождения их в местах лишения свободы. Однако фактическая реализация надзора будет происходить только после завершения дополнительного наказания. Соответственно, сроки надзора будут продлеваться. При этом ограничения, устанавливаемые в рамках административного надзора, с одной стороны, весьма схожи с ограничением свободы, но могут быть и более строгими для поднадзорного. Также происходит и «переход» поднадзорного лица из компетенции ФСИН к ОВД. В ходе такого перехода зачастую лицо может получить статус злостно уклоняющегося от административного надзора, особенно при отсутствии у него собственного жилья или изменении места жительства в период отбытия наказания, но уже с установленным заранее надзором. В связи с этим возникает вопрос обоснованности и целесообразности с точки зрения предупредительного (а также ресоциализирующего) воздействия такого дробления правового режима осужденного. Единый правовой режим контроля за осужденным позволил бы избежать таких проблем.

В некоторых случаях данный надзор может быть не просто весьма длительным, а практически пожизненным. Например, в случае освобождения лица из мест лишения свободы и назначения ему дополнительного наказания (например, лишения права заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет) момент начала отсчета срока погашения судимости приходится на окончание срока дополнительного наказания. Соответственно, лицо, освобожденное из мест лишения свободы, после этого 20 лет будет считаться судимым в период исполнения дополнительного наказания, и только после этого начнут исчисляться непосредственно сами сроки судимости в зависимости от категории преступления[1]. Таким образом, контроль за указанными лицами может достигать 30 лет и происходить на протяжении большей части оставшейся жизни. Несомненно, в отношении определенных лиц такой подход является оправданным, однако его

[1] *Организация* контроля за исполнением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью: практическое руководство / под общ. ред. А.М. Рудакова. Вологда, 2019. 117 с.

сроки не позволяют говорить о нерепрессивном (административно-правовом) характере такого воздействия.

Несогласованность вопросов прекращения административного надзора с нормами уголовного законодательства порождает сложности в случае изменения УК РФ. Например, введенные в УК РФ нормы об освобождении от уголовной ответственности либо наказания лиц, принимающих участие в СВО (ст. 78^1, 80^2 УК РФ), не находят отражения в соответствующем ФЗ № 64.

Так, если в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым, то снятие судимости влечет и прекращение административного надзора. Однако уже неоднократно высказывались мнения о поспешности автоматического снятия надзора с лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, которые завершили службу в Вооруженных Силах РФ по тем либо иным причинам. Практика свидетельствует, что полное игнорирование потенциальной угрозы совершения данными лицами новых преступлений в условиях «мирной жизни» приводит к случаям новых насильственных преступлений[1].

Как следствие, возникает ряд проблем с определением адекватных сроков административного надзора, решение которых было бы возможным в рамках единой меры социального контроля за поведением осужденных, объединяющей в себя все формы и этапы наблюдения за поведением осужденного и механизмы его социальной адаптации, ресоциализации.

Представляется, что данные нормы должны находиться в системном взаимодействии, которое, несомненно, было бы корректнее осуществлять в рамках одного нормативно-правового акта. В частности, способом сохранения возможности продолжения административного надзора может выступать сохранение уголовно-правового статуса судимости в отношении лиц, освобожденных от наказания. Однако для этого необходимы соответствующие исключения из правил снятия судимости, установленных в ч. 3^1 ст. 86 УК РФ.

---

[1] *Осужденный* за убийство, который вернулся с СВО и вновь убил, во второй раз отправился в Украину. URL: https://daily.afisha.ru/news/90202-osuzhdennyy-za-ubiystvo-kotoryy-vernulsya-s-svo-i-vnov-ubil-vo-vtoroy-raz-otpravilsya-na-ukrainu (дата обращения: 21.01.2025) ; *Помилованный* заключенный вернулся с СВО и убил 26-летнюю девушку. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/05/22478780. shtml (дата обращения: 21.01.2025) ; *Помилованные* убийцы, грабители и расчленители: юг России потрясли преступления вернувшихся с СВО бойцов ЧВК «Вагнер». URL: https://bloknot-krasnodar.ru/ news/pomilovannye-ubiytsy-grabiteli-i-raschleniteli-yug (дата обращения: 21.01.2025).

На сегодняшний день нет устоявшихся правил относительно того, какие именно правовые последствия совершения преступления и за какое именно из преступлений (в случае совокупности преступлений или совокупности приговоров) должны погашаться. Например, лицо, ранее судимое за совершение особо тяжкого преступления и уже отбывшее наказание за него, находясь под административным надзором, вновь совершает преступление небольшой или средней тяжести и, отбывая данное наказание, заключает контракт с Министерством обороны. После возникновения соответствующих оснований, предусмотренных ст. 80^2 УК РФ, лицо освобождается от наказания, а также погашается судимость. Однако административный надзор в отношении него устанавливался не в связи с совершением последнего преступления, а ранее, за совершение особо тяжкого преступления. Нормы же ст. 80^2 и 86 УК РФ не содержат какого-либо уточнения по данному поводу, т.к. правовой статус судимости является единым, непосредственно связанным с самим лицом.

Учитывая действующую систему правовых предписаний УК РФ и ФЗ № 64, представляется, что погашение судимости происходит одновременно в отношении всех совершенных ранее преступлений.

При этом возникает вопрос оправданности и целесообразности такой единой отмены в случаях совершения лицом множества преступлений и возникновения судимости в разные моменты за разные по тяжести преступления. Представляется, что при совершении лицом тяжких либо особо тяжких насильственных преступлений вопрос сохранения правового режима административного надзора должен решаться судом в индивидуальном порядке. Однако «привязанность» надзора к статусу (и срокам) судимости не позволяет это сделать.

Мера стимулирования в виде освобождения лица от отбытия наказания не должна предрешать дальнейшую невозможность обеспечить безопасность членов общества.

Задачами административного надзора исходя из ст. 2 ФЗ № 64 выступают предупреждение совершения лицами, указанными в ст. 3, преступлений и других правонарушений, оказание на них индивидуального профилактического воздействия в целях защиты государственных и общественных интересов.

Акцентирование внимания на надзоре как мере, осуществляемой специализированными субъектами – органами внутренних дел, не отменяет того факта, что в отношении лица не просто осуществляется наблюдение. Фактически лицо становится участни-

ком правоотношений, в которых оно обязано на систематической основе в течение определенного временного промежутка соблюдать ограничения и выполнять действия (обязательства) не по своей воле. До недавнего времени контроль за лицами, освобожденными условно-досрочно от отбывания наказания, также находился в компетенции ОВД, однако данная мера не рассматривалась как *не уголовно-правовая*.

Характер устанавливаемых правоограничений сопоставим по мере их репрессивности с режимом условного осуждения (условно-досрочного освобождения), а также наказания в виде ограничения свободы (см. приложения №№ 7, 8, 9). К ним относится не только обязательство являться в орган, осуществляющий надзор, но и ограничение лицу права свободного передвижения (выезда) за пределами населенного пункта, в котором он проживает, а также необходимость нахождения в жилище в определенное время. Например, запрет выезда за пределы населенного пункта проживания, или запрет пребывания в определенных местах, либо обязательство явки в специализированный орган и другие обязательства сопоставимы с аналогичными предписаниями уголовно-правовых мер воздействия.

Еще одним аргументом в пользу уголовно-правового статуса рассматриваемого института является тот факт, что упомянутый ФЗ № 64 не содержит предписаний, позволяющих устанавливать надзор в отношении лиц, совершивших общественно опасное деяние, запрещенное нормами Особенной части УК РФ, в состоянии невменяемости либо лицами, не достигшими возраста уголовной ответственности (в том числе ч. 3 ст. 20 УК РФ). Также ограничения не могут возникать вследствие просто нарушения норм КоАП РФ лицом, не имеющим специального уголовно-правового статуса. Они являются результатом наличия общественной опасности самого лица, ранее совершившего преступление.

Соответственно, субъектами данных правоотношений выступают исключительно физические лица, которые являются субъектами уголовной ответственности.

В данном случае ФЗ № 64 не предполагает возможности установления надзора при совершении лицом даже особо тяжкого преступления в том случае, если лицо не было своевременно привлечено к уголовной ответственности, например, в результате истечения сроков давности. К таковым можно отнести случаи совершения даже насильственных преступлений (ч. 1 ст. 105, ч. 4 ст. 111 УК РФ и т.д.).

Например, в случае истечения 15 лет после совершения убийства (7,5 для совершивших в несовершеннолетнем возрасте) лицо не будет подвергаться надзору, в то время как привлечение его к уголовной ответственности и назначение наказания на срок

10 лет позволяло бы осуществлять за ним надзор в течение еще 10 лет после освобождения. В случае совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 134 УК РФ, по истечении 6 лет лицо также не будет привлекаться к уголовной ответственности и подлежать надзору, в то время как лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, как раз составляют особую категорию поднадзорных. Соответственно, даже при фактическом наличии (сохранении) свойств общественной опасности лицо необоснованно не подлежит контролю со стороны государства по причинам, не связанным напрямую с утратой общественной опасности личности для общества.

Таким образом, можно сделать вывод, что столь тесная «привязка» к уголовно-правовому статусу судимости позволяет говорить об уголовно-правовом характере применяемой меры. Если мера назначается за совершение преступления, если она состоит в установлении определенных правоограничений (обязательств, запретов, лишений) и реализуется в период судимости как правового статуса, обусловленного преступлением, то она обладает именно уголовно-правовой природой. Данный вывод требует адекватной правовой регламентации рассматриваемого института и его подчиненности уголовно-правовым принципам и ограничениям.

Близкое к российскому законодательство Республики Беларусь содержит аналог административного надзора как меру именно уголовно-правового характера. Превентивный надзор, закрепленный в УК РБ (ст. 80), является одной из форм реализации уголовной ответственности, регламентируется именно в уголовном законе и устанавливается в отношении соответствующих категорий лиц, совершивших преступление.

Более того, в соответствии со ст. 81 УК РБ за лицами, осужденными за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, и еще некоторыми категориями осужденных в период судимости осуществляется профилактическое наблюдение. Эта же мера применяется и в отношении условно-досрочно освобожденных, освобожденных от наказания условно в течение неотбытой части наказания. Такой подход свидетельствует об универсальном характере надзора как в период судимости, после отбытия наказания, так и в период условно-досрочного освобождения, а также о его уголовно-правовом характере.

Правовое положение поднадзорных в данный период связано с ограничением осуществления ими своих гражданских прав, исполнением ограничений и обязательств, назначенных им. Необходимо отметить, что во всех рассмотренных зарубежных законодательствах акцентируется внимание на том, что надзор осуществляется именно в от-

ношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, а не просто совершивших какое-либо преступление. Таким образом, четко прослеживается потребность в надзоре именно в отношении лиц, пребывавших в местах лишения свободы.

Таким образом, надзор как меру социального контроля в отношении лиц, совершивших преступление и сохраняющих свойство общественной опасности, необходимо осуществлять в том числе в отношении:

– условно-досрочно освобожденных от наказания (на основании ст. 79 УК РФ);

– условно освобожденных от наказания в соответствии со ст. 80^2 УК РФ;

– лиц, к которым применены отсрочки исполнения наказания (ст. 82, 82^1 УК РФ).

В качестве обязательной меры уголовно-правового воздействия административный надзор должен устанавливаться не только в отношении лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, но и для лиц, совершивших иные категории преступлений:

1) преступления, предусмотренные ст. 131–135, 240–242^2 УК РФ, совершенные в отношении несовершеннолетних, не достигших 14-летнего возраста;

2) преступления против конституционного строя Российской Федерации, а также интересов государственной власти;

3) преступления экстремистского характера;

4) преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Представляется, что системное преобразование отечественного уголовного законодательства в данном направлении позволило бы упорядочить практику контроля за поведением лиц, совершивших преступление, и повысить эффективность деятельности по предупреждению преступности.

Как минимум, включение в УК РФ норм, регламентирующих основания и условия назначения, а также прекращения надзора за лицами в период судимости, будет отвечать потребностям в конкретизации правового статуса данных лиц.

Правоограничения, составляющие содержание административного надзора, по своему содержанию имеют существенное сходство с аналогичными мерами, применяемыми в рамках условного осуждения или условно-досрочного освобождения (таблица № 6). Фактическое их содержание не претерпевает изменений на протяжении уже многих десятков лет и, как верно отмечает П.В. Тепляшин, «мало чем отличается от административного надзора советского периода, базируется на архаичных по своей сути

представлениях о характере правового воздействия на лицо, совершившее преступление, не учитывает основных позиций современной реформы уголовно-исполнительной системы»[1]. Хотелось бы также добавить, что система данных ограничений не учитывает и произошедших изменений в структуре общественных отношений, структуре преступности и развития информационных технологий. Существующие меры имеют достаточно односторонний характер и в большей степени ориентированы на контроль за лицами, демонстрирующими классическое общеуголовное поведение маргинального типа. Так, запрет пребывания вне постоянного места жительства в ночное время является самым часто применяемым ограничением, однако его превентивная роль может быть учтена только в отношении лиц, склонных к совершению общеуголовных насильственных преступлений, детерминированных употреблением наркотических средств либо алкоголя.

Современные статистические данные свидетельствуют о существенном снижении количества преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. В частности, за период с 2014 по 2024 г. оно сократилось с 353 тыс. до 178 тыс.[2] Даже при учете появления новых составов преступлений, напрямую использующих данный признак, такое снижения уровня преступности свидетельствует о необходимости пересмотра превентивных средств, применяемых в период условного осуждения и иных контролирующих процедур.

В частности, существенное увеличение преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети Интернет, с очевидностью требует установления определенного контроля за использованием лицами, ранее совершившими преступления, тех либо иных средств коммуникации, ограничений на распространение сведений в сети Интернет, использование социальных сетей и т.д. Однако до настоящего времени ни уголовное законодательство, ни ФЗ № 64 не содержат соответствующих ограничений, например, запретов использования средств массовой информации (либо приравненных к ним ресурсов сети Интернет), запретов администрирования данных ресурсов (блогов, влогов, телеграм-каналов и т.д.). Принуждение же лица находиться в ночное время по месту проживания может способствовать дисциплинированию поведения лишь отдельных категорий преступников. Для других такой запрет не повлияет на их образ жизни, принципиально не ограничит возмож-

---

[1] *Тепляшин П.В.* Административный надзор за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы // Законность. 2011. № 10. С. 16-19.

[2] *Портал* государственной статистики. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/36224 (дата обращения: 12.08.2025).

ность общения с использованием сети Интернет, дневного противоправного поведения, а также совершения новых преступлений.

К схожему выводу приходят и другие авторы, проводившие исследование эффективности ограничительных мер, назначаемых в рамках административного надзора. Так, С.А. Можаев и С.Ю. Балмочных на основе изучения статистических данных отмечают, что они носят недостаточно гибкий характер и рассчитаны на предупреждение общеуголовной преступности, в то время как лица, совершающие преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, демонстрируя внешне правопослушный образ жизни, не ограничены в возможностях совершения, например, корыстных, компьютерных и других преступлений[1]. Потенциальную эффективность подобного рода ограничений подтверждает в своих исследованиях и В.Ф. Лапшин[2].

Существующую систему правоограничений, применяемых в рамках административного надзора, нельзя назвать отвечающей потребностям современной действительности. Так, индивидуализированное применение правоограничений, учитывающих особенности конкретного поднадзорного и его преступления, не отражаются в достаточной мере в УК РФ. Например, представляется необоснованной практика установления и применения правоограничений исходя из наличия технических и организационных возможностей его проверки. Проверка соблюдения установленного лицу запрета пребывания в определенных местах требует проведения специализированных мероприятий (рейдов и т.д.), т.е. нахождения сотрудника в указанном месте одновременно с поднадзорным. Соответственно, такие процедуры требуют трудозатрат времени и ресурсов для «поимки» правонарушителя и фиксации правонарушения, из чего следует незаинтересованность самого ОВД в установлении подобных ограничений поднадзорному. В то же время фиксация отсутствия поднадзорного вне места проживания требует определенных организационных усилий и затрат, что приводит к нежелательности ее назначения и исполнения. Ситуация с назначением и исполнением данных мер напоминает старый анекдот, когда человек, потерявший ночью кошелек где-то на дороге, ищет его возле фонарного столба по той лишь причине, что в этом месте светло. Так, при определении

---

[1] *Можаев С.А., Балмочных С.Ю.* К вопросу о необходимости совершенствования мер административного надзора в связи с распространением преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 218-224.

[2] *Лапшин В.Ф., Хохрин С.А*. Альтернативы лишению свободы в условиях цифровой трансформации общества: эмпирическое исследование // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2025. Т. 22, № 2. С. 80-88.

в законе и назначении мер контроля фактически решающим условием становится их проверяемость классическими методами (выезд и проверка по месту жительства, проверка по базам централизованных учетов), а не влияние на исправление, воспитание или способствование предупреждению преступлений. Контроль лица по месту пребывания либо назначение обязательства о явке позволяют ОВД точно определить, исполнена ли данная мера. Отсутствие лица по месту жительства после 22:00 – это проверяемый факт. В то же время установление факта посещения лицом того либо иного питейного заведения, мест проведения массовых мероприятий и т.п. становится возможным только в случае посещения их самим сотрудников ОВД в служебное время, что требует дополнительных затрат времени и средств (транспорт, доплаты за работу сверхурочно и т.д.). К тому же вероятность установления такого факта явно меньше, а конфликтность и коррупциогенность такого мероприятия выше.

При этом использование электронных средств определения местоположения лица позволило бы существенным образом сократить затраты на осуществление такого контроля и повысить их достоверность. Разработка программного обеспечения, использующего средства сбора данных о местоположении лица с использованием сотовых телефонов (смартфонов), видеосвязи и других параметров, позволила бы в разы упростить и улучшить данную работу сотрудников правоохранительных органов.

В качестве положительного опыта поэтапного контроля за поведением осужденных за рубежом можно привести пример реализации специализированных программ. Например, в США положительно зарекомендовала себя программа «The Minnesota’s Challenge Incarceration Program» («Вызов лишению свободы»). Программа рассчитана на полтора года и прохождение трех этапов. На первом этапе участников программы помещают в своеобразный военный лагерь (bootcamp), в условия полной загруженности разнообразной деятельностью в течение 16 часов в день, где они живут в соответствии со строгим расписанием. Этот график основан на сочетании постоянных физических нагрузок, строевой подготовки, посещения учебных занятий и психологической реабилитации. Мероприятия первого этапа включают в себя также работу, выполняемую вручную, развитие когнитивных навыков, отработку определенных навыков и умений, участие в программе восстановительного правосудия, терапию наркозависимости и планирование переходного периода. В зависимости от того, как заключенный справляется с нагрузками и подчиняется строгой дисциплине, он будет помещен в определенную ра-

бочую группу. Вторая и третья фазы называются «общественные этапы». На втором этапе участники выходят из исправительного учреждения, но продолжают находиться под постоянным усиленным наблюдением. Им оказывается поддержка в поиске работы. На этой стадии осужденный должен ежедневно поддерживать контакт со своим куратором, иметь полную рабочую занятость, соблюдать комендантский час, проходить внеплановую проверку на употребление наркотиков и алкоголя, выполнять общественно значимые работы. Окончательный этап – третья фаза. Здесь осужденный находится также под усиленным наблюдением и выполняет свою работу в режиме полной занятости[1]. Похожие программы есть и в других странах. Для предупреждения совершения поднадзорными тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья заимствование такого опыта могло бы быть очень полезным. Антикриминальный эффект подобных программ, с учетом выявленных нами закономерностей рассматриваемых преступлений, обеспечивают перманентное взаимодействие с кураторами, максимальная трудовая занятость, не оставляющая ни времени, ни сил для совершения преступлений, запрет употребления спиртного и наркотиков.

В условиях действующих российских законов, как уже говорилось, к сожалению, нет правовых механизмов, позволяющих обязать поднадзорных трудоустраиваться, добросовестно работать, не употреблять алкоголь. Посещений поднадзорного по месту жительства и его отметок в установленные сроки в ОВД явно недостаточно для качественного контроля за перемещением и поведением поднадзорного лица.

Практические работники и научная общественность настойчиво заявляют о том, что проблемным фактором, снижающим эффективность профилактического воздействия, является отсутствие в ФЗ № 64 положений об использовании в отношении поднадзорных лиц аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, перечень которых определяется Правительством РФ. Использование технических средств (аналогично надзору за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы) серьезным образом упростило бы получение необходимой информации о поведении данной категории поднадзорных лиц[2].

---

[1] *Режапова И.М.* Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады) // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27, № 1. С. 40-46.

[2] *Чистотина О.Н.* Проблемы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2014. № 4. С. 43 ; *Шапошников С.Г.* Про-

Проведенное исследование показало, что действующие правовые нормы не позволяют в должной мере провести проверку поднадзорного по месту проживания. Справедливо пишет А.В. Карягина об ограниченности прав участкового уполномоченного полиции, отмечая, что законодательство предусматривает конкретные обстоятельства, при наличии которых сотрудник полиции имеет право войти (проникнуть) в жилое помещение помимо воли проживающих в нем граждан, и деятельность по осуществлению индивидуально-профилактических функций в отношении поднадзорного к таким обстоятельствам не относится[1]. В силу этого установить в полной мере обстоятельства времяпрепровождения и проживания поднадзорного не всегда представляется возможным.

Необходимость контроля за поведением лиц, совершивших преступление, базируется на тезисе их опасности для окружающих, исходя из их преступного прошлого. Однако в связи с принципиальной незакрытостью современного мира в пределах национальных государств и возможностью свободного перемещения по всей планете возникает проблема адекватного контроля за поведением лиц, совершивших преступление в одной стране и прибывших для постоянного либо временного проживания в Российскую Федерацию. Изменение гражданства, наличие одновременно гражданства нескольких государств, прибытие для временного проживания на территории РФ без получения вида на жительство и иные схожие ситуации требуют учета фактов совершения лицом преступления в других странах. В частности, совершение лицом за пределами Российской Федерации преступления, относящегося к категории тяжких либо особо тяжких и иных, указанных в ст. 3 ФЗ № 64, в случае их прибытия на территорию России в первостепенном порядке требует установления надзора за данной категорией лиц.

Ранее мы уже указывали на сложности в соотнесении характеристик преступлений и судимостей в разных странах и необходимость введения системы их оценки применительно к существующей в РФ системе.

Профилактическое и предупредительное воздействие в отношении лиц, находящихся под административным надзором ОВД, условно может быть разделено на три основных направления:

блемы реализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Практический взгляд // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 2. С. 240.

[1] См.: *Карягина А.В.* Проблемы и пути совершенствования административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2019. № 1. С. 88 ; *Музеев А.И., Рукавишников Г.А.* О возможности оперативно-разыскного контроля за соблюдением отдельных ограничений лицами, находящимися под административным надзором // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 115-125.

– во-первых, контроль за соблюдением поднадзорным установленных в отношении него запретов и обязательств;

– во-вторых, контроль за поведением поднадзорного в рамках воспитательно-профилактических мероприятий, не связанных напрямую с запретами и ограничениями, устанавливаемыми судом;

– в-третьих, взаимодействие с субъектами системы профилактики правонарушений и службами, осуществляющими социальную помощь лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации (например, в рамках пробации – ст. 19 Федерального закона от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации»).

Контроль за соблюдением поднадзорным установленных в отношении него запретов и обязательств.

В соответствии с ч. 1 ст. 4 ФЗ № 64 поднадзорному могут быть установлены следующие ограничения:

1) запрещение пребывания в определенных местах;

2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;

3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства, либо пребывания поднадзорного лица в определенное время суток;

4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;

5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации.

Кроме того, в обязательном порядке устанавливаются:

1) явка поднадзорного лица от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации;

2) запрещение поднадзорному лицу, имеющему непогашенную либо неснятую судимость за совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего, выезда за установленные судом пределы территории и посещения объектов и территорий образовательных, медицинских, санаторно-курортных, физкультурно-спортивных организаций, организаций культуры, предназначенных для детей, организаций отдыха детей и их оздоровления, площадок с использованием открытой плоскостной детской игровой и детской спортивной инфраструктур

(за исключением случаев, если поднадзорное лицо, являясь родителем несовершеннолетнего, сопровождает его, в том числе для представления его интересов);

3) запрещение поднадзорному лицу, не имеющему места жительства или пребывания, выезда за установленные судом пределы территории.

Перечень обязательств носит исчерпывающий характер и не предполагает расширительного толкования. Примером тому служат изменения, внесенные в п. 2 ч. 2 ст. 4 ФЗ № 64, касающиеся возможности установления запрета пребывания в местах, предназначенных для посещения несовершеннолетними, лицам, имеющим судимость за совершение преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Данные изменения стали результатом достаточно обширной общественной дискуссии. В то же время анализ судебных решений об установлении административного надзора свидетельствует о недостаточной возможности учета индивидуальных особенностей совершенного преступления и лиц, их совершивших. В частности, предусмотренные ст. 4 ФЗ № 64 запреты и ограничения не предполагают их расширительного толкования даже при установлении дополнительных причин и условий совершения преступления. Например, психиатрические заболевания либо особенности психики, не достигающие степени заболевания, алкогольная либо наркотическая (и иные) зависимости, зачастую выступающие детерминантой совершения насильственных преступлений, не могут быть профилактированы путем принуждения к прохождению соответствующего курса лечения. Учитывая же отсутствие возможности принудительного лечения, эффективным средством профилактирования может выступать проведение бесед с поднадзорным, его родственниками (либо иными близкими лицами) с целью направления лица на специализированное лечение в медицинские организации и иные реабилитационные центры.

В свою очередь, в связи с тем, что у многих поднадзорных, совершивших тяжкие насильственные преступления против жизни и здоровья, на момент совершения деяния отсутствовал постоянный источник дохода, притом что нередко они имели профессиональное образование, подавляющее большинство совершили преступление в состоянии алкогольного опьянения, обоснованной видится точка зрения специалистов, предлагающих закрепить в законе об административном надзоре перечень обязанностей поднадзорных лиц, которые могут быть установлены судом одновременно с административ-

ными ограничениями, например, трудиться (трудоустроиться); пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании[1].

В ограниченном формате используется запрет на посещение определенных мест. Как правило, в судебных решениях, (которые основываются на исковых заявлениях инициатора надзора) устанавливается запрет на посещение мест продажи алкогольной продукции, в то время как запрет на посещение мест, где живет и работает лицо, выступившее потерпевшим от преступления, ранее совершенного поднадзорным, либо свидетелем по данному уголовному делу, не применяется. Анализ практики по установлению ограничений свидетельствует о буквальном толковании судами формулировок запретов и ограничений, предусмотренных в ст. 4 ФЗ «Об административном надзоре», и отказе в установлении ограничений, которые буквально не совпадают с указанными в законе[2]. Данный подход объясняется разъяснениями, данными в п. 30 ППВС «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы». При этом анализ практики также свидетельствует об отсутствии ходатайств о применении подобного ограничения (в рамках изученной практики Омской области).

Учитывая позицию Конституционного Суда РФ (Постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2024 г. № 4-П относительно толкования ограничения в виде запрета пребывания (посещения) в определенных местах), представляется целесообразным в необходимых случаях ходатайствовать (при первичном назначении либо дополнении ограничений) о применении именно такого ограничения, направленного на минимизацию рисков контактов поднадзорного с определенными лицами.

Обозначенная позиция КС РФ в части понимания ограничения «не посещать определенные места» аналогичным образом может распространяться и на предусмотренное в ст. 4 ФЗ № 64 запрещение «пребывания в определенных местах» и, соответственно, может выражаться в запрете пребывания в тех местах, где проживают, работают либо пребывают определенные лица (например, потерпевшие либо свидетели по уголовному делу и т.д.).

---

[1] *Чистотина О.Н.* Предупреждение рецидивной преступности: актуальные проблемы и пути решения // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1. С. 71 ; *Ищук Я.Г.* Административный надзор в системе мер оперативно-розыскной профилактики преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3. С. 137-141.

[2] Напр.: *Кассационное* определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции № 77-4307/2022. URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=21675924&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 04.06.2024).

Данное ограничение может быть установлено как непосредственно при назначении административного надзора, так и в дальнейшем, по инициативе ОВД, осуществляющего надзор, в качестве дополнения ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений.

В рамках заявления ОВД о дополнении ранее установленных поднадзорному лицу административных ограничений (п. 6.4 приказа МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О Порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы») должна быть мотивирована необходимость подобного ограничения (например, ходатайство лиц, ранее выступавших в роли потерпевших от преступлений, совершенных поднадзорным), а также иные сведения, подтверждающие конфликтные отношения поднадзорного с теми либо иными лицами.

Учитывая, что ФЗ № 64 не предполагает возможности **запрета на общение** поднадзорного с указанными лицами, соответственно, запрет может касаться только места нахождения поднадзорного. Данная мера будет способствовать минимизации конфликтной ситуации и снижению риска противоправного поведения. Соответственно, в заявлении должны быть точно определены места, посещение которых необходимо запретить (здания, сооружения, участки местности и т.д.), а также их фактический адрес либо географические координаты.

Данная практика может способствовать индивидуализации профилактической работы в отношении лиц, находящихся под административным надзором, минимизировать возможность конфликтной ситуации, возникающей между поднадзорным и его возможной жертвой. В рамках дальнейшей перспективы представляется возможным инициирование включения в ст. 4 ФЗ № 64 такого обязательства, как запрет на общение (контактирование) с определенными лицами при наличии ходатайства от данных лиц либо информации о желании лица отомстить, наличии конфликта с данными лицами и т.д.

Одним из наиболее часто используемых и, соответственно, востребованных выступает контроль за соблюдением поднадзорным запрета выезда за установленные судом пределы территории и запрета пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток (как правило, это ночное время после 22.00 (23.00) до 6.00). Оба запрета предполагают необходимость отслеживания местонахождения поднадзорного. Учиты-

вая особенности данной меры, возникают сложности с определением параметров её соблюдения.

Целесообразно вести речь о недостатках правовой регламентации и материально-технического обеспечения административного надзора в данной части. Посещений поднадзорного по месту жительства и его отметок в установленные сроки в ОВД явно недостаточно для качественного контроля за его перемещением и поведением. Как писалось выше, многие специалисты проводят параллель между административным надзором и контролем за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы, при исполнении которого активно используются аудиовизуальные, электронные и иные технические средства надзора и контроля[1]. Так, Д.А. Рясов справедливо указывает, что использование технических средств надзора и контроля необходимо в регионах со значительной удаленностью населенных пунктов от районных центров. Подразделения полиции при этом нужно оборудовать стационарными устройствами, предназначенными для автоматической визуальной и голосовой идентификации поднадзорного[2]. Полагаем, что в условиях города, учитывая особенности ситуации совершения рассматриваемых преступлений поднадзорными, использование технических средств позволило бы упреждать развитие, а иногда и возникновение криминогенных ситуаций.

Во-вторых, использование аудиовизуальных средств контроля внутри помещения, где проживает поднадзорный, может повлечь нарушение конституционных прав лиц, проживающих совместно с ним (право на неприкосновенность частной жизни и др.).

При наличии доступа к средствам визуального наблюдения в общественных местах (видеокамеры в подъезде, система «Безопасный город», «Интеллектуальная видеосистема для метрополитена» и т.д.) возможна фиксация нарушения поднадзорным установленных административных ограничений.

Несомненно, использование технических средств контроля является целесообразным и повысило бы эффективность предупредительного воздействия, однако централизованное использование таких (сторонних) средств со стороны ОВД, осуществляющего ад-

---

[1] *Об утверждении* перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы : постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 // Российская газета. 2010. 7 апр.

[2] *Рясов Д.А.* Причины и условия совершения преступлений лицами, состоящими под административным надзором органов внутренних дел // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2016. Вып. 1. С. 50-54.

министративный надзор, требует дополнительной правовой регламентации и ограничено фактическими техническими возможностями в конкретном регионе (населенном пункте).

Индивидуальная профилактическая работа, осуществляемая в рамках проведения мероприятий по контролю за соблюдением поднадзорным запретов и ограничений, установленных судом, позволяет на систематической основе взаимодействовать с поднадзорным и получать информацию о его поведении с целью предупреждения совершения им в будущем преступлений, а также корректировки мер воздействия.

Одной из основных форм наблюдения за соблюдением режима административного надзора (в соответствии с приказом МВД России от 8 июля 2011 г. № 818) выступает проведение проверок по месту проживания поднадзорного. К данной деятельности привлекаются сотрудники уголовного розыска, участковые уполномоченные, инспекторы ПДН, ГАИ, ППСП. Одним из значимых сдерживающих факторов для поднадзорного лица выступает угроза привлечения к уголовной ответственности по ст. 314^1 УК РФ. Обязательным признаком данного состава выступает совершение лицом административного правонарушения, предусмотренного в перечне ч. 2 ст. 314^1 УК РФ (появление в общественных местах в состоянии опьянения – ст. 20.21, мелкое хулиганство – ст. 20.1 КоАП РФ и др.). Таким образом, систематические проверки поведения лица на предмет совершения им указанных правонарушений являются важным элементом профилактической работы с обязательным указанием на недопустимость противоправного поведения, в результате чего у поднадзорного будет формироваться психологическое восприятие наличия со стороны ОВД контроля за его поведением.

На основе данных, полученных в результате проверок, необходимо:

– активно использовать такую форму профилактического воздействия, как объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения;

– акцентировать внимание на своевременном выявлении в ходе проверок фактов угроз убийством и причинением тяжкого вреда здоровью, побоев, приготовления к совершению тяжких насильственных преступлений, группового хулиганства со стороны поднадзорного и использование уголовно-правовых норм «двойной превенции»;

– исключить формализм при проведении проверок. В рапортах о проверках этих лиц должны быть отражены сведения о проделанной с поднадзорными лицами работе, их

личности и образе жизни, источниках дохода; развернутые сведения, полученные от соседей и родственников; отработаны связи поднадзорных лиц.

Реагирование на нарушение режима административного надзора

Отдельным элементом социального контроля в рамках административного надзора выступает совокупность механизмов, принуждающих лицо выполнять установленные в отношении него правоограничения и вообще режим административного надзора.

Такими инструментами выступают административная и уголовная ответственность, предусмотренная за нарушение режима административного надзора или сокрытие от надзора. Особый правовой статус поднадзорного принципиально меняет его правовое положение в части угрозы наступления уголовной ответственности в случае неисполнения ограничений или невыполнения обязательств, установленных персонально ему. Статус специального субъекта преступлений, предусмотренных ст. 314[1] УК РФ, возникает именно в рамках реализации надзора за осужденным. Реагирование на продолжение поднадзорным противоправного поведения происходит в рамках проведения индивидуальных профилактических мероприятий, изменения содержания административного надзора (продления, дополнения и т.д.), а также привлечения лица к административной (ст. 19.24 КоАП РФ) и уголовной (ст. 314[1] УК РФ) ответственности.

Конструкция диспозиций чч. 1 и 2 ст. 314[1] УК РФ носит достаточно замысловатую структуру и предполагает необходимость сочетания в действиях поднадзорного различных факторов, в связи с чем данная норма неоднократно повергалась критике[1].

Так, если ч. 1 ст. 314[1] УК РФ сконструирована по типу длящегося состава, выражающегося в неприбытии без уважительных причин к избранному месту жительства, а равно самовольном оставлении места жительства, пребывания или фактического нахождения, то ч. 2 данной нормы предполагает необходимость сочетания административно-преюдиционных фактов с фактами совершения иных правонарушений.

Состав преступления, предусмотренный ч. 2 ст. 314[1] УК РФ, сконструирован по типу административной преюдиции. Данная конструкция предполагает необходимость привлечения к уголовной ответственности в случае неоднократного (повторного) со-

---

[1] *Шестак В.А.* Отдельные вопросы судебной практики рассмотрения уголовных дел об уклонении от административного надзора и неоднократном несоблюдении установленных судом ограничений // Российский судья. 2017. № 11. С. 42-47 ; *Астахова А.О.* Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения. Красноярск, 2018. 164 с. ; *Калинина О.М.* Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения // Вестник Омской юридической академии. 2016. № 4. С. 51-56.

вершения административных правонарушений лицом, ранее привлеченным к административной ответственности за совершение аналогичных деяний. К таким составам относятся, например, ст. 116^1 «Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость», ст. 151^1 «Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции», ст. 264^1 «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость» УК РФ и др.

Подтверждением данного подхода может служить позиция, изложенная в Апелляционном постановлении Омского областного суда от 25 октября 2022 г. по делу № 22-3523/2022. Суд указал, что «объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314^1 УК РФ, заключается в совершении лицом, в отношении которого установлен административный надзор и которое ранее два раза в течение одного года привлекалось к административной ответственности по ч. 1 и по ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ за несоблюдение установленных ему судом административных ограничения или ограничений, нового деяния, выразившегося в несоблюдении таких ограничения или ограничений, если при этом не истекли сроки, в течение которых это лицо считалось подвергнутым административному наказанию.

С учетом изложенного суд апелляционной инстанции отмечает, что состав преступления, в котором обвиняется гр. К., включает в себя административную преюдицию (назначение наказания за совершение административного правонарушения) и совершение нового аналогичного нарушения. При этом событие нового (последнего по времени) нарушения (несоблюдения установленного ограничения) является предметом судебного разбирательства».

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в абз. 2 п. 4 Постановления от 22 декабря 2022 г. № 40 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре» указал следующее: «Если поднадзорное лицо в течение одного года со дня вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, вновь допускает нарушение административного ограничения и в его действиях (бездействии) отсутствуют признаки уголовно нака-

зуемого деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 314[1] УК РФ, действия (бездействие) такого лица также подлежат квалификации по ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ»[1].

Данное разъяснение определяет условия признания деяния поднадзорного неоднократным несоблюдением (ч. 2 ст. 314[1] УК РФ) и имеет одинаковое юридическое значение для всех случаев несоблюдения вне зависимости от наличия либо отсутствия факта привлеченности к уголовной ответственности.

В данном случае неоднократное несоблюдение рассматривается как единичный факт преступления, состоящий из совершения поднадзорным двух и более административных правонарушений, сопряженных между собой, а именно: 1) административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ; 2) административного правонарушения (административных правонарушений), состав которого указан в ч. 2 ст. 314[1] УК РФ. Если же данный факт уже получил правовую оценку как преступное деяние, то в таком случае повторный учет будет противоречить принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и запрету повторного осуждения за одно и то же деяние.

Исходя из содержания примечания к ст. 314[1] УК РФ объективную сторону данного деяния образуют такое несоблюдение лицом, в отношении которого установлен административный надзор, административного ограничения или ограничений, установленных ему судом в соответствии с федеральным законом, которое может быть признано неоднократным, т.е. при условии, что это лицо ранее привлекалось к административной ответственности за аналогичное деяние два раза в течение одного года.

Таким образом, факты предыдущего привлечения к административной ответственности лишь создают условия для признания нарушения неоднократным. Учитывая, что в случае возбуждения уголовного дела по ст. 314[1] УК РФ прекращению подлежат только те дела об административных правонарушениях, которые составляют объективную сторону данного преступления, все факты совершения лицом иных административных правонарушений сохраняют свою юридическую силу.

Так, в п. 5 ППВС РФ № 40 указывается, что «если не истек годичный срок со дня вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении, предусмотренном частью 1 либо частью 3 статьи 19.24 КоАП РФ, несоблюдение

---

[1] *О некоторых* вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2022 г. № 40. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

установленных судом административных ограничения или ограничений следует квалифицировать по части 3 статьи 19.24 КоАП РФ независимо от факта привлечения к уголовной ответственности по части 2 статьи 314^1 УК РФ в период между совершенными административными правонарушениями».

Исходя из смысла данных разъяснений не подлежит учету лишь тот факт предыдущего неисполнения обязанностей, который в узко юридическом смысле не повлек привлечения лица именно к административной ответственности по ст. 19.24 КоАП РФ, а образовал признаки состава преступления (ч. 2 ст. 314^1 УК РФ). Также не может быть повторно учтен факт привлечения к административной ответственности за совершение иного административного правонарушения, указанного в ч. 2 ст. 314^1 УК РФ (помимо ст. 19.24). Предыдущие же факты совершения административных правонарушений, предусмотренных ст. 19.24 КоАП РФ, оцениваются на общих основаниях и будут образовывать условия для признания последующего несоблюдения неоднократным (при соблюдении условий и сроков, предусмотренных ст. 4.6 КоАП РФ).

Для привлечения лица к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 314^1 УК РФ необходимо наличие хотя бы одного нового факта неоднократного несоблюдения им административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре (ч. 3 ст. 19.24 УК РФ), при наличии всех условий и сроков признания его неоднократным (ст. 4.6 КоАП РФ), сопряженного с совершением соответствующего нового административного правонарушения (указанного в ч. 2 ст. 314^1 УК РФ), совершенных после предыдущих фактов, положенных в основу уголовного дела, возбужденного по ч. 2 ст. 314^1 УК РФ.

Так, в практике судов Московской области и Алтайского края достаточно распространен подход, когда в рамках одного уголовного дела (приговора) рассматриваются факты совершения лицом нескольких преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 314^1 УК РФ. При этом лицо признается виновным в совокупности преступлений в случае, если соблюдены условия, указанные в примечании к ст. 314^1 УК РФ. После совершения лицом двух правонарушений, предусмотренных ч. 1 и ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, каждый последующий факт совершения административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, совершенный в совокупности с иным административным правонарушением, признается самостоятельным эпизодом преступления (ч. 2 ст. 314^1 УК РФ).

Таким образом, если после возбуждения уголовного дела по ч. 2 ст. 314[1] УК РФ поднадзорным вновь совершается административное правонарушение, предусмотренное ч. 3 ст. 19.24 КоАП РФ, сопряженное с совершением нового административного правонарушения, то такие действия необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 314[1] УК РФ (по совокупности преступлений).

Аналогичным образом складывается судебная практика квалификации иных преступлений, состав которых сконструирован по типу административной (либо уголовной) преюдиции (в рамках которых факты совершения лицом административного правонарушения предопределяют возможность оценки дальнейшего продолжения совершения аналогичных правонарушений в качестве уголовно наказуемого деяния). При этом сами по себе они не прекращают свои правовые последствия в случае привлечения лица к уголовной ответственности, например, практика квалификации по ст. 264[1] УК РФ (Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость).

В случае совершения лицом описанных противоправных действий после возбуждения уголовного дела по ч. 2 ст. 314[1] УК РФ возможно привлечение лица к уголовной ответственности по совокупности преступлений, в том числе в период расследования уголовного дела или судебного разбирательства, а также после вынесения приговора по первому эпизоду.

Если лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314[1] УК РФ, совершает самовольное оставление места жительства, пребывания или фактического нахождения в целях уклонения от административного надзора, то его действия будут образовывать совокупность преступлений (ч. 2 ст. 314[1] и ч. 1 ст. 314[1] УК РФ). Данные составы являются различными по признакам объективной стороны и позволяют совершать их самостоятельно.

Примером подобного подхода может служить приговор в отношении гр. Агеева, осужденного 7 октября 2020 г. за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 314[1] УК РФ (административные правонарушения совершены 30 сентября 2019 г., 27 декабря 2019 г. и 31 июля 2020 г.), а также 3 декабря 2020 г. за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314[1] УК РФ (скрылся 7 сентября 2020 г.)[1].

[1] *Приговоры* Шебекинского районного суд Белгородской области: дело № 1-170/2020, дело № 1-141/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/t9o3VeSoHQlK/ (дата обращения: 12.03.2025).

Несмотря на то, что санкция данной нормы предусматривает максимальное наказание в виде лишения свободы до 1 года, и то, что данное преступление относится к категории небольшой тяжести, в 85% проанализированных приговоров судами назначается наказание в виде лишения свободы без применения условного осуждения (ст. 73 УК РФ). Средний размер наказания в виде лишения свободы составляет 7 месяцев. Согласно же статистическим показателям Верховного Суда РФ за 2023 г. реальное лишение свободы назначается в 54% случаев, условное осуждение – в 28%, еще 18% приходится на исправительные работы, обязательные работы и штраф[1]. При этом различий в размерах наказаний за совершение преступлений, предусматриваемых ч. 1 и ч. 2 данного состава, практически не усматривается.

Таким образом, судебная практика применения наказания за совершение данного преступления является намного более репрессивной, нежели практика наказаний за другие преступления (хищения, причинение вреда здоровью и т.д.).

При вынесении обвинительных приговоров по ст. 314[1] УК РФ суды ориентируются на систематичность и умышленность поведения осужденного, подтверждаемые неоднократными предупреждениями о недопустимости нарушений, проведением профилактических бесед, однотипностью допускаемых нарушений.

Так, суды указывают: «Поскольку, будучи предупреждённым об ответственности, предусмотренной по ч. 1 ст. 314[1] УК РФ, он намеренно оставил место пребывания, инспектора об этом не уведомил, о своем новом месте пребывания не сообщил, данное деяние нельзя признать малозначительным, поскольку целью административного надзора является контроль за поведением лиц, освободившихся из мест лишения свободы. Будучи подконтрольным лицом, независимо от сложившихся жизненных обстоятельств, обязан был соблюдать все условия административного надзора»[2].

Реакция в виде вынесения предупреждения должна возникать в случае первого или однократного нарушения установленных ограничений. При повторном нарушении установленных запретов лицо должно претерпевать дополнительные ограничения (обязательства). Систематическое же неисполнение возложенных обязанностей должно образовывать признаки состава преступления при сопряженности с любыми администра-

---

[1] *Отчет* о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2023 г. форма № 10.3 // Сайт Судебного департамента при ВС РФ. URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2023/k6-svod_vse_sudy-2023.xls (дата обращения: 12.03.2025).

[2] *Апелляционное* постановление Красноярского краевого суда от 2 июля 2020 г. № 22-3832/2020 по делу № 1-262/2020. URL: https://sudact.ru/regular/doc/NFIOOf7J4xYf/ (дата обращения: 12.03.2025).

тивными правонарушениями, санкция которых предусматривает возможность назначения административного ареста.

Контроль за поведением поднадзорного в рамках воспитательно-профилактических мероприятий, не связанных напрямую с запретами и ограничениями, устанавливаемыми судом

Необходимо отметить, что осуществление различных воспитательных, социальных, реабилитирующих и иных мероприятий выступает обязательным элементом социального контроля в отношении осужденных как в настоящее время, так и ранее. Например, Постановление Совета министров СССР 1966 г. предусматривало такой формат правоотношений, при которых присутствовал не только социально-правовой контроль со стороны государственных органов, но и возможность приобщения поднадзорных к общественно полезному труду, воспитательное и профилактическое воздействие. ОВД имели возможность ходатайствовать о трудовом и бытовом устройстве поднадзорного, а также осуществлять воспитательный процесс индивидуально либо с участием администрации предприятий, учреждений, организаций и даже родственников поднадзорного.

В соответствии с Рекомендацией CM/Rec (2010) 1 Комитета министров государствам-членам о Правилах Совета Европы о пробации (20 января 2010 г., 105 заседание совета заместителей Министров) пробация предполагает передачу лица, отбывшего наказание, под надзор специализированного органа – службы пробации. Основными направлениями деятельности службы являются непрерывный контроль, воспитательное воздействие, помощь в трудоустройстве, поиске места жительства, получении образования.

Ранее мы разбирали данные процедуры в рамках применения условных мер уголовно-правового воздействия и должны отметить, что они являются универсальными и для административного надзора.

К таким мероприятиям необходимо отнести:

1. Проведение информирования о проживании на обслуживаемой территории лица, в отношении которого установлен административный надзор ОВД, а также подготовка запросов у организаций по месту работы и (или) месту жительства или пребывания поднадзорного лица и получение от них сведений о его поведении. Данные мероприятия могут находиться в непосредственной взаимосвязи и объединять в себе как информирование организаций, так и получение от них сведений о поведении поднадзорного.

В соответствии с п 2. ст. 12 ФЗ № 64 при осуществлении административного надзора органы внутренних дел имеют право запрашивать у организаций по месту работы и (или) месту жительства или пребывания поднадзорного лица и получать от них сведения о его поведении.

Представляется необходимым информирование организаций, находящихся на обслуживаемой территории, относительно возможного противоправного поведения лиц, состоящих под административным надзором. Положительным опытом можно признать направление информационной справки в администрацию органа местного самоуправления по месту проживания поднадзорного. В справке отражаются основные сведения о лице, совершенном им преступлении, установленных в отношении него запретах и ограничениях и сроках осуществлении административного надзора.

В отношении лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья в состоянии опьянения, дополнительно выборочно может направляться информация в организации, осуществляющие розничную продажу алкогольной продукции, а также иные заведения (кафе, бары, рестораны, клубы и т.д.). Информирование данных заведений может носить выборочный характер в зависимости от индивидуальных особенностей поднадзорного. На основе имеющегося положительного опыта был разработан образец справки, который может быть использован в рамках осуществления профилактической деятельности. Аналогичные средства информирования предусмотрены «Инструкцией по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы»[1] в отношении лиц, осужденных к наказанию в виде ограничения свободы. Они показали свою эффективность в части пресечения возможности бесконтрольного перемещения лиц, представляющих опасность для окружающих. Учитывая, что ограничения в отношении поднадзорного лица устанавливаются гласно в открытом судебном решении, передача данной информации заинтересованным лицам не противоречит законодательству Российской Федерации о защите конфиденциальной информации, относящейся к государственной, семейной или личной тайне.

Данная мера позволит представителям данных заведений заранее иметь информацию о лицах, потенциально представляющих угрозу окружающим, и в случае возникновения конфликтной ситуации адекватно реагировать. В случае установления судебного

[1] *Об утверждении* Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы : приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

запрета на пребывание в местах, осуществляющих розничную продажу алкогольной продукции, несоблюдение данного запрета указанным лицом будет дополнительно засвидетельствовано представителями данной организации.

2. Подготовка и предоставление специально разработанной «памятки о поведении поднадзорного», содержащей основные аспекты правового положения лица, перечень ограничений и запретов, порядок их осуществления (период явки в ОВД и т.д.), ответственность за нарушение установленных запретов, сведения о службах и организациях, оказывающих помощь в процессе ресоциализации, и т.д.

3. В случае необходимости целесообразным является направление лица в органы социального обеспечения для решения социально-бытовых проблем. Таковыми выступают трудоустройство, помощь в оформлении документов, помощь в прохождении обучения и получении водительского удостоверения или иных специальных разрешений и т.д. В практике Омской области данная деятельность реализуется в рамках работы комиссий по ресоциализации. В частности, оказывается помощь в оформлении и получении бесплатного обучения для получения водительского удостоверения (по программам, предназначенным для социально нуждающихся категорий населения), а также иных документов и т.д.

Анализ практики административного надзора свидетельствует, что указанные частные меры могут иметь положительный эффект при наличии заинтересованности со стороны поднадзорного. Таким образом, мотивация на отказ от противоправного антисоциального образа жизни с приведением позитивных примеров использования средств социальной адаптации может выступить стимулом к проведению вышеприведенных мероприятий.

Следует указать, что основные причины и условия повторного совершения поднадзорными лицами преступлений, как правило, лежат в их антиобщественной установке, маргинальном окружении, недостаточности индивидуально-профилактического воздействия, проблемах организации и правового регулирования профилактического воздействия. Оптимизация предупредительного воздействия предполагает совершенствование законодательства; материально-ресурсного обеспечения деятельности сотрудников, осуществляющих административный надзор; взаимодействия публичных органов власти и некоммерческих организаций; социального контроля, реабилитации, ресоциализации поднадзорных лиц.

А.И. Абатуров указывает, что социальная опасность лиц, освобожденных из мест лишения свободы, состоит в том, что более половины из них не имеют или утратили связи с семьями, как правило, у них отсутствует жилье, они имеют низкий уровень образования. Все это создает значительные трудности в возвращении таких лиц на путь честной жизни. Ю.Е. Пудовочкин в одну группу криминальных рисков в уголовном праве относит массив граждан, отбывших уголовное наказания и освобожденных из мест лишения свободы, злостных нарушителей, алкоголиков и других потенциально опасных людей.

Учитывая, что большое влияние на поведение поднадзорного оказывает окружающая его микросреда, необходимо выяснение круга общения поднадзорного и стимулирование его на изменение круга общения, места жительства, работы, если после освобождения из мест лишения свободы он продолжает пребывать, общаться и проводить время с лицами, ведущими антиобщественный образ жизни (имеющими судимость и склонными к совершению преступления и т.д.). Соответственно, в противоположном случае – положительного влияния микросреды – необходимо стимулировать лицо к сохранению прежнего места проживания, работы, круга общения.

В случае поступления лица на службу в Вооруженные Силы РФ и направления лица для участия в СВО[1] административный надзор приостанавливается (п. 6 ч. 5 ст. 5 ФЗ № 64).

Решение вопросов осуществления взаимного информирования представителей комплектующего подразделения по месту заключения контракта (либо командования воинской части, в которую лицо направляется на службу) относительно установленного административного надзора, характера совершенного лицом преступления и видов установленных запретов (ограничений), а также органа внутренних дел, осуществляющего административный надзор, происходит в соответствии с межведомственным приказом Министерства обороны Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 187/83/140 дсп от 27 марта 2024 г.[2]

---

[1] В соответствии с п. 6 ч. 5 ст. 5 ФЗ № 64 речь идет о прохождении военной службы по мобилизации или в военное время либо в период военного положения или пребывания в добровольческом формировании, предусмотренном Федеральным законом от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

[2] *Об утверждении* Порядка взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам, связанным с заключением контрактов о прохождении службы в Вооруженных Силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения и в военное время с гражданами, указанными в подпункте «а» пункта 5.1 статьи 34 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» : приказ Министерства обороны Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 187/83/140 дсп от 27 марта 2024 г.

На сегодняшний день ст. 9 ФЗ № 64 не предусматривает такого основания прекращения административного надзора, как участие в СВО. Соответственно, на период нахождения лица в распоряжении Министерства обороны РФ административный надзор только приостанавливается (п. 6 ч. 5 ст. 5 ФЗ № 64), в случае возвращения лица после участия в СВО административный надзор должен возобновляться и продолжаться в общем порядке. Исключение составляют случаи освобождения лица от наказания в соответствии со ст. 80^2 УК РФ, влекущие в соответствии с ч. 2 ст. 86 УК РФ погашение судимости, а также выполнение (наступление) аналогичных условий лицами, отбывшими наказание, но имеющими непогашенную судимость (ч. 3^1 ст. 86 УК РФ).

При этом необходимо учитывать, что контракт с Вооруженными Силами не может быть заключен лицами, совершившими преступления либо имеющими судимость за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, предусмотренных п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 3–6 ст. 134 или ч. 3–5 ст. 135 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200^1, 205–205^5, 206, 208–211, п. «б» ч. 2 ст. 215^4, ст. 217^1, 220, 221, 226^1, 229^1, 274^1, 275, 275^1, 276–280^2, 280^4, 281–281^3, 282^1–282^3, 283–283^2, 284, ч. 2 ст. 322^1, ст. 355, 359–361 УК РФ (п. «а», «б» ч. 5.1 ст. 34 ФЗ от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»). Административный надзор за лицами, имеющими судимость за данные преступления, должен происходить на общих основаниях.

Заключение контракта поднадзорным лицом с Министерством обороны РФ осуществляется без уведомления территориального ОВД, осуществляющего административный надзор. В то же время выписка из приказа по личному составу направляется в территориальный ОВД для приостановления течения срока административного надзора в трехдневный срок с момента издания приказа. Соответственно, руководитель территориального ОВД обязан приостановить срок административного надзора не позднее рабочего дня, следующего за днем получения копии приказа.

Данные сроки будут иметь принципиальное значение в дальнейшем для решения вопроса о прекращении административного надзора либо его возобновлении после окончания службы в Вооруженных Силах.

В случае увольнения с военной службы лица, которому административный надзор был приостановлен, а также совершения им нового преступления, смерти (гибели), при-

знания пропавшим без вести командование воинской части обязано в течение 10 рабочих дней направить уведомление в территориальный ОВД.

При решении вопроса о возобновлении срока административного надзора необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1. Возобновление административного надзора возможно в случае увольнения со службы в Вооруженных Силах РФ по основаниям, не указанным в п. «б» ч. 3^1 ст. 86 УК РФ (пп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»), а также отсутствия события, определенного в п. «а» ч. 3^1 ст. 86 УК РФ. Для решения данного вопроса необходимо наличие документов, подтверждающих получение лицом государственной награды. Форма уведомления, предусмотренная в обозначенном приказе, носит лишь ознакомительный характер и не является самостоятельным основанием для прекращения административного надзора. В связи с этим представляется необходимым осуществление дополнительных запросов в воинскую часть, в которой проходил службу поднадзорный, для получения копий документов, подтверждающих получение государственной награды, и приказа об увольнении с указанием соответствующих оснований.

2. Совершение военнослужащим нового преступления само по себе не является основанием для возобновления административного надзора и далеко не всегда предполагает увольнение военнослужащего со службы. Только в случае увольнения военнослужащего по «нереабилитирующим» основаниям (кроме пп. «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе») возможно решение о возобновлении административного надзора.

В таком случае возобновление административного надзора должно быть согласовано с вновь назначенным наказанием (если оно было назначено), а также происходить, даже если военнослужащий был освобожден от уголовной ответственности за вновь совершенное преступление по каким-либо нереабилитирующим основаниям (ст. 75, 76 УК РФ и т.д.), т.к. данный факт не устраняет имеющуюся у лица судимость.

3. В любом из перечисленных случаев срок административного надзора не может возобновляться в случае истечения срока судимости, определенного в ч. 2 ст. 86 УК РФ (в зависимости от категории преступления и вида назначенного наказания: 1, 3, 8, 10 лет соответственно). Приостановление срока административного надзора не приостанавливает течение срока погашения судимости. Срок судимости исчисляется самостоятельно

по каждому из преступлений, за которые лицо было осуждено. В то же время пп. «а», «б» ч. 3^1 ст. 86 УК РФ не устанавливается, судимость за какое именно преступление должна погашаться. Соответственно, при наступлении указанных условий происходит погашение судимостей за все преступления, за которые лицо было ранее осуждено (за исключением преступлений, указанных в ч. 1 ст. 78^1 УК РФ).

Также взаимодействие по вопросам призыва на воинскую службу граждан, имеющих судимость, регламентируется совместным приказом Министерства обороны Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 320/176/306 дсп[1].

При анализе дел встречаются случаи отсутствия своевременного информирования о прекращении в отношении поднадзорного меры процессуального принуждения – заключения под стражу. Сотрудники ОВД выявляют данную информацию путем инициативных проверок по сервисам централизованного учета МВД РФ (куда информация поступает не всегда оперативно) либо личного обращения в СИЗО. Таким образом, лица, освобожденные из мест содержания под стражей, не пребывают в ОВД, не встают на учет и имеют возможность перемещаться без необходимого контроля.

В целях организации взаимодействия с органами ФСИН РФ, осуществляющими содержание обвиняемых и подозреваемых в совершении преступления, целесообразно рассмотреть вопрос обязательного незамедлительного уведомления ОВД по месту жительства обвиняемого, подозреваемого поднадзорного органами ФСИН РФ о случаях освобождения лиц из-под стражи (отмены меры пресечения).

Кроме того, в случае приостановления административного надзора по указанным основаниям целесообразно дополнительно (перед приостановлением) информировать поднадзорного о его обязанности незамедлительно явиться в ОВД по месту жительства в случае прекращения (отмены) меры пресечения в виде заключения под стражу.

Взаимодействие с субъектами системы профилактики правонарушений и службами, осуществляющими социальную помощь лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации

---

[1] *Об утверждении* Порядка взаимодействия федеральных органов исполнительной власти по вопросам, связанным с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время граждан, имеющих судимость : приказ Министерства обороны Российской Федерации, Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации № 320/176/306 дсп от 4 июня 2024 г.

В качестве действенных мер, направленных на повышение эффективности организации и осуществления административного надзора, А.В. Карягина справедливо указывает:

– повышение качества взаимодействия участковых уполномоченных полиции, сотрудников подразделений по осуществлению административного надзора, сотрудников уголовного розыска, патрульно-постовой службы, ГАИ в работе при осуществлении контроля за поднадзорными;

– организацию взаимодействия с центрами занятости населения, органами социальной защиты населения с целью информированности лиц, уполномоченных осуществлять административный надзор, о социально-психологическом портрете и ходе социализации поднадзорного[1].

Изучение вопросов социального контроля в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы либо отбывших (исполнивших) наказание, позволяет прийти к выводу о том, что после завершения процедуры исполнения наказания потребность в дальнейшем контролировании поведения осужденного сохраняется в большинстве случаев. Такая потребность вызвана рядом объективных обстоятельств, начиная с сохранения общественной опасности личности, недостаточного превентивного потенциала наказания, инертности процесса исправления лица и изменения противоправных установок и заканчивая неблагоприятными социальными последствиями пребывания осужденного в местах лишения свободы.

Постпенитенциарный контроль включает в себя следующие элементы:

1. Установление уголовной ответственности специальных субъектов – лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость:

а) за совершение преступлений, сконструированных по типу уголовной преюдиции (ст. 119^1, 264^1–264^3 УК РФ и др.);

б) в части повышенной ответственности за совершение преступлений при наличии признаков рецидива, а также специального рецидива преступлений (чч. 5 ст. 131, 132 УК РФ));

в) в рамках специальных составов, предусматривающих ответственность за нарушение режима административного надзора;

2. Административный надзор органов внутренних дел за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, имеющими неснятые и непогашенные судимости.

---

[1] *Карягина А.В.* Проблемы и пути совершенствования административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2019. № 1. С. 91.

Постпенитенциарный (внепенитенциарный) надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, должен относиться к разновидности уголовно-правовых мер воздействия и являться продолжением либо разновидностью уголовно-правового социального контроля. Соответственно, правовая регламентация и определение оснований применения и отмены, сроков и содержания и др. должны происходить в рамках уголовного законодательства.

Необходимо изменение оснований административного надзора в части установления его в отношении лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость за совершение тяжкого либо особо тяжкого преступления и совершивших административные правонарушения, санкция которых предусматривает наказание в виде ареста (как наиболее строгого вида наказания).

Необходимо введение возможности установления административного надзора в отношении иностранных граждан, пребывающих на территорию Российской Федерации, при наличии у них судимости за совершение тяжких либо особо тяжких преступлений.

Поэтапная реализация указанных элементов требует конкретизации существующего правового статуса судимости, в связи с чем необходимо рассмотрение вопроса кратного увеличения сроков судимости, а также сохранения правового статуса судимости для лиц, освобожденных от наказания в виде лишения свободы (ч. 2 ст. 86 УК РФ), и исчисления данного срока на общих основаниях.

Действующая редакция ч. 2 ст. 86 УК РФ предписывает, что «лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым». Несмотря на внесение изменений в нормы об освобождении от наказания, а также введение новых оснований освобождения от наказания, указанная норма (ч. 2 ст. 86 УК РФ) не претерпевала изменений с момента принятия УК РФ в 1996 г. Учитывая изменения, произошедшие в УК РФ и иных нормативных правовых актах, для которых уголовно-правовой статус «судимость» имеет принципиальное значение, возникает ситуация необоснованного преждевременного погашения судимости в отношении лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, отбывавших наказание в виде лишения свободы и продолжающих представлять опасность для общества.

Так, положения ст. 80^2 УК РФ предусматривают возможность освобождения лица от наказания даже в случае совершения им тяжкого либо особо тяжкого преступления, за которое лицо отбывало наказание в виде реального лишения свободы. Погашение су-

димости в отношении данных лиц происходит в соответствии с ч. 3^1 ст. 86 УК РФ с *момента освобождения от наказания*.

В свою очередь, ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», не предполагает возможности осуществления наблюдения за лицами, судимость которых снята либо погашена. В связи с этим возникает ситуация, когда лица, освобожденные от наказания в связи с участием в СВО, после прекращения службы пребывают в «неподконтрольном» состоянии, несмотря на фактическое сохранение опасности для окружающих.

В правоприменительной практике неоднократно возникали ситуации совершения насильственных преступлений лицами, ранее осужденными за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, отбывавшими наказание в виде реального лишения свободы и освобожденными от наказания в связи с участием в СВО.

Учитывая социально полезное поведение указанной категории лиц, несомненно, их поощрение носит обоснованный и необходимый характер. Однако лица, совершившие особо тяжкие преступления, осужденные к наказанию, связанному с реальным лишением свободы, объективно могут представлять опасность для окружающих даже в случае их участия в СВО и прохождения службы в рядах Вооруженных Сил РФ.

Соответствующая возможность надзора за указанной категорией лиц со стороны органов внутренних дел должна сохраняться и распространяться именно на лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывавших наказание, связанное с реальным лишением свободы.

Для реализации административного надзора в отношении лиц, совершивших тяжкое либо особо тяжкое преступление, осужденных к наказанию в виде лишения свободы и представляющих объективную опасность для окружающих, необходимо сохранение за ними правового статуса «судимости» даже после освобождения от наказания. Соответственно, применение тех либо иных оснований освобождения от наказания не должно в автоматическом порядке влечь погашение судимости (ч. 2 ст. 86 УК РФ), а *исчисление срока погашения судимости для данной категории осужденных должно происходить с момента фактического освобождения лица от наказания*. Данный подход может быть реализован путем внесения изменений в действующую редакцию ст. 86 УК РФ (см. приложение № 13, законопроект № 3).

Сохранение уголовно-правового статуса судимости в отношении лиц, освобожденных от наказания, связанного с лишением свободы, является обязательным условием осуществления дальнейшего контроля за поведением лиц, совершивших преступление и представляющих потенциальную опасность дальнейшего противоправного поведения. Исчисление срока погашения судимости для данной категории осужденных должно происходить в общем порядке, исходя из категории совершенного преступления.

Правило об автоматическом погашении судимости в случае освобождения от наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ) должно применяться только при освобождении от наказаний, не связанных с лишением свободы. В случае освобождения от наказания лиц, принимающих участие в специальной военной операции, погашение судимости должно происходить на общих основаниях, предусмотренных в ч. 3 ст. 86 УК РФ, в зависимости от категории совершенного преступления и вида отбытого ранее наказания.

§ 3. Общеправовые последствия совершения преступления как средство социального контроля[1]

Как мы указывали ранее, механизм социального контроля предполагает наличие определенного рода правоотношений между государством и лицами, на которых осуществляется воздействие путем склонения, стимулирования либо принуждения к социально полезному поведению. В данном контексте инструментом социального контроля выступают в том числе специфические правоограничения на участие в определенных видах деятельности, устанавливаемые в отношении лиц, совершивших преступление. Однако правовой статус указанных правоограничений носит спорный и отчасти несистемный характер.

Отечественное уголовное законодательство, базирующееся на принципе законности, предполагает исключительную компетенцию Уголовного кодекса Российской Федерации в части определения преступности, наказуемости и иных уголовно-правовых последствий (ч. 1 ст. 2 УК РФ). Если в части определения преступности и наказуемости деяний уголов-

[1] Основные положения параграфа нашли отражение в публикациях: *Карпов К.Н.* Систематизация «общеправовых» последствий совершения преступления как средств социального контроля за лицами, совершившими преступление // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 170-177 *; Карпов К.Н., Нечепуренко А.А.* Значение нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для наступления общеправовых последствий совершения лицом преступления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 5. С. 87-100 ; *Карпов К.Н.* Освобождение от общеправовых последствий совершения преступления // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 2024. С. 33-36.

ное законодательство действительно обладает монополией, то правовые последствий совершенного преступления не ограничиваются только предписаниями УК РФ.

Устанавливаемые федеральным законодательством правоограничения в отношении лиц, совершивших преступления, условно можно подразделить на две группы: уголовно-правовые (наказание, судимость, иные меры уголовно-правового характера) и общеправовые (запрет заниматься определенными видами деятельности, ограничение на прохождение государственной службы, запрет на использование пассивного избирательного права и т.д.)[1] последствия совершения преступления.

Вторую группу зачастую в литературе именуют также общеправовыми последствиями судимости[2], однако данное название не вполне точно отражает основания возникновения данных правоограничений. Исходя из их содержания, они могут возникать не только в результате судимости лица (т.е. официального осуждения в рамках вынесения обвинительного приговора), но и в случаях принятия иных процессуальных решений, например, освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям[3].

Например, в качестве косвенных или вторичных карательных последствий совершения лицом преступления А.В. Усс рассматривал те многочисленные неблагоприятные последствия, которые не установлены уголовным законодательством, но фактически наступают в результате действия как правовых, так и иных социальных норм (утрату работы, проблемы с трудоустройством, получением образования, повышенное внимание правоохранительных органов, недоверие граждан (коллег, знакомых) и т.д.). При этом автор отмечал, что «во многих случаях именно косвенные последствия уголовно-правового воздействия являются для человека гораздо более важными и значимыми, нежели ограничения, составляющие собственно его содержание»[4]. Необходимо отметить, что частично вышеприведенные последствия носят даже не вполне правовой характер, а также не являются обязательными, в то время как последствия, устанавливаемые в

---

[1] *Елинский А.В.* Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106-113 ; *Габдрахманов Ф.В.* Общеправовые последствия судимости и их классификация // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 155-171.

[2] *Архенгольц И.А.* Судимость и ее общеправовые последствия : монография. Казань, 2020. С. 172 ; *Ревнов Б.А.* Отдельные особенности общеправовых последствий судимости // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 5. С. 108-113 ; *Давитадзе М.Д.* Уголовно-правовые последствия судимости // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 4. С. 82-84 ; *Маликов Б.З., Биккинин И.А.* Особенность общеправовых последствий судимости // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2021. № 2. С. 102-107.

[3] *Нечепуренко А.А.* Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 314-321.

[4] *Усс А.В.* Социально-интегративная роль уголовного права : монография. Красноярск, 1993. 256 с.

федеральных законах, являются существенными и определяют дальнейший правовой статус лица. Так, помимо классического наказания и иных мер уголовно-правового характера, в отношении лиц, совершивших преступления, после отбытия наказания фактически наступают дополнительные правоограничения (обязательства, запреты), которые устанавливаются и регулируются иными нормативными правовыми актами[1], однако основываются исключительно на факте совершения лицом преступления[2].

Как отмечает Конституционный Суд РФ в одном из своих определений, устанавливая подобного рода запреты, «законодатель имеет разумные основания исходить из присутствия рисков для охраняемых Конституцией Российской Федерации и законами ценностей в случае, если это лицо не будет ограничено в продолжении деятельности. Поэтому принятие законодателем мер, призванных минимизировать соответствующие риски, не вступает в противоречие с принципом правового государства и с конституционными правами»[3].

Примечателен и тот факт, что Конституционный Суд РФ прямо указывает на то, что в «таких случаях возможные ограничения прав (в том числе связанные с занятием публичной должности), не будучи уголовным наказанием, тем не менее являются общеправовыми последствиями судимости»[4]. Таким образом, можно констатировать, что указанные ограничения связаны с потребностью обеспечить безопасность членов общества и всю систему общественных отношений в целом от потенциально опасного воздействия[5]. При этом опасность напрямую связывается с лицом и фактом совершения им

---

[1] *Елинский А.В.* Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2010. № 7. С. 78-84.

[2] В рамках проводимого исследования нами было проанализировано 50 федеральных законов Российской Федерации, содержащих различные ограничения (запреты), основанные исключительно на наличии у лица неснятой (непогашенной) судимости, факте осуждения лица (при отсутствии юридической судимости (ч. 3, 5 ст. 86 УК РФ)), факте совершения лицом преступления при условии освобождения его от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

[3] *По делу* о проверке конституционности абз. 2 п. 3 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Г. Шалавина : постановление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2022 г. / Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx (дата обращения: 16.11.2022).

[4] *По делу* о проверке конституционности п. 13 ч. 1 ст. 83, абз. 3 ч. 2 ст. 331 и ст. 351[1] Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] В настоящее время в Государственную Думу Российской Федерации МВД России внесен законопроект о запрете лицам, совершившим преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, **посещать** образовательные организации, деятельность которых связана с воспитанием и обучением несовершеннолетних, объекты (территории), предназначенные для организации отдыха детей (лиц, не достигших возраста 18 лет) и их оздоровления, детские игровые и спортивных площадки

преступления. Иных показателей опасности ни законодатель (при закреплении правоограничения в нормативных правовых актах), ни Конституционный Суд РФ (при оценке соответствия данных норм положениям Конституции РФ) не усматривает. Более того, в связи с указанными обстоятельствами отдельные авторы приходят к выводу, что данные «правовые последствия по своей сути являются дополнительной карой, не связанной с уголовно-правовыми целями (неуголовной отрасли)»[1]. Введение в законодательство и реализация указанных правоограничений для лиц, совершивших преступление, является одним из инструментов социального контроля, основывающимся на исключении (недопущении) источника опасности (лица, совершившего преступление) из тех правоотношений, содержание которых предполагает повышенный риск для окружающих, членов общества и государства в целом. Относительно рассматриваемых правоограничений А.А. Нечепуренко использует термин «правопораженный статус лиц, являющихся судимыми»[2], отмечая при этом сложность отнесения их к категории уголовно-правовых именно по причине исключенности из уголовного законодательства и размещения в иных федеральных законах.

И.А. Архенгольц констатирует, что общеправовые последствия судимости являются комплексным компонентом института судимости, «отражающим снижение социальной ценности лица, признанного виновным в совершении общественно опасного деяния»[3].

В то же время указывая именно на уголовно-правовой характер подобного рода правоограничений, различные ученые относят их к категории «мер безопасности», применяемых в связи с совершенным лицом преступлением, однако не являющихся наказанием. Так, по мнению Н.В. Щедрина, «судимость предполагает, что факт преступления должен быть удостоверен судом. Но для таких правовых последствий, как запрет на профессии, это избыточно. На практике основаниями для запрета на работу, например, в органах внутренних дел служат факты преступлений, удостоверенные следователем или прокурором, которые когда-то с согласия обвиняемого прекратили уголовное дело по нереабилитирующим осно-

---

(см.: *О внесении* изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : проект Федерального закона / Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: https://regulation. gov.ru/projects#npa=134849 (дата обращения: 24.12.2022)).

[1] *Елинский А.В.* Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106-113.

[2] *Нечепуренко А.А.* Разграничение содержания и последствий судимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4. С. 6.

[3] *Архенгольц И.А.* Судимость и ее общеправовые последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2019. С. 10.

ваниям»[1]. К таким правоограничениям стоит отнести запрет заниматься определенной профессиональной деятельностью[2], пребывать на государственной службе, ограничения в области гражданско-правовых отношений (например, запрет на усыновление или регистрацию юридического лица) и т.д.

Такая неопределенность правовой природы указанных правоограничений порождает хаотичность в их регулировании, что не позволяет говорить о достижении целей безопасности охраняемых правоотношений. В связи с особенностями правового регулирования правоотношений в той либо иной сфере в каждом нормативном правовом акте содержание таких запретов, субъекты, к которым они применяются, сроки и другие юридически значимые компоненты обладают своей спецификой.

Несмотря на то, что рассматриваемые ограничения не принято относить к формам реализации уголовной ответственности, необходимо указать на их прямую обусловленность именно фактом совершения лицом преступления и предназначенностью именно для защиты общественных отношений и предупреждения преступлений. В связи с этим корректным было бы использование термина не «общеправовые», а именно «вторичные уголовно-правовые последствия» совершения лицом преступления («вторичные последствия судимости»). Данный контекст позволяет указать на их уголовно-правовую обусловленность не только фактом совершения лицом преступления, но и характером принятого в отношении него итогового решения (вынесение обвинительного приговора с возникновением судимости либо освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и т.д.).

В одном из своих выступлений Н. Хомский заявлял, что «любая форма власти и доминирования требует аргументирования и обоснования»[3]. Аргументирование применяемых средств уголовной репрессии либо заменяющих их средств в современном мире все чаще ограничивается стандартными формулировками: этого требуют интересы обеспечения безопасности государства и общества. При этом отсутствие развернутого обоснования используемых средств негативно сказывается на психологическом восприятии всей системы государственного принуждения, оно в массовом сознании теряет со-

---

[1] *Щедрин Н.В.* Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4. С. 26-35.

[2] *Щедрин Н.В., Франскевич М.П.* Унификация профессиональных запретов // Законность. 2008. № 3. С. 16-20.

[3] *Лоуренс Краусс и Ноам Хомский:* Наука, Разум и Политика : дебаты 22 марта 2015 г. URL: https:// rutube.ru/ video/2c39c08e64e7ccbed9b766c707f814fb/ (дата обращения: 12.03.2025).

держательную легитимность с оставлением лишь формально компонента законности (процедурности). Таким образом, именно закрепление в уголовном законе критериев установления общеправовых последствий совершения преступления позволит систематизировать разрозненные законодательные инициативы в данной сфере и подчинить их единому знаменателю.

Множество нормативных актов содержат различного рода правоограничения и запреты для таких категорий лиц, однако единого исчерпывающего перечня правоограничений до настоящего момента не существует, также как и нет единства относительно формулировок, какие именно лица должны подвергаться ограничениям, в течение каких сроков, и существует ли возможность отмены установленного запрета. Необходимо констатировать, что исчерпывающий перечень запретов и ограничений, связанных с фактом совершения лицом преступления, составить не представляется возможным в связи с большим количеством нормативных актов, в которых такие запреты могут формулироваться, и особенностями регулируемых в них правоотношений. В то же время систематизация и выработка корректных критериев определения оснований и содержания данных мер социального контроля являются необходимым условием эффективности формируемых правоотношений.

Следует согласиться с предложенными И.А. Архенгольц критериями оценивания эффективности общеправовых последствий судимости: основной критерий – индивидуальный уровень рецидива лица именно в той сфере, в которой действует ограничение (занятие запрещенной деятельностью или должности облегчило совершение нового преступления, предоставило возможность, иным образом ему способствовало); второй критерий – количество совершенных лицом административных правонарушений, относящихся к сфере запрета, либо случаев освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Однако учет данных критериев представляется весьма сложным по ряду причин. Во-первых, с точки зрения статистической выборки: соотнесение количества указанных фактов до и после установления в ФЗ того либо иного ограничения в состоянии показать определенную динамику, однако, учитывая огромное количество других факторов преступности, может оказаться недостаточно объективным критерием. Во-вторых, определение и соотнесение сфер, в которых действуют ограничения, с категориями судимости, объектом уголовно-правовой охраны также может являться достаточно условным и примерным. В-третьих, представляется необходимым

учитывать не только количественные показатели правонарушений, но и значимость объекта уголовно-правовой охраны (сферы общественных отношений, в которых устанавливается ограничение). Так, даже единичные факты повторения преступного поведения в сфере обеспечения государственной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних, жизни и здоровья человека в состоянии причинить существенный вред обществу, а соответственно, требуют повышенного социального контроля.

В рамках настоящего исследования нами были проанализированы действующие нормативные правовые акты (федеральные законы, а также законы субъектов Федерации), содержащие те либо иные запреты, возникающие из факта совершения лицом преступления. В обобщенном виде результаты анализа представлены в приложении № 1.

Необходимо оговориться, что сама по себе возможность и необходимость установления ограничений или повышенных требований к участникам специфических правоотношений не вызывают сомнений и согласуются с положениями Конституции РФ (ч. 3 ст. 55), а также используются в практике других стран. При этом такие последствия зачастую относятся к категории именно уголовно-правовых мер воздействия и регламентируются соответственно в уголовном законодательстве.

Например, УК Франции[1] подобные ограничения предусматривает в качестве дополнительного последствия осуждения, назначаемого по усмотрению судьи. Так, ст. 131-26–131-30 предусматривают возможность назначения на срок до 5 или до 10 лет запрещения пользоваться следующими политическими, гражданскими и семейными правами: активное и пассивное избирательное право, право занимать публичную должность, занимать профессиональную или общественную должность, судебную должность или быть экспертом в суде, представителем в судебном разбирательстве, право быть опекуном или попечителем. Кроме того, это запрет пребывания на территории страны и «препровождение до границы» (выдворение) для иностранных граждан, совершивших преступные деяния.

Законодательство Российской империи, а также советского периода содержали аналогичные ограничения, однако в качестве самостоятельного (как правило, дополнительного) вида наказания. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (1845 г.), Уголовное уложение (1903 г.) содержали нормы о лишении и ограничении прав, сопровождавшие основные виды наказания. Например, ст. 30 Уложения 1903 г. предусматривала, что приговоренные к каторге дополнительно на срок до 10 лет после освобождения лишались таких

[1] *Уголовный* кодекс Франции. URL: https://constitutions.ru/?p=25017 (дата обращения: 12.03.2025).

прав, как: 1) участвовать в постановлениях и выборах сословных собраний и быть избирателем…; 2) состоять на государственной, сословной, земской, городской или общественной службе; 3) состоять на службе в армии или флоте; выбирать промысловые свидетельства на торговые, промышленные, пароходные предприятия…; 4) быть опекуном или попечителем; 5) быть начальствующим, воспитателем или учителем в общественном или частном учебном заведении либо домашним учителем и др.[1] В соответствии со ст. 31 УК РСФСР 1926 г. предусматривалось такое наказание, как «поражение политических и отдельных гражданских прав», заключавшееся в лишении (как полностью, по всей совокупности перечисленных прав, так и по отдельным категориям):

а) активного и пассивного избирательного права при выборах в советы и съезды советов;

б) права занимать ответственные государственные должности, исполнять общественные обязанности и носить почетное звание;

в) права занятия выборных должностей в промышленных или торговых организациях и обществах;

г) родительских прав[2].

Невключенность данных ограничений в УК РФ и соответствующие их особенности порождают неопределенность целого ряда содержательных аспектов рассматриваемых правоотношений (их правовой природы, приемлемых сроков, допустимых пределов и т.д.). В узко-юридическом плане в отечественной правовой доктрине такие обязательства (правоограничения) не относятся к числу мер уголовно-правового характера. При этом они возникают исключительно в связи с совершением лицом преступления, обусловлены опасностью допущения лица, совершившего преступление, к осуществлению какой-либо специфической деятельности и позволяют осуществить частичный контроль за дальнейшим поведением лица.

Критерием, позволяющим говорить о том, что такие правоограничения носят все же «уголовно-правовой» характер (хотя и не включены в УК РФ), является то обстоятельство, что исключительно факт совершения лицом преступления (вне зависимости от итогового решения) впоследствии порождает негативные последствия для лица, ограничивает его права, вводит для него дополнительные ограничения, изменяет его правовой

---

[1] *Новое* уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. СПб., 1903. С. 180.

[2] *Уголовный* кодекс РСФСР редакции 1926 года. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_ кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05.03.1926 (дата обращения: 30.01.2025).

статус и тем самым ухудшает его правовое положение, существовавшее до момента совершения преступления. При этом данное ухудшение не включено в содержание ни наказания, ни иных мер уголовно-правового характера и даже не рассматривается в качестве формы реализации уголовной ответственности, однако оно существует. Показательными в этом плане выступают положения норм ст. 127 Семейного кодекса РФ. В данных нормах запрет становиться опекуном напрямую связывается с характером совершенного преступления и категорией данного преступления. Так, в случае наличия (непогашенной) судимости за совершение тяжкого преступления запрет является обязательным (п. 11 ст. 127 СК РФ). В случае совершения преступлений определенной направленности (против половой неприкосновенности и т.д.) аналогичный запрет приобретает характер бессрочного даже после погашения срока судимости (п. 9 ст. 127 СК РФ). В случае же совершения такой же группы преступлений, но относящихся к категории небольшой тяжести, запрет может быть установлен только судом при признании им таких лиц представляющими опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребенка (п. 10 ст. 127 СК РФ). Данный подход демонстрирует прямую зависимость устанавливаемого ограничения с формализованными характеристиками совершенного им преступления (объект посягательства, категория по степени тяжести), что свидетельствует об их уголовно-правовом характере.

Содержание возникающих для лица правоограничений позволяет указывать на их репрессивный характер, сопоставимый по своей строгости с отдельными мерами уголовно-правового характера или даже наказаниями. Например, И.А. Подройкина, анализируя систему наказаний по степени их строгости для осужденного с позиции фактических «затрат» и обременительности для лица, исполняющего (отбывающего) наказание, указывает на следующие обстоятельства. Если осужденному назначается наказание в виде лишения права заниматься той либо иной деятельностью, то это может привести к тому, что лицо остается без работы и без средств к существованию. При таком фактическом неизбежном наступлении (непрямых) правовых последствий «данный вид наказания является более тяжким, нежели обязательные или исправительные работы»[1]. В случае запрета занимать определенные должности данная последовательность событий еще более неизбежна – лицо в обязательном порядке (принудительно) увольняется с государственной службы либо занимаемой должности.

[1] *Подройкина И.А.* Учение об уголовном наказании. Ростов-н/Д, 2014. С. 67.

Однако общеправовое последствие в виде запрета занимать определенные должности либо заниматься определенной деятельностью, закрепленное в многочисленных нормативных правовых актах (вне УК РФ), несмотря на связанность исключительно с фактом осуждения лица (наличием судимости либо освобождением от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям), не только не воспринимается законодателем с точки зрения возможной репрессивности (приравнивания к наказанию), но и вообще лишается статуса «уголовно-правовых последствий». Такой подход представляется не вполне обоснованным и не отвечающим принципам справедливости, законности, гуманизма.

Примечательно, что рассматриваемые правоограничения далеко не всегда регламентировались за пределами уголовного законодательства. Так, ст. 40 УК РСФСР 1922 г. предусматривала такое наказание, как «поражение прав». Оно состояло в лишении: а) активного и пассивного избирательного права; б) активного и пассивного избирательного права в профессиональные и другие организации; в) права занимать ответственную должность, а равно быть заседателем в народном суде, защитником на суде, поручителем и опекуном. Данные ограничения устанавливались в приговоре судом на срок не более 5 лет после отбытия основного наказания. Представляется, что принципиально правовая природа указанных ограничений не изменилась, однако перемещение данных ограничений из УК в иные нормативные правовые акты существенным образом размывает границы сферы уголовно-правового регулирования.

Проведенный нами анализ нормативных правовых актов позволяет говорить о том, что примерно в 50% случаев основанием установления правоограничений выступает именно факт осуждения лица и существует в период наличия судимости. В других случаях запреты связываются с осуждением лица или с освобождением его от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и даже не имеют фактического срока окончания (порядка 30%) (ст. 331, 351.1 ТК РФ).

Разрозненность рассматриваемых правоограничений приводит к несбалансированности в определении оснований таких запретов. Так, в различных законах используются различные формулировки, которыми законодатель пытается обозначить «причастность» лица к факту совершения преступления либо факту осуждения и наличия судимости. Однако отсутствие единства в терминологии влечет за собой и различия в правовом содержании используемых терминов, что сказывается и на неопределенности правового статуса лица. Например, наиболее часто запреты устанавливаются в отношении

лиц, *имеющих или имевших судимость (*ст. 127, 146 СК РФ*)* за совершение преступления, либо лиц, «*имевших судимость» (*ст. 331 ТК РФ*)*. Бессрочные (т.е. пожизненные) ограничения применяются и в отношении лиц, привлекавшихся к уголовной ответственности, но освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям (в 30% проанализированных нормативных правовых актов). Так, используемая законодателем формулировка основания запрета (вернее, описания категорий лиц, на которых данный запрет распространяется) «лица, подвергавшиеся уголовному преследованию» (ст. 328.1, 331, 351.1 ТК РФ; ст. 127, 146 СК РФ) не предполагает возможности отмены данного состояния с истечением времени.

В отдельных случаях устанавливаются дополнительные сроки запретов после окончания судимости (например, ограничения пассивного избирательного права). Примечательно, что сроки данных правоограничений в ч. 3.2 ст. 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» были установлены именно в связи с решением Конституционного Суда РФ, указавшего на недопустимость неограниченного во времени запрета[1].

При этом необходимость подобного рода ограничений, как правило, не вызывает возражений и обосновывается потребностью в существовании «эффективных правовых механизмов, способных защищать от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой основывается во многом на доверии общества»[2].

В то же время относительно избираемого законодателем в каждом случае индивидуально перечня преступлений, судимость за которые порождает указанное ограничение, нет единства мнений, и он выступает в качестве спорного и критикуемого. В частности, высказываются предложения о необходимости расширения данного перечня (ст. 4 ФЗ № 19 «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[3]) и включения в него не только преступлений экстремистской направленности, но и преступлений против половой свободы и неприкосновенности личности, воинских преступлений, а также других отдельных составов

---

[1] *По делу* о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой 86 УК РФ в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Багаутдинов Ф.Н.* Вопросы ограничения избирательных прав ранее судимых лиц // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 45-49.

[3] *Об основных* гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : фед. закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

(организация массовых беспорядков, невыплата заработной платы и т.д.)[1]. Кроме того, спорным признают и указание категорий преступлений в данном перечне. Подобного рода претензии относительно оснований рассматриваемых ограничений не являются единичными и свидетельствуют об отсутствии системного подхода к выработке оснований и условий закрепления и реализации рассматриваемых ограничений.

Существующие в различных нормативных правовых актах ограничения указывают на то, что законодатель пытается обеспечить безопасность в отдельных сферах жизнедеятельности. Например, общественные отношения, связанные с осуществлением педагогической, образовательной, воспитательной деятельности, несомненно, требуют повышенной защиты несовершеннолетних от потенциальных угроз в части посягательств на половую свободу и половую неприкосновенность, проявлений насилия и т.д., однако устанавливаемые законодателем запреты в данной сфере отдельными авторами рассматриваются как «гиперограничение свободы труда» актами[2]. С другой же стороны, данные меры рассматриваются и как малоэффективные[3] не только по причине своей неопределенности, «но еще и по причине отсутствия корреспондирующих запретов в других федеральных законах, регулирующих порядок заключения и исполнения гражданско-правовых договоров, предусматривающих оказание услуг или выполнение работ в отношении несовершеннолетних лиц, например, в рамках заключаемых гражданско-правовых договоров (подряда, оказания услуг, и др.)»[4].

В ч. 2 ст. 13 ФЗ «О муниципальной службе» содержится ограничение на занятие должностей муниципальных служащих лицам, *осужденным к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности муниципальной службы, по приговору суда, вступившему в законную силу*. При этом наличие судимости не препятствует в будущем замещению должности муниципального служащего. Такой подход законодателя, несомненно, является не адекватным уровню потенциаль-

---

[1] *Багаутдинов Ф.Н.* Вопросы ограничения избирательных прав ранее судимых лиц // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. № 1. С. 45-49.

[2] *Щур-Труханович Л.В., Щур Д.Л.* Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Карамурзова Ж.З.* Ограничения на занятие педагогической деятельностью // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 1. С. 159-165.

[4] *Щур-Труханович Л.В., Щур Д.Л.* Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оцен-ка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ной угрозы совершения нового преступления, связанного со злоупотреблением должностными полномочиями или иными коррупционными проявлениями.

Аналогичным образом ограничения для частных детективов и охранников (ст. 6, 11.1 ФЗ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации») распространяются только на лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость. В соответствии же со ст. 6 ФЗ «О ведомственной охране» ограничение вообще предусматривается лишь в части приема на работу в ведомственную охрану, без каких-либо уточнений относительно увольнения сотрудника при осуждении в период службы. Учитывая статус и полномочия указанных лиц (связанные с предоставлением права сбора конфиденциальной информации, ношения оружия, применения физической силы и спецсредств и т.д.), данные ограничения представляются явно не адекватными существующим рискам. Отсутствие же в основаниях указанного запрета дифференциации в зависимости от категории преступления не позволит заниматься соответствующей деятельностью лицам, совершившим преступления небольшой тяжести, но в то же время лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления (в том числе, например, против жизни), по окончании срока судимости могут осуществлять деятельность, связанную с наличием правомочий частного детектива или охранника. Учитывая, что в России функционируют более 17 тыс. охранных предприятий и более 670 тыс. охранников, представляется, что интересы обеспечения безопасности граждан требуют более пристального внимания к субъектам частной охранной деятельности.

Несбалансированность подобного рода запретов приводит к тому, что, с одной стороны, лица, не представляющие принципиальной угрозы по своему поведению, не могут реализовать свое конституционное право на доступ к труду, а с другой стороны, за лицами, действительно представляющими опасность, исходя из их предшествующей преступной деятельности, не осуществляется должного контроля и они не претерпевают ограничений в допуске к некоторым видам деятельности.

В рамках достаточно детального регулирования ограничений в ст. 328.1 ТК РФ[1], устанавливающей требования к лицам, осуществляющим деятельность, связанную с управлением автобусами, трамваями, такси и т.д., также просматривается непоследовательность при определении оснований для запрета осуществления такой деятельности.

[1] *О внесении* изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации : фед. закон от 11 июня 2022 г. № 155-ФЗ. Доступ из СПС «ГАРАНТ».

Так, согласно предписаниям ст. 328.1 ТК РФ, если деятельность непосредственно связана с управлением *автобусами, трамваями, троллейбусами*, то лица не должны иметь судимости за *преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества,* относящиеся в соответствии с УК РФ к преступлениям средней тяжести, тяжким и особо тяжким преступлениям.

В свою очередь работа в *такси* запрещена имеющим судимость не только за упомянутые виды преступлений, но и за *преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности*, относящиеся только к тяжким и особо тяжким преступлениям, а также за отдельные составы преступлений: *убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, грабеж, разбой*.

Выборочность данных оснований для запрета вызывает немало вопросов, например: почему лица, совершившие преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, не могут работать в такси, но могут работать водителем автобуса? Почему лица, совершившие преступление против общественной безопасности, относящееся к категории средней тяжести, не могут работать водителем автобуса, но могут работать в такси? Почему лицо, совершившее убийство, не может работать в такси, но может работать водителем автобуса?

Кроме того, законодатель не устанавливает указанных запретов в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Например, лицо, совершившее тяжкое или особо тяжкое преступление против общественной безопасности или половой свободы личности и освобожденное от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности (ст. 78 УК РФ), не ограничивается в возможностях работы в вышеуказанной сфере.

Если учесть особенности работы в данной сфере деятельности и возникающие риски, связанные, например, с совершением лицом преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, то вероятность существенного уменьшения общественной опасности лица не сильно зависит от истечения сроков судимости. Данная ситуация еще раз наглядно свидетельствует, что реализация мер по обеспечению безопасности требует достаточного количества ресурсов (финансовых, организационных и т.д.). Отсутствие таковых приводит к тому, что общество спокойно отказывается

от нецелесообразных, чрезмерно затратных (с учетом ситуации), дорогостоящих инструментов правового воздействия.

Показательным примером несбалансированности определения оснований общеправовых ограничений могут выступать нормы ст. 16 ФЗ от 12 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности». Так, в соответствии с ч. 1 ст. 16 ФЗ № 395-1 для регистрации кредитной организации и выдачи ей лицензии на осуществление банковских операций устанавливаются требования к кандидатам на руководящие должности данной организации. В частности, не могут занимать должности руководителя кредитной организации, главного бухгалтера или заместителя главного бухгалтера кредитной организации лица, не соответствующие требованиям, предъявляемым к деловой репутации, часть из которых непосредственно связана с фактом совершения лицом преступления.

Для этого законодатель использует следующие формулировки:

1) «наличие у кандидата неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления». Таким образом законодатель устанавливает запрет без дифференциации в зависимости от категории преступления, акцентируя внимание лишь на умышленном характере его совершения;

2) «наличие обвинительного приговора суда в отношении кандидата, совершившего умышленное преступление, без назначения ему наказания ввиду истечения срока давности уголовного преследования, если на день, предшествующий дню его назначения (избрания) на должность или дню получения Банком России документов для государственной регистрации кредитной организации, не истек десятилетний срок со дня вступления в силу обвинительного приговора».

Из всех возможных случаев освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям законодатель в качестве значимого выделяет исключительно истечение сроков давности (ст. 78 УК РФ), забывая о деятельном раскаянии, примирении с потерпевшим и т.д., а также почему-то придает особое значение ситуации, когда лицо было освобождено от наказания с вынесением обвинительного приговора (т.е. было несогласно на данное прекращение на стадии предварительного расследования либо судебного разбирательства). Таким образом, лица, освобожденные от уголовной ответственности по любому нереабилитирующему основанию на стадии судебного разбирательства, не будут ограничены в праве на получение государственной регистрации кредитной организации, а применение аналогичного основания освобождения от уголовной

ответственности в ситуации несогласия лица с предъявленным обвинением и осуществленное в принудительном порядке судом повлечет соответствующие ограничения;

3) «привлечение кандидата в соответствии с вступившим в законную силу судебным актом к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве юридического лица (за исключением кредитной организации), преднамеренное и (или) фиктивное банкротство юридического лица (за исключением кредитной организации), если на день, предшествующий дню его назначения (избрания) на должность или дню получения Банком России документов для государственной регистрации кредитной организации, не истек десятилетний срок со дня вступления в силу судебного акта».

В данном случае законодатель устанавливает и срок запрета не применительно к судимости, а исходя из факта освобождения лица от уголовной ответственности (прекращения преследования). Таким образом, данное ограничение становится более строгим, нежели указанное в п. 1. То есть если судимость за совершение преступлений небольшой или средней тяжести, а также тяжкого преступления, даже с учетом отбытия наказания (в случае условного осуждения и других мер воздействия) может завершиться через 1, 3, 8 лет, то ограничение, возникшее в результате освобождения лица от уголовной ответственности, будет сохраняться на протяжении 10 лет;

4) «привлечение кандидата в соответствии с вступившим в законную силу судебным актом к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве кредитной организации, преднамеренное и (или) фиктивное банкротство кредитной организации».

Данная формулировка основания ограничения вызывает не меньшие вопросы и возражения. Какие именно «судебные акты» имелись в виду, остается не вполне понятным: обвинительный приговор; решение о применении принудительных мер медицинского характера? Ни уголовное, ни уголовно-процессуальное законодательство не оперируют данными формулировками.

Такого рода избирательность законодателя при определении оснований и условий установления общеправового последствия совершенного лицом преступления вызывает обоснованные возражения. Во-первых, не происходит дифференцированного учета в зависимости от тяжести совершенного преступления. Во-вторых, не учитываются случаи совершения преступления, по которым принималось решение об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. В то же время одно из та-

ких оснований учитывается весьма специфическим образом. В-третьих, для определения уголовно-правового статуса лица, совершившего преступление, используются формулировки, не соответствующие действующему уголовному и уголовно-процессуальному законодательству, а также предполагающие различное толкование.

Представляет интерес уточнение, заложенное в ст. 328.1 ТК РФ. Так, рассматриваемый запрет распространяется на лиц, имеющих неснятую и непогашенную судимость за «преступления, предусмотренные законодательством другого государства – члена Евразийского экономического союза, соответствующие преступлениям, указанным в пункте 1 настоящей части». Указанное положение впервые уточняет основания вводимого правоограничения применительно к иностранным гражданам. Однако и это не исключает возникновение целого ряда несогласованностей. Так, исходя из данной нормы ограничения не распространяются на иностранных граждан либо лиц, имеющих двойное гражданство и привлекавшихся к уголовной ответственности на территории другого государства. При этом остается непонятным, законодательством какого государства должен определяться срок погашения судимости.

Проблема контроля за поведением лиц без гражданства, а также иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, носит комплексный характер и, несомненно, должна включать в себя систему уголовно-правовых, административно-правовых, а также отраслевых мер.

Указанная проблема включает в себя несколько аспектов: во-первых, организационно далеко не всегда можно получить достоверные и корректные сведения о совершении лицом преступления в государстве, гражданином (подданным) которого он является. Во-вторых, отсутствует корректная система определения того, в течение какого периода и в случае вынесения каких решений лицо будет считаться судимым. В-третьих, отсутствует система, которую можно было бы назвать «нострификацией преступных деяний», т.е. соотнесение составов преступлений, содержащихся в уголовном законодательстве разных стран. Так, уголовно наказуемые деяния, запрещенные в одном государстве, совсем не обязательно являются таковыми в Российской Федерации и наоборот, деяния, непреступные (а порой и одобряемые) в других странах, являются наказуемыми по УК РФ.

Примером может служить распространенная в ряде европейских стран, отдельных азиатских странах, а также в большинстве штатов США, Канады практика легализации наркотических средств, допущение «непреступности» хищений имущества отдельными ка-

тегориями лиц (в США), пропаганда ЛГБТ+[1] и т.д. В противоположность этому лица могут быть осуждены за деяния, признаваемые непреступными в Российской Федерации.

Аналогичным образом неоднозначное правовое положение возникает у лиц, осужденных за совершение преступления за рубежом, в отношении которых последовало политическое решение вопроса об их экстрадиции в Российскую Федерацию. Данные лица оказываются также «заложниками» возникшего у них правового статуса «осужденного» (имеющего судимость) либо «ранее судимого». При этом даже в случае принятия в отношении них решения о помиловании оно юридически не отменяет данного статуса применительно к общеправовым ограничениям, закрепленным в отраслевых нормативных правовых актах (ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», Трудовой кодекс РФ, Семейный кодекс РФ и т.д.). Учитывая, что данные лица зачастую осуждаются по политическим мотивам и (или) действуют в интересах Российской Федерации, целесообразно рассмотреть возможность отмены рассматриваемых общеправовых ограничений для данной категории лиц *в индивидуальном порядке*. Уголовное же законодательство, регламентируя применение оснований освобождения от наказания и помилования, не распространяет свое действие на вышеупомянутые нормативные правовые акты.

Представляется, что установление мер контроля в отношении лиц, совершивших преступные деяния на территории другого государства, является необходимым элементом системы противодействия преступности. Таким образом, общеправовые ограничения, устанавливаемые отраслевым законодательством РФ, должны содержать уточнение о том, что данные ограничения распространяются в том числе и на иностранных граждан и лиц без гражданства, совершивших преступления за пределами РФ. При этом необходима разработка системы определения категорий преступления и сроков погашения судимости в отношении таких лиц.

Еще одним значимым аспектом реализации общеправовых ограничений выступает их неотменяемость. Так, устанавливаемые ограничения не предполагают возможности их отмены в судебном либо в каком-то ином порядке (за редким исключением). На сегодняшний день более 30 федеральных законов Российской Федерации устанавливают запреты на осуществление лицом, совершившим преступление, той либо иной деятельности без возможности отменить данные ограничения.

---

[1] Организация признана экстремистской.

Исходя из принципов гуманизма, дифференциации и индивидуализации ответственности при осуществлении правосудия и применении мер принуждения требуется персональный учет особенностей каждого совершенного преступления и индивидуальных характеристик лица, к ним причастного. Сформировавшаяся в рамках отраслевых нормативных правовых актов (за рамками УК РФ) система общеправовых ограничений не содержит правовых средств их индивидуализации, изменения, продления либо сокращения, а также отмены. Предусмотренные ограничения могут существенно ухудшать положение лица, совершившего преступление, и носят безальтернативный и неотменяемый характер. Регламентирующие правовое положение таких лиц нормативные акты не содержат возможности их отмены в индивидуальном порядке (исключение составляет только ст. 331 ТК РФ). Отсутствие законодательных средств, допускающих отмену данных правоограничений, не позволяет лицу даже оспорить либо обратиться с просьбой об изменении либо исключении подобного правоограничения, затрагивающего напрямую его конституционные права. Учитывая ощутимость данных ограничений для лиц, не имеющих достаточных возможностей в выборе сферы деятельности, и влиянии на жизнь их семьи, детей, лиц, находящихся у них на иждивении, предлагается закрепить в законодательстве возможность персональной отмены указанных ограничений.

В то же время поведение лиц, подтвердивших свое исправление социально полезным поведением, должно соответствующим образом поощряться, в том числе в рамках снятия (отмены) ограничений, установленных в отраслевых федеральных законах. Кроме того, отсутствие правового механизма отмены указанных ограничений негативно сказывается на профилактировании преступной деятельности. Так, именно невозможность реализовать свои трудовые (и иные конституционные права) порождает эффект стигматизации и косвенно приводит к повторению преступного опыта.

Принимаемые в настоящее время федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, направленные на ресоциализацию и социальную адаптацию лиц, принимающих участие в СВО, позволяют сбалансировать государственную политику в отношении лиц, демонстрирующих позитивное социально значимое поведение. Однако и они не предусматривают возможности дальнейшего участия данных лиц в различных видах деятельности (например, прохождение государственной службы либо занятие выборных должностей в органах государственной власти и органах местного самоуправления) и т.д.

В качестве одного из направлений такой деятельности может выступать работа в качестве учителей или воспитателей в школах и других образовательных учреждениях, поступление на государственную либо муниципальную службу и т.д.

Так, в своих выступлениях Президент России В.В. Путин неоднократно отмечал, что «бойцы СВО будут очень востребованы в процессе воспитания молодого поколения, наших школьников, вообще молодых людей»[1]. Кроме того, он указал на то, что «именно из тех людей, которые пошли в зону боевых действий, необходимо в будущем формировать элиту страны»[2], а также что «сложности для участников специальной военной операции нужно свести к нулю»[3]. Однако на сегодняшний день даже участие в СВО и освобождение лица от уголовной ответственности (ст. 78^1 УК РФ) либо от наказания (ст. 80^2 УК РФ) не позволит в дальнейшем данным лицам принимать активное участие в отдельных социально-значимых направлениях жизнедеятельности именно из-за установленных вне УК РФ общеправовых ограничений.

В связи с большим количеством отраслевых федеральных законов, предусматривающих общеправовые ограничения, регламентация возможности их отмены для лиц, совершивших преступления, в рамках каждого из данных актов может лишь усложнить межотраслевые связи и правоприменительную практику.

В целях формирования законодательства, позволяющего обеспечить баланс и защиту конституционных прав граждан, предлагаем внести изменения в действующую редакцию Уголовного кодекса Российской Федерации и закрепить возможность освобождения от общеправовых последствий преступления при реализации процедуры помилования Президентом Российской Федерации.

Реализация законопроекта не повлечет увеличения нагрузки на сотрудников органов государственной власти, не потребует увеличения штатной численности сотрудников органов государственной власти, а также дополнительных материально-технических ресурсов.

Для реализации данной инициативы целесообразно внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

---

[1] *Владимир* Путин в прямом эфире подвёл итоги года и ответил на вопросы журналистов и жителей страны. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994 (дата обращения: 15.03.2025).

[2] *Владимир* Путин посетил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, где встретился со студентами – участниками специальной военной операции. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/73328 (дата обращения: 15.03.2025).

[3] *Сложности* для участников спецоперации нужно свести к нулю, заявил Путин. URL: https:// ria.ru/20240126/putin-1923780838.html (дата обращения: 15.03.2025).

часть 2 статьи 85 Уголовного кодекса Российской Федерации (Помилование) после слов «с лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость», дополнить словами:

«*Актом помилования лицу, совершившему преступление, могут быть полностью либо частично отменены общеправовые ограничения, устанавливаемые федеральными законами в отношении лиц, совершивших преступления*.».

В некоторых случаях ограничение на допуск к определенному виду деятельности носит опосредованный характер. Например, ст. 10 ФЗ от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» предусматривает, что к деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ, не допускаются лица, имеющие непогашенную или неснятую судимость за преступление средней тяжести, тяжкое, особо тяжкое преступление или преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров либо с незаконным культивированием наркосодержащих растений, в том числе за преступление, совершенное за пределами Российской Федерации (п. 5 ч. 3 ст. 10 ФЗ № 3). Однако указанный ФЗ № 3 не содержит прямого запрета на допуск к указанным видам деятельности лицам после снятия либо погашения судимости, а также лицам, освобожденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Учитывая наличие примечания к ст. 228 УК РФ, предусматривающего специальный вид деятельного раскаяния и предписывающего в императивном порядке освободить лицо от уголовной ответственности в случае добровольной сдачи им незаконно хранящихся наркотических средств, указанный пробел является очевидно не отвечающим требованиям обеспечения безопасности в указанной сфере.

Так, в ходе опроса руководителей организаций, деятельность которых непосредственно связана с законным оборотом наркотических средств, они указывали, что в случае трудоустройства лиц, ранее привлекавшихся к уголовной ответственности за незаконный оборот наркотических средств, но освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, они как работодатели в целях обеспечения безопасности, были вынуждены прибегать к использованию различных способов отказа в трудоустройстве либо увольнению ранее принятого сотрудника «по собственному желанию».

Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» при установлении требований к учредителям (участникам) профессионального участника рын-

ка ценных бумаг устанавливает запрет на осуществление такой деятельности лицам, имеющим неснятую или непогашенную судимость за преступление *в сфере экономической деятельности или преступление против государственной власти*. Чем обусловлен выбор именно данных групп преступлений, остается не до конца понятным. Корыстная противоправная направленность действий лица может проявляться и в других преступлениях. Например, совершение мошенничества, относящегося к преступлениям против собственности (не в сфере экономической деятельности), формально не мешает занимать соответствующие должности даже в период наличия судимости.

ФЗ «Об оружии», детально регламентируя основания запрета на выдачу лицензии, упоминает не только лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость, но и лиц, имеющих снятую или погашенную судимость. В то же время не говорится о запрете на приобретение оружия *лицам, освобожденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям*. Так, лицо, совершившее преступление в области незаконного оборота оружия и освобожденное от уголовной ответственности в связи с применением примечания к ст. 222 УК РФ (специальный вид деятельного раскаяния), формально имеет возможность получения соответствующей лицензии и приобретения, хранения оружия. В то же время лицо, совершившее административное правонарушение (п. 5.1 ст. 13 ФЗ «Об оружии») (не обладающее свойством общественной опасности), такого права лишается.

В одном из ранее упомянутых решений Конституционный Суд РФ прямо обращает внимание на то, что рассматриваемые запреты «являются общеправовыми последствиями судимости, а потому сроки, на которые они вводятся, по общему правилу, должны соответствовать срокам судимости»[1].

В то же время суды, основываясь на прямом предписании закона (ст. 13 ФЗ «Об оружии»), принимая решения в спорах (об отказе либо разрешении на занятие определенным видом деятельности), прямо указывают, что «*судимость образует правовые последствия даже после ее погашения*»[2].

---

[1] *По делу* о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351[1] Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *Решение* Кузьминского районного суда г. Москвы от 26 ноября 2020 г. по делу № 2а-558/20 по иску к отделу лицензионно-разрешительной работы по ЮВАО, о признании незаконным и отмене решения и продлении срока действия разрешения на хранение и ношение оружия. URL: https://mos-gorsud.ru/ (дата обращения: 12.12.2022).

На существование аналогичных противоречий, связанных с ограничениями для судимых, предусмотренными пп. 1 п. 7 ст. 183[6] ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», указывает в своих работах П.А. Скобликов. Парадоксальность ситуации, по мнению автора, связана с невозможностью занятия должности во временной администрации финансовой организации лицом, судимым за причинение легкого вреда здоровью, но в то же время можно допустить лицо, которое неоднократно совершало корыстные преступления и при этом освобождалось от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Такую ситуацию автор характеризует как принцип максимальной терпимости, т.е. минимизации карательного воздействия в случае совершения преступления[1].

Учитывая неоднократно озвученную позицию Конституционного Суда РФ о недопустимости бессрочных ограничений на профессиональную деятельность[2] и в то же время реально существующую очевидную опасность допуска лиц, ранее совершавших преступления, к отдельным видам деятельности (например, связанной с оборотом оружия), представляется необходимым адекватное определение временного периода, когда подобные ограничения могут применяться. При этом использование существующих сроков судимости для данных запретов является явно недостаточным. На это указывает в своих работах А.А. Нечепуренко, который предлагает существенным образом увеличить сроки судимости[3], при этом все возникающие правовые последствия для лица, совершившего преступление, связывать непосредственно с судимостью как самостоятельным правовым последствием совершения преступления и ограничивать их моментом погашения (снятия) судимости[4].

---

[1] *Скобликов П.А.* Принцип максимальной терпимости в уголовной политике: на примере характерного законопроекта // Государство и право. 2022. № 8. С. 93-101.

[2] *По делу* о проверке конституционности положения части 10 статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 г. № 16-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; *По делу* о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части 1 статьи 10 и части 6 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Нечепуренко А.А.* Перспективы законодательного закрепления статуса судимости как основной формы реализации уголовной ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2012. № 2. С. 37-43 ; *Нечепуренко А.А.* Разграничение содержания и последствий судимости // Научный вестник Омской академии МВД России. 2019. № 4. С. 3-8.

[4] *Нечепуренко А.А.* Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 314-325.

В качестве примера такой непоследовательности законодателя можно привести ситуацию с правоограничениями, установленными в ФЗ «О службе в ОВД» (а также аналогичные положения ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»), а также их толкованием Конституционным Судом Российской Федерации.

Верховный Суд РФ в своем постановлении (2013 г.) указывает на то, что применение положений о деятельном раскаянии происходит «только в том случае, когда лицо вследствие этого перестало быть общественно опасным»[1]. Другие же основания освобождения от уголовной ответственности вообще не содержат такого требования, как утрата лицом общественной опасности. Не имеется таковых требований и в случае освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в соответствии с примечаниями к статьям Особенной части УК РФ. Данные примечания могут распространяться даже на тяжкие и особо тяжкие преступления, однако далеко не всегда будут рассматриваться как основание для дальнейших «общеправовых последствий». Соответственно, например, выплата судебного штрафа (ст. 76^2 УК РФ) хоть и влечет за собой освобождение от уголовной ответственности, но имеет гораздо больше оснований для последующего применения «общеправовых ограничений». Однако фактически этого не происходит, поскольку положения ряда нормативных правовых актов содержат указания далеко не на все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности. Например, освобождение от уголовной ответственности в соответствии со ст. 76^1, 76^2 УК РФ не влечет общеправовых ограничений на дальнейшее прохождение службы в полиции и других органах внутренних дел РФ либо в органах принудительного исполнения РФ.

Кроме того, данные нормативные акты предусматривают и разные основания прекращения службы, и основания, препятствующие поступлению на службу (в части применения нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности). Например, в соответствии с п. 4 ч. 5 ст. 17 ФЗ «О службе в ОВД» (аналогичные положения содержатся и в ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения РФ…» человек не может быть принят на службу в случаях, если он «подвергался уголовному преследованию, которое было прекращено в отношении него за **истечением срока давности, в связи с примирением сторон** (кроме уголовных дел частного обвинения, **пре-**

[1] *Пункт 4* Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

кращенных не менее чем за три года до дня поступления на службу в органы внутренних дел), **вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием**»[1].

Данная норма вводит срок ограничения на поступление в ОВД (три года) после прекращения уголовных дел частного обвинения в связи с примирением сторон, в то время как сотрудники, проходящие службу в ОВД, совершившие в период прохождения службы преступление (например, предусмотренное ч. 1 ст. 116[1], ч. 1 ст. 115, ч. 1 ст. 128[1] УК РФ) и освобожденные от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, могут продолжить службу без каких-либо временных ограничений (п. 7 ч. 3 ст. 82 УК РФ).

В связи с этим возникает несколько закономерных замечаний.

Во-первых, почему законодатель рассматривает процессуальные положения о поводе для возбуждения уголовного дела (ст. 20 УПК РФ) в качестве критерия опасности лица для участия в соответствующей деятельности либо, говоря словами Конституционного Суда РФ, показателя, «отражающего один из аспектов репутационных требований к сотрудникам органов принудительного исполнения»[2]? Так, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 139 УК РФ (менее тяжкое, чем ч. 1 ст. 115 УК РФ), будет считаться более опасным лишь на основании отсутствия данного состава в перечне, предусмотренном ч. 2 ст. 20 УПК РФ (в контексте запрета на дальнейшее прохождение службы в ОВД). При этом УК РФ содержит большое количество менее общественно опасных преступлений, не отнесенных однако к категории дел частного обвинения. В связи с этим лица, их совершившие и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, будут находиться в неравном (т.е. худшем) положении, нежели лица, совершившие более тяжкие преступления, включенные в перечень ч. 2 ст. 20 УПК РФ.

Логика выбора указанных составов имеет сугубо уголовно-процессуальное обоснование, состоящее в необходимости обеспечения прав и законных интересов участвующих в уголовном судопроизводстве граждан[3], отсутствии сложности проведения предварительного расследования, собирания доказательств и т.д., а не в контексте

---

[1] *О службе* в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : фед. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Пункт 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р.М. Пахомова». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *Дикарев И.С.* Принцип диспозитивности в уголовном процессе России // Журнал российского права. 2008. № 6. С. 73-78.

уменьшения общественной опасности деяния либо лица, его совершившего. При этом и сам перечень статей, попавших в содержание ч. 2 ст. 20 УПК РФ, также подвергается сомнению[1]. Кроме того, расследование по делам, отнесенным к категориям частного либо частно-публичного обвинения, также может быть инициировано прокурором, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. В таком случае деяние не меняет своей общественной опасности. УПК РФ содержит и другие группы преступлений, производство по которым имеет свои особенности, например, ст. 150 УПК РФ определяет, по каким преступлениям будет проходить предварительное следствие, а по каким – дознание (в некоторых случаях еще и сокращенное дознание (глава 32^1 УПК РФ)). Данное деление имеет огромное количество особенностей, связанных в том числе и с принятием итоговых решений по делу и прекращением производства по нереабилитирующим основаниям. Однако все эти особенности не указывают на характер и степень общественной опасности совершенного деяния (т.к. это прерогатива материального уголовного права), а также не свидетельствуют о повышении или снижении общественной опасности лица, совершившего преступление. Соответственно, указанные процессуальные особенности сами по себе не должны оказывать влияния на различность дальнейших общеправовых последствий, возникших в результате прекращения уголовного дела по нереабилитирующим основаниям.

Во-вторых, почему срок три года после освобождения от уголовной ответственности влияет только на поступление на службу и не влияет на прекращение таковой? В связи с чем данный срок составляет именно три года, а не два или пять?

Кроме того, обе данные нормы не препятствуют прохождению службы лицам, освобожденным от уголовной ответственности по схожим нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 76^1, 76^2 УК РФ. В целом выбор оснований освобождения от уголовной ответственности в качестве критерия введения либо невведения общеправового запрета представляется странным с учетом того, что КС РФ связывает допустимость таких ограничений исключительно с фактом совершения преступления, а не с особенностями постпреступного поведения лица и иными факторами, повлиявшими на избранное судом основание освобождения его от уголовной ответственности. При этом

[1] *Струкова В.В.* Обоснованно ли расширение такой категории дел, как дела частного обвинения? // Уголовное судопроизводство. 2011. № 1. С. 13-17.

именно факт совершения преступления, по мнению КС РФ, указывает на то, что в дальнейшем их «поведение и морально-нравственные качества могут свидетельствовать **о наличии угрозы** для жизни, физического и психического здоровья, нравственности»[1] и других объектов уголовно-правовой охраны.

В одном из недавних решений КС РФ[2], признавая законность установления запрета на прохождение службы в органах принудительного исполнения, указал на то, что установленные в УК РФ нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности имеют (и должны иметь, по мнению КС РФ) различные правовые последствия в части установления данных «общеправовых запретов».

Из материалов дела установлено, что лицо длительный период времени находилось на государственной службе, однако после изменения статуса и реорганизации данной структуры в 2020 г. было вынуждено вновь поступать на службу с учетом новых требований. Так как 19 лет назад, в 2001 г., в отношении лица было принято решение **об освобождении от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием по делу частного обвинения (ст. 115 УК РФ),** ему было отказано в поступлении на службу. Пункт 3 ч. 1 ст. 14 ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения РФ» устанавливает основания прекращения или расторжения контракта, среди которых указано следующее: «…в связи с прекращением в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием»[3]. Однако если бы на тот момент было принято решение о прекращении уголовного дела по другому нереабилитирующему основанию, например, в связи с примирением с потерпевшим, то с учетом того, что ст. 115 УК РФ относится к категории дел частного обвинения, он мог бы быть принят на службу.

---

[1] *По делу* о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351[1] Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] *По делу* о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р.М. Пахомова : постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *О службе* в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : фед. закон от 1 октября 2019 г. № 328. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Анализируя положения отдельно взятого нормативного правового акта, КС РФ констатирует, что «законодатель дифференцирует факты прекращения уголовных дел различных категорий по нереабилитирующим основаниям, исходя из своего видения того, как они отражают соответствие лиц по своим качествам требованиям, предъявляемым в силу специфики службы». При этом необходимо обратить внимание на то, что установление подобного рода запретов не предполагает со стороны работодателя никакого анализа характеристики личности лица, претендующего на замещение соответствующей должности.

Так, КС РФ указывает, что объем условий, при которых может быть применено деятельное раскаяние, намного превышает требования к поведению обвиняемого, согласившегося на прекращение дела частного обвинения в связи с примирением сторон. Соответственно, если лицо, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование по делу частного обвинения, перестало быть общественно опасным (на данный факт не имеется никаких указаний в ст. 76 УК РФ либо ч. 2 ст. 20 УПК РФ) вследствие в том числе поведения после совершения преступления (включая заглаживание вреда, причиненного преступлением), и в отношении этого лица уголовное дело было прекращено в связи с деятельным раскаянием, то это не может влечь более строгих правовых последствий, нежели примирение сторон (которое, по общему правилу, хотя и предполагает заглаживание вреда, но не в качестве необходимого и обязательного условия) либо освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба или с назначением судебного штрафа, которое предполагает утрату общественной опасности и лицом, и совершенным им преступлением вследствие его позитивного поведения.

Более того, КС РФ усматривает дополнительную разницу для правоограничений исходя из того, к какой из категорий дел (по характеру возникновения уголовно-процессуальных отношений) относится тот либо иной состав преступления. Так, примирение с потерпевшим в случае совершения преступления, отнесенного к делам дел частного обвинения (например, ч. 1 ст. 115 УК РФ), по мнению КС РФ, свидетельствует о меньшей степени опасности лица для участия в определенном виде деятельности как основании установления правоограничений в сравнении с аналогичным примирением по делам частно-публичного либо публичного обвинения.

Определяя неконституционность установления безусловного и бессрочного запрета поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное

преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, КС РФ, по сути, согласился с правомерностью существования ограничения на срок три года для данной же категории лиц. При этом обоснования именно трехлетнего срока ограничения либо исключительности вышеописанного основания освобождения от уголовной ответственности по сравнению другими основаниями по-прежнему не имеется.

Другим примером непроработанности вопроса устанавливаемых ограничений выступает ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации». Так, ст. 7 указанного закона, устанавливая ограничения в приеме на службу в таможенные органы и при ее прохождении, относит к ним только факт наличия у лица неснятой или непогашенной судимости. Такой подход, с одной стороны, не содержит дифференциации в зависимости от категории совершенного преступления, с другой стороны, ограничивает данный запрет исключительно сроком судимости, но в то же время не распространяется на лиц, освобожденных от наказания по нереабилитирующим основаниям. Несомненно, отличия службы в таможенных органах и органах внутренних дел имеются, однако представляется, что они не столь принципиальны, чтобы не учитывать факты совершения преступлений при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям.

Учитывая, что все нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в первую очередь (применительно к рассматриваемому нами вопросу) констатируют факт совершения лицом преступления и только в некоторых случаях могут свидетельствовать о снижении опасности лица для окружающих (например, в результате его правомерного постпреступного поведения (ст. 75 УК РФ)), следует уравнять статус всех нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для возникновения в дальнейшем «общеправовых последствий».

Таким образом, можно прийти к выводу, что основания устанавливаемых в отраслевых НПА ограничений, очевидно, носят в большей степени спонтанный характер и не отражают ни реальных потребностей в недопущении лиц, обладающих гипотетической общественной опасностью, к какому-либо роду деятельности, ни реальных факторов, которые бы свидетельствовали о такой общественной опасности личности. Указанный подход представляется настолько противоречивым и ситуативным, что теряется не только привязка к целесообразности и справедливости используемого запрета, но и его обоснованность. В целях устра-

нения данной проблемы нами был разработан проект ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел…» (приложение № 13, законопроект № 6).

Используемые же в судебных решениях и научной литературе названия «общеправовые последствия совершенного преступления», «общеправовые последствия судимости» и другие не меняют сути используемых средств правового воздействия. Порожденные исключительно фактом совершения преступления, они остаются уголовно-правовыми мерами безопасности[1].

Об этом свидетельствует, например, установление срока, в течение которого может действовать ограничение, хотя даже КС РФ не указывает на то, что истечение определенного промежутка времени может влиять на исчезновение общественной опасности лица, совершившего в прошлом преступление. Наоборот, КС РФ подтверждает законность практически пожизненного запрета осуществления педагогической либо воспитательной деятельности для лиц, совершивших преступления (ст. 331 ТК РФ) (за исключением возможности индивидуального оспаривания такого ограничения)[2].

Допустимым признается и пожизненный запрет на деятельность, связанную с оборотом оружия либо наркотических средств лицам, ранее совершившим преступления в указанных сферах и тем самым проявившим свои общественно опасные свойства[3]. При этом в отношении иных видов деятельности и иных групп преступных деяний запрет на соответствующую деятельность имеет временный характер, напрямую зависящий от категории преступления (степени тяжести согласно ст. 15 УК РФ)[4]. Такая связь времени запрета и тяжести совершенного деяния свидетельствует о том, что данный запрет в таком виде, как минимум, является своеобразным продолжением дополнительно-

---

[1] *Щедрин Н.В.* Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2013. № 4. С. 26-35 ; *Васильев Д.С.* Место постпенитенциарных мер безопасности в системе мер безопасности // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2015. Т. 15, № 3. С. 108-111.

[2] *По делу* о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351[1] Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2013 г. № 19-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] *По делу* о проверке конституционности положения части 10 статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 г. № 16-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] *По делу* о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

го наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (ст. 47 УК РФ)[1]. Если быть более точными, то общеправовое последствие, по сути, заменяет данный вид наказания, вводя не выборочный, а полный запрет на больший срок, большее количество видов деятельности без права на его отмену. В противном случае, т.е. при обусловленности его именно свойством общественной опасности лица, совершившего преступление, запрет должен был бы устанавливаться индивидуально в отношении каждого отдельно взятого лица после тщательного изучения его личности с возможностью его изменения.

Несомненно, существующие (рассматриваемые) правоограничения и запреты имеют право на существование и являются необходимым элементом социального контроля в уголовно-правовой сфере. Однако разобщенность указанных мер, неопределенность их правовой природы, отсутствие единой системы критериев установления ограничений приводят к снижению их эффективности, вызывают проблемы у правоприменителя.

Признавая несоответствие (т.е. неконституционность) положений п. 4 ч. 4 ст. 17 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» статьям 17, 19 (части 1 и 2), 32 (часть 4), 37 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой он устанавливает безусловный и бессрочный запрет поступления на службу в органы принудительного исполнения для лиц, уголовное преследование которых по делам частного обвинения было прекращено в связи с деятельным раскаянием, и ставит таких лиц в неравное положение с лицами, уголовное преследование которых по делам частного обвинения прекращено по другим нереабилитирующим основаниям, фактически КС РФ указал на необходимость признания равенства всех оснований освобождения от уголовной ответственности (в контексте дел частного обвинения) применительно к возникновению последующих правоограничений. При этом бессрочность установленного ограничения на прохождение службы в случае освобождения лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям по иным категориям дел (не частного обвинения) осталась вне рамок рассмотрения КС РФ и соответственно де-юре обоснованной.

Логичным было бы предположить, что данное правило должно распространиться и на все иные категории дел и другие нереабилитирующие основания освобождения от от-

---

[1] *Архенгольц И.А.* О соотношении судимости и наказания в виде запрета замещать определенные должности и заниматься определенной деятельностью // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 5. С. 63-65.

ветственности, однако исключительность, например, ст. 76^1 и 76^2, 78^1 УК РФ по-прежнему сохраняется на уровне федерального законодательства. Представляется, что при перечислении в рассматриваемых федеральных законах оснований отказа в приеме на службу либо оснований прекращения службы (при внесении изменений в ФЗ) не были учтены изменения, произошедшие в УК РФ, и невнесение их в соответствующие нормы ст. 76^1 и 76^2, 78^1 УК РФ является лишь следствием технической ошибки. В частности, это может быть связано с тем, что включение данных норм в УК РФ происходило в 2016 г. после принятия ФЗ «О службе в ОВД РФ» (2012 г.) и других ФЗ, содержащих подобного рода ограничения.

Таким образом, законодатель осуществляет «дифференциацию» правовых последствий преступления в зависимости не только от «процедурной категории» преступления (дела частного либо частно-публичного обвинения и т.д.), но и от разновидности нереабилитирующего основания освобождения от уголовной ответственности.

Так, освобождение от уголовной ответственности по делам частного обвинения, но не в связи с примирением с потерпевшим, а в связи с истечением сроков давности будет порождать неблагоприятные последствия для лица, а применение ст. 75 или 76 УК РФ таких последствий не повлечет.

На несбалансированность установления общеправовых запретов в отношении лиц, совершивших преступление, указывает и избирательность относительно видов деятельности, допуск к которым ограничивается законодателем. Например, исходя из особенностей существующей системы государственной службы, органов исполнительной власти общеправовые ограничения, связанные с осуществлением службы, распространяют свое действие исключительно на органы государственной власти. В то же время система государственных органов исполнительной власти предполагает наличие в структуре не только непосредственно органов и учреждений, на которые распространяются специализированные нормативные акты, регламентирующие порядок прохождения службы, но и иных организаций. Например, различные государственные корпорации по своему юридическому оформлению представляют собой коммерческие организации, однако фактически непосредственно участвуют в реализации государственных функций.

Данный аспект хорошо прослеживается при определении субъекта должностных преступлений. Так, из примечания к ст. 285 УК РФ следует, что должностными лицами признаются не только непосредственно лица, занимающие должности в государственных органах, органах местного самоуправления или в Вооруженных Силах Российской

Федерации, но и лица, находящиеся на службе в «государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами (“золотая акция”)».

Однако порядок замещения должностей в данных организациях не предполагает каких-либо специальных «общеправовых ограничений» для лиц, совершивших преступление (в том числе должностные).

Ярким примером тому может служить ситуация с бывшим министром обороны Российской Федерации Анатолием Сердюковым, привлекавшимся к уголовной ответственности[1]. Освобождение данного лица от уголовной ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 293 УК РФ, в связи с амнистией[2] не помешало ему в дальнейшем (а также в настоящее время) занимать ряд руководящих должностей в государственной корпорации «Ростехнологии» (совет директоров холдинга «Вертолёты России», председатель совета директоров ПАО «Роствертол» и член правления ПАО «Объединённая авиастроительная корпорация» (ОАК)).

Таким образом, даже наличие общеправовых запретов на дальнейшее прохождение службы в органах государственной власти и органах местного самоуправления не становится препятствием для занятия руководящих должностей в организациях, непосредственно связанных с органами государственной власти. Такого рода избирательность фактически приводит к исключению возможности контролировать лиц, чье пре-

[1] *Анатолию* Сердюкову предъявили обвинение. URL: https://www.rbc.ru/politics/06/12/2013/570414319a794761c0ce4890 (дата обращения: 15.03.2025).

[2] *Экс-министр* обороны Сердюков свободен от уголовного дела. URL: https://rg.ru/2014/03/07/svoboda.html (дата обращения: 15.03.2025).

ступное поведение свидетельствует об их опасности для общества и возможности повторения (продолжения) преступной деятельности.

На необходимость ограничения допуска лиц, совершивших преступление, к деятельности, связанной с повышенным риском для окружающих, указывается и в решениях Верховного Суда РФ. В данном случае представляет интерес определение ВС РФ в отношении лица, освобожденного судом первой инстанции от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 216 УК РФ.

В качестве одного из аргументов для отмены ранее принятого решения об освобождении от уголовной ответственности ВС РФ указал на тот факт, что «принятие судом решения о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа исключает возможность рассмотрения вопроса о назначении виновному лицу не только основного наказания, но и дополнительного – в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, предусмотренного санкцией ч. 2 ст. 216 УК РФ. В результате лицо, ненадлежащим образом исполнявшее свои служебные обязанности, что повлекло гибель человека, в настоящее время занимает ту же должность, связанную с контролем соблюдения правил безопасности и требований охраны труда при ведении строительных работ»[1].

Таким образом, ограничение участия лица, совершившего преступление, в деятельности, связанной с возможностью повторного проявления им своей общественной опасности, воспринимается ВС РФ как значимый элемент предупреждения преступлений.

Представляется, что такой подход не в полной мере отвечает потребностям обеспечения безопасности в той либо иной сфере правоотношений. Если ограничение устанавливается в зависимости от наличия свойства общественной опасности лица, совершившего именно преступное деяние, то оно не должно зависеть от последующих процедурных компонентов судопроизводства. Констатация же отсутствия опасности для окружающих в таких случаях должна осуществляться судом индивидуально, при принятии решения об освобождении от уголовной ответственности с указанием в итоговом решении объема дальнейших правоограничений для лица и их сроков.

---

[1] *Определение* Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2024 г. № 45-УДП24-15-К7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В то же время происходящие в сфере законотворчества процессы свидетельствуют, что установление подобного рода запретов во многом носит тенденциозный характер. Оно основывается не столько на четком расчете потенциальной опасности преступного поведения лица, ранее совершившего преступление, и необходимости реализации функции обеспечения государства, сколько на иных потребностях и задачах.

Подтверждением этому служит тот факт, что вышеупомянутые ограничения не всегда реализуются. Так, введение в действие уже принятого в 2022 г. ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс РФ…» в части установления ограничений на работу в такси либо водителями пассажирских автобусов было отложено до сентября 2023 г., после чего законодатели активно обсуждают вопрос о дальнейшей отсрочке введения указанных ограничений в связи с тем, что их реализация повлечет массовое увольнение работников данной сферы и, как следствие, создаст неблагоприятную в экономическом и кадровом аспекте ситуацию (в том числе существенное удорожание стоимости оказываемых услуг)[1]. Аналогичным образом сложная кадровая ситуация в сфере образования, выражающаяся в нехватке преподавателей в школах и других учебных заведениях, стала поводом для внесения на рассмотрение в Государственную Думу РФ проекта изменений в Трудовой кодекс в части запрета на осуществление педагогической деятельности лицам, имеющим судимость. В рамках законопроекта предлагалось существенно сократить количество лиц, в отношении которых действует данный запрет[2]. В противоположность этим инициативам в настоящее время рассматривается законопроект о запрете лицам, судимым за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, посещать объекты и территории образовательных, медицинских, санаторно-курортных, физкультурно-спортивных организаций, организаций культуры, предназначенных для детей, организаций отдыха детей и их оздоровления[3]. Также рассматривается законопроект о запрете лицам, имеющим неснятую либо непогашенную судимость, перевозить несовершеннолетних[4].

---

[1] *Госдума* отсрочит часть требований закона о такси до 2024-2025 годов, чтобы трансформация рынка проходила поэтапно. URL: https://bfm74.ru/biznes/gosduma-otsrochit-chast-trebovaniy-zakona-o-taksi-do-2024-2025-godov/ (дата обращения: 21.07.2023).

[2] *В Госдуму* внесен законопроект, разрешающий бывшим заключенным работать педагогами. URL: https://rg.ru/2023/10/17/ispravilsia-uchi.html (дата обращения: 15.03.2025).

[3] *О внесении* изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : фед. закон от 6 апреля 2024 г. № 69-ФЗ. URL: http://publication. pravo.gov.ru/document/0001202404060003 (дата обращения: 12.09.2024).

[4] *Водителям* с судимостью планируют запретить возить детей в России. URL: https://www.gazeta.ru/auto/news/2024/11/27/24484813.shtml (дата обращения: 16.12.2024).

Такого рода изменения (и попытки изменений) в законодательстве свидетельствуют о том, что правоприменитель вынужден находить баланс между реализацией функции безопасности и иными потребностями общества, а также ресурсами (организационными, финансовыми и т.д.), затрачиваемыми на обеспечение данной безопасности.

Исходя из того, что сферы охраняемых таким образом правоотношений являются чрезвычайно разными и характеристики юридического факта-основания (совершение преступления) также обладают своей спецификой, решение вопроса о допустимости либо недопустимости ограничения деятельности не может носить универсального характера (быть однозначным). Решение данного вопроса должно основываться на учете большого количества факторов. К ним необходимо отнести: категорию совершенного преступления по степени общественной опасности (ст. 15 УК РФ); характер совершенного преступления (насильственное/ненасильственное, специфика объекта посягательства); форму вины; характер вынесенного итогового решения (обвинительный приговор либо решение об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям); а также специфичность охраняемых правоотношений (в которых устанавливается запрет). Эти факторы должны влиять на характер устанавливаемых ограничений (их содержание), срок их действия и определение категории лиц, на которых они распространяются.

Проведенный анализ позволяет говорить об отсутствии систематизированного подхода к правовой регламентации так называемых «общеуголовных последствий совершения лицом преступления», что выражается в целом ряде правовых аспектов.

Во-первых, необходимо констатировать, что основанием рассматриваемых правоограничений (запретов) выступает факт совершения лицом преступления как показатель опасности лица для окружающих в рамках отдельных групп правоотношений. При этом используются такие обороты, которые определяют не юридический факт (совершение преступления), а скорее, юридический статус лица, совершившего преступление, связанный с вынесенным в отношении него юридически значимым решением уполномоченного органа, например, «лицо имеющее неснятую, непогашенную судимость», «лицо, имевшее судимость», «лицо, имеющее (имевшее) судимость за отдельные виды преступлений», «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям» и т.д.

Во-вторых, на сегодняшний день отсутствует единообразие в определении сроков, в течение которых должно существовать правоограничение (период судимости, период отбытия наказания, определенный срок после погашения либо снятия судимости, бессрочно).

В-третьих, отдельные «новые» (вводимые в УК РФ) нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности (в связи с несбалансированностью законодательного процесса) не всегда упоминаются в качестве основания для установления ограничений.

Разрешение указанных правовых коллизий должно базироваться на официальном признании рассматриваемых правоограничений разновидностями уголовно-правовых последствий совершения лицом преступления. Такое законодательное решение позволит упорядочить пребывающую в разрозненном состоянии систему общеправовых последствий и подчинить ее установленным в уголовном законодательстве принципам (законности, справедливости и т.д.), правилам и ограничениям. Иными словами, включение данных мер в уголовное законодательство не будет являться расширением уголовной репрессии, а наоборот, позволит сконцентрировать являющиеся по своей сути уголовно-правовыми меры в единую систему с четко определенными пределами их реализации.

Представляется, что подобного рода проблемные вопросы могли бы быть устранены из правовой практики при реализации следующих нормотворческих инициатив:

во-первых, путем официального признания и закрепления в УК РФ уголовно-правового статуса всех «общеправовых последствий совершения лицом преступления» (т.е. ограничений, содержащихся не в УК РФ, а в отраслевых НПА), если они обусловлены исключительно фактом совершения преступления. Данная мера будет не только носить узко-юридический (отчасти технико-юридический) смысл, но и являться психологическим фактором общепредупредительного свойства. Так, осведомленность о существовании и неизбежности огромного количества последствий не только в случае осуждения, но и при освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, несомненно, будет обладать сдерживающим эффектом. Кроме того, данная норма позволит исключить элемент неосведомленности субъекта обо всех правовых последствиях судимости либо освобождения его от уголовной ответственности на этапе дачи согласия об освобождении от уголовной ответственности;

во-вторых, введением в УК РФ специального института, регулирующего общие правила применения указанных мер, а именно: 1) критерии необходимости их установления в отраслевых нормативных правовых актах; 2) необходимые сроки реализации; 3) категории лиц, на которые они распространяются; 4) обязательства лица, связанные с данными ограничениями, и ответственность за их неисполнение и т.д., что позволит систематизировать данную сферу правоотношений;

в-третьих, закреплением за судом права отмены того либо иного запрета индивидуально, исходя из характеристики личности, потребностей его жизни и жизни его семьи и других обстоятельств, например, если указанные ограничения не вызваны обстановкой либо влекут чрезмерные необоснованные тяготы и лишения для такого лица и его близких.

Закрепление данного положения в УК РФ позволит использовать для определения оснований возникновения запретов и ограничений (возникающих в связи с совершением лицом преступления) во всех иных нормативных правовых актах только устоявшиеся уголовно-правовые понятия: «лицо, имеющее судимость», а также «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям»[1]. Использование данных правовых категорий позволит конкретизировать правовой статус лиц, совершивших преступление, и будет служить базой для определения обоснованности вводимых в отношении них дальнейших правоограничений и сроков их действия. При этом необходимо исключить использование взаимоисключающих категорий и формулировок, которые не обеспечивают единство правоприменительной практики (например, «лицо, ранее судимое» или «лицо, подвергавшееся уголовному преследованию» и т.д.).

Определение оснований, содержания и сроков правоограничений (запретов), применяемых в отношении лиц, совершивших преступление; осужденных, отбывших наказание и имеющих либо имевших судимость; лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, должно базироваться на следующих принципах:

1. Обусловленность ограничений (запретов) необходимостью обеспечения безопасности той либо иной сферы жизнедеятельности, исходя из наличия потенциальной угрозы общественно опасного поведения лица, ранее совершившего преступление.

2. Недопустимость избыточной стигматизации лица, т.е. установления ограничений на осуществление деятельности, не связанной с угрозой совершения лицом нового преступления либо иного общественно опасного поведения.

Механизм социального контроля в рамках общеправовых ограничений, устанавливаемых в отношении лиц, совершивших преступление, предполагает определение следующих компонентов:

1. Содержание ограничения (что именно запрещается, в какой именно деятельности запрещается участвовать и в каком качестве (субъект));

2. Сроки ограничения;

---

[1] *Овсянников И.В.* Как именовать лицо, освобожденное от уголовной ответственности // Законность. 2022. № 10. С. 38-40.

3. Основания установления ограничения (факт совершения преступления, факт осуждения, статус судимого и т.д.);

4. Условия запрета (категория совершенного преступления);

5. Механизм контроля за соблюдением установленного запрета.

Систематизация указанных параметров позволит унифицировать существующие разрозненные запреты и повысить эффективность охранительной функции государства.

Критерии выбора оснований, сроков, сферы применения общеправовых ограничений должны основываться на положениях и принципах комплаенс-контроля:

1. Оценка риска повторности преступления должна базироваться на показателях рецидива данной группы преступлений.

2. Ограничение должно учитывать социально-политическое значение общественных отношений с точки зрения недопустимости негативного информационного влияния на данные правоотношения (например, престиж и авторитет государственной (и иной) службы и т.д.).

3. Ограничение должно учитывать негативные последствия как для самого лица, в отношении которого оно устанавливается, так и для его близких (членов семьи, иждивенцев и т.д.).

4. Возможность отмены закрепленного в ФЗ ограничения должна быть предусмотрена уголовным законодательством. Такое право должно быть предоставлено Президенту Российской Федерации в случае помилования осужденных, а также суду или специализированной комиссии органа, которому дано право предоставления разрешения на участие в соответствующей деятельности (см. приложение № 13, законопроекты №№ 4, 5, 6).

Проведенный анализ позволяет констатировать, что В качестве уголовно-правовых инструментов социального контроля за поведением лиц, совершивших преступление, необходимо признавать общеправовые последствия совершения преступления (общеправовые ограничения), состоящие в установлении лицам, совершившим преступления, запретов на участие в различных видах деятельности (педагогическая деятельность, усыновление, прохождение государственной службы и т.д.).

Возникающие исключительно в качестве правового последствия совершения лицом преступления и преследующие цели обеспечить безопасность общества, данные запреты не содержат единых устоявшихся критериев их допустимости и сроков применения, не имеют четкой систематизации по субъектам, к которым они должны применяться, носят практически неотменяемый характер и не предполагают механизма сокращения сроков запрета либо его отмены. В связи с тем, что именно Уголовный кодекс Российской Федерации является базовым нормативным правовым актом, регламентирующим наступление правовых последствий совершенного преступления, в уголовном за-

конодательстве должны быть закреплены общие условия применения, сроки реализации и основания отмены общеправовых последствий совершенного преступления (общеправовых ограничений).

Принятие решения об освобождении от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям за совершение преступлений небольшой тяжести должно влечь за собой также прекращение (неприменение) общеправовых последствий совершения преступления. Данное правило должно послужить укреплению более ответственного подхода судов к принятию решения об освобождении от уголовной ответственности, а также к использованию чрезвычайных инструментов смягчения (например, положений ч. 6 ст. 15 УК РФ).

Система общеправовых ограничений, связанных с прохождением государственной (и иных видов) службы, должна быть распространена не только на службу в органах государственной власти и органах местного самоуправления, но и на занятие руководящих должностей в коммерческих и некоммерческих организациях, фактически реализующих государственные функции. Определение круга данных организаций должно базироваться на легальном определении понятия (прим. 1 к ст. 285 УК РФ).

Для реализации данных предложений разработан проект федерального закона о внесении изменений в УК РФ (см. приложение № 13, законопроект № 5).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволяет констатировать, что социальный контроль в уголовно-правовой сфере является самостоятельным элементом государственного управления в рамках обеспечения безопасности общества от преступных посягательств. Социальный контроль в сфере уголовно-правового регулирования рассматривается одновременно в качестве: 1) *фактора возникновения* уголовных правоотношений (установление и закрепление перечня девиаций и способа реагирования на них со стороны государства); 2) *специфических уголовно-правовых правоотношений*, значительная часть которых состоит в длящемся наблюдении и проверке правомерности поведения лица, нарушившего уголовно-правовой запрет; 3) *средства* проверки *эффективности* реализации функций уголовного права (или достижения целей уголовно-правового воздействия).

Социальный контроль проявляется как одно из основополагающих начал отрасли уголовного права и формирует уголовно-правовые отношения таким образом, при котором становится возможным управление поведением членов обществом путем: 1) сбора информации об их поведении в части соблюдения ими требований уголовного законодательства; 2) анализа (правовой оценки) полученной информации; 3) реагирования на факт отклоняющегося (девиантного и деструктивного) поведения.

В сфере уголовно-правового воздействия социальный контроль реализуется на общем и специальном уровнях.

Специальный социальный контроль как часть уголовно-правовой политики заключается непосредственно в практике применения в отношении лиц, совершивших преступление, мер уголовной ответственности, а также иных мер уголовно-правового характера (предусмотренных как в уголовном законодательстве, так и в иных федеральных законах) и позволяет осуществлять наблюдение за поведением лиц, представляющих опасность для социума.

Данный уровень включает в себя компонент контроля за оказанием надлежащего воздействия на нарушителя уголовно-правовых норм в процессе исполнения наказания или иных мер уголовно-правового характера, а также контроля за внепенитенциарным и постпенитенциарным поведением лица, нарушившего уголовно-правовой запрет.

Структура данных правоотношений имеет все необходимые элементы правоотношений, однако с оговоркой об их репрессивном, удерживающем характере. На данном уровне социальный контроль реализуется в правоотношениях уголовной ответственности либо непосредственно с нею связанных.

Возрастание роли государства в обеспечении безопасности общества (и самого государства) приводит к необходимости поиска баланса между карательными (основными) средствами воздаяния за совершенное преступление (назначение и исполнение наказания) и некарательными средствами, альтернативными наказанию, применение которых сопровождается легитимизацией и внедрением процедур сбора информации о поведении лица, установления особых требований к его поведению как способа сдерживания от противоправного поведения в будущем.

Легитимизация социального контроля в рамках уголовного законодательства возможна на различных уровнях и различными способами: во-первых, указанием на социальный контроль как одну из задач уголовного права, во-вторых, путем включения в меры уголовно-правового характера элементов контроля за поведением лиц, совершивших преступление, вне рамок исполнения наказания.

Именно массовое распространение технологических средств дистанционного сбора и анализа информации позволяет существенным образом упростить процесс контроля за поведением лиц (в том числе в целях оказания им самим ресоциализирующей помощи и социальной адаптации), совершивших преступление, и тем самым сократить преступность как социально-правовое явление.

Дифференциация социального контроля в уголовно-правовой сфере предполагает возможность использования наименее затратных мер уголовно-правового воздействия, позволяющих сохранить (продлить) уголовно-правовые отношения между государством и лицом, совершившим преступление, в рамках которых лицо будет обязано соблюдать определенные обязательства, касающиеся его поведения. Дифференциация применения мер уголовно-правового воздействия должна базироваться на требованиях максимизации экономических затрат лица, совершившего преступление, для восстановления нарушенных правоотношений и невозможности получения экономической выгоды от преступной деятельности. Установление в отношении лица определенных требований к его поведению позволяет осуществлять сбор информации о лице и тем самым осуществлять превентивное уголовно-правовое воздействие.

Рассмотренные особенности позволяют говорить о необходимости разграничения понятий «уголовная ответственность» и «уголовно-правовые отношения». Так, если уголовная ответственность рассматривается как обязанность лица, совершившего преступление, претерпевать карательные (репрессивные) тяготы и лишения, связанные с реализаци-

ей наказания и иных мер уголовно-правового характера, то в рамках уголовно-правовых отношений возможна реализация и некарательных правоограничений (не преследующих цели возмездия), однако обусловленных целями предупреждения преступлений. В данное понятие необходимо включать право государства реализовывать в отношении лица, совершившего преступление, меры превентивного характера, обусловленные не только общественной опасностью совершенного преступления, но и потенциальной опасностью лица, совершившего преступление.

Исключение уголовно-правового статуса указанной группы мер правового воздействия создает состояние правового вакуума. Фактически предусмотренные в законодательстве меры, основанием реализации которых выступает факт совершения преступления, объектом воздействия выступает лицо, совершившее преступление, а целью – предупреждение совершения новых преступлений, не признаются уголовно-правовыми ввиду расположенности вне уголовного закона, в иных нормативных правовых актах. В связи с этим происходит отступление от принципов отрасли уголовного права, правил, ограничений, сроков и гарантий обеспечения прав граждан, а также снижение эффективности уголовно-правовой охраны общества.

Создание модели контролирующего уголовно-правового воздействия должно сопровождаться введением в уголовное законодательство общего уголовно-правового статуса – «лицо, совершившее преступление», а также частных статусов – «осужденный», «лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям», «лицо, освобожденное от наказания», предусматривающих возможность использования в отношении данных лиц индивидуализированных средств социального контроля, соответствующих степени опасности повторения преступного поведения.

Формирование детализированных уголовно-правовых статусов позволит не только фиксировать правоотношения, происходящие между государством и лицом, совершившим преступление, не ограничивая их стадиями уголовного преследования и исполнения наказания, но и осуществлять дальнейший социальный контроль в отношении лиц, представляющих опасность для окружающих либо требующих особой поддержки, ресоциализации и адаптации (а зачастую оба направления одновременно).

Концептуальная модель социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования предполагает необходимость следующих законодательных изменений:

1) закрепления в уголовном законе в качестве единой универсальной меры уголовно-правового воздействия «контроля за поведением лиц, совершивших преступление», предусматривающей возможность контроля за поведением лиц, совершивших преступле-

ние, на этапе исполнения наказания, условного осуждения либо условного освобождения от наказания (УДО, отсрочки и т.д.), а также включающей в себя постпенитенциарный контроль на период судимости за лицами, освобожденными из мест лишения свободы;

2) установления категорий лиц, в отношении которых может быть установлен контроль (определяемых на основе принимаемого в отношении лица итогового решения по делу). В целях корректного учета предыдущего преступного поведения лица и согласования такого учета с инструментами криминализации по типу административной (уголовной) преюдиции необходимо признать лиц, ранее освобожденных от уголовной ответственности, субъектами преступлений, сконструированных с использованием конструкции преюдиции. Соответствующее правило должно найти отражение и в толковании термина «лицо, впервые совершившее преступление». К таковым необходимо относить только лиц, ранее (то есть на момент совершения преступления, по которому осуществляется разбирательство) фактически не совершавших преступлений;

3) закрепления возможности государственным органам, осуществляющим исполнение наказания либо иных мер уголовно-правового характера, получать доступ к информации о поведении лица, совершившего преступление, относимой к категории охраняемой законодательством Российской Федерации;

4) расширения перечня средств сбора информации о поведении лица, совершившего преступление, и закрепления возможность автоматизированного сбора информации о нем;

5) закрепления возможности досрочного прекращения контроля в случае устранения потенциальной опасности преступного поведения лица либо продления контроля в случае нарушения его условий со стороны подконтрольного;

6) официального признания и отнесения к категории «уголовно-правовых» не только тех мер принуждения, которые закреплены в УК РФ, но и иных правоограничений, содержащихся в иных федеральных законах, установление которых основывается исключительно исходя из самого факта совершения лицом преступного деяния (административный надзор и так называемые «общеправовые последствия совершения преступления»), что позволит упорядочить правоотношения, складывающиеся при их реализации, выработать критерии установления правоограничений, возможные и необходимые сроки их реализации, основания отмены и другие значимые компоненты.

Предложенная модель системы уголовно-правового регулирования, учитывающая существующие разработки и положения теории социального контроля, формирует научно-теоретическую базу для проведения дальнейших исследований в области уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права и смежных отраслей наук.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты и иные официальные документы

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. : с учетом поправок, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ // Российская газета. – 1993. – 25 дек. ; Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы : федеральный закон от 27 декабря 2009 г. № 377-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 155-ФЗ. – Доступ из СПС «ГАРАНТ».

7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

8. О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : федеральный закон от 6 апреля 2024 г. № 69-ФЗ. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202404060003.

9. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10. О приведении Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом «О внесении из-

менений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 161-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

11. О пробации в Российской Федерации : федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

12. О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 1 октября 2019 г. № 328. – Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

13. О Счетной палате Российской Федерации : федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

15. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

16. О помиловании Сапоцкой Н.А. : Указ Президента Российской Федерации от 16 сентября 2019 г. № 446. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении перечня аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля, используемых уголовно-исполнительными инспекциями для обеспечения надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы : Постановление Правительства Российской Федерации от 31 марта 2010 г. № 198 // Российская газета. – 2010. – 7 апр.

18. Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы : приказ Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

19. О применении принципа взаимного признания к приговорам суда и решениям о пробации с целью осуществления надзора за исполнением мер пробации и альтернативных санкций : рамочное решение Совета Европейского союза 2008/947/ПВД от 27 ноября 2008 г. – Доступ из СПС «ГАРАНТ».

20. Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению за 12 месяцев 2023 г. (форма № 10.3) / Сайт Судебного департамента Верховном Суде Российской Федерации. – URL:http://www.cdep.ru/ index.php?id=79&item= 8690.

21. Отчет о видах наказания по наиболее тяжкому преступлению (без учета сложения) за 12 месяцев 2023 г. (форма № 10.3) / Сайт Судебного департамента Верховном Суде Российской Федерации. – URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2023/k6-svod_vse_sudy-2023.xls.

22. Отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, количестве вынесенных постановлений об уплате процессуальных издержек за счет средств федерального бюджета и назначении экспертиз (за 2015-2020 гг.) / Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/%20index.php?id=79"=79.

23. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2003 г. / Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669.

24. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 2023 г. (форма № 10.1) – URL: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17.

25. Отчеты об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2018-2024 гг. / Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649.

26. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2010–2021 гг. / Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79.

27. Статистические отчеты Верховного Суда СССР за 1959-1969 гг. Статистические данные Отдела судебной статистики Верховного Суда СССР о мерах наказания по приговорам, вступившим в законную силу – по Союзу ССР. – URL: https://docs.historyrussia.org/nodes/49503.

28. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : утвержден Верховным Советом РСФСР 20 июня 1984 г. (утратил силу 30 декабря 2001). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

29. Об условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением осужденного к труду : Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 июня 1970 г. № 5253-VII. – URL: http:/www.libussr.ru.

30. О противодействии навязчивому преследованию : законопроект № 795873-8. – Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

31. О проекте федерального закона «О навязчивом преследовании» : письмо правового управления аппарата Государственной Думы РФ от 28 декабря 2024 г. № вн2.2-1/5110. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

32. Уголовное право Китайской Народной Республики. – URL: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china.

33. Уголовный кодекс Италии. – URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18132.

34. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под общ. ред. проф. А.И. Чучаева и проф. А.И. Коробеева ; пер. с кит. проф. Хуан Даосю. – 2-е изд. – Москва : Юридическая фирма Контракт, 2021. – 312 с.

35. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 127. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065.

36. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275.

37. Уголовный кодекс Республики Казахстан. – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252.

38. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. – URL: https://lex.uz/ docs/111457.

39. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 года. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_кодекс_РСФСР_1926_года/Редакция_05марта 1926.

40. Уголовный кодекс Франции. – URL: https://constitutions.ru/?p=25017.

Научная и учебная литература

41. Абатуров, А.И. Административный надзор в системе постпенитенциарного сопровождения / А.И. Абатуров. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 287 с.

42. Абатуров, А.И. Постпенитенциарный контроль / А.И. Абатуров. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 224 с.

43. Адоевская, О.А. Социальная адаптация (ресоциализация) лиц, освобождаемых и освобожденных из исправительных учреждений: итоги теоретического исследования / О.А. Адоевская, В.В. Александрова, Е.Ю. Белова, Ф.В. Грушин, Т.В. Кленова и др. ; ред. В.И. Селиверстов. – Москва : Юриспруденция, 2020. – 365 с.

44. Адыгезалова, Г.Э. Социологическая юриспруденция в США в XX веке / Г.Э. Адыгезалова. – Санкт-Петербург : Юридический центр-Пресс, 2012. – 268 с.

45. Аквинский, Ф. О правлении государей / Ф. Аквинский // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе VI–XVII вв. / под ред. В.И. Рутенбурга и И.П. Медведева. – Ленинград : Наука, 1990. – 243 с.

46. Алексеев, С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве / С.С. Алексеев. – Москва : Юридическая литература, 1966. – 187 с.

47. Алексеев, С.С. Общая теория права : учебник / С.С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2009. – 576 с.

48. Ансель, М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике) / М. Ансель. – Москва : Прогресс, 1970. – 312 с.

49. Антонян, Ю.М. Насильственная преступность в России / Ю.М. Антонян. – Москва : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2001. – 98 с.

50. Анттила, И. Контроль без репрессивности? / И. Анттила // От страны тюрем к обществу с ограниченным причинением боли: финский опыт сокращения числа заключенных. – Хельсинки : Национальный исследовательский институт правовой политики, 2012. – 200 с.

51. Аристотель. Политика / Аристотель ; пер. с др.-греч. С.А. Жебелева, М.Л. Гаспарова. – Москва : АСТ ; Астрель, 2012. – 393 с.

52. Арямов, А.А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ : монография / А.А. Арямов. – Москва : Российская академия правосудия, 2009. – 171 с.

53. Астахова, А.О. Уголовная ответственность за уклонение от административного надзора: проблемы применения и пути решения / А.О. Астахова. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2018. – 164 с.

54. Астемиров, З.А. Современные пенитенциарные системы капиталистических государств / З.А. Астемиров, Ю.В. Калинин, В.П. Шипулов. – Рязань : [б. и.], 1977. – 124 с.

55. Афанасьев, В.Г. Научное управление обществом: (Опыт системного исследования) / В.Г. Афанасьев. – 2-е изд., доп. – Москва : Политиздат, 1973. – 391 с.

56. Бабаев, М.М. Очерки криминальной рискологии / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 368 с.

57. Бавсун, М.В. Конфискация имущества в российском уголовном законодательстве : монография / М.В. Бавсун, К.Д. Николаев, С.Ю. Самойлова. – Москва : Юрлитинформ, 2016. – 240 с.

58. Бавсун, М.В. Методологические основы уголовно-правового воздействия : монография / М.В. Бавсун. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 197 с.

59. Бавсун, М.В. Смягчение наказания в уголовном праве : монография / М.В. Бавсун, К.Д. Николаев, В.Б. Мишкин. – Москва : Юрлитинформ, 2015. – 192 с.

60. Бавсун, М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : монография / М.В. Бавсун. – Омск : Омская академия МВД России, 2014. – 247 с.

61. Баранов, П.П. Правосознание и правовое воспитание / П.П. Баранов // Общая теория права. Курс лекций. – Н. Новгород : Нижегородская высшая школа МВД России, 1993. – 488 с.

62. Бауман, З. Глобализация: последствия для человека и общества : монография / З. Бауман ; пер. с англ. М.Л. Коробочкина. – Москва : Весь Мир, 2004. – 188 с.

63. Бекетов, О.И. Административный надзор : учебное пособие / О.И. Бекетов. – Омск : Омская высшая школа МВД СССР, 1985. – 64 с.

64. Бентам, И. О судоустройстве. Принципы законодательства. О влиянии условий времени и места на законодательство. Руководство по политической экономии / И. Бентам ; пер. А.А. Книрим. – Москва : Юрайт, 2024. – 196 с.

65. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; пер. Е. Руткевич. – Москва : Московский философский фонд, 1995. – 336 с.

66. Бибик, О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты / О.Н. Бибик. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 416 с.

67. Блек, Б. Миф о правах человека / Б. Блек ; пер с англ. А. Умняшкова. – Москва : Ridergo, 2019. – 76 с.

68. Богатов, М.А. Онтологические составляющие концепции общества риска / М.А. Богатов // Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты : монография. – Саратов : Наука, 2006. – С. 54-82.

69. Бунденсон, У. Надзор за отбывающими наказание на свободе / У. Бунденсон ; пер. со шведск. – Москва : Юридическая литература, 1979. – 271 с.

70. Васильченко, А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений : монография / А.А. Васильченко. – Москва : Ось-89, 2006. – 208 с.

71. Векленко, С.В. Вина и ответственность в уголовном праве : монография / С.В. Векленко, М.В. Бавсун, М.Б. Фаткуллина. – Омск : Омская академия МВД России, 2009. – 255 с.

72. Венгеров, А.Б. Теория государства и права : учебник / А.Б. Венгеров. – Москва : Новый юрист, 1998. – 621 с.

73. Витрук, Н.В. Правовой статус личности в СССР / Н.В. Витрук. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 176 с.

74. Витрук, Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – Москва : Норма, 2008. – 447 с.

75. Воеводин, Л.Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие / Л.Д. Воеводин. – Москва : МГУ, 1997. – 298 с.

76. Галиакбаров, Р.Р. Уголовное право. Общая часть : учебник / Р.Р. Галиакбаров. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 1999. – 444 с.

77. Гилинский, Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» / Я.И. Гилинский. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 518 с.

78. Гилинский, Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология) : монография / Я.И. Гилинский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2021. – 132 с.

79. Гилинский, Я.И. Онтологический трагизм бытия, или размышления малициристa / Я.И. Гилинский. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 192 с.

80. Глейк, Д. Хаос. Создание новой науки / Д. Глейк ; пер. с англ. М. Нахмансова, Е. Барашковой. – Москва : Амфора, 2022. – 352 с.

81. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс ; предисл. и ред. А. Ческиса. – Москва : Соцэкгиз, 1936. – 503 с.

82. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс. – Москва : Мысль, 2001. – 474 с.

83. Головненков, П.В. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) : Научно-практический комментарий и перевод текста закона / П.В. Головненков. – Москва : Universitätsverlag Potsdam, 2021. – 494 с.

84. Григонис, Э.П. Правоохранительная функция государства и формы ее реализации : монография / Э.П. Григонис, О.В. Харченко. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт гуманитарного образования, 2007. – 208 с.

85. Гришко, А.Я. Исполнение наказания в виде лишения свободы в Германии: на примере федеральной земли Бавария : учебное пособие / А.Я. Гришко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2009. – 36 с.

86. Дворкин, Р.О. О правах всерьез / Р.О. Дворкин ; пер. с англ., ред. Л.Б. Макеева. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 389 с.

87. Додгсон, К. Система электронного наблюдения за досрочно освобожденными: оценка действующих программ / К. Додгсон, Ф. Гудвин, Ф. Ховард. – Москва : Penal Reform International, 2002. – 89 с.

88. Достоевский, Ф.М. Записки из мертвого дома / Ф.М. Достоевский // Полное собрание сочинений : в 30 т. – Т. 4. – Ленинград : Наука, 1972. – 326 с.

89. Дуюнов, В.К. Правовое воздействие как реакция государства на правонарушение: общетеоретический и отраслевой аспекты : монография / В.К. Дуюнов. – Москва : Юрлитинформ, 2019. – 328 с.

90. Дуюнов, В.К. Уголовно-правовое воздействие : теория и практика / В.К. Дуюнов. – Москва : Научная книга, 2003. – 520 с.

91. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. – Москва : Канон, 1996. – 430 с.

92. Елеонский, В.А. Уголовное наказание и воспитание позитивной ответственности личности / В.А. Елеонский. – Рязань : [б. и.], 1979. – 83 с.

93. Ершов, В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений / В.В. Ершов. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2018. – 628 с.

94. Есипов, В.В. Очерк русского уголовного права. Часть общая. Преступление и преступники. Наказание и наказуемые / В.В. Есипов. – Варшава : Тип. Варшавского учебного округа, 1984. – 419 с.

95. Ефименко, Л.В. Контроль и ревизия : учебное пособие / Л.В. Ефименко. – Челябинск : Южно-Уральский государственный университет, 2018. – 105 с.

96. Жалинский, А.Э. Современное немецкое уголовное право / А.Э. Жалинский. – Москва : Проспект, 2004. – 560 с.

97. Жариков, Ю.С. Уголовно-правовое регулирование и механизм его реализации : монография / Ю.С. Жариков. – Москва : Юриспруденция, 2009. – 212 с.

98. Жмуров, В.А. Большая энциклопедия по психиатрии / В.А. Жмуров. – 2-е изд. – Москва : Джангар, 2012. – 864 с.

99. Зазыкин, В.Г. Кадровый контроль в системе государственной службы / В.Г. Зазыкин, В.И. Лукьяненко и др. – Москва : Российская академия государственной службы, 2002. – 176 с.

100. Зайцева, Е.С. Пределы правового регулирования (общетеоретический аспект) / Е.С. Зайцева. – Омск : Омская академия МВД России, 2021. – 55 с.

101. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России / И.Э. Звечаровский. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 97 с.

102. Звонов, А.В. Правовые аспекты привлечения к ответственности условно осужденных / А.В. Звонов. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 192 с.

103. Игнатова, М.А. Уголовное право Италии : учебник для вузов / М.А. Игнатова. – Москва : Юрайт, 2025. – 109 с.

104. Игошев, К.Е. Введение в курс профилактики правонарушений / К.Е. Игошев, В.С. Устинов. – Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. – 98 с.

105. Игошев, К.Е. Социальные аспекты предупреждения правонарушений / К.Е. Игошев, И.В. Шморов. – Москва : Юридическая литература, 1980. – 176 с.

106. Игошев, К.И. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения / К.Е. Игошев. – Горький : Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. – 168 с.

107. Иеринг, Р.Ф. Борьба за право / Р.Ф. Иеринг. – Москва : К.Т. Солдатенков, 1874. – 79 с.

108. Иеринг, Р.Ф. Избранные труды : в 2 т. / Р.Ф. Иеринг. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2006. – Т. 1 : 616 с. ; Т. 2 : 545 с.

109. История политических и правовых учений / под ред. В.С. Нерсесянца. – Москва : НОРМА–ИНФРА-М, 1998. – 736 с.

110. История теоретической социологии : в 4 т. – Т. 3. – Москва : Канон+ : Реабилитация, 1997. – 442 с.

111. Каган, В. Понимая себя: взгляд психотерапевта : монография / В. Каган. – Москва : Смысл, 2020. – 281 с.

112. Кант, И. Сочинения : в 8 т. – Т. V. Часть 1. Метафизика нравов. Первая часть. Метафизические первоначала учения о праве / И. Кант. – Москва, Марбург : Канон, 2013. – 1120 с.

113. Карпец, И.И. Индивидуализация наказания в советском уголовном праве / И.И. Карпец. – Москва : Госюриздат, 1961. – 152 с.

114. Карпов, К.Н. Иные меры уголовно-правового характера: система, виды : монография / К.Н. Карпов. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 205 с.

115. Карпов, К.Н. Теоретические основы социального контроля в уголовно-правовой сфере : монография / К.Н. Карпов. – Омск : Омская академия МВД России, 2025. – 220 с.

116. Кашепов, В.П. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства / В.П. Кашепов, Н.А. Голованова, А.А. Гравина. – Москва : Юридическая фирма Контракт, 2018. – 280 с.

117. Кашуба, Ю.А. Условное осуждение в России и зарубежных государствах : монография / Ю.А. Кашуба, А.П. Скиба, А.С. Суховеев ; под общ. ред. А.Я. Гришко. – Рязань : Академия ФСИН России, 2010. – 138 с.

118. Кибальник, А.Г. Современное международное уголовное право: понятие, задачи и принципы / А.Г. Кибальник. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 252 с.

119. Клейменов, И.М. Уголовно-правовое реагирование / И.М. Клейменов, М.П. Клейменов. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2022. – 204 с.

120. Клейменов, И.М. Сравнительная криминология / И.М. Клейменов. – Москва : Норма : Инфра-М, 2012. – 368 с.

121. Козаченко, И.Я. Новая криминализация: Философско-юридический путеводитель по миру преступного и непреступного / И.Я. Козаченко, Д.Н. Сергеев. – Екатеринбург : SAPIENTIA, 2020. – 256 с.

122. Комаров, С.А. Личность. Права и свободы, политическая система / С.А. Комаров, И.В. Ростовщиков. – Санкт-Петербург : Юридический институт, 2002. – 334 с.

123. Коробеев, А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А.И. Коробеев. – Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 1987. – 267 с.

124. Коэн, С.С. Представления о социальном контроле: преступление, наказание и классификация / С.С. Коэн. – Кембридж : Polity press, 1987. – 325 с.

125. Кравченко, А.И. Социология / А.И. Кравченко, В.Ф. Анурин. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 431 с.

126. Краснов, А.В. Социальный контроль и его место в общественном развитии / А.В. Краснов. – Иркутск : [б. и.], 1967. – 49 с.

127. Криминология : учебник / под ред. Г.А. Аванесова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ, 2006. – 494 с.

128. Кристи, Н. Пределы наказания / Н. Кристи. – Москва : Прогресс, 1985. – 176 с.

129. Кропачев, Н.М. Уголовно-правовое регулирование. Механизм и система / Н.М. Кропачев. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 1999. – 262 с.

130. Крылова, Н.Е. Уголовное право зарубежных стран (Англии, США, Франции, Германии) : учебное пособие / Н.Е. Крылова, А.В. Серебренникова. – Москва : Зерцало, 1998. – 201 с.

131. Кудрявцев, В.Н. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / В.Н. Кудрявцев, П.С. Дагель, Г.А. Злобин и др. ; отв. ред. В.Н. Кудрявцев, А.М. Яковлев. – Москва : Наука, 1982. - 303 с.

132. Кудрявцев, В.Н. Правовое поведение: норма и патология / В.Н. Кудрявцев. – Москва : Наука, 1982. – 287 с.

133. Кузнецова, Н.Ф. Уголовное право ФРГ / Н.Ф. Кузнецова, Л. Вельцель. – Москва : МГУ, 1980. – 213 с.

134. Кузнецова, Е.М. Социальный контроль: сущность и методы реализации / Е.М. Кузнецова. – Омск : Lambert Academic Publishing, 2012. – 185 с.

135. Кузнецова, Е.М. Социальный контроль: сущность и методы реализации: книга о механизмах социального управления обществом / Е.М. Кузнецова. – Москва, Берлин : Директ-Медиа, 2014. – 206 с.

136. Курс уголовного права : учебник для вузов : в 5 т. – Т. 1 : Общая часть. Учение о преступлении / под ред. проф Н.Ф. Кузнецовой и доц. И.М. Тяжковой. – Москва : Зерцало-М, 2002. – 611 с.

137. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление: вопросы теории : монография / В.Н. Куфлева. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. – 250 с.

138. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Санкт-Петербург : Макет, 1995. – 311 с.

139. Левенсон, П.Я. Иеремия Бентам. Его жизнь и общественная деятельность / П.Я. Левенсон. – Санкт-Петербург : Издательство Ф.Ф. Павленкова, 1893. – 12 с.

140. Левченко, И.П. Индивидуальный социально-правовой статус личности : монография / И.П. Левченко, С.В. Облиенко. – Москва : Книжный мир, 2005. – 80 с.

141. Ленин, В.И. К вопросу о задачах рабкрина, их понимании и их исполнении / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – 5-е изд. – Т. 44. – Москва : Политиздат, 1974. – С. 127-132.

142. Ленин, В.И. Значение борьбы за всенародный учет и контроль / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Изд. 5. – Т. 36. – Москва : Издательство политической литературы, 1969. – С. 184-187.

143. Личность преступника и ее криминологическое изучение / под ред. А.И. Долговой. – Москва : Российская криминологическая ассоциация, 2018. – 195 с.

144. Локк, Дж. Сочинения : в 3 т. – Т. 3 / Дж. Локк ; пер. с англ. и лат. ; ред. А.Л. Субботин. – Москва : Мысль, 1988. – 668 с.

145. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк ; пер. с англ. Е.С. Лагутина и Ю.В. Семенова. – Москва : Социум, 2014. – 494 с.

146. Лопашенко, Н.А. Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика / Н.А. Лопашенко. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2004. – 337 с.

147. Макаренко, А.С. Избранные педагогические произведения : в 2 т. – Т. 2 / А.С. Макаренко. - Москва : Педагогика, 1978. – 320 с.

148. Макиавелли, Н. Государь : сочинения / Н. Макиавелли. – Харьков : Фолио, 2001. – 656 с.

149. Мальков, С.М. Уголовно-правовая и уголовно-исполнительная политика Российской Федерации / С.М. Мальков, А.В. Шеслер, П.В. Тепляшин. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2018. – 128 с.

150. Мальцев, Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы) / Г.В. Мальцев. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 143 с.

151. Маракузе, Г. Одномерный человек / Г. Маракузе ; пер. А. Юдина ; под ред. А. Жаровского. – Москва : Refl-book, 1994. – 344 с.

152. Маркс, К. Дебаты по поводу закона о краже леса / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собрание сочинений : в 30 т. – Т. 1. – 2 изд. – Москва : Госполитиздат, 1954. – С. 119-160.

153. Марцев, А.И. Проблемы повышения общей превенции преступлений. Вопросы учения о преступлении и ответственности / А.И. Марцев. – Омск : Омский юридический институт МВД России, 1998. – 208 с.

154. Милль, Дж.С. О свободе / Дж.С. Милль. – Лейпциг, 1861. – 254 с. / Электронная библиотека «Гражданское общество». – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Mill. O svobode.pdf.

155. Милюков, С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа / С.Ф. Милюков. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт внешнеэкономических связей, экономики и права ; Общество «Знание» Санкт-Петербурга и Ленинградской области, 2000. – 276 с.

156. Мирошниченко, Д.В. Критика уголовно-правовой онтологии / Д.В. Мирошниченко. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 396 с.

157. Музенник, А.К. Условное осуждение и отсрочка исполнения приговора / А.К. Музенник, В.А. Уткин, О.В. Филимонов. – Томск : Томский государственный университет, 1990. – 173 с.

158. Муравьев, К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона : монография / К.В. Муравьев. – Москва : Проспект, 2019. – 264 с.

159. Нечепуренко, А.А. Испытание в уголовном праве Российской Федерации: опыт комплексного исследования : монография / А.А. Нечепуренко. – Омск : Омская академия МВД России, 2008. – 283 с.

160. Нечепуренко, А.А. Неотвратимость наказания как принцип уголовного права / А.А. Нечепуренко. – Омск : Омский юридический институт МВД России, 1996. – 79 с.

161. Нечепуренко, А.А. Уголовная ответственность: эволюция понятия и меры законодательного регулирования / А.А. Нечепуренко. – Омск : Омская академия МВД России, 2014. – 175 с.

162. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. – Санкт-Петербург : Кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. – 253 с.

163. Новоселов, Г.П. Учение об объекте преступления. Методологические аспекты / Г.П. Новоселов. – Москва : НОРМА, 2001. – 198 с.

164. Ной, И.С. Сущность и функции уголовного наказания в Советском государстве. Политико-юридическое исследование / И.С. Ной. – Саратов : Саратовский государственный университет, 1973. – 193 с.

165. Нурышев, Г.Н. Социология : учебное пособие / Г.Н. Нурышев, Д.С. Бразевич. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет низкотемпературных и пищевых технологий, 2010. – 289 с.

166. Обзор законодательства скандинавских и балтийских стран по службе пробации (уголовному надзору). – Санкт-Петербург : Гражданский контроль, 2005. – 219 с.

167. Ольховик, Н.В. Работа уголовно-исполнительных инспекций с осужденными без изоляции от общества : учебное пособие / Н.В. Ольховик. – Томск : Томский государственный университет, 2007. – 86 с.

168. Ольховик, Н.В. Режим испытания при условном осуждении / Н.В. Ольховик. – Томск : Томский государственный университет, 2005. – 180 с.

169. Организация контроля за исполнением наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью : практическое руководство / под общ. ред. А.М. Рудакова. – Вологда : Вологодский институт права и экономики ФСИН, 2019. – 117 с.

170. Осипов, П.П. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовых санкций / П.П. Осипов. – Ленинград : ЛГУ, 1976. – 135 с.

171. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва : Аспект Пресс, 1998. – 269 с.

172. Парсонс, Т. Социальная система / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2018. – 530 с.

173. Парсонс, Т. О структуре социального действия (1937 г.) / Т. Парсонс. – Москва : Академический проект, 2002. – 880 с.

174. Платон. Государство : собрание сочинений : в 4 т. – Т. 3 / Платон ; пер. с др.-греч. А.Н. Егунова ; под. общ. ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Мысль, 1994. – 654 с.

175. Подройкина, И.А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы / И.А. Подройкина. – Москва : Юстицинформ. 2017. – 200 с.

176. Подройкина, И.А. Учение об уголовном наказании : учебное пособие / И.А. Подройкина. – Ростов-на-Дону : Ростовский филиал Российской таможенной академии, 2014. – 191 с.

177. Полный курс уголовного права : в 10 т. – Т. X. Уголовное право зарубежных стран. Зарубежное уголовное законодательство / Х.Д. Аликперов, В.Ю. Артемов, Ю.В. Голик, М. Гунева, Н.А. Голованова и др.; отв. ред. А.И. Коробеев. – Санкт-Петербург : Юридический центр – Академия, 2021. – 1136 с.

178. Понятовская, Т.Г. Правовое значение судимости : монография / Т.Г. Понятовская, Г.Х. Шаутаева. – Ижевск : Детектив-информ, 2003. – 240 с.

179. Попов, Д.В. Биовласть и жизнь: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : монография / Д.В. Попов. – Омск : Омская академия МВД России, 2021. – 144 с.

180. Правовое регулирование исполнения наказаний в Российской Федерации / С.В. Габеев, М.К. Гайдай, Р.А. Забавко [и др.]. – Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2016. – 168 с.

181. Прохоров, В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: норма, правоотношение, ответственность / В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 1989. – 208 с.

182. Пудовочкин, Ю.Е. Понятие, принципы и источники уголовного права: сравнительно-правовой анализ законодательства России и стран Содружества Независимых Государств / Ю.Е. Пудовочкин, С.С. Пирвагидов. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 295 с.

183. Пупышева, Л.А. Обязательные работы как вид уголовного наказания: назначение, исполнение, порядок замены в случае злостного уклонения от его отбывания / Л.А. Пупышева, Б.Б. Булатов. – Омск : Омская академия МВД России, 2020. – 84 с.

184. Пшидаток, В.Е. Правосознание и правовые ценности молодежи в контексте российских реформ / В.Е. Пшидаток, П.С. Самыгин. – Ростов-на-Дону : Антей, 2007. – 175 с.

185. Пьянов, Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права : учебное пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2007. – 253 с.

186. Пьянов, Н.А. Консультации по теории государства и права : учебное пособие : в 2 ч. – Ч. 2 / Н.А. Пьянов. – Иркутск : Иркутский государственный университет, 2006. – 160 с.

187. Рахмаев, Э.С. Организационно-правовые основы исполнения уголовно-исполнительными инспекциями наказаний, не связанных с лишением свободы, и контроля за условно осужденными / Э.С. Рахмаев, Д.А. Панарин, Д.Д. Данилов. – Рязань : Академия ФСИН России, 2010. – 149 с.

188. Рахманова, Е.Н. Права человека. Преступность. Глобализация. Опыт комплексного криминологического исследования : монография / Е.Н. Рахманова. – Москва : Российская академия правосудия, 2009. – 192 с.

189. Руссо, Ж.-Ж. Об общественном договоре или принципы политического права : Об общественном договоре. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо ; пер. с франц. А.Д. Хаютина и В.С. Алексеева-Попова. – Москва : Канон-пресс-Ц : Кучково поле, 1998. – 414 с.

190. Сабитов, Р.А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора / Р.А. Сабитов. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 368 с.

191. Сапольски, Р.М. Биология добра и зла. Как наука объясняет наши поступки / Р.М. Сапольски. – Москва : Альпина Паблишер, 2022. – 766 с.

192. Саркисов, Г.С. Объект индивидуального профилактического воздействия в теории предупреждения преступности / Г.С. Саркисов. – Ереван : АН АрмССР, 1985. – 169 с.

193. Саркисова, Э.А. Воспитательная роль условного осуждения / Э.А. Саркисова. – Минск : Наука и техника, 1971. – 111 с.

194. Сборник действующих постановлений Пленумов Верховного Суда СССР 1924–1951 гг. – Москва : Госюриздат, 1952. – 268 с.

195. Сергиевский, Н.Д. Основные вопросы наказания в новейшей литературе / Н.Д. Сергиевский. – Санкт-Петербург : Типография правительствующего сената, 1983. – 24 с.

196. Скиба, А.П. Условное осуждение и условно-досрочное освобождение: основания применения : монография. / А.П. Скиба, А.Н. Мяханова, Т.И. Эрхитуева. – Улан-Удэ : Бурятский государственный университет, 2020. – 124 с.

197. Слепенков, И.М. Основы теории социального управления / И.М. Слепенков, Ю.П. Аверин. – Москва : Высшая школа, 1990. – 302 с.

198. Смирнов, В.Г. Функции советского уголовного права (предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования) / В.Г. Смирнов. – Ленинград : ЛГУ, 1965. – 188 с.

199. Сорокин, В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы / В.Д. Сорокин. – Москва : Юридическая литература, 1976. – 142 с.

200. Сорокин, В.Д. Правовое регулирование: предмет, метод, процесс (макроуровень) / В.Д. Сорокин. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. – 661 с.

201. Социология. Основы общей теории : учебник для вузов / отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. – Москва : Норма, 2003. – 913 с.

202. Спиридонов, Л.И. Избранные произведения: Философия и теория права. Социология уголовного права. Криминология / Л.И. Спиридонов. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский институт права имени Принца П.Г. Ольденбургского, 2002. – 390 с.

203. Степашин, В.М. Злостное уклонение от отбывания наказаний и других мер уголовно-правового характера, не связанных с лишением свободы : монография / В.М. Степашин. – Омск: Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, 2015. – 389 с.

204. Степашин, В.М. Реализация экономии репрессии в мерах уголовной ответственности и их назначении / В.М. Степашин. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 326 с.

205. Стручков, Н.А. Курс исправительно-трудового права: проблемы Особенной части / Н.А. Стручков. – Москва : Юридическая литература, 1985. – 255 с.

206. Сундуров, Ф.Р. Наказание в уголовном праве : учебное пособие / Ф.Р. Сундуров, М.В. Талан. – Москва : Статут, 2015. – 254 с.

207. Тард, Г. Преступник и толпа / Г. Тард ; пер с фр. – Москва : Алгоритм, 2016. – 430 с.

208. Тащилин, М.Т. Уголовное наказание в федеративных республиках России и Германии (сравнительно-правовой анализ) / М.Т. Тащилин. – Пятигорск : Северо-Кавказский федеральный университет, 2005. – 318 с.

209. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. – Москва : Юристъ, 1997. – 672 с.

210. Теория государства и права : учебник для вузов / Н.Г. Александров, Ф.И. Калинычев, А.В. Мицкевич и др. – Москва : Юридическая литература, 1968. – 640 с.

211. Теория государства и права : учебник / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Москва : Юристъ, 2004. – 245 с.

212. Теория государства и права : учебник / под ред. О.Ю. Рыбакова. – Москва : Юстиция, 2016. – 471 с.

213. Теория государства и права : учебное пособие / Р.Б. Головкин [и др.] ; под ред. проф. Р.Б. Головкина. – Владимир : Владимирский государственный университет, 2020. – 462 с.

214. Тепляшин, П.В. Влияние международного пенитенциарного права на реформу уголовно-исполнительной системы России / П.В. Тепляшин. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России, 2012. – 132 с.

215. Тихомиров, Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика / Ю.А. Тихомиров. – Москва : Формула права, 2010. – 398 с.

216. Ткачевский, Ю.М. Исполнение условного осуждения : монография / Ю.М. Ткачевский. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2010. – 597 с.

217. Ткачевский, Ю.М. Освобождение от отбывания наказания / Ю.М. Ткачевский. – Москва : Юридическая литература, 1970. – 238 с.

218. Ткаченко, Ю.Г. Методологические вопросы теории правоотношения / Ю.Г. Ткаченко. – Москва : Юридическая литература, 1980. – 176 с.

219. Убеждение и принуждение в борьбе с преступностью : учебное пособие / под ред. У.С. Джекебаева. – Алма-Ата : Наука КазССР, 1989. – 175 с.

220. Уголовная ответственность и ее реализация в деятельности органов внутренних дел : учебное пособие / под ред. Н.И. Загородникова. – Москва : Московская высшая школа милиции, 1987. – 100 с.

221. Уголовное право зарубежных государств. Общая часть : учебное пособие / под ред. И.Д. Козочкина. – Москва : Омега-Л, 2003. – 566 с.

222. Уголовное право России : учебник для вузов : в 2 т. – Т. 1. Общая часть / под ред. А.Н. Игнатьева, Ю.А. Красикова. – Москва : Норма, 2000. – 624 с.

223. Уголовное право Российской Федерации : в 2 т. – Т. 1. Общая часть / под ред. проф. Л.В. Иногамовой-Хегай. – Москва : Инфра-М, 2002. – 383 с.

224. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть : учебник / В.В. Бабурин, В.Н. Баландюк, С.В. Векленко [и др.]. – Омск : Омская академия МВД России, 2016. – 448 с.

225. Уголовное право. Общая часть / под ред. Н.И. Ветрова, Ю.И. Ляпунова. – Москва : Новый юрист : КноРус, 1997. – 583 с.

226. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века : учебник для вузов / [М.Г. Детков и др.] ; под ред. А.И. Зубкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2005. – 701 с.

227. Уголовно-исполнительное право : учебник / под ред. В.И. Селиверстова. – Москва : Юриспруденция, 2008. – 176 с.

228. Уголовно-правовое воздействие : монография / Г.А. Есаков, Т.Г. Понятовская, А.И. Рарог, А.И. Чучаев. – Москва : Проспект, 2012. – 286 с.

229. Условно-досрочное освобождение и другие виды условного освобождения / Информационный материал, подготовленный Международным Центром Тюремных исследований, Великобритания, по поручению организации «Международная тюремная реформа» для Правительства Республики Казахстан. – Москва : Penal Reform International, 2000. – 24 с.

230. Усс, А.В. Социально-интегративная роль уголовного права : монография / А.В. Усс. – Красноярск : Красноярский государственный университет, 1993. – 256 с.

231. Уткин, В.А. Курс лекций по уголовно-исполнительному праву. Особенная часть / В.А. Уткин. – Томск : Томский государственный университет, 1995. – 256 с.

232. Уткин, В.А. Наказание и исправительно-трудовое воздействие / В.А. Уткин. – Томск : Томский государственный университет, 1984. – 189 с.

233. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань : Казанский государственный университет, 1987. – 334 с.

234. Ферри, Э. Уголовная социология / Э. Ферри. – Москва : Инфра-М, 2005. – 658 с.

235. Филимонов, О.В. Посткриминальный контроль: (Теоретические основы правового регулирования) / О.В. Филимонов. – Томск : Томский государственный университет, 1991. – 180 с.

236. Фойницкий, И.Я. Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – Москва : Городец, 2000. – 464 с.

237. Фуко, М. Безопасность, территория, население : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. В.Ю. Быстрова, Н.В. Суслова, А.В. Шестакова. — Санкт-Петербург : Наука, 2011. – 544 с.

238. Фуко, М. Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко ; пер. с фр. С.Ч. Офертаса. – Москва : Праксис, 2002. – 384 с.

239. Фуко,М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко ; пер. с франц. В. Наумова ; под ред. И. Борисовой. – Москва : Ad Marginem, 1999. – 476 с.

240. Фуко, М. Рождение биополитики : курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году / М. Фуко ; пер. с фр. А.В. Дьякова. – Санкт-Петербург : Наука, 2010. – 446 с.

241. Хайнд, Р. Поведение животных. Синтез этологии и сравнительной психологии / Р. Хайнд. – Москва : ЁЁ Медиа, 2025. – 856 с.

242. Халфина, Р.О. Право как средство социального управления : монография / Р.О. Халфина. – Москва : Наука, 1988. – 254 с.

243. Харитонов, А.Н. Государственный контроль над преступностью (Теоретические и правовые проблемы) / А.Н. Харитонов. – Омск : Омский юридический институт МВД России, 1997. – 239 с.

244. Хмелевская, Т.А. Правовое положение осужденных в России : учебное пособие / Т.А. Хмелевская. – Оренбург : Оренбургский институт (филиал) университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2018. – 71 с.

245. Чердынцева, И.А. Назначение современного российского уголовного процесса : учебное пособие / И.А. Чердынцева. – Омск : Омская академия МВД России, 2010. – 90 с.

246. Черноголовкин, Н.В. Функции Советского государства в период развернутого строительства коммунизма / Н.В. Черноголовкин. – Москва : Госюриздат, 1960. – 191 с.

247. Чучаев, А.И. Лишение свободы и проблемы его реализации / А.И. Чучаев, Е.Р. Абдрахманова. – Ульяновск : Ульяновский государственный университет, 1996. – 124 с.

248. Чучаев, А.И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. – Москва : Проспект, 2010. – 319 с.

249. Чучаев, А.И. Уголовно-правовое воздействие: понятие, объект, механизм, классификация : монография / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова. – Москва : Проспект, 2017. – 320 с.

250. Шаргородский, М.Д. Курс советского уголовного права : в 5 т. – Т. 1. Часть Общая / М.Д. Шаргородский. – Ленинград : ЛГУ, 1968. – 646 с.

251. Щепельков, В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты / В.Ф. Щепельков. – Москва : Юрлитинформ, 2003. – 413 с.

252. Щитов, Н.Г. Социальный порядок, социальный контроль и медикализация наказания / Н.Г. Щитов. – Владивосток : Дальневосточный государственный университет, 2002. – 235 с.

253. Щур-Труханович, Л.В. Пожизненный запрет лицам с преступным прошлым на работу с детьми: анализ содержания, оценка соразмерности и рекомендации по совершению юридических действий / Л.В. Щур-Труханович, Д.Л. Щур. – 2011. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

254. Щютц, А. Смысловое строение социального мира / Избранное: Мир, светящийся смыслом / А. Щютц ; пер. с нем. и англ. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 1056 с.

255. Энциклопедия уголовного права. Том 9. Назначение наказания / ред. В.Б. Малинин. – Санкт-Петербург : Издание профессора Малинина, 2008. – 912 с.

256. Эффективность правовых норм / В.Н. Кудрявцев, В.И. Никитинский и др. – Москва : Юрлитиздат, 1980. – 280 с.

257. Black, D. The Behavior of Law / D. Black. – N.Y.: Academic Press, Inc, 1976. – 175 p.

258. Dunning, T.J. Trade’s Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention / T.J. Dunning // Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Капитал. Критика политической экономии // Сочинения : в 30 т. – Т. 23, кн. I : Процесс производства капитала. – Изд. 2. – Москва : Госполитиздат, 1960. – С. 770.

259. Ferrell, J. Cultural Criminology / J. Ferrell, K. Hayward, J. Young. – London : SAGE, 2008. – 252 p.

260. Garland, D. The Culture of Control. Crime and Social Order in Contemporary Society / D. Garland. – Oxford : Oxford University Press, 2003. – 332 p.

261. Hart, H.L.A. Punishment and Responsibility: Essays in the Philosophy of Law / H.L.A. Hart. – Oxford : Oxford University Press, 1968. – 277 p.

262. Presdee, M. Cultural Criminology and the Carnival of Crime / M. Presdee. – London : N.Y. : Routledge, 2000. – 200 p.

263. Sloan, A. My years with General Motors / A. Sloan. – N. Y. ; Doubleday & Company, INC, 1964. – 574 p.

Научные статьи и публикации

264. Абдулин, Э.М. Индивидуализация наказания в процессе его исполнения/ Э.М. Абдулин // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сборник материалов третьей Международной научно-практической конференции. – Москва : ТК Велби, 2006. – С. 130-133.

265. Авраменко, В.Ю. Ресоциализация заключенного как социально-педагогическая цель работы с ним в исправительном учреждении / В.Ю. Авраменко // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2010. – № 1. – С. 82-85.

266. Александров, Ю. Электронный мониторинг за рубежом / Ю. Александров // Преступление и наказание. – 2010. – № 3. – С. 29-30.

267. Андреев, Д.С. Строгость административного наказания / Д.С. Андреев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2018. – № 2. – С. 217-232.

268. Андреев, К.П. Правовая природа продления испытательного срока при условном осуждении / К.П. Андреев // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2007. – № 6. – С. 211-212.

269. Андреева, Ю.А. Контроль и надзор: основные подходы к разграничению понятий / Ю.А. Андреева // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2009. – № 1. – С. 55-60.

270. Андрухов, В.А. Концепции социального контроля молодежной преступности / В.А. Андрухов // Теория и практика общественного развития. – 2009. – № 2. – С. 26-36.

271. Андрющенко, Т.И. Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как одна из мер социально-правового контроля / Т.И. Андрющенко, М.Я. Михайлов // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12. – С. 148-151.

272. Анощенкова, С.В. Отмена условно-досрочного освобождения от наказания в отношении пожизненно лишённых свободы / С.В. Анощенкова // Законность. – 2019. – № 10. – С. 44-45.

273. Антонов, А.Г. К вопросу о репрессивности наказания в виде ограничения свободы / А.Г. Антонов // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2023. – № 3. – С. 7-12.

274. Антонов, А.Г. О соотношении категорий «общественная опасность преступления» и «личность преступника» / А.Г. Антонов // Государство и право. – 2019. – № 11. – С. 125-129.

275. Антонян, Е.А. Условное осуждение в системе наказаний / Е.А. Антонян // Актуальные проблемы исполнения наказания : материалы научно-практического семинара. – Рязань : Академия ФСИН России, 2005. – С. 60-65.

276. Архенгольц, И.А. О соотношении судимости и наказания в виде запрета замещать определенные должности и заниматься определенной деятельностью / И.А. Архенгольц // Российское право: образование, практика, наука. – 2016. – № 5. – С. 63-65.

277. Архенгольц, И.А. Судимость и ее общеправовые последствия : монография / И.А. Архенгольц. – Казань : Бук, 2020. – 170 с.

278. Афонченко, Т.П. Об установлении профилактического наблюдения при освобождении от наказания / Т.П. Афонченко // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : материалы международных научно-практических конференций и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России : в 10 т. – Т. 3. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 23-28.

279. Бабаев, М.М. Репрессивное решение социальных проблем: причины и последствия / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – № 3. – С. 419-430.

280. Бабаев, М.М. Фикции в уголовной политике / М.М. Бабаев, Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27, № 2. – С. 72-87.

281. Бабаев, М.М. Цена преступности: проблемы теории и практики / М.М. Бабаев, В.Е. Квашис // Российский криминологический взгляд. – 2009. – № 2. – С. 246-259.

282. Бабаян, С.Л. К вопросу о правовой природе и основании института замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания / С.Л. Бабаян // Российский следователь. – 2012. – № 22. – С. 6-9.

283. Бабушкин, А. А. Уголовно-правовые основы оперативно-разыскного контроля органов внутренних дел за лицами, склонными к совершению преступлений / А.А. Бабушкин // Российский следователь. – 2024. – № 10. – С. 62-66.

284. Бабушкин, А.А. Законодательные основы оперативно-розыскного контроля за лицами, склонными к совершению преступлений / А.А. Бабушкин // Научный портал МВД России. – 2019. – № 3. – С. 55-60.

285. Бабушкин, А.А. Оперативно-розыскной контроль за лицами, склонными к совершению преступлений / А.А. Бабушкин // Труды ВНИИ МВД России. – 2020. – Т. 1, ч. 6. – С. 3-15.

286. Бавсун, М.В. «Событие» как эффективное средство деконструкции правового регулирования общественных отношений / М.В. Бавсун, А.К. Салыкова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 10-16.

287. Бавсун, М.В. Антропологические предпосылки формирования современной уголовной биополитики / М.В. Бавсун // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 39-50.

288. Бавсун, М.В. Влияние факторов геополитического характера на изменение уголовно-правовой политики государства / М.В. Бавсун // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2015. – № 3. – С. 483–493.

289. Бавсун, М.В. Метамодерн в праве: осциляции в точке Канетти. Статья I. Пролиферация норм и разум / М.В. Бавсун, Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 4. – С. 62-70.

290. Бавсун, М.В. Понятие и содержание уголовно-правового воздействия на преступность / М.В. Бавсун // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 336. – С. 99-102.

291. Бавсун, М.В. Соотношение уголовно-правового воздействия и уголовно-правового регулирования / М.В. Бавсун // Сибирский юридический вестник. – 2013. – № 2. – С. 56-63.

292. Багаутдинов, Ф.Н. Вопросы ограничения избирательных прав ранее судимых лиц / Ф.Н. Багаутдинов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 45-49.

293. Багреева, Е.Г. Об организации пенитенциарных систем в международной практике / Е.Г. Багреева // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 5. – С. 21-24.

294. Баранов, М.Л. Государственный контроль как вид социального управления: конституционно-правовой аспект / М.Л. Баранов // Образование и право. – 2013. – № 3-4. – С. 50-65.

295. Барков, Л.А. Элементы ограничения свободы и случаи применения электронного контроля в уголовном законодательстве США и Великобритании / Л.А. Барков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 37. – С. 58-63.

296. Бекетов, А.О. Толкование условий применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / А.О. Бекетов, К.Н. Карпов, Е.В. Стебенева // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 2. – С. 185-191.

297. Бибик, О.Н. К вопросу о наказуемости как признаке преступления / О.Н. Бибик // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 19-12.

298. Бибик, О.Н. Культурологические аспекты противодействия преступности / О.Н. Бибик // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 21-28.

299. Бибик, О.Н. Применение теории рационального выбора в уголовном праве и криминологии (на примере теоремы Коуза) / О.Н. Бибик // Юридический вестник Самарского университета. – 2016. – Т. 2, № 1. – С. 91-98.

300. Божьев, В.Н. Уголовно-правовые и уголовно-процессуальные правоотношения / В.Н. Божьев, Е.А. Фролов // Советское государство и право. – 1974. – № 1. – С. 88.

301. Болгов, В.А. Функции государства: классификация, роль и характер в разные периоды в Российской Федерации / В.А. Болгов, Ю.В. Шуваева // Территория науки. – 2017. – № 3. – С. 169-173.

302. Борисова, Н.Ф. Соотношение ограничения свободы с условным осуждением / Н.Ф. Борисова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 2. – С. 15-18.

303. Борсученко, С.А. Особенности назначения и исполнения наказаний по законодательству Италии / С.А. Борсученко // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 2. – С. 24-28.

304. Булатов, Б.Б. О праве лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, знать, в совершении какого деяния, запрещенного уголовным законом, оно уличается / Б.Б. Булатов // Законодательство и практика. – 2021. – № 2. – С. 52-55.

305. Булатов, Б.Б. Производство о применении принудительных мер медицинского характера: нерешенные вопросы / Б.Б. Булатов // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы международной научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2023. – С. 63-67.

306. Бурлака, С.А. Уголовно-правовой статус личности и уголовная ответственность / С.А. Бурлака, И.А. Кондракова // Российский следователь. – 2025. – № 1. – С. 24-27.

307. Бурлаков, Н.В. Развитие преступности и социальный контроль / Н.В. Бурлаков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 1. – С. 139-148.

308. Бутов, С.В. О соотношении понятий «правовой статус» и «правовое положение» как самостоятельных юридических категорий / С.В. Бутов, С.Г. Лысенков // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 4. – С. 6-11.

309. Бытко, Ю.И. Основание уголовной политики / Ю.И. Бытко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – № 2. – С. 146-163.

310. Быченко, Ю.Г. Социальный контроль как функция управления / Ю.Г. Быченко // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23, вып. 1. – С. 39-43.

311. Васильев, Д.С. Место постпенитенциарных мер безопасности в системе мер безопасности / Д.С. Васильев // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2015. – Т. 15, № 3. – С. 108-111.

312. Вдовцев, П.В. Освобождение от уголовной ответственности (прекращение уголовного дела): право или обязанность правоприменителя? / П.В. Вдовцев // Мировой судья. – 2024. – № 6. – С. 27-33.

313. Ведерникова, О.Н. Основные криминологические системы современности (сравнительный анализ) / О.Н. Ведерникова // Государство и право. – 2002. – № 10. – С. 32-40.

314. Ведерникова, О.Н. Теория и практика борьбы с преступностью: скандинавская уголовно-правовая и криминологическая модель / О.Н. Ведерникова // Государство и право. – 2008. – № 7. – С. 53-61.

315. Векленко, С.В. Вина как общественное отношение в структуре девиантного поведения / С.В. Векленко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 2 – С. 23-30.

316. Вельмин, А.С. Историко-юридический анализ проблем возрождения административного надзора в современной России / А.С. Вельмин // История государства и права. – 2012. – № 23. – С. 23-27.

317. Верин, А.Ю. К вопросу о структуре правового статуса личности / А.Ю. Верин // Вестник экономики, права и социологии. – 2012. – № 2. – С. 113-116.

318. Владимирова, О.А. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности / О.А. Владимирова // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 4. – С. 28-32.

319. Воронин, Ю.А. Программы контроля над преступностью в США: поиск альтернатив и зигзаги развития / Ю.А. Воронин // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». – 2020. – Т. 20, № 3. – С. 21-27.

320. Воронин, Ю.А. Теоретические основы формирования системы противодействия преступности в России / Ю.А. Воронин, А.В. Майоров // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 7-16.

321. Габдрахманов, Ф.В. Общеправовые последствия судимости и их классификация / Ф.В. Габдрахманов // Марийский юридический вестник. – 2012. – № 9. – С. 155-171.

322. Габдрахманов, Ф.В. Уголовно-правовые и общеправовые последствия судимости: сравнительно-правовой анализ / Ф.В. Габдрахманов // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 4. – С. 47-50.

323. Галыгина, И.П. Право на неприкосновенность частной жизни в системе субъективных прав осужденных / И.П. Галыгина, Е.А. Писаревская // Вестник Кузбасского института. – 2017. – № 2. – С. 35-39.

324. Гаухман, Л. Справедливость наказания: принцип и реальность / Л. Гаухман, О. Максимов, А. Жаворонков // Законность. – 1997. – № 2. – С. 5.

325. Генрих, Н.В. Криминализация и международные правоотношения / Н.В. Генрих // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 114-122.

326. Гета, М.Р. Ограничение свободы: новелла уголовного закона / М.Р. Гета // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей : в 4 ч. – Ч. 4. – Томск : Томский государственный университет, 2010. – С. 68-69.

327. Гилинский, И.Я. Институт семьи в системе «девиантность – социальный контроль» / И.Я. Гилинский // Криминология: вчера, сегодня, завтра. Труды Санкт-Петербургского криминологического клуба. – 2002. – № 1. – С. 34-41.

328. Гилинский, Я.И. Социальный контроль над преступностью: понятие, российская реальность, перспективы / Я.И. Гилинский // Российский ежегодник уголовного права. – 2013. – № 7. – С. 42-58.

329. Гилинский, Я.И. Уголовная политика общества постмодерна / Я.И. Гилинский // Уголовная политика и правоприменительная практика : сборник материалов IX международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : Астерион, 2022. – С. 10-19.

330. Голованова, Н.А. Конфискация как реакция на корыстное преступление / Н.А. Голованова // Журнал российского права. – 2015. – № 7. – С. 78-86.

331. Головко, Л.В. Законопроект об уголовном проступке: мнимые смыслы и реальная подоплека / Л.В. Головко // Закон. – 2018. – № 1. – С. 128-136.

332. Головненков, П.В. Превентивное заключение в Германии: проблемы правового регулирования / П.В. Головненков // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : сборник трудов конференции. – Москва : РГ-Пресс, 2012. – С. 491-498.

333. Гравина, А.А. Институт судимости и ее правовые последствия / А.А. Гравина, Н.М. Хромова // Журнал российского права. – 2015. – № 5. – С. 84-93.

334. Грачева, Ю.В. Предмет уголовно-правового регулирования / Ю.В. Грачева // Актуальные проблемы уголовного права. – 2008. – № 2. – С. 165-172.

335. Гришко, Л.Е. Личность осужденного за экономические преступления: на примере личности осужденных за налоговые преступления / Л.Е. Гришко, И.Е. Прысь // Человек: преступление и наказание. – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 470-475.

336. Гришко, А.Я. Исполнение наказания в виде лишения свободы в Германии / А.Я. Гришко // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2010. – № 3. – С. 26-41.

337. Груздев, В.С. Об истоках правовых взглядов Р. Паунда / В.С. Груздев // Теория и практика общественного развития. – 2020. – № 8. – С. 98-101.

338. Густова, Э.В. Криминализация и пенализация деяний как формы реализации уголовной политики / Э.В. Густова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2014. – № 1. – С. 224-228.

339. Давитадзе, М.Д. Уголовно-правовые последствия судимости / М.Д. Давитадзе // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 4. – С. 82-84.

340. Давыденко, В.М. Некоторые особенности применения к несовершеннолетним условного осуждения / В.М. Давыденко // Российская юстиция. – 2009. – № 10. – С. 38-41.

341. Дворянсков, И.В. Об учете зарубежного опыта применения технических средств контроля за осужденными (на примере США) / И.В. Дворянсков // Уголовно-исполнительное право. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 59-61.

342. Демин, А.В. «Мягкое право» в системе социального регулирования / А.В. Демин // Вопросы правоведения. – 2014. – № 1. – С. 155-156.

343. Денисенко, В.В. Легитимация правоприменительной деятельности: аксиологический аспект / В.В. Денисенко, С.П. Малышкин // Российская юстиция. – 2024. – № 8. – С. 14-22.

344. Дизер, О.А. К вопросу об административной ответственности за бродяжничество и попрошайничество / О.А. Дизер // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – Т. 14, № 4. – С. 56-59.

345. Дикарев, И.С. Принцип диспозитивности в уголовном процессе России / И.С. Дикарев // Журнал российского права. – 2008. – № 6. – С. 73-78.

346. Долинская, В.В. Правовой статус и правосубъектность / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 2. – С. 6-17.

347. Дорожкин, А.М. Понятие «неопределенность» в современной науке и философии / А.М. Дорожкин, О.И. Соколова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2015. – № 2. – С. 5-12.

348. Дорошков, В.В. Уголовно-правовая политика Российского государства в современную эпоху / В.В. Дорошков // Мировой судья. – 2024. – № 5. – С. 2-8.

349. Дьяконова, С.В. Механизм осуществления условного осуждения / С.В. Дьяконова // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 3. – С. 11-12.

350. Дьяконова, С.В. Понятие испытательного срока при применении условного осуждения и его продолжительность / С.В. Дьяконова // Российский следователь. – 2008. – № 4. – С. 19-20.

351. Дядькин, Д.С. Конкуренция норм о назначении наказания в виде ограничения свободы с нормами об условном осуждении / Д.С. Дядькин // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 34-37.

352. Егорова, Н.А. Ограничение свободы как вид наказания: проблемы и перспективы / Н.А. Егорова // Современные проблемы противодействия преступности : материалы всероссийской научно-практической конференции. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2019. – С. 75-77.

353. Елинский, А.В. Неуголовно-правовые последствия прежней судимости в свете решений Конституционного Суда РФ / А.В. Елинский // Журнал российского права. – 2010. – № 7. – С. 78-84.

354. Елинский, А.В. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы / А.В. Елинский // Уголовное право. – 2011. – № 6. – С. 106-113.

355. Ендольцева, А.В. Утрата лицом своей прежней общественной опасности как условие освобождения от уголовной ответственности / А.В. Ендольцева // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № 6. – С. 73-78.

356. Ерицян, А.В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) / А.В. Ерицян // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 103-108.

357. Ермаков, Н.Д. Система наказаний в Китайской Народной Республике / Н.Д. Ермаков, Ду Сюецзин, Н.Д. Сыманюк // Государство и право. – 2022. – № 11. – С. 165-173.

358. Жалинский, А.Э. Модели уголовного права: социальный контроль, доверие, принуждение / А.Э. Жалинский // Право и политика. – 2012. – № 4. – С. 624-629.

359. Жариков, Ю.С. Уголовно-правовое регулирование: понятие, виды и формы / Ю.С. Жариков // Современное право. – 2011. – № 7. – С. 119-123.

360. Жижек, С. Против прав человека / С. Жижек // Against Human Rights, New Left Review. – 2005. – № 34, July-August. – Pp. 115–131.

361. Жижиленко, А.А. Условное осуждение и народное правосознание / А.А. Жижиленко // Право. Еженедельная юридическая газета. – 1899. – № 1. – С. 17-22 ; № 2. – С. 84-90.

362. Забавко, Р.А. Санкции норм УК РФ об экологических преступлениях и анализ практики назначения наказаний за их совершение / Р.А. Забавко // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. –2025. – № 2. – С. 194-201.

363. Зайцева, Е.С. Правообразующие факторы и их влияние на пределы правового регулирования / Е.С. Зайцева // Право и политика: история и современность : материалы Девятой международной научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2022. – С. 44-47.

364. Зайцева, Е.С. Проблемы пределов правового регулирования в отечественной юридической науке / Е.С. Зайцева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2022. – № 3. – С. 10-17.

365. Зброжек, Е.А. Основные философские идеи Славоя Жижека / Е.А. Зброжек // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. – 2014. – № 1. – С. 34-41.

366. Звечаровский, И.Э. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды / И.Э. Звечаровский // Законность. – 1999. – № 3. – С. 34-36.

367. Звечаровский, И.Э. Меры уголовно-правового реагирования на преступность в современной России / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2021. – № 12. – С. 26-31.

368. Звечаровский, И.Э. На пути к уголовному проступку / И.Э. Звечаровский // Законность. – 2021. – № 2. – С. 45-46.

369. Звечаровский, И.Э. О целях уголовного наказания и их достижении / И.Э. Звечаровский // Уголовное право. – 2022. – № 6. – С. 48-52.

370. Зебницкая, А.К. Сталкинг (преследование): перспективы регулирования в правовом поле Российской Федерации / А.К. Зебницкая // Адвокатская практика. – 2020. – № 3. – С. 50-54.

371. Земскова, А.И. Место и значение правозащитной функции государства в системе функций государства: вопросы классификации / А.И. Земскова // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 2. – С. 5-8.

372. Ибрагимова, Н.М. Порядок исполнения и отбывания, а также сроки исчисления наказания в виде ограничения свободы / Н.М. Ибрагимова // Актуальные проблемы экономики и права. – 2010. – № 3. – С. 153-155.

373. Иванов, Н.Г. Общественная опасность деяния / Н.Г. Иванов // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 2. – С. 35-40.

374. Игнатов, А.Н. Социально-демографическая и уголовно-правовая характеристика личности современного насильственного преступника / А.Н. Игнатов // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2015. – № 4. – С. 93-98.

375. Иеринг, Р. Составляющая вины в римском частном праве / Р. Иеринг // Правоведение. – 2023. – Т. 67, № 2. – С. 216-257.

376. Иногамова-Хегай, Л.В. Дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности и иные меры уголовно-правового характера / Л.В. Иногамова-Хегай // Общество и право. – 2016. – № 2. – С. 98-103.

377. Ищук, Я.Г. Административный надзор в системе мер оперативно-розыскной профилактики преступлений / Я.Г. Ищук // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 3. – С. 137-141.

378. Казимирчук, В.П. Социальный контроль и предупреждение правонарушений / В.П. Казимирчук // Проблемы искоренения правонарушений в СССР : тезисы докладов научной конференции. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1971. – С. 31-34.

379. Кайшев, А.В. Универсальность условного осуждения / А.В. Кайшев, В.М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2021. – Т. 18, № 2. – С. 88-98.

380. Калинина, О.М. Уклонение от административного надзора: вопросы правоприменения / О.М. Калинина // Вестник Омской юридической академии. – 2016. – № 4. – С. 51-56.

381. Караваева, Ю.С. Об общественной опасности личности преступника со специальным статусом / Ю.С. Караваева // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2012. – № 3. – С. 52-55.

382. Карамурзова, Ж.З. Ограничения на занятие педагогической деятельностью / Ж.З. Карамурзова // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 1. – С. 159-165.

383. Карлов, И.В. Основные криминологические показатели и тенденции пенитенциарной преступности / И.В. Карлов // Российский юридический журнал. – 2022. – № 5. – С. 31-39.

384. Карпов, А.А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего побег из-под надзора / А.А. Карпов, С.Б. Рябых, А.В. Щербаков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 3. – С. 6-10.

385. Карпов, К.Н. Влияние особенностей исполнения наказания в виде штрафа на степень репрессивности уголовно-правового воздействия / К.Н. Карпов, М.В. Бавсун, А.А. Кузнецов // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 3. – С. 355-364.

386. Карпов, К.Н. Временные пределы исполнения конфискации имущества / К.Н. Карпов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы двадцатой международной научно-практической конференции. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – Ч. 2. – С. 27-28.

387. Карпов, К.Н. Дифференциация конфискации имущества как уголовно-правового средства социального контроля / К.Н. Карпов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 102-109.

388. Карпов, К.Н. Дифференциация оснований отмены условного осуждения и освобождения от наказания / К.Н. Карпов // Lex Russica. – 2025. – № 9. – С. 60-70.

389. Карпов, К.Н. Значение нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности для наступления общеправовых последствий совершения лицом преступления / К.Н. Карпов, А.А. Нечепуренко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2023. – № 5. – С. 87-100.

390. Карпов, К.Н. Когда не применяется конфискация имущества / К.Н. Карпов // Законность. – 2017. – № 12. – С. 36-40.

391. Карпов, К.Н. Конституционно-правовое понимание сущности и содержания наказания в виде ограничения свободы / К.Н. Карпов // Уголовно-исполнительное право. – 2025. – № 3. – С. 397-408.

392. Карпов, К.Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства / К.Н. Карпов, С.В. Векленко // Вестник Воронежского института МВД России. – 2010. – № 1. – С. 20-26.

393. Карпов, К.Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля за лицами, совершившими преступление / К.Н. Карпов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № 3. – С. 133-140.

394. Карпов, К.Н. Криминализация и декриминализация как инструменты социального контроля / К.Н. Карпов // Преступление: сущность и содержание : материалы международной научно-практической конференции. – Омск : Омская академия МВД России, 2025. – С. 84-86.

395. Карпов, К.Н. Криминообразующие признаки субъекта преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 264^2 УК РФ / К.Н. Карпов // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022. – С. 182-184.

396. Карпов, К.Н. Лицо, освобожденное от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, как специальный субъект преступлений с уголовной преюдицией / К.Н. Карпов // VI Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : сборник тезисов выступлений и докладов участников форума. – Рязань : Академия права и управления ФСИН, 2023. – С. 358-363.

397. Карпов, К.Н. Лишение права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью как наказание и мера безопасности / К.Н. Карпов // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2017. – № 3. – С. 170-175.

398. Карпов, К.Н. Мнимая неопределенность рецидива преступлений / К.Н. Карпов // Алтайский юридический вестник. – 2023. – № 3. – С. 103-109.

399. Карпов, К.Н. Нереабилитирующие основания освобождения от уголовной ответственности в контексте принципов равенства и справедливости / К.Н. Карпов // Алтайский юридический вестник. – 2025. – № 4. – С. 160-166.

400. Карпов, К.Н. Новые средства контроля за лицами, совершившими преступление / К.Н. Карпов // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI

Международной научно-практической конференции : в 2 т. – Т. II. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2015. – С. 77-81.

401. Карпов, К.Н. Освобождение от общеправовых последствий совершения преступления / К.Н. Карпов // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2024. – С. 33-36.

402. Карпов, К.Н. Основания возобновления исчисления сроков давности обвинительного приговора суда при злостном уклонении от отбывания штрафа / К.Н. Карпов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы двадцать первой международной научно-практической конференции. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – Ч. 2. – С. 30-31.

403. Карпов, К.Н. Особенности действия отдельных норм УК РФ в отношении лиц, совершивших преступления за пределами Российской Федерации / К.Н. Карпов // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. – С. 47-49.

404. Карпов, К.Н. Особенности современной криминализации как способа уголовно-правового реагирования / К.Н. Карпов // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии : материалы международной научно-практической конференции. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2023. – С. 21-24.

405. Карпов, К.Н. Отмена условного освобождения от наказания военнослужащих (ст. 80^2 УК РФ) / К.Н. Карпов // Сибирский юридический вестник. – 2024. – № 3. – С. 75-80.

406. Карпов, К.Н. Подходы к пониманию социального контроля в сфере уголовно-правового регулирования / К.Н. Карпов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2025. – № 2. –С. 150-164.

407. Карпов, К.Н. Правовое значение примирения с потерпевшим и деятельного раскаяния по делам частного обвинения / К.Н. Карпов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 3. – С. 79-83.

408. Карпов, К.Н. Правовые последствия освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям / К.Н. Карпов // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра : материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2022. – С. 125-129.

409. Карпов, К.Н. Пробация как элемент социального контроля за лицами, совершившими преступление / К.Н. Карпов // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 2. – С. 178-187.

410. Карпов, К.Н. Реализация конституционных принципов равенства и справедливости при конфискации денежных средств или иного имущества взамен предмета, подлежащего конфискации / К.Н. Карпов, А.О. Бекетов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29, № 3. – С. 189-194.

411. Карпов, К.Н. Систематизация «общеправовых» последствий совершения преступления как средств социального контроля за лицами, совершившими преступление / К.Н. Карпов // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 170-177.

412. Карпов, К.Н. Сроки исполнения штрафа как средство достижения целей наказания / К.Н. Карпов // Законодательство и практика. – 2022. – № 2. – С. 10-13.

413. Карпов, К.Н. Судимость и правовой статус лица, освобожденного от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, как признаки субъекта преступлений с уголовной преюдицией / К.Н. Карпов // Законодательство. – 2024. – № 6. – С. 60-67.

414. Карпов, К.Н. Уголовно-правовое значение итоговых процессуальных решений об освобождении от уголовной ответственности и наказания / К.Н. Карпов // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 1. – С. 63-74.

415. Карпов, К.Н. Условия и правовые последствия освобождения от наказания в связи с болезнью / К.Н. Карпов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2024. – № 1. – С. 57-62.

416. Карпов, К.Н. Функция контроля в уголовном праве: постановка проблемы / К.Н. Карпов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – Т. 26, № 4. – С. 5-11.

417. Карпов, К.Н. Экстраординарные основания и правовые последствия освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции / К.Н. Карпов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2024. – № 1. – С. 33-37.

418. Карягина, А.В. Проблемы и пути совершенствования административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / А.В. Карягина // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2019. – № 1. – С. 88-91.

419. Каскенов, П.П. О социальном контроле в работе Платона «Государство» / П.П. Каскенов // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2019. – Т. 11, № 1. – С. 92-97.

420. Касторский, Г.Л. Криминологическое значение правовых санкций / Г.Л. Касторский // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2023. – № 4. – С. 88-94.

421. Квашис, В.Е. Основные показатели и тенденции преступности в США / В.Е. Квашис // Виктимология. – 2019. – № 1. – С. 9-13.

422. Квашис, В.Е. Преступность в США: реальность позитивных изменений или «временное исключение»? / В.Е. Квашис // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 97-100.

423. Квашис, В.Е. Содержание уголовно-правового отношения (концептуальная модель) / В.Е. Квашис, Н.В. Генрих // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 29-34.

424. Кетенчиева, Е.С. Криминологическая характеристика личности мигрантов, совершающих незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ / Е.С. Кетенчиева // Журнал правовых и экономических исследований. – 2019. – № 3. – С. 64-69.

425. Кирин, А.В. Противоречия концептуально-правового статуса ареста как административного наказания / А.В. Кирин // Административное право и процесс. – 2011. – № 9. – С. 32-34.

426. Клейманов, М.С. Проблема криминализации сталкинга в Российской Федерации / М.С. Клейманов // Закон и право. – 2021. – № 5. – С. 133-135.

427. Клейменов, М.П. Уголовно-правовое реагирование в историческом аспекте / М.П. Клейменов, И.М. Клейменов // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – Т. 16, № 4. – С. 149–161.

428. Кобец, П.Н. Особенности рецидивной преступности среди лиц условно осужденных / П.Н. Кобец // Инновационная наука. – 2015. – № 10. – С. 171-172.

429. Кобзик, Е.Г. Контроль как функция управления / Е.Г. Кобзик, Г.В. Митрофанова, С.Н. Уголев // Вестник Гомельского государственного технического университета им. П.О. Сухого. – 2005. – № 2. – С. 69-76.

430. Коврига, З.Ф. Системно-структурный подход к исследованию позитивной уголовной ответственности (на примере уголовного судопроизводства) / З.Ф. Коврига, Н.К. Панько // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Право. – 2010. – № 1. – С. 506-515.

431. Кожевникова, Д.П. Ограничение прав и свобод лиц, осужденных к лишению свободы, как элемент их правового статуса / Д.П. Кожевникова // Конституционализм и государствоведение. – 2024. – № 1. – С. 51-55.

432. Козаченко, И.Я. Скрытая декриминализация: проблемы и пути их решения / И.Я. Козаченко // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (I Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам конференции. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2016. – С. 78-81.

433. Козырев, Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль / Г.И. Козырев // Социологические исследования. – 2005. – № 8. – С. 124-129.

434. Коков, Д. Право в системе социального управления развитого социалистического общества / Д. Коков // Dŭrzhava, pravo, upravlenie. – 1977. – С. 63. – URL: https://openlibrary.org/books/OL19360759M/Dŭrzhava_pravo_upravlenie.

435. Колбасова, Е.В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы и меры по совершенствованию его законодательной регламентации / Е.В. Колбасова, С.В. Иванцов // Закон и право. – 2017. – № 12. – С. 87-91.

436. Колоколов, Н.А. Уголовно-процессуальный закон: феномен, который каждый толкует по-своему / Н.А. Колоколов // Уголовное судопроизводство. – 2021. – № 3. – С. 2-16.

437. Коробеев, А.И. Лоскутное одеяло Уголовного кодекса: чем и когда закончится гиперинфляция правовой политики современной России / А.И. Коробеев // Новая газета. – 2013. – № 20. – С. 5.

438. Коробеев, А.И. Перспективы развития уголовно-правовой политики России: поиск реальной модели / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Государство и право. – 2023. – № 8. – С. 96-105.

439. Коробеев, А.И. Тенденции российской уголовно-правовой политики в сфере пенализации и депенализации: от «рождества» УК РФ 1996 г. до наших дней / А.И. Коробеев // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения) : сборник статей по материалам IV Всероссийской научно-практической конференции. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2019. – С. 187-192.

440. Коробеев, А.И. Тенденции уголовно-правовой политики современной России в сфере законотворчества: эмпирико-аналитическое исследование / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Государство и право. – 2024. – № 5. – С. 97-107.

441. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере законотворчества: «свободная в своей причине?» / А.И. Коробеев // Современные проблемы уголовной политики : материалы международной научно-практической конференции. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2014. – С. 71-81.

442. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика современной России в сфере пенализации (депенализации): кнут или пряник? / А.И. Коробеев // Библиотека криминалиста. – 2014. – № 3. – С. 45-53.

443. Коробеев, А.И. Уголовно-правовая политика современной России: тенденции в сфере законотворчества / А.И. Коробеев // XV Дагелевские научные чтения. Уголовная политика России: истоки, тенденции, перспективы : сборник трудов конференции. – Владивосток : Дальневосточный федеральный университет, 2025. – С. 11-18.

444. Коробов, П.В. Правовая политика и дифференциация уголовной ответственности / П.В. Коробов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 1. – С. 181-182.

445. Костенко, А.И. Вопросы отделения ограничения свободы как вида уголовного наказания от условного осуждения / А.И. Костенко // Научное образование. – 2021. – № 1. – С. 142-143.

446. Красоткин, П.Н. Применение мер поощрения к лицам, отбывающим наказание в виде исправительных работ / П.Н. Красоткин // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2010. – № 3. – С. 63-67.

447. Красутских, Л.В. Проблемы реализации условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / Л.В. Красутских, И.В. Русяев // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2008. – № 8. – С. 64-67.

448. Кригер, Г.А. Условное осуждение и роль общественности в его применении / Г.А. Кригер. – Москва : МГУ, 1963. 101 с.

449. Кудрявцев, В.Н. Методологические вопросы сравнительной криминологии / В.Н. Кудрявцев // Проблемы сравнительного правоведения. – Москва : [б. и.], 1978. – С. 71-78.

450. Кузнецов, А.П. Сравнительное уголовное право: понятие, предмет, метод, функции, задачи / А.П. Кузнецов // Журнал прикладных исследований. – 2021. – № 6, Т. 1. – С. 58-65.

451. Кузнецова, Н.Ф. Участие общественности в перевоспитании правонарушителей, осужденных условно или переданных на поруки / Н.Ф. Кузнецова // Советское государство и общественность в условиях развернутого строительства коммунизма : сборник статей. – Москва : МГУ, 1962. – С. 306-356.

452. Кузнецова, О.А. Межотраслевая правовая природа конфискации имущества / О.А. Кузнецова, В.В. Степанов // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 27-37.

453. Курганов, С.И. Меры уголовно-правового характера / С.И. Курганов // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 61.

454. Куфлева, В.Н. К проблеме определения субъектов уголовного права / В.Н. Куфлева // Юрислингвистика. – 2024. – № 33. – С. 44-51.

455. Куфлева, В.Н. Лицо, совершившее преступление: современные вызовы и ответы / В.Н. Куфлева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 3. – С. 207-216.

456. Лазарев, В.В. Определение сферы правового регулирования / В.В. Лазарев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 5. – С. 64-71.

457. Лановая, Г.М. Условное и безусловное в юридической науке / Г.М. Лановая // Журнал российского права. – 2024. – № 5. – С. 41-53.

458. Лапшин, В.Ф. Дифференциация ответственности и законодательная техника как ключевые направления научных исследований Ярославской уголовно-правовой школы (на примере диссертаций представителей Северо-Западного региона) / В.Ф. Лапшин, В.Н. Некрасов // Пенитенциарная наука. – 2024. – № 4. –С. 367-375.

459. Лапшин, В.Ф. Альтернативы лишению свободы в условиях цифровой трансформации общества: эмпирическое исследование / В.Ф. Лапшин, С.А. Хохрин // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 22, № 2. – С. 80-88.

460. Лапшин, В.Ф. Условное осуждение и судимость как рудименты современного уголовного права / В.Ф. Лапшин // IV международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» : материалы международных научно-практических конференций и круглых столов, к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России : в 10 т. – Т. 3. – Рязань : Академия ФСИН России, 2019. – С. 168-171.

461. Лапшин, В.Ф. Юридический анализ содержания категории «уголовно-правовое воздействие» / В.Ф. Лапшин // Вестник Югорского государственного университета. – 2019. – № 3. – С. 7-13.

462. Ларина, Л.Ю. Понятие лица, впервые совершившего преступление / Л.Ю. Ларина // Юридическая наука. – 2014. – № 1. – С. 87-90.

463. Лихтер, П.Л. Супервентность правовой реальности: проблема онтологического статуса эссенциальных и феноменальных элементов / П.Л. Лихтер // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С. 20-32.

464. Лобзов, К.М. Правовой статус личности как субъект и объект правоотношений в современном законодательстве Российской Федерации (теоретико-методологический анализ) / К.М. Лобзов, А.В. Богданов, Е.Н. Хазов // Вестник экономической безопасности. – 2015. – № 7. – С. 20-25.

465. Лобов, Я.В. Испытательный срок при условном осуждении военнослужащих: проблемные вопросы исчисления и продления / Я.В. Лобов, Д.Ю. Мананников // Право в Вооруженных Силах. – 2008. – № 2. – Доступ из СПС «ГАРАНТ».

466. Ложкина, Л.В. Понятие, структура и содержание правового статуса осужденных к лишению свободы / Л.В. Ложкина // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2005. – № 6-2. – С. 97-101.

467. Лопашенко, Н.А. Уголовная политика по принципу «чего изволите?», или уголовный закон как средство решения всех проблем / Н.А. Лопашенко // Вестник Московского университета. Серия Право. – 2015. – № 11. – С. 44- 54.

468. Лопашенко, Н.А. О защите экономических свобод уголовным законом и от уголовного закона / Н.А. Лопашенко // Проблемы эффективности осуществления право-

охранительной функции в обеспечении социально-экономической стабильности в обществе : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Минск : Белорусский государственный университет, 2018. – С. 87-88.

469. Лопашенко, Н.А. О кризисе российского уголовного права (перечитывая А.Э. Жалинского) / Н.А. Лопашенко // Государство и право. – 2023. – № 9. – С. 97-111.

470. Лунеев, В.В. Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2006. – № 4. – С. 5-10.

471. Лунеев, В.В. Социальные последствия, жертвы и цена преступности / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 1. – С. 36-56.

472. Люблинский, П.И. Условное осуждение и попечительный надзор в Америке / П.И. Люблинский // Журнал Министерства Юстиции. – 1912. – № 9. – С. 102-150 ; № 10. – С. 68-85.

473. Лядов, Э.В. Правовой статус осужденных, отбывающих уголовные наказания, не связанные с изоляцией от общества / Э.В. Лядов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2015. – № 2. – С. 70-83.

474. Максимов, В.З. Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки: обзор XI Общероссийского годового собрания теоретиков права / В.З. Максимов, Е.А. Мотова, С.А. Фоминых // Журнал российского права. – 2024. – № 5. – С. 54-74.

475. Максимов, С.В. Условное осуждение и его цели / С.В. Максимов // Российский следователь. – 2005. – № 9. – С. 26-28.

476. Маликов, Б.З. Особенность общеправовых последствий судимости / Б.З. Маликов, И.А. Биккинин // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2021. – № 2. – С. 102-107.

477. Малько, А.В. Механизм правового регулирования: лекции / А.В. Малько // Правоведение. – 1996. – № 3. – С. 54-62.

478. Мальцев, В.А. Особенности правовых механизмов обеспечения реализации контрольной функции государства в различных сферах национальной безопасности России / В.А. Мальцев // Конституционализм и государствоведение. – 2020. – № 1. – С. 23-31.

479. Мальцев, В.В. Задачи уголовного права / В.В. Мальцев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 192-205.

480. Маматов, М.В. Конфискация транспортного средства как элемент предупреждения общественно-опасных деяний в области дорожного движения / М.В. Маматов, И.А. Маслов // Российская юстиция. – 2019. – № 1. – С. 66-68.

481. Мананников, Д.Ю. О некоторых вопросах условного осуждения военнослужащих / Д.Ю. Мананников // Гражданин и право. – 2008. – № 10. – С. 55-66.

482. Маслов, К.В. О соотношении понятий контроля и надзора / К.В. Маслов // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 1. – С. 85–90.

483. Матейкович, М.С. Проблемы освобождения от наказания в связи с иной тяжелой болезнью / М.С. Матейкович // Российская юстиция. – 2014. – № 10. – С. 21-24.

484. Медведев, А.А. К вопросу о необходимости дополнительного нормативного регулирования исполнения наказания в виде ограничения свободы / А.А. Медведев // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2024. – № 3. – С. 32-36.

485. Мелихов, А.И. Оперативно-разыскная деятельность как институт предупреждения, контроля и пресечения насилия в истории России / А.И. Мелихов, Л.В. Готчина // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1. – С. 127-132.

486. Мингалимова, М.Ф. Новый подход к назначению наказания за преступление, предусмотренное ст. 314^1 УК РФ / М.Ф. Мингалимова // Уголовное право. – 2021. – № 7. – С. 34-41.

487. Мингалимова, М.Ф. Конфискация транспортных средств как способ предупреждения совершения преступлений в состоянии опьянения / М.Ф. Мингалимова // Законность. – 2024. – № 2. – С. 44-45.

488. Минязева, Т.Ф. Критерии назначения наказания или иной меры уголовно-правового характера / Т.Ф. Минязева, Л.А. Букалерова // Общество и право. – 2011.– № 1. – С. 89-93.

489. Миронова, Г.Н. Предмет конфискации при мелком коммерческом подкупе и мелком взяточничестве / Г.Н. Миронова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1. – С. 121-125.

490. Мирошниченко, Д.Г. Ограничение свободы: некоторые пути повышения эффективности механизма исполнения / Д.Г. Мирошниченко // Вестник науки. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 311-322.

491. Можаев, С.А. К вопросу о необходимости совершенствования мер административного надзора в связи с распространением преступлений с использованием ин-

формационно-телекоммуникационных технологий / С.А. Можаев, С.Ю. Балмочных // Вестник Воронежского института МВД России. – 2023. – № 1. – С. 218-224.

492. Морохова, О.А. Потенциал использования образовательных ресурсов в исправительной системе Норвегии / О.А. Морохова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2018. – № 2. – С. 134-137.

493. Музеев, А.И. О возможности оперативно-разыскного контроля за соблюдением отдельных ограничений лицами, находящимися под административным надзором / А.И. Музеев, Г.А. Рукавишников // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 2. – С. 115-125.

494. Надин, А. Конфискация транспортных средств: проблемы правоприменения / А. Надин // Законность. – 2024. – № 11. – С. 55-58.

495. Назаров, Н.А. Обеспечения качества данных при автоматизированном принятии решений в государственном управлении / Н.А. Назаров // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 5. – С. 140-153.

496. Непомнящая, Т.В. Проблемы назначения и исполнения наказания в виде ограничения свободы / Т.В. Непомнящая // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2010. – № 3. – С. 175-178.

497. Неретина, С.С. Философия – не идеология / С.С. Неретина // Вопросы философии. – 2023. – № 5. – С. 70-74.

498. Нечепуренко, А.А. «Совершение преступления впервые» как ключевое понятие для оптимизации применения института освобождения от уголовной ответственности / А.А. Нечепуренко, В.В. Бабурин // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 30. – С. 67-79.

499. Нечепуренко, А.А. Освобождение от наказания в контексте института судимости / А.А. Нечепуренко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – № 4. – С. 298-303.

500. Нечепуренко, А.А. Перспективы законодательного закрепления статуса судимости как основной формы реализации уголовной ответственности / А.А. Нечепуренко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2012. – № 2. – С. 37-43.

501. Нечепуренко, А.А. Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления / А.А. Нечепуренко // Российский девиантологический журнал. – 2021. – № 1. – С. 314-325.

502. Нечепуренко, А.А. Разграничение содержания и последствий судимости / А.А. Нечепуренко // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 4. – С. 3-8.

503. Овсянников, И.В. Как именовать лицо, освобожденное от уголовной ответственности / И.В. Овсянников // Законность. – 2022. – № 10. – С. 38-40.

504. Овчинников, С.Н. Дифференциация условий отбывания лишения свободы в уголовно-исполнительном законодательстве России и ФРГ / С.Н. Овчинников // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2017. – № 3. – С. 32-34.

505. Пархоменко, Д.А. Совершение преступления впервые: обоснованность введения в уголовный закон и значение среди других обстоятельств / Д.А. Пархоменко // Lex Russica. – 2020. – Т. 73, № 6. – С. 160-169.

506. Петрашева, Н.В. Понятие «лицо, совершившее преступление»: теоретико-методологический аспект / Н.В. Петрашева // Юристъ-Правоведъ. – 2016. – № 4. – С. 30-34.

507. Пионтковский, А.А. Наука уголовного права, ее предмет, задачи, содержание и значение (1895 г.) / А.А. Пионтковский // Российский криминологический взгляд. – 2007. – № 4. – С. 61-68.

508. Питецкий, В. Судимость в уголовном праве / В. Питецкий // Законность. – 2006. – № 4. – С. 50-52.

509. Плешков, В.А. Взыскание штрафа, назначенного в качестве наказания за совершение преступления / В.А. Плешков // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2009. – № 4. – С. 20-24.

510. Полубинская, С.В. Опасность лица с психическим расстройством при назначении принудительных мер медицинского характера / С.В. Полубинская // Уголовное право. – 2024. – № 8. – С. 24-33.

511. Пономарев, С.Б. Биологический фактор в этиологии преступного поведения. Трансформация научной парадигмы / С.Б. Пономарев // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – № 4. – С. 290-297.

512. Попов, Д.В. К вопросу о рождении биополитики: загадка, которую не замечают / Д.В. Попов // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2022. – Т. 28, № 1. – С. 82-93.

513. Пугачев, В.П. Глобалистский тоталитаризм – тренд развития цифрового общества / В.П. Пугачев // Социальная мысль. – 2021. – № 4. – С. 5-18.

514. Пудовочкин, Ю.Е. Концепт «риск» и проблемы уголовно-правовой науки / Ю.Е. Пудовочкин // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 4. – С. 58-67.

515. Пудовочкин, Ю.Е. Современное нормотворчество как основа формирования новой теории криминализации / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Lex russica. – 2023. – Т. 76, № 1. – С. 110-125.

516. Разогреева, А.М. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоализация? / А.М. Разогреева, М.М. Миньков // Уголовное право. – 2010. – № 4. – С. 47-51.

517. Райхер, В.К. Абсолютные и относительные права (к проблеме деления хозяйственных прав). В особенности применительно к советскому праву / В.К. Райхер // Вестник гражданского права. – 2007. – № 2. – С. 144-204.

518. Рарог, А.И. Репрессивный крен российской уголовной политики / А.И. Рарог // Всероссийский криминологический журнал. – 2014. – № 3. – С. 88-95.

519. Рахмаев, Э.С. О формировании системы социальной реабилитации лиц, освободившихся из мест лишения свободы / Э.С. Рахмаев // Обеспечение процесса реформирования использования наказаний в Российской Федерации : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Рязань : Академия ФСИН России, 2010. – С. 311-314.

520. Ревнов, Б.А. Отдельные особенности общеправовых последствий судимости / Б.А. Ревнов // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 5. – С. 108-113.

521. Режапова, И.М. Зарубежный опыт работы с заключенными с целью их дальнейшей ресоциализации (на примере законодательства Соединенных Штатов Америки и Канады) / И.М. Режапова // Человек: преступление и наказание. – 2019. – Т. 27 (1–4), № 1. – С. 40-46.

522. Репецкая, А.Л. Современное состояние, структура и тенденции российской преступности / А.Л. Репецкая // Вестник Омского университета. Серия Право. – 2018. – № 1. – С. 151-156.

523. Рувинский, Р.З. Борьба с правонарушениями в эпоху Системы социального кредита: перспективы и риски / Р.З. Рувинский, Е.В. Царев // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 3. – С. 282-294.

524. Рыбак, А.З. Допреступное уголовно-релевантное поведение / А.З. Рыбак // Наукосфера. – 2024. – № 5. – С. 484-488.

525. Рыжова, О.А. Об ответственности за сталкинг в Российской Федерации и в зарубежных странах / О.А. Рыжова, Ю.С. Корнишина // Наука. Общество. Государство. – 2018. – Т. 6, № 4. – С. 49-55.

526. Рясов, Д.А. Причины и условия совершения преступлений лицами, состоящими под административным надзором органов внутренних дел / Д.А. Рясов // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2016. – Вып. 1. – С. 50-54.

527. Сабитов, Т.Р. Принцип неотвратимости наказания и его трансформация в уголовно-правовой науке и законодательстве / Т.Р. Сабитов // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3. – С. 261-264.

528. Садыков, Д.И. Распространение фейковых новостей во время пандемии COVID-19 / Д.И. Садыков, Н.А. Ахметьянова // Colloquium-journal. – 2020. – № 8. – С. 78-79.

529. Сафоклов, Ю. «Большой брат» в Интернете: решение Федерального конституционного суда Германии по так называемому «компьютерному основному праву» / Ю. Сафоклов // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – № 5. – С. 144-156.

530. Середа, С.П. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы при изменении вида исправительного учреждения / С.П. Середа // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 78-84.

531. Скиба, А.П. Некоторые коллизии норм УК РФ, УИК РФ и УПК РФ при исполнении уголовного наказания в виде штрафа / А.П. Скиба // Исполнительное право. – 2008. – № 4. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

532. Скиба, А.П. Несовершенство уголовно-исполнительного и иного законодательства об оценке поведения осужденного как коррупциогенный фактор / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. – 2024. – № 3. – С. 383-393.

533. Скобелин, С. Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания и замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания / С. Скобелин // Уголовное право. – 2009. – № 6. – С. 64-68.

534. Скобликов, П.А. Принцип максимальной терпимости в уголовной политике: на примере характерного законопроекта / П.А. Скобликов // Государство и право. – 2022. – № 8. – С. 93-101.

535. Скрипченко, Н.Ю. Нормативное определение субъектов, уполномоченных инициировать отмену условного осуждения, нуждается в корректировке / Н.Ю. Скрипченко, М.В. Янович // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2024. – № 4. – С. 5-8.

536. Смирнов, А.Н. Дифференциация и индивидуализация наказания: уголовно-правовой и уголовно-исполнительный аспекты / А.Н. Смирнов // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 3. – С. 58-64.

537. Соколова, М.А. Надотрасль как новый элемент системы права / М.А. Соколова // Государство и право. – 2022. – № 12. – С. 71-76.

538. Степашин, В.М. Испытательный срок / В.М. Степашин // Вестник Омского университета. – 2013. – № 3. – С. 257-259.

539. Степашин, В.М. Назначение наказания в виде лишения специального, воинского или почётного звания, классного чина и государственных наград / В.М. Степашин // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2011. – № 2. – С. 168-172.

540. Степашин, В.М. Последствия неисполнения уголовного наказания в виде штрафа / В.М. Степашин // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 68-72.

541. Степашин, В.М. Продолжительность испытательного срока при условном осуждении / В.М. Степашин // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2013. – № 2. – С. 6-8.

542. Строгович, М.С. Сущность юридической ответственности / М.С. Строгович // Советское государство и право. – 1979. – № 5. – С. 73-75.

543. Струкова, В.В. Обоснованно ли расширение такой категории дел, как дела частного обвинения? / В.В. Струкова // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 1. – С. 13-17.

544. Сысоев, А.М. «Преступления ненависти» в законодательстве США: характеристика и тенденции / А.М. Сысоев // Пенитенциарная наука. – 2009. – № 5. – С. 70-73.

545. Тарбагаев, А.Н. Проблемы эффективности системы наказаний в российском уголовном праве / А.Н. Тарбагаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 4. – С. 75-78.

546. Тарбагаев, А.Н. Судимость и ее уголовно-правовое значение / А.Н. Тарбагаев, Н.М. Кропачев, А.И. Бойцов // Вестник Ленинградского университета. Серия 6: История КПСС, научный коммунизм, философия, право. – 1990. – № 2. – С. 85-90.

547. Тепляшин, П.В. Административный надзор за лицами, освобождёнными из мест лишения свободы / П.В. Тепляшин // Законность. – 2011. – № 10. – С. 16-19.

548. Тепляшин, П.В. Воспитательная работа с осужденными как субинститут уголовно-исполнительного права / П.В. Тепляшин // Уголовно-исполнительное право. – 2023. – Т. 18, № 2. – С. 211-218.

549. Тепляшин, П.В. Новый закон об уголовном наказании в виде ограничения свободы / П.В. Тепляшин // Законность. – 2011. – № 3. – С. 38-40.

550. Тепляшин, П.В. Особенности государственного контроля за исполнением уголовных наказаний в Российской Федерации и Республике Казахстан / П.В. Тепляшин // Организация и деятельность органов внутренних дел на современном этапе: проблемы и пути решения : материалы Международной научно-практической конференции. – Костанай : Костанайская академия МВД Республики Казахстан им. Ш. Кабылбаева, 2020. – С. 425-430.

551. Тепляшин, П.В. Современные аспекты правового регулирования воспитательной работы с осужденными к лишению свободы / П.В. Тепляшин // Вестник Кузбасского института. – 2024. – № 2. – С. 177-186.

552. Тепляшин, П.В. Теоретико-правовое содержание моделей общественного контроля в уголовно-исправительной системе при введении режима особых условий / П.В. Тепляшин, И.В. Тепляшин // Ученые записки юридического факультета. – 2022. – № 3. – С. 4-8.

553. Тимофеева, Е.А. Пенитенциарная система КНР: особенности развития, функционирования, подготовки кадров (из опыта пенитенциарной службы Шанхайского региона) / Е.А. Тимофеева // Вестник Самарского юридического института. – 2017. – № 1. – С. 62-73.

554. Тимошенко, С.Э. Методологические проблемы установления пределов уголовно-правового воздействия. / С.Э. Тимошенко // Методологические проблемы уголовно-правового регулирования : сборник научных статей. – Москва : ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 60-68.

555. Тихомиров, Ю.А. Загадки правового воздействия на процессы в окружающем мире / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. – 2023. – № 9. – С. 10-15.

556. Ткачевский, Ю.М. Условное осуждение / Ю.М. Ткачевский // Социалистическая законность. – 1963. – № 11. – С. 53.

557. Трифонов, А.Ю. Соотношение административно-правового статуса граждан РФ и лиц условно осужденных / А.Ю. Трифонов, Д.Р. Дишковец // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». – 2024. – № 33. – С. 123-130.

558. Тунина, Н.А. Охранный ордер как способ превенции семейного насилия / Н.А. Тунина // Всероссийский криминологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 78-82.

559. Турицын, А.В. Проблема подмены понятий «конфискация» (ст. 104^1 УК РФ) и «изъятие имущества» по сделке, совершённой с целью, противной основам правопорядка или нравственности (ст. 169 ГК РФ), по делам о взяточничестве / А.В. Турицын // Право и практика – 2023. – № 3. – С. 54-60.

560. Турищева, Н.Ю. Судимость как основание ограничения пассивного избирательного права / Н.Ю. Турищева // Государство и право. – 2013. – № 10. – С. 63-71.

561. Тхайшаов, Э. К вопросу о более широком применении штрафа как вида уголовного наказания / Э. Тхайшаов // Уголовное право. – 2010. – № 3. – С. 64-65.

562. Усов, К.В. Соотношение ограничения свободы с условным осуждением / К.В. Усов // Вестник молодого ученого Кузбасского института : сборник научных статей. – Новокузнецк : Кузбасский институт ФСИН России, 2020. – Вып. 4. – С. 67-71.

563. Уткин, В.А. «Социология» применения наказаний и пенитенциарная практика / В.А. Уткин // Вестник Кузбасского института. – 2019. – № 4. – С. 107-116.

564. Уткин, В.А. Правовой статус осужденных: законодательное и подзаконное регулирование / В.А. Уткин // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право : материалы Всероссийской научно-практической конференции : в 2 ч. – Ч. 1. – Вып. 6. – Томск : Томский государственный университет, 2018. – С. 13-20.

565. Уткин, В.А. Правовые основания ресоциализации, освобожденных из мест лишения свободы (к концепции законопроекта). / В.А. Уткин / Актуальные проблемы исполнения уголовных наказаний : материалы научно-практического семинара. – Рязань : Академия ФСИН России, 2005. – С. 111-112.

566. Фирсова, А.П. Уголовно-правовое значение судимости / А.П. Фирсова // Уголовное право. – 2013. – № 2. – С. 47-52.

567. Хабибулин, А.Г. Интересы государства и его охранно-защитная функция / А.Г. Хабибулин, Г.Т. Чернобель // Журнал российского права. – 2008. – № 5. – С. 18-27.

568. Хабриева, Т.Я. «Юриспруденция пандемии»: теория чрезвычайного / Т.Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – Т. 18, № 1. – С. 5-9.

569. Харзинова, В.М. Социально-психологическая, криминологическая характеристика личности экстремиста, террориста, занимающегося пропагандой среди молодежи // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2016. – Т. 8, № 4-1. – С. 112-115.

570. Хилюта, В.В. Административная преюдиция в структуре состава преступления В.В. Хилюта // Уголовное право. – 2021. – № 7. – С. 56-65.

571. Химеденова, Д.Н. Инновационные технологии как важнейший инструмент предупреждения преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими наказания без изоляции от общества / Д.Н. Химеденова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 224-229.

572. Хомич, В.М. К вопросу о реализации социального контроля преступности в контексте руководящих начал уголовного права 1919 года / В.М. Хомич // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2019. – № 4. – С. 51-56.

573. Хромых, Е.В. Проблемы исполнения исправительных работ / Е.В. Хромых // Юристъ-Правоведъ. – 2004. – № 4. – С. 82-85.

574. Цветков, Ю.А. Права человека вышли из моды. Как это отразится на уголовном процессе? / Ю.А. Цветков // Уголовное судопроизводство. – 2023. – № 3. – С. 8-16.

575. Черняков, С.А. Регулятивная функция уголовного права / С.А. Черняков, Н.В. Бровко // Уголовное право и криминология. – 2022. – № 1. – С. 28-31.

576. Чечиль, Г.И. Уголовно-правовые санкции и некоторые особенности их применения / Г.И. Чечиль // Общество и право. – 2016. – № 4. – С. 25-31.

577. Чикин, А.А. Абсолютные и относительные гражданские правоотношения и субъективные права / А.А. Чикин. – Государственная служба и кадры. – 2024. – № 1. – С. 184-190.

578. Чистотина, О.Н. Предупреждение рецидивной преступности: актуальные проблемы и пути решения / О.Н. Чистотина // Юристъ-Правоведъ. – 2017. – № 1. – С. 69-72.

579. Чистотина, О.Н. Проблемы осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы / О.Н. Чистотина // Человек: преступление и наказание. – 2014. – № 4. – С. 41-46.

580. Чистяков, К.А. Некоторые вопросы предупреждения административных правонарушений, совершаемых условно осужденными / К.А. Чистяков // Актуальные вопросы права, образования и психологии : сборник научных трудов. – Вып. 4. – Могилев : Могилевский институт МВД Республики Беларусь, 2016. – С. 218-222.

581. Чистяков, К.А. Некоторые вопросы профилактики преступлений и административных правонарушений, совершаемых условно осужденными / К.А. Чистяков // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8. – С. 159-160.

582. Чучаев, А.И. Содержание уголовно-правового воздействия / А.И. Чучаев, А.П. Фирсова // Lex Russica. – 2009. – Т. 68, № 5. – С. 1125-1140.

583. Шабалина, Л.А. К вопросу о совершенствовании процедуры судебного разбирательства по делам об исполнении приговора / Л.А. Шабалина // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 3. – С. 69-74.

584. Шадрин, И.А. Криминализация (декриминализация) и дифференциация уголовной ответственности: о теоретическом соотношении понятий / И.А. Шадрин // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 1. – С. 290-292.

585. Шакирова, Д.М. Оценка общественной безопасности (по результатам социологического опроса) / Д.М. Шакирова // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 4. – С. 221-223.

586. Шапошников, С.Г. Проблемы реализации административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы. Практический взгляд / С.Г. Шапошников // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 2. – С. 240.

587. Шаргородский, М.Д. Предмет и система уголовного права / М.Д. Шаргородский // Советское государство и право. – 1941. – № 4. – С. 41.

588. Шарипов, И.И. О взаимодействии государственных органов и НКО Республики Татарстан по реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации: региональный аспект / И.И. Шарипов, Г.Г. Файзуллин // Роль централизованных мусульманских религиозных организаций в ресоциализации осужденных в местах лишения свободы : сборник статей и материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Казань : Российский исламский институт, 2017. – С. 201-221.

589. Шевелева, С.В. Трансформация уголовного законодательства на современном этапе / С.В. Шевелева // Журнал российского права. – 2024. – № 3. – С. 106-123.

590. Шевелева, С.В. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера / С.В. Шевелева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 73-84.

591. Шевелева, С.В. Ответственность за уклонение от уплаты штрафа по уголовному законодательству России / С.В. Шевелева // Союз криминалистов и криминологов. – 2018. – № 2. – С. 112-115.

592. Шестак, В.А. Отдельные вопросы судебной практики рассмотрения уголовных дел об уклонении от административного надзора и неоднократном несоблюдении установленных судом ограничений / В.А. Шестак // Российский судья. – 2017. – № 11. – С. 42-47.

593. Ширеева, Е.В. Правовые формы и методы государственного контроля и надзора в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности в условиях цифровой трансформации органов исполнительной власти / Е.В. Ширеева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 4. – С. 350-360.

594. Шкабин, Г.С. Цели и задачи предупреждения преступлений в уголовном и оперативно-разыскном законодательстве / Г.С. Шкабин // Сибирский юридический вестник. – 2015. – № 2. – С. 74-81.

595. Шкарлет, Н.А. Административно-преюдициальные основания продления испытательного срока или отмены условного осуждения / Н.А. Шкарлет // Российское правосудие. – 2021. – № 10. – С. 86-89.

596. Шнитенков, А.В. Совершение преступления впервые как условие освобождения от уголовной ответственности / А.В. Шнитенков // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 21-22.

597. Шульц, Е.В. О последствиях введения в России административной ответственности за занятие бродяжничеством для лиц, условно осужденных и не имеющих постоянного места жительства / Е.В. Шульц // Вестник Кузбасского института. – 2021. – № 1. – С. 112-120.

598. Щедрин, Н.В. Концептуально-теоретические основы правового регулирования и применения мер безопасности / Н.В. Щедрин // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2013. – № 4. – С. 26-35.

599. Щедрин, Н.В. Унификация профессиональных запретов / Н.В. Щедрин, М.П. Франскевич // Законность. – 2008. – № 3. – С. 16-20.

600. Щедрин, Н.В. Четыре «колеи» российского уголовного права / Н.В. Щедрин // Уголовное право. – 2008. – № 4. – С. 59-63.

601. Щербаков, А.В. Положительный опыт функционирования пенитенциарных учреждений Норвегии и возможности его использования в российских условиях / А.В. Щербаков, А.Б. Налдеев // Молодой учёный. – 2015. – № 2. – С. 393-396.

602. Южанин, В.Е. О ресоциализации осужденных как цели процесса обеспечения реализации наказания в виде лишения свободы / В.Е. Южанин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2015. – № 4. – С. 9-15.

603. Южанин, В.Е. Общественная опасность личности осужденного как категория уголовно-исполнительного права / В.Е. Южанин // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2014. – № 2. – С. 17-21.

604. Юрковский, А.В. Особенности судебной системы Китайской Народной Республики / А.В. Юрковский // Сибирский юридический вестник. – 2004. – № 4. – С. 29-32.

605. Якимов, А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) / А.Ю. Якимов // Государство и право. – 2003. – № 4. – С. 5-10.

606. Ямпольская, Ц.А. О субъективных правах граждан и их гарантиях / Ц.А. Ямпольская // Вопросы советского государственного права. – Москва : АН СССР, 1959. – С. 145-226.

607. Яни, П.С. Конфискация имущества и уголовная ответственность / П.С. Яни // Уголовное право. – 2006. – № 6. – С. 131-135.

608. Anttila, I. Control without repression? Prisons Past and Future / I. Anttila. – Edited by John C. Freeman / Cambridge Studies in Criminologi. – London: Heinemann, 1978. – P. 189-197 // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 2. – С. 78-83.

609. Hofmann, M. Die Online-Durchsuchung – staatliches «Hacken» oder zulässige Ermittlungsmaßnahme? / M. Hofmann // Neue Zeitschrift für Strafrecht. – 2005. – 25. Jg., № 3. – S. 121-125.

Диссертации и авторефераты диссертаций

610. Архенгольц, И.А. Судимость и ее общеправовые последствия : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Архенгольц Илона Аркадьевна. – Екатеринбург, 2019. – 29 с.

611. Асадов, В.В. Организация и правовые основы деятельности уголовно-исполнительной инспекций в сфере контроля за условно осужденными : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.11 / Асадов Ватан Вагиф-оглы. – Псков, 2012. – 29 с.

612. Бавсун, М.В. Уголовно-правовое воздействие: идеология, цели и средства реализации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Бавсун Максим Викторович. – Омск, 2016. – 40 с.

613. Бакулин, В.К. Институт контроля и надзора в сфере исполнения уголовных наказаний : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Бакулин Валерий Константинович. – Казань, 2019. – 235 с.

614. Бекетов, О.И. Полицейский надзор: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Бекетов Олег Иванович. – Челябинск, 2011. – 36 с.

615. Биджиев, И.А.-Г. Ситуации неопределенности как фактор российского политического процесса : дис. … канд. полит. наук : 23.00.02 / Биджев Исмель Абдул-Газизович. – Ставрополь, 2009. – 22 с.

616. Генрих, Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Генрих Наталья Викторовна. – Рязань, 2011. – 416 с.

617. Давыдова, И.А. Судебный контроль за исполнением уголовных наказаний : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Давыдова Ирина Александровна. – Рязань, 2005. – 249 с.

618. Дедюхина, И.Ф. Проблемы установления и реализации уголовной ответственности с учетом признаков и поведения потерпевшего : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Дедюхина Ирина Федоровна. – Москва, 2008. – 183 с.

619. Дуюнов, В.К. Механизм уголовно-правового воздействия: теоретические основы и практика реализации : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Дуюнов Владимир Кузьмич. – Тольятти, 2001. – 512 с.

620. Коваленко, О.Н. Задачи и функциональные возможности уголовного права : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Коваленко Оксана Николаевна. – Самара, 2012. – 22 с.

621. Корзун, И.В. Теоретические и прикладные проблемы социально-правового контроля и предупреждения преступности среди женщин (по материалам Республики Казахстан) : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Корзун Игорь Валерьевич. – Алма-Ата, 2001. – 321 с.

622. Красоткин, П.Н. Применение мер воспитательного воздействия к осужденным, отбывающим наказания в виде обязательных работ : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Красоткин Павел Николаевич. – Рязань, 2014. – 195 с.

623. Кропачев, Н.М. Механизм уголовно-правового регулирования: дис. … д-ра юрид. наук в форме научного доклада : 12.00.08 / Кропачев Николай Михайлович. – Санкт-Петербург, 2000. – 60 с.

624. Крючков, Р.А. Риск в праве: генезис, понятие, управление : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Крючков Роман Анатольевич. – Н. Новгород, 2011. – 200 с.

625. Малько, А.В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект) : дис. …д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Малько Александр Васильевич.– Саратов, 1995. – 362 с.

626. Марцев, А.И. Теоретические вопросы общего и специального предупреждения преступлений : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Марцев Альберт Иванович. – Омск, 1975. – 250 с.

627. Морозов, Н.А. Преступность и борьба с ней в современной Японии : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Морозов Николай Александрович. – Владивосток, 2000. – 193 с.

628. Набиулин, Ф.К. Некарательные меры уголовно-правового характера: природа, система и социально-правовое назначение : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Набиуллин Фарид Кавиевич. – Казань, 2008. – 208 с.

629. Пархоменко, Д.А. Уголовно-правовая политика в отношении лиц, впервые совершивших преступление : дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4 / Пархоменко Дмитрий Александрович. – Москва, 2024. – 346 с.

630. Песлякас, В.Ч. Освобождение от уголовной ответственности с привлечением к административной ответственности (по материалам Литовской ССР) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Песлякас Витаутас Чесловович. – Харьков, 1980. – 16 с.

631. Понятовская, Т.Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Понятовская Татьяна Григорьевна. – Екатеринбург, 1997. – 34 с.

632. Попов, Д.В. Управление жизнью: философско-антропологические основания, потенциал и перспективы биополитики : дис. … д-ра филос. наук : 5.7.8 / Попов Дмитрий Владимирович. – Омск, 2022. – 388 с.

633. Пупышева, Л.А. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Пупышева Любовь Андреевна. – Омск, 2022. – 458 с.

634. Родионов, А.И. Криминологическая характеристика и предупреждение рецидивной наркопреступности : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Родионов Алексей Игоревич. – Рязань, 2013. – 254 с.

635. Ременсон, А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.00 / Ременсон Александр Львович. – Томск, 1965. – 1120 с.

636. Рябко, А.И. Социальный контроль и его правовые формы: (Вопросы теории) : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рябко Александр Иванович. – Москва, 1995. – 21 с.

637. Степашин, В.М. Экономия репрессии как принцип уголовного права и его реализация в назначении мер уголовной ответственности : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Степашин Виталий Михайлович. – Омск, 2019. – 527 с.

638. Сызранцев, Д.Г. Прагматизм в праве: Метод Роско Паунда : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Сызранцев Дмитрий Геннадьевич. – Ростов-на-Дону, 2002. – 158 с.

639. Сыч, К.А. Уголовное наказание и его состав: теоретико-методологические аспекты исследования : дис. … д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Сыч Константин Антонович. – Рязань, 2001. – 408 с.

640. Тимохин, С.Ю. Функции, задачи и цели уголовного права: проблемы соотношения : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Тимохин Сергей Юрьевич. – Владивосток, 2002. – 200 с.

641. Тюляков, Д.С. Риски и меры защиты в механизме правового регулирования: общетеоретический аспект : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тюляков Дмитрий Сергеевич. – Саратов, 2018. – 171 с.

642. Уткина, С.С. Уголовное наказание в виде штрафа : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Уткина Светлана Сергеевна. – Томск, 2004. – 24 с.

643. Цишковский, Е.А. Позитивная и перспективная юридическая ответственность в системе социального контроля : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Цишковский Евгений Александрович. – Нижний Новгород, 2003. – 186 с.

644. Чердынцева, И.А. Назначение современного российского уголовного процесса как элемент его типологической характеристики : автореф. дис. … канд. юрид. наук : 12.00.09 / Чердынцева Ирина Анатольевна. – Омск, 2008. – 23 с.

645. Ширяев, В.Ф. Наказание в системе мер уголовно-правового воздействия: содержание, проблемы совершенствования : дис. … канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ширяев Владимир Феодосьевич. – Ярославль, 2001. – 223 с.

Материалы судебной практики

646. Апелляционное постановление Красноярского краевого суда от 2 июля 2020 г. № 22-3832/2020 по делу № 1-262/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/NFIOOf7J4xYf/.

647. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 16 марта 2023 г. № 22-479/2023 по делу № 4/9-1/2022. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/sy3Fm62MPVZa.

648. Апелляционное постановление Ярославского областного суда от 17 апреля 2023 г. № 22-744/23. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/ Oqz83JSF1XJn.

649. Взыскание денежных средств, полученных в качестве взятки по ст. 290, 291[1] УК РФ, по иску прокурора: новая судебная практика ВС РФ 12.2023. – Доступ из СПС «ГАРАНТ».

650. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 октября 2024 г. по делу – № 44-УДП24-25-К7. – URL: https://ukrfkod.ru/pract/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-30102024-n-44-udp24-25-k7/.

651. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2022 г. № 88А-13822/2022. – URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=21208049&delo_id=43&new=&text_number=1

652. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21 мая 2024 г. № 45-УД24-17-К7. – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym- delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-21052024-n-45-ud24-17-k7/.

653. Определение Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 5 декабря 2023 г. по делу № 51-КГ23-6-К8. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2322060.

654. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 июня 2023 г. № 88-КГ23-2-К8. – Доступ из СПС «ГАРАНТ».

655. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 29 октября 2024 г. № 18-КГ24-248-К4. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

656. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 49-УДП21-51-К6 (по ст. 238 УК РФ). – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

657. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 28 мая 2024 г. № 45-УДП24-15-К7. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

658. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2024 г. № 64-УДП23-9-9К. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

659. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 октября 2020 г. № 24. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

660. О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, связанных с несоблюдением административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2022 г. № 40. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

661. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 г. № 58. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

662. О практике применения судами законодательства об исполнении приговора : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2011 г. № 21. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

663. О практике применения судами при рассмотрении уголовных дел законодательства, регламентирующего исчисление срока погашения и порядок снятия судимости : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июня 2022 г. № 14. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

664. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

665. О судебной практике отмены условного осуждения или продления испытательного срока : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 18. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

666. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

667. О судебной практике по применению условного осуждения : постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 марта 1961 г. № 1. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

668. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 апреля 2009 г. № 8. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

669. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Грант Александры Барадиевны на нарушение ее конституционных прав частями третьей и пятой статьи 73 Уголовного кодекса Российской Федерации : решение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2023 г. № 2663-О/2023. – URL: https: doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision712413.pdf.

670. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 годы. – URL: https://cdep.ru/userimages/Sbornik_Sudimost_2020-2024.xls.

671. Особое мнение Судьи Конституционного Суда Российской Федерации А.Л. Кононова в рамках Постановления Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений», а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан». – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

672. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 2024 г. – URL: https://cdep.ru/ index.php?id=79&item=8946.

673. По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 3 статьи 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федера-

ции» в связи с жалобой гражданина С.Г. Шалавина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2022 г. № 49-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

674. По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г.Б. Егорова, А.Л. Казакова, И.Ю. Кравцова, А.В. Куприянова, А.С. Латыпова и В.Ю. Синькова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2013 г. № 20-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

675. По делу о проверке конституционности подпункта 4 статьи 15 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобами граждан В.Ф. Алдошиной и Т.С.-М. Идалова : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2009 г. № 19-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

676. По делу о проверке конституционности положения части 10 статьи 13 Федерального закона «Об оружии» в связи с жалобами граждан Г.В. Белокриницкого и В.Н. Тетерина : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2012 г. № 16-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

677. По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2013 г. № 19-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

678. По делу о проверке конституционности пункта 3 части 1 статьи 14, пункта 4 части 4 статьи 17, пункта 7 части 3 статьи 80 и статьи 92 Федерального закона «О службе в органах принудительного исполнения Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Р.М. Пахомова : постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2023 г. № 38-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

679. По делу о проверке конституционности статьи 116^1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Л.Ф. Саковой : постановление Консти-

туционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2021 г. № 11-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

680. По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31 января 2024 г. № 4-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

681. По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда : постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

682. Постановление Быковского районного суда Волгоградской области от 14 июля 2020 г. по делу № 1-23/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/Ba4vM1xtygdP/.

683. Постановление Воронежского областного суда от 20 февраля 2017 г. № 22-388/2017. – URL: https://e.ugpr.ru/npd-doc?npmid=98&npid=18984906.

684. Постановление Омского районного суда Омской области от 5 июля 2024 г. по делу № 4/17-298/2024. – URL: https://omskiycourt--oms.sudrf.ru.

685. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июня 2023 г. № 77-2856/2023. – URL: https://6kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=4369037&case_uid=088848d9-7815-4ef9-b375-760b6bdd11eb&delo_id=2450001&new=2450001

686. Приговор Армавирского городского суда Краснодарского края от 16 января 2024 г. по делу № 1-583/2023 1-67/2024. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/RpJDaLDmi5ZQ/.

687. Приговор Ухтинского городского суда Республики Коми от 12 декабря 2023 г. № 1-707/2023. – URL: https://судебныерешения.рф/77144629.

688. Касационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2023 г. № 3-УДП23-16-К3. – URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-19122023-n-3-udp23-16-k3/.

689. Приговор Шебекинского районного суда Белгородской области от 7 октября 2020 г. по делу № 1-141/2020. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/t9o3VeSoHQlK/.

690. Решение Кузьминского районного суда г. Москвы от 26 ноября 2020 г. по делу № 2а-558/20. – URL: https://mos-gorsud.ru/.

691. Решение Ленинского районного суда г. Перми от 5 октября 2023 г. № 2а-4222/2023. – URL: https://sudact.ru/ regular/doc/2YruMd1J5ydT/.

692. Решение Приволжского районного суда г. Казани № 2-4575/2017 2-4575/2017~М-4107/2017 М-4107/2017 от 3 августа 2017 г. по делу № 2-4575/2017. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/RurIxcmHGMVp/.

Электронные источники информации

693. Apple признала, что может передавать властям США файлы пользователей iPhone, iPad и Mac. – URL: https://tass.ru/ekonomika/1174078.

694. Анатолию Сердюкову предъявили обвинение. – URL: https://www.rbc.ru/politics/06/12/2013/570414319a794761c0ce4890.

695. Бастрыкин предложил конфискацию за мошенничество и растрату. – URL: https://rg.ru/2025/02/05/vor-anfas-i-v-profil.html.

696. Бастрыкин предложил конфисковать имущество у виновных в мошенничестве и растрате. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7479784.

697. В Госдуме предложили ввести в КоАП наказание за назойливое преследование граждан. – URL: https://rg.ru/2024/04/04/predlagaetsia-vvesti-v-koap-nakazanie-za-nazojlivoe-presledovanie.html.

698. В Госдуму внесен законопроект, разрешающий бывшим заключенным работать педагогами. – URL: https://rg.ru/2023/10/17/ispravilsia-uchi.html.

699. В Минюсте России обсудили вопросы подготовки Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации. – URL: https://minjust. gov.ru/ru/events/49883/.

700. В США закрывают супермаркеты из-за эпидемии магазинных краж. – URL: https://rg.ru/2023/09/27/hvataiut-i-begut.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F.

701. В США к 16 годам тюрьмы приговорен мужчина за сожжение знамени сексуальных меньшинств. – URL: https://www.1tv.ru/news/2019-12-21/377810-v_ssha_k_16_godam_tyurmy_prigovoren_muzhchina_za_sozhzhenie_znameni_seksualnyh_menshinstv.

702. В Южной Корее разрабатывают приложение для отслеживания сталкеров. – URL: https://daily. afisha.ru/news/104567-v-yuzhnoy-koree-razrabatyvayut-prilozhenie-dlya-otslezhivaniya-stalkerov/.

703. Верховный Суд: Компенсация вреда не снижает опасность преступления. – URL: https://rg.ru/2024/06/20/otkupitsia-ne-poluchitsia.html.

704. Владимир Путин в прямом эфире подвёл итоги года и ответил на вопросы журналистов и жителей страны. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994.

705. Владимир Путин посетил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, где встретился со студентами – участниками специальной военной операции. – URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/73328.

706. Водителям с судимостью планируют запретить возить детей в России. – URL: https://www.gazeta.ru/auto/news/2024/11/27/24484813.shtml.

707. Выступление Председателя Верховного Суда Российской Федерации Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 24 мая 2022 г. – URL :// https://supcourt.ru/files/31149/.

708. Генпрокуратура утвердила обвинительное заключение по делу А. Невзорова. – URL: https://rg.ru/2022/12/15/genprokuratura-rf-utverdila-obvinenie-zhurnalistu-evzorovu.html.

709. Глава СК предложил конфисковывать у коррупционеров все имущество. – URL: https://realty.rbc.ru/news/645cf3d39a7947bcf462e44b?from=copy.

710. Госдума отсрочит часть требований закона о такси до 2024-2025 годов, чтобы трансформация рынка проходила поэтапно. – URL: https://bfm74.ru/biznes/gosduma-otsrochit-chast-trebovaniy-zakona-o-taksi-do-2024-2025-godov/.

711. Гособвинение потребовало 9 лет колонии для Невзорова. – URL: https://rg.ru/2023/01/31/gosobvinenie-potrebovalo-9-let-kolonii-dlia-nevzorova.html.

712. Граждане Колумбии с лета 2023 года участвовали в боях на стороне ВСУ. – URL: https://www.rbc.ru/politics/30/08/2024/66d1798e9a7947814c97b3ac.

713. Дебаты «Счастье: капитализм против марксизма». Джордан Питерсон – Славой Жижек. – URL: https:// https/en.wikipedia.org/wiki/Peterson–Žižek_debate.

714. Декрет Президента Республики от 26 июля 1975 г. № 354 «Нормы пенитенциарной системы, исполнения мер пресечения и ограничения свободы». – URL: https://rusconsroma.mid.ru/ru/spravochnaya_informatsiya/grazhdanam_rf/o_deystvuyushchikh_pravilakh_vnutrennego_rasporyadka_v_italyanskikh_ispravitelnykh_uchrezhdeniyakh/.

715. Дело Стросс-Кана. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Дело_Стросс-Кана.

716. Жижек С. Свобода, возможное-невозможное (видеолекция). – URL: https://yandex.ru/video/preview/13982098130313841627.

717. Заинтересованные ответственные лица Верховного народного Суда, народной прокуратуры, Министерства общественной безопасности и Министерства юстиции ответили на вопросы журналистов о «Временных положениях и применении запретительных судебных приказов в отношении правонарушителей, приговоренных к надзору и условному осуждению». – URL: http:wenku.baidu.com/view/d715bf196bd97f192279e91a.html.

718. Закон Адама Уолша о защите и безопасности детей. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Adam_Walsh_Child_Protection_and_Safety_Act ; URL: https://www.justice.gov/archive/olp/pdf/adam_walsh_act.pdf.

719. Закон о безопасности в Интернете 2023 года. – URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2023/50/contents/enacted.

720. Закон о наказании за преступления, связанные с преследованием // Korean law information center by the Ministry of Government investigation. – URL: https://www.law.go.kr/ (18083, 20210420).

721. Зяблицкий, А.В. Проблема разграничения контроля и управления в российских корпорациях / А.В. Зяблицкий. – URL: https://zakon.ru/blog/2019/4/25/problema_razgranicheniya_kontrolya_i_upravleniya_v_rossijskih_korporaciyah.

722. Исследование: в 2021 году выросла доля тех, кто хочет чувствовать себя более защищенными. – URL : https://tass.ru/novosti-partnerov/13520713.

723. Итальянские тюрьмы – одни из самых переполненных в Европе. – URL: https://liveitaly.eu/info/italyanskie-tyurmy-odni-iz-samyh-perepolnennyh-v-evrope.

724. Коррупционный скандал в ФИФА. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Коррупционный_скандал_в_ФИФА.

725. Лоуренс Краусс и Ноам Хомский: Наука, Разум и Политика : дебаты 22 марта 2015 г. – URL: https://rutube.ru/video/2c39c08e64e7ccbed9b766c707f814fb/.

726. Наказание в Австралии. – URL: https://alphapedia.ru/w/Punishment_in_Australia.

727. Некоторые заключенные в Италии зарабатывают больше надзирателей // Российская газета – 2021. – № 121. – URL: https://rg.ru/2021/06/02.

728. О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (об установлении запрета на совершение определенных действий) : законопроект № 452947-8. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/452947-8.

729. О внесении изменения в статью 4 Федерального закона «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» : проект федерального закона / Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=134849.

730. О ситуации с правами человека в Соединенных Штатах Америки (доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации). – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/doklady/1946097/.

731. Основной закон Федеративной Республики Германии. – URL: https://legalns.com/download/books/cons/germany.pdf.

732. Осужденный за убийство, который вернулся с СВО и вновь убил, во второй раз отправился в Украину. – URL: https://daily.afisha.ru/news/90202-osuzhdennyy-za-ubiystvo-kotoryy-vernulsya-s-svo-i-vnov-ubil-vo-vtoroy-raz-otpravilsya-na-ukrainu.

733. Помилованные убийцы, грабители и расчленители: юг России потрясли преступления вернувшихся с СВО бойцов ЧВК «Вагнер». – URL: https://bloknot-krasnodar.ru/news/pomilovannye-ubiytsy-grabiteli-i-raschleniteli-yug.

734. Помилованный заключенный вернулся с СВО и убил 26-летнюю девушку. – URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2024/03/05/22478780.shtml.

735. Пояснительная записка к законопроекту № 686022-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» / Сайт Государственной Думы Российской Федерации. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/686022-8.

736. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О введении в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы и внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации». – URL: https://sozd. duma.gov.ru/bill/321851-4.

737. Председатель Верховного Суда Вячеслав Лебедев сообщил о значительном снижении числа заключенных в РФ. – URL: https://rg.ru/2022/08/19/ tiurma-pusteet.html.

738. Представлено среднее количество наказаний в виде штрафа, назначенных в качестве основного и дополнительного наказания за период 2015-2021 гг. // Отчет о чис-

ле привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания / Судебный департамент при Верховном Суде РФ. – URL: http://www.cdep.ru/ index.php?id=79.

739. Приговоры в отношении А. Невзорова (п. «д» ч. 2 ст. 207^3). – URL: https://www.rbc.ru/politics/01/02/2023/63da209e9a7947d6f6a749f6.

740. Приговоры в отношении Д. Гордона (ч. 2 ст. 354 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 282 УК РФ, п. «а» ч. 2 ст. 207^3 УК РФ). Украинского журналиста заочно приговорили к 14 годам за призывы к терроризму. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6804930.

741. Примерный уголовный кодекс США. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.8d1d903f-641b11de-0e2dacec-74722d776562/ ; URL: https// www.law.cornell.edu/uscode/text.

742. Продукты под замком: Запад борется с волной краж в магазинах. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18846467.

743. Путин: видеонаблюдение с ИИ позволило снизить число правонарушений в Москве. – URL: https://www.m24.ru/news/vlast/20062025/807421?utm_source=CopyBuf.

744. Путин поручил изучить возможность смягчения наказания за ненасильственные преступления. – URL: https://rg.ru/2024/01/17/putin-poruchil-izuchit-vozmozhnost-smiagcheniia-nakazaniia-za-nenasilstvennye-prestupleniia.html?utm_referrer=https%3A%2F%2 Fyandex.ru%2F.

745. Сведения о взыскании ФССП России денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации / Раздел 3. Сведения об исполнении исполнительных документов о взыскании штрафов, назначенных в качестве наказания за совершение преступления. – URL: https://fssp.gov.ru/statistics.

746. Свод законов США об уголовном праве. – URL: https://constitutions.ru/?p=8105.

747. Сложности для участников спецоперации нужно свести к нулю, заявил Путин. – URL: https://ria.ru/20240126/putin-1923780838.html.

748. Собянин: благодаря системе видеонаблюдения число убийств в Москве снизилось в 2,5 раза. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/5142235.

749. Согласно статистическим данным 5,17 миллиона американцев лишены гражданских прав из-за осуждения за уголовное преступление. Это составляет 2,3% от всего населения Америки избирательного возраста. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Felony_disenfranchisement_in_the_United_States.

750. Страны в которые не пускают преступников в 2025 г. – URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/countries-that-dont-allow-felons.

751. Страны с самым высоким количеством заключенных. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_incarceration_rate.

752. Томас Клабурн: Европейский суд по правам человека объявляет скрытое шифрование незаконным. – URL: https://www.theregister.com/2024/02/15/echr_backdoor_encryption.

753. Уголовное дело в отношении блогера Ю. Блиновской. – URL : https://www.kommersant.ru/doc/6592155.

754. Уголовное дело гражданки Украины Надежды Савченко. – URL: https://ria.ru/20160302/1381923155.html.

755. Уровень тюремного заключения в Австралии растет, несмотря на снижение преступности. – URL: https://www.wsws.org/en/articles/2019/09/12/pris-s12.html.

756. Фонд помощи заключённым «Аврора». – URL: http://www.helppris.ru/ centr-avrora.

757. ФСБ обвинила Apple в слежке за россиянами. Чьи iPhone под угрозой и правда ли данные с устройств передаются разведке США. – URL: https://lenta.ru/news/2023/06/02/ appspy/.

758. Чувство безопасности: Об ощущении безопасности в темное и светлое время суток и о самых опасных местах / Фонд общественное мнение. – URL: https://fom.ru/Bezopasnost-i-pravo/14291.

759. Экс-министр обороны Сердюков свободен от уголовного дела. – URL: https://rg.ru/2014/03/07/svoboda.html.

760. Эпидемия воровства. В Лондоне воры безнаказанно грабят магазины. – URL: https://aif.ru/politics/world/epidemiya_vorovstva_v_londone_vory_beznakazanno_grabyat_magaziny.

761. Confederation of European Probation. – URL: http://www.cep-probation.org/ wp-content/uploads/2015/03/Chapter-Belgium-final.pdf.

762. Heard C. Alternatives to Imprisonment in Europe: A Handbook of Good Practice. European Prison Observatory. – URL: http://www.prisonobservatory.org/upload/Good%20practice%20handbook%20AS.pdf.

763. Nye F. Ivan. Family Controls and Delinquency // Encyclopedia of Criminological Teory. – URL: https://study.sagepub.com/system/files/Nye,_F._Ivan_-_Family_Controls_and_Delinquency.

Справочная литература

764. Большой толковый социологический словарь. – URL: https://gufo.me/dict/social_dict.

765. Новейший философский словарь / сост. и гл. науч. ред. А.А. Грицанов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск : Интерпрессервис, Книжный Дом, 2001. – 1279 с.

766. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов ; под ред. Л.И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – Москва : ОНИКС 21 век : Мир и Образование, 2004. – 1198 с.

767. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка : Сост. по энциклопедическому словарю Ф. Павленкова, с соответствующими сокращениями в объяснении слов и добавлениями в их числе. – Санкт-Петербург : Ф.Ф. Павленков, 1917. – 715 с.

768. Советский философский словарь. – URL: https://rus-sovetsky-filosof-dict.slovaronline.com/.

769. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4-е изд., доп. – Москва : Азъ, 2003. – 943 с.

770. Толковый словарь русского языка : в 4 т. – Т. 1 / сост. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов [и др.] ; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. Москва : Советская энциклопедия, 1935. – 1562 стб.

771. Юридический словарь для сотрудников пенитенциарной системы / под ред. А.В. Малько, Р.А. Ромашова. – Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2013. – 210 с.

Приложение № 1.
Общеправовые последствия совершения преступления (ограничения), предусмотренные в федеральных законах Российской Федерации

№ п/п	НПА	Вид правоограничения	Категория лиц / юридический факт, порождающий ограничение	Сроки
1	*2*	*3*	*4*	*5*
1.	Трудовой кодекс РФ ст. 331	Запрет занятия педагогической деятельности	**– лица, имеющие или имевшие судимость, подвергавшиеся уголовному преследованию** (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), половой неприкосновенности и половой свободы личности, семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, основ конституционного строя и безопасности государства, мира и безопасности человечества, а также против общественной безопасности, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи; – **лица**, **имеющие неснятую или непогашенную судимость** за иные умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, не указанные в абзаце третьем настоящей части	бессрочно период судимости
2.	Трудовой кодекс РФ ст. 328.1	Ограничение на занятие трудовой деятельностью, непосредственно связанной с управлением **легковыми такси при осуществлении перевозок пассажиров и багажа**	**– лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость** за совершение следующих преступлений… : 1) убийство, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, похищение человека, грабеж, разбой, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества, относящиеся в соответствии с УК РФ к преступлениям средней тяжести,	период судимости

1	*2*	*3*	*4*	*5*
			тяжким и особо тяжким преступлениям; 2) преступления, предусмотренные законодательством другого государства – члена Евразийского экономического союза, соответствующие преступлениям, указанным в пункте 1 настоящей части;	
	Трудовой кодекс РФ ст. 328.1	Ограничение на занятие трудовой деятельностью, непосредственно связанной с управлением **автобусами, трамваями, троллейбусами и подвижным составом внеуличного транспорта** при осуществлении перевозок пассажиров и багажа	– **лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость** за совершение следующих преступлений… : 1) преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, против мира и безопасности человечества, относящиеся в соответствии с УК РФ к тяжким и особо тяжким преступлениям; 2) преступления, предусмотренные законодательством другого государства – члена Евразийского экономического союза, соответствующие преступлениям, указанным в пункте 1 настоящей части	
3.	Трудовой кодекс РФ ст. 351.1	Ограничения на занятие трудовой деятельности в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних	**– лица, имеющие или имевшие судимость**, а равно и **подвергавшиеся** уголовному преследованию (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления, указанные в абзацах третьем и четвертом части второй статьи 331 настоящего Кодекса, за исключением случаев, предусмотренных частью третьей настоящей статьи	бессрочно
4.	ФЗ «О статусе судей» ст. 4	Запрет занимать должность судьи	**– лицо, имеющее** или **имевшее судимость** либо уголовное преследование в отношении которого **прекращено по нереабилитирующим основаниям**	бессрочно
5.	ФЗ «О муниципальной службе» ст. 13	Запрет на занятие должности муниципального служащего Запрет нахождения на муни-	**– осуждения** лица к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности муниципальной службы, по приговору суда, вступившему в законную силу	период отбытия наказания

1	*2*	*3*	*4*	*5*
		ципальной службе в случае		
6.	ФЗ «О службе в ОВД» ст. 14	Запрет пребывания на службе в органах внутренних дел	– **осуждение** лица за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, а равно наличие судимости, в том числе снятой или погашенной; – **прекращение** в отношении лица уголовного преследования за **истечением срока давности**, в связи с **примирением сторон** (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие **акта об амнистии**, в связи с **деятельным раскаянием**, за исключением случаев, если на момент рассмотрения вопроса о возможности нахождения сотрудника органов внутренних дел на службе преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом	бессрочно
7.	ФЗ «О службе в ОВД» ст. 82	Запрет продолжения службы в органах внутренних дел	– **осуждение** сотрудника за преступление; **прекращение** уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием (кроме уголовных дел частного обвинения), за исключением случаев, если на момент расторжения контракта и увольнения со службы в органах внутренних дел преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом;	бессрочно
8.	ФЗ «Об адвокатуре» ст. 9	Запрет на приобретение статуса адвоката и осуществление адвокатской деятельности лица	– **имеющие непогашенную или неснятую судимость** за совершение умышленного преступления.	период судимости
9.	ФЗ «О службе в Уголовно-исполнительной системе РФ» ст. 14	Запрет на прохождение службы в уголовно-исполнительной системе	– **осуждение** лица за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, либо **наличие судимости**, **включая снятую или погашенную**; **прекращение** в отношении лица уголовного преследования за **истечением срока давности**, в связи с **примирением сторон** (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об **амнистии**, в связи с **деятельным раскаянием**, за исключением случаев, если на момент рассмотрения вопроса о возможности нахождения сотрудника на службе в уголовно-исполнительной системе преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом	бессрочно

1	*2*	*3*	*4*	*5*
10.	ФЗ «О службе в Уголовно-исполнительной системе РФ» ст. 84	Запрет прохождения службы в качестве сотрудника УИС	**– осуждение** сотрудника за преступление, а также прекращение в отношении него уголовного преследования за истечением **срока давности**, в связи с **примирением сторон** (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об **амнистии**, в связи с **деятельным раскаянием**	бессрочно
11.	Семейный кодекс РФ ст. 127	Запрет на усыновление	**– лица, имеющие или имевшие судимость**, подвергающиеся или **подвергавшиеся уголовному преследованию** (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а также за преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, мира и безопасности человечества; – лица из числа лиц, указанных в подпункте 9 настоящего пункта, **имевших судимость** либо **подвергавшихся уголовному преследованию** за преступления против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), против семьи и несовершеннолетних, против здоровья населения и общественной нравственности, против общественной безопасности, мира и безопасности человечества, **относящиеся к преступлениям небольшой или средней тяжести**, в случае **признания судом таких лиц представляющими опасность для жизни, здоровья и нравственности усыновляемого ребенка;** – лица, **имеющие судимость за тяжкие и особо тяжкие преступления**, не относящиеся к преступлениям, указанным в подпункте 9 настоящего пункта	бессрочно
12.	Семейный кодекс РФ ст. 146	Запрет являться опекуном (попечителем) детей	– лица, **имеющие или имевшие судимость**, подвергающиеся или **подвергавшиеся уголовному преследованию** (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против жизни и здоровья, свобо-	бессрочно

1	*2*	*3*	*4*	*5*
			ды, чести и достоинства личности (за исключением незаконного помещения в психиатрический стационар, клеветы и оскорбления), половой неприкосновенности и половой свободы личности, против семьи и несовершеннолетних, здоровья населения и общественной нравственности, а также против общественной безопасности, мира и безопасности человечества; – лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость **за тяжкие или особо тяжкие преступления**	
13.	Гражданский кодекс РФ ст. 35	Запрет на назначение опекунами и попечителями	– **лица, имеющие** на момент установления опеки или попечительства **судимость** за умышленное преступление против жизни или здоровья граждан	период судимости за отдельные преступления
14.	Жилищный кодекс РФ ст. 116^1	Запрет на занятие должностей: - член правления жилищного кооператива (в том числе председатель правления кооператива); - член ревизионной комиссии (ревизор) кооператива; - главный бухгалтер (бухгалтер при отсутствии в штате главного бухгалтера) кооператива	– **лица, имеющие судимость за умышленные** преступления	период судимости
15.	ФЗ «О банках и банковской деятельности» ст. 16	Запрет на занятие руководящих должностей в кредитной организации: руководителя кредитной организации, главного бухгалтера или заместителя главного бухгалтера кредитной организации, руководителя или главного бухгалтера филиала кредитной организации (включая небанковскую кредитную организацию,	– наличие неснятой или непогашенной судимости за совершение умышленного преступления; – наличие… неснятой или непогашенной судимости за совершение преступления в сфере экономики или преступления против государственной власти; **– наличие обвинительного приговора суда** в отношении кандидата, совершившего умышленное преступление, без назначения ему наказания ввиду истечения срока давности уголовного преследования, если… не истек десятилетний срок со дня вступления в силу обвинительного приговора; – привлечение кандидата в соответствии с **вступившим в законную силу судебным актом** к уголовной ответственности за неправомерные	период судимости 10 лет после прекращения уголовного преследования по ст. 78

1	*2*	*3*	*4*	*5*
		имеющую право на осуществление переводов денежных средств без открытия банковских счетов и связанных с ними иных банковских операций) и др.	действия при банкротстве юридического лица (за исключением кредитной организации), преднамеренное и (или) фиктивное банкротство юридического лица (за исключением кредитной организации), если не истек десятилетний срок со дня вступления в силу судебного акта	УК РФ (в случае вынесения судом обвинительного приговора)
16.	ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» ст. 16	Запрет на поступление и прохождение гражданской службы	– осуждение лица к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности государственной службы (гражданской службы), по приговору суда, вступившему в законную силу, а также в случае наличия не снятой или не погашенной в установленном федеральным законом порядке судимости	период судимости в период отбытия наказания
17.	ФЗ «О службе в таможенных органах Российской Федерации» ст. 7	Ограничение при приеме на службу в таможенные органы и ее прохождении	– наличие у лица **неснятой или непогашенной судимости**	в период судимости
18.	ФЗ «О ведомственной охране» ст. 7	Ограничения при приеме на работу в ведомственную охрану	– наличие у лица неснятой или непогашенной судимости	в период судимости
19.	ФЗ «Об оружии» ст. 13	Ограничение права на приобретение оружия	– лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость за умышленное преступление; – лица, имеющие **снятую или погашенную судимость** за тяжкое или особо тяжкое преступление, а также за умышленное преступление средней тяжести, совершенное с применением (использованием) оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, взрывных или имитирующих их устройств, специально изготовленных технических средств, наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых и радиоактивных веществ, лекарственных и иных химико-фармакологических препаратов; – лица, имеющие снятую или погашенную судимость за умышленное преступление, связанное с незаконным оборотом оружия; – лица, имеющие снятую или погашенную судимость за преступление	в период судимости бессрочно освобожденные от УО не указаны

1	*2*	*3*	*4*	*5*
			террористического характера и (или) экстремистской направленности, а также за преступление, совершенное в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма; – лица, имеющие снятую или погашенную судимость за умышленное преступление, совершенное с применением насилия в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней); – лица, два и более раза осужденные за совершение преступления; – лица, отбывающие наказание за совершенное преступление	
20.	ФЗ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» ст. 6	Запрет предоставления лицензии на осуществление частной детективной деятельности	– граждане, имеющие судимость за совершение умышленного преступления	период судимости
21.	ст. 11.1	Запрет приобретения правового статуса частного охранника	– лица, имеющие судимость за совершение умышленного преступления	период судимости
22.	ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» п. 8 ст. 4	Ограничение права быть избранным депутатом Государственной Думы	– лица, осужденные к лишению свободы за совершение тяжкого и (или) особо тяжкого преступления и имеющие на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанное преступление; – лица, осужденные к лишению свободы за совершение тяжкого преступления, судимость которых снята или погашена; – лица, **осужденные** к лишению свободы за совершение особо тяжкого преступления, судимость которого снята или погашена; – лица, **осуждение** за совершение преступления экстремистской направленности, предусмотренного УК РФ, и имеющие на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанное преступление, а также **осужденные** за совершение указанного преступления; – лица, осужденные к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст. 106, ч. 2 ст. 107, ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 119, ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 1 ст. 127^2, ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ст. 136, ч. 2, 3	период судимости **10** лет со дня снятия или погашения судимости **15** лет со дня снятия или погашения судимости В период судимости, и **5** лет со дня снятия или погашения судимости В период су-

1	*2*	*3*	*4*	*5*
			ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142[1], ч. 1 и 3 ст. 142[2], ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 158, ч. 2-5 ст. 159, ч. 2 ст. 159[1], ч. 2 ст. 159[2], ч. 2 ст. 159[3], ч. 2 ст. 159[5], ч. 2 ст. 159[6], ч. 2 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 2 ст. 167, ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 174[1], ч. 2 ст. 189, ч. 1 ст. 200[2], ч. 2 ст. 200[3], ч. 1 ст. 205[2], ч. 2 ст. 207[2], ст. 212[1], ч. 1 ст. 228[4], ч. 1 ст. 230, ч. 1 ст. 232, ч. 1 ст. 239, ч. 2 ст. 243[4], ч. 2 ст. 244, ч. 1[1] ст. 258[1], ч. 1 и 2 ст. 273, ч. 1 ст. 274[1], ч. 2 ст. 280, ч. 2 ст. 280[1], ч. 1 ст. 282, ч. 3 ст. 296, ч. 3 ст. 309, ч. 1 и 2 ст. 313, ч. 1 ст. 318, ч. 2 ст. 354, ч. 2 ст. 354[1] УК РФ, и имеющие на день голосования неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления, а также осужденные к лишению свободы за совершение указанных преступлений, судимость которых снята или погашена	димости период **5** лет со дня снятия или погашения судимости в случае осуждения к лишению свободы
23.	ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» ст. 22.1	Ограничение государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя	– лицо **имеет или имело судимость**, **подвергалось уголовному преследованию** (за исключением лиц, уголовное преследование в отношении которых прекращено по реабилитирующим основаниям) за преступления против **жизни** и **здоровья**, **свободы**, **чести** и **достоинства личности** (за исключением незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, и клеветы), **половой неприкосновенности и половой свободы личности**, против **семьи** и **несовершеннолетних**, **здоровья населения** и общественной нравственности, **основ конституционного строя** и безопасности государства, мира и безопасности человечества, **общественной безопасности** либо **имеет неснятую или непогашенную судимость** за иные умышленные тяжкие и особо тяжкие преступления, за исключением случаев, предусмотренных абзацем третьим настоящего пункта (в случае, если данное физическое лицо намерено осуществлять определенные виды предпринимательской деятельности **в сфере образования, воспитания, развития несовершеннолетних, организации их отдыха и оздоровления, медицинского обеспечения, социальной защиты и социального обслуживания, в сфере детско-юношеского спорта, культуры и искусства с участием несовершеннолетних**, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации)	бессрочно за отдельные преступления
24.	ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на	Ограничение права быть избранным депутатом представительного органа муници-	**– лица, осужденные** к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений и **имеющие** на день голосования на выборах **неснятую** и **непогашенную судимость** за указанные преступления;	**период судимости**

1	*2*	*3*	*4*	*5*
	участие в референдуме граждан Российской Федерации» ст. 4	пального образования; ограничение права быть избранным депутатом законодательного (представительного) органа государственной власти, выборным должностным лицом	– лица, **осужденные** к лишению свободы за совершение тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения десяти лет со дня снятия или погашения судимости; – лица, **осужденные** к лишению свободы за совершение особо тяжких преступлений, судимость которых снята или погашена, – до истечения **пятнадцати** лет со дня снятия или погашения судимости; – лица, **осужденные** за совершение преступлений экстремистской направленности, предусмотренных УК РФ, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления, а также осужденные за совершение указанных преступлений, **судимость которых снята или погашена;** – лица, **осужденные** к лишению свободы за совершение преступлений, предусмотренных ст. 106, ч. 2 ст. 107, ч. 3 ст. 110^1, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 119, ч. 1 ст. 126, ч. 2 ст. 127, ч. 1 ст. 127^2, ч. 2 ст. 133, ч. 1 ст. 134, ст. 136, ч. 2 и 3 ст. 141, ч. 1 ст. 142, ст. 142^1, ч. 1 и 3 ст. 142^2, ч. 1 ст. 150, ч. 2 ст. 158, ч. 2 и 5 ст. 159, ч. 2 ст. 159^1, ч. 2 ст. 159^2, ч. 2 ст. 159^3, ч. 2 ст. 159^5, ч. 2 ст. 159^6, ч. 2 ст. 160, ч. 1 ст. 161, ч. 2 ст. 167, ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 174^1, ч. 2 ст. 189, ч. 1 ст. 200^2, ч. 1 ст. 200^3, ч. 1 ст. 205^2, ч. 2 ст. 207^2, ст. 212^1, ч. 1 ст. 228^4, ч. 1 ст. 230, ч. 1 ст. 232, ч. 1 ст. 239, ч. 2 ст. 243^4, ч. 2 ст. 244, ч. 2^1 ст. 258^1, ч. 1 и 2 ст. 273, ч. 1 ст. 274^1, ч. 1 ст. 280, ч. 2 ст. 280^1, ч. 1 ст. 282, ч. 3 ст. 296, ч. 3 ст. 309, ч. 1 и 2 ст. 313, ч. 1 ст. 318, ч. 2 ст. 354, ч. 2 ст. 354^1 УК РФ, и имеющие на день голосования на выборах неснятую и непогашенную судимость за указанные преступления, а также осужденные к лишению свободы за совершение указанных преступлений, судимость которых снята или погашена	**до истечения 10 либо 15** лет со дня снятия или погашения судимости **до истечения 5 лет** со дня снятия или погашения судимости
25.	ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» ст. 36, 37, 40	Досрочное прекращение полномочий главы муниципального образования; досрочное прекращение полномочий главы местной администрации; досрочное прекращение полномочий депутата, члена вы-	– в случае вступления в отношении лица в законную силу обвинительного приговора суда	срок ограничения не определен

1	*2*	*3*	*4*	*5*
		борного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления		
26.	ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» ст. 4	Досрочное прекращение полномочий сенатора Российской Федерации, депутата Государственной Думы	– в случае вступления в законную силу обвинительного приговора суда в отношении лица, являющегося сенатором Российской Федерации, депутатом Государственной Думы	срок не определен
27.	ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» ст. 13	Запрет на поступление и прохождение муниципальной службы	– осуждение к наказанию, исключающему возможность исполнения должностных обязанностей по должности муниципальной службы, по приговору суда, вступившему в законную силу	период наказания
28.	Воздушный кодекс РФ ст. 52	Запрет прохождения службы на должностях специалистов авиационного персонала	– имеющие **непогашенную или неснятую судимость** за совершение **умышленного** преступления	период судимости
29.	ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» ст. 20 ст. 20.2 ст. 23 ст. 34	Ограничение на прохождение обучения в военных образовательных организациях высшего образования; ограничение на прохождение обучения по программам военной подготовки в военных учебных центрах; запрет призыва на военную службу (срочную); запрет заключения контракта о прохождении военной служ-	– лицо, **имеющее неснятую или непогашенную судимость** за совершение преступления; – лицо, **имеющее неснятую или непогашенную судимость** за совершение преступления; – лицо, **имеющее неснятую или непогашенную судимость** за совершение преступления; – лицо, **имеющее судимости за совершение преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних**, предусмотренных п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 3-6 ст. 134, ч. 3-5 ст. 135, либо преступлений, предусмотренных ст. 189,	период судимости

1	*2*	*3*	*4*	*5*
		бы (в том числе в период мобилизации)	200[1], 205-205[5], 206, 208-211, п. «б» ч. 2 ст. 215[4], ст. 217[1], 220, 221, 226[1], 229[1], 274[1], 275, 275[1], 276–280[2], 280[4], 281–281[3], 282[1]–282[3], 283–283[2], 284, ч. 2 ст. 322[1], ст. 355, 359–361	
30.	ФЗ «О рынке ценных бумаг» ст. 10.1 ст.10. 1-2	Ограничение права выступать учредителем (участником) профессионального участника рынка ценных бумаг и занимать руководящие должности профессионального участника рынка ценных бумаг; запрет распоряжаться 10 и более процентами голосов, приходящихся на голосующие акции (доли), составляющие уставный капитал профессионального участника рынка ценных бумаг	**– лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления** – **лица, имеющие неснятую или непогашенную судимость** за совершение умышленного преступления	период судимости период судимости
31.	ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» п. 5 ч. 3 ст. 10 ч. 5 ст. 30 ч. 3 ст. 59	Требования к условиям осуществления деятельности, связанной с оборотом наркотических средств, психотропных веществ и внесенных в Список I прекурсоров, и (или) культивирования наркосодержащих растений; запрет на допуск к работе, непосредственно связанной с прекурсорами, внесенными в Таблицу I Списка IV; запрет на въезд в Российскую Федерацию	– лицо, имеющее **неснятую судимость за преступление средней тяжести, тяжкое и особо тяжкое преступление** или **преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств**, психотропных веществ и их прекурсоров либо с незаконным культивированием наркосодержащих растений, в том числе совершенное за пределами Российской Федерации; – наличие **непогашенной или неснятой судимости** за преступление средней тяжести, тяжкое, особо тяжкое преступление или преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров; – иностранный гражданин или лицо без гражданства, **совершившее преступление** либо административное правонарушение, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов или прекурсоров, наркосодержащих растений или их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры	период судимости; нет освобожденных от УО, в том числе по примечанию к ст. 228, 228[1] УК РФ период судимости бессрочно
32.	ФЗ «О присяжных	Запрет выступать в роли при-	– лицо, **имеющее непогашенную или неснятую судимость**	период суди-

1	*2*	*3*	*4*	*5*
	заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» п. 2 ч. 2 ст. 3	сяжного заседателя и кандидата в присяжные заседатели		мости
33.	ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» п. 5, 6 ст. 9	Запрет на выдачу вида на жительство (аннулирование ранее выданного);	– **осуждение** вступившим в законную силу приговором суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления или за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры;	бессрочно
			– лицо, имеющее непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления на территории Российской Федерации либо за ее пределами, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом;	период судимости
	ст. 7	запрет в выдаче либо аннулирование разрешения на временное проживание	– **осуждение** вступившим в законную силу приговором суда за совершение **тяжкого или особо тяжкого преступления** или за совершение преступления, **связанного с незаконным оборотом наркотических средств**, психотропных веществ и их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества	бессрочно

1	*2*	*3*	*4*	*5*
			либо их прекурсоры, а также их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры;	
	ст. 7.1	основания отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание в целях получения образования;	– лицо, **имеющее непогашенную или неснятую судимость** за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления на территории Российской Федерации либо за ее пределами, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом	период судимости
			– **осуждение** вступившим в законную силу приговором суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления или за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов или прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры;	бессрочно
			– лицо, имеющее непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления на территории Российской Федерации либо за ее пределами, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом;	период судимости
34.	ФЗ «О средствах массовой информации» ст. 7	Запрет выступать учредителем (соучредителем) средства массовой информации;	– гражданин, **отбывающий наказание в местах лишения свободы** либо **имеющий судимость** за совершение преступлений с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», или за совершение преступлений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности;	период судимости за отдельные преступления
	ст. 19	запрет выступать главным редактором редакции	– гражданин, отбывающий наказание в местах лишения свободы либо имеющий судимость за совершение преступлений с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», или за совершение преступлений, связанных с осуществлением экстремистской деятельности	
35.	ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения РФ…» ст. 14	Запрет поступления на службу и прохождения службы в органах принудительного исполнения	**– осуждение** за преступление по приговору суда, вступившему в законную силу, либо наличие судимости, **включая снятую или погашенную;**	бессрочно
			– прекращение в отношении его уголовного преследования за истечени-	бессрочно;

1	*2*	*3*	*4*	*5*
			ем срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием (кроме уголовных дел частного обвинения)	нет ст. 76^1,76^2, 78^1 УК РФ
36.	ФЗ «О прокуратуре РФ» ст. 40.1	Запрет поступления на службу и прохождения службы в органах и организациях прокуратуры	**– лицо, имевшее или имеющее судимость**	бессрочно; нет освобождения по нереабилитирующим основаниям
37.	ФЗ «Об аудиторской деятельности» ст. 5.2 ст. 17.2	Запрет занимать должность руководителя аудита общественно значимой организации; запрет занимать должность единоличного исполнительного органа саморегулируемой организации	– лицо, **имеющее неснятую или непогашенную судимость** за совершение **умышленного** преступления; – лицо, **имеющее неснятую или непогашенную судимость** за совершение преступлений в **сфере экономики**, а также за иные преступления средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие преступления	период судимости период судимости; нет освобождения по нереабилитирующим основаниям

1	*2*	*3*	*4*	*5*
38.	ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» ст. 16 ст. 22 ст. 24	Отказ в получении гражданства Российской Федерации и в восстановлении в гражданстве Российской Федерации; отмена решения о приобретении или прекращении гражданства Российской Федерации Лишение гражданства Российской Федерации, если гражданин Российской Федерации приобрел гражданство Российской Федерации в результате приема в гражданство Российской Федерации	– имеют неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленных преступлений на территории Российской Федерации или за ее пределами, признаваемых таковыми в соответствии с федеральным законом – наличие установленного вступившим в законную силу приговором суда факта совершения лицом хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 205, 205[1], ч. 2 ст. 205[2], ст. 205[3]–205[5], 206, 208, ч. 4 ст. 211, ст. 281, 282[1]–282[3] и 361 УК РФ, либо хотя бы одного из преступлений (приготовления к преступлению или покушения на преступление), предусмотренных ст. 277–279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности – совершение одного из преступлений (приготовление к преступлению или покушение на преступление), предусмотренных ст. 105, ч. 2-5 ст. 131, ч. 2-5 ст. 132, ч. 2 и 3 ст. 133, ч. 3-6 ст. 134, ч. 2-5 ст. 135, ч. 2 и 3 ст. 186, ст. 205, 205[1], 205[2], 205[3], 205[4], 205[5], 206, 207[3], 208, 209, 210, 210[1], ч. 4 ст. 211, ч. 1 ст. 212, ст. 212[1], ч. 4-6 ст. 222, ч. 2-6 ст. 222[1], ч. 4-6 ст. 222[2], ч. 2 и 3 ст. 223[1], ч. 3 и 4 ст. 226, ч. 3 ст. 226[1], ч. 2 и 3 ст. 228, ч. 3-5 ст. 228[1], ч. 2-4 ст. 229, ч. 2-4 ст. 229[1], ч. 2-4 ст. 230, ч. 1 и 2 ст. 239, ч. 3 ст. 240, ч. 2 и 3 ст. 241, ст. 242[1], 242[2], 243[4], ч. 4 и 5 ст. 274[1], ст. 275, 275[1], 276, 276[1], 277, 278, 279, 280, 280[1], 280[2], 280[3], 280[4], 281, 281[1], 281[2], 281[3], 282, 282[1], 282[2], 282[3], 282[4], 283, 284[1], 284[2], 284[3], 295, 317, 322[1], 328, 329, 330[1], 338, 339, 354, 354[1] и 361 УК РФ либо сопряженных с осуществлением террористической или экстремистской деятельности и предусмотренных ст. 318 и 360 УК РФ, либо иное преступление при наличии одного из отягчающих обстоятельств, предусмотренных пунктами «е», «р» и «с» части первой статьи 63 УК РФ	период судимости; нет освобождения по нереабилитирующим основаниям бессрочно бессрочно
39.	ФЗ «О бухгалтерской деятельности» ст. 7	Запрет занимать должности главного бухгалтера или иного должностного лица, на которое возлагается ведение бухгалтерского учета в акционерных обществах, страховых организациях и негосударственных пенсионных фондах, акционерных	– наличие **неснятой или непогашенной судимости** за преступления в сфере экономики	период судимости; отдельная группа преступлений; нет освобождения по не-

1	*2*	*3*	*4*	*5*
		инвестиционных фондах, управляющих компаниях паевых инвестиционных фондов, в иных экономических субъектах, ценные бумаги которых допущены к обращению на организованных торгах, в организациях бюджетной сферы, составляющих консолидированную (сводную) бюджетную отчетность, консолидированную отчетность государственных (муниципальных) учреждений		реабилитирующим основаниям
40.	ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» ст. 24	Запрет выступать руководителем саморегулируемой организации	– наличие **неснятой или непогашенной судимости** за совершение преступлений в сфере экономики	период судимости; отдельная группа преступлений; нет освобождения по нереабилитирующим основаниям
41.	ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания» ст. 12	Запрет выступать членом общественной наблюдательной комиссии, образуемой в субъектах Российской Федерации, осуществляющей общественный контроль и содействие лицам, находящимся в местах принудительного содержания	– наличие **неснятой или непогашенной судимости**	период судимости; нет освобождения по нереабилитирующим основаниям

Приложение № 2.
Криминализация в период с 2012 по 2025 гг.

№	Статья УК РФ (наименование состава преступления)	Максимальная санкция	Категория	Преюдиция
1	*2*	*3*	*4*	*5*
1.	116[1] Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость	ч. 1 арест до 3 мес. ч. 2 арест до 6 мес.	Н	АП УП
2.	138[1] Незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации	л/с до 4 л.	СР	
3.	145[1] Невыплата заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат	л/с до 1 г.	Н	
4.	151[1] Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции	испр. раб. до 1 г.	Н	АП
5.	151[2] Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего	ч. 1 л/с до 1 г. ч. 2 л/с до 3 л.	Н	
6.	158[1] Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию	л/с до 1 г.	Н	АП
7.	170[1] Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 2 л/с до 2 л.	Н	
8.	170[2] Внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка или земельных участков либо карту-план территории	ч. 1 обяз. раб. до 360 ч. ч. 2 испр. раб. до 1 г.	Н Н	
9.	171[1] Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 6 л/с до 6 л.	Н СР	
10.	171[2] Незаконные организация и проведение азартных игр	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 2 л/с до 4 л.	Н СР	
11.	171[3] Незаконные производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 5 л.	Н СР	
12.	171[4] Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции	испр. раб. до 1 г.	Н	АП
13.	171[5] Незаконное осуществление деятельности по предоставлению потребительских кредитов (займов)	л/с до 3 л.	Н	АП
14.	172[1] Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 7 л.	СР	

1	*2*	*3*	*4*	*5*
15.	172[2] Организация деятельности по привлечению денежных средств и (или) иного имущества	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 6 л.	СР	
16.	172[3] Невнесение в финансовые документы учета и отчетности кредитной организации сведений о размещенных физическими лицами и индивидуальными предпринимателями денежных средствах	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 7 л.	СР	
17.	172[4] Незаконное осуществление деятельности по возврату просроченной задолженности физических лиц	ч. 1 л/с до 5 л. ч. 2 л/с до 7 л. ч. 3 л/с до 10 л.	Т Т Т	
18.	173[1] Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 5 л.	Н СР	
19.	173[2] Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица	ч. 1 испр. раб. до 2 л. ч. 2 л/с до 3 л.	Н	
20.	173[3] Организация деятельности по представлению в налоговые органы Российской Федерации и (или) сбыту заведомо подложных счетов-фактур и (или) налоговых деклараций (расчетов)	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 7 л.	СТ Т	
21.	191[1] Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 3 л/с до 5 л.	Н СР	
22.	193[1] Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 3 л/с до 10 л.	Н Т	
23.	199[2] Сокрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счет которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 3 л/с до 7 л.	Н Т	
24.	199[3] Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд	ч. 1 обяз. раб. до 360 ч. ч. 2 л/с до 1 г.	Н	
25.	200[1] Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов	ч. 1 прин. раб. до 2 л. ч. 2 прин. раб. до 4 л.	Н	
26.	200[2] Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий	ч. 1 л/с до 5 л. ч. 3 л/с до 12 л.	СР ОТ	
27.	200[3] Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 3 л/с до 5 л.	Н СР	
28.	200[4] Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 3 л/с до 7 л.	Н СР	
29.	200[5] Подкуп работника контрактной службы, контрактного управляющего, члена комиссии по осуществ-	ч. 1 л/с до 3 л.	Н	

1	*2*	*3*	*4*	*5*
	лению закупок	ч. 5 л/с до 12 л.	ОТ	
30.	200[6] Заведомо ложное экспертное заключение в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд	ч. 1 л/с до 1 г. ч. 3 л/с до 5 л.	Н Т	
31.	200[7] Подкуп арбитра (третейского судьи)	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 8 л/с до 12 л.	Н ОТ	
32.	201[1] Злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа	ч. 1 л/с до 8 л. ч. 2 л/с до 10 л.	Т Т	
33.	201[2] Нарушение условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 8 л/с до 10 л.	СР Т	АП
34.	201[3] Отказ или уклонение лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа	л/с до 8 л.	Т	АП
35.	204[1] Посредничество в коммерческом подкупе	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 2 л/с до 2 л.	Н	
36.	204[2] Мелкий коммерческий подкуп	ч. 1 огран. своб. до 1 г. ч. 2 л/с до 1 г.	Н	УП
37.	205[6] Несообщение о преступлении	л/с до 2 л.	Н	
38.	207[1] Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан	огран. своб. до 3 л.	Н	
39.	207[2] Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 5 л.	Н СР	
40.	207[3] Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 3 л/с до 15 л.	Н ОТ	
41.	210[1] Занятие высшего положения в преступной иерархии	л/с до 15 л.	ОТ	
42.	212[1] Неоднократное нарушение установленного порядка организации либо проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования	л/с до 5 л.	СР	АП
43.	215[3] Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам либо приведение их в негодность	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 5 л/с до 8 л.	Н Т	АП
44.	215[4] Незаконное проникновение на охраняемый объект	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 5 л/с до 4 л.	Н СР	АП

1	*2*	*3*	*4*	*5*
45.	217[2] Заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности	штраф до 200 тыс. руб. ч. 3 л/с до 7 л.	Н Т	АП
46.	217[3] Нарушение требований к антитеррористической защищенности объектов (территорий)	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 5 л. ч. 3 л/с до 7 л.	Н Т	АП АП АП
47.	222[1] Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств	ч. 1 л/с до 8 л. ч. 6 л/с до 20 л.	Т ОТ	
48.	222[2] Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение крупнокалиберного огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему	ч. 1 л/с до 6 л. ч. 6 л/с до 15 л.	Т ОТ	
49.	223[1] Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, переделка или ремонт взрывных устройств	ч. 1 л/с до 10 л. ч. 6. л/с до 20 л.	Т ОТ	
50.	226[1] Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ…	ч. 1 л/с до 7 л. ч. 6 л/с до 12 л.	Т ОТ	
51.	228[4] Незаконные производство, сбыт или пересылка прекурсоров наркотических средств	ч. 1 л/с до 5 л. ч. 6 л/с до 8 л.	СР Т	
52.	230[1] Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте	огран. своб. до 1 г. ч. 3. л/с до 3 л.	Н	
53.	230[2] Использование в отношении спортсмена субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте	ч. 1 л/с до 1 года ч. 6 л/с до 3 л.	Н Н	
54.	234[1] Незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ	огран. своб. до 2 л. ч. 6 л/с до 8 л.	Н Т	
55.	234[2] Незаконный оборот метилового спирта (метанола), метанолсодержащих жидкостей	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 10 л.	СТ Т	
56.	235[1] Незаконное производство лекарственных средств и медицинских изделий	ч. 1. л/с до 5 л. ч. 6 л/с до 8 л.	СР Т	
57.	238[1] Обращение фальсифицированных, недоброкачественных и незарегистрированных лекарственных средств, медицинских изделий и оборот фальсифицированных биологически активных добавок	ч. 1 л/с до 5 л. ч. 6 л/с до 12 л.	СР ОТ	
58.	242[1] Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних	ч. 1 л/с до 8 л. ч. 6 л/с до 10 л.	Т Т	
59.	242[2] Использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов	ч. 1 л/с до 10 л. ч. 6 л/с до 15 л.	Т ОТ	

1	*2*	*3*	*4*	*5*
60.	243[1] Нарушение требований сохранения или использования объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, включенных в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, либо выявленных объектов культурного наследия	л/с до 2 л.	Н	
61.	243[2] Незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 3 л/с до 6 л.	Н Т	
62.	243[3] Уклонение исполнителя земляных, строительных, мелиоративных, хозяйственных или иных работ либо археологических полевых работ, осуществляемых на основании разрешения (открытого листа), от обязательной передачи государству обнаруженных при проведении таких работ предметов, имеющих особую культурную ценность, или культурных ценностей в крупном размере	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 3 л/с до 6 л.	Н Т	
63.	243[4] Уничтожение либо повреждение воинских захоронений, а также памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений или объектов, увековечивающих память погибших при защите Отечества или его интересов либо посвященных дням воинской славы России	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 3 л/с до 5 л.	Н СР	
64.	258[1] Незаконные добыча и оборот особо ценных диких животных и водных биологических ресурсов, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 3 л/с до 9 л.	СР Т	
65.	264[1] Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 2 л/с до 3 л.	Н Н	АП УП
66.	264[2] Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию и лишенным права управления транспортными средствами	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 2 л/с до 3 л.	Н Н	АП УП
67.	264[3] Управление транспортным средством лицом, лишенным права управления транспортными средствами и подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость	ч. 1 л/с до 1 г. ч. 2 л/с до 2 л.	Н	АП УП
68.	267[1] Действия, угрожающие безопасной эксплуатации транспортных средств	л/с до 2 л.	Н	
69.	272[1] Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 5 л. ч. 3 л/с до 6 л. ч. 4 л/с до 8 л. ч. 5 л/с до 10 л. ч. 6 л/с до 5 л.	СТ СТ Т Т Т	
70.	274[1] Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации	ч. 1 л/с до 5 л. ч. 2 л/с до 10 л.	СР Т	

1	*2*	*3*	*4*	*5*
71.	274[2] Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 3 л.	Н 	АП АП
72.	274[3] Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 2 л/с до 5 л. ч. 3 л/с до 6 л.	Н СТ Т	
73.	274[4] Организация деятельности по передаче абонентских номеров с нарушением требований законодательства Российской Федерации	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 1 л.	Н НТ	
74.	274[5] Организация деятельности по передаче информации, необходимой для регистрации и (или) авторизации пользователя сети «Интернет» для получения доступа к функциональным возможностям информационного ресурса	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 2 л.	СТ 	
75.	275[1] Сотрудничество на конфиденциальной основе с иностранным государством, международной либо иностранной организацией	л/с до 8 л.	Т	
76.	276[1] Оказание помощи противнику в деятельности, заведомо направленной против безопасности Российской Федерации	л/с до 15 л.	ОТ	
77.	280[1] Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 5 л.	СР СР	АП
78.	280[2] Нарушение территориальной целостности Российской Федерации	л/с до 10 л.	Т	
79.	281[1] Содействие диверсионной деятельности	ч. 1 л/с до 20 л. ч. 2 пожизненное л.с. ч. 3 л/с до 20 л. ч. 4 пожизненное л.с.	ОТ ОТ ОТ ОТ	
80.	281[2] Прохождение обучения в целях осуществления диверсионной деятельности	ч. 1 л/с до 20 л.	ОТ	
81.	281[3] Организация диверсионного сообщества и участие в нем	ч. 1 л/с до 20 л. ч. 2 л/с до 10 л.	ОТ Т	
82.	282[4] Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 4 л.	ОТ Т	АП АП
83.	283[1] Незаконное получение сведений, составляющих государственную тайну	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 2 л/с до 8 л.	СР Т	
84.	283[2] Нарушение требований по защите государственной тайны	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 2 л/с до 7 л.	СР Т	

1	*2*	*3*	*4*	*5*
85.	284[1] Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности	ч. 1 л/с до 4 л. ч. 3 л/с до 6 л.	СР Т	АП/УП
86.	284[2] Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц	л/с до 3 л.	Н	АП
87.	285[4] Злоупотребление должностными полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа	ч. 1 л/с до 8 л. ч. 3 л/с до 10 л.	Т Т	
88.	285[5] Нарушение должностным лицом условий государственного контракта по государственному оборонному заказу либо условий договора, заключенного в целях выполнения государственного оборонного заказа	ч. 1 л/с до 8 л. ч. 3 л/с до 10 л.	Т Т	АП
89.	285[6] Отказ или уклонение должностного лица, подвергнутого административному наказанию, от заключения государственного контракта по государственному оборонному заказу либо договора, необходимого для выполнения государственного оборонного заказа	ч. 1 л/с до 8 л.	Т	АП
90.	291[2] Мелкое взяточничество	ч. 1 л/с до 1 г. ч. 1 л/с до 3 л.	НТ НТ	 УП
91.	294[1] Незаконное осуществление следственных, иных процессуальных действий и оперативно-разыскных мероприятий на территории Российской Федерации	ч. 1 л/с до 5 л.	СТ	
92.	298[1] Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, сотрудника органов принудительного исполнения Российской Федерации	ч. 1 обяз. раб. до 360 ч. ч. 2 обяз. раб. до 480 ч.	НТ	
93.	314[1] Уклонение от административного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений	ч. 1 л/с до 1 г. ч. 2 л/с до 1 г.	НТ	АП АП
94.	321[1] Передача лицу, содержащемуся в учреждении уголовно-исполнительной системы или месте содержания под стражей, средств мобильной связи и иных средств коммуникации лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость	ч. 1 л/с до 2 г.	НТ	АП/УП
95.	322[2] Фиктивная регистрация гражданина Российской Федерации по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации и фиктивная регистрация иностранного гражданина или лица без гражданства по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации	л/с до 3 л.	НТ	
96.	325[1] Неправомерное завладение государственным регистрационным знаком транспортного средства	ч. 1 л/с до 1 г. ч. 3 л/с до 4 л.	НТ СР	
97.	327[1] Изготовление, сбыт поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 3 л/с до 12 л.	НТ ОТ	
98.	327[2] Подделка документов на лекарственные средства или медицинские изделия или упаковки лекар-	ч. 1 л/с до 3 л.	НТ	

1	*2*	*3*	*4*	*5*
	ственных средств или медицинских изделий	ч. 3 л/с до 10 л.	Т	
99.	330[1] Злостное уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации, в связи с признанием лица выполняющим функции иностранного агента	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 3 л/с до 5 л.	НТ СР	АП АП
100.	330[2] Неисполнение обязанности по подаче уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве	обяз. раб. до 400 ч.	Н	
101.	330[3] Осуществление деятельности на территории Российской Федерации иностранной или международной некоммерческой неправительственной организации	ч. 1 л/с до 2 л. ч. 2 л/с до 3 л.	НТ СТ	АП УП
102.	352[1] Добровольная сдача в плен	л/с до 10 л.	Т	
103.	354[1] Реабилитация нацизма	ч. 1 л/с до 3 л. ч. 4 л/с до 5 л.	НТ СР	

Приложение № 3.
Содержание правоограничений и мер контроля за лицами, совершившими преступления

Мера уголовно-правового характера	Органы, уполномоченные осуществлять контроль	Дополнительные правоограничения	Критерии оценки поведения	
1	*2*	*3*	*4*	*5*
условное осуждение (ст. 73)	уголовно-исполнительная инспекция (с участием работников органов внутренних дел)	– не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного; – не посещать определенные места; – пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания, трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации; – иные	– уклонение от исполнения возложенных на лицо судом обязанностей; уклонение от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением; – нарушение общественного порядка, за которое он был привлечен к административной ответственности; – совершение умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления в течение продленного испытательного срока в связи с его уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, систематическое уклонение от возмещения указанного вреда; – в течение испытательного срока систематическое нарушение общественного порядка, и привлечение за это к административной ответственности, – систематическое неисполнение возложенные на него судом обязанностей либо сокрытие от контроля;	– своим поведением доказал свое исправление; – возмещение вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда

1	*2*	*3*	*4*	*5*
			– совершение в течение испытательного срока преступления по неосторожности либо умышленное преступления небольшой или средней тяжести; – совершение в течение испытательного срока умышленного тяжкого или особо тяжкого преступления	
условно-досрочное освобождение от отбывания наказания (ст. 79)	уголовно-исполнительная инспекция (с участием работников соответствующих служб органов внутренних дел)		– **нарушение общественного порядка**, за которое на него было наложено административное взыскание; – **злостное уклонение** от исполнения обязанностей, возложенных на него судом при применении условно-досрочного освобождения, а равно от назначенных судом принудительных мер медицинского характера; **– совершение преступления** по неосторожности либо умышленного преступления небольшой или средней тяжести; – совершение тяжкого или особо тяжкого преступления	
отсрочка отбывания наказания (ст. 82)	уголовно-исполнительная инспекция (с участием работников соответствующих служб органов внутренних дел)		– отказ от ребенка или продолжение уклонения от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного; – совершение нового преступления	– достижение ребенком возраста 14 лет и отсутствие негативных показателей
отсрочка отбывания наказания лицам, больным наркоманией	уголовно-исполнительная инспекция (с участием органов внутренних дел)	– пройти курс лечения от наркомании, медицинской реабилитации либо социальной реабилитации	– отказ от прохождения курса лечения от наркомании, а также медицинской реабилитации либо социальной реабилитации;	– прохождение курса лечения от наркомании, медицинской реабилитации, социальной реабилитации и при наличии

1	*2*	*3*	*4*	*5*
(ст. 82^1)	медицинские учреждения, осуществляющее лечение и реабилитацию		– уклонение от лечения после предупреждения, объявленного органом, осуществляющим контроль за поведением осужденного; – совершение преступления, не указанного в ч. 1 ст. 82^1 УК РФ; – совершение в период отсрочки нового преступления	объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет
освобождение от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80^2)	командование воинской части (учреждения)		– совершение в период отсрочки нового преступления	– награждение государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы; – прохождение военной службы до увольнения по основанию, предусмотренному подпунктом «а», «в» или «о» п. 1 ст. 51 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»
принудительные меры воспитательного воздействия (ст. 90, 91, 92); – передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; – ограничение досуга и установление особых требований к по-	комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; родители или лица, их заменяющих	– запрет посещения определенных мест, использования определенных форм досуга, в том числе связанных с управлением механическим транспортным средством; – ограничение пребывания вне дома после определенного времени суток; – ограничение выезда в другие местности без разрешения специализиро-	– систематическое неисполнение несовершеннолетним принудительной меры воспитательного воздействия	не предусмотрено

1	*2*	*3*	*4*	*5*
ведению несовершеннолетнего		ванного государственного органа; – требование возвратиться в образовательную организацию либо трудоустроиться с помощью специализированного государственного органа		
административный надзор	ОВД	– запрещение пребывания в определенных местах; – запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; – запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; – запрещение выезда за установленные судом пределы территории; – обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации	– осуждение поднадзорного лица за совершение им в период нахождения под административным надзором преступления; – совершение поднадзорным лицом в течение одного года двух и более административных правонарушений против порядка управления, и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность, и (или) административных правонарушений, предусмотренных ч. 7 ст. 11.5, и (или) ст. 11.9, и (или) ст. 12.8, и (или) ст. 12.26 КоАП РФ	– снятие судимости с поднадзорного лица; – добросовестное соблюдение административных ограничений, выполнение предусмотренных обязанностей и положительная характеристика по месту работы и (или) месту жительства, пребывания или фактического нахождения

Приложение № 4.
Результаты анализа решений об изменении содержания мер уголовно-правового характера, связанных с осуществлением контроля за поведением осужденных[1]

Основание отмены / мера уголовно-правового характера	Условное осуждение	Условно-досрочное освобождение	Отсрочка наказания (ст. 82)	Отсрочка наказания больным наркоманией (ст. 82[1])	Административный надзор	Ограничение свободы
Совершение нового преступления небольшой, средней тяжести либо неосторожного	27%	23%	22%	18%	53%	21%
Совершение нового тяжкого, особо тяжкого преступления	38%	43%	25%	19%	37%	21%
Уклонение от исполнения обязательств	-	-	53%	63%	47%[2]	27%
Нарушение общественного порядка	27%	34%	-	-	-	-
Уклонение от возмещения вреда	8%	-	-		-	-

[1] Данные получены в результате выборочного изучения материалов накопительных дел лиц, находящихся на условно-досрочном освобождении и осужденных условно.

[2] В данной графе обозначено общее количество уклонений от исполнения обязательств, присутствовавшее в проанализированных материалах. Учитывая, что уклонение от административного надзора образует состав самостоятельного преступления, в графе 1 обозначен процент совершенных поднадзорными преступлений, предусмотренных ст. 314[1] УК РФ, и иных составов преступления.

Приложение № 5.
Правоограничения, предусмотренные в рамках условных мер уголовно-правового воздействия

Мера УПХ	Содержание правоограничений (обязательств, запретов)
Условное осуждение Условно-досрочное освобождение	– не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного; – не посещать определенные места; – пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; – трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации; – не уклоняться от исполнения возложенных судом обязанностей; – не уклоняться от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением; – не нарушать (либо систематически не нарушать (ч.7 ст. 79 УК РФ)) общественный порядок; – не совершать новых преступлений
Отсрочка исполнения приговора	– не отказываться от ребенка; – не продолжать уклоняться от обязанностей по воспитанию ребенка после предупреждения органа, осуществляющего контроль; – не совершать новых преступлений
Отсрочка исполнения приговора лицам, больным наркоманией	– пройти курс лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации; – не отказываться от прохождения курса лечения; – не совершать новых преступлений
Условное освобождение от наказания лиц, принимающих участие в СВО	– не уклоняться от прохождения службы; – не совершать новых преступлений
Административный надзор	– запрет пребывания в определенных местах; – запрет посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях; – запрет пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток; – запрет выезда за установленные судом пределы территории; – обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации; – запрет посещения объектов и территорий образовательных, медицинских, санаторно-курортных, физкультурно-спортивных организаций, организаций культуры, предназначенных для детей, организаций отдыха детей и их оздоровления, площадок с использованием открытой плоскостной детской игровой и детской спортивной инфраструктур

Приложение № 6.
Соотношение основных элементов контроля при условном осуждении и ограничении свободы

	Условное осуждение	**Ограничение свободы**
Содержание ограничений	– не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного; – не посещать определенные места; – пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания; – трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации; – не уклоняться от исполнения возложенных судом обязанностей; – не уклоняться от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением; – не нарушать систематически общественный порядок; – не совершать новых преступлений	– не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, -не посещать определенные места, *расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования*, *– не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования*, – не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, – не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, – являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации
Закрытость	открытый перечень ограничений	*закрытый (исчерпывающий) перечень ограничений*
Цель применения	осужденный должен своим поведением доказать свое исправление (ст. 73 УК РФ)	– исправление осужденного; – восстановление социальной справедливости; – предупреждение совершения новых преступлений (ч. 2 ст. 46 УК РФ)
Сроки	от 6 мес. до 5 лет (испытательный срок)	– от 2 до 4 лет – основное – от 6 мес. до 2 лет – дополнительное
Последствия правомерного исполнения	погашение судимости (п. «а» ч. 3 ст. 86 УК)	сохраняется судимость в течение 1 года после отбытия наказания (п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ)
Последствия неисполнения	Отмена и направление для отбытия наказания	Замена принудительными работами или лишением свободы (ч. 5 ст. 53 УК РФ) Самостоятельный состав преступления (ст. 314 УК РФ)
Объем замены	Наказание отбывается в полном объеме	Отбывается только неотбытая (оставшаяся) часть наказания

Приложение № 7.
Результаты изучения материалов учетных дел условно осужденных, находившихся на испытательном сроке

Категория преступления	Небольшой тяжести	Средней тяжести	Тяжкие	Особо тяжкие	Общее (среднее)
Количество	56	58	83	3	200
Средний срок (лет)	1	3	4,5	5,5	3,5
Положительное завершение (прекращение)	72%	64%	55%	66%	63%
Негативное завершение	28%	36%	41%	33%	34%
Совершение нового преступления	16%	19%	22%	33%	21%
Отмена в связи с злостным уклонением от исполнения возложенных обязанностей	11%	16%	22%	0%	15%
Продление	8%	10%	15%	33%	11%
Изменение ограничений	7%	8%	11%	33%	9,5%
Нарушение общественного порядка (или совершение иного административного правонарушения)	25%	27%	26%	66%	30%

Результаты изучения материалов учетных дел лиц, находящихся под административным надзором органов внутренних дел

Основание	Совершение преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетнего	Совершение преступления при опасном или особо опасном рецидиве преступлений	Совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, предусмотренного в п. 3 ч. 2 ст. 3 ФЗ № 64	Совершение в течение одного года двух и более административных правонарушений (п. 2 ч. 3 ст. 3 ФЗ № 64)
Количество	12	41	49	18
Средний срок (лет)	10	8	10	8
Прекращение	31%	22%	33%	23%
Совершение нового преступления	26%	43%	22%	21%
Уклонение от административного надзора (ст. 314^1 УК)	12%	35%	22%	15%
Изменение ограничений	7%	8%	11%	9,5%
Совершение административного правонарушения	45%	57%	61%	31%

Приложение № 8.
Практика назначения правоограничений, применяемых при назначении наказания условно

Ограничение	не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного	являться в специализированный государственный орган	не посещать определенные места	пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания	трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации	иные обязанности, способствующие исправлению осужденного	всего
Количество	190	82	20	28	16	22	200
Процент	95%	41%	10%	14%	8%	11%	

Правоограничения, применяемые при ограничении свободы

Ограничение	не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток	не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования	не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования	не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях	не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы	являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации	всего
Количество	57	19	186	19	183	198	200
Процент	29%	9%	93%	9%	92%	99%	

Правоограничения, применяемые при административном надзоре

Ограничение, запрет	запрещение пребывания в определенных местах	запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях	запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток	запрещение выезда за установленные судом пределы территории	обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства, пребывания или фактического нахождения для регистрации	всего
Количество	34	18	174	200	200	200
Процент	17%	9%	87%	100%	100%	

Приложение № 9.
Соотношение оснований отсрочек или рассрочки отбывания наказания, предусмотренных в УК РФ, и оснований отсрочки исполнения приговора, предусмотренной в ст. 398 УПК РФ

Регламентация / параметры сопоставления	**УК РФ / УИК РФ**	**ст. 398 УПК РФ**
1	*2*	*3*
Отсрочка (освобождение) в связи с болезнью	ст. 81 УК РФ именуется «**освобождением от наказания**» с возможностью возврата к его исполнению в случае (после) выздоровления, выступает фактически разновидностью отсрочки, т.е. временным освобождением 1. Лицо, у которого после совершения преступления наступило **психическое расстройство**, лишающее его возможности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими; 2. Лицо, заболевшее после совершения преступления иной **тяжелой болезнью**, препятствующей отбыванию наказания	п. 1 ч. 1 ст. 398 УПК **болезнь** осужденного, препятствующая отбыванию наказания, - до его выздоровления без конкретизации вида заболевания и степени его тяжести
Возможность предоставления отсрочки в связи с **болезнью** осужденного в зависимости от вида наказания	Любое наказание (с учетом особенностей каждого отдельного основания освобождения), в том числе: – **штраф,** **– лишение права заниматься определенной деятельностью либо занимать определенные должности,** **– пожизненное лишение свободы**	Распространяется только на отдельные виды наказаний ч. 1 ст. 398 УПК РФ **– обязательные работы,** **– исправительные работы,** **– ограничение свободы,** **– принудительные работы,** **– арест,** **– лишение свободы**
Отсрочка беременным и родителям, имеющим малолетних детей	ст. 82 УК РФ Беременной женщине, женщине, имеющей **ребенка в возрасте до четырнадцати** лет, мужчине, имеющему **ребенка в возрасте до четырнадцати** лет и являющемуся единственным родителем – до достижения ребенком четырнадцатилетнего возраста	п. 2 ч. 1 ст. 398 УПК РФ беременность осужденной, наличие у нее **малолетнего** ребенка, наличие у осужденного, являющегося единственным **родителем, малолетнего ребенка** – до достижения ребенком возраста четырнадцати лет
Отсрочка в связи с исключительными обстоятельствами	нет аналога в УК РФ	п. 3 ч. 1 ст. 398 УПК РФ тяжкие последствия или угроза их возникновения для осужденного или его близких родственников, вызванные пожаром или иным стихийным бедствием, тяжелой болезнью или смертью единственного трудоспособного члена семьи, дру-

1	*2*	*3*
		гими исключительными обстоятельствами, – на срок, установленный судом, но не более 6 месяцев.
Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией	ст. 82^1 УК РФ Осужденному, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступления, предусмотренного частью первой статьи 228, частью первой статьи 231 и статьей 233 настоящего Кодекса, признанному больным наркоманией и изъявившему желание добровольно пройти курс лечения от наркомании, **а также медицинскую реабилитацию, социальную реабилитацию**, суд может отсрочить отбывание наказания в виде лишения свободы до **окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации**, но не более чем на пять лет	п. 4 ч. 1 ст. 398 УПК РФ добровольное желание осужденного, которому впервые назначено наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ, признанного больным наркоманией, пройти курс лечения от наркомании, а также **медико-социальную реабилитацию – до окончания курса лечения от наркомании и медико-социальной реабилитации**, но не более пяти лет.
Отсрочка/ рассрочка штрафа	ч. 3 ст. 46 УК РФ, ст. 31 УИК РФ Суд может назначить штраф с **рассрочкой** выплаты определенными ч на срок до пяти лет. Предусматривает только порядок исполнения штрафа с **рассрочкой.** В случае злостного уклонения (ч. 5 ст. 46 УК РФ) предусмотрен механизм отмены рассрочки.	ч. 2 ст. 398 УПК РФ Уплата штрафа может быть **отсрочена** или **рассрочена** на срок до пяти лет, если немедленная уплата его является для осужденного невозможной. Механизм отмены отсрочки (а также признания лица злостно уклоняющимся от исполнения наказания) не предусмотрен
Течение сроков давности обвинительного приговора суда в период отсрочки	В соответствии со ст. 83 УК РФ сроки давности обвинительного приговора суда при предоставлении **отсрочки отбывания наказания** приостанавливаются.	В ст. 83 УК РФ не содержится оснований для приостановки сроков давности при предоставлении **отсрочки исполнения приговора**
Возможность отмены	При нарушении условий предоставления отсрочки	Не предусмотрены самостоятельные основания и условия отмены

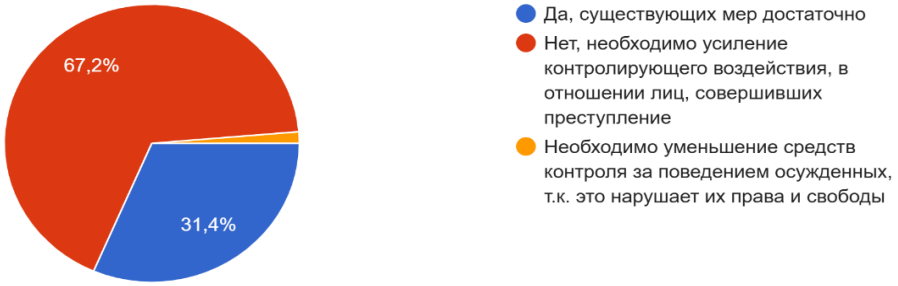
Приложение № 10.
Основные статистические показатели судимости и практики применения иных мер уголовно-правового характера с 2018 по 2024 гг.

Показатель / год	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**[1]
Всего осуждено	658291	598207	530998	565523	578 751	555 743	512 845
Имели неснятые и непогашенные судимости на момент судебного рассмотрения, в т.ч.:	210 253 (32%)	212 101 (35%)	198 962 (37%)	207 982 (37%)	222978 (38,5%)	216521 (39%)	186094 (36%)
Две судимости	53342	51647	48512	50045	49061	46852	38651
Три и более судимости	46320	46379	45714	51438	54283	57029	49008
Не отбыли наказание	109711	105962	97292	106315	111360	111161	98091
При рецидиве	119993	93315	88144	104382	8563	99828	82 963
Судимости сняты и погашены	63714	54169	46749	47648	46648	42634	40266
Освобождено от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям	198025	183913	180769	162501	150075	132160	118775
«Рецидив» освобожденных от уголовной ответственности (наказания) по нереабилитирующим основаниям	7155 3,8%	6002 3,2%	5260 2,9%	5233 3,2%	5317 3,5%	4519 3,4%	3938 3,3%
Условное осуждение	182095	169488	158074	170472	177662	146480	122981
Освобождение от наказания по иным основаниям	6 077	6 942	7 005	10 699	13 447	10 420	10 382
Наказания, **не** связанные с лишением свободы (в т.ч. принудительные работы)	279415	246764	216672	237208	244671	254100	241679
Лишение свободы (в т.ч. пожизненное)	190393	173037	147583	174203	182406	171054	153079
Лишение права занимать определенные должности (или заниматься определенной деятельностью)	53128	73068	72492	74399	73340	53304	60897
Принудительные меры воспитательного воздействия	2295	2320	1821	1526	1220	1006	1016
Амнистия	941	423	156	79	49	34	19
Административный надзор	134 405	127 883	123 317	114 072	117994	114 221	107 665
Количество преступлений лиц, находящихся на административном надзоре	24 549	25 485	25 942	27 090	28 901	28 311	23 379

[1] Статистические данные за 2024 г. необходимо интерпретировать с учетом социальных процессов, объективно влияющих на показатели отдельных видов преступности, в том числе существенное снижение количества осужденных.

Приложение № 11.
Результаты анкетирования

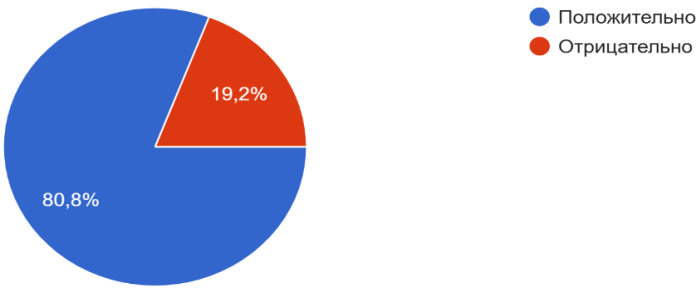
1. Считаете ли вы эффективной существующую на сегодняшний день систему контроля за поведением лиц, совершивших преступление и не отбывающих наказание, связанное с лишением свободы (в период отбытия наказания, не связанного с лишением свободы; условного осуждения; условно-досрочного освобождения и т.д.)

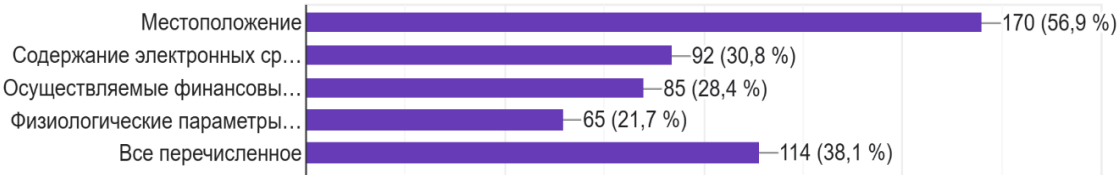
2. Как вы относитесь к инициативе объединения в рамках самостоятельной меры уголовно-правового воздействия социального контроля (надзора) за поведением всех категорий лиц, совершивших преступление и не подвергнутых лишению свободы (условное осуждение; наказание, не связанное с лишением свободы; условно-досрочное освобождение и т.д.)?

3. Как вы относитесь к инициативе расширения применения средств электронного контроля (надзора) за поведением осужденных, отбывающих наказание, не связанное с лишением свободы, условно осужденными, условно-досрочно освобожденными в период испытательного срока?

4. Сведения о каких параметрах поведения осужденного, на ваш взгляд, должны (могут по усмотрению суда) подлежать сбору, анализу и хранению в рамках использования электронных средств контроля?

5. Считаете ли вы приемлемым использование специализированного программного обеспечения (технологий ИИ, анализа больших данных и т.д.), для анализа поведения лица, совершившего преступление, при установлении в отношении него контроля (надзора) в рамках условного осуждения либо схожих мер уголовно-правового воздействия (УДО, отсрочка и т.д.)?

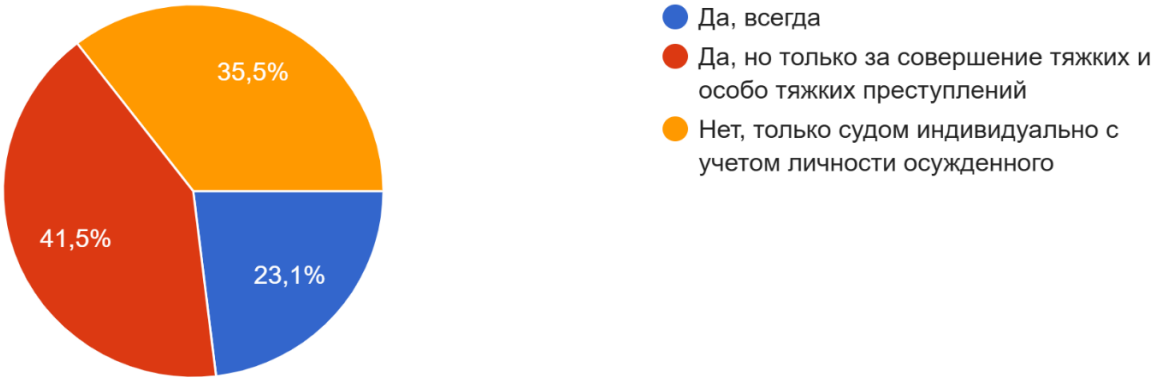
6. Считаете ли вы допустимым введение института поручительства в отношении лиц, освобожденных от наказания по тем либо иным основаниям, на период испытательного срока?

7. Считаете ли вы допустимым введение института залога в отношении лиц, освобожденных от наказания по тем либо иным основаниям, на период испытательного срока?

8. Считаете ли вы обоснованным установление в отраслевом законодательстве безусловного запрета на осуществление определенного вида деятельности (запрет работы в такси, запрет педагогической деятельности и т.д.) на основании исключительно факта осуждения лица за совершение преступления после отбытия им наказания и погашения судимости?

9. В течение какого периода после отбытия наказания, на ваш взгляд, допустимо установление ограничений на участие в определенных видах деятельности для лиц, совершивших преступление?

10. Считаете ли вы допустимой отмену в индивидуальном порядке запрета на осуществление определенного вида деятельности, установленного соответствующим федеральным законом (запрет работы в такси, запрет педагогической деятельности и т.д.)?

11. Каким образом, на ваш взгляд, эффективно устанавливать запреты на осуществление лицом, совершившим преступление, определенного вида деятельности?

12. Считаете ли вы необходимым закрепление «общеправовых последствий судимости» в отношении лиц, совершивших преступление, однако освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям?

13. Какие, на ваш взгляд, критерии могут быть использованы для определения допустимости устанавливаемого «общеправового последствия судимости» и его сроков?

Приложение № 12.
Результаты опроса лиц, осужденных за совершение преступления и находящихся на контроле уголовно-исполнительной инспекции

1. Какая мера уголовно-правового воздействия была Вам назначена?

а. Условное осуждение (ст. 73 УК РФ) **– 57%;**

б. Условно-досрочное освобождение (ст. 79 УК РФ) **– 25%;**

в. Ограничение свободы (ст. 53 УК РФ) **– 18%.**

2. Какие Вам назначались правоограничения?

а. Не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления – 99%;

б. Не покидать место жительства в определенное время суток 67%;

в. Не посещать определенные места – 17%;

г. Пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания – 7%;

д. Трудиться (трудоустроиться) – 5%;

е. Продолжить обучение в общеобразовательной организации – 5%;

ж. Являться в уголовно-исполнительную инспекцию (УИИ) – 97%;

з. Пройти психодиагностическое обследование и курс психокоррекционных программ по профилактике совершения новых преступлений – 4%.

3. Считаете ли Вы назначенные в отношении Вас ограничения справедливыми?

а. Да – 78% б. Нет – 22%

4. Способствовали ли, на Ваш взгляд, назначенные ограничения Вашему исправлению?

а. Да – 68% б. Нет – 32%

5. Какие из назначенных ограничений оказались для Вас полезными?

а. Не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления – 27%;

б. Не покидать место жительства в определенное время суток – 32%;

в. Не посещать определенные места – 4%;

г. Пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания – 5%;

д. Трудиться (трудоустроиться) – 27%;

е. Продолжить обучение в общеобразовательной организации – 19%;

ж. Пройти психодиагностическое обследование и курс психокоррекционных программ по профилактике совершения новых преступлений – 4%;

6. Какие из назначенных ограничений, на Ваш взгляд, являлись неэффективными и нецелесообразными?

а. Не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления – 3%;

б. Не посещать определенные места – 4%;

в. Пройти курс лечения от алкоголизма, наркомании, токсикомании или венерического заболевания –2%;

г. Трудиться (трудоустроиться) – 1%;

д. Продолжить обучение в общеобразовательной организации – 2%;

7. Хотели бы Вы в период испытательного срока пройти курс обучения в образовательной организации?

а. Да – 47%; б. Нет – 16%; в. Да, но не имею на это финансовой возможности – 37%.

8. Хотели бы Вы в период испытательного срока пройти психодиагностическое обследование и, в случае необходимости, курс психокоррекционных программ по профилактике совершения новых преступлений?

а. Да – 39%; б. Нет – 32%; в. Да, если это будет анонимно – 32%.

9. Если бы имелась возможность, согласились ли бы Вы заменить установленные в отношении Вас ограничения (например, явку в УИИ) применением электронных средств автоматической фиксации местоположения?

а. Да – 45%; б. Нет – 31%;

в. Да, но не имею такой возможности (удаленность УИИ, отсутствие средств связи и т.д.) – 24%.

10. Считаете ли Вы приемлемым сокращение испытательного срока в качестве меры поощрения за выполнение осужденным тех либо иных обязательств, а также за добровольное участие в воспитательных мероприятиях?

а. Да, возможность такого стимулирования должна быть закреплена в законе – 62%;

б. Нет, испытательный срок не должен зависеть от выполнения мер, обязательных к исполнению – 38%.

11. Считаете ли Вы приемлемым внесение залога на период испытательного срока в качестве меры обеспечения правомерного поведения?

а. Да – 59%; б. Нет – 41%.

12. Считаете ли Вы приемлемой передачу осужденного на поруки общественной организации, трудовому коллективу либо лицу, обладающему авторитетом в обществе, на период испытательного срока в качестве меры обеспечения правомерного поведения?

а. Да – 72%; б. Нет – 28%.

13. Произошли ли, на Ваш взгляд, позитивные изменения в вашей жизни благодаря реализации мероприятий (ограничений) условного осуждения, условно-досрочного освобождения, ограничения свободы?

а. Да (примененная мера позволила осознать ошибки и исправиться, изменить образ жизни) – 82%;

б. Нет (применение назначенных ограничений только дополнительно обременяло и позитивных изменений не произошло) – 18%.

Приложение № 13.
Обзор предлагаемых изменений уголовного законодательства и иных федеральных законов Российской Федерации (в форме законопроектов)

Законопроект № 1

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные нормативные правовые акты в части создания единой меры уголовно-правового воздействия – «контроль за поведением лиц, совершивших преступления»

Дополнить раздел VI Уголовного кодекса Российской Федерации главой 14^1 следующего содержания:

«***Глава 14^1 Контроль за поведением лиц, совершивших преступление***

Статья 96^1. Основания назначения контроля за поведением лиц, совершивших преступление

Суд при вынесении итогового решения по уголовному делу в случае, если установит необходимость осуществления контроля за поведением лица, совершившего преступление, может установить в качестве условия освобождения от уголовной ответственности либо освобождения от наказания следующую меру уголовно-правового воздействия – контроль за поведением лица, совершившего преступление, в следующих случаях:

– при осуждении лица за совершение преступления и применении условного осуждения (ст. 73 УК РФ);

– при назначении лицу в качестве основного наказания, не связанного с лишением свободы (штраф (ст. 46 УК РФ), обязательные работы (ст. 49 УК РФ), исправительные работы (ст. 50), ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ), ограничение свободы (ст. 53 УК РФ), принудительные работы (ст. 53^1 УК РФ));

– при применении условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ);

– при предоставлении отсрочки отбывания наказания (ст. 82 УК РФ);

– при предоставлении отсрочки отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82^1 УК РФ);

– при освобождении несовершеннолетнего от уголовной ответственности с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 90 УК РФ);

– при освобождении несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного воздействия (ст. 92 УК РФ);

– при освобождении лица от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время (ст. 78^1 УК РФ);

– при освобождении лица от наказания в связи с прохождением военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время (ст. 80^2 УК РФ).

Статья 96^2. Сроки и условия контроля за поведением лиц, совершивших преступление

1. Срок осуществлении контроля за поведением лица, совершившего преступление, определяется судом и составляет:

– от 1 года до 5 лет для лиц, совершивших преступление в возрасте старше 18 лет;

– от 6 месяцев до 3 лет для несовершеннолетних.

Контроль снимается в случае окончательного освобождения от уголовной ответственности или наказания, в случаях, предусмотренных ст. 78^1, 80^2, 90 УК РФ, а также отбытия либо завершения исполнения наказания, не связанного с лишением свободы.

2. Суд, исходя из характеристики осужденного, с учетом его возраста, трудоспособности, состояния здоровья и других обстоятельств, в целях исправления лица, совершившего преступление, и предупреждения совершения им в дальнейшем преступлений имеет право возложить на лицо, совершившее преступление, следующие ограничения:

1. Являться от одного до четырех раз в месяц, в орган, осуществляющий контроль за поведением лица, совершившего преступление, для регистрации;

2. Не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением лица, совершившего преступление;

3. Не посещать определенные места;

4. Пройти курс лечения неврологического или психического расстройства (алкоголизма, наркомании, токсикомании, игровой зависимости (лудомании) и др.), а также

реабилитации у врача психиатра (психотерапевта) либо курс лечения венерического или иного заболевания, представляющего угрозу окружающим;

5. Проходить регулярные проверки психологического состояния (тестирование, собеседование и др.), а также курсы (программы) психокоррекции поведения (при наличии рекомендаций психолога);

6. Трудиться (трудоустроиться) либо продолжить обучение в общеобразовательной организации;

7. Не выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором оно проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях;

8. Не посещать определенные мероприятия и/или не участвовать в них;

9. Не приближаться к определенным лицам (потерпевшему от преступления, членам его семьи, свидетелям по уголовному делу и т.д.) и не общаться с ними как лично, так и с помощью любых видов (средств) связи;

10. Не осуществлять деятельность, связанную с администрированием средств массовой информации либо приравненных к ним изданий (страниц в социальных сетях, телеграм-каналов и других ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»), а также с публичным распространением информации;

11. Не управлять автомобилем, иным транспортным средством либо источником повышенной опасности (если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств либо иных специальных правил управления механизмами).

В исключительных случаях суд может возложить на лицо, совершившее преступление, исполнение и других обязанностей, способствующих его исправлению.

3. В случае необходимости, с согласия лица, в отношении которого устанавливается контроль, суд может принять решение о назначении на период установленного контроля имущественного залога, размер которого не должен превышать размер наказания в виде штрафа, установленного санкцией статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за совершенное лицом преступление. В случае отсутствия штрафа в санкции статьи его размер не может быть более 500 тысяч рублей.

4. В случае нарушения условий контроля и отмены решения о применении условного осуждения, об освобождении от наказания, предоставлении отсрочки, освобождении от уголовной ответственности залог не возвращается.

5. В целях оказания воспитательного воздействия в отношении лица, совершившего преступление, контроль за его поведением может быть полностью либо частично передан представителю организации или частному лицу, выступающим в роли поручителя.

Поручитель ежеквартально предоставляет отчет о поведении лица, находящегося под контролем.

В случае нарушения условий контроля поручитель может быть отстранен по представлению органа, уполномоченного осуществлять контроль за лицами, совершившими преступление, а срок контроля продлен.

6. Органам, осуществляющим контроль за поведением лиц, совершивших преступление, предоставляется право использовать аудиовизуальные, электронные и иные технические средства контроля в целях обеспечения соблюдения установленных ограничений, получения необходимой информации о его поведении и предупреждения совершения им новых преступлений.

Статья 96^3. Отмена контроля за поведением лица, совершившего преступление

1. Если до истечения срока контроля лицо, в отношении которого установлен контроль, своим поведением доказало свое исправление, возместило вред (полностью или частично), причиненный преступлением, в размере, определенном решением суда, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением лица, совершившего преступление, может постановить об отмене установленного контроля либо о снятии отдельных ограничений.

2. Если лицо, в отношении которого установлен контроль, уклоняется от исполнения возложенных на него судом обязанностей, уклонялось от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, в размере, определенном решением суда, или было неоднократно (2 и более раза в течение года) привлечено к административной ответственности, суд по представлению органа, указанного в ч. 1 настоящей статьи, может продлить срок контроля, но не более чем на один год для совершеннолетних и не более чем на 6 месяцев для несовершеннолетних.

3. Если лицо, в отношении которого установлен контроль, в течение продленного срока контроля в связи с его уклонением от возмещения вреда, причиненного преступлени-

ем, в размере, определенном решением суда, систематически уклоняется от возмещения указанного вреда, суд по представлению органа, осуществляющего контроль, также может вынести решение об отмене ранее принятого решения об освобождении от наказания и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

4. Если лицо, в отношении которого установлен контроль, в течение испытательного срока систематически нарушало общественный порядок, за что привлекалось к административной ответственности, систематически не исполняло возложенные на него судом обязанности либо скрылось от контроля, суд по представлению органа, осуществляющего контроль, может вынести решение об отмене ранее принятого решения об освобождении от уголовной ответственности либо освобождении от наказания и исполнении наказания, назначенного приговором суда.

5. В случае совершения лицом, в отношении которого установлен контроль, в период контроля нового преступления вопрос об отмене, сохранении, изменении ранее принятого решения об установлении контроля решается судом исходя из характера вновь совершенного преступления.

6. Правила, установленные частью четвертой настоящей статьи, применяются также, если преступления совершены до вступления в законную силу приговора, по которому устанавливался контроль, а также решения об освобождении от уголовной ответственности либо освобождении от наказания. В этом случае вопрос о назначении контроля решается судом в рамках вновь вынесенного приговора.

7. Прекращение контроля не предусматривает снятие обязательств имущественного характера в виде конфискации имущества и возмещения вреда, причиненного преступлением.

Президент Российской Федерации В. Путин

Пояснительная записка

Существующие на сегодняшний день меры контроля за поведением лиц, совершивших преступление, не позволяют в достаточной мере обеспечивать безопасность общества от потенциально-преступного поведения лиц, уже продемонстрировавших свое противоправное и общественно опасное поведение. Тенденции в судебной практике, определяемые Верховным Судом Российской Федерации, направленные на минимизацию применения наказания (особенно связанного с лишением свободы), позволяют сократить нагрузку на судебную систему и отчасти минимизировать негативные социальные последствия уголовного наказания. Однако применение различных уголовно-правовых средств, предполагающих освобождение от уголовной ответственности, заменяющих наказание либо освобождающих от него (условное осуждение, условно-досрочное освобождение и т.д.), исключая элемент изоляции лиц от общества, не всегда позволяют достигать реальных целей предупреждения преступности. В частности, правоохранительные органы не имеют возможности в достаточном объеме получать информацию, подтверждающую правомерность поведении лица, совершившего преступление, осуществлять превентивное воспитательное воздействие на него.

Зарубежный опыт унифицированных форм контроля показывает свою эффективность. Например, УК Республики Беларусь предусматривает возможность осуществления превентивного надзора (ст. 80) в рамках отсрочки исполнения приговора (аналог условного осуждения), а также постпенитенциарного профилактического наблюдения за осужденным (ст. 81) как самостоятельных мер уголовно-правового воздействия. При этом данные меры правового принуждения регламентируются в рамках уголовного кодекса и, соответственно, имеют статус уголовно-правовых, в отличие от отечественного подхода с разделением на ограничение свободы как вид наказания, контроль в рамках условного осуждения и условно-досрочное освобождение как разновидности освобождения от наказания и последующий административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, как отдельную меру правового принуждения.

В целях систематизации средств уголовно-правового воздействия, альтернативных лишению свободы, а также унификации существующих мер уголовно-правового воздействия, связанных с осуществлением контроля за поведением лиц, совершивших преступление, и совершенствования организационных основ исполнения данной группы мер необходимо:

1. Закрепить в УК РФ самостоятельную меру уголовно-правового воздействия «контроль за поведением лиц, совершивших преступление».

2. Определить основания и условия, при которых суд может установить контроль за поведением лиц, совершивших преступление.

3. Регламентировать в рамках УК РФ содержание, сроки осуществления контроля за поведением лиц, совершивших преступление, и основания отмены либо прекращения данной меры уголовно-правового воздействия.

4. Предусмотреть возможность использования специализированных средств автоматической фиксации местоположения подконтрольного лица, а также иных параметров поведения лица, требующих наблюдения.

Законопроект № 2.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в статью 78^1 и статью 80^2 Уголовного кодекса Российской Федерации в части установления оснований и порядка отмены освобождения от уголовной ответственности и освобождения от наказания военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции»

1. Дополнить статью 78^2 Уголовного кодекса Российской Федерации ч. 3, 4 следующего содержания:

«3. Если в период прохождения военной службы лицо, в отношении которого предварительное расследование приостановлено в соответствии с частью 1 настоящей статьи и пунктом 3^1 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, совершило:

а) преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене приостановления предварительного расследования и дальнейшем освобождении от уголовной ответственности за ранее совершенное преступление решается судом;

б) тяжкое или особо тяжкое преступление, суд отменяет решение о приостановлении предварительного расследования, лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, и ему назначается наказание по правилам, предусмотренным статьей 69 настоящего Кодекса.

4. Действие настоящей статьи не распространяется на случаи совершения лицом преступлений, по которым не принималось решение о приостановлении предварительного расследования в соответствии с частью 1 настоящей статьи и пунктом 3^1 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.»

2. Внести изменения в часть 3 статьи 80^2 Уголовного кодекса Российской Федерации и изложить её в следующей редакции:

«3. Если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи:

а) совершило преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условного освобождения решается судом;

б) совершило тяжкое или особо тяжкое преступление, суд отменяет условное освобождение и назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса.»

Президент Российской Федерации В. Путин

Пояснительная записка

В связи с принятием Федерального закона от 23 марта 2024 года № 64-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» в части регламентации оснований освобождения от уголовной ответственности и оснований освобождения от наказания лиц, принимающих участие в проведении специальной военной операции, представляется необходимым дополнение данных норм механизмом отмены процедуры освобождения военнослужащего от уголовной ответственности либо освобождения от наказания в случае уклонения его от прохождения воинской обязанности либо совершения нового преступления.

Включенные в УК РФ нормы об освобождении от уголовной ответственности (ст. 78^1 УК РФ) и освобождении от наказания (ст. 80^2 УК РФ) предусматривают последовательное приостановление расследования уголовного дела (уголовного преследования) либо условного освобождения от исполнения наказания до момента возникновения (наступления) оснований «окончательного» освобождения (п. «а», «б» ч. 2 ст. 78^1, п. «а», «б» ч. 2 ст. 80^2 УК РФ).

Применение средств освобождения от уголовной ответственности либо наказания, предполагающих не одномоментное и окончательное, а условное (предварительное) освобождение, реализующееся в течение определенного временного промежутка, должно содержать механизм правовой реакции на изменение поведения лица и невыполнение им условий предоставленного поощрения за социально полезное поведение.

Предусмотренное в ч. 3 ст. 80^2 УК РФ правило гласит: *«Если в период прохождения военной службы лицо, освобожденное от наказания условно в соответствии с частью первой настоящей статьи, совершило новое преступление, суд назначает ему наказание по правилам, предусмотренным статьей 70 настоящего Кодекса»*.

Представляется, что данное правило не содержит дифференциации в зависимости от характера и степени общественной опасности вновь совершенного преступления.

Так, аналогичные предписания ст. 79 УК РФ (условно-досрочное освобождение от наказания) предполагают возможность дифференцированно подходить к решению вопроса отмены ранее примененного освобождения. В частности, ч. 7. ст. 79 УК РФ предписывает, что безусловная отмена происходит только в случае, если в течение оставшейся не отбытой части наказания осужденный совершил тяжкое или особо тяжкое преступление (п. «б» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Если же осужденный совершил преступление по неосторожности либо умышленное преступление небольшой или средней тяжести, вопрос об отмене либо о сохранении условно-досрочного освобождения решается судом (п. «в» ч. 7 ст. 79 УК РФ). Отсутствие дифференцированного подхода к основаниям отмены условного освобождения от наказания, предусмотренного ст. 80^2 УК РФ, может повлечь за собой необоснованную отмену ранее принятого решения об условном освобождении даже в случае совершения военнослужащим неосторожного преступления либо преступления небольшой или средней тяжести.

В таком случае, с одной стороны, военнослужащий в принудительном порядке будет отстранен от дальнейшего прохождения службы (что может иметь негативный эффект для выполнения служебных задач), а с другой – вопрос о невозможности дальнейшего освобождения лица от наказания решается также в обязательном порядке, что не позволяет учесть его социально полезное поведение в период прохождения службы.

Отсутствие возможности судебного усмотрения в обоих случаях (целесообразности приостановления прохождения службы и освобождения от наказания за ранее совершенное преступление) представляется необоснованным.

Во-первых, существующие предписания ст. 80^2 УК РФ не содержат конкретизации, от какого именно наказания лицо будет освобождено (это может быть как штраф, так и пожизненное лишение свободы), соответственно, не содержится дифференцированного подхода к вопросам отмены ранее принятого решения об освобождении от наказания, исходя из характера и степени опасности ранее совершенного преступления (напрямую отражающегося в виде и размере назначенного наказания).

Во-вторых, предусмотренное недифференцированное основание отмены не позволяет учитывать характер и степень общественной опасности вновь совершенного пре-

ступления и реальную потребность в отмене ранее назначенного «предварительного» освобождения от наказания.

1. В целях формирования дифференцированного механизма освобождения от наказания лиц, принимающих участие в осуществлении специальной военной операции, необходимо внести изменения в ч. 3 ст. 80^2 УК РФ.

2. В целях реализации принципа равенства, а также достижения целей уголовно-правового регулирования в части предупреждения совершения преступлений представляется, что факт совершения лицом нового преступления должен выступать в роли препятствия для дальнейшего (повторного) освобождения от уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 78 УК РФ. При этом необходимо соблюдение дифференцированного подхода, обозначенного ранее для применения ст. 80^2 УК РФ. Учитывая изложенное, необходимо внести изменения в статью 78^1 УК РФ.

Законопроект № 3.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в части изменения сроков погашения судимости для лиц, освобожденных от наказания, связанного с лишением свободы»

1. Внести изменения в часть 2 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующем виде:

«2. Лицо, освобожденное от наказания, не связанного с лишением свободы, считается несудимым.».

2. Внести изменения в часть 3^1 статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции:

«3^1. В отношении лица, имеющего судимость, кроме судимости за совершение преступлений, исключение в отношении которых предусмотрено частью первой статьи 78^1 настоящего Кодекса, призванного на военную службу в период мобилизации или в военное время в Вооруженные Силы Российской Федерации либо заключившего в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах Российской Федерации, срок погашения судимости исчисляется:

а) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

б) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом "а", "в" или "о" пункта 1 статьи 51 Федерального закона от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ "О воинской обязанности и военной службе".».

3. Дополнить статью 86 Уголовного кодекса Российской Федерации частью 4^1 и изложить ее в следующем виде:

«4^1. В отношении лица, освобожденного от наказания в виде лишения свободы на определённый срок, содержания в дисциплинарной воинской части либо пожизненного лишения свободы, срок погашения судимости исчисляется с момента фактического освобождения от наказания с учетом категории преступления и правил, предусмотренных ч. 3 и 3^1 статьи 86 УК РФ.».

Президент Российской Федерации В. Путин

Пояснительная записка

Действующая редакция части 2 статьи 86 УК РФ предписывает, что «лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым». Несмотря на внесение изменений в нормы об освобождении от наказания, а также введение новых оснований освобождения от наказания, указанная норма (ч. 2 ст. 86 УК РФ) не претерпевала изменений с момента принятия УК РФ в 1996 г. Учитывая изменения, произошедшие в УК РФ, а также иных нормативных правовых актах, для которых уголовно-правовой статус «судимость» имеет принципиальное значение, возникает ситуация необоснованного преждевременного погашения судимости в отношении лиц, совершивших тяжкие или особо тяжкие преступления, отбывавших наказание в виде лишения свободы и продолжающих представлять опасность для общества.

Так, положения ст. 80^2 УК РФ предусматривают возможность освобождения лица от наказания даже в случае совершения им тяжкого либо особо тяжкого преступления, за которое лицо отбывало наказание в виде реального лишения свободы. Погашение судимости в отношении данных лиц происходит в соответствии с ч. 3^1 ст. 86 УК РФ с *момента освобождения от наказания*.

В свою очередь Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» не предполагает возможности осуществления наблюдения за лицами, судимость которых снята либо погашена. В связи с этим возникает ситуация, когда лица, освобожденные от наказания в связи с участием в СВО, после прекращения службы пребывают в «неподконтрольном» состоянии, несмотря на фактическое сохранение опасности для окружающих.

В правоприменительной практике неоднократно возникают ситуации совершения насильственных преступлений лицами, ранее осужденными за совершение тяжких или особо тяжких преступлений, отбывавшими наказание в виде реального лишения свободы и освобожденными от наказания в связи с участием в СВО.

Учитывая социально полезное поведение указанной категории лиц, несомненно, их поощрение носит обоснованный и необходимый характер. Однако лица, совершившие особо тяжкие преступления, осужденные к наказанию, связанному с реальным лишением свободы, объективно могут представлять опасность для окружающих даже в случае их участия в СВО и прохождения службы в рядах Вооруженных Сил РФ.

Соответствующая возможность надзора за указанной категорией лиц со стороны органов внутренних дел должна сохраняться и распространяться именно на лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления и отбывавших наказание, связанное с реальным лишением свободы.

Для реализации административного надзора в отношении лиц, совершивших тяжкое либо особо тяжкое преступление, осужденных к наказанию в виде лишения свободы и представляющих объективную опасность для окружающих, необходимо сохранение за ними правового статуса «судимость» даже после освобождения от наказания. Соответственно, применение тех либо иных оснований освобождения от наказания не должно в автоматическом порядке влечь погашение судимости (ч. 2 ст. 86 УК РФ), а *исчисление срока погашения судимости для данной категории осужденных должно происходить с момента фактического освобождения лица от наказания*.

Данный подход может быть реализован путем внесения изменений в действующую редакцию ст. 86 УК РФ.

Законопроект № 4.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части расширения полномочий Президента Российской Федерации при принятии решения о помиловании»

Дополнить статью 85 Уголовного кодекса Российской Федерации частью 3 следующего содержания:

«3. Актом помилования лицу, совершившему преступление, могут быть полностью либо частично отменены общеправовые ограничения, устанавливаемые федеральными законами в отношении лиц, совершивших преступления.».

Президент Российской Федерации В. Путин

Пояснительная записка

Действующее уголовное законодательство предусматривает различные механизмы поощрения (стимулирования) правомерного постпреступного поведения (освобождение от уголовной ответственности, освобождение от наказания, погашение либо снятие судимости и т.д.). В то же время не закреплено возможности освобождения лица, совершившего преступление, от общеправовых последствий, возникающих в результате совершения лицом преступления.

Порядка 40 федеральных законов Российской Федерации устанавливают запреты на осуществление лицом, совершившим преступление, той либо иной деятельности без возможности отменить данные ограничения. К таковым относятся запреты на прохождение службы в органах государственной власти (государственной гражданской службы, правоохранительных органах), реализацию пассивного избирательного права, усыновление, осуществление педагогической деятельности, работу в такси либо водителем пассажирского автобуса и другие запреты. Данные ограничения распространяются как на осужденных, лиц, имеющих либо имевших судимость, так и на лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям. Существование данных ограничений обосновывается необходимостью обеспечения безопасности в той либо иной сфере правоотношений и неприемлемостью допуска к определенным соци-

ально значимым видам деятельности лиц, совершивших преступление и тем самым проявивших свою антиобщественную направленность и общественную опасность.

Лица, подтвердившие свое исправление социально полезным поведением, должны соответствующим образом поощряться, в том числе в рамках снятия (отмены) ограничений, установленных в отраслевых федеральных законах.

Учитывая отсутствие какого-либо правового механизма отмены либо индивидуализации применения данных мер в рамках отраслевого законодательства, целесообразно закрепление именно в уголовном законодательстве исключительных полномочий Президента Российской Федерации при решении вопроса о допуске лиц, ранее совершивших преступление, к тем либо иным видам общественно значимой деятельности.

Несмотря на то, что рассматриваемые ограничения не принято относить к формам реализации уголовной ответственности, необходимо указать их прямую обусловленность именно фактом совершения лицом преступления и предназначенностью именно для защиты общественных отношений и предупреждения преступлений. Кроме того, отсутствие правового механизма отмены указанных ограничений негативно сказывается на профилактировании преступной деятельности. Так, именно невозможность реализовать свои трудовые (и иные конституционные) права порождает эффект стигматизации и косвенно приводит к повторению преступного опыта.

Принимаемые в настоящее время федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, направленные на ресоциализацию и социальную адаптацию лиц, принимающих участие в специальной военной операции, позволяют сбалансировать государственную политику в отношении лиц, демонстрирующих социально значимое поведение. Однако и они не предусматривают возможности дальнейшего участия данных лиц в различных видах деятельности (например, прохождение государственной службы либо занятие выборных должностей в органах государственной власти и органах местного самоуправления и т.д.).

В качестве одного из направлений такой деятельности может выступать работа в качестве учителей или воспитателей в школах и других образовательных учреждениях, поступление на государственную либо муниципальную службу и др.

Так, в рамках своих выступлений Президент РФ В.В. Путин неоднократно отмечал, что «бойцы СВО будут очень востребованы в процессе воспитания молодого поко-

ления, наших школьников, вообще молодых людей»[1]. Кроме того, он указал на то, что «именно из тех людей, которые пошли в зону боевых действий, необходимо в будущем формировать элиту страны»[2], а также что «сложности для участников специальной военной операции нужно свести к нулю»[3]. Однако даже участие в СВО и освобождение лица от уголовной ответственности (ст. 78^1 УК РФ) либо от наказания (ст. 80^2 УК РФ) не позволит в дальнейшем данным лицам принимать активное участие в отдельных социально значимых направлениях жизнедеятельности.

Аналогичным образом неоднозначное правовое положение возникает у лиц, осужденных за совершение преступления за рубежом. Даже в случае принятия политического решения об их экстрадиции в Российскую Федерацию данные лица также оказываются «заложниками» возникшего у них правового статуса «осужденный» (имеющий судимость) либо «ранее судимый». При этом даже в случае принятия в отношении них решения о помиловании оно юридически не отменяет указанного статуса применительно к общеправовым ограничениям, закрепленным в отраслевых нормативных правовых актах (ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации», Трудовой кодекс РФ, Семейный кодекс РФ и т.д.). Учитывая, что данные лица зачастую осуждались по политическим мотивам и (или) действовали в интересах Российской Федерации, целесообразно рассмотреть возможность отмены рассматриваемых общеправовых ограничений для данной категории лиц в индивидуальном порядке. Уголовное же законодательство, регламентируя применение оснований освобождения от наказания, а также вопросы помилования, не распространяет свое действие на вышеуказанные нормативные правовые акты.

Исходя из принципов гуманизма, дифференциации и индивидуализации ответственности при осуществлении правосудия и применении мер принуждения требуется персональный учет особенностей каждого совершенного преступления и индивидуальных характеристик лица, к ним причастного. Сформировавшаяся в рамках отраслевых нормативных правовых актов (за рамками УК РФ) система общеправовых ограничений не содержит правовых средств их индивидуализации, изменения, продления либо со-

---

[1] *Владимир* Путин в прямом эфире подвёл итоги года и ответил на вопросы журналистов и жителей страны. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/72994 (дата обращения: 14.09.2024).

[2] *Владимир* Путин посетил Санкт-Петербургский государственный морской технический университет, где встретился со студентами – участниками специальной военной операции. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/comminity_meetings/73328 (дата обращения: 14.09.2024).

[3] *Сложности* для участников спецоперации нужно свести к нулю, заявил Путин. URL: https://ria.ru/20240126/putin-1923780838.html (дата обращения: 14.09.2024).

кращения, а также отмены. Предусмотренные ограничения могут существенно ухудшать положение лица, совершившего преступление, и носят безальтернативный и неотменяемый характер. Регламентирующие правовое положение таких лиц нормативные акты не содержат возможности их отмены в индивидуальном порядке (исключение составляет только ст. 331 ТК РФ). Отсутствие законодательных средств, допускающих отмену данных правоограничений, не позволяет лицу оспорить, обратиться с просьбой об изменении либо исключении подобного правоограничения, затрагивающего напрямую его конституционные права. Учитывая значимость данных ограничений для лиц, не имеющих достаточных возможностей в выборе сферы деятельности, а также возможное негативное влияние на жизнь их семьи, детей, лиц, находящихся у них на иждивении, предлагается закрепить в законодательстве возможность персональной отмены указанных ограничений.

В связи с большим количеством отраслевых федеральных законов, предусматривающих общеправовые ограничения, регламентация возможности их отмены для лиц, совершивших преступления, в рамках каждого из данных актов может лишь усложнить межотраслевые связи и правоприменительную практику.

В целях формирования законодательства, позволяющего обеспечить баланс и защиту конституционных прав граждан, предлагаем внести изменения в действующую редакцию Уголовного кодекса Российской Федерации и закрепить возможность освобождения от общеправовых последствий преступления при реализации процедуры помилования Президентом Российской Федерации.

Для реализации данной инициативы целесообразно внести изменения в статью 85 УК РФ (Помилование).

Законопроект № 5.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части установления правовых оснований для применения общеправовых ограничений, применяемых в качестве последствий совершения преступления»

Дополнить главу 13 Уголовного кодекса Российской Федерации статьей 86^1 следующего содержания:

«Статья 86^1. Общеправовые последствия совершения преступления

1. Общеправовыми последствиями совершения преступления признаются правовые ограничения, применяемые к лицу, совершившему преступление, устанавливаемые федеральными законами и связанные с лишением данного лица права участвовать в отдельных видах деятельности в связи с потенциальными рисками такого участия.

2. Лицо, совершившее преступление, может подлежать общеправовым ограничениям как в случае провозглашения в отношении него обвинительного приговора суда, так и в случае принятия иного итогового решения, констатирующего факт совершения им преступления.

3. Освобождение лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям за совершение преступления небольшой тяжести не может влечь за собой общеправовых ограничений.

4. В зависимости от категории преступления общеправовые ограничения прекращаются:

а) по истечении 3 лет с момента погашения или снятия судимости за совершение преступления небольшой тяжести;

б) по истечении 5 лет с момента погашения или снятия судимости либо освобождения от уголовной ответственности за совершение преступления средней тяжести;

в) по истечении 10 лет с момента погашения или снятия судимости либо освобождения от уголовной ответственности за совершение тяжкого преступления;

г) по истечении 15 лет с момента погашения или снятия судимости либо освобождения от уголовной ответственности за совершение особо тяжкого преступления.

5. В исключительных случаях общеправовые последствия совершения преступления могут устанавливаться бессрочно за совершение насильственных преступлений,

преступлений террористического характера либо преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, перечень которых устанавливается законодателем.

6. Общеправовые ограничения, устанавливаемые федеральными законами в отношении лиц, совершивших преступления, могут быть полностью либо частично отменены Президентом Российской Федерации при издании акта о помиловании.»

Президент Российской Федерации В. Путин

Пояснительная записка

Отечественное уголовное законодательство, базирующееся на принципе законности, предполагает исключительную компетенцию Уголовного кодекса Российской Федерации в части определения преступности, наказуемости и иных уголовно-правовых последствий (ч. 1 ст. 2 УК РФ). В то же время устанавливаемые федеральным законодательством правоограничения в отношении лиц, совершивших преступления, включают в себя не только сугубо уголовно-правовые (наказание, судимость, иные меры уголовно-правового характера), но и общеправовые последствия совершения преступления (запрет заниматься определенными видами деятельности, ограничение на прохождение государственной службы, запрет на использование пассивного избирательного права и т.д.) или «общеправовые последствия судимости». Исходя из их содержания, они могут возникать не только в результате судимости лица (т.е. официального осуждения в рамках вынесения обвинительного приговора), но и в случаях принятия иных процессуальных решений, например, освобождения от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям[1].

Как отмечает Конституционный Суд РФ в одном из своих определений, устанавливая подобного рода запреты, «законодатель имеет разумные основания исходить из присутствия рисков для охраняемых Конституцией Российской Федерации и законами ценностей в случае, если это лицо не будет ограничено в продолжении деятельности. Поэтому принятие законодателем мер, призванных минимизировать соответствующие риски, не вступает в противоречие с принципом правового государства и с конституционными правами»[2].

---

[1] *Нечепуренко А.А.* Пределы правоограничений, устанавливаемых для лиц, совершивших преступления // Российский девиантологический журнал. 2021. № 1. С. 314-321.

[2] *По делу* о проверке конституционности абз. 2 п. 3 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.Г. Шалавина : постанов-

Неопределенность правовой природы указанных правоограничений порождает хаотичность в их регулировании, что не позволяет говорить о достижении целей безопасности охраняемых правоотношений. В связи с особенностями правового регулирования правоотношений в той либо иной сфере в каждом нормативном правовом акте содержание таких запретов, субъекты, к которым они применяются, сроки и другие юридически значимые компоненты обладают своей спецификой.

Несмотря на то, что рассматриваемые ограничения не принято относить к формам реализации уголовной ответственности, необходимо указать на их прямую обусловленность именно фактом совершения лицом преступления и предназначенностью именно для защиты общественных отношений и предупреждения преступлений. В связи с этим корректным было бы использование термина не «общеправовые», а именно «вторичные уголовно-правовые последствия» совершения лицом преступления («вторичные последствия судимости»). Данный контекст позволяет указать на их уголовно-правовую обусловленность не только фактом совершения лицом преступления, но и характером принятого в отношении него итогового решения (вынесение обвинительного приговора с возникновением судимости либо освобождение от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям и т.д.).

Множество нормативных актов содержат различного рода правоограничения и запреты для таких категорий лиц, однако единого исчерпывающего перечня правоограничений до настоящего момента не существует, также как и нет единства относительно формулировок, какие именно лица должны подвергаться ограничениям, в течение каких сроков, и существует ли возможность отмены установленного запрета. Необходимо констатировать, что исчерпывающий перечень запретов и ограничений, связанных с фактом совершения лицом преступления, составить не представляется возможным в связи с большим количеством нормативных актов, в которых такие запреты могут формулироваться, и особенностями регулируемых в них правоотношений. В то же время систематизация и выработка корректных критериев определения оснований и содержания данных мер социального контроля являются необходимым условием эффективности формируемых правоотношений.

ление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2022 г. / Сайт Конституционного Суда Российской Федерации. URL: http://www.ksrf.ru/ru/Pages/default.aspx (дата обращения: 16.11.2022).

Несбалансированность подобного рода ограничений приводит к тому, что, с одной стороны, лица, не представляющие принципиальной угрозы по своему поведению, не могут реализовать свое конституционное право на доступ к труду, а с другой стороны, за лицами, действительно представляющими опасность, исходя из их предшествующей преступной деятельности, не осуществляется должного контроля, и они не претерпевают ограничений в допуске к некоторым видам деятельности.

В связи с большим количеством отраслевых федеральных законов, предусматривающих общеправовые ограничения, регламентация возможности их отмены для лиц, совершивших преступления, в рамках каждого из данных актов может лишь усложнить межотраслевые связи и правоприменительную практику.

В целях формирования законодательства, позволяющего обеспечить баланс и защиту конституционных прав граждан, предлагаем внести изменения в действующую редакцию Уголовного кодекса Российской Федерации и закрепить общее понятие общеправовых последствий преступления, критерии, условия и допустимые сроки их применения, а также основания отмены.

Законопроект № 6.

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

«О внесении изменений в федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в части установления ограничений на допуск к прохождению службы в органах внутренних дел Российской Федерации лицам, освобожденным от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям»

1. Внести изменения в пункт 3 части 1 статьи 14 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и изложить его в следующей редакции:

«3) ***освобождение его от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям,*** *за исключением случаев, если на момент рассмотрения вопроса о возможности нахождения сотрудника органов внутренних дел на службе преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом.».*

2. Внести изменения в пункт 7 части 3 статьи 82 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и изложить его в следующей редакции:

«7) *в связи с осуждением сотрудника за преступление;* ***в связи с освобождением лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям****, за исключением случаев, если на момент расторжения контракта и увольнения со службы в органах внутренних дел преступность деяния, ранее им совершенного, устранена уголовным законом;».*

Президент Российской Федерации В. Путин

Пояснительная записка

В связи с внесением Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64 ФЗ, в УК РФ и УПК РФ изменений в части регламентации оснований освобождения от уголовной ответственности и оснований освобождения от наказания лиц, принимающих участие в прове-

дении специальной военной операции, актуализировалась проблема реализации общеправовых ограничений, возникающих в связи с совершением лицом преступления.

Законодательство, регламентирующее прохождение службы в органах государственной власти, не в полной мере учитывает особенности правового статуса лиц, освобожденных от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, и не всегда позволяет ограничивать допуск лиц, совершивших преступление, к общественно значимой государственной службе, в том числе в правоохранительных органах.

В частности, п. 3 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ указывает, что *сотрудник органов внутренних дел не может находиться на службе в органах внутренних дел в случаях прекращения в отношении его уголовного преследования за истечением срока давности, в связи с примирением сторон (кроме уголовных дел частного обвинения), вследствие акта об амнистии, в связи с деятельным раскаянием*. Данный перечень не содержит указания на невозможность прохождения службы лицами, освобожденными от уголовной ответственности на основании ст. 78^1 УК РФ (Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время). Аналогичный перечень нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности содержится и в п. 7 ч. 3 ст. 82 ФЗ «О службе в органах принудительного исполнения…» (Основания прекращения или расторжения контракта).

Учитывая, что данная норма (ст. 78^1 УК РФ) позволяет освобождать от уголовной ответственности лиц, совершивших преступления, в том числе тяжкие либо особо тяжкие, возникает ситуация, когда лица, уже продемонстрировавшие свое общественно опасное поведение, получат возможность проходить службу в правоохранительном органе, в задачи которого входят непосредственно противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности.

Ранее данная проблема освещалась в отношении отдельных нереабилитирующих оснований освобождения от уголовной ответственности ст. 76^1, 76^2, 78^1 УК РФ, которые также не были включены в качестве оснований, препятствующих прохождению службы в ОВД РФ. Учитывая, что перечисленные нормы хотя и имеют отдельные различия в условиях их применения, но в равной мере свидетельствуют о совершении лицом пре-

ступного деяния, требуется учет данного факта при решении вопросов о допуске лица к прохождению государственной службы в правоохранительных органах.

Так, существует практика, когда сотрудники, совершившие преступление и освобожденные от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям, предусмотренным ст. 76^2 УК РФ, либо продолжают проходить службу в ОВД РФ, либо увольняются на основании иных норм ФЗ «О службе в ОВД», например, в связи с совершением проступка, порочащего честь сотрудника органов внутренних дел (п. 9 ч. 3 ст. 82). Однако прямой законодательный запрет на прохождение службы данной категории лиц, совершивших преступление, в ФЗ «О службе в органах внутренних дел РФ» не предусматривается.

В целях обеспечения безопасности интересов государственной службы РФ и правоотношений, связанных с повышенными требованиями к лицам, проходящим службу в правоохранительных органах, представляется необходимым устранить возникшее противоречие.

Решение данной проблемы может быть осуществлено путем замены выборочного перечня оснований освобождения от уголовной ответственности в п. 3 ч. 1 ст. 14, и п. 7 ч. 3 ст. 82 ФЗ «О службе в органах внутренних дел…» обобщенной формулировкой «в связи с *освобождением лица от уголовной ответственности по нереабилитирующим основаниям*».

Данный подход позволит унифицировать основания ограничения и устранит возможные противоречия в случае включения в УК РФ в будущем каких-либо новых оснований освобождения от уголовной ответственности.

ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Принятие законопроекта не повлечет финансовых и иных последствий, а также не повлияет на достижение целей государственных программ Российской Федерации.

Реализация законопроекта не повлечет увеличения нагрузки на сотрудников органов государственной власти, не потребует увеличения штатной численности сотрудников органов государственной власти.

Реализация законопроекта не потребует дополнительного финансирования за счет средств федерального бюджета.